

СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

Никита ПЕТРОВ

ВРЕМЯ
АНДРОПОВА

АФК «СИСТЕМА»
совместно
с Российским государственным архивом
социально-политической истории
представляют

СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА
АФК «Система»

Никита ПЕТРОВ

ВРЕМЯ АНДРОПОВА

СИСТЕМА

РОССПЭН

Москва
2023

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
П30

Научный консультант серии
«Страницы советской и российской истории»
А.К. Сорокин

Петров Н.В.

П30   **Время Андропова / Никита Петров. – М. : АФК «Система» ;
Политическая энциклопедия, 2023. – 768 с. : ил. – (Страницы со-
ветской и российской истории ; Библиотека АФК «Система»).**

ISBN 978-5-8243-2525-6

Эта книга о Юрии Владимировиче Андропове – самом известном председателе КГБ. Пятнадцать лет он руководил грозным ведомством на Лубянке и лишь пятнадцать месяцев стоял во главе страны. Оставленный им в истории след до сих пор вызывает жаркие споры. Андропов – самый загадочный руководитель СССР. Воображение будоражит все – от не раскрытой тайны его происхождения до так и не обозначенных внятно его замыслов на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Зачем пришел и чего хотел – это главный вопрос. В книге сделана попытка раскрыть тайну рождения, детства и отрочества Юрия Владимировича и описать его короткое и драматичное пребывание на вершине власти. Не обойден вниманием и период его работы в госбезопасности. В основе книги – многочисленные, ранее неизвестные документы, включая и материалы архива КГБ.

Издание богато иллюстрировано: факсимиле множества документов, портреты соратников и близких Андропову людей. Многое публикуется впервые. Издание снабжено аннотированным указателем имен.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-8243-2525-6

- Петров Н.В., 2023
- Фонд поддержки социальных исследований, 2023
- МИА «Россия сегодня», иллюстрации, 2023
- Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, иллюстрации, 2023
- Архив Президента РФ, иллюстрации, 2023
- Архив Службы внешней разведки Российской Федерации, иллюстрации, 2023
- Архив ФСО России, иллюстрации, 2023
- Государственный архив Российской Федерации, иллюстрации, 2023
- Национальный архив Республики Карелия, иллюстрации, 2023
- Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины, иллюстрации, 2023
- Российский государственный архив кинофотодокументов, иллюстрации, 2023
- Российский государственный архив новейшей истории, иллюстрации, 2023
- Российский государственный архив социально-политической истории, иллюстрации, 2023
- Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области, иллюстрации, 2023
- Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, иллюстрации, 2023
- Центральный государственный архив города Москвы, иллюстрации, 2023
- Политическая энциклопедия, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

На сегодняшний день издано несколько десятков книг, претендующих на освещение биографии Юрия Андропова. Это и целевым образом подготовленные биографические книги, например, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» книга Роя Медведева «Андропов Ю.В.» (два издания – 2006 и 2012 годов) и книги других авторов, в которых биография Андропова дана в канве тех или иных значимых событий и эпизодов его жизни. В каких-то из них центром внимания авторов является деятельность Андропова на посту председателя КГБ, в иных повествование строится вокруг партийной карьеры и становления личности будущего Генерального секретаря ЦК КПСС.

Короткий период пребывания Андропова во главе советского государства по праву занимает воображение многих пишущих о нем. Утверждают, что Андропов – «одна из самых интересных и неразгаданных фигур нашего недавнего прошлого»¹. К сожалению, до сих пор не появилось детализированного и обобщающего освещения и объяснения особенностей и целей его политической линии после смерти Брежнева. Чуть больше года – с ноября 1982-го по февраль 1984-го Андропов возглавлял страну, и этот период его правления стал наиболее драматичным, поставившим мир на грань ядерной войны. Была ли в этом определяющей роль самого Андропова, или он лишь развивал линию предшественника? В книгах и статьях, посвященных Андропову, на этот ключевой во-

---

¹ Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 50.

прос пытались ответить многие авторы, но исчерпывающего ответа на него до сих пор не дано.

Общим для большинства книг об Андропове стал их публицистический характер с уклоном в политологию и даже иногда в мифотворчество, когда Андропову бездоказательно приписывается наличие у него «грандиозных планов» модернизации страны. Андропову и руководимому им аппарату КГБ часто присваивается несвойственная роль инициаторов и регуляторов экономических планов и реформ. Безусловно, оставив в мае 1982 года руководящую работу в КГБ и сосредоточившись на работе в Секретариате ЦК КПСС, Андропов втянулся в решение текущих политических и экономических задач. Но много ли времени ему было отпущено для выработки новых внятных и эффективных планов и реформ? Что хотел и что в итоге успел Андропов – это основной вопрос заключительной части его жизнеописания – биографии руководителя страны.

При всем богатстве изданной о нем литературы до сих пор нет полной и научной биографии Андропова, снабженной архивными документами и ссылками. Причем во всей полноте его жизненного пути – от тайны рождения до драматичных политических событий 1983 года. И, разумеется, до сих пор нет всестороннего и глубокого научного исследования его роли в развитии системы органов государственной безопасности. Андропов, как никто другой, долго – целых 15 лет – возглавлял КГБ и оставил заметный след в истории этой организации. Он серьезно способствовал расширению влияния КГБ и проникновению во все сферы советской жизни.

Возглавив КГБ в мае 1967 года, Юрий Андропов всерьез взялся за выработку новой репрессивной политики и укрепление органов госбезопасности. В июле 1967 года, выступая перед выпускниками Высшей школы КГБ с речью «Каким должен быть чекист», Андропов определил задачи госбезопасности в борьбе с «идеологическими диверсиями», прежде всего отметив, что «противнику» пытается «подтачивать советское общество с помощью средств и методов, которые с первого раза не укладываются в наше представление о враждебных проявлениях». «Более того, – говорил далее Андропов, – можно сказать, что противник ставит своей целью на идеологическом фронте действовать так, чтобы по возможности не преступать статьи уголовного кодекса, не преступать наших советских законов, действовать в их рамках и,

тем не менее, действовать враждебно»¹. Тем самым Андропов нацеливал аппарат госбезопасности не на соблюдение законности, а на пресечение действий или высказываний граждан, которые казались политически предосудительными. То есть КГБ боролся с теми, кто даже и не помышлял нарушать закон, но с точки зрения коммунистической власти делал что-то не то, политически вредное, нарушавшее установленное в стране единомыслие. Первым значительным шагом Андропова стало образование небезызвестного 5-го управления КГБ.

Рост недовольства в стране и открытая критика режима вынуждали КГБ изыскивать новые формы обуздания общественной активности. Широкое распространение получила практика принудительной госпитализации в психиатрические больницы видных деятелей диссидентского движения и тех, кто публично высказывал недовольство советским строем. Туда же массово отправляли молодых людей, ведущих свободный и независимый образ жизни, например, хиппи. Использование психиатрии в целях изоляции критикующих советские порядки серьезно дискредитировало советский режим. В мире поднялась мощная волна протестов, а за Андроповым закрепилась печальная слава организатора и идеолога расправ с диссидентами и политическими противниками посредством карательной психиатрии.

КГБ мог рассчитывать на особое к себе отношение и на всемерную поддержку со стороны партийного руководства. Андропов на излете своей многолетней службы в «органах» изрек знаменитую фразу «чекист – профессия особая», определив тем самым не только особый статус, но и исключительное положение службы государственной безопасности в системе советских государственных органов. Принадлежность к мощному аппарату тайной службы была обусловлена, по мнению Андропова, наличием у ее сотрудников «особых политических и личных качеств». Осознание своей исключительности стало характерной чертой сотрудников советской госбезопасности и формировало свой, особый менталитет, присущий людям из «органов».

В мае 1982 года, оставляя свою службу в КГБ, Андропов с удовлетворением констатировал: «роль органов поднята». В этой констатации была и гордость за проделанную лично им много-

---

¹ Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс: Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 100.

летнюю работу, и заявка на расширение собственных политических полномочий. Это был определяющий момент в драматичном эпизоде внутренней борьбы в аппарате ЦК КПСС после смерти Михаила Суслова. Тайные пружины возвышения Андропова в ключевом и судьбоносном 1982 году еще недостаточно изучены и описаны историками. Между тем по интенсивности кадровых перестановок этот год стал особенным, он кардинально изменил расстановку сил и конфигурацию власти. Последовательно ушли из жизни Суслов и Брежнев, потерял свой пост секретарь ЦК и член Политбюро Андрей Кириленко. Три важнейших по значимости в партийной иерархии лица ушли с политической арены.

В истории страны фигура Андропова стала знаковой. В его биографии прослеживаются все характерные для брежневской эпохи противоречия и отличительные черты безвременья, нарастающего разочарования в идеалах и признаки грядущего краха. На первых порах верный соратник Брежнева и послушный исполнитель воли генсека Андропов постепенно вырос в значительную политическую фигуру, войдя в четверку самых влиятельных деятелей Политбюро наряду с Дмитрием Устиновым, Андреем Громыко и Константином Черненко.

В основе предлагаемой новой политической биографии Андропова четыре главы. В первой главе описываются тайна происхождения и весьма неясные до сих пор обстоятельства его ранней политической карьеры. И здесь же – история вхождения во власть и становление политических взглядов и привычек Андропова, когда он прочно входит в номенклатуру ЦК партии. Во второй – важнейшие события, определившие его карьерный взлет от заведующего отделом ЦК до секретаря ЦК КПСС. В третьей – самый насыщенный и заметный период деятельности Андропова на посту председателя КГБ. И, наконец, в четвертой главе – его триумфальное восшествие на вершину власти и драматичное безвременное угасание.

Повествование, разумеется, не замыкается лишь в аспектах политической биографии Андропова. Не менее важным представляется описание его внутреннего мира, семейных хроник и личностных отношений, симпатий и антипатий. Существует огромный пласт мемуарной литературы, изученной автором, где даются развернутые характеристики Андропову, приводятся интересные эпизоды его жизни, прослеживается трансформация его взглядов и привычек. Эти источники создают объемный реалистичный и насыщенный красками портрет Андропова.

Важным источником при подготовке книги явился личный фонд Андропова (фонд 82) в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Сконцентрированные в этом фонде документы позволили не только глубоко осветить деятельность Андропова на его высших постах, но и иллюстрировать книгу важнейшими документами и фотографиями. Разумеется, в качестве источника широко использованы архивные документы КГБ периода работы Андропова и документы других архивов (ГА РФ и РГАСПИ). Впервые в научный оборот введены документы Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы), касающиеся происхождения Андропова и тайны его рождения.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

1914, 15 июня – официальная дата рождения Ю.В. Андропова (по новому стилю).

1915, 17 августа – смерть деда – Карла Флекенштейна.

1919 – смерть отца – Владимира Андропова.

1930, 16 мая – принят в члены ВЛКСМ.

1930, 11 сентября – принят на работу помощником кинемеханика в рабочем клубе им. Коминтерна при станции Моздок.

1931 – смерть матери – Евгении Карловны Федоровой (Флекенштейн).

1931, 26 июня – получил удостоверение об окончании Моздокской фабрично-заводской школы.

1931, 1 ноября – принят на работу рабочего-телеграфиста 8-й дистанции связи на станции Моздок.

1932, 22 марта – направил заявление о приеме в Рыбинский речной техникум.

1932, 11 апреля – принят в Рыбинский речной техникум.

1935 – женился на Нине Енгальчевой. В 1936 году в семье родилась дочь Евгения, в 1940-м – сын Владимир.

1936, январь – избран комсоргом Рыбинского речного техникума.

1936, 6 апреля – получил диплом об окончании Рыбинского речного техникума.

1936, ноябрь – назначен комсоргом судоверфи им. Володарского в Рыбинске.

1937, май – принят кандидатом в члены ВКП(б).

1937, август – выдвинут на должность заведующего отделом пионеров Рыбинского горкома ВЛКСМ.

1937, сентябрь – выдвинут на должность заведующего отделом учащейся и студенческой молодежи Ярославского обкома ВЛКСМ.

1937, 22 октября – избран членом бюро и утвержден заведующим отделом учащейся молодежи Ярославского обкома ВЛКСМ.

1937, 19 ноября – приступил к исполнению обязанностей третьего секретаря Ярославского обкома ВЛКСМ.

1938, 11 февраля – на пленуме обкома комсомола избран третьим секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ.

1938, 25 декабря – избран первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ.

1939, 15 февраля – переведен из кандидатов в члены ВКП(б).

1940, 3 июня – избран первым секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР.

1941, 31 марта – зарегистрирован брак Ю.В. Андропова и Т.Ф. Андроповой (в девичестве Лебедева, в первом замужестве – Самознаева). В 1941 году в семье родился сын Игорь, в 1946 – дочь Ирина.

1943, 10 июня – приказом Центрального штаба партизанского движения № 52/н награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

1944, 14 июля – указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1944, ноябрь – избран вторым секретарем Петрозаводского горкома ВКП(б).

1947, 10 января – утвержден вторым секретарем ЦК КП(б) Карело-Финской АССР (Ст. 297/166).

1948, 24 июля – указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1948, 30 декабря – указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красного Знамени.

1950, 12 марта – избран депутатом Верховного Совета СССР 3-го созыва.

1951, 12 апреля – в «Правде» опубликована статья Ю.В. Андропова «О партийном контроле на производстве».

1951, 21 июня – освобожден от должности второго секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской АССР и утвержден инспектором ЦК ВКП(б) (Ст. 572/8).

1953, 24 марта – освобожден от должности инспектора ЦК КПСС и утвержден заведующим подотделом Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС (Ст. 16/12).

1953, 15 мая – освобожден от должности заведующего подотделом Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС (Ст. 28/276).

1953, май – июль – состоял в резерве Министерства иностранных дел СССР.

1953, 1 июля – утвержден заведующим 4-м Европейским отделом МИД СССР (Ст. 35/116).

1953, 18 июля – решением Президиума ЦК КПСС (П17/15) утвержден советником Посольства СССР в Венгрии.

1954, 6 июля – решением Президиума ЦК КПСС (П71/VI) утвержден Послом СССР в Венгрии с присвоением дипломатического ранга Чрезвычайного и полномочного посла. Сообщение об Указе Пре-

зидиума Верховного Совета СССР опубликовано: Известия. 1954. 15 июля.

1957, 21 февраля – решением Президиума ЦК КПСС (П78/V) освобожден от должности Посла СССР в Венгрии. Сообщение об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1957 г. опубликовано: Известия. 1957. 7 марта.

1957, 6 апреля – решением Президиума ЦК КПСС (П87/XV) утвержден заведующим Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

1957, 23 июля – указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Ленина.

1959, 24 апреля – в «Правде» опубликована статья Ю.В. Андропова «Развитие и укрепление мировой социалистической системы».

1961, 15 февраля – указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1961, 30 октября – на XXII съезде избран членом ЦК КПСС.

1961, 2 декабря – в «Правде» опубликована статья Ю.В. Андропова «XXII съезд КПСС и развитие мировой социалистической системы».

1962, 18 марта – избран депутатом Верховного Совета СССР 6-го созыва.

1962, 23 ноября – избран секретарем ЦК КПСС.

1964, 9 апреля – решением Президиума ЦК КПСС (П139/I) утвержден докладчиком на торжественном заседании, посвященном 94-й годовщине со дня рождения Ленина.

1964, 13 июня – указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Ленина (в связи с 50-летием).

1965, 29 апреля – на заседании Президиума ЦК КПСС были распределены обязанности между секретарями ЦК КПСС. Андропову поручены руководство Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, а также все вопросы, связанные с деятельностью Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) социалистических стран.

1966, 12 июня – избран депутатом Верховного Совета СССР 7-го созыва.

1967, 18 мая – решением Политбюро ЦК КПСС (П41/XIV) назначен председателем КГБ при Совете министров СССР, в тот же день выпущен указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении.

1967, 21 июня – избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС и освобожден от должности секретаря ЦК КПСС.

1967, 20 декабря – выступил на торжественном собрании представителей трудящихся Москвы и работников органов КГБ в Кремлевском Дворце съездов с докладом «Пятьдесят лет на страже безопасности Советской Родины».

1970, 14 июня – избран депутатом Верховного Совета СССР 8-го созыва.

22 июня 1971 – выступил на Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР с докладом «Задачи оперативной деятельности органов государственной безопасности, вытекающие из решений XXIV съезда КПСС».

1971, 15 октября – вместе с Генеральным прокурором Р.А. Руденко и министром внутренних дел Н.А. Щёлоковым направил в ЦК КПСС письмо с просьбой открыть дополнительно к Дубровлагу еще два лагеря для содержания политических заключенных.

1971, 2 декабря – указом Президиума Верховного Совета СССР вместе с остальными членами и кандидатами в члены Политбюро и секретарями ЦК КПСС награжден орденом Ленина «за заслуги в деле обеспечения успешного выполнения пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг.».

1973, 27 апреля – на пленуме ЦК КПСС переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС.

1973, 17 декабря – присвоено звание генерал-полковника.

1973, 27 декабря – решением Политбюро ЦК КПСС (П119/XIII) утвержден членом Совета Оборона СССР.

1974, 14 июня – указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением медали «Золотая Звезда» и ордена Ленина (в связи с 60-летием).

1974, 16 июня – избран депутатом Верховного Совета СССР 9-го созыва.

1974, 14–16 ноября – визит в Болгарию.

1975, 27 мая – выступил на Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР с докладом «О дальнейшем совершенствовании разведывательной и контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности в современных условиях».

1976, 6 февраля – решением Политбюро ЦК КПСС (П203/XVII) утвержден докладчиком на торжественном заседании, посвященном 106-й годовщине со дня рождения Ленина.

1976, 24 марта – выступил на собрании партийного актива КГБ с докладом «Об итогах XXV съезда КПСС и задачах парторганизации КГБ».

1976, 30 августа – в ходе визита в Чехословакию принят Густавом Гусаком в Праге.

1976, 10 сентября – присвоено звание генерала армии.

1977, июнь – принял участие в совещании представителей органов госбезопасности социалистических стран в Москве.

1977, 19 декабря – произнес вступительную речь «Преданность делу партии, социалистической Родине» на торжественном собрании, посвященном 60-летию органов госбезопасности.

1978, 23 марта – выступил с речью на Всесоюзном совещании руководителей вторых подразделений (контрразведывательных) территориальных органов КГБ СССР.

1978, 1 августа – выступил в 1-м Главном управлении КГБ на теоретической конференции по книгам Л.И. Брежнева «Малая земля» и «Возрождение».

1979, 19 января – под руководством Ю.В. Андропова Коллегия КГБ СССР приняла решение «О состоянии и мерах дальнейшего совершенствования агентурно-оперативной деятельности городских и районных органов КГБ».

1979, 4 марта – избран депутатом Верховного Совета СССР 10-го созыва.

1979, 21 марта – выступил с речью на Всесоюзном совещании руководителей пятых подразделений (по борьбе с идеологической диверсией) территориальных органов КГБ СССР.

1979, 14 июня – указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Октябрьской Революции (в связи с 65-летием).

1979, 30 августа – в Кремле Л.И. Брежнев вручил Ю.В. Андропову орден Октябрьской Революции.

1980, 31 января – командировка в Афганистан.

1980, 7–11 апреля – в Москве состоялось совещание представителей органов госбезопасности социалистических стран по вопросам «борьбы с идеологической диверсией противника».

1980, 23 августа – решением Политбюро ЦК КПСС (П210/II) образована комиссия Политбюро по Польше, в которую вошел Ю.В. Андропов.

1980, 6 сентября – под руководством Ю.В. Андропова Коллегия КГБ СССР приняла решение «О мерах по дальнейшему повышению эффективности использования имеющихся сил и средств в системе КГБ СССР».

1981, 25 марта – выступил на собрании партийного актива КГБ с докладом «Об итогах XXVI съезда КПСС и задачах парторганизации КГБ СССР, вытекающих из решений съезда и отчетного доклада ЦК КПСС».

1981, 8 апреля – в Бресте состоялись тайные переговоры Ю.В. Андропова и Д.Ф. Устинова с польскими руководителями Станиславом Каней и Войцехом Ярузельским.

1981, 25 мая – выступил на Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР с докладом «О задачах органов государственной безопасности в свете решений XXVI съезда КПСС».

1982, 25 февраля – решением Политбюро ЦК КПСС (П48/II) Ю.В. Андропов утвержден докладчиком на торжественном заседании, посвященном 112-й годовщине со дня рождения Ленина.

1982, 4 марта – провел совещание руководства КГБ СССР.

1982, 24 мая – принято решение Политбюро ЦК КПСС (П60/I) о внесении кандидатуры Ю.В. Андропова для избрания на пленуме ЦК КПСС секретарем ЦК и об освобождении его от обязанностей председателя КГБ СССР.

1982, 24 мая – на пленуме ЦК КПСС избран секретарем ЦК КПСС.

1982, 26 мая – указом Президиума Верховного Совета СССР освобожден от обязанностей председателя КГБ СССР.

1982, 3 июня – решением Политбюро ЦК КПСС (П62/X) на Ю.В. Андропова возложено руководство комиссиями Политбюро по Китаю и Польше.

1982, 10 ноября – Политбюро ЦК КПСС (П84/I) приняло решение рекомендовать пленуму ЦК КПСС избрать Ю.В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС.

1982, 12 ноября – на внеочередном пленуме ЦК КПСС избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

1982, 23 ноября – избран членом Президиума Верховного Совета СССР.

1982, 29 ноября – решением Политбюро ЦК КПСС (П87/16) утвержден председателем Совета Обороны СССР.

1983, 16 июня – избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

1984, 9 февраля – смерть Ю.В. Андропова в 16 часов 50 минут.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Его жизнь началась по канонам художественной литературы. Классический сюжет – тайна рождения и происхождения. Увлекательно, как во французских романах и мексиканских сериалах, – потерянные дети, воспитанные у приемных родителей, печать знатности на челе простого ребенка и где-то там неизвестная дальняя родня, хранящая молчание. Все в строку. Ну чем не Дюма?

Вот и с Юрием Андроповым приключилась история со многими тайнами. Где точно он родился и кто его настоящий отец? Ну а мать-то хоть родная? В общем – вопрос на вопрос. Тема происхождения для будущего высокопоставленного партийного функционера была крайне болезненной. Он очень не любил об этом вспоминать и писать. Детства для него как будто бы и не существовало. Много позже Андропов в своем кругу часто вспоминал и рассказывал о юности и матросских буднях на Волге – о годах, когда он уже вышел в самостоятельную жизнь. А что было до того, в детстве – табу. И все бы ничего, мало ли было запутанных судеб в эпоху войн и революций? Только вот советская власть не терпела неясностей в определении, из какого социального слоя происходит тот или иной человек. И этот вопрос бумерангом возвращался к Андропову не раз.

А БЫЛО ЛИ ДЕТСТВО?

Конечно было. Как ему не быть? Но об этом ровным счетом ничего неизвестно.

Согласно многократно опубликованной официальной биографии, Юрий Владимирович Андропов ро-

Р. С. С. С. Р.
 ТЕРМОКРИМ О КРУГ
 МОЗДОКСКИЙ
 ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
 СВИДЕТЕЛЬСТВО
 О РОЖДЕНИИ № 68
 Копия № 11

Выдано в том, что Андропов
Юрий-Владимир-Владимирович
 родился(-лась) в 1914 году 15 июня в селе Солуно-Дмитровское района Курсавского
 о чем в книге писаны акты гражданского состояния. 4 РАЙОНА

в 1914 году 25 числа июня месяца произведена соответствующая запись.

Родитель	Фамилия	Имя	Отчество
Отец	Андропов	Владимир	Кон. Константинович
Мать	—	Евгения	Карловна
Семейное место	Селуно-Дмитровское Курсавского р-на		
Особые отметки			

М.П. Заключивший Иванов Директор Иванов

Свидетельство о рождении Ю.В. Андропова
 13 марта 1932
 [РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 11]

дился 15 июня 1914 года (по старому стилю 2 июня) на станции Нагутская Северокавказской железной дороги в семье железнодорожного служащего. Скупые строчки советских энциклопедических справочников не содержат никаких подробностей о его родителях. В ранней юности у Андропова не было необходимости писать автобиографию и излагать все детали.

Сведения о родителях отражены в копии свидетельства о рождении, оформленном задним числом 17 марта 1932 года Моздокским городским советом: отец – Андропов Владимир Константинович, мать – Андропова Евгения Карловна. Местом рождения указано село Солуно-Дмитровское Курсавского района (станция Нагутская в том же селе)¹.

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 11. Личное дело учащегося Рыбинского техникума Ю.В. Андропова.

Так кем же были его родители? В марте 1932 года при поступлении в речной техникум Юрий Андропов написал заявление, в котором сообщил: «Отца я лишился, когда мне было 2 года, отец работал телеграфистом на железной дороге, мать умерла год назад. В настоящее время я живу у отчима и работаю при железнодорожном клубе на станции Моздок»¹. Указал и свой адрес – станция Моздок, вокзал, жилой дом № 24. И по адресу он значился как Юрий-Григорий Андропов². Двойное имя Андропова, вероятно, связано с немецкой протестантской традицией, царившей в семье его матери – Евгении Карловны³. Вскоре Андропов выбрал одно имя – Юрий. Так проще, да и не стоило выделяться.

Вроде все ясно, родители умерли. Какие еще могут быть вопросы? А они появились по вине самого Андропова. Заполняя 8 сентября 1936 года анкетный лист комсомольского работника, Андропов написал о матери: домохозяйка, умерла в 1930 году⁴. Но в автобиографии несколько иначе: «В 1931 году кончил семилетку. По окончании учебы, потеряв мать (умерла от воспаления мозга), я начал работать рабочим телеграфа»⁵. В анкете, заполненной 21 ноября 1936 года, в графе о родителях он написал об отце-телеграфисте, умершем в 1915 году от сыпного тифа, а мать просто даже не упомянул⁶.

В мае 1937 года при вступлении в кандидаты в члены партии, разумеется, с перспективой выдвижения на вышестоящую комсомольскую должность Андропов вынужден был раскрыть некоторые детали. В отличие от того, что сам же писал раньше, Андропов при заполнении бумаг указал – мать умерла в 1929 году⁷. Через три месяца в автобиографии от 1 августа 1937 года он сообщил: «Отец мой происходит из донских казаков. Работал на ст. Нагутская дежурным по станции. В 1915 году его

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 16.

² Там же. Л. 16 об., 17 об.

³ Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова: как он «отмывал» свое прошлое // Россия XXI. 2013. № 3. С. 50–73.

⁴ Центр документов новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 594. Оп. 30. Д. 1. Л. 148.

⁵ Там же. Л. 150 об.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 4.

⁷ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 18. «Дело № 48 Андропова Ю.В.» – дело работника номенклатуры Ярославского обкома ВКП(б).

переводят на ст. Беслан Сев.-Кавк. жел. дороги, где он работал контролером движения. Отец учился в институте путей сообщения, но был оттуда исключен за пьянство. Умер отец в 1919 году от сыпного тифа. Мать вышла вторично замуж в 1921 году. Мой отчим – помощник паровозного машиниста. В 1923 (или в 1924) отчим ввиду тяжелого материального положения бросает учиться в г. Орджоникидзе (б. Владикавказ) в техникуме путей сообщения и переезжает жить на ст. Моздок Сев.-Кавк. жел. дор. Там он работал сначала смотрителем зданий, а затем инструктором слесарного дела (и сейчас работает там же). Мать происходит из Москвы (семья ремесленника). На станц. Моздок работает учительницей в I и II группах. Умерла в 1930 году от паралича. Я поступил в школу в 1924 году на ст. Моздок. Окончил в 1931 году. В комсомоле с 1929 года»¹.

Андропов не дает никаких подробностей о том, в какой семье родилась его мать. Пишет просто – «в семье ремесленника», так, вроде бы все складно, если бы не одна деталь – годы смерти отца и матери. Как говорилось выше, в марте 1932 года он писал, что «мать умерла год назад», то есть в 1931 году. А в 1936 и 1937 годах предлагает два варианта – 1929 и 1930 годы.

А как на самом деле? Один из учащихся школы, где мать Андропова преподавала немецкий язык и музыку, позднее вспоминал: «Осенью 1930 года меня зачислили в 4 класс железнодорожной школы. Нас обучала замечательная учительница – Евгения Карловна, доброжелательная и заботливая. К великому сожалению, она проучила нас только три четверти и вскоре умерла»². Итак, сомнений нет, мать Андропова умерла весной 1931 года³.

Совершенно необъяснимо – как сын через несколько лет мог не помнить год смерти матери? Это невозможно представить. Нет, он явно темнил в своих автобиографиях⁴. В конце 1938 года

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 66. Л. 8–9.

² Моздокский вестник. 2014. 28 марта.

³ К сожалению, подтвердить год смерти матери Андропова другими объективными источниками пока не удалось. Просмотр номеров издававшейся в Моздоке районной газеты «За коллективизацию» за 1930–1931 годы на предмет поиска некролога или извещения о смерти ничего не дал.

⁴ В некоторых источниках год смерти матери Андропова указан 1923, но никаких документальных подтверждений этому нет (Медведев Р.А. Андропов. М., 2012. С. 23).

при его выдвижении на руководящую должность инструктор ЦК ВЛКСМ Антонина Капустина взялась пристально изучать и проверять биографию Андропова. Конечно же, всплыли все умолчания и нестыковки. И Андропов 10 января 1939 года дал удивительное по своей беспомощности и неправдоподобию объяснение: «Я при вступлении в ВКП(б) автобиографию написал раньше, чем анкету, не имея еще письма от Федорова [от отчима Андропова. – Н. П.]. Получив от него письмо, я в анкете исправил неточности (и о них сообщил т. Шмелеву). О том, что год смерти матери не 1929, а 1931...»¹.

То есть при вступлении кандидатом в члены ВКП(б), а это май 1937 года, когда Андропов заполнял бумаги, он будто бы уточнял год смерти матери у отчима? Абсурд! Он что, не присутствовал на похоронах? Ведь по его же словам, он в эти годы был там же – в Моздоке, где жили его мать и отчим. Поразительно, но даже после этих объяснений в автобиографии от 17 апреля 1939 года Андропов вновь указывает год смерти матери 1930². Дальше еще хуже. В октябре 1940 года Андропов пишет в автобиографии о матери: «Умерла в 1929–30 году (точно не помню)»³. И через десять лет, в автобиографии от 18 октября 1950 года та же неприглядная картина – пишет о матери: «С 16 лет учителем, умерла в 1928 [зачеркнуто. – Н. П.], в 1929 году»⁴. Память напрягал. Написал сначала «в 1928», и... поразмыслив, зачеркнул!

Относительно смерти отца Андропов чуть более тверд. Из автобиографии в автобиографию и из анкеты в анкету он четко записывает 1919 как год его смерти. Но и тут он не сразу пришел к окончательной версии. В 1932 году при поступлении в техникум писал о потере отца в 2-летнем возрасте (то есть в 1916 году). Через четыре года – еще интересней. В сентябре 1936 года в анкете комсомольского работника Андропов указывает сведения об отце: дежурный по станции Беслан Северокавказской железной дороги, умер в 1915 году⁵. Там же в автобиографии дает подроб-

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 18.

² Там же. Л. 6.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Он. 18. Д. 164а. Л. 6. Личное дело Ю.В. Андропова – работника номенклатуры ЦК ВЛКСМ.

⁴ Шлейкин Ю.В. Андропов. Карелия 1940–1951... Биографическая хроника. Петрозаводск, 2014. С. 245.

⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 30. Д. 1. Л. 148.

*Евгения Карловна
Флекенштейн*
[НА РК. Ф. П-5915. Оп. 1. Д. 1.
Л. 4]

*Владимир Константинович
Андропов*
[НА РК. Ф. П-5915. Оп. 1. Д. 1.
Л. 2]

ности: «Отец мой сначала телеграфист, а потом дежурный по станции. В 1915 году отца переводят коммерческим ревизором на ст. Беслан С[еверо]-К[авказской] жел. дор. Весною он умер от сыпного тифа (в этом же году)»¹. И лишь начиная с 1937 года уже постоянно пишет в анкетах о смерти отца в 1919 году. И как же понимать эти разночтения? А никак. Андропов по этому расхождению в датах объяснений вообще не давал.

Но стоит отметить и запомнить – первоначальные сведения, указанные Андроповым в марте 1932 года при поступлении в техникум, скорее всего, самые точные и верные. Кстати, именно тогда, собирая документы, он получил в горсовете и копию свидетельства о своем рождении. А вот потом пошла чехарда и чересполосица в датах и фактах во множестве заполненных Андроповым бумаг. Но ведь о чем-то это говорит. Как будто он сознательно путает следы, пытается сбить с толку желающих

¹ Там же. Л. 150.

копаться в его биографии и искать подробности о его матери и отце. Несомненно – было что скрывать!

Наконец, третье – но это уже мелочь. Год вступления в комсомол. Пишет – 1929 год. Но между тем в комсомольском билете его стаж указан четко – принят в ВЛКСМ в мае 1930 года.

В одной из автобиографий Андропов сообщает скудные подробности о матери: «Мать родилась в семье прачки (или горничной). Отца она не знает. После смерти матери (моей родной бабки) она была взята на воспитание в семью Флекенштейн. Сам Флекенштейн был часовых дел мастер. По документам числился как купец. Умер он в 1915 году. Жена его сейчас живет в Москве. Пенсионерка»¹.

Получалось так. Происхождения Андропов самого простого – сын прислуги, а богачей Флекенштейн лишь воспитал его мать, оставшуюся сиротой. Но он обходит стороной важнейший вопрос – его мать с малолетства воспитание получила самое благополучное и была Флекенштейнами не просто воспитана, а удочерена, что в корне меняет ее родственный статус. Выросла в семье владельца магазина, использовавшего наемную силу. Вот в этом весь вопрос! По большевистским меркам его дед – эксплуататор.

В конце 1938 года за Андропова взялись всерьез. Инструктор ЦК ВЛКСМ Антонина Капустина пишет, что еще при приеме Андропова в партию «поднимался вопрос о его социальном происхождении, якобы отец тов. Андропова был офицером царской армии, мать происходила из купеческой семьи»². В декабре 1938 года Андропов в присутствии секретарей Ярославского обкома ВКП(б) Шахурина и Ларионова давал объяснения. Он рассказал: «Отец его железнодорожный служащий, никогда в армии не служил, происходил из семьи учителя, работал на ст. Моздок, умер в 1919 г. Мать происходит из семьи мещан Рязанской губернии, была подкинута маленьким ребенком в семью часовых дел мастера Финляндского гражданина Флекенштейн, проживавшего в Москве, где воспитывалась. С 17-ти летнего возраста работала в качестве учительницы»³. Кроме того, Андропов пояснил: «...в данное время на иждивении его живет тетка, сестра

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 68. Л. 7. «Дело № 513 о переводе из кандидатов ВКП(б) в действительные члены ВКП(б) тов. Андропова Ю.В.».

² Там же. Д. 67. Л. 12.

³ Там же. Л. 13.

родной бабушки (по матери)»¹. Это интересно – живая родственная связь. Запомним.

Что тут скажешь, звучит благородно – «часовых дел мастер», а вот о том, что Флекенштейн торговал еще и ювелирными изделиями – ни слова. Часы и мастер – ну почти пролетарий, имевший дело со сложными и точными механизмами. А вот золото и бриллианты – символ богатства и торжества «желтого дьявола», дух торгашества и ростовщичества.

Тот, о ком Андропов пишет как об отце, – был ли его отцом? Год его смерти Андропов указывает – 1919, но последнее место его работы в заполненных Андроповым документах разнится – то Беслан, то Моздок. Опять сбивает с толку.

После этих объяснений в Москву из Ярославля послали человека – выяснить все на месте. Оказалось, мать Андропова как будто «была подкинута грудным ребенком» в семью Флекенштейна. При этом вдова Флекенштейна – на тот момент уже скромная московская пенсионерка, заявила, что «у Андропова живет не его тетка, а его няня, что никаких сведений о родной бабушке Андропова они не имели и не знают где она»².

Вывод инструктора ЦК был неутешительным: «...тов. Андропов дал неправильные сведения о социальном происхождении своей матери», и необходимо «потребовать у тов. Андропова объяснение причин, побудивших его дать эти неверные сведения»³.

Андропов сел за написание объяснительной записки и постарался сообщить новые подробности. Но ничего не прояснил, а только еще больше запутал дело. Итак, 10 января 1939 года Андропов пишет в ЦК ВЛКСМ: «Мать моя младенцем была взята в семью Флекенштейн. Об этой семье мне известно следующее: сам Флекенштейн был часовой мастер. Имел часовую мастерскую. В 1915 году во время еврейского погрома мастерская его была разгромлена, а сам он умер в 1915 г. Жена Флекенштейн жила и работала в Москве. Прав избирательных не лишалась. Родная мать моей матери была горничной в Москве. Происходила из Рязани. О ней мне сообщила гр-ка Журжалина, проживающая у меня. Гр-ка Журжалина сообщила мне, что она, живя прислугой в номерах (Марьино роща, 1-й Вышеславцев переулок, дом № 6), знала проживающую там гр-ку Рудневу, знающую мою

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. Л. 14.

мать. Руднева рассказала Журжалиной о моей матери и бабушке, а также о том, что моя мать родственница Журжалиной по ее мужу. Об этом же Руднева рассказала и моей матери, которая вскоре взяла ее к себе. Журжалина знает мать с 1910 г. Живет у нас с 1915 года»¹.

Здесь Андропов вводит в повествование новый персонаж – некую Рудневу, как бы еще одного свидетеля. Но совершенно невнятно все изложено. Кого к себе взяла мать Андропова – Рудневу или Журжалину? И вообще нелогично. Если Журжалина – родственница бабушки Андропова и, соответственно, тетя его матери, то зачем ей слушать рассказы какой-то Рудневой, а не самой расспросить свою родственницу. Но может быть, раньше они просто потеряли друг друга из виду. И приехавшая в Москву наниматься в прислугу Журжалина совершенно случайно узнала у Рудневой, где и в каком доме работает ее родственница – то ли родная сестра, то ли золовка (сестра ее мужа). Ну а дальше – счастливая встреча. Или она уже не застала сестру или золовку в живых, и отсюда необходимость слушать Рудневу?

Вот тут и начинается мексиканский сериал. Взятая в семью Журжалина – человек, связующий времена, и хранитель родственных тайн. Андропов держит ее при себе. Согласно семейным преданиям, Анастасия Васильевна Журжалина, крестьянка из Рязанской губернии, родилась в 1887 году, была последним ребенком в многодетной семье. Рано вышла замуж, но прожила с мужем недолго – он погиб во время Первой мировой войны. Ее единственный ребенок – сын Петр, рано умер от заражения крови. Старшая сестра Журжалиной работала гувернанткой у Евгении Карловны (матери Андропова) в семье Флекенштейна². По устным объяснениям Андропова в обкоме, Журжалина ему приходится родней: «сестра родной бабуки (по матери)»³. Правда, следом Андропов несколько отдалял это родство и писал: «Моя мать родственница Журжалиной по ее мужу»⁴.

Если все это сложить – вот что получается. Удочеренная Карлом Флекенштейном девочка Евгения (мать Андропова) была дочерью сестры Журжалиной, работавшей гувернанткой у Фле-

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 15–16.

² Батуева Е. У генсека была своя Арина Родионовна. – URL: <http://yaroslavl.fsb.ru/smi/arina.html> (дата обращения: 18.11.2022).

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 15–16.

*Анастасия Журжалина
[Из открытых источников]*

кенштейна же и воспитывавшей в его доме свою же дочь. Вот это поворот! Не зря некоторые исследователи задаются вопросом – удочеренная девочка, получившая имя и отчество Евгения Карловна (в девичестве Флекенштейн), не самим ли Флекенштейном от прислуги прижитая? А что, бывает и так – дело житейское.

То есть, по объяснениям Андропова, в любом случае он – сын Евгении – приходился Анастасии Журжалиной внучатым племянником. Андропов пишет, что Журжалина знала его мать с 1910 года, а с 1915 жила вместе с ними и была его няней¹. Только вот одно но – овдовевшая в 1915 году Евдокия Флекенштейн отрицала какую-либо родственную связь Андропова с его няней Журжалиной. И ведь не зря Андропов так держался за Журжалину, выдавая ее за родственницу. Он предъявлял ее как наглядную родственную связь с простым и бедным народом, а не с разными там мироедами.

Ни в одной из своих автобиографий Андропов не пишет о своей сестре Валентине, родившейся в новом браке его мате-

---

¹ Там же. См. также: Батуева Е. Указ. соч.

*Юрий Андропов
в младенчестве
[НА РК. 14897-3]*

ри с Федоровым¹. О ее существовании свидетельствует семейная фотография, впервые опубликованная Юрием Тёшкиным в книге «Андропов и другие»². На ней запечатлена Евдокия Флекенштейн с внуками Юрием и Валентиной. Время съемки неизвестно, но видно – уже не младенцы. Возможно, бабушка еще при жизни их матери Евгении навещала внуков в середине 1920-х годов на Кавказе, или же их привозили погостить в Москву. Для бабушки они были родными внуками. А внука Юрия это родство тяготило. Во всех своих биографиях бабушку он именует как жену Флекенштейна или вдову Флекенштейна, не называя по имени. Обидно.

¹ Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова...

² Тёшкин Ю.А. Андропов и другие. Ярославль, 1998. С. 224 (вкладка с иллюстрациями).

*Евдокия
Флекенштейн с
внуками – Юрием
и Валентиной
[Из открытых
источников]*

САГА О ФЛЕКЕНШТЕЙНАХ

Что ж, теперь самое время присмотреться к родителям матери Андропова. О них известно немного. Евдокия Михайловна Флекенштейн родилась в 1860 году в деревне Роккала прихода Йоханнес Выборгской губернии (ныне поселок Советский Выборгского района)¹. Ее родители: Михаил Сидон и Елизавета Шёберин. Евдокия вышла замуж за Карла Флекенштейна, тоже

¹ Место рождения указано: ЦГА Москвы. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8396. Л. 6 об.

выходца из Великого княжества Финляндского, хотя его отец Франц Флекенштейн родился в Баварии. Пишут, что с конца XIX века Карл проживал в Москве в доме 26 на улице Большая Лубянка, торговал часами и ювелирными изделиями¹. Жил богато, в квартире был даже телефон. Имел лицензию на торговлю (но не был купцом ни второй, ни тем более первой гильдии). Да, все так. Вот только одна незадача. Если внимательно изучить уникальное по своему содержанию и широте представленных сведений ежегодное издание «Вся Москва. Адресная и справочная книга», то вырисовывается довольно полная, но не лишенная противоречий картина. Впервые фамилия Флекенштейн появляется в ежегоднике в 1892 году и далее в разных вариациях растет числом. Для наглядности все сведения объединены в таблицу.

Фамилия Флекенштейн в адресной книге «Вся Москва»²

Имя отчество (в сокращении, как указано в книге)	Адрес и в скобках городской (крепостной) номер здания	Годы упоминания
Евдок. Ег.	М. Спасск. пер. 6 (213/202)	1892, 1893
Карл Алдр.	М. Спасск. пер. 6 (213/202)	1895–1899
Карл Алдр.	Б. Лубянка 26 (151/171)	1898–1900, 1909–1915
Евдокия Мих.	Б. Лубянка 26 (151/171)	1907–1909, 1912–1916
Карл Франц.	Б. Лубянка 26 (151/171)	1895–1906
Евг. Карл.	Б. Лубянка 26 (151/171)	1910–1916
Евдок. Мих.	Александровская пл. 9/1	1917
Влад. Алдр.	3-й Красносельский пер. 11, затем 13* (1738/594)	1904, 1910–1917
Екат. Пет.	3-й Красносельский пер. 13* (1738/594)	1905–1917

¹ Бабиченко Д. Легендарная личность // Итоги. 2005. 3 октября. №. 40. С. 32.

² Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1892 год: 21-й год издания. М., 1892. С. 215; 1893. С. 221; 1895. С. 195, 295; 1896. С. 206, 296; 1897. С. 229; 1898. С. 266, 331, 351; 1899. С. 286, 351; 1900. С. 310, 340; 1901. С. 469; 1902. С. 468; 1903. С. 227; 1904. С. 353; 1905. С. 231, 493; 1906. С. 417; 1907. С. 373; 1908. С. 422; 1909. С. 442; 1910. С. 277, 455; 1911. С. 281, 596; 1912. С. 262, 549; 1913. С. 240, 603; 1914. С. 239, 439, 695; 1915. С. 517; 1916. С. 526; 1917. С. 512.

Окончание табл.

Имя отчество (в сокращении, как указано в книге)	Адрес и в скобках городской (крепостной) номер здания	Годы упоминания
Мар. Карл.	Петровка 26, дом. Обидиной К.И. (448/486)	1895
Мар. Фед.	Петроградское шоссе 18 (1043/2)	1914–1916
Витос Роман. (предприниматель)	Б. Серпуховская д. 1, дом Маргьянова Н.М. (466/443)	1897, 1898
Мар. Абр. (акушерка)	Мясницкая 34	1910

* В 1904 году «Проектированный Вновь переулою» получил название 3-й Красносельский (от Красносельской ул. до Полуярославского пер.) и дом 11 стал 13-м. В 1913-м дом вновь получил номер 11. Городской (крепостной) номер здания при этом не менялся.

Собственно этим в указанный период и исчерпывается Москва Флекенштейнов. Но их немало! И главное, этот перечень дает богатую пищу для размышлений и предположений. Что же получается? Согласно представленным сведениям, одновременно в Москве было два Карла и две Евдокии Флекенштейн. Расхождение только в отчествах. И этому есть свое объяснение. Но все по порядку.

Итак, первой в адресной книге за 1892 год появляется Евдокия Егоровна Флекенштейн: мещанка, собственница дома 6 в Малом Спасском переулке. И эти же сведения повторяются в книге за 1893 год¹. Действительно, она приобрела в собственность большой участок со строениями, что отражено в купчей крепости, утвержденной у нотариуса 9 января 1891 года². Можно не сомневаться, что не позднее 1890 года Евдокия Флекенштейн появилась в Москве. Купленный ею дом был серьезной собственностью, но платить за него так уж много не пришлось. Прежняя собственница Василиса Макаровна Богданова заложила дом и участок Московскому городскому кредитному обществу за 40 тысяч рублей, и при переходе права собственности Евдокия при-

¹ Там же. 1892. С. 215; 1893. С. 221.

² ЦГА Москвы. Ф. 117. Оп. 11. Д. 250. Л. 3 об.

нимала на себя невыплаченный прежней владелицей долг по ссуде, возмещая ей только разницу. В финансовых документах она значится как «жена Финляндского уроженца» Евдокия Егоровна Флекенштейн¹.

Материалы дела о залоге дома позволяют с точностью установить, что владелицей числилась Евдокия Флекенштейн, а вот сделки совершал ее муж – Карл Францевич Флекенштейн.

В книге «Вся Москва» есть и свой изъян. В ней публиковались те сведения, что подавались собственниками, и это могло расходиться с реальностью и подлинными паспортными данными. А могли попасть и устаревшие данные. Например, в адресной книге за 1894 год собственность на этот дом по-прежнему записана за Богдановой Васил. Макара. (Василисой Макаровой)². Но уже на следующий год собственником значится впервые появившийся в адресной книге Флекенштейн Карл Александрович. И в том же 1895 году одновременно появляется и Карл Францевич Флекенштейн, но по другому адресу – Большая Лубянка, дом Московского домовладельческого товарищества.

Но что же получается? Евдокия по отчеству почему-то Егоровна, муж ее – Карл Францевич, а в адресной книге владельцем дома 6 по Малому Спасскому переулку значится Карл Александрович Флекенштейн. Картина с «раздвоением» Карлов повторяется и в последующие годы. Но факт остается фактом – Карл един в двух лицах. Почему он подавал противоречивые сведения о себе и числился в книге одновременно по разным адресам и с разными отчествами – остается загадкой. Дом записан на жену, сам содержит мастерскую и магазин на Большой Лубянке и проживает там же. Может быть, уходил от налогов?

Действительно можно запутаться. В 1897 году в адресной книге числятся по прежним адресам одновременно Карл Францевич и Карл Александрович Флекенштейны³. В издании 1898 года отражено знаменательное событие. Оба Карла отмечены по одному адресу на Большой Лубянке в доме Московского домовладельческого товарищества⁴. При этом в адресной книге за 1899 год Карл Александрович еще значится владельцем дома 6 в Малом Спасском пер., а уже в 1900 году там новый собствен-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 117. Оп. 11. Д. 250. Л. 2.

² Вся Москва... 1894. С. 312.

³ Там же. 1897. С. 229.

⁴ Там же. 1898. С. 266.

ник – священник Остроухов Владимир Филиппович¹. Очень известный человек. Ранее Остроухов жил в церковном доме на Лазаревском кладбище². Он подготовил и издал подробное описание истории кладбища³.

Да, дом в Малом Спасском переулке, приносивший немалый доход, был продан Остроухову по купчей крепости, утвержденной нотариусом 7 декабря 1898 года⁴. Только продал его опять-таки по доверенности Карл Францевич Флекенштейн⁵. Вероятнее всего, понадобились деньги на развитие часовой и ювелирной мастерской и магазина. Доход, который приносило домовладение в Малом Спасском, был солидным. На участке в 248 квадратных саженей (чуть больше 11 соток) располагался трехэтажный каменный дом на шесть квартир, во дворе – деревянный флигель и еще ряд построек, в том числе конюшня, кузница, сарай для карет, дровяной сарай. Сдаваемые квартиры при полном найме могли приносить 6 тысяч 740 рублей в год⁶.

Интересно, что было дальше. Владимир Остроухов, надо отдать ему должное, досрочно погасил долг перед кредитным обществом. По всему видно, зарабатывал неплохо. Но к 1917 году с владением расстался. Он уже протоирей и настоятель храма святого Николая Чудотворца в Китай-городе и живет в именовании Красный звон⁷. В 1922 году Малый Спасский переименовали в Малый Каретный переулок. А через четыре года постройки сломали, участок освободили, и в 1926 году на этом месте был возведен, как теперь говорят, «элитный дом» на шесть больших квартир для чекистов. А уж кто в нем жил! В 6-й квартире – заместитель наркома внутренних дел Лев Бельский, он был арестован и расстрелян. Потом в этой же квартире – министр внутренних дел Сергей Круглов. В 3-й квартире – следователь-сидист Зиновий Ушаков (расстрелян), а после войны в ней же – начальник Особого технического бюро НКВД Валентин

---

¹ Там же. 1900. С. 269.

² Там же. 1899. С. 200.

³ Остроухов В.Ф. Московское Лазарево кладбище: Ист. исслед., сост. на основании имеющихся в кладбищен. церкви разных документов местным свящ. Владимиром Остроуховым. [М.], 1883.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 117. Оп. 11. Д. 250. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 12–13.

⁶ Там же. Л. 23 об.

⁷ Вся Москва... 1917. С. 370.

Кравченко. И в остальные квартиры, которые занимали расстрелянные в середине 1930-х годов чекисты, тоже вселились новые жильцы и опять из того же самого ведомства. Круговорот жильцов в отдельно взятом доме. И какое интересное пересечение, как все в этом доме на Каретном тесно связано с Лубянской. Нехорошее место.

Еще не расставшись с владением в Малом Спасском переулке, Карл и Евдокия, судя по всему, поселились на Большой Лубянке, где у Флекенштейна были мастерская и магазин. Карл Францевич укреплял свои позиции. Помимо финансового положения, нужен был и статус. В 1898 году он числился «временным купцом», мечтал войти в купеческую гильдию¹. Возможно, с этими амбициями и была связана продажа владений в Малом Спасском. Купцу положен капитал!

Дом 26 на Большой Лубянке, где обосновались Флекенштейны, был в собственности у Московского домовладельческого товарищества, организованного известным банкиром и меценатом Лазарем Поляковым. Первоначально, построенный в 1890 году, дом принадлежал Московскому земельному банку. Основатель банка Поляков активно скупал и продавал земельные участки в Москве, давал ипотечные кредиты. Выгодно пристраивал активы и организовал товарищество домовладельцев. Но и у крупных банкиров бывают проблемы. Кое-какие активы пустили с молотка. В 1912 году у дома появляется единоличный владелец – московская купчиха Евгения Титова, а на следующий год она уступает дом купцу Сергею Кирсанову и Семену Николаеву – продажа оформлена 26 февраля 1913 года². Они-то и владеют домом вплоть до 1917 года³.

Первые сведения о часовом магазине Флекенштейна опубликованы в адресной книге в 1896 году. Не сразу, но появляются сведения и о ювелирной торговле. Довольно любопытно, что и тут Карл Францевич выступает в двух ипостасях. Как будто ведет бизнес на пару с неким Карлом Александровичем, потом к делу подключается Евдокия Михайловна Флекенштейн. Да, теперь она не Егоровна, а Михайловна. Но это все та же Евдокия Флекенштейн. Она просто сменила отчество в посылаемых в

¹ ЦГА Москвы. Ф. 117. Оп. 11. Д. 250. Л. 12.

² Там же. Ф. 179. Оп. 63. Д. 6585. Л. 1.

³ Вся Москва... 1912. С. 294; 1913. С. 267; 1914. С. 267.

адресную книгу сведениях. Как помнится, ее отцом был Михаил Сидон.

В адресной книге «Вся Москва» даны сведения отдельно по ювелирной торговле и часовому магазину. И указаны разные владельцы так, как будто магазинов было два. Хотя, помещение магазина было общим и довольно небольшим, но торговля часами и ювелирными изделиями внутри могла быть отдельной. Сведения для публикации в рубрике «Торгово-промышленные предприятия» в адресной книге «Вся Москва» Флекенштейн подавал каждый год, но есть пропуски в рубрике «ювелирные вещи». Возможно, в какие-то годы драгоценностями не торговали или не подавали сведений по ювелирной части. И вот какая в итоге картина:

Сведения о владельцах магазина часов и ювелирных изделий по адресу Большая Лубянка, дом 26 в Москве¹

Год	Часы	Ювелирные вещи
1896	Флекенштейн К.Ф.	нет упоминания
1897	Флекенштейн К.Ф.	нет упоминания
1898	Флекенштейн К.А.	нет упоминания
1899	Флекенштейн К.А.	нет упоминания
1900	Флекенштейн К.А.	Флекенштейн К.Ф.
1901	Флекенштейн К.А.	Флекенштейн К.Ф.
1902	Флекенштейн К.А.	Флекенштейн К.Ф.
1903	Флекенштейн К.Ф.	нет упоминания
1904	Флекенштейн К.Ф.	нет упоминания
1905	Флекенштейн К.Ф.	Флекенштейн К.Ф.
1906	Флекенштейн Е.М.	Флекенштейн К.Ф.
1907	Флекенштейн Е.М.	нет упоминания
1908	Флекенштейн Е.М.	нет упоминания
1909	Флекенштейн Е.М.	Флекенштейн К.А.
1910	Флекенштейн К.А.	Флекенштейн К.А.
1911	Флекенштейн К.А.	Флекенштейн К.А.
1912	Флекенштейн К.А.	Флекенштейн К.А.
1913	Флекенштейн К.А.	Флекенштейн К.А.

¹ Там же. 1896. С. 529; 1897. С. 440, 472; 1898. С. 1373; 1899. С. 1423; 1900. С. 1542, 1583; 1901. С. 1661, 1705; 1902. С. 1876, 1926; 1903. С. 312, 333; 1904. С. 521, 556; 1905. С. 629, 675; 1906. С. 614, 655; 1907. С. 608, 647; 1908. С. 422, 704; 1909. С. 442, 638, 681; 1910. С. 708, 753; 1911. С. 790, 838; 1912. С. 843, 896; 1913. С. 911, 961; 1914. С. 951, 1007; 1915. С. 839, 892; 1916. С. 769, 817.

Окончание табл.

Год	Часы	Ювелирные вещи
1914	Флекенштейн К.А.	Флекенштейн К.А.
1915	Флекенштейн К.А.	Флекенштейн К.А.
1916	Флекенштейн К.А.*	Флекенштейн К.*

* Наличие Карла Александровича Флекенштейна, умершего 17 августа 1915 года, в адресной книге 1916 года можно объяснить тем, что сведения о владельцах торгово-промышленных предприятий обычно подавались до 1 июля предшествовавшего изданию года.

Согласно приведенным сведениям из книги «Вся Москва», может сложиться впечатление, что торговлю часами начал в 1895 году Карл Францевич и в 1897 году передал дело Карлу Александровичу, переключившись на ювелирные изделия. В адресной книге 1900 года владельцем магазина золотых и серебряных изделий на Большой Лубянке значится Карл Францевич Флекенштейн¹. В 1905-м торговлю часами записали на Евдокию Михайловну, что и нашло отражение в книге за 1906-й. Но в 1906 году имя Карла Францевича Флекенштейна последний раз фигурирует в адресной книге, и в последующие годы он больше не упоминается. Растворился! Повисает вопрос, он что – уехал или умер? Вся торговля в магазине, и часами, и ювелирными вещами, согласно книге, числится в руках Карла Александровича Флекенштейна.

Ясность вносит другой исторический источник, кстати, исходя из его предназначения, вызывающий больше доверия. И картина вырисовывается совсем иная. В «Справочной книге о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по городу Москве» на 1899 год четко значится: Флекенштейн Карл Францевич, возрастом 42 лет, финляндский уроженец, занятый торговлей часами и ювелирными изделиями в магазине на Большой Лубянке (в доме Московского домовладельческого товарищества)². И в последующие годы вплоть до 1904 года (включительно) именно он и только он обладает свидетельством на право и часовой, и ювелирной торговли³. А уже в книге на 1905 год указано, что промысловое свидетельство на торговлю

¹ Вся Москва... 1899. С. 1423; 1900. С. 340.

² Справочная книга о лицах, получивших на 1899 год купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве. М., 1899. С. 273.

³ Там же. 1902. С. 296; 1903. С. 293; 1904. С. 310.

Запись о Евдокии Флекенштейн, получившей свидетельство на торговлю золотыми и серебряными изделиями
1915

[ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 4. Д. 4510. Л. 4-4 об.]

часами и ювелирными изделиями в магазине по тому же адресу выдано Евдокии Михайловне Флекенштейн, финляндской гражданке¹. И далее она в этом же качестве упомянута в справочных книгах с 1906 по 1910 год и в 1915 году². И никакого Карла Александровича Флекенштейна в указанной справочной книге вообще нет и не было³.

В отличие от адресной книги «Вся Москва», куда сведения подавались в частном порядке, в «Справочной книге о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по городу Москве» публиковались официальные сведения, имевшиеся в Московской купеческой управе на основе выданных промысловых свидетельств⁴.

Без сомнения, Карл Флекенштейн, как и Евдокия, сменил в 1904 году отчество и стал Карлом Александровичем. И историки пишут, что Карл Францевич предпочитал в быту отчество – Александрович⁵. Собственно этим и объясняются последовавшая перемена отчества и расхождения в ранее приведенных печатных источниках. Ну что тут скажешь – и она не Егоровна, и он не Александрович! От кого они прятались, скрываясь за разными отчествами? Да, кстати, и о фамилии. Правильное написание с двумя «ю» – Флекенштейн. Именно так в промысло-

¹ Там же. 1905. С. 272.

² Там же. 1906. С. 258; 1907. С. 247; 1909. С. 272; 1910. С. 245; 1915. С. 273.

³ См., например, отсутствие упоминаний Флекенштейн: Там же. 1911. С. 254; 1912. С. 271; 1913. С. 280; 1914. С. 255; 1916. С. 275.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 4.

⁵ Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова...

вых свидетельствах. Так и в официальных документах, но не во всех и не всегда.

Между тем первые достоверные сведения о мастерской Карла Францевича Флекенштейна относятся уже к 1893 году. Хозяин он был суровый, а с учениками даже жестокий. За это и угодил под суд. Трудно сказать, чем его прогневил юный ученик мастерской Борис Пучков. Может быть, он, как герой известного фильма, завел почтовых голубей и цеплял им на шею золотые часики. Правильно – птица с выучкой прилетит с ценным браслетом в нужное место. Но это так – фантазия, не относящаяся к делу. Скорее всего, ученик просто в чем-то провинился по работе. И появилось дело «О купце Карле Францевиче Флекенштейне в превышении мер домашнего исправления над учеником при своей мастерской Борисом Пучковым по 1378 и 1483 ст. Уложения о наказаниях».

Дело-то нешуточное. Стоит процитировать статьи обвинения. Менее тяжкая статья 1378 гласила: «Если мастер или подмастерье будет изобличен в злоупотреблении дозволенных ему законом мер домашнего исправления учеников своих, или в том, что он дает им недовольно успокоения и пищи, то он за сие подвергается: денежному взысканию от пяти до двадцати рублей в ремесленную казну»¹. Серьезнее звучала статья 1483: «За нанесения ран или иного повреждения, без обдуманного заранее намерения, в запальчивости или раздражении, но однакож и не случайно, а со знанием последствий сего деяния» виновный подвергается в случае тяжких повреждений к лишению личных и имущественных прав и отдаче в исправительные арестантские отделения на срок от одного до полутора лет, а в случае легких ран или повреждений – заключению в тюрьму на срок от двух до четырех месяцев².

То, что случилось в мастерской 3 августа 1893 года, описано сухим языком протокола: «Флекенштейн таскал за волосы мальчика Пучкова, бил его по щекам, затем уронил на пол и носком сапога ткнул в лоб, и перенес ногу через его голову, каблуком сапога причинил рану на голове»³.

В январе 1894 года Флекенштейн получил три месяца тюрьмы и денежное взыскание в ремесленную казну. В тюрьму са-

¹ Свод законов Российской империи. Пг., 1916. Т. 15. Ч. 1. С. 305.

² Там же. С. 11, 335.

³ ЦГА Москвы. Ф. 131. Оп. 14. Д. 2301. Л. 4.

даться не хотелось, взялся апеллировать. Нанял присяжного поверенного Зыкова. Тот довольно ловко аргументировал необходимость оправдания подсудимого. Писал, что мальчик сам поранился, упав на лежащие на полу инструменты, указывал на состоявшееся «примирение сторон». Утверждал об отсутствии связи между действиями обвиняемого и появлением раны на голове пострадавшего и упирал на отсутствие знаний у Флекенштейна о «последствиях деяния», как это требовала статья 1483, да и вообще «показаниями свидетелей, обвинение представляется недоказанным и сомнительным»¹.

Тем не менее все инстанции были проиграны. Время шло, и спасение принес Всемиловейший манифест от 14 ноября 1894 года, выпущенный по случаю бракосочетания императора Николая II. Помимо множества милостей, типа снижения процентов по ссудам, погашения долгов дворянскому банку и прощения невыплаченных пени и штрафов, в части IV Манифеста объявлялась амнистия и снижение сроков по ряду преступлений. Московская судебная палата 19 декабря рассмотрела в гласном заседании дело Флекенштейна и вынесла приговор в окончательной форме 4 января 1895 года. От тюремного наказания Флекенштейн был освобожден, но в остальной части приговор апелляционной инстанции от 4 апреля 1894 года был оставлен в силе, и 15 рублей в ремесленную казну ему заплатить пришлось².

Извлек ли Карл Флекенштейн урок и стал ли после этого случая мягче относиться к ученикам? Наверное, нет. Особенно если учесть, как он оправдывался и отнекивался в апелляционных жалобах, утверждая даже о «примирении сторон». Скорее, он стал осмотрительнее и осторожнее. Крутой нрав и склонность к бытовому насилию в одночасье не исчезают. Характер!

То, что именно Евдокия Флекенштейн в 1905 году оформила промысловое свидетельство на себя, что-то да значит. Теперь она своим характером и хваткой главенствовала в семье. Крепкая хозяйка! И состояние семьи в этот момент в зените. Да, Флекенштейны безусловно богаты и развивают свою торговлю. Хотя наиболее оборотистые дельцы не упускали случая помещать в рубрике «Торгово-промышленные предприятия» в адресной книге «Вся Москва» не просто краткую информацию о своих ма-

---

¹ Там же. Л. 3 об.

² Там же. Л. 8–9.

ЧАСЫ

лучшихъ фабрикъ, съ руча-
тельствомъ, въ громадномъ
выборѣ

по фабричнымъ цѣнамъ
въ магазинѣ

К. ФЛЕККЕНШТЕЙНЪ,
Москва, Б. Лубянка, противъ
Срътенскаго монастыря.

*Реклама магазина
Флекенштейна
в газете
[Из открытых
источников]*

газинах, но и броскую рекламу в заметной рамке. Флекенштейн старался не отставать, но свой магазин рекламировал через газеты – это дешевле.

Четырехэтажный дом 26 на Большой Лубянке, ставший основным местом жительства Карла Флекенштейна, где располагался и его магазин с мастерской, был вполне современным. В нем были водопровод и канализация, а в подвале дома – котельная для отопления¹. По состоянию на февраль 1914 года семья Флекенштейна занимала на первом этаже квартиру из шести комнат с одной кухней. Часовой магазин располагался рядом в комнате с окном, а к нему примыкала комната без окон, в которой находилась мастерская. Квартира Флекенштейна занимала площадь 27,2 квадратные сажени (123 кв. м), а магазин – 12,7 (57 кв. м). Также на первом этаже здания располагались и другие торговые заведения: магазин дамского готового платья Владимира Михельсона, табачный магазин Калабуховой и чулочный магазин Сарры Гаррис с квартирой.

Второй, третий и четвертый этажи здания занимали меблированные комнаты с жильцами. Согласно оценочной ведомости, годовая доходность с площади помещений, арендуемых Флекенштейнами, должна была составлять 3300 рублей в год

¹ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 63. Д. 6585. Л. 1, 3.

*Дом 26 на Большой Лубянке (слева)
[Из открытых источников]*

*Дом 26 на Большой Лубянке
1980
[Из открытых источников]*

(2400 квартира и 900 мастерская)¹. Флекенштейн платил меньше. Он имел письменный договор с владельцем дома, согласно которому годовая плата за квартиру и мастерскую составляла 2500 рублей в год². Надо полагать, доход магазина и мастерской с лихвой покрывал расходы на аренду квартиры. Так что, вопреки распространенному мнению, Флекенштейн не был владельцем не только всего дома, но даже и квартиры.

Лишние деньги в семье были, и Евдокия их вкладывала в недвижимость и землю. У Александра Николаевича Богданова она купила 10 января 1905 года участок земли в селе Богородском Ростокинской волости близ Москвы³. Возможно, Богданов был родственником той самой Василисы Богдановой, которая в 1891 году продала Евдокии владение в Малом Спасском переулке. Если так, то понятно – люди знакомые, проверенные, при сделке не надуют. У кого еще покупать-то, как не у своих людей, да по доброму совету.

По непонятным причинам или в результате каких-то интриг в 1908 году участок был записан как собственность Карла Флекенштейна. Но 17 ноября 1908 года Евдокия обратилась в Московскую уездную земскую управу с просьбой «зачислить землю на ее имя», мотивировав тем, что ее мужу «земля никогда не принадлежала и не принадлежит»⁴. Возможно, такие резкие формулировки, попавшие в официальную бумагу, – признак напряженности в семье и разлада между супругами. Может быть, и так. Или это знак акульей хватки Евдокии, прибиравшей к рукам все семейное дело. Да, та еще семейка!

Купленный участок, в общем-то, был небольшой. Всего 141,75 квадратной сажени, это около 645 кв. м. В окладной книге участок числился как угодья. Но долго владеть угодьями не случилось. Участок в селе Богородском в местности Малое Польце по 2-й Мещанской улице Евдокия продала 12 сентября 1913 года⁵. Что-то Евдокия на участке успела возвести. Может быть, дачный домик с сараями. При продаже там уже значились жилые и нежилые строения общей оценочной стоимостью 6078 рублей (всего три строения, из них самое крупное оценено

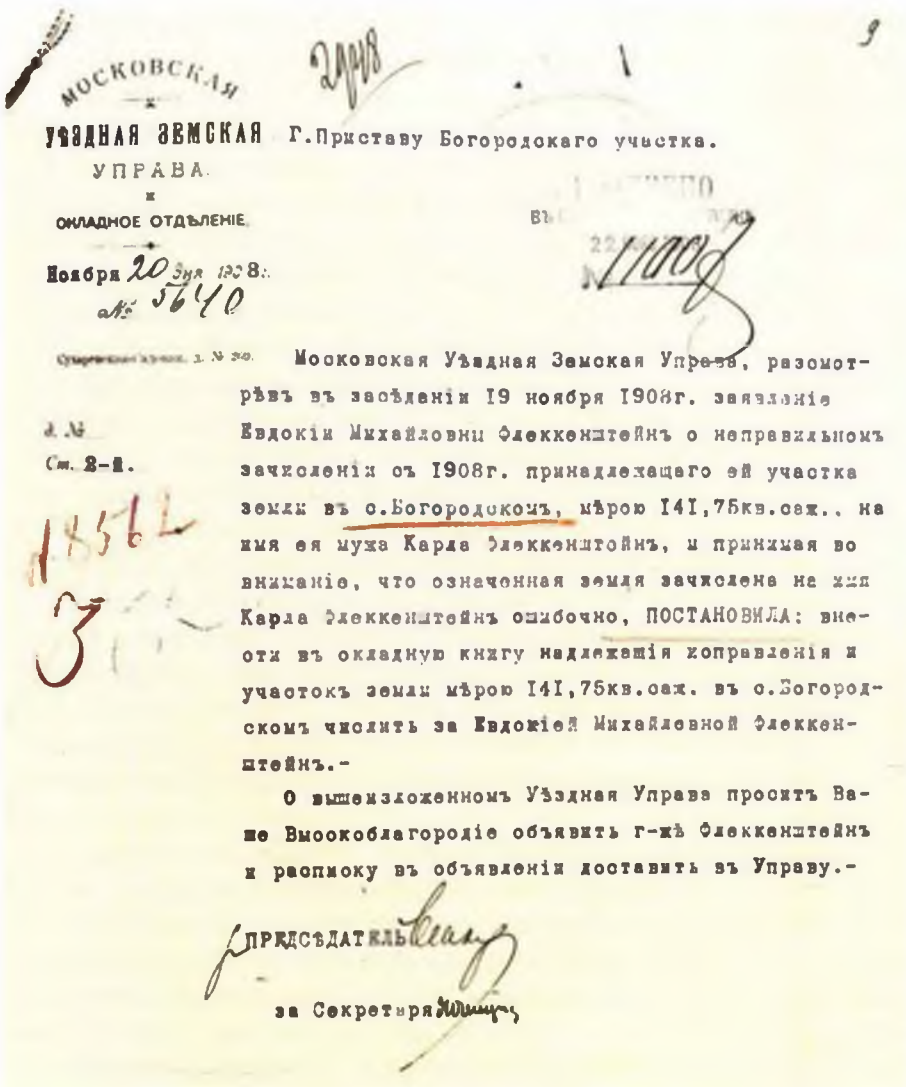
¹ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 63. Д. 6585. Л. 3.

² Там же. Л. 7 об.

³ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8396. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 6.

Уведомление Московской уездной земской управы
о принадлежности земельного участка Евдокии Флекенштейн
20 ноября 1908

[ЦГА Москвы. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8396. Л. 9]

в 3891 рубль)¹. Удивляет стоимость сделки по купчей крепости, указанная на обороте уведомления нотариуса в управу, — 5 ты-

¹ Там же. Л. 6, 12.

сяч рублей¹. Может быть, что-то случилось и все строения были разобраны и проданы, разрушены стихией или сгорели наконец? Или это какие-то махинации – пять пишем, а два в уме?

Грянувший в 1915 году погром, ставший для Флекенштейна роковым, начался 26 мая с беспорядков на ситценабивной фабрике Товарищества Альберта Гюбнера в районе 1-го участка Хамовнической части. Собравшиеся утром у фабрики рабочие «не встали на работу и предъявили требование об удалении с фабрики всех служащих немецкого происхождения»². Один из владельцев фабрики, Николай Второв, безуспешно пытался уговорить рабочих. К вечеру они толпой в несколько тысяч человек двинулись по Плющихе и через Смоленский рынок к Прохоровской мануфактуре, где накануне пищей отравились рабочие. Как утверждалось в отчете следователя, «имели место среди рабочих холероподобные заболевания»³. В рабочей среде тут же распространился слух о намеренном отравлении 300 человек, из которых умерли 60. А кто бы это мог сделать? Ну ясно – «немец», кто же еще. И пошло как снежный ком. На самом деле, по данным градоначальника, заболели в результате пищевого отравления 140 человек и шестеро умерли⁴. Это тоже немало, хотя реальное число пострадавших уже не имело значения. Важнее – кто виноват, и тут верили самым невероятным и фантастическим слухам.

Толпа двигалась с пением «Спаси, Господи, люди твоя», также пели национальный гимн, прерываемый выкриками «Долой немцев!». Но рабочие Прохоровской мануфактуры работу не бросили и к толпе не присоединились. Постояв полтора часа у мануфактуры, толпа стала расходиться. Это было только начало. На следующий день все повторилось, но масштабнее. Утром 27 мая опять у мануфактуры Товарищества А. Гюбнера собралась толпа рабочих, взяв портреты «высочайших особ» и национальные флаги, люди двинулись к Крымскому мосту.

Полиция бездействовала. Сверху поступило указание не препятствовать демонстрации, носящей «мирный характер». Это удивило полицейских, «так как с осени 1914 года манифестации допускались лишь в виде исключения в дни празднования по-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8396. Л. 6 об.

² Там же. Ф. 131. Оп. 96. Д. 3. Л. 50.

³ Там же. Л. 50–50 об.

⁴ Там же. Оп. 99. Д. 185. Л. 7.

бед, каковых в ближайшее предшествующее время одержано не было»¹. Эта ироничная фраза о победах вошла в отчет следователя, которому позднее поручили вести дело о бездействии московской полиции и ее начальства.

Разросшаяся по дороге толпа направилась к Рябовской ситценабивной мануфактуре, затем к Даниловской мануфактуре. К шествию присоединялся разный люд. У фабрики Цинделя ворота оказались заперты. Это разогрело и разозлило пришедших. Стали ломать ворота, лезли через забор. Нанесли побои приставу, до полусмерти избили представителя правления фабрики Георгия Карлсена, охранявшего ворота. После чего начались уже совсем жуткие расправы. Избитого Карлсена повели топить в реку. Полиция была бессильна что-либо сделать. Несчастливого бросили в реку и забрасывали камнями, не давая спастись. Он утонул на глазах полиции².

Погромщики врываются в квартиры, громят конторы близлежащих фабрик, хватали «немцев» на улицах. Максимум, что удавалось полиции – уговорами отбирать у толпы схваченных и, для вида «арестовывая», увозить в участок для их же безопасности. Теперь уже началось и хищение имущества разгромленных контор и квартир. Полиция задержала 63 грабителя, но на следующий день их выпустили по распоряжению Главного начальствующего над Москвой князя Юсупова. А невинных жертв тем вечером становилось все больше. Двух женщин избили ногами и палками, нанося удары и камнями, двух других женщин бросили с Краснохолмского моста в водоотводный канал и забрасывали камнями. Одна из них утонула, вторую, вытащив из канала, пытался спасти полицейский, заметив это, погромщики вновь набросились на женщину и убили ее³.

К двенадцати ночи все успокоилось и стало тихо. Но в полиции были убеждены – на утро погром приобретет новый размах. Так и произошло. Чинами полиции высказывалось пожелание вызвать войска, но оно не получило одобрения. Более того, на ночном совещании градоначальник Андрианов передал собравшимся мнение князя Юсупова: «Ну нагайки туда-сюда, но оружия употреблять нельзя»⁴. Андрианов полагался на «успока-

---

¹ Там же. Оп. 96. Д. 3. Л. 51.

² Там же. Л. 52–53 об.

³ Там же. Л. 54–55 об.

⁴ Там же. Л. 58 об.

ивающие сведения» Охранного отделения, что беспорядки продолжаться не будут¹.

28 мая беспорядки начались в Замоскворецком районе. С семи утра рабочие фабрики Даниловской мануфактуры на работу не вышли. Толпа росла. Пошли по Мытной. Все продолжилось по вчерашнему сценарию, искали на фабриках «немцев», правда, пока милостиво сдавали их в полицию. Но теперь уже открыто расхищали товар на фабриках. По оценке полиции, в толпе уже было 20 тысяч человек. Беспорядки начались и в других частях города, везде росли толпы. Уже в десять утра громили квартиры «немцев»².

В два часа дня пятитысячная толпа перешла через Москворецкий мост на Красную площадь, и начался погром в Средних торговых рядах. Громили все, что имело иностранную вывеску. Как отмечала полиция, «из района 1 участка Мясницкой части по Лубянке толпа проникла в район 2 участка Сретенской части»³. Магазины громили и поджигали. Лишь около семи часов вечера погром на Мясницкой и прилегающих улицах прекратился, но толпы погромщиков заменили вереницы грабителей, потянувшиеся во все стороны⁴. К девяти – десяти часам вечера погром охватил всю территорию Москвы⁵. Только после ночного заседания Городской думы было принято решение применить силу и вызвать воинские наряды. На следующий день погром в городе прекратился, перекинувшись на пригороды⁶.

Весть о погроме дошла до Санкт-Петербурга. В Москву был послан командующий Особым корпусом жандармов Джунковский. Он прибыл утром 29 мая и возглавил наведение порядка. В тот же день с помощью войск с беспорядками в Москве справились, но начались погромы в окрестностях и пострадали наиболее богатые усадьбы и дачи. Николай II записал в дневнике 1 июня: «В 10 час. принял Джунковского по возвращении его из командировки в Москву по случаю беспорядков и погромов»⁷. Выводы были сделаны. Принята отставка градоначальника Ан-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 96. Д. 3. Л. 58 об.

² Там же. Л. 62.

³ Там же. Л. 73 об.

⁴ Там же. Л. 84.

⁵ Там же. Л. 77.

⁶ Там же. Л. 89 об.

⁷ Дневники Императора Николая II. М., 1992. С. 531.

дрианова, через пару недель и князь Юсупов лишился должности главного начальника Московского военного округа, а позднее перестал быть и Главным начальствующим над городом Москвой.

Флекенштейну было от чего расстроиться. И дело даже не в убытках, которые хотя бы частично могли быть покрыты страховыми выплатами. Обиднее всего – бездействие полиции, не защитившей торговцев. Полиция проявила ту степень нерешительности, которая погромщиками была понята как одобрение их действий: «...сущность увещаний, с которыми чины полиции обращались к толпе, сводившаяся к тому, что тот или другой из магазинов, которым угрожала опасность погрома, принадлежит не “немцам”, а русским, была такова, что эти увещания, по признанию самих чинов полиции, – не могли не производить впечатления, что погромы немецких магазинов полиция считает допустимыми, что этих погромов высшее начальство желает»¹.

Паралич воли нашел свое объяснение в докладе исполнявшего обязанности начальника московской полиции Александра Севенарда князю Юсупову. Доклад «состоял в доказательстве того положения, что вспыхнувшие беспорядки и погромы являются долго назревавшим и наконец прорвавшимся нарывом, и что применение к толпе каких либо репрессий могло бы повести к самым ужасным последствиям, при чем глубоко патриотическое настроение толпы неминуемо превратилось бы, по его словам, в ярко революционное... Севенард высказывал, что он хорошо знает Москву, что у него есть опыт 1905 года, что призыв войск озлобит толпу, вызовет разгром банков и т. п.»².

Еще хуже то, что власть сама создала условия для разгула народной стихии. В газетах писали об опасности, исходящей от «внутренних немцев», и подогревали страхи перед «шпионами». В том же направлении мыслил и Главным начальствующим над Москвой князь Юсупов. Уже после погрома он телеграфировал 31 мая министру внутренних дел и сетовал на отсутствие своевременных мер по высылке из страны граждан воюющих с Россией держав. В телеграмме Юсупов особо отмечал: «Есть консулы экзотических стран и фантастических республик, цель пребывания коих в Москве под сомнением. Лютеранские па-

---

¹ ЦГА Москвы. Ф. 131. Оп. 96. Д. 3. Л. 85–85 об.

² Там же. Л. 92.

МОСКВА, 29 мая.

Герьков дѣло.

Погромъ нѣмецкихъ магазиновъ и нѣмецкихъ промышленныхъ предприятий, пронесшійся впевапной бурей по Москвѣ, ничего другого не заслуживаетъ по отношенію къ себѣ со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей, кромѣ самаго рѣшительнаго и рѣзнаго осужденія.

Ничто не спорить съ тѣмъ, что нѣмцы являются врагами человѣческаго рода, какъ по всѣмъ основнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, такъ и по всему своему образу дѣйствій; всѣ сознаютъ, что наши внутренніе нѣмцы не только не легше, но даже болѣе опасны для Россіи, чѣмъ германскіе солдаты, вышедшіе противъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ; приходится сознаться, что борьба съ нѣмецкими засильемъ у насъ иной разъ велась въ достаточной степени вяло и нерѣшительно. Все это такъ, но изъ этого отнюдь не вытекаетъ права на самосудъ для уличной толпы.

Въ тяжкія и трудныя минуты, переживаемыя теперь нашей родиной, улица не должна, не можетъ, не смѣетъ высказывать своихъ желаній и требованій въ такой безобразной формѣ, а чѣмъ болѣе выступать съ самостоятельными обособленными дѣйствіями, усложняющими и безъ того серьезное плакучее дѣло.

Все наше вниманіе должно быть сосредоточено теперь на войнѣ.

Кто отвлекаетъ его отъ войны, тотъ — преступникъ и передъ народомъ, и передъ государствомъ. Незамолчимъ грѣхъ тѣхъ людей, которые вносятъ роань въ нашу жизнь въ то время, когда особенно и существенно необходимы сплоченность и единство.

Мы не овладеваемъ всей полнотой ответственности за происшедшее на народныхъ массы, дѣйствозавшія подъ влияніемъ порыва, гнѣва и ярости... Ихъ единственное оправданіе заключается въ томъ, что онѣ не вѣдали, что творили. Что было, то было, и сдѣланнаго нельзя исправить. Но пусть всѣ тѣ, кто вышелъ на погромъ, руководясь справедливымъ гнѣвомъ противъ нѣмцевъ, теперь, когда уже все кончено, прислушаются къ долосу своей совѣсти. О, совѣсть неподкупная, совѣсть русская, совѣсть христіанская скажетъ вамъ лишь безповоротное слово осужденія. Развѣ исправлены нѣмецкія беззаконія нашимъ беззаконіемъ? Развѣ жертвы великой Россіи и страданія нашихъ братьевъ окуплены свершопнымъ насильемъ? Конечно, нѣтъ. Напротивъ, участники погрома принизились до уровня нашихъ враговъ, стали на одну доску съ ними, хуже того, — сыграли имъ въ руку внезапнымъ внесеніемъ смуты въ мирное теченіе жизни, — и воспоминаніе о Сидяхъ погрома навсегда останется въ воспоминаніемъ, отъ котораго горько дѣлается на душѣ.

Да будетъ же стыдно за эти дни насилія тѣмъ, у кого темныя и вивкіе вистинкты ва кратіе — мы вѣрнимъ въ это — время взамъ

Газетная статья о погроме в Москве

30 мая 1915

[Московские ведомости]

сторы занимаются столько же церковными делами, сколько и шпионажем»¹. С экзотикой как раз понятно. Юсупов оправдывался за разоренное и сожженное погромщиками консульство одной из латиноамериканских стран.

Но вот что характерно и наводит на подозрения. В докладной записке Московского городского головы Михаила Челнокова председателю Совета министров от 4 июня 1915 года рассказывалось о таких деталях погрома: «Громили рассыпались по Москве небольшими партиями от 15–25 человек, состоящими по преимуществу из подростков и женщин. Погромы совершались спокойно, по какому-то определенному плану; во главе погромщиков стояли руководители, имевшие у себя списки магазинов и квартир; в некоторых случаях эти начальствующие сносились с кем-то по телефону, наводили справки в своих списках, проверяли торговые документы, паспорта, домовые книги и пр.»².

Экономические последствия погрома были очень серьезными. Некоторые предприятия так и не восстановили работу. Например, фабрика Цинделя пришла в упадок. Всего пострадали 475 торгово-промышленных предприятий и 217 квартир и домов. На 4 июня предварительная оценка ущерба составила свыше 38 миллионов рублей. А главное – погром ударил по своим. Среди пострадавших граждан и владельцев были 113 германских и австрийских подданных, 489 русских подданных с «иностранными фамилиями» и 90 граждан с «чисто русскими фамилиями»³.

Неизвестно, в какой степени пострадал магазин Флекенштейна и каковы были его убытки. Он вдруг остро почувствовал себя чужим в этой стране – лютеранин с подозрительной фамилией, звучащей на немецкий лад. Вероятно, перенесенные переживания ускорили его кончину. И умер он вдалеке от Москвы. В газете «Русское слово» появилось лаконичное извещение о его смерти, наступившей 17 августа 1915 года⁴. А следом и сообщение о прибытии тела в Москву, об отпевании в часовне на Введенском кладбище и похоронах. На следующий день после похорон Карла Флекенштейна в книге записи метрических свидетельств евангелическо-лютеранской церкви святого Михаила

---

¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 232. Д. 4. Л. 4.

² Там же. Л. 172.

³ Там же. Л. 174.

⁴ Русское слово (Москва). 1915. 21 августа. Автор благодарит Ирину Середину и Татьяну Сенюхину за помощь в поиске некролога.

Извещеніе о кончинѣ К.А. Флекенштейна

21 августа 1915

[Русское слово]

Извещеніе об отпеваніи и похоронахъ К.А. Флекенштейна

23 августа 1915

[Русское слово]

в Москве 24 августа 1915 года появилась отметка за номером 581 о выданном свидетельстве о его смерти¹. Да, Карл Флекенштейн был лютеранином и прихожанином этой церкви. Он упоминался в алфавитном списке прихожан еще в 1896 году².

И вот что еще важно отметить. О кончине Карла Флекенштейна скорбно сообщали жена, дочь, зять и внук. Это первое упоминание Андропова в печати. Да, пока безлично – всего лишь «внук». Но сам факт этого упоминания весьма важен. Можно сделать вывод: младенец Юрий Андропов живет в Москве. И здесь же его родители, обозначенные в извещении как дочь и зять. Следовательно, вся семья в сборе, и, похоже, Евгения Карловна еще не собирается перебираться на Северный Кавказ.

Во главе магазина осталась Евдокия Флекенштейн. Впрочем, она лишь подтвердила свой статус. Как помним, именно ей в 1915 году принадлежало «промысловое свидетельство» на часо-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 148. Л. 144 об.

² Там же. Д. 139. Л. 16; Д. 144. Л. 25.

вой и ювелирный магазин¹. Погром или другие обстоятельства тому виной, но к маю 1916 года в доме 26 на Большой Лубянке полностью сменился состав арендаторов торговых помещений. Там, где раньше располагался магазин Флекенштейна, обособилась кофейня с подачей горячих блюд, а место табачного, чулочного магазинов и магазина готового платья заняли магазины дамских шляп и разных товаров². Торговля после погрома захирела. А позднее, в том же году, владельцы дома и вовсе расселили жильцов и затеяли перестройку здания, закончившуюся в 1917 году.

Да, Евдокии Флекенштейн пришлось сменить место жительства. Она переехала на Александровскую площадь в дом 9/1 в квартиру поскромнее (ныне площадь Борьбы)³. Ювелирный магазин тоже переехал с Большой Лубянки на Пречистенку, 17, в дом, которым владела баронесса Мария Александровна фон Шеппинг⁴. Евдокия держала магазин вплоть до 1917 года. А наступивший большевистский порядок стал для собственников хуже всякого погрома. Он упразднил все.

Похоже, Евдокия и не строила далеко идущих планов. Скорее, завершала дело. Дочь с зятем и внуком уехали, и Евдокия осталась в Москве одна. В предреволюционный год торговала в своем магазине уже в одиночку и у прилавка стояла сама – распродавала остатки товара. Возможно, это ее и спасло. Отсутствие наемной рабочей силы – всяких там приказчиков и продавцов означало, что она лишь мелкая торговка и имеет шанс избежать лишения избирательных прав, как это предусмотрела новая власть для «эксплуататоров». Андропов этим и козырял, когда в

---

¹ Справочная книга о лицах, получивших на 1915 год купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве. М., 1915. С. 273.

² ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 63. Д. 6585. Л. 23.

³ Вся Москва... 1917. С. 512.

⁴ Там же. С. 846, 897. В книге ошибочно указано два владельца магазина: в перечне часовых магазинов – Флекенштейн Карл Александрович по адресу Пречистенка, 17 и в перечне ювелирных магазинов – Флекенштейн Евдокия Егоровна по адресу Большая Лубянка, 17. В обоих случаях дан один и тот же телефон: 215-30. По адресу Большая Лубянка, 17 располагался Сретенский монастырь. По-видимому, при подготовке справочника (а сведения подавались до 1 сентября 1916 года) не учли факт смены владельца магазина, ошиблись в новом адресе, да и отчество Евдокии Флекенштейн дали то, какое она использовала до 1904 года.

автобиографии упирал на то, что его бабка не лишалась избирательных прав и, следовательно, чиста перед советской властью.

Хотя, с другой стороны, и мелкие торговцы лишались избирательных прав. Советская власть вполне могла ориентироваться на имевшиеся в ее распоряжении документы Купеческой управы о выданных промысловых свидетельствах. Евдокия Флекенштейн такие свидетельства получала, и в официальных изданиях ее имя фигурировало. Как же получилось, что новая власть не лишила ее прав? Если она осталась жить по прежнему адресу на площади Борьбы, то есть смысл посмотреть списки по соответствующим районам. Но, увы, в списках лиц, лишенных избирательных прав по Краснопресненскому и Октябрьскому районам Москвы, ее фамилии нет¹. А может быть, она сменила фамилию и адрес? Это был спасительный вариант. Так ли это или нет – трудно сказать.

А что же с остальными, упомянутыми в адресной книге Флекенштейнами, кем они друг другу приходились? Если отсеять случайных персонажей – «залетевшего» на пару лет в Москву и в адресную книгу предпринимателя Витоса Романовича Флекенштейна с местом жительства на Большой Серпуховской и точно так же мелькнувшую в Москве в адресной книге 1910 года и навсегда исчезнувшую акушерку Марию Абрамовну Флекенштейн, то кто же остается? Похоже, остается еще неизвестная нам родня Андропова. Только такие родственники ему были не нужны. Отягчающие биографию «бывшие» – вот кто они. И в своих автобиографиях и анкетах Юрий Андропов о них никогда ничего не писал.

Вот на Петровке в доме купчихи Клавдии Обидиной в 1895 году значится Мария Карловна Флекенштейн, возможно, она дочь Карла Флекенштейна². Если так, то она тетя Андропова. Позднее она не упоминалась, так как вполне могла выйти замуж и сменить фамилию.

А еще в 1917 году в Москве оставалась супружеская пара – Владимир Александрович и Екатерина Петровна Флекенштейны. Мог ли им Андропов приходиться внучатым племянником – трудно сказать. Хотя кто знает? Об этой паре известно немного. Вдова мещанина Екатерина Петровна Меньшова владела участком по 3-му Красносельскому переулку, который она унас-

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-3096. Оп. 1. Д. 2, 5–7; Ф. Р-3108. Оп. 1, 2.

² Вся Москва... 1895. С. 195.

ледовала по завещанию. 26 апреля 1902 года она обвенчалась с конторщиком из Выборга Флекенштейном. Их обвенчал причт московской Федоровской церкви в богадельне Д.А. Морозова. В метрической книге муж записан как Флекенштейн Вольдемар Андреевич Вильгельм, лютеранского вероисповедания, 37 лет, сочетается первым браком. Его жена – московская мещанка слободы Лужников Екатерина Петровна Меньшова, православного вероисповедания, 42 лет, сочетается вторым браком¹. Ну все понятно, еще один Флекенштейн прибыл в Москву и женился. Причем удачно: жена – домовладелица. А вот был ли этот Вольдемар, ставший в Москве Владимиром Александровичем, родственником Карла Францевича (тоже, между прочим, сменившим отчество на Александрович), трудно сказать. Зато все из Выборга! Интересный город – просто родина Флекенштейнов.

И еще сложнее определить, была ли с Карлом и Евдокией в родстве Мария Федоровна Флекенштейн, отмеченная в адресной книге в 1914–1916 годах. Но бесспорно одно. В 1917 году в Москве помимо них есть главный человек – Евдокия Михайловна Флекенштейн, приходившаяся Андропову бабушкой.

О роковом для семьи погроме 1915 года Андропов помнить не мог, знал лишь по семейным преданиям. Но «пепел Клааса» стучал в его сердце. В Рыбинском техникуме в контрольной работе по русскому языку, выбрав в качестве любимого писателя Маяковского, он пишет: «Февральская революция породила погромы и своры черных сотен. Маяковский резко выступает против преступлений. “Черт вас возьми черносотенная сволочь”, – восклицает он злобно в своем произведении “Жид”. И так всегда!»².

Что тут сказать – звучит пафосно, но совсем не по делу. Тот погром в Москве вовсе не был еврейским. Но Андропов и дальше держится этой линии. В пояснениях к автобиографии в январе 1939 года он прямо пишет о деде: «В 1915 году во время еврейского погрома мастерская его была разгромлена, а сам он умер в 1915 г.»³. Написано вполне четко – «еврейского погрома»! Андропов, конечно, понимал, что нужно писать о понятном каждому – о гонимых при царском режиме евреях. Об этом знают все, да и само слово «погром» прочно ассоциируется с ними же. А вот не грешить против истины и написать о том, что погром

¹ ЦГА Москвы. Ф. 117. Оп. 23. Д. 405. Л. 69.

² РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 22.

³ Там же. Д. 67. Л. 16.

был против немцев, – это прямо себе в убыток. Скажут – вот оно что, дед-то у тебя – немец! В общем, из двух национальностей предков Андропов выбирает политически наиболее приемлемую и не влекущую за собой прямой опасности. И то правда, писать в середине 1930-х о предках немцах так же опасно, как и в военном 1915 году.

Вопрос, откуда в семье Флекенштейнов взялась девочка Евгения, до сих пор до конца не выяснен. Вернее, как. То, что девочка приемная – вроде ясно, и об этом по счастью в архиве нашелся документ. Но откуда она взялась и кто ее настоящие родители – не сказано. В архивной папке с замысловатым названием «Дело секретного отделения Канцелярии Московского генерал-губернатора по прошению жены московского купца Евдокии Егоровны Флекенштейн, – о разрешении удочерить девочку Евгению» обозначены даты начала и окончания рассмотрения вопроса: с 28 августа по 2 ноября 1892 года. Открывает дело главный документ – прошение, адресованное генерал-губернатору: «Имею честь покорнейше просить Ваше Императорское Высочество дозволить мне удочерить девочку, подкинутую 25 декабря 1890 года, которая крещена и названа Евгению, при сем представляю свидетельство полиции и о крещении. Жена Московского купца Евдокия Егоровна Флекенштейн. 1892 года августа 26 дня»¹.

Что важно – Евдокия указывает адрес своего жительства в Малом Спасском переулке. А что еще важней – владение по указанному адресу она купила в январе 1891 года. То есть могла уже там находиться и месяцем раньше. В момент события, так сказать. Но почему-то она обращается с прошением лишь через полтора с лишним года. На свое прошение Евдокия Флекенштейн получила отказ, «так как это до ведения Генерал-Губернаторского Управления не относится», и рекомендацию «с просьбою по означенному предмету она может обратиться в подлежащий Окружной Суд»².

Приложенное к прошению свидетельство за № 17415 от 29 декабря 1890 года было возвращено приставу 1-го участка Сретенской части полиции³. Малый Спасский переулок как раз относился к этому полицейскому участку. 14 октября 1892 года пристав 1-го участка Сретенской части переслал документы в

¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 82. Д. 238. Л. 1.

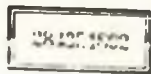
² Там же. Л. 2, 7.

³ Там же. Л. 3, 9.

207

207/172

1

Его Императорскому Высочеству
Московскому Генералу Губернатору

Меня Московская жена
Евдокия Евровна Флекен-
штейнъ жительница Сретенской
части 1^й участка М. Спаски
пер. соб. у. данъ

Прошение

Уважаю себя покорнейше прошить Ваше
Императорское Высочество дозволить мне
удочерить дочь мою, подкинутую 25 Декабря
1890 года, Катюшу Крещена и маляра
Евгения, при семъ представлено сви-
детельство полиции и крещенны
Меня Московская жена Евдокия
Евровна Флекенштейнъ

1892 года

Августа 26го дня

Прошение Евдокии Флекенштейн об удочерении девочки Евгении
26 августа 1892

[ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 82. Д. 238. Л. 1]

1-й участок Мясницкой части полиции¹. Это означает, что Ев-
докия Флекенштейн уже переселилась на Большую Лубянку.
Дальше дело заглохло. Непонятно, обратилась ли Евдокия в

¹ Там же. Л. 5 об.

окружной суд, чтобы честь по чести оформить удочерение. Выявить в архиве бумаги о дальнейших хлопотах по удочерению девочки не удалось, но без сомнения оно состоялось.

Все, как в святочных рассказах со счастливым концом. В Рождественскую ночь девочку действительно подбросили, и она обрела заботливых родителей. Обратим внимание, все произошло там, где жила Евдокия, – на территории Сретенской части, о происшествии с подкинутым ребенком было составлено свидетельство за № 17415 от 29 декабря 1890 года приставом 1-го участка. Наверное, стоит поискать этот документ в архиве, если, конечно, он сохранился, что-то часто его пересылали из участка в участок. А пока можно лишь предполагать, что ребенок сразу оказался у Евдокии.

У ничейной девочки, найденной, крещенной и нареченной Евгенией, было вполне счастливое детство. Она оказалась в состоятельной семье при любящих ее приемных родителях. Лучше не бывает! Не жалели денег на образование. Евгению отдали учиться в хорошую гимназию. В сентябре 1909 года она получила свидетельство об окончании восьми классов женской гимназии Фелиции Мансбах. Об этом есть запись № 221 в списке выданных 11 сентября свидетельств¹. Окончание дополнительного 8-го класса женской гимназии, где преподавали педагогику и дидактику, давало право быть домашней учительницей и преподавать в приготовительном классе. И тут же Евгения поступила на работу в свою же гимназию – классной надзирательницей из платы по найму с 5 ноября 1909 года. Об этом гимназия уведомила письмом попечителя Московского учебного округа Министерства народного просвещения².

Уже в следующем, 1910, году имя матери Андропова впервые появляется в книге «Вся Москва» и указан адрес проживания: Большая Лубянка, дом 26, там же значится и Карл Александрович Флекенштейн³. А в разделе той же книги, где перечислены учебные заведения, Евгения Карловна Флекенштейн упомянута среди преподавательниц московской женской гимназии Фелиции Мансбах⁴. В адресных книгах за 1913, 1914, 1915 и 1916 годы она числится все по тому же адресу на Большой Лу-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 5. Д. 2851. Л. 32.

² Там же. Л. 26, 26 об, 29.

³ Вся Москва... 1910. С. 455.

⁴ Там же. С. 403.

*Частная женская гимназия Фелиции Мансбах в Москве
[Из открытых источников]*

бянке, правда, с 1915-го без указания на работу в гимназии¹. И только в 1917 году имя Евгении Карловны Флекенштейн исчезает из книги «Вся Москва», и можно с уверенностью говорить, что не ранее 1 октября 1915 года и не позднее 1 октября 1916 года она покинула город². Это так, если принять во внимание то, что сведения о жителях Москвы в ежегодную адресную книгу принимались до 1 октября предыдущего года.

Разумеется, на основании другого источника возможную дату отъезда можно скорректировать и отнести к весне 1916 года, если вспомнить, что уже 2 мая того же года семья Флекенштейнов не значится среди жильцов дома 26 на Большой Лубянке³. Но, с другой стороны, это лишь означает, что семья сменила место жительства, и нет прямого указания на то, что Евгения выехала из Москвы. В конце концов она могла еще какое-то время жить на другой съемной квартире прежде, чем окончательно покинуть город.

¹ Там же. 1913. С. 427; 1914. С. 695; 1915. С. 517; 1916. С. 526.

² Там же. 1917. С. 512.

³ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 63. Д. 6585. Л. 20, 23.

О гимназии Фелиции Мансбах есть воспоминания учащихся: «Начальница и все классные дамы были немки... Во время уроков в углу класса за столиком сидела с вязаньем классная дама и следила взглядом, чтобы мы не вертелись. Учителям работать было легко»¹. Вот что-то, а дисциплина в этой гимназии была действительно на высоте, просто-таки железная. В 1910 году пятерки по поведению имели сплошь все гимназистки, за исключением одной – ей поставили четверку². И надо полагать, без натяжек.

В сообщении попечителю Московского учебного округа в сентябре 1910 года изложены подробности учебного процесса в гимназии Мансбах. Число учащихся – 423 гимназистки в классах с 1-го по 8-й и в трех младших подготовительных классах. В каждом классе от 35 до 50 учениц. В гимназии преподавали русский язык и иностранные – французский и немецкий, математику, географию, историю, рукоделие, гимнастику, педагогику (в 7-м и 8-м классах) и закон божий (материнского вероисповедания)³. К необязательным предметам относились гимнастика, рисование, пение и ряд других. Здесь же в сообщении приведены сведения о преподавателях. О Евгении Карловне Флекенштейн указано следующее:

Образование – гимназия Ф.Ф. Мансбах.

Учительское звание – домашняя учительница русского языка.

Что преподает – классная надзирательница младших подготовительных классов.

В должности – из платы по найму предложением от 15 ноября 1909 г.

Сколько получает содержания – 420 рублей⁴.

В годовом отчете за 1910 год приводились любопытные сведения о распределении учащихся гимназии по вероисповеданию. На 1 января 1911 года из 419 числившихся гимназисток православными были 291, римско-католической веры – 5, лютеранской – 78, иных христианских верований – 2, иудейского вероисповедания – 43, а учениц магометанского вероисповедания

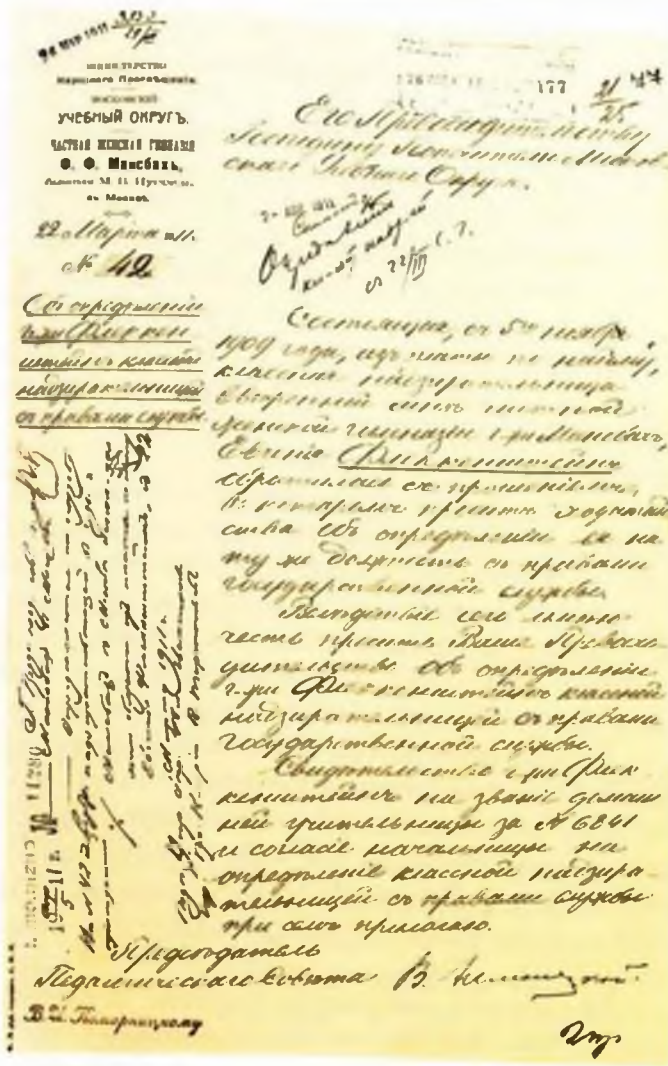
---

¹ Айдарова Н.М. Моя жизнь. – URL: uglich.mybb.ru/viewtopic.php?id=765 (дата обращения: 18.11.2022).

² ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 5. Д. 3630. Л. 19.

³ Там же. Д. 3683. Л. 200.

⁴ Там же. Л. 214 об. – 215.

Письмо о переводе Е.К. Флекенштейн на штатную должность в гимназии
 22 марта 1911
 [ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 5. Д. 4292. Л. 77]

и других нехристианских конфессий не было¹. Еще интересней сословная принадлежность гимназисток: потомственных дворян и дочерей личных дворян и чиновников – 130, из духовного звания – 3, дочерей почетных граждан и купцов – 161, дочерей ме-

¹ Там же. Д. 3630. Л. 9.

щан и цеховых – 78, дочерей крестьян – 13, дочерей иностранцев – 25. И совсем не было дочерей казаков (хотя графа такая имелась)¹.

Гимназия работала на полной самоокупаемости и не получала никаких дотаций из казны или благотворительных фондов. В 1910 году с родителей собрали 44 тысячи 260 рублей. Годовая плата за обучение была солидной. В младших пригготовительных классах – 70 рублей, в старших – 100. Плата за обучение в классах с 1-го по 7-й – 120–130 рублей, в 8-м – 150, а для гимназисток на пансионе – от 300 до 450 рублей². Начальница гимназии Фелиция Мансбах получала в год 1200 рублей по должности и 280 рублей за уроки математики и географии³. Вообще-то довольно скромно для ее положения.

В марте 1911 года Евгению Карловну перевели на должность штатной классной надзирательницы и преподавателя в младших классах. В списке преподавателей 1913/1914 учебного года о ней говорится: домашняя учительница по русскому языку, преподает в младшем пригготовительном классе, указано и ее вероисповедание – православное⁴. Удивительно, но тремя годами раньше в списке служащих гимназии она значилась лютеранкой, как и сама начальница гимназии Фелиция Мансбах⁵. Теперь годовой оклад Евгении Карловны вырос и составил 520 рублей. Там же отмечено, что образование она получила в Московской женской гимназии им. В.П. Фон-Дервиз. Вероятно, она прошла дополнительное обучение и испытание (экзамен) для получения свидетельства из казенного образовательного учреждения.

Можно точно сказать, до какого времени Евгения Карловна работала в гимназии. Она уволилась согласно собственному прошению с 20 апреля 1914 года. Письмом гимназии № 79 от 15 апреля об этом был уведомлен попечитель Московского учебного округа⁶. Об обстоятельствах, вынудивших ее принять это решение, ничего не говорится. Но можно догадаться. Скорее всего, речь идет о беременности. Что же это получается, ведь согласно

---

¹ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 5. Д. 3630. Л. 9.

² Там же. Л. 14 об. – 15.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 5462. Л. 16 об. – 17.

⁵ Там же. Д. 3630. Л. 18 об., 27 об.

⁶ Там же. Д. 6087. Л. 8.

150
 М. Е. Е.
 МОСКОВСКИЙ
 УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ
 ЧАСТНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДРОМ.
 Ф. Ф. ФЛЕКЕНШТЕЙН
 въ Москвѣ.

17 апр. 1914

КАНЦЕЛЯРІЯ ПОПЕЧИТЕЛЯ
 18615 ПЛАВНИЦА
 МОСКОВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

218
 311

Его Превосходительству Попечи-
 телю Московскаго Учебнаго Округа

15. Апрѣля 1914,
 № 79

*Уволилъ, согласно прошенью,
 со 20 апрѣля. 1914*

Согласно поданному мнѣ прошенью

Ходатайство объ
 увольненіи отъ дол-
 жности классной
 надзирательницы
 Евгеніи Флекен-
 штейнъ

имѣю честь ходатайствовать передъ Вашимъ
 Превосходительствомъ объ увольненіи отъ
 должности классной надзирательницы въ-
 ренной мнѣ гимназіи Евгеніи Ф л е к е н -
 ш т е й н ѣ съ 20-го сего апрѣля.

25 Апрель 1914.
 № 14300
 канц. 79.

Предсѣдатель
 Педагогическаго Совета

*Уволилъ [именем] Евгеніи Флекенштейнъ
 согласно прошенью, и 20 апрѣля 1914 г.*

Н. Н. Рѣвиль.

Письмо об увольнении Е.К. Флекенштейн из гимназии
 15 апреля 1914
 [ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 5. Д. 6087. Л. 8]

официальным биографиям, тут бы самое время родиться Юрию Андропову? И можно с уверенностью утверждать – он действительно родился в Москве. Трудно представить, что за два месяца до родов Евгения отправится на Северный Кавказ. Уж лучше остаться в родном доме.

Да, все сходится. В адресной книге 1914 года Е.К. Флекенштейн еще указана в числе преподавательниц гимназии Манс-

бах¹. А в следующих изданиях, например за 1915 год, она хотя и числится в Москве, но уже отсутствует упоминание о ее работе в женской гимназии². Если дата рождения Юрия Андропова верна, то стоит поискать его свидетельство о рождении именно в Москве. Вот только беда, пишут, что метрические книги о младенцах, появившихся на свет в 1914 году в районе Большой Лубянки, в архивах не сохранились³. Но так ли это? В действительности в архиве сохранились метрические книги нескольких церквей близ Большой Лубянки. Их просмотр дал любопытный материал и интересные случаи из жизни, но не об Андропове.

Остается не проясненным, где и как мог быть зарегистрирован Андропов и под какой фамилией? Можно не сомневаться, православная Евгения наверняка крестила младенца. Прибывший из финских земель в Россию Карл Флекенштейн был лютеранином. Его жена Евдокия, скорее всего, тоже. Намеки исследователей биографии Андропова на его еврейское происхождение документального подтверждения не имеют. Кстати, известно, что в Великом княжестве Финляндском и в Москве лицам иудейского вероисповедания не позволялось селиться (в Москве делали исключение только для купцов первой гильдии)⁴. Может быть, когда-нибудь удастся найти запись о рождении Юрия Андропова. Это стало бы важным открытием. Подлинная дата его рождения, как и место появления на свет, до сих пор вызывают серьезные сомнения.

Наиболее жгучий интерес у широкой публики всегда вызывал вопрос о национальности Андропова. Вот уж – всем вопросам вопрос! Вообще-то, не сменись власть в 1917 году, у Андропова в паспорте значилось бы только вероисповедание, причем к огорчению его недругов – православное (по матери). Царские паспорта не имели графы «национальность». Но вот при советской власти эта графа приобрела особое значение. И представители некоторых наций испытали это на себе в 1940–1950-х годах, да и в более поздние времена. Если заглянуть в партийные анкеты, национальность Андропова обозначена четко – русский. Ну и казалось бы – какие сомнения? Человек ведь сам выбирает национальную принадлежность по одному из родителей.

---

¹ Вся Москва... 1914. С. 439.

² Там же. 1915. С. 430.

³ Бабиченко Д. Указ. соч. С. 33–34.

⁴ Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова...

Но не таковы наши патриоты-почвенники. Смотрят не в паспорт. И вот что пишут об Андропове: «Предпочел скрыть свое истинное национальное происхождение. И это лучшее доказательство того, что он был кровно связан с еврейством. Это доказывается (то есть подтверждается) его неретушированными фотографиями, где семитские черты проглядывают порой весьма явно»¹. И в кулуарах ЦК КПСС в бытность Андропова о нем шептались – «полукровка».

О подлинной истории рождения Андропова можно только строить предположения. Главный вопрос – об отце. Историк Денис Бабиченко, например, пишет: «Факты неумолимы: за год до начала Первой мировой войны мать будущего генсека просто не могла оказаться в Осетии и выйти там замуж за железнодорожника Владимира Андропова, который, по воспоминаниям Юрия Владимировича, безбожно пил. По большому счету так можно говорить лишь о горячо нелюбимом отчине, а не о родном отце.

Напомним, в заявлении от 1932 года будущий генсек напишет, что отец его умер в 1916 году, и тогда все сходится. Предположительно, родной отец Андропова либо оставил семью, либо просто умер в Первопрестольной. А может быть, даже на фронте, если слух о том, что он служил в царской армии, соответствует истине. Будущий же генсек вместе с матерью все это время жил в Москве, скорее всего, вплоть до февраля 1917 года. Затем мать, очевидно, благодаря богатому приданому смогла повторно выйти замуж, уехав на окраину империи, что дало впоследствии возможность исправить свою биографию, а заодно место рождения и фамилию сына»².

Есть и более экзотические версии происхождения Андропова: «...его мать была служанкой в доме богатого еврейского торговца, который дал беременной любовнице богатое приданое и выдал замуж за подвернувшегося под руку холостяка»³. И это, кстати, довольно популярная версия. Она получила хождение в чекистском коллективе на Лубянке с приходом туда Андропова. За ним как будто бы закрепилась кличка «Ювелир», и сослужив-

---

¹ Семанов С.И. Андропов. Семь тайн генсека. М., 2001. С. 15–16.

² Бабиченко Д. Указ. соч. С. 33–34.

³ Жирнов Е. Человек с душком // Коммерсантъ Власть. 2001. 6 февраля. № 5. С. 60.

цы так и полагали, что ювелирную лавку на Большой Лубянке держал именно отец Андропова¹.

Гипотетическое троекратное замужество матери Андропова подается порой в весьма одиозном ключе. И объясняется как чуть ли не некий продуманный план по заметанию следов. Будто отцом Андропова был Вэлв (Владимир) Либерман – еврей из Польши, он работал телеграфистом на станции Нагутская. Его жена Пеня (Евгения) Флекенштейн после его смерти переехала с сыном Григорием (Юрием) в Моздок, где вышла замуж за «кудрявого грека-железнодорожника Андропуло», который усыновил мальчика. Фамилию, понятно, русифицировали, переименовав в Андропова². Какова судьба «грека Андропуло» молва умалчивает, да и обходит стороной как уже неважную деталь третье замужество матери Андропова. О гипотетическом папе Андропова Вэлве Либермане как о сослуживце своего отца-железнодорожника говорил в одном из интервью обиженный Андроповым бывший первый секретарь Краснодарского обкома Сергей Медунов³.

Но такие версии были особенно популярны, когда еще не были известны документы личного дела Андропова (его автобиографии), и публицисты из числа «русофилов» искали очевидные доказательства «еврейства» Андропова. Теперь эти версии отпали за ненадобностью, хотя в определенных кругах они все еще весьма популярны и кочуют из статьи в статью.

И все же. Почему Евгения Карловна в 1914–1916 годах не сменила фамилию, как это бывает при замужестве? Ребенка родила, а был ли муж? Ну если судить по опубликованному в газете извещению о смерти Карла Флекенштейна, то был. Там ведь русским языком сказано – среди скорбящих есть зять. Но вот кто он, ну хотя бы фамилия?

О Владимире Андропове, числящемся отцом согласно свидетельству о рождении Юрия Андропова, известно совсем мало и только то, что отражено в более поздних бумагах и автобиогра-

---

¹ Бабиченко Д. Указ. соч. С. 33.

² Даданова Т.В. Мифологизация и стихотворчество Ю.В. Андропова в контексте проблемы «Среда и человек». – URL: <http://kvkz.ru/interesno/3420-mifologizaciya-i-stihotvorchestvo-yuv-andropova-v-kontekste-problemy-sreda-i-chelovek.html> (дата обращения: 18.11.2022).

³ Там же. См. также: Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова...

фии самого Андропова. Инженер-путеец, работал на станции Беслан (или Моздок). Его отец (дед Андропова по отцу) работал в Ростове-на-Дону инспектором реальных училищ¹.

Есть совсем уж романтическая версия, как и когда произошло знакомство Владимира Андропова с Евгенией Флекенштейн. Студент Императорского Московского института путей сообщения Владимир Андропов, возможно, снимал жилье на Александровской площади у Евдокии Флекенштейн, вынужденной сдавать комнаты внаем после потери магазина. Его институт располагался буквально рядом. Владимир и Евгения, у которой на руках уже был сын, какое-то время находились в свободных отношениях. Когда Владимира исключили из института за пьянство, он предложил Евгении оформить брак, и супруги уехали сначала в Ростов к родным мужа, а затем перебрались на Северный Кавказ, на станцию Беслан². С собой взяли из Москвы и Анастасию Журжалину, нянчившую Юрия с 1915 года. Через пару лет Владимир умер, и Евгения овдовела.

Все бы ничего, вот только поиск Владимира Андропова в списках личных дел студентов Московского института инженеров путей сообщения за эти годы ничего не дал. Нет его дела в архивных документах института, как нет и его фамилии в списках обучавшихся студентов³. И на Александровской площади Евдокия Флекенштейн поселилась не ранее 1916 года, когда ее внук уже родился. Нет, не сходятся концы с концами в романтической версии.

В 1921 году, когда мать Андропова вновь вышла замуж, ее избранник Виктор Александрович Федоров работал помощником паровозного машиниста, учился в железнодорожном техникуме во Владикавказе. Где они познакомились, история умалчивает. Известно лишь, что в 1923 или 1924 году семья переехала в Моздок. Здесь он и овдовел. Отчим Андропова работал преподавателем труда в той же фабрично-заводской школе, где учился пасынок. Согласно справке от 8 августа 1931 года, Федоров «имущества движимого и недвижимого не имеет. На своем иждиве-

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 13. См. также: Емельянов И. Был ли Андропов сыном белогвардейца и хорошим штурвальным // Комсомольская правда. 2021. 9 июня.

² Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова...

³ ЦГА Москвы. Ф. 231. Оп. 1 (Личные дела учащихся); Оп. 2. Д. 336–339; Оп. 3. Д. 91.

*Дом в Моздоке, где жил Андропов
[Архив СВР]*

нии имеет 4 души»¹. Но вот это интересно. Кто эти иждивенцы? Возможно, у Андропова были сводные братья или сестры. Одной из иждивенок Федорова была дочь Валентина, родившаяся в браке с Евгенией Карловной и приходившаяся сестрой Юрию Андропову². Ее следы теряются, и нет никаких упоминаний о том, поддерживал ли позднее с ней хоть какую-то связь Андропов. Об отчине Викторе Федорове есть лишь отрывочные воспоминания, что еще в 1950-е годы и начале 1960-х он был жив и по-прежнему работал в Моздоке в школе № 109 преподавателем слесарного дела и черчения³.

На сохранившейся школьной фотографии Евгения Карловна запечатлена среди учеников. На фото есть и ее муж Виктор Федоров – третий слева в третьем ряду, а между ним и Евгенией их дочь Валентина. И еще – мальчик, справа от Евгении Карловны, положивший ей голову на плечо, кто он? Может быть, сын Федорова от предыдущего брака? Ну а левее Федорова в третьем ряду, похоже, сам Юрий Андропов. Все это только пред-

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 6.

² Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова...

³ Дадианова Т.В. Указ. соч.

*Евгения Карловна Федорова с учениками школы в Моздоке
[Архив СВР]*

положения, и вопросы об иждивенцах в семье Виктора Федорова остаются.

Что же за шараду предложил разгадывать Андропов относительно его происхождения? Знал ли он сам о себе все и наверняка? Скорее всего, знал многое, но информацию таил и приберегал. Обратим внимание, как дозировано, по крупицам он выдает сведения в автобиографиях. В 1937-м пишет о матери «происходит из семьи ремесленника», в январе 1939-го – «родная мать моей матери была горничной», в феврале 1939-го – «родилась в семье прачки (или горничной)», в апреле 1939-го – «происходит из семьи прачки». Такая же невнятица с детством матери – то ли взята на воспитание, то ли «подкинута» в семью Флекенштейнов. Что не одно и то же. О взятой на воспитание есть хоть какие-то сведения о происхождении, у подкидыша истории нет, младенец просто появился под дверью. И как это Андропов не додумался до утверждения, что его самого «подкинули»? Тут уж взятки гладки и не придерешься. Хотя это, пожалуй, вызвало бы еще больше недоверия и вопросов.

И вот тут хочется воскликнуть: «Не верю!». При Андропове постоянно живет его няня Журжалина, как он сам о ней пишет, родственница, знавшая и его бабушку, и его мать. Она что, тоже

каждый день рассказывает их семейную историю по-разному? И еще эпизод. Андропов сам об этом пишет. В 1937 году он был в Москве у Евдокии Флекенштейн и «брал у нее документ – справку о не лишении прав»¹. Только ли за одной справкой ездил? Заметим, не просто поехал с расспросами (или просьбой помалкивать), а взял у старухи документ (или документы?). Ну и где они? Ни этой справки «о не лишении прав», ни других семейных документов Евдокии Флекенштейн в архивных личных делах Андропова нет. Ну хоть бы один документ процитировал в своих объяснениях, развеял бы сомнения придирающихся партийных ревнителей чистоты социального происхождения. Но нет, по-видимому, документы были таковы, что ни один «не в масть».

Да уж. По всему выходит – не простого Андропов происхождения. Конечно, ничего нельзя утверждать наверняка. Вполне очевидно – его мать не была откуда-то взята на воспитание, а была подкинута. Об этом свидетельствуют ранее приведенные документы. И отцом девочки мог быть вполне состоятельный и знатный человек. От незаконнорожденного младенца просто избавились, прикрыв «грех». Естественно, все утверждения Андропова о родстве с Журжалиной – выдумки. Да и не лукавила Евдокия Флекенштейн, когда уверяла приехавшего к ней партийного посланца из Ярославля, что няня Журжалина – никакая не родня Андропову. То-то Андропов путается в определении ее родства – родная сестра бабки или родственница по мужу. Поди проверь! Ему важно доказать – Журжалина из простого народа, соответственно, он – тоже. И все же, когда Андропова приперли к стенке, он заюлил: «Тетка или не тетка мне Журжалина? – не тетка. В анкете Журжалина указана мною как тетка потому, что я просто затрудняюсь определить степень родства (как и она сама). В этом я ничего плохого или предвзятого не видел и не вижу»². Да и вообще, пишет Андропов, «свою биографию я знаю со слов Журжалиной и Федорова, с которыми жил и сталкивался, с их слов и рассказывал ее»³.

Что же получается, он никогда не говорил об этом с матерью, не спрашивал о своих предках? А ведь Юрию Андропову было уже без малого 17 лет, когда его мама умерла! Какой,

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 19.

² Там же. Л. 19–20.

³ Там же. Л. 19.

однако, нелюбопытный рос будущий председатель КГБ, даже в свои родственные дела не совал нос. На первый взгляд похоже на профнепригодность. А может, наоборот, все знал и продемонстрировал виртуозное умение прятать концы в воду.

Ну а если все отжать, то что же в «сухом остатке»? Происхождение матери Андропова так и не выяснено, ее биологические родители неизвестны. Воспитание она получила самое благополучное и благородное, что ставит ее в разряд «бывших». Этим словом советская власть маркировала представителей имущих до 1917 года классов. Ну, а ее сын Юрий Андропов? Тут-то как? А вот тут как раз остается большой простор для фантазии. То ли у него был рано сгинувший отец, то ли Андропов был рожден при некоторых затруднительных к оглашению обстоятельствах. Это намек на то, что Карл Флекенштейн мог быть тому виной. Версия о том, что разгневанная Евдокия за это прогнала мужа и он вскоре умер где-то вдали от Москвы, тоже имеет право на жизнь. Не зря ведь ровно о том же и судачили чекисты – подчиненные Андропова, величая его «Ювелиром».

А может быть, все проще, и некий Владимир Андропов на самом деле был отцом родившегося в 1914 году Юрия, но при этом не состоял в браке с Евгенией. Она ведь не меняла фамилию и числилась в адресных книгах как Флекенштейн. Просто отец Андропова не торопился оформить с Евгенией брак, сделал это позже – накануне отъезда к месту новой работы. Ну или совсем уж гипотетический вариант. Отец мог, как это первоначально писал Андропов, умереть или погибнуть в 1915 или 1916 году. Но тогда совсем непонятно, кем он был, и его имя нам неизвестно.

Анастасия Журжалина действительно устроилась в 1915 году нянчить Юрия, так как ее то ли старшая сестра, то ли золовка работала раньше у Флекенштейнов, воспитывая их дочь Евгению. Журжалина через свою родственницу знала мать Андропова с 1910 года, с рождением Юрия ее взяли в дом. А история о том, что Журжалина в родстве с Евгенией Флекенштейн и соответственно с ее сыном Юрием, как уже говорилось, – целиком и полностью выдумка Андропова. Он ухватился за эту идею с родством для сокрытия своего истинного происхождения – социальных корней и Москвы как места рождения. То есть рассказы Андропова о Журжалиной, ее родной сестре или золовке, о таинственной Рудневой – красивый вымысел. Ему бы не автобиографии, а романы и киносценарии писать. Но время было такое, что

не до сценариев. От неподходящих предков надо было отписаться, чистить и «отбивать» биографию.

А свидетельство о рождении – это совсем просто! Нет, он не выкрадывал бланк в горсовете и не заполнял его самолично. Он просто получил свидетельство задним числом, а заполнено оно могло быть со слов заявителей – Юрия Андропова и его отчима Федорова. И понятно, почему потом Андропов чурался отчима как нежелательного свидетеля. Вообще стоит призадуматься, каким образом в Моздоке, отстоящем без малого на двести километров от станции Нагутская, расположенном в совершенно другом административном районе, могли выписать и, главное, на основании чего свидетельство о рождении Юрия Андропова. Доживший до середины 1960-х годов отчим Андропова разговорчивостью не отличался. Чем выше возносился его пасынок, тем плотнее смыкал уста. Все понимал! Как вспоминают знавшие его люди: «Он был сдержанным, серьезным человеком. О Юрии Владимировиче он мало рассказывал. Наверное, потому что Андропов ведь пост занимал какой»¹.

Во всей этой истории и в нагромождении предположений стоит отметить малозаметный, но очень значимый факт. Андропов, ни в молодости, ни когда поднялся до уровня большого политического деятеля, никогда не посещал могилы матери и отца, не ухаживал за ними. А когда он был в зените могущества, ему бы только заикнуться, как местные власти бросились бы искать, поправить и обустроить могилы родителей Андропова. Нет, он даже пальцем не пошевелил. Ему не нужны были такие родители и не нужна была даже память о них. Лишь сравнительно недавно усилиями сотрудников УФСБ по Республике Северная Осетия – Алания были установлены символические памятники вместо когда-то заброшенных и утраченных могил родителей Андропова. Информация об этом попала в социальную сеть: «...в рамках осуществления общественных мероприятий проведены работы по реконструкции и благоустройству места захоронения отчима Андропова Юрия Владимировича – Федорова Виктора Александровича и восстановлению памятной плиты его матери – Федоровой (Флекенштейн) Евгении Карловны»².

---

¹ В Моздоке отметили столетний юбилей Юрия Андропова // ИТРК «Алания». 17 июня 2014 г. – URL: <https://alaniatv.ru/v-mozdoke-otmetili-stoletnij-yubilej-yuriya-andropova/> (дата обращения: 18.11.2022).

² Сообщение от 4 сентября 2016 г. – URL: <https://ok.ru/vmozdoke/topic/65808930406508> (дата обращения: 18.11.2022).

Удостоверение, выданное Ю.В. Андропову об окончании фабрично-заводской школы-семилетки.

26 июня 1931

[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 5]

Избегал Андропов встречи с прошлым. Когда в 1963 году его пригласили на празднование 200-летия Моздока, он 8 июня направил в школу прочувственное письмо, адресованное в числе прочих преподавателей и его отчиму Федорову: «Не скрою, что проведенные нами вместе в этом городе детские школьные годы со всеми их радостями и огорчениями всегда живы в памяти. Про себя я всегда думаю, что мне повезло в жизни, что именно в Моздоке, в окружении чудесных друзей прожито несколько школьных лет. Вот почему ваши добрые намерения и то, что вы через многие-многие годы вспомнили обо мне, до глубины души взволновали не только меня, но и мою семью, моих теперешних друзей. Ведь как замечательно сознавать, что время оказалось бессильным поколебать горячие чувства товарищества, возникшего в юности.

Позвольте горячо поблагодарить вас за добрую память, пожелать вам, вашим семьям и всем друзьям-моздокчанам, кто помнит меня, большого личного счастья, наилучших успехов во всех делах и начинаниях...»¹.

Красиво отписался и не поехал. Ладно, хоть теплое письмо сочинил, не обидел...

Как многие искренне считают, верить можно только документам, да и то, если есть уверенность, что они не поддельные. Вот один из самых ранних подлинных документов в личном деле: 26 июня 1931 года на имя Андропова Григория Владимировича (дата рождения указана 16 июня 1914 года) выдано удостоверение об окончании Моздокской фабрично-заводской школы-семилетки, в которой он обучался с 1923 по 14 июня 1931 года². Вопрос, где Андропов учился до поступления в семилетку и где получил начальное образование, остается до сих пор открытым.

Андропов быстро постигал основы советского бюрократизма. На все нужно иметь про запас «бумажку». Справки, характеристики – все это крайне необходимо держать при себе. Вот справка Терской окружной конторы «Союзхлеб» о том, что он работал 14 сентября 1930 года «по очистке пшеницы на экспорт ночью», и тут же справка от 21 декабря: «работал по распространению билетов Осоавиахима»; далее справка от 9 февраля 1931 года: в ячейке ВЛКСМ станции Моздок «проявил

¹ Моздокский вестник. 2014. 28 марта.

² РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

себя как один из активных товарищей» и был членом коллектива «Красной блузы», справка от марта того же года о его работе в легкой кавалерии Всевобуча по ликвидации неграмотности¹.

Надо заметить, в комсомол Юрий вступил не сразу по достижении 14-летнего возраста, а только в мае 1930 года². Проволочка со вступлением в комсомол тоже может иметь свое объяснение. Может быть, не брали как «социально чуждого»? Юрий не теряя времени восполнял этот недостаток повышенной активностью на трудовом поприще и в общественной работе. С 1927 года деятельно участвовал во всех мероприятиях рабочего клуба им. Коминтерна при станции Моздок³. Как он сам о себе пишет, работал политпропагандистом ячейки на станции, секретарем железнодорожной ячейки, руководителем секции и «начальником районных лагерей» – тут, понятно, речь о пионерских лагерях⁴.

Еще учась в школе, 11 сентября 1930 года Юрий Андропов устроился учеником киномеханика, а затем стал помощником киномеханика с окладом 50 рублей⁵. В следующем году он окончил школу и с 1 ноября 1931 года по 15 января 1932 года временно работал в 8-й дистанции связи рабочим-телеграфистом⁶. Был освобожден от этой должности как несовершеннолетний, но продолжал работу помощником киномеханика.

По окончании школы Юрий раздумывал, куда бы дальше пойти учиться или служить. Даже помышлял поступить в военное училище. Косвенно об этом свидетельствует справка о прохождении им в 1931 году медкомиссии для поступления в военно-учебное заведение, и он был признан годным⁷. Но не сложилось, или раздумал.

---

¹ Там же. Л. 1–4.

² Там же. Д. 68. Л. 8, 14.

³ Там же. Д. 64. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 66. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 64. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ Там же. Л. 14.

«КАК ПРОВОЖАЮТ ПАРОХОДЫ...»

Выбор профессии для молодого человека – непростое дело. Возможно, прочитанные в детстве книги и рассказы о моряках как-то повлияли на молодого Андропова, и он решил отправиться в самостоятельное плавание в прямом и переносном смысле. Главное – подальше от мест, где вырос. Волжское речное пароходство было, пожалуй, то, о чем Юрий много слышал и читал в детстве. Наверное, в мечтах представлял себя капитаном на мостике корабля в белоснежном парусиновом кителе и красивой фуражке с кокардой с якорями.

Профильных учебных заведений, готовивших судоводителей, в волжских городах было несколько, но Юрий выбрал Рыбинский речной техникум. Позднее он рассказывал, что толчком к принятию этого решения стало объявление в «Комсомольской правде» о наборе учащихся в техникум¹. Возможно, что туда и поступить было проще, чем в учебные заведения в Нижнем Новгороде или Казани. Была еще Пермь, где тоже готовили речников, но Кама как-то Андропову не улыбалась. Вот Волга – великая река!

Необходимые для поступления документы Андропов отправил в Рыбинск 22 марта 1932 года. Приложил отличные характеристики и, разумеется, письмо от секретаря партийной ячейки и профорга станции Моздок, ходатайствующих о его приеме в техникум «как одного из самых активных работников»². В своем заявлении Андропов прямо написал, что просит принять на судоводительское или судостроительное отделения, и добавил: «Прошу также обеспечить меня общежитием и стипендией, так как средств к дальнейшему существованию не имею»³.

Ответ пришел на удивление быстро. Андропова зачислили в техникум «без испытаний» на 1-й курс судоводительского отделения и 11 апреля известили об этом письмом: «Предлагаем Вам явиться в техникум для направления на предварительную летнюю плавательскую практику к 25 апреля, захватив с собой постельные принадлежности»⁴. Вот так – сразу на корабль. Да,

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 78. Л. 135.

² РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69. Л. 9.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Д. 64. Л. 17.

*Ю.В. Андропов с товарищами по техникуму
1932
[Архив СВР]*

*Ю.В. Андропов среди учащихся техникума
1930-е
[Архив СВР]*

42
78
Аттестат
Ю.В. Андропову
М. Заготовщик тов. Андропову
в том что за это пребывание
на М. Заготовщик не было
ни одного нарушительного
инцидента и за вышесказа-
ное отношение к делу и
за общественную работу
выношу благодарности
Капитан М. Заготовщик
1/III 33 Шилов

Аттестат Ю.В. Андропова
1 августа 1933
[РГИАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 42]

обычное дело, с кадрами речников в навигацию всегда было ох как туго.

Юрия по прибытии тут же зачислили матросом на буксирный теплоход «Заготовщик», где он начал навигацию 1932 года. Приписанный к Рыбинской пристани, сравнительно небольшой буксир мощностью 160 лошадиных сил стал первым для Андропова кораблем, где он постигал основы речного плавания. Понял назначение буев и бакенов, усвоил основы ориентирования судна по растровым знакам.

Уже в июне матрос Андропов получил отменную характеристику: «Хорошо относился к своим обязанностям. Может идти

Иван. Кром. Обл. 43
 Гор. Рибинск - Проспект Ленина - 12
 директору Речного Техникума

От преподавателя труда и черчения
 пел.-гор. школы ФЗО ст. Моздок
 Федорова Виктора Александровича

Заявление

Прошу не отказывать распоря-
 жением выдать и сообщить
 место нахождения и занятия моего
 пасынка Андропова-Федорова
 Юрия Владимировича. Имено сведения, что
 он сдал переводные испытания по I курсу
 Судоводительского Отделения, определен
 на работу на пароход "Заготовщик" с
 29 апреля ср. и больше сведений от
 него не имею.

Семья обеспечена и туже время
 прохода долгие месяцы я решил
 беспокоить Вас неудобной просьбой.

Андропов Юрий Владимирович состоит
 слушателем I курса Судоводит. Отделения
 с 1 декабря 32г. по 1 мая 33г.

Мой адрес: Ст. Моздок - Сев. Кав. жд.
 Вокзал - жилой дом № 24 - преподавателем
 Федорова В. А. - Марки Чо к. прилагав.
 Август 13 1933г. Федоров

Письмо отчима Андропова В.А. Федорова директору речного
 техникума

13 августа 1933

[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 43]

штурвальным. Был предсудкома. Работу выполнял хорошо»¹. Вот это оценка! Андропов, едва попав на судно, выделился – возглавил судовой комитет. Определенно, он был нацелен на карьерный рост.

Навигацию следующего, 1933, года Андропов начал с 29 апреля в должности штурвального буксира «Заготовщик», с 1 августа был переведен штурвальным на буксир «Яков Свердлов»². Капитан «Заготовщика» выдал Андропову аттестат, где отметил отсутствие нарушений трудовой дисциплины и вынес благодарность «за внимательное отношение к делу и за общественную работу»³.

Буксир «Яков Свердлов» был больше и вдвое мощнее «Заготовщика» – 320 лошадиных сил, да и команда посolidнее. На буксире Андропов задержался до 25 сентября, опоздав на учебу. Капитан написал оправдательный документ: «Сообщаю, что студент 1 курса судоводительского отделения т. Андропов Юрий Владимирович, работавший штурвальным на пароходе “Яков Свердлов”, по Вашему вызову не мог явиться вовремя, так как пароход работал в аренде Унжлеса в городе Горьком. Не имея достаточного штата команды, я не мог выполнять работы по спасению лесоматериала (приказ Наркомвода) и поэтому задержал такового до прибытия в Рыбинск 25 сентября 1933 года»⁴.

Но мало того, и парторг буксира выдал Андропову характеристику, на похвалу не скупился и отметил, что товарищ Андропов «являлся лучшим ударником пароходства и выполнил полностью условия 2-го Всесоюзного конкурса», «повседневно и примерно боролся за укрепление трудовой дисциплины, за социалистическое соревнование и ударничество. Самый первый заключил индивидуальный социалистический договор». Парторг подробно описал заслуги «выдержанного, дисциплинированного и активного комсомольца» Андропова: организация и учет соцсоревнования, организация производственно-товарищеского суда, проведение всех политических кампаний и проработка важнейших решений партии и правительства, организация школы малограмотных и руководство ею. Коммунисты и комсомольцы парохода, писал парторг, «горячо благодарят товарища Андро-

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 18.

² Там же. Д. 69. Л. 7.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 14.

*Юрий Андропов
1930-е
[Архив СВР]*

пова Ю.В. за ту огромную помощь, которую он оказал организации»¹.

Домой отчиму Юрий писать перестал. Отчим беспокоился – от пасынка нет вестей. Он боялся потерять с ним связь, надеялся, что в старости будет на кого опереться. Отчим 13 августа 1933 года направил в техникум письмо с просьбой сообщить, где Юрий: «Семья обеспокоена, и тщетно прождав долгие месяцы, я решил беспокоить Вас подобной просьбой»². А Юрий как будто просто забыл о нем. Или не хотел больше видеть и общаться? Похоже, осталась у него какая-то обида и на отчима, и на мать. Возможно, его глубоко ранило в детстве то, что после рождения сестры Валентины в новом браке матери все внимание семьи переключилось на нее. Когда-то подростком, не найдя взаимопонимания с отчимом, Юрий сбегал на два месяца из дома, его разыскали и вернули родителям³. И теперь, выйдя в самостоятельную жизнь, он хотел забыть навсегда об этой части своего

---

¹ Там же. Л. 13.

² Там же. Д. 64. Л. 43.

³ Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова...

прошлого и начать все с чистого листа. Строить новую жизнь и новую биографию.

Юрий неплохо заработал за навигацию 1933 года. В мае получил 131 руб. 70 коп., в июне – 128 руб. 50 коп., в июле – 111 руб., в августе – 150 руб. и в сентябре – 136 руб. 80 коп. Правда, как водится, пришлось ему потратиться на общественное благо – подписался на заем. В итоге за эти же пять месяцев вычет на заем составил 28 рублей¹. И все же на руках должны были остаться хорошие по тем временам деньги. Но то ли деньги утекали сквозь пальцы, то ли жизнь была дорога, а пришлось ему писать бумагу с просьбой о пособии.

В ноябре 1933 года он пишет в комиссию по распределению пособий: «Прошу комиссию обеспечить меня пособием, т. к. я средств к существованию не имею. Кроме того, родных у меня тоже нет»². Вот это да! Только что отчим его разыскивал, просил дать знать о себе, а Юрий пишет – родных нет.

В зимние каникулы 1934 года Юрий все-таки отправился в Моздок³. Но в летнюю навигацию опять забывал писать домой. Отчим вновь напомнил о себе, написав 5 июля письмо в техникум, в котором жаловался, что с 29 апреля 1934 года не имеет от пасынка вестей⁴.

В навигацию 1934 года сбылась мечта Юрия Андропова – его зачислили третьим помощником капитана на пассажирский пароход «Механик», курсировавший на линии Рыбинск – Тверь. Вот он – капитанский мостик и белый китель. Пароход – ровесник Андропова, построен в Нижнем Новгороде в 1914 году. Его мощность составляла 180–200 лошадиных сил, длина – 50, ширина – 8 м⁵. И в конце 1950-х старенький «Механик» еще числился в Верхневолжском пароходстве и ходил по Волге, пока в 1963 году не был передан в порт Ярославля, где позднее его разрезали на металлолом.

Капитан «Механика» в характеристике по итогам навигации отметил, что Юрий Андропов «оправдал свое назначение и через короткий срок был мною зачислен в штат команды на должность III помощника капитана, где проявил удивительную способность

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69. Л. 19–20.

² Там же. Д. 64. Л. 19.

³ Там же. Л. 48.

⁴ Там же. Л. 51.

⁵ Там же. Д. 69. Л. 21.

*Юрий Андропов
1930-е
[Архив СВР]*

к судовождению, интересуясь каждой мелочью. Дневные вахты вахтенного начальника нес вполне самостоятельно с большим знанием своего дела»¹. За все время, отмечалось в характеристике, «не имел ни одного выговора или замечания ни по одной линии»². И в характеристике профорга судна от 19 октября 1934 года Андропов назван «первым и примерным работником», он был ответственным редактором судовой стенгазеты, состоял членом столовой комиссии, проводил читку газет в красном уголке, проводил занятия в кружке³. И в техникуме Андропов на хорошем счету. За время обучения его премировали шесть раз как отличника учебы⁴.

Возможно, Андропов так и шел бы в пароходстве вверх и дослужился бы до капитана, а там бери и выше. Но подвело зрение. Оно серьезно ухудшилось за несколько лет. Еще в 1931 году он проходил медицинское освидетельствование на предмет по-

---

¹ Там же. Л. 15.

² Там же.

³ Там же. Л. 16.

⁴ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 30. Д. 1. Л. 149 об.

*Пароход «Механик»
[Архив СВР]*

ступления в военно-учебное заведение и был признан годным¹. В 1935 году ему по возрасту полагалось отправиться в Красную армию. Но на врачебной призывной комиссии выяснилось – негоден по зрению. Юрия в армию не взяли и комиссовали². И водить суда ему уже не пришлось. В навигацию 1935 года он всего лишь инструктор практики в своем техникуме, хотя и с весьма ответственными задачами: проверка хода практики и вербовка новых учащихся для техникума³. Юрий в постоянных разъездах. Вернулся в техникум лишь 1 ноября. У него даже паспорт оказался просроченным – пропустил обмен⁴.

Теперь его общественная активность переросла в основную профессию. Юрий Андропов начал комсомольскую карьеру. В январе 1936 года был избран комсоргом своего техникума. И тут же 1 февраля политотдел пароходства отправил его на важное мероприятие в Горький – конференцию Верхневолжско-

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 14.

² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 30. Д. 6. Л. 1 об.

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 64. Л. 54.

го бассейна¹. А дальше – больше. Попал делегатом на 1-ю Ярославскую областную конференцию ВЛКСМ².

В протоколе заседания квалификационной комиссии 6 апреля 1936 года по итогам выпускных испытаний Андропову была выставлена оценка «хорошо» с выдачей диплома на звание «штурман 1 разряда речного и озерного торгового флота СССР»³. При всем своем старании оценку «отлично» он не получил. Но теперь Юрий Андропов хоть небольшой, но начальник: 15 мая 1936 года его назначили инструктором по обследованию практики студентов отделения судовождения с правом инструктировать студентов, работающих на пароходах, закрепленных за пристанями Калинин, Ярославль, Юрьевец и Горький⁴. Опять беспокойное лето и сплошные разъезды.

В мае 1936 года Ярославский обком комсомола собрал совещание секретарей комитетов комсомола вузов, техникумов и фабрик. Комсорг Рыбинского техникума Андропов 24 мая бойко выступил, рассказав о политучебе, которой было охвачено более 200 комсомольцев техникума, об успеваемости учащихся и подготовке пропагандистов. Казалось бы, рутина, главное, охватить всех идеологической работой. Но вдруг в самом конце речи Андропов, конечно, в порядке общей критики и самокритики выступил с воинственным заявлением, в котором обратился прямо к присутствующему на совещании первому секретарю обкома комсомола Борису Павлову:

«Тов. Павлов – это совещание должно быть зубастым. Вы это совещание должны использовать для того, чтобы устроить мордобой горкомам и райкомам и отделам студенческой учащейся молодежи. Вы должны извлечь выводы, также и наши работники, в частности т. Скворцов, которому поручена эта большая работа в Обкоме. Поэтому надо побольше остроты, а у вас совещание идет мирно, тогда как у вас должна быть ругань, конечно, я имею в виду политическую ругань. Совещание должно носить особый характер остроты, тем более сейчас потому, что греха нечего таить – по техникумам не видно, что прошел съезд комсомола, а вы выступаете только с отчетом, что сделано. Конечно,

---

¹ Там же. Л. 60.

² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 83. Л. 9 об.

³ Багров Л. «Можно решить проблему и без стрельбы» // Совершенно секретно. 2016. 7 октября. № 10. С. 32–33.

⁴ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 61.

надо знать, что делается, но надо говорить о том, как дальше делать, как руководить горкомом и райкомом, как вам самим работать, и надо всемерно разрешить основную практическую задачу – надо учиться, а отсюда складывается все, вплоть до того, что если у вас вонь в техникуме, то это мешает учиться, а у вас, когдаходишь в техникум, чувствуется вонь из уборной»¹.

Поразительное по уровню демагогии и наглости завершение речи. Нет, конечно, если все списать на комсомольский задор и неопытность, помноженную на свойственную молодости категоричность, то понятно. Но все же, как понимать это повторяющееся «вы должны»? Это кто к кому обращается, где тут такт и субординация? Речи остальных участников совещания не были столь нарочито хамскими. И этот жаргон из подворотни – «устроить мордобой». А ведь как в воду смотрел – предчувствовал! За 1936 годом наступил 1937-й. И всей стране устроили «мордобой», разумеется, и обкому комсомола во главе с Павловым тоже. Но об этом далее.

Может показаться, что такие, как Андропов, с зубодробительными мечтами приближали вакханалию массовых чисток. Ну, если и не приближали, то вполне были к ней морально готовы. Они требовали крови.

Но последней фразой Андропов выдал себя с головой. Вроде вся речь в пролетарско-простецкой и хамоватой манере, все как-то даже слегка шаржировано с «закосом» под свойского парня. А тут вдруг – вонь из уборной! Проговорился, съехал с роли и все испортил. Нет, он явно не из пролетариев наш оратор. Ну разве смутит пролетарскую натуру амбре из сортира?

КОМСОМОЛЬСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

В ноябре 1936 года Андропов был назначен комсоргом судовой верфи им. Володарского в Рыбинске. Это стало второй ступенью его карьерного роста по комсомольской линии. Теперь он – профессиональный комсомольский работник, номенклатура обкома. Верфь получила имя Володарского в 1923 году, а до того это была пущенная в 1907 году верфь братьев Нобель, успешно развивающееся крупное предприятие. По сравнению с техникумом на судовой верфи было не так много комсомольцев, всего порядка восьмидесяти, тогда как комсомольская организация техникума

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 65. Л. 42.

насчитывала более двухсот человек. Но значимость комсомольской организации на производстве выше. И должность Андропова именуется значительней – комсорг ЦК ВЛКСМ на судовой верфи. Секретарь парткома судовой верфи отметил и выделил молодого комсорга. Позднее он дал свой отзыв: «На работе т. Андропов проявил себя как инициативный и дисциплинированный работник, чуткий товарищ. За все время работы пользовался хорошим авторитетом среди молодежи»¹. Андропов весьма заметный в Рыбинске человек – его избрали депутатом горсовета в 1935 году, еще когда он учился в техникуме².

На посту комсорга верфи Андропов проявил деятельную активность. В феврале 1937 года он эмоционально и с пафосом выступил на комсомольском собрании с рассказом о слете комсомольского актива пароходства в Горьком. Заводская газета дала краткий отчет о собрании:

«Меня бросило в жар, пока я слушал докладчика тов. Амосова³, разъяснявшего решение Горьковского обкома ВЛКСМ о результатах отсутствия массово-политической работы и большевистской бдительности, допущенной секретарями комсомольских организаций в ряде затонов Верхней Волги. Так рассказывал в своем докладе 28 февраля, усиленно жестикулируя руками, вытирая пот с лица, вернувшийся из Горького с бассейнового слета комсомольского актива секретарь комитета комсомола верфи тов. Андропов на общезаводском комсомольском собрании»⁴.

Было от чего занервничать молодому комсоргу. Обвинение в «притуплении политической бдительности» можно было получить по совершенно пустяковому поводу. И на собрании на Андропова посыпалось: комитет комсомола завода не исправляет «безобразия» на верфи, наблюдаются «безотрадные факты в воспитании молодежи» (не организовано изучение Сталинской Конституции), не организованы политбеседы, без-

---

¹ Там же. Д. 68. Л. 5.

² Там же. Д. 67. Л. 5; Рыбинская правда. 1939. 20 ноября.

³ Помощника начальника политотдела Верхневолжского пароходства М.И. Амосова в августе 1937 года самого сняли с работы за притупление политической бдительности и «за отсутствие руководства работой по мобилизации комсомольцев пароходства на борьбу с врагами народа» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 58. Д. 1919. Л. 5–6).

⁴ Володарец (Рыбинск). 1937. 5 марта.

действуют клуб и красные уголки, воспитание молодежи пушено на самотек, на участках, где слаба политподготовка, «орудует классовый враг» и все в том же духе. Досталось и партийным руководителям верфи: «они допустили грубую политическую ошибку, не доглядев, что ученики школы ФЗУ пользовались из библиотеки школы литературой, подлежащей изъятию»¹. Нет, конечно, Андропова персонально во всех грехах не обвиняли, но критиковали за бездеятельность: «Андропов пытался наладить комсомольскую работу, но его попытки дальше мелких бытовых вопросов не пошли...»². Прозвучало и кое-что интересное, характеризующее быт и нравы: «В общежитие девушек ходят неизвестно зачем заключенные с Волголага. Комната девушек находится в мужском бараке. Но это мало интересует т. Андропова. Правда, он несколько раз был в бараке (но, очевидно, только для счета), положение от этого не изменилось»³.

В мае 1937 года парторганизацией верфи Андропов был принят кандидатом в члены ВКП(б). И на стадии заполнения необходимых бумаг – анкет и характеристик вопрос о его социальном происхождении встал ребром. Андропов старался как мог, объяснялся, прикрывался неведением. Но не очень-то получалось. Прошлое цепко держало и возвращалось вопросами обкомовских инструкторов.

Что же получалось. Молодой комсомольский работник Юрий Андропов не помнил или скрывал даты смерти своих родителей. Это была опасная игра – могли обвинить в том, что он вообще не тот, за кого себя выдает. По тем временам, да и по нынешним, это не только конец карьеры, им могли и люди из «органов» заинтересоваться. Такое тянется за человеком всю его жизнь – намеками со стороны, глумливым шепотком и липкими слухами. Человек без ясного прошлого или, как теперь говорят, бэкграунда лишен будущего.

Андропов компенсировал свою тайну показной открытостью. Внешне был дружелюбен и общителен, одно слово – душа компании. Умел расположить к себе людей. О нем еще в речном техникуме в характеристиках писали самое лестное: «Он в каждом

---

¹ Володарец (Рыбинск). 1937. 5 марта.

² Там же.

³ Там же.

деле пользовался симпатией команды»¹. А ведь судно – замкнутое пространство, тут каждый на виду и сразу понятно – кто чего стоит. А как он пел! Вот оно – музыкальное образование матери. У Андропова был красивый голос, он играл на гитаре, особенно любил романсы «Я встретил Вас...», «Вернись, я все прощу...»².

В автобиографиях Андропов темнил не только в вопросе о родне. Он и трудовой стаж себе подправил. Писал, что с 1930 года начал трудовую деятельность рабочим телеграфа на станции Моздок. Но это не так. В выданной ему справке дата поступления на эту должность – 1 ноября 1931 года³. В государстве диктатуры пролетариата рабочий телеграфа звучит солиднее киномеханика. Но и тут неувязка – в анкетах писал, что с июня 1930 работал учеником киномеханика, а не с 11 сентября 1930 года, как было на самом деле⁴.

А с предками – ну совсем беда!

Казалось, ну громко бы заявил, что дед ему не родной, и делу конец. Но это ведь не спасение. Советская власть тогда еще не грешила расистскими предрассудками. Она смотрела в корень – в какой социальной среде воспитан, в какой обстановке рос и в какой семье формировались характер человека, его взгляды. Пролетарская среда – вот что в идеале! Остальное, даже крестьянское происхождение – уже некоторый классовый изъян. Во время партийных чисток и переписей коммунистов обязательно звучал вопрос «есть ли связь с деревней».

И дед Андропова, то ли немец, то ли еврей, в лучшем случае пусть и не родной, не был пролетарием, а был торговцем. И неважно, что Юрий его совершенно не знал. Важно другое. Юрий родился в не бедной и не пролетарской семье, воспитывался в достатке. А вот деталей всего этого раскрывать не хочет. Темнит, пишет, что того не знал, этого не помнил, а об этом первый раз слышит.

Вопросы далеко не праздные. Кандидатский стаж в ВКП(б) напрямую зависел от социального происхождения вступающего в партию. Для выходцев из «чуждых слоев» он должен был составлять не менее трех лет. Многократно объясняясь, Андропов

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69. Л. 15.

² Васильев Ю.А. Юрий Андропов. На пути к власти. М., 2018. С. 80.

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 64. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 13.

ОТЧЕТНАЯ
КАРТОЧКА
на К/И

№ 0389060

По получении подается обязательному
рассмотрению в ЦК ВКП (б)
Знакомится разборочно черными исключительно
на русском языке

Фамилия: Андропов
Имя и отчество: Юрий Владимирович
Год рождения: 1914

Время поступления в кандидаты: Май 1937
Кандидатский стаж: 2 года.

Наименование
организации,
выдавшей канди-
датскую карточку:
Заводской комитет
Заводской фаб.
Заводской фаб.

Секретарь: [подпись]

13 марта 1938

УЧИН. ПОЛН.

ВЕРИМ. ВЕР.

ВЕРИМ. ВЕР.

Отчетная карточка
кандидата в члены
ВКП(б) Ю.В. Андропова
13 марта 1938
[РГАНИ. Ф. 90. Оп. 3.
Д. 9. Л. 1]

в отчаянии пишет: «Но эта проклятая биография прямо мешает мне работать»¹.

Пока Юрий Андропов ходил на пароходах по Волге, его предки никого не интересовали. Но вот при вступлении в партию все осложнилось. И все же не без помощи секретаря парткома судовой верфи, где Андропова принимали кандидатом в партию, вопрос «загасили».

Заводская многотиражная газета, издававшаяся на верфи, писала о нем: «Секретарь заводского комитета комсомола тов. Андропов неплохой организатор, но мы его не выбирали, он кооптирован политотделом»². Этот изъян поправили, началась кампания отчетно-перевыборных конференций в комсомоле. На судовой верфи 23 июня 1937 года состоялось комсомольское собрание, на котором Андропова избрали в члены заводского комитета и секретарем комитета ВЛКСМ. И, само собой, избрали

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 20.

² Володарец (Рыбинск). 1937. 5 июня.

Автобиография.

Андрей Юрьевич Владимирович
 Родился в 1914 году. станция Наутская
 Северо-Кавказские железные дороги.
 Отец мой работал детским по
 станции и начальником станции Наутская.
 В 1916 году отца перевели на станцию
 Гюсслам, где он работал помощником
 ревизора движения и ревизором движения.
 В 1919 году отец умер от свиного тифа.
 Тифа происходит из донокских казаков.
 Мой мать - уральская. Происходит из
 семьи прадеда горничной. Воспитывалась
 (после смерти своей матери) в
 семье Рюкеништейн, который имел
 частную мастерскую и по документам
 записан, как ветеран.
 В 1921 году мать вводит семью в станицу
 Мой отец - Федоров, помощник машинного.
 В 1923 году наша семья работала, переезжая
 на станцию Моздок Северо-Кавказские жел.
 дороги, где отец работал помощником
 машинного звонка. Мать уральская.
 Мать умерла в 1921 году.
 В семье и из близких родственников
 никого судили, расстреляли, мучили
 изнурительным трудом и несли.
 Сам я окончил школу ФЗО в 1930 году,
 маман работала в работе телеграфа.
 Через 6 месяцев был уволен, как не
 совершеннолетний. Поступил, забывая

делегатом на Рыбинскую городскую конференцию ВЛКСМ¹. Андропов распределил обязанности между членами комитета комсомола, и больше его на верфи не видели. В сентябре заводская газета призывала оживить комсомольскую работу и сетовала: «Причина слабой работы заключается в том, что вновь выбранный состав комитета в момент двухмесячного отсутствия секретаря тов. Андропова (командировка в Горький, Москву, отпуск) не проявил своей инициативы...»².

Можно догадаться, зачем Андропов ездил в Москву – к Евдокии Флекенштейн. Не исключено, что, помимо желания взять у бабки какие-то бумаги и справки, у Андропова были в Москве и свои комсомольские дела. Может быть, по начальству ходил, завязывал знакомства в ЦК ВЛКСМ. А вот был ли его летний отпуск 1937 года безмятежным, сказать трудно. Самое интересное, но и опасное время в Рыбинске он, кажется, не застал. Вовремя отсутствовал. А после отпуска окунулся в самую гущу. В последних числах августа на городской конференции комсомола его избрали в бюро Рыбинского горкома комсомола и утвердили заведующим отделом пионеров. Гроза прошла за месяц с небольшим до конференции. Разоблачили «троцкистскую шайку, пробравшуюся в Рыбинский горком ВЛКСМ». Об этом разгубила газета Ярославского обкома комсомола³.

Поддавала жару и центральная комсомольская печать. Заголовки передовиц «Комсомольской правды» куда как выразительны: «До конца выкорчевать вражескую агентуру в комсомоле», «Выкурим врагов из всех щелей». Это была мощная артподготовка перед публикацией материалов состоявшегося 21–28 августа 1937 года IV пленума ЦК ВЛКСМ и доклада Александра Косарева «О работе врагов народа внутри комсомола».

Бурные события лета 1937 года не помешали, а, наоборот, помогли Андропову карабкаться вверх. Став членом бюро Рыбинского горкома комсомола, он выдвинулся на третью ступень карьерного роста. А вскоре, в сентябре 1937 года, перебрался в Ярославль на должность заведующего отделом учащейся и студенческой молодежи обкома ВЛКСМ. Для Юрия Андропова 1937 год стал судьбоносным. Он рос в должностях как бы вопре-

---

¹ Володарец (Рыбинск). 1937. 29 июня.

² Там же. 23 сентября.

³ Сталинская смена (Ярославль). 1937. 2 сентября.

ки репрессиям. Или благодаря? Ведь и на городском, и на областном уровне появлялись вакансии.

Есть свидетельства того, что у Андропова были влиятельные заступники. Или кураторы. В одном из очерков об Андропове есть любопытные сведения. Автор пишет: «Как рассказывал мне один из ветеранов ГБ, в середине 30-х комсомолец Андропов, скорее всего, из-за страха, что начнут копать в его подретушированной биографии, начал сотрудничать с НКВД»¹. Так это или не так – теперь уже трудно проверить, но дальнейшие изгибы судьбы Андропова и его поразительная политическая живучесть наводят на подобные размышления.

Репрессии 1937 года не обошли и аппарат Ярославского обкома комсомола. Головы летели одна за другой. В июне 1937 года первый секретарь обкома комсомола Борис Павлов вроде бы пошел на повышение. Его выдвинули первым секретарем Ярославского горкома партии. Но недолго он пробыл в новой должности – арестовали 29 сентября. Сменивший его в обкоме комсомола в июне Александр Брусникин задержался в руководящем кресле и того меньше – его сместили в октябре и назначили на незаметную должность в облисполкоме. Ну и понятно, арестовали 8 января 1938 года.

Кампания разоблачения «врагов народа», проникших в комсомол, набирала обороты. Осенью арестовали второго секретаря обкома комсомола Анну Смирнову, тогда же взяли и редактора областной комсомольской газеты, и ряд работников обкома ВЛКСМ по обвинению в принадлежности к «право-троцкистской молодежной организации»². На второй областной конференции ВЛКСМ в октябре 1937 года была принята резолюция, клеймившая бывших руководителей обкома: «Главным методом своей подрывной работы враги народа избрали метод политического и бытового разложения молодежи через пьянку, приятельские отношения к подбору кадров. Используя руководящие посты в комсомоле, враги народа привели работу большинства комсомольских организаций на грань развала»³.

Андропов выступил в прениях и показал себя во всей красе. И ведь знал, о чем надо говорить: «Наша областная ком-

---

¹ Жирнов Е. Указ. соч. С. 61.

² Горобченко В. Селифонтовская трагедия // Северный край. 2008. 3 октября.

³ Сталинская смена (Ярославль). 1937. 16 ноября.

сом[ольская] организация, как это уже известно, была засорена врагами народа. Руководство областной организации было также засорено врагами народа. Я не буду говорить то, что здесь уже говорили, но факт, что все бюро обкома комсомола, за исключением одного Брусникина, посажено, так как развивало враждебную деятельность»¹. После такого ударного зачина Андропов взялся рассуждать на знакомую тему – как «враги народа» срывали дело «обучения и воспитания молодежи». Например, в Рыбинском педагогическом училище один из педагогов ратовал за то, чтобы из «педагогике изгнать политику», а учет успеваемости не контролировали, устроив проверку лишь раз в семестр². Андропов не обошел стороной и другие учебные заведения, где среди педагогов имелись родственники репрессированных и те, кто сам ранее подвергался репрессиям. А в школе № 1 в городе Ростове допустили «фашистскую лекцию, которую читал фашист»³. По поводу этого лектора Андропов с возмущением сообщил: «...мы поставили вопрос в обкоме партии, что нужно заняться вопросом о пребывании его в партии. Нет никакого сомнения, сигналы имеются налицо»⁴.

Андропов разговорился, его время истекло – попросил еще пять минут. Дали. Андропов продолжил: «Товарищи, я не имею больше времени для того, чтобы перечислять вам факты вредительских действий врагов народа», а затем плавно перешел к самокритике, задав сам себе вопрос о том, что же сделал он сам как заведующий отделом учащейся молодежи. И ответил: «...я с самого начала сказал, что мы новое руководство обкома комсомола, в частности, я как руководитель отдела учащейся молодежи, работал плохо, я это полностью признаю, но я должен сказать, что я работал в обкоме комсомола всего 16 дней до облконференции»⁵. И далее о том, что участок работы для него новый, встретился с «большими трудностями», выезжал по сигналам для проверки учебных заведений. В общем, «не для оправдания», а так, для сведения присутствующих посетовал на объективные сложности.

---

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 76. Л. 117.

² Там же.

³ Там же. Л. 118.

⁴ Там же. Л. 119.

⁵ Там же.

Но, главное, Андропов обрушился на единственного уцелевшего в ходе прошедших арестов секретаря обкома комсомола:

«Еще хочу сказать о том, что т. Брусникин критиковал нас в своем докладе, критиковал огульно, сказал, что отсиживаются в кабинетах, а почему он не проанализировал наши ошибки, не показал, почему мы плохо работали, для того чтобы новое руководство учло наши ошибки и работало лучше.

По отношению Брусникина хотелось бы сказать несколько слов. Во-первых, по существу самого доклада – мне кажется, что в докладе т. Брусникин больше говорил о своем отношении и выгораживал себя. О своих ошибках областной конференции, сидящему активу он говорил мало, в его докладе этого не было видно, он очень много говорил о том, что до некоторой степени выгораживает роль секретаря обкома комсомола, в частности, т. Брусникина. А у т. Брусникина несмотря на то, что он говорил о том, что имеет некоторые заслуги в части разоблачения этой сволочи, которая работала в обкоме комсомола, имеется вместе с этим и целый ряд больших недостатков»¹.

И далее о том, как Брусникин лишь под давлением обстоятельств вынужден был разоблачать прежнего руководителя обкома комсомола Павлова. Андропов говорил довольно сбивчиво, но действительно. Песенка Брусникина была спета. С комсомольской работы сняли, и его будущий арест был предопределен. Только дело времени.

Конференция завершила работу 22 октября 1937 года. Первым секретарем обкома комсомола года был избран Потап Попков. Он до этого успел месяц с небольшим поработать секретарем горкома комсомола в Рыбинске. Юрий Андропов был избран в состав бюро обкома комсомола и утвержден в должности заведующего отделом учащейся молодежи². Новый руководитель обкома комсомола свою комсомольскую карьеру начинал там же, где и Андропов, – в Рыбинске, и теперь они оба вышли на высокий областной уровень.

Там же на конференции, отвечая на вопрос, как он попал в обком комсомола, Андропов рассказал: «Я был на совещании зав. отделами пионеров, до этого я работал 15 дней в горкоме комсомола. Затем Пудова мне говорит, что она разговаривала с Брусникиным, он спрашивал, стоит ли выдвигать меня заведую-

---

¹ Там же. Л. 120.

² Сталинская смена (Ярославль). 1937. 24 октября.

щим отделом. После этого я прихожу в кабинет к т. Брусникину, он говорит, что у нас есть мнение выдвинуть тебя на работу зав. отделом учащейся молодежи. Я говорю, что я работник новый и с этой работой не справлюсь. Он говорит – справишься, и на этом вопрос кончился. После этого на пленуме обсуждали мою кандидатуру»¹.

Отвечая на вопросы при выдвижении в состав обкома комсомола, Андропов повторил историю своих стремительных перемещений: «...на городской конференции [в Рыбинске. – *Н. П.*] был избран в члены пленума, бюро и был утвержден зав. отделом пионеров, где проработал 16 дней, после этого был взят в аппарат обкома комсомола, где работал 14 дней»².

Вскоре освободилась вакансия 3-го секретаря обкома комсомола, и эту должность 19 ноября 1937 года занял Андропов³. Но официально на пленуме он был утвержден лишь 11 февраля 1938 года⁴. Вот это рост! И всего за несколько месяцев. Из комсорга на судоверфи – прямо в обкомовские руководители! Все же интересно, кто его так «двигал», кто его влиятельные покровители? Или, что скорее, дороги открылись после масштабных кадровых чисток? Увы, история умалчивает. Но как контактировать с органами НКВД, Андропов хорошо знал. На областной конференции он рассказал об одном случае, когда у комсомолки был арестован муж. Ее исключили из комсомола, и встал вопрос об исключении из техникума. Андропова попросили разобраться, и он поведал: «Я вызвал секретаря комитета, навел справки где нужно, и там говорят, что в данном случае на комсомолку Попову показаний нет, которые прямо ее уличали»⁵. Да, Андропов умел навести справки «где нужно». И в этом месте, вероятнее всего, его тоже хорошо знали.

В автобиографиях Андропова о его перемещениях в 1937 году все крайне противоречиво. Тут сплошные «разночтения в показаниях». В регистрационном бланке члена ВКП(б) должности перекрывают друг друга. Например, указано – с сентября 1937 года зав. отделом пионеров Рыбинского горкома комсомола и следующей строкой также с сентября – зав. отделом уча-

---

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 76. Л. 121–122.

² Там же. Д. 78. Л. 135.

³ Там же. Оп. 30. Д. 6. Л. 3.

⁴ Сталинская смена. 1938. 14 февраля.

⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 78. Л. 136.

щейся молодежи обкома комсомола. А в личном листке по учету кадров (из личного дела номенклатурного работника) те же должности, но вступление в них датируется июлем и августом соответственно¹.

Конечно, все это особо принципиального значения не имеет. Промелькнувшие промежуточные должности. Это просто к вопросу о достоверности сведений из учетно-партийных документов. Так, для источниковедческих штудий. Важно другое. Уже обзаведшийся семьей Андропов в сентябре 1937 года переехал в областной центр на работу.

Да, женился Юрий Андропов довольно рано, еще в годы учебы. И главное – по большой любви. Нину Енгальчеву, учившуюся в том же техникуме, он заприметил сразу. Писал пылкие записки. Отношения завязались в 1933 году, потом Нина уехала в Ленинград, с июля 1935 года работала электромонтером, лаборанткой на Усть-Ижорской опытно-показательной электроверфи. Андропов уговорил ее вернуться в Рыбинск. Как пишет биограф:

«Он в нее страстно влюбился, обучаясь с ней в одном и том же Рыбинском техникуме водного транспорта, но она – на электротехническом отделении. Девушка была привлекательна: длинноногая брюнетка, капитан сборной команды учебного заведения по волейболу. После его окончания она уехала работать в Ленинград. Он вернул ее в Ярославль, будучи пылко влюбленным. Вот подпись на фото: “На память о том, кто так нежно и страстно тебя любит. Милая, милая далекая и вечно не забываемо близкая Нинурка. В память о далеких, морозных, но полных счастья ночах, в память вечно сияющей любви посылает тебе твой хулиган Юрий”»².

Нина родилась 28 декабря 1915 года в селе Алькино Наровчатского уезда Пензенской губернии. Ее отец до революции работал сапожником, курьером, затем счетоводом в кассе мелкого кредита, а при советской власти вступил в партию, работал бухгалтером, сделал карьеру и с 1930 года занимал должность управляющего отделением госбанка. В середине 1930-х он работал управляющим в Череповецком отделении госбанка³. Нина окончила школу-семилетку в Старой Руссе в 1930 году, затем

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 4 об.

² Дадьянова Т.В. Указ. соч.

³ Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова...

*Андропов в семье Енгальчевых. Слева в верхнем ряду – Нина
[Из открытых источников]*

три с половиной года училась в речном техникуме в Рыбинске (до 1934 года). В 1931 году вступила в комсомол. Нина Енгальчева и Юрий Андропов поженились в 1935 году, в следующем году родилась дочь, которую назвали Евгенией. Жили в рабочем общежитии верфи, дом 16, квартира 8¹. Пишут, что Нина училась на юриста, хотела работать следователем, но заботы о дочке несколько отдалили мечту. Если и училась, то, скорее всего, заочно. Согласно трудовому стажу, она с февраля 1936 по апрель 1937 года работала экономистом-статистиком в горсовете Рыбинска, а затем с апреля 1937 по май 1938 года – счетоводом на пристани в Рыбинске. Осенью 1937 года Юрий из-за смены места работы переехал – в Ярославль. Нина отправилась к нему позднее, если судить по факту ее работы на пристани, отраженному в послужном списке. Выходит, около полугода Андропов жил в Ярославле один, будто холостяк. А где-то там в Рыбинске осталась жена с ребенком. Скорее всего, Андропов регулярно навещал их. Да это было и несложно – сейчас поезда из Ярославля в Рыбинск доходят за час с небольшим. А в мае

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 30. Д. 6. Л. 2 об.

1938 года семья вместе с няней Журжалиной воссоединилась в Ярославле. Через два года после рождения дочери Нина поступила на работу в Ярославское областное управление НКВД. Ее стаж работы в «органах» обозначен с 9 августа 1938 года, должность – секретарь, затем с 29 августа того же года инспектор и с 1 мая 1939 года старший инспектор командного отдела Управления рабоче-крестьянской милиции. Через год работы – 10 августа 1939 года ей присвоили звание сержанта милиции. В сентябре 1939 года Нину Енгальчеву приняли кандидатом в члены ВКП(б), а с апреля 1941 года она стала членом партии.

Здесь же в Ярославле в семье Андроповых в начале 1940 года родился сын Владимир. Интересно, что детей Андропов нарекал именами своих родителей. Что это? Может быть, глубокие переживания и угрызения совести, что фактически отрекся от отца и матери в своих многочисленных анкетах и автобиографиях? Все эти «не помню», всю эту «ложь во спасение» он компенсировал, возвращая их имена своим детям.

И все же Андропов переживал счастливые дни, наполненные семейным благополучием. На фотографии в стилизованной вignetке – он с Ниной. Вот они – два любящих сердца. На обороте 1 марта 1936 года он написал трогательную и поэтическую надпись: «Если вам когда-нибудь будет скучно, если вы хоть на минуту почувствуете себя несчастной, то взгляните на эту фотографию и вспомните, что в мире существуют два счастливых существа. Счастье заразительно. Оно вместе с воздухом проникает вам в душу и в одно мгновение может сделать то, что не в состоянии сделать годы»¹.

Няня Андропова Анастасия Журжалина не выпускала своего воспитанника из виду. Приезжала к нему в Рыбинск, когда тот учился в техникуме. Привозила гостинцы, старалась помочь материально. Вспоминает внук Нины Ивановны Андрей Волков:

«Когда, окончив школу, Юрий Андропов уехал с Кавказа учиться в Рыбинск, няня не выдержала и отправилась навестить его. А когда увидела, как бедно он живет, что ест и как одевается, собрала все свои деньги и купила ему новое пальто, брюки, мешок картошки...»²

Понятно, она относилась к Юрию как к родному ей человеку. И вот теперь, когда Юрий женился, у него родилась дочь.

---

¹ Даданова Т.В. Указ. соч.

² Батуева Е. Указ. соч.

*Нина Енгальчева и Юрий Андропов
[Из открытых источников]*

выписали Журжалину. Она к тому времени жила у своих родственников в Подрезкове под Москвой. И Анастасия Васильевна без колебаний переехала в Рыбинск в 1936 году «к Юрику» в его молодую семью, поднимать и растить дочку. Согласно семейным преданиям: «Через месяц после рождения дочери Юрий разыскал в Подмоскovie свою няню, которая жила у родственников. Анастасия Васильевна вспоминала, как он приехал к ней и сказал: «Нянюшка, у нас родилась дочка. Она такая маленькая, худенькая, мы не знаем, что с ней делать. Приезжай, помоги!»¹.

В Ярославле Андропова с семьей поселили в большую коммунальную квартиру в центре города. Он хоть и обкомовский комсомольский работник, но еще не первого уровня.

А репрессии шли своим чередом. Арестованных руководителей ярославского обкома комсомола Павлова, Брусникина и Смирнову судила выездная сессия Военной коллегии Верховного суда 3 октября 1938 года и приговорила к расстрелу в полном соответствии со «сталинским расстрельным списком», где они

¹ Батуева Е. Указ. соч.

*Дочь Ю.В. Андропова
Евгения
[Из открытых источников]*

проходили «по первой категории». Предрешив приговор, этот список утвердили личными подписями Сталин, Молотов и Жданов 12 сентября 1938 года¹. Расправа состоялась. Их расстреляли в день вынесения приговора в лесу под Ярославлем, близ деревни Селифонтово².

Когда в самом конце ноября 1938 года арестовали верхушку ЦК ВЛКСМ во главе с Александром Косаревым, круги разошлись по всей стране. Проводились пленумы обкомов, звучали гневные речи, разоблачали врагов в комсомоле – «косаревские корешки». Казалось бы, первому секретарю Ярославского обкома комсомола Попкову не уцелеть – арестуют. Да и Андропова могла ждать такая же участь. Они оба попали под огонь критики: «Бюро обкома, т.т. Попков и Андропов не поняли существа решений VII пленума ЦК ВЛКСМ, не возглавили критику круп-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 418. Л. 36, 38, 42, 43.

² Проворов А. Новые тайны Селифонтово // Северный край. 2006. 6 октября; Горбаченко В. Указ. соч.

нейших недостатков в работе бюро обкома, принизили значение для нашей организации фактов разоблачения политически обанкротившихся, насквозь разложившихся людей из ЦК комсомола... Не находили мужества называть вещи своими именами, не давали политической оценки совершаемым ими ошибкам и недостаткам в работе»¹.

Андропов быстро сообразил и выработал правильную линию. Если разгром верхушки комсомола идет по инициативе самого Сталина, то самое разумное не прятаться за оправданиями, а признать правоту Политбюро ЦК ВКП(б), посыпать голову пеплом, каяться самому и топить других. А то могут решить, что он, Андропов, считает себя умнее и хочет перехитрить ЦК. Такое всегда плохо кончалось.

На собрании городского комсомольского актива Ярославля 10 декабря 1938 года был прямо поставлен вопрос, а смогут ли Попков и Андропов выправить недостатки и ликвидировать «провалы в работе»? Андропов взял верную ноту. Как описывает газета:

«...тов. Андропов, под напором фактов, изобличающих руководителей обкома в гнилых, вредных методах руководства, странно признавался в своих ошибках, в том, что он и тов. Попков “переняли антипартийные методы работы бывших руководителей ЦК комсомола и перенесли их в практику работы обкома”. С трибуны актива тов. Андропов подверг критике неприличествующие комсомольскому руководителю “качества” тов. Попкова – грубость, неприязнь к критике, которая в обкоме по существу зажималась, глухоту к сигналам рядовых комсомольцев, забвение первой обязанности комсомольского руководителя – неустанной работы над повышением своего идейно-политического уровня. Тов. Андропов обвинил в беспринципности, в меньшевистском поведении секретаря партийной организации и члена бюро обкома ВЛКСМ тов. Воробьева, мирившегося со всеми этими безобразиями, не возглавившего самокритику в обкоме»².

Газета, поместившая отчет об активе отметила, что заявление Андропова прозвучало вполне убедительно, только вот странно, почему он «вспомнил» обо всем этом сейчас³. Припом-

---

¹ Сталинская смена (Ярославль). 1938. 8 декабря.

² Там же. 12 декабря.

³ Там же.

*Ю.В. Андропов
[ЦДНИ ГАЯО. Ф. 14588.
Он. 60. Д. 1. Л. 1]*

нили Андропову и довольно серьезный политический просчет. Оказывается, в августе 1938 года ему поручили подготовить для обсуждения на бюро обкома вопрос о выполнении решений августовского (1937) пленума ЦК ВЛКСМ «О работе врагов народа внутри комсомола». То есть серьезнейшее дело, рассказать о борьбе с «врагами народа» в Ярославском обкоме ВЛКСМ. И что же? Андропов, «несмотря на неоднократные напоминания» так и не вынес этот вопрос на бюро. Получается, саботировал борьбу с врагами¹.

Пленум обкома комсомола состоялся 23–25 декабря 1938 года². Попкова разругали в пух и прах за «несостоятельность» и «неумение по-большевистски руководить». Андропова щадили, но он на всякий случай усилил самокритику. Тут ведь главное – не переборщить. О его выступлении газета писала даже с некоторой иронией:

«Товарищ Андропов в своем выступлении подверг себя излишнему самобичеванию. Он “великодушно” принял на себя даже те ошибки, в которых совершенно не повинен. Это – вредная крайность. Нам нужна здоровая деловая критика и само-

¹ Там же. 14 декабря.

² Там же. 26 декабря.

*П.Е. Попков
[Из открытых
источников]*

критика. Незачем приписывать себе того, чего не было на самом деле»¹.

Попкову, можно сказать, повезло. Не арестовали, а просто турнули с комсомольской работы и отправили обратно в Рыбинск начальником отдела технического контроля на завод авиадвигателей. Он всего лишь отделался снятием с должности, и его место занял Юрий Андропов. Взошла новая комсомольская звезда. Ну разве могла состояться такая головокружительная карьера, если бы всю верхушку ярославского комсомола не разогнали и не расстреляли? А ведь Андропову еще не исполнилось и 25 лет. Но одно обстоятельство сильно омрачило ситуацию. Накануне избрания Андропова тонуший Попков напоследок попытался «зацепить» и его. Сообщил инструктору ЦК ВЛКСМ Антонине Капустиной о том, что еще при приеме Андропова в партию в 1937 году «поднимался вопрос о его социальном происхождении, якобы отец тов. Андропова был офицером царской армии, мать происходила из купеческой семьи»².

И пошло... Месяца два Андропова лихорадило, он только и успевал оправдываться и писать объяснения. Но как уже говорилось, запутал все до такой степени, что от него просто отстали,

¹ Сталинская смена (Ярославль). 1938. 26 декабря.

² РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 12.

В Территориальную партийную организацию
Областного комитета ВКП(б)

от Андропова Юрия Владимировича
кандидата в члены ВКП(б) - секретаря
Областного комитета ВКП(б)

Заявление.

Прошу принять меня в члены
Всесоюзной коммунистической партии
[большевиков]. Кандидатом в члены ВКП(б)
состою с мая 1937 года. Прошу
все сделать, что бы оправдать высокое
звание члена коммунистической партии.

Андропов

15/II 39г.

Заявление Ю.В. Андропова о приеме в партию
15 февраля 1939
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 68. Л. 6]

потеряв надежду что-либо выяснить наверняка. Обошлось. Плохо старалась инструктор Капустина! Тщательнее бы надо. Собери она в архиве все то, о чем рассказано выше, копни она всю сагу о «ювелире», да еще, если бы разговорила старуху Евдокию Флекенштейн, благо она тут – в Москве... Все! Карьера Андропова закончилась бы, толком не начавшись, и путь наверх ему был бы закрыт навсегда. И не было бы в нашей стране никакого Генерального секретаря ЦК Андропова.

Но мало того, вот еще незадача. Андропов всего лишь кандидат в члены партии. Непорядок. Как же так – он же руководи-

тель обкома комсомола. Колеса партийной бюрократии завертелись с ускорением. Сначала одним днем, 10 февраля 1939 года, оформили перевод Андропова из кандидатов в члены партии решением партсобрания первичной организации обкома комсомола и Кировского райкома партии города Ярославля. Затем бюро горкома ВКП(б) 16 февраля 1939 года утвердило это решение. А бюро обкома на следующий же день все это одобрило¹. Состоялось! Вообще-то назначенный Андропову двухлетний кандидатский стаж истекал только в мае 1939 года, но как записано в решении Кировского райкома: «...учитывая, что тов. Андропов, состоя кандидатом в члены ВКП(б), за это время политически вырос до политического руководителя, в подтверждении чего служит избрание его первым секретарем Обкома ВЛКСМ, и вполне себя подготовил для вступления в партию»². Вот так – нежданно и негаданно «политически вырос до политического...»! В переводе с партийного «речекряка» – окреп наш выдвиженец.

Удивительно другое. Подписавший окончательное решение бюро первый секретарь Ярославского обкома партии Николай Патоличев в изданных им в 1977 году мемуарах, в главе, посвященной своей ярославской работе, ни словом не обмолвился об Андропове³. Он его что, просто не заметил? Ведь он прекрасно знал руководителя обкома комсомола, много раз видел его на заседаниях бюро обкома, разговаривал... И нечего вспомнить? В 1970-е годы Патоличев – член ЦК КПСС, министр внешней торговли. И как-то недалновидно совсем не упоминает Андропова – в тот момент уже члена Политбюро и всеильного председателя КГБ. Или, наоборот, дальновидно? Понимал, как Андропов не любит и опасается тех, кто знал его в молодости. Поговаривали, что бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Тяжельников за попытку, разумеется, из лучших побуждений собрать материалы о комсомольском вожаке Андропове был сослан послом в Румынию⁴.

Особый разговор о трех коммунистах, давших Андропову рекомендацию в партию. Двое из них довольно быстро умерли, не дожив даже до начала войны. Секретарь парткома судоверфи им. Володарского Евстафий Шмелев – партиец «ленинского при-

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

² Там же. Л. 4.

³ Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977. С. 69–114.

⁴ Жирнов Е. Указ. соч. С. 61.

зыва». Он давно опекал и продвигал Андропова, и именно он закрыл глаза на выявившиеся в 1937 году противоречия и белые пятна в биографии своего подопечного. Не дал хода и погасил дело. В начале 1939 года, уже будучи членом комиссии партийного контроля Ярославского обкома, Шмелев выступил главным рекомендателем и нашел теплые слова об Андропове: «твердый комсомолец», который «имел авторитет не только от комсомольской организации и от рабочей массы»¹. Хоть коряво и просто-речно, зато от души. Шмелев умер в начале 1940 года. И ведь был еще совсем не старым – ну какие-то пятьдесят с хвостиком. Совсем молодым умер весной 1941 года Василий Маштаков. Ему не было и сорока. Исполнявший обязанности заведующего отделом школ обкома партии Маштаков в короткой, всего в четыре строки, рекомендации писал, что знает Андропова с 1937 года по совместной работе в аппарате обкома комсомола как «выдержанного и политически грамотного товарища»².

И только Виталий Панов дожил до глубокой старости, пережив самого Андропова. Панов – комсомольский работник со стажем. Он хорошо знал Андропова еще в тот период, когда сам работал инструктором по пионерлагерям и заведующим финансовым и хозяйственным сектором обкома ВЛКСМ в Ярославле. В августе 1939 года Панов выдвинулся на должность инструктора отдела кадров Ярославского обкома комсомола. В войну – на политработе в армии, а после войны вернулся в Ярославль и вскоре возглавил хозяйственный сектор обкома партии. И тут что-то надломилось, в январе 1948 года он теряет должность в обкоме и оказывается скромным управляющим в артели, а дальше хуже – слесарь на машиностроительном заводе «Пролетарская свобода». Непонятно. Может, проворовался? Ему больше не суждено было подняться. Он вышел на пенсию в январе 1965 года. Вот интересно, а во дворе за домино, в кругу таких же, как он, пенсионеров, вспоминал ли об Андропове? Не ровен час приговаривал: «Мой-то Юрка как в гору-то пошел, страну возглавил, а ведь это я его в партию принимал». А ему: «Саныч, да ты что, неужели вот так путевку ему в партию выписал? Он же тебе по гроб жизни обязан – проси у него что хочешь». Но нет, скорее всего, Виталий Александрович Панов держал язык за зу-

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 68. Л. 10.

² Там же. Л. 12.

Докладная записка
А.А. Капустиной
секретарю
ЦК ВЛКСМ
Г.П. Громову о
неверных сведениях
в автобиографии
Ю.В. Андропова
13 января 1939
[РГАНИ. Ф. 82.
Оп. 1. Д. 67.
Л. 12-14]

14

Из этого становится ясным, что тов. Андропов
яко неправомерно счел необходимым сообщить о социальном происхождении
своей матери.

Я считаю необходимым потребовать у тов. Андропова
объяснение причин побуждавших его так эти неверно
сведет.

ТАКОВАЯ

Копия

9-2

13.1.1939г.

12

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВЛКСМ - тов. ГРОМОВУ -

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

7 октября 1938г. на 17-й Всесоюзной Язславской
го Обкома ВЛКСМ был избран первым секретарем обкома
тов. Андропов Три Вадимович. До 5 янв. по Члену
б. первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ тов. Полю-
ковому было сообщено, что в 1927г. при поступлении
тов. Андропова в ЦТМ/Б/ поощрительное письмо о его социаль-
ном происхождении, якобы от тов. Андропова был обкомом
направлен при нем, мать происходила из купеческой семьи.

Я поставила этот вопрос перед секретарем Ярослав-
ского обкома ВЛКСМ тов. Гурьевым, проверяла в партколле-
гии, где знакомилась с его делом при приеме в партию.

Тов. Андропов представил документ, опровергающий
вышеизложенные обвинения.

В заседании со мной и секретарем Ярославского обкома
ВЛКСМ тов. Гурьевым и Гурьевыми полные представленные
комментарии Андропов сообщил о себе сл. биографические
данные: - Свои его предвещательный от дяди, который в
органе на службе, происходил из семьи учителя, работал
по ст. Чкалов, умер в 1918г. Мать происходила из сель-
ской, Раздольской в Бердичеве, было получена малым раба-
ром в семье часовщика тов. Мисера был высшего тракториста
Язловского, впоследствии в Москве, где и закончила
с 17-ти летнего возраста работала в качестве учительницы.

13

Копию сведений о родной бабушке Андропов она не выдала
и не знает кто она.

бами. Оттого и дожил до глубокой старости, пережил Андропова на четыре года и умер в Ярославле в марте 1988-го.

Андропов набирался опыта и превращался в матерого функционера. Поднаторел говорить речи. В феврале 1939 года на 3-й областной комсомольской конференции, уже вжившись в роль, он привычно вещал с трибуны и «подробно рассказал о порочных методах руководства», которые практиковал обком и его бывший секретарь Попков¹. Конечно, все можно было валить на предшественника. Непосредственно для Андропова опасность миновала. В декабре 1939 года его избрали депутатом Ярославского областного совета. Кандидатура Андропова была выдвинута на окружном предвыборном совещании избирателей в клубе судоверфи им. Володарского в Рыбинске. Родной коллектив и выдвинул. Парадные и традиционные речи о «единстве советского народа и его преданности делу большевистской партии» перемежались с описанием заслуг Андропова и его организаторских способностей². Выступил и приехавший на верфь Андропов:

«Я искренне благодарю вас за столь великое, оказанное мне доверие. Партия Ленина – Сталина дала нам свободу, партия большевиков дала нам огромные права. Мы имеем самую демократическую в мире Сталинскую Конституцию. Мы сами выбираем органы управления государством. Вы оказываете мне огромное доверие, и я от всего сердца заверяю вас, что доверие ваше мною будет оправдано»³.

В опубликованной биографии было все гладко: отец железнодорожник, мать – учительница. Только в газете существенно напутали с описанием комсомольской карьеры Андропова. Отметив его избрание в ноябре 1936 года комсоргом судоверфи, далее писали: «Здесь тов. Андропов работал до июля 1938 года, до выдвижения его на должность заведующего отделом пионеров рыбинского горкома ВЛКСМ. В декабре 1938 года тов. Андропов был избран третьим секретарем, а вскоре – первым секретарем областного комитета ВЛКСМ»⁴. Ну вот опять – газета как исторический источник!

В Москве Андропову благоволили. Да и Андропов проявлял завидную активность, не забывая рекламировать свои успехи

---

¹ Сталинская смена (Ярославль). 1939. 6 февраля.

² Володарец (Рыбинск). 1939. 29 ноября.

³ Там же.

⁴ Рыбинская правда. 1939. 30 ноября.

Автобиография
Ю.В. Андропова
17 апреля 1939
[РГАНИ. Ф. 82.
Он. 1. Д. 67. Л. 6-8]

набран секретарем отдела
до декабря 1937 года работал переводчиком
секретарем отдела. В декабре 1937 года
набран переводчиком секретарем.
В Комсомоле с 1930 года. (Всем работам)
в декабре 1939 года
Возвлеканий не имело.

17-29 года. Андропов

Автобиография

Родился в 1914 году на окраине
Забуготской Курортного района
Водопольского уезда.
Отцу мой работал переводчиком
и затем редактором француз.
В 1916 году отец перевелся на
американское побережье, где работал
редактором газеты. Умер в 1919 году
от стихийного мора. Провел с
моим семьей долгое время.
Мать - французская. Французка из
семьи Пикар (с. Москва). Фран-
цузская, работала в том же месте
в семье Пикарской где работала
до 18-20-го. Французка имеет характер
и характерно, но больше всего интересна, как
мать. Мать с 1914 по 1930 год
французка. Умерла в 1930 году.
Умерла в день смерти Родителя на
дому (по отцу). Сам я не по кон-
не видел. Но рассказывала матери
- оба скончались на немецкой
войне. Мать же оба умерли.
В 1921 году мать моя вторично
замужем. Мать видела

на французском
французском
на французском
и не было.
1931 году
1930 году.
на французском.
на французском
и французского
мать
Французка
мать в 1936 году.
мать французского

В ноябре 1936 года был переведен
на работу в Комсомольск секретарем
кабинета Выхода, где работал
до июля 1937 года. В июле 1937 года
набран заведующим отделом
гостиницы Выхода. В сентябре 1937 года
вторично заведующим отделом
гостиницы Выхода и через месяц

на всю страну. Его бойкое перо выводило строки с описанием достижений ярославской комсомольской организации. Статьи Андропова охотно помещала центральная комсомольская печать и даже – бери выше – главный партийный орган – газета «Правда». В статье под заголовком «Новое в работе комсомола», опубликованной в «Правде» 15 апреля 1939 года, Андропов писал о деятельном участии комсомола в производственной жизни Ярославского шинного завода и других предприятий области. Отметив, что ранее комсомольская организация «вопросами производства занималась мало», ограничиваясь посылкой агитаторов, Андропов призвал «научить комсомольцев и комсомольский актив по-партийному подходить к решению государственных и хозяйственных проблем»¹.

Статья, выдержанная в деловом тоне, пришлась ко времени. Особенно важным было упоминание шинного завода – основного производителя автомобильных покрышек в стране. Завод с трудом выходил на проектную мощность, хронически не выполнял производственную программу. Вопросы выпуска автомобильных покрышек не раз рассматривались в Москве на самом высоком уровне². Слишком много шло брака. И тут очень своевременным был призыв Андропова комсомольцам «вывести завод из прорыва, выполнить производственную программу»³. И еще удивительный факт. В статье Андропова не было никаких принятых в печати славословий в адрес Сталина, он вообще ни разу не упоминался. И это тоже могло вызвать одобрение главного читателя. К чему пустое величание. Важнее дело – обуять военную технику в отечественную резину.

Это был триумф – опубликоваться в газете, которую ежедневно читает Сталин. Андропов развивает успех и теперь регулярно пишет статьи для центральной печати. В «Комсомольской правде» 14 февраля 1940 года Андропов опубликовал статью «Шефы “Большой Волги”».

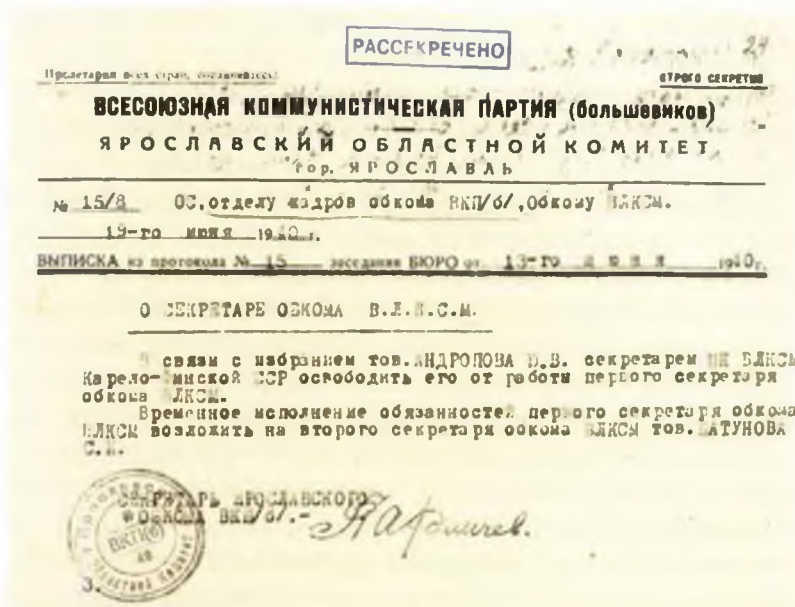
В ЦК ВЛКСМ работой Андропова были довольны, ему писали неплохие характеристики, хотя были и критические нотки. Например, в характеристике от 17 августа 1939 года наряду с констатацией, что Андропов с работой первого секретаря обкома справляется, отмечалось «отсутствие коллегиальности в

---

¹ Правда. 1939. 15 апреля.

² Патоличев Н.С. Указ. соч. С. 74–81, 84–85.

³ Правда. 1939. 15 апреля.

Решение бюро Ярославского обкома ВКП(б) об освобождении Ю.В. Андропова от должности в обкоме ВЛКСМ 13 июня 1940 [РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 24]

решении вопросов»¹. Но в целом мнение о нем в аппарате ЦК комсомола было самое благоприятное. Он хорошо и грамотно выступал в прениях на пленумах ЦК комсомола. Ему прочили большое будущее.

Выдвижением на новую вышестоящую должность Андропов обязан руководителю комсомола Николаю Михайлову. В ЦК ВЛКСМ подыскивали кандидатуру на должность первого секретаря ЦК комсомола новой республики – Карело-Финской ССР. Михайлов остановил свой выбор на Юрии Андропове – перспективном работнике, имевшем хороший отзыв и рекомендацию первого секретаря Ярославского обкома партии Патолычева. В мае 1940 года Андропова вызвали в Москву в ЦК ВЛКСМ, где после напутственной беседы с Михайловым он получил новое назначение и отправился в Петрозаводск².

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 164а. Л. 7.

² Шлейкин Ю.В. Указ. соч. С. 10–11.

«ДОЛГО БУДЕТ КАРЕЛИЯ СНИТЬСЯ...»

Откуда берутся союзные республики? Ответ прост – их организуют «по просьбе трудящихся». Действительно, если следовать пропагандистским клише, то в Советском Союзе любая организационно-политическая новация была результатом реализации просьб и чаяний трудящихся. На шестой сессии Верховного Совета СССР первого созыва 31 марта 1940 года был принят закон «О преобразовании Карельской АССР в союзную Карело-Финскую ССР». Казалось все просто. Автономную республику в составе РСФСР повысили в статусе до союзной со всеми вытекающими последствиями (право самоопределения вплоть до отделения). В обосновании говорилось буквально следующее: «Идя навстречу пожеланиям трудящихся Карельской Автономной Советской Социалистической Республики и руководствуясь принципом свободного развития национальностей...»¹ Правда, тем самым отрезали от РСФСР довольно значительный кусок территории. Но кто на это смотрел в Кремле. Ведь все остается в составе СССР, и никуда республика не денется, даже если ее наделить правом выхода из Союза.

На сессии с докладом о международном положении выступил Молотов. Расхваливая мудрую и прозорливую политику советского правительства, он отметил, что «стремление Германии к миру было отвергнуто правительствами Англии и Франции» под предлогом защиты интересов «распавшейся Польши» и Чехословакии. Более того, вещал Молотов, «правительства Англии и Франции провозгласили своими целями в этой войне разгром и расчленение Германии, хотя эти цели перед народными массами все еще прикрываются лозунгами защиты “демократических” стран и “прав” малых народов»². И совсем не случайно в речи Молотова права малых народов и демократия оказались в кавычках. В Кремле, как и в Берлине, полагали, что права есть только у больших и великих народов, а демократия – химера. Далее у Молотова вполне закономерно следовал прогерманский пассаж: «Крутой поворот к лучшему в отношениях между Советским Союзом и Германи-

---

¹ Сборник законов Верховного Совета СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР за 1938–1942 годы. М., 1942. С. 100–101.

² Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта – 4 апреля 1940 г.: Стенографический отчет. М., 1940. С. 26.

ей нашел свое подтверждение в договоре о ненападении, подписанном в августе прошлого года. Эти новые, хорошие советско-германские отношения были проверены на опыте в связи с событиями в бывшей Польше и достаточно показали свою прочность»¹.

Умолчал Молотов о том, что СССР попытался «проверить на опыте» и претворить в жизнь зафиксированную в секретном протоколе к договору о ненападении («пакт Молотова – Риббентропа») договоренность с Берлином об отнесении Финляндии к советской «сфере интересов»². Именно эта договоренность связала руки Кремлю, выдвинувшему Финляндии требования о территориальных обменах. Мотивировались они необходимостью «обеспечить безопасность Ленинграда», а после последовавшего отказа Москва решила начать боевые действия. И вот теперь Молотов рассказывал об итогах только что закончившейся советско-финляндской войны: «Произошло столкновение наших войск не просто с финскими войсками, а с соединенными силами империалистов ряда стран, включая английских, французских и других, которые помогали финляндской буржуазии всеми видами оружия и, особенно, артиллерией и самолетами, а также своими людьми под видом “добровольцев”»³.

Молотов выдал провал советской агрессии против Финляндии за блестящую победу, завершившуюся подписанием 12 марта 1940 года мирного договора. Хотя внимательные слушатели его доклада обратили внимание на некоторые события, заставившие Кремль поторопиться с завершением войны. Прежде всего это возраставшие день ото дня военные поставки в Финляндию из Англии, Франции, Швеции и даже Италии и США вооружения и техники (включая новейшие самолеты и тяжелую артиллерию), а главное, подготовка 100-тысячной экспедиционной армии, готовой отправиться в Финляндию уже в начале марта 1940 года⁴.

Так что нет, не гигантские потери в ходе трехмесячных кровопролитных боев заставили Сталина дрогнуть и отказаться от первоначального плана захвата и советизации Финляндии.

---

¹ Там же. С. 27.

² Оглашению подлежит: СССР – Германия 1939–1941: Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 71.

³ Шестая сессия Верховного Совета СССР... С. 31.

⁴ Там же. С. 32–33.

Мощная военная поддержка мировыми державами подвергшейся агрессии Финляндии – вот кошмарный сон Сталина. Такой поворот событий мог привести к прямому военному столкновению СССР с Великобританией и Францией, что совсем не вписывалось в планы Сталина быть в стороне от войны в Европе, дожидаясь, когда «империалистические хищники» обескровят друг друга.

А ведь какие надежды возлагались на придуманную и ловко сконструированную комбинацию с нападением на Финляндию. На второй день войны в как бы освобожденном городе Териоки от имени «левых партий и восставших финских солдат» создается «народное правительство Финляндской Демократической Республики» во главе со старым коминтерновцем Отто Куусиненом, приглашающим Красную армию оказать им содействие и выступить «освободителем» финского народа¹. А уже на следующий день делегация этого марионеточного правительства в лице Куусинена заключает «договор о взаимопомощи и дружбе», согласно которому СССР передает Финляндской Демократической Республике территорию советской Карелии в 70 тысяч квадратных километров, а та, в свою очередь, согласна передвинуть границу на Карельском перешейке подальше от Ленинграда². Ратификационные грамоты планируется передать друг другу «в возможно более короткий срок в столице Финляндии – городе Хельсинки»³. И все! Дальнейшие действия Красной армии подаются советской прессой исключительно как освободительный поход в поддержку «настоящего финского правительства» для разгрома засевших в Хельсинки «белофинов».

Но не случилось. Финляндия устояла, хотя ей и пришлось пожертвовать частью государственной территории. Об упразднении организованного Кремлем правительства «народной Финляндии» во главе с Отто Куусиненом на сессии Верховного Совета СССР Молотов сказал сквозь зубы и походя как о чем-то несущественном: «В связи с этим [мирным договором. – Н. П.] встал вопрос о самороспуске Народного Правительства, что и было осуществлено»⁴. Но надо же как-то спасти лицо.

---

¹ Правда. 1939. 2 декабря.

² Известия. 1939. 3 декабря.

³ Там же.

⁴ Шестая сессия Верховного Совета СССР... С. 36.

А что если влить полученные в результате войны финские территории в Карелию и дать этому образованию новый статус?

С предложением об организации новой союзной республики 31 марта на сессии выступил Жданов. Он произнес недлинную речь, суть которой сводилась к простой мысли: «отход» к Советскому Союзу «новых территорий, естественно, ставит вопрос о наиболее целесообразном их государственном устройстве и о путях их хозяйственного и культурного развития»¹. А так как новые территории примыкают к Карельской АССР и населены народами, связанными между собой «кровными расово-национальными узами», название республики должно отразить именно этот факт². Жданов огласил проект закона, который в этот же день был принят.

Республику, безусловно, конструировали «на вырост». Иначе говоря, Карело-Финская ССР представляла собой незавершенный проект. Сталину не удалось достичь своих целей с помощью «Зимней войны», но он не оставлял мысли подчинить и включить в СССР всю Финляндию. Именно в таком ключе был сформулирован один из пунктов сталинского напутствия Молотову для переговоров в Берлине в ноябре 1940 года. В нем говорилось о том, что соглашение о частичном разграничении сфер интересов СССР и Германии событиями исчерпано, за исключением Финляндии. То есть согласно «разграничению сфер интересов» присоединили часть Польши, Латвию, Эстонию и даже сверх того Литву, а вот с Финляндией не получилось. Молотову предписывалось в переговорах вновь обсудить вопрос о Финляндии. Напомнить Гитлеру том, что она была отнесена к сфере интересов СССР на основе советско-германского соглашения 1939 года, в выполнении которого Германия «должна устранить всякие трудности и неясности»³. Что за «трудности и неясности»? А речь шла о том, что к этому времени в Финляндии был размещен небольшой контингент германских войск и организованы базы для промежуточных посадок самолетов по пути в Киркинес.

В беседе с Гитлером 12 ноября 1940 года Молотов, подчеркнув, что отражает не только свою, но и точку зрения Сталина, прямо поставил вопрос о Финляндии. Как отмечено в записи

---

¹ Там же. С. 47.

² Там же. С. 48.

³ 1941 год / сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова. Кн. 1. М., 1998. С. 349–350.

В.М. Молотов в Берлине.

Слева направо: В.М. Молотов, министр внутренних дел Германии Г. Фрик, советник МИД Г. Хильгер, министр иностранных дел И. фон Риббентроп и начальник отрядов СС Г. Гиммлер

13 ноября 1940

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 9]

беседы: «Советская сторона считает, что Германия выполнила свои обязательства по этому соглашению [секретным протоколам 1939 года. – Н. П.], кроме одного – Финляндии. В связи с этим Молотов хочет узнать, остается ли Германское правительство на точке зрения имеющегося соглашения. По этому вопросу (1939 г.) советская сторона, со своей стороны, не требует ничего, кроме того, что было решено в прошлом году»¹. Гитлер пообещал обсудить это на другой день за завтраком.

На следующий день Гитлер вылил ушат холодной воды, заявив, что «Германия и теперь признает Финляндию сферой интересов СССР», но на время войны с Англией заинтересована в Финляндии экономически (получает лес и никель) и не хо-

¹ 1941 год. Кн. 1. С. 365.

тела бы превращения района Балтийского моря в театр военных действий. Отметив, что «финны, которые оказали упорное сопротивление, завоевали симпатию во всем мире, и в особенности среди скандинавских народов», Гитлер добавил, что и в германском народе возникло «возбуждение» по этому поводу. И подытожил: «Все это побуждает Германское правительство стремиться к тому, чтобы воспрепятствовать возникновению вторичной войны в Финляндии»¹. Молотов продолжал настаивать, и тогда Гитлер прямо спросил: «...имеет ли Советский Союз намерение вести войну в Финляндии?». На что получил уклончивый ответ: «...если правительство Финляндии откажется от двойственной политики и от настраивания масс против СССР, все пойдет нормально»². Гитлер высказал опасение, что в случае новой войны против Финляндии на ее стороне выступит Швеция, да и Германии придется вмешаться и призвал к терпению: «После окончания войны Россия может получить все, что она пожелает»³. Старательно выполняя сталинское напутствие, Молотов упрямылся, дескать, надо буквально держаться советско-германского соглашения 1939 года. Кремль хотел всего и сейчас! Гитлер парировал: СССР ведь сам вышел за пределы соглашения, обменяв «часть Польши на Литву», и Германия отнеслась к этому с пониманием⁴. И добавил: «...война с Финляндией будет источником осложнений. Россия уже получила львиную долю выгод»⁵. Молотову крыть было нечем.

По результатам беседы Молотов сообщил Сталину: «Главное время с Гитлером ушло на финский вопрос. Гитлер заявил, что подтверждает прошлогоднее соглашение, но Германия заявляет, что она заинтересована в сохранении мира на Балтийском море. Мое указание, что в прошлом году никаких оговорок не делалось по этому вопросу, не опровергалось, но и не имело влияния»⁶. Финляндия была избавлена от советизации. Тем не менее 25 октября 1940 года оперативным управлением Генштаба РККА был разработан план нападения на Финляндию, хотя

---

¹ Там же. С. 376.

² Там же. С. 178.

³ Там же. С. 379.

⁴ Там же. С. 376–379.

⁵ Там же. С. 379.

⁶ Там же. С. 393.

*В.М. Молотов, Г. Хильгер и А. Гитлер
14 ноября 1940
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 11]*

и не пошедший в дело, согласно которому уже на 35-й день военного вторжения следовало захватить Хельсинки¹.

Несмотря на провал переговоров, Молотов, кажется, был очарован Гитлером. В посольстве, между своих, делился впе-

---

¹ 1941 год. Кн. 1. С. 418–423.

чатлениями: «...поговорив с главой Немецкого правительства, поймешь причины его успехов». И глубокомысленно добавил, что «он редко встречал человека, которого бы мир оценивал так неправильно»¹. В тот день Гитлер обрисовал Молотову грандиозные планы, как поделить наследие Британской империи после ее разгрома «германским оружием». Гитлер так и выразился: от империи останется «конкурсная масса», и «она сможет удовлетворить всех, кто имеет потребность в свободном выходе к океану»².

Карело-Финская ССР получилась солидной по размерам, но крайне малонаселенной. Территория 196 тысяч квадратных километров, что больше иных республик, например Азербайджана, Армении, Грузии или Таджикистана. А вот с населением – беда, даже по оптимистичным оценкам, всего-то порядка 500 тысяч человек.

Но статус! Союзной республике полагалась своя конституция. Вместо обкома ВКП(б) – ЦК Компартии республики. То же и с комсомолом. Расширялся аппарат управления, открывались новые номенклатурные вакансии. Хорошо зарекомендовавший себя секретарь Ярославского обкома комсомола Юрий Андропов был выдвинут на должность первого секретаря ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР. Вообще-то в Ярославской области число комсомольцев было внушительным, в несколько раз больше, чем в Карелии. Но не числом комсомольцев прирастал номенклатурный вес Андропова. Руководитель ЦК комсомола союзной республики – это на порядок выше, чем обкомовский первый секретарь

В последних числах мая 1940 года Андропов выехал в Петрозаводск. Ему предстояло участвовать в первом съезде комсомола республики. Съезд открылся 1 июня. По словам одной из участниц, «на трибуну поднялся незнакомый нам – делегатам, высокий темноволосый молодой человек». Андропов произнес речь и покорила собравшихся: «Четкая дикция, спокойный голос, лаконичные без длиннот предложения делали речь докладчика доходчивой, привлекающей внимание, а содержание ее показывало, что докладчик – большой знаток комсомольской работы. В перерыве работы съезда об этом только и говорили делегаты между собой»³.

---

¹ Там же. С. 385.

² Там же. С. 380.

³ Шлейкин Ю.В. Указ. соч. С. 15.

На пленуме ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР 3 июня 1940 года Андропов был избран первым секретарем ЦК. Его не могли не избрать. Не потому что он вполне «показался» делегатам и произвел эффект, а в силу партийно-комсомольской дисциплины. На эту должность Андропова рекомендовал ЦК ВЛКСМ, и в Петрозаводск для продвижения его кандидатуры прибыла самолично секретарь ЦК комсомола Ольга Мишакова – та самая, «свалившая» в ноябре 1938 года руководителя комсомола Косарева и его ближайших подчиненных. После ее заявления Сталину арестовали всю верхушку ЦК ВЛКСМ, и пошел новый виток арестов и чисток в комсомоле. Имя Мишаковой еще долго наводило ужас на комсомольский актив.

Агитировал за Андропова и первый секретарь ЦК компартии Карело-Финской ССР Геннадий Куприянов. Он как-то сразу по-отечески проникся к молодому выдвиженцу и старался поддерживать, считая его за своего. Человек сложной трагической судьбы, Куприянов много позже изменил свое отношение к Андропову, но тогда в 1940 году очень ему помог. Через месяц, 4 июля 1940 года, пленум Ярославского обкома комсомола освободил Андропова от прежней должности первого секретаря обкома¹. Начался следующий этап его карьеры.

Переезд Андропова к месту нового назначения в Петрозаводск обернулся для него началом новой жизни – без семьи. Трудно понять, почему так. Пишут, что Нина не захотела переезжать, имея на руках малолетнюю дочь и грудного сына. Есть и намеки на разлад в семейных отношениях накануне нового назначения Андропова. Возможно, милицейская работа Нины в мужском коллективе наложила свой отпечаток на ее и без того непростой характер. Женщина, да еще яркая и красивая, неизбежно должна была оказаться в центре внимания сослуживцев. Возможно, Андропов стал ревновать и раздражаться от чрезмерной самостоятельности и выросшей самооценки жены? Может, и так. И романтические чувства первых лет брака поблекли. Как бы то ни было, Андропов уехал один.

А вскоре из Петрозаводска Андропов запросил у Нины согласие на развод. Она согласилась. Это помогло Андропову сохранить «партийное лицо». Моральный облик коммуниста не предполагал легкомысленности в семейных отношениях.

---

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 164а. Л. 20–21.

Навсегда разошлись и пути Анастасии Журжалиной и Юрия Андропова. Няня осталась с Ниной и ее детьми. Она издалека следила за карьерой ее родного «Юрика». Неотрывно сидела у телевизора, когда показывали Андропова в репортаже о каких-нибудь кремлевских торжествах:

«Незадолго до своей смерти она совсем затосковала по своему любимцу. Даже вещи собирала в дорогу: дескать, поеду в Москву повидаться с Юрой перед смертью. Но, конечно, не поехала. Когда в 1979 году она умерла, Андропов написал своей первой жене в Ярославль: “Ушел из жизни единственный человек, который любил меня просто так, потому что я – это я”...»¹.

Что стало причиной столь резкой перемены в личной жизни Андропова. Переезд без семьи к новому месту службы вообще-то дело обычное. Ну да, надо осмотреться, получить жилье и уж тогда выписывать семью. Не брать же жену с двумя детьми в неизвестность, не обречь их в первые дни ютиться неизвестно где. Но или период обустройства Андропова на новом месте затянулся, или он по каким-то причинам не торопился. Хотя обычно номенклатурному работнику такого уровня жилье выделяли быстро. Странно, но даже через четыре месяца после приезда на новую работу в Петрозаводск, заполняя 12 октября 1940 года личный листок по учету кадров, Андропов указал свой прежний адрес в Ярославле – улица Советская, дом 2, квартира 4².

Да, кажется, в Петрозаводске он кого-то встретил, кого мог знать раньше, и этот кто-то – она. Так и было. Татьяна Филипповна Лебедева родилась 27 декабря 1916 года (очевидно, по старому стилю) в селе Косково Брейтовского района Ярославской области. Это по новому административному делению³. А в то время это была Брейтовская волость Мологского уезда Ярославской губернии. Много позже при устройстве водохранилища город Мологу затопили, а в Брейтове, оказавшемся на кромке большой воды, разобрали дома и перенесли, отстроив новый райцентр. Село Косково, расположенное на берегу реки Сёблы, сохранилось, хотя число его жителей сейчас меньше сотни человек.

---

¹ Батуева Е. Указ. соч.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 164а. Л. 1–2.

³ По другим данным, в деревне Красково того же Брейтовского района.

Татьяна Лебедева, в отличие от Андропова, имела ясное и вполне пролетарское происхождение. Отец – токарь по металлу, рабочий. И с матерью все в порядке – рабочая на лесопилке. Еще один балл в плюс. Более того, в некоторых источниках ее ранняя биография, не исключено приукрашенная, и того лучше. Отец – старый путиловский рабочий, «ушел защищать красный Питер», когда дочери Татьяне было всего два года. «Холод и голод заставили ее мать Анну Ивановну покинуть родной город. Там в деревне Касково [так в тексте. – Н. П.] Ярославской области протекло детство Татьяны...»¹. Правда тут одно но – уж не в Петрограде ли она родилась? В 1931 году Татьяна окончила 7 классов Некрасовской средней школы и в том же году вступила в комсомол. Затем в 1932 году окончила годичные курсы при педагогическом техникуме в поселке Гаврилов-Ям. Ее послали учительствовать в начальную школу в деревню Курдумово Гаврилов-Ямского района. С 1934 года работала старшей пионервожатой в средней школе поселка Гаврилов-Ям, с 1936-го – инструктором отдела пионеров Гаврилов-Ямского райкома комсомола.

В 1937 году Татьяну Лебедеву отправили учиться на комсомольское отделение комвуза в Ярославль. Как раз осенью того же года Андропов возглавил отдел учащейся и студенческой молодежи обкома ВЛКСМ и в его ведении был отбор перспективных активистов для комсомольской учебы. Вот здесь-то он и мог заметить красивую молодую комсомолку. Но Андропов был женат, и трудно судить, могли ли возникнуть романтические отношения между ним и Татьяной Лебедевой еще в Ярославле. Хотя кто знает? Ведь именно тогда Андропов почти на полгода оказался в Ярославле на положении холостяка – его жена Нина с дочерью еще оставались в Рыбинске и приехали позднее.

Через год, окончив учебу, Татьяна Лебедева оказалась в Петрозаводске. Вероятно, ее распределили по месту службы мужа. Да, она вышла замуж, и ее избранником стал комсомольский работник Александр Самознаев. Как и Андропов, он выдвинулся в судьбоносном 1937 году и занимал заметную должность – 12 октября 1937 года его назначили заведующим отделом руководя-

---

¹ Силин В. Воспитанница комсомола // Молодой большевик (Петрозаводск). 1940. 20 ноября.

щих органов Карельского обкома комсомола¹. Вскоре там же, в Петрозаводске, он был призван в РККА на политработу. Быстро продвигался по службе. Приказом по войскам Ленинградского Военного округа 25 февраля 1938 года ему присвоили звание младшего политрука, в тот момент он – ответственный секретарь бюро ВЛКСМ 18-го артиллерийского полка². В том же году Самознаев переведен на службу в Московский военный округ исполняющим обязанности помощника начальника политотдела 18-й Ярославской стрелковой дивизии по работе среди комсомольцев, 14 декабря он был утвержден в этой должности³. А уже через полгода, 23 июня 1939 года, ему присвоили воинское звание политрука⁴.

Возможно, когда дивизия еще располагалась в Ярославле, и состоялось знакомство Самознаева с будущей женой. Дивизию перевели в Петрозаводск, и Татьяна после учебы направилась вслед за мужем⁵. Так Татьяна выпала из поля зрения Андропова.

Уехав в Петрозаводск в 1938 году, Татьяна, теперь уже не Лебедева, а Самознаева, тут же была назначена на ответственную работу и заняла должность заведующей отделом политучебы Петрозаводского горкома ВЛКСМ. Ничего удивительного. Ее муж занимал важную руководящую должность. После областной конференции 10 февраля 1939 года Александра Самознаева избрали членом бюро Карельского обкома комсомола⁶. На следующий год его жена Татьяна как растущий и перспективный работник была принята кандидатом в члены ВКП(б), 16 ноября 1939 года назначена заведующей отделом школ и пионеров горкома. В 1940 году она жила в 7-й квартире дома 31 по улице Горького в Петрозаводске⁷.

Семейное счастье было недолгим, его оборвала советско-финская война. «На той войне неизвестной» Александр Самознаев

---

¹ Комсомолец Карелии. 1937. 14 октября.

² РГВА. Ф. 37837. Оп. 4. Д. 162. Л. 192. Автор благодарит Надежду Леонтьеву за помощь в поиске документов о службе Самознаева в РККА.

³ Там же. Д. 209. Л. 261.

⁴ Там же. Д. 242. Л. 15, 22.

⁵ Шлейкин Ю.В. Указ. соч. С. 26.

⁶ Комсомолец Карелии. 1939. 12 февраля.

⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 58. Д. 46348. Л. 1–2. Личное дело Т.Ф. Самознаевой.

*Татьяна Самознаева
[РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 58.
Д. 46348. Л. 15]*

погиб. И жертвы той войны были забыты. Политрук Самознаев был заместителем начальника политотдела по комсомольской работе 18-й дивизии. По воспоминаниям сослуживца, Саша Самознаев – «красивый, обаятельный, начитанный. У него молодая жена осталась в Петрозаводске, зовут ее Таня, она завотделом школ и пионеров горкома комсомола». Саша ее очень любил: «фотографию Тани Саша достает перед сном, садится в угол, в полумрак и долго сидит, держа снимок в руке. О чем он с ней разговаривает? Что рассказывает ей, большеглазой, белозубой, улыбчивой?»¹.

Судьба 18-й дивизии была ужасна. В начале января 1940 года дивизия попала в окружение в Леметти, чуть севернее Ладожского озера, и ее части оказались в нескольких «котлах»². Кончилось продовольствие, варили лошадиные кишки, кожу, ремни... Морозы под сорок и голод деморализовали дивизию и полностью лишили боеспособности. Люди заживо гнили в землянках. Писатель Анатолий Гордиенко посвятил этой трагедии роман-хронику «Гибель дивизии», где пишет и об Александре

¹ Гордиенко А.А. Гибель дивизии. Петрозаводск, 2004. С. 192.

² Аптекарь П.С. Трагедия окруженных // Военно-исторический архив. Вып. 2. М., 1998. С. 176–202.

*Знамя 18-й дивизии в музейной экспозиции в Финляндии
[Из открытых источников]*

Самознаеве¹. Самознаев агитировал и подбадривал комсомольцев, призывал воевать, верить и «любить по-сыновнему товарища Сталина», хотя сам был полон сомнений: «на кой ляд нам эта земля, это что – Кавказ или Крым?»².

Наконец, получив разрешение командования, обессиленные остатки дивизии двумя колоннами 28 февраля пошли на прорыв. Итог – вышло немногим более 1200 человек. Замерзли и погибли в лесах 11 тысяч человек. В шедшей на прорыв колонне Самознаеву было поручено вынести на себе Почетное знамя Петрозаводского горкома партии, врученное дивизии в декабре 1939 года³. А боевое знамя 18-й дивизии выносил начальник политотдела. Они оба были убиты, приняв бой в районе финского военного лагеря в двух с половиной километрах восточнее Леметти⁴.

¹ Гордиенко А.А. Указ. соч.

² Там же. С. 194–195.

³ Там же. С. 77, 79, 240.

⁴ Там же. С. 245.

Знамя орденоносной дивизии стало финским трофеем. Лишь в марте 1940 года похоронили найденные тела погибших. Среди них был опознан Самознаев. Он остался навсегда в братской могиле в Леметти. И сейчас там, на мемориальном кладбище, нет у него ни таблички с именем, ни фотографии, ни обелиска.

Началось расследование. Дивизию за утрату знамени расформировали, командир дивизии Кондрашов был арестован. В августе 1940 года Военная коллегия Верховного суда приговорила его к расстрелу, обвинив в «преступном бездействии в войне с белофинами». Но разве он был виноват в начатой Сталиным бездарной войне против Финляндии? Разве его вина в том, что дивизия не получила помощь, что ей не давали разрешения отойти к своим. Сгубили дивизию самодовольные начальники, сидевшие в сытости, тепле и понукавшие «давай вперед, за Родину!».

Областная газета «Комсомолец Карелии» не поместила ни строчки о гибели Самознаева. Ни некролога, ни объяснений, куда исчез член бюро обкома комсомола. Просто ничего, молчание. Не удосужились даже хотя бы привезти и захоронить в Петрозаводске его тело, найденное и опознанное на поле боя. Как это до боли знакомо – брошены на смерть и забыты. Даже сейчас в объединенной электронной базе данных (ОБД «Мемориал») Министерства обороны России нет о нем строки с данными о дате гибели и месте захоронения.

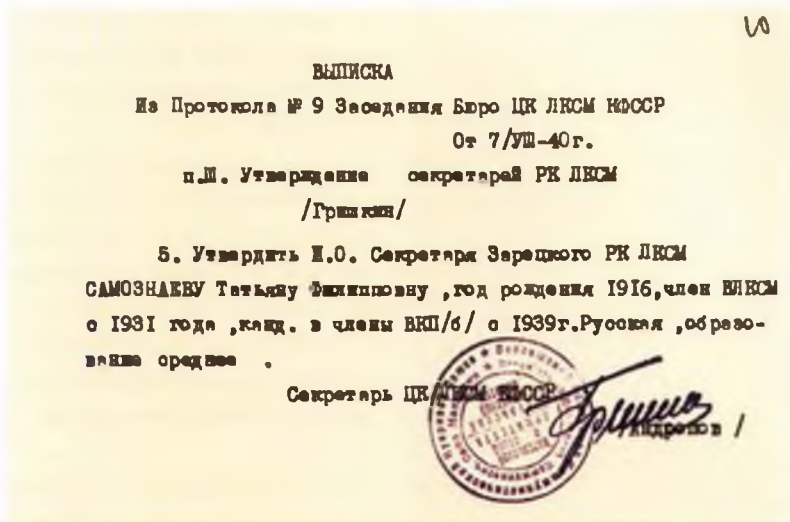
Татьяна Самознаева тяжело переживала потерю мужа. И тут в Петрозаводске появляется Андропов. Пожалел, проявил сочувствие или увидел шанс завоевать сердце той, о ком вздыхал еще в Ярославле, все может быть. Завязался бурный роман. Андропов говорил о ней: «Таня для меня – свет в окошке, и жить без нее нет никаких сил...»¹.

С появлением Андропова карьера Татьяны Самознаевой еще круче пошла в гору. В июне ее утвердили исполняющей обязанности секретаря Зарецкого райкома комсомола Петрозаводска. О погибшем муже Татьяна в автобиографии писала скупо: «Муж был политработник РККА. Погиб в боях с белофинами»². У нее была блестящая автобиография, не придерешься: «Взысканий не имею, репрессированных и за границей никого нет»³. Хотя

¹ Шлейкин Ю.В. Указ. соч. С. 26.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 58. Д. 46348. Л. 3 об. Автобиография от 9 октября 1940 г. в личном деле.

³ Там же.

*Решение об утверждении Татьяны Самознаевой секретарем
Зарецкого райкома комсомола
7 августа 1940
[РГАСПИ. Ф. М.-1. Оп. 58. Д. 46348. Л. 10]*

отвечавший за кадры секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Иван Вахрамеев при всех похвалах отметил в ее характеристике: «На работе показала себя как хороший организатор и исполнительный товарищ. Иногда не доводит начатое дело до конца. Недостаточно работает над повышением своего идейно-политического уровня»¹. Но теперь было кому позаботиться о ее политобразовании.

Что же получалось, у Андропова две семьи? На горизонте маячило «персональное дело». Первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Куприянов помог Андропову выпутаться из трудной ситуации. Как правило, такие дела против коммунистов шли под рубрикой «О неправильном поведении в быту». Могли и из партии исключить. Куприянов сознавал, что на кону была партийная карьера его подчиненного, которому он благоволил. Началось все обыденно и просто. Нарком внутренних дел республики Михаил Баскаков обратился к первому секретарю по довольно-таки деликатному вопросу: «Баскаков сообщил Куприянову, что у него есть сигнал по поводу поведения Юрия Андропова».

¹ Там же. Л. 6. Характеристика от 1 ноября 1940 г. в личном деле.

пова. Имея в Ярославле жену и двух детей, он сожительствует с секретарем Зарецкого райкома комсомола Татьяной Самознаевой. Ранее свои отношения они тщательно скрывали, а сейчас об этом уже знают многие...»¹.

Выслушав Баскакова, Куприянов взял под защиту Андропова. Дескать, Андропов уже с ним об этом говорил и уверял, что у него дело идет к разводу с первой семьей. И в ближайшие выходные в Шуйской Чупе на даче Куприянов поговорил с Андроповым и дал дельный совет: «...не откладывая дело в долгий ящик, взять краткосрочный отпуск, поехать в Ярославль, встретиться с женой, объяснить, подать документы на развод и договориться об алиментах. Деньги на детей надо высылать почтовым переводом лично каждый месяц»².

Почему именно НКВД занялся личной жизнью Андропова? Понятно, надо реагировать на поступивший «сигнал». Но откуда? Догадаться нетрудно. Оставленная в Ярославле жена Андропова Нина работала не где-нибудь, а в УНКВД по Ярославской области. Система-то одна!

Куприянов спас Андропова. Но каковы мотивы? Ценил Андропова или инстинктивно проявил мужскую солидарность? Сам Куприянов, и это потом стало всем известно, в личной жизни был широк. У него в посещаемых им райцентрах, и не в одном, были любовницы. Об этом говорилось в материалах Комиссии партийного контроля в 1950 году³.

Отношения у Куприянова и Андропова были вполне теплыми. Будь между ними нелады, Куприянов, ничуть не сомневаясь, «утопил» бы недруга. Негоже партийцам при каждом новом назначении жен менять. С другой стороны, оказав серьезную услугу подчиненному и загасив дело, Куприянов получал обязанного ему по гроб жизни Андропова. В общем, в лице Куприянова партия закрыла глаза на то, за что рядовые партийцы, по меньшей мере, получали выговоры.

Нарком внутренних дел республики Михаил Баскаков, занимавшийся жалобой на Андропова, – приметная фигура. В середине июня 1940 года он был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета Карело-Финской ССР, и газета «Красная Карелия» опубликовала его биографию. Оказалось, он совершенно

---

¹ Шлейкин Ю.В. Указ. соч. С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 341.

*Г.Н. Куприянов
[Из открытых
источников]*

не знал своих родителей. Без имени и фамилии его подобрали в 1905 году в Москве и отдали на воспитание крестьянке Ефимии Баскаковой. От органов призрения на содержание ребенка она получала ежемесячно 6 рублей казенных денег¹. В семье Баскаковых мальчика назвали Михаилом. Его приемный отец Иван Баскаков был рабочим на железной дороге. Михаил вырос и сделал неплохую карьеру в органах госбезопасности. И главное, неважно кто на самом деле Баскаков по происхождению. Важно, что он вырос и воспитывался в рабоче-крестьянской семье. Вот! И никаких вопросов о социальном происхождении и родственных связях с эксплуататорскими классами. Такой биографии Андропов мог только позавидовать. Совершенно не знать своих настоящих родителей – вот это идеал. Ему бы так!

После начала «Зимней войны» СССР против Финляндии намеченные на декабрь 1939 года выборы в местные советы Карелии были отложены. На этот счет 5 декабря 1939 года был принят Указ Президиума Верховного Совета Карельской АССР. Но через год выборы состоялись. Андропов был выдвинут и избран депутатом Петрозаводского городского совета. А Татьяна

---

¹ Красная Карелия. 1940. 15 июня.

ВОСПИТАНИЦА КОМСОМОЛА

Когда старый путилковский рабочий Филипп Акимович Лебедев ушел защищать красный Питер, дочери Татьяне было всего два года. Холод и голод заставили ее мать Анну Ивановну покинуть родной город. Там, в деревню Касково, Ярославской области протекло детство Татьяны Самознаевой.

В седьмом классе ее, передовую ученицу, принимают в комсомол. Принятие в комсомол Татьяны является большим переломным моментом в жизни пятнадцатилетней Тати.

Окончив в 1931 году семилетку, Татьяна едет на годичные курсы по подготовке учителей. Она отлично заканчивает учебу и получает звание учителя.

Школа в деревню Курдумоно, заведывать которой была послана Татьяна, только создавалась. Не было оборудования, наглядных пособий, а посылать за ними нужно было около двухсот ребят. Моло-

дая учительница не испугалась трудностей. Она организует вокруг себя акция, борется за высокую дисциплину и успеваемость.

Стенами школы, однако, не ограничилась работа комсомолки Татьяна ведет активную борьбу за коллективизацию, против кулачества. Это было для нее первым серьезным политическим экзаменом. Вскоре Самознаеву переводят на работу старшей пионервожатой в одну из самых отстающих школ города Гаврилов-Ям. Здесь она руководит 19-ю отрядами, помогает преподавательскому составу вести дисциплину в коридор в школе, улучшить качество учебы. На

весенних испытаниях пионерские отряды показывают стопроцентную успеваемость, а на районном смотре детского творчества школа занимает первое место.

В 1938 году, после окончания годичного (комсомольского) курса техникума, Татьяну направляют на руководящую комсомольскую работу. Сначала она заведует отделом райкома, затем руководит политической в Петрозаводске городской комсомольской организации.

В мае этого года на Петрозаводской городской конференции Татьяна Филипповна избирается членом пленума горкома, а пленум Завейского райкома избирает ее секретарем райкома комсомола. И здесь, в крупнейшем промышленном районе Петрозаводска, тов. Самознаева умело руководит комсомольской организацией.

Студенты и преподавательский состав дошкольного учреждения выдвинули тов. Самознаеву кандидатом в депутаты Завейского районного Совета депутатов трудящихся.

В. СИЛИН.

*Статья о Татьяне Самознаевой в газете «Молодой большевик»
20 ноября 1940
[РГАСПИ. Ф. М.-1. Оп. 58. Д. 46348. Л. 13]*

Самознаева стала депутатом районного совета. В качестве предвыборной агитации республиканская комсомольская газета опубликовала прочувственную статью, в которой всячески превозносились ее человеческие и деловые качества, но ни словом не говорилось о погибшем муже. На фото в газете задорно-улыбчивая молодая комсомолка.

Андропов зарегистрировал брак с Татьяной Самознаевой, ставшей Андроповой, 31 марта 1941 года. Первенец в новой семье Юрия Андропова родился 18 августа 1941 года. Но случилось это не в Петрозаводске, а в Пудоже. Без малого два месяца шла война, и Петрозаводск был эвакуирован. Мальчика назвали Игорем. И уже после войны, в 1946 году, у Андроповых родилась дочь Ирина.

Предвоенный год в Петрозаводске был для Андропова периодом раскрытия его политического таланта. Он пишет статьи, публикуемые республиканской и центральной прессой, много

ездит по республике, налаживая деятельность новых райкомов комсомола на территории, отторгнутой у Финляндии. Выступает все с новыми и новыми комсомольскими починами И главные темы – шефская работа и «военно-физкультурная работа». Комсомол Карело-Финской республики взял шефство над учебным отрядом Северного военно-морского флота.

Милитаризация комсомола – особая забота Андропова. В марте 1940 года в одной из своих статей он настаивал на необходимости в каждой комсомольской организации ежемесячно устраивать «военный день». Это когда юноши изучают оружие, а девушки осваивают «санитарное дело». Молодежи, говорилось в статье, надо «уметь стрелять, бросать гранаты». Андропов с гордостью писал о том, что в лыжном кроссе в честь 23-й годовщины РККА приняли участие 26 563 комсомольца – 90 процентов комсомольской организации республики¹. Понятно, такая высокая явка обеспечивалась в «добровольно-принудительном порядке». Так шутили в народе о формально добровольных, а по сути обязательных, мероприятиях, организуемых по распоряжению сверху. «Все на лыжи» – этот лозунг Андропов выдвигал как основной для комсомольцев республики. И, конечно, походы в выходные дни с ориентированием на местности и прочими прелестями курса выживания в условиях суровой карельской природы.

Одевался Андропов просто, «под своего». Часто он ходил в косоротке и брюках, запущенных в сапоги². Распространенный в то время пролетарский стиль. Андропов «горел на работе», стараясь придать пафос даже самым мелким делам и незначительным инициативам. Он продолжает публиковаться в печати. В день выборов в местные Советы в газете «Молодой большевик» 15 декабря 1940 года опубликовал статью «Великие права советской молодежи».

ПОЗЫВНОЙ – «МОГИКАН»

В конце июня 1941 года Андропов планировал выехать в Москву и по делам, и для встречи с друзьями. Все планы рухнули в один день. Начавшаяся 22 июня 1941 года война серьезно изменила повседневность комсомольской работы Андропова. Мно-

---

¹ Шлейкин Ю.В. Указ. соч. С. 36.

² Там же. С. 29.

гие из его довоенных инициатив и починов теперь показались мелким и неважным делом. Наступила эпоха новой героики, на фоне которой прежняя обыденность и рутина комсомольской работы потеряли пафос. На первом плане теперь – мобилизация людей, сил, ресурсов...

Финляндия как будто выжидала, прикидывала, как лучше и когда ввязаться в германскую военную кампанию против СССР. Гитлер не отказал себе в удовольствии довести до сведения руководителей Финляндии все, о чем его просил в ноябре 1940 года Молотов. Стало понятно, Советский Союз просто так в покое Финляндию не оставит и планов своих не изменит. Это был сильный аргумент в пользу финского решения вступить в войну. Да и действия СССР в первые дни после 22 июня говорили сами за себя – опять бомбили финские города. Президент Ристо Рюти 26 июня 1941 года выступил по радио, объявив о состоянии войны между Финляндией и СССР.

В речи Рюти помимо многочисленных фактов советской агрессивности и все более и более возмутительных, необоснованных требований и претензий был пассаж о действительных намерениях Кремля в отношении Финляндии. Он подчеркнул, что после заключения мира 12 марта 1940 года Кремль не оставил своих планов уничтожить Финляндию:

«С этой целью заместитель председателя СНК и нарком иностранных дел господин Молотов на переговорах в Берлине 12–13 ноября 1940 г., т. е. только через 7 месяцев после Московского мирного договора, потребовал у Германии “свободных рук”, чтобы свести счеты с Финляндией и ликвидировать эту страну. Мы в глубочайшем долгу перед канцлером Германии за то, что он тогда решительно отклонил эти требования СССР»¹.

Не забыл Рюти назидательно упомянуть значимость события, случившегося 22 июня и дать моральную оценку:

«Мы не ненавидим много страдавшие и всегда угнетенные народы Советского Союза, но после всего случившегося вряд ли можно ожидать от нас, что мы наденем траурные костюмы по поводу того, что господин Молотов и вместе с ним ответственные за политику СССР круги стали сейчас жертвами своей шакальской политики»².

---

¹ По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы / науч. ред. В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1995. С. 58.

² Там же. С. 59.

*Карл Маннергейм
[Из открытых
источников]*

Верховный главнокомандующий Маннергейм подписал приказ, в котором напомнил о предыдущей советской агрессии:

«Солдаты Финляндии!

Наша славная зимняя война закончилась тяжелым миром. Несмотря на заключение мира, наша страна являлась для врага объектом беззастенчивых угроз и постоянного шантажа, что вместе с преступным подстрекательством, направленным на подрыв нашего единства, показывает, что враг с самого начала не считал мир постоянным. Заключенный мир был лишь перемирием, которое теперь закончилось...»¹.

Началась, по определению Рюти, «вторая освободительная война» или, как ее окрестили финны, «война-продолжение». Первоочередной стала цель вернуть земли, отторгнутые у Финляндии в марте 1940 года. Финская армия развивала наступление вглубь Карелии, советские войска отступали.

В первые месяцы войны Андропов много ездил, выступал на митингах, проводил комсомольские активы. Появились и новые

---

¹ Там же. С. 60.

задачи – готовить подполье и подпольщиков для работы в тылу врага. Финны захватывали район за районом и уже вышли за пределы бывшей государственной границы, существовавшей до марта 1940 года.

В первые недели войны Андропов рискнул побывать на линии фронта в районе Суоярви, но тогда финны были еще не очень активны и только готовили глубокое наступление. С некоторой гордостью написал об этом в июле 1941 года своему бывшему партийному начальнику Ларионову в Ярославль: «Видал теперь, впервые в жизни, настоящую боевую жизнь. Довелось даже пострелять врага. Как я себя чувствовал? В основном не плохо, но, честно говоря, в себя пришел не сразу. Ну, теперь – “мы солдаты стреляные”»¹.

Конечно, написал не без некоторого хвастовства – пороху он понюхал! Но в то же время и вполне честно – «в себя пришел не сразу». Нет, не для боевых схваток на передовой был создан Андропов. Его дело – руководить в тылу. И он руководил. В том же письме патетически восклицает: «Комсомол, по-моему, никогда не работал еще так энергично и активно, как сейчас. И жизнь сейчас еще полнокровнее. Роем, строим, укрепляем»².

Тут, собственно, главное наполнение первых месяцев войны: мобилизация комсомольцев на строительство оборонительных сооружений. А еще агитация и массовый прием в комсомол. А тем временем финны наступали.

Аппарат ЦК комсомола республики обезлюдел. Из восьми работавших там мужчин шесть человек были направлены на «выполнение спецзаданий», многие погибли³. Андропов руководил «зафронтной работой» комсомольцев, но сам оставался на «большой земле». Не рисковал.

Куприянов в начале 1960-х годов в мемуарах писал: «Юрий Владимирович сам не просился послать его на войну, в подполье или партизаны, как настойчиво просились многие работники старше его по возрасту. Больше того, он часто жаловался на больные почки. И вообще на слабое здоровье. Был у него и еще один довод для отказа отправить его в подполье или партизанский отряд: в Беломорске у него жила жена, она только что родила ребенка...». По мнению Куприянова, нежелание Ан-

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 23. Д. 19. Л. 116.

² Там же.

³ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 49.

*Ю.В. Андропов на учебных занятиях. Карельский фронт
1940-е
[ЦА ФСБ. Ф. А. Оп. 2. Д. 11]*

дропова отправиться за линию фронта «было продиктовано исключительно большой хронической трусостью и удивительным даром приспособленчества, которым он обладает»¹. В отличие от этого фрагмента неопубликованных мемуаров, в изданной книге Куприянов называет Андропова одним из «непосредственных организаторов подпольной работы» и отмечает, что он «все-таки довольно умело подбирал подпольщиков и хорошо знал их»².

И все же совершенно несправедлива высказанная Куприяновым претензия к Андропову, что он сам лично не отправился в тыл к финнам руководить комсомольским подпольем. Ну а какой в этом был прок? Кабинетного работника Андропова убили бы в первом же бою. Да и в лесах и снегах он бы долго не выдержал, в считанные дни бы погиб. Есть даже утверждения, будто «именно в годы войны в холодном и болотистом Карельском крае

¹ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 16–17.

² Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1975. С. 228.

Андропов приобрел ту болезнь почек, которая так осложнила его жизнь»¹. Интересно, откуда такие выводы и жизненные подробности? Как известно, Андропову не довелось мерзнуть в болотах.

Внешне Андропов с началом войны преобразился на военный лад. Он стал носить армейскую форму: шинель, гимнастерка, брюки, сапоги, фуражка². Для связи с ушедшими в тыл к финнам подпольщиками Андропов использует позывной «Могиқан»³. Видно много читал в детстве об индейцах. Ну а что – романтика!

Как сообщал Андропов в справке, составленной в начале 1942 года, значительная часть комсомольцев республики – 14 800 человек «с оружием в руках на фронтах Отечественной войны борется с фашистскими захватчиками». Из них в партизанских отрядах сражались 780 человек, в комсомольском лыжном батальоне – 400 человек, в истребительных батальонах – 300 человек, работали в госпиталях 1500 человек и в банно-прачечных отрядах 200 человек⁴. На первый взгляд, не так уж много в масштабах республики. Но не стоит забывать, большая часть республики была оккупирована, а изначально республиканская комсомольская организация не была столь уж крупной. По состоянию на апрель 1941 года ее численность составляла 31 603 человека⁵.

Сам Андропов оценивал вклад комсомола республики в «зафронтовую работу» как весьма скромный. За два года войны ЦК комсомола республики направил в тыл противника 15 человек в качестве секретарей райкомов и организаторов ЦК, 13 связных, 21 разведчика и диверсанта и 17 радистов разведывательных групп⁶.

Петрозаводск был захвачен финнами 1 октября 1941 года. Семья Андропова – жена Татьяна с сыном, родившимся в Пудожье, были эвакуированы в Беломорск. Летом 1942 года Татьяна Андропова работала старшей пионервожатой в пионерском лагере, организованном близ Беломорска⁷. Андропов был молод и, несмотря на женитьбу, интереса к красивым женщинам не по-

---

¹ Медведев Р.А. Андропов. С. 26.

² Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 38.

³ Там же. С. 79, 95.

⁴ По обе стороны Карельского фронта... С. 223.

⁵ Шлейкин Ю.В. Указ. соч. С. 38

⁶ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 97.

⁷ Там же. С. 65, 70.

*Портрет
Марии Павловны Рит
Художник В.В. Лебедев
[Из открытых источников]*

терял. Как вспоминал Ефим Эткинд, в Беломорске он бывал в гостях у своего знакомого – военного корреспондента. Там же собирались и друзья Эткинда, в числе которых его друг из Ленинграда с женой – красавицей, эстонкой Марией Рит. Ее ласково звали Мусей. А «среди гостей обычно бывал молчаливый на вид и, судя по некоторым репликам, вполне образованный молодой человек Юра, безнадежно влюбленный в Мусю»¹. Только через много лет Эткинд узнал, что это был Юрий Андропов.

Важной заботой Андропова стал сбор средств на производство вооружения для Красной армии. Комсомольцы республики собрали свыше миллиона рублей. В Москве почин заметили и оценили. Адресованная Андропову благодарственная телеграмма Сталина была опубликована в газетах 25 апреля 1943 года².

Руководя подготовкой комсомольцев для подпольной работы в тылу врага, Андропов набирался опыта, постигал основы конспиративной деятельности, чекистские приемы. Он был в тесном контакте с 4-м отделом НКВД Карело-Финской ССР. У Андропова, как и у многих партийных функционеров, формировался кругозор спецслужбиста. Все это так. Но удивительно, как в не-

¹ Млечин Л. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008. С. 40.

² По обе стороны Карельского фронта... С. 340.

*Юрий Андропов
1930-е
[Архив СВР]*

которых книгах Андропова восхваляют в самых неумеренных выражениях и приписывают ему совершенно мифические качества. Будто бы он, возглавляя работу комсомольцев-подпольщиков, занимался «аналитической разведкой»¹. Причем это утверждение повторяется многократно, обыгрываясь на все лады. И нет ни одного примера с изложением материалов «аналитической разведки», проведенной Андроповым, за исключением один раз упоминаемого составленного им обзора писем финских военнослужащих, добытых, конечно же, другими людьми.

Что же получается, фрагменты переписки финских военных, процитированные в докладной Андропова, и есть «аналитическая разведка»? Большого абсурда не придумать. Во-первых, вообще нет такого вида разведки, и сам термин выдуман. Разведка прежде всего добывает информацию. А уже на основе полученной информации проводится аналитическая работа по оценке результатов и прогнозирование. Но это именно обработка результатов добытой информации, но никак не «аналитическое» добывание. Разведка, как пылесос, втягивает все скрытое от посторонних глаз, а уж затем только оценивает –

---

¹ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 227.

нужно или не нужно, важно или не важно и, вообще, как понимать добытые сведения. Во-вторых, разведка – это конкретные скрытные действия в условиях контрразведывательного противодействия. Разведчик добывает информация «в поле», то есть в условиях заграницы или враждебного окружения. Разведчиком никак не назовешь того, кто сидит в кабинете в безопасных условиях на «большой земле» и обрабатывает информацию.

Аппаратчик и кабинетный руководитель Андропов ни разу не был в тылу врага и сам ничего не добывал. Свои докладные записки наверх составлял на основе документов, полученных от других лиц, уполномоченных делиться с ним информацией. Но зато как звучит, особенно в свете будущей карьеры руководителя КГБ: «О.В. Куусинен привлек молодого комсомольского руководителя Ю. Андропова к участию в невидимой войне с противником посредством аналитической разведки», и там же: «Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов был посвящен в секретную деятельность Андропова в области аналитической разведки»¹. Ну что тут скажешь – кудреватое пустозвонство и ни одного факта. Где переписка Андропова с Куусиненом или где свидетельства их встреч? Ну хотя бы какие-нибудь зацепки об их служебном или внеслужебном общении. Ничего!

А между тем Андропов и сам себе набивает цену в глазах ЦК ВЛКСМ. Вот, например, пишет Михайлову 13 марта 1942 года: «Сейчас серьезно работаем над тем, чтобы “вылезти дальше во внешние сферы”. Все возможности для этого у нас есть. Необходимо только технически нам кое в чем помочь. Первые сведения для организации работы мы собрали. Их я буду посылать фельдсвязью. Более подробно об этих делах писать не решаюсь. Прошу Вас дать указание особому сектору об установлении для переписки по этим делам шифра (только на время войны)...»².

Понятно, что Андропов планирует распространить вылазки комсомольцев-подпольщиков и партизанские действия собственно на территорию Финляндии. Тут действительно нужна особая секретность переписки и, самое главное, одобрение Москвы. Только центр мог разрешить или не разрешить замахнуться на Финляндию. В конце концов это произошло. Партизанские

¹ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 124, 126.

² Там же. С. 126–127.

Москва молчит о партизанах-террористах

Александр СМЕРНОВ,
«Новые Известия», Стокгольм

Были ли среди советских партизан гадюки, со временем убавившие беззастенчивых стариков, дедашки и дедушек? В нашей стране о них лишь поставлена грань вопроса: но дел полагается конюшником. Однако Финляндия имеет именно таких партизан — убийц, нападками на приграничные села и уничтожением всех попавшихся им на глаза жителей.

Финские и российские историки, бывшие друзьями и не делаясь ссорившись в старинном финском местечке Салонвалла, чтобы поигнать в честь разоблачения с одной и с другой тематик страны и минуемой войны.

Мы можем прожить, но не можем забыть. — Эти слова одного из участников в греки стали неслыханным додумать семинаре для финской стороны.

В 1941 — 1944 годах советские партизанские отряды совершили многочисленные рейды из Карелии на финскую территорию, оставив после себя двадцать три сожженных деревни и около двадцати групп. С колыми шарами джигитов, участвовали на советскую территорию в количестве пятнадцати, включили свои силы в лагеря или в распространяем рай, никто не знает. Эти

шары вдулись вилкой в море блаженств, обнаружившись во Вторую мировую войну, но для нас только одного финского северя результаты партизанских налетов стали не удаивающей район на многие годы. Власти Suomi тщательно замаскировали факты налетов и свидетельств очевидцев партизанских шарах (если, например, рассказ дедушки, чужом видневшей после смерти) и шары штили, но все эти информации были засекречены многие годы. В Хельсинки охватывал, что могущий восточный сосед обиделся, если это неприятная тема вышло изложить в англоязычных изданиях. Говорить о партизанских рейдах на север Suomi стали лишь несколько лет назад.

Финны, наступившие в 1941 году в войну на стороне гитлеровской Германии, чтобы отвоевать свои земли, захваченные Москвой во время гда на лыжной «финской кампании» 1939 — 1940 годов, привнесли некую блаженств в Карелию. Однако со временем уничтожению мирного населения они не занимались. Поэтому главный вопрос, который задавали россияне участникам прошедшего в Салонвалла семинара, был: «Почему?» Некоторые из бывших партизан при этом высказали, что они убивали мирных жителей, давая отчетли-

во себе через начальство за успешное проделанную операцию. Советская разведка предположила, что на севере Suomi были инстинктивными многочисленными армейские части, и партидан откровенно в налеты на штабы, арты, лагерные батареи и военные склады. Когда ничего этого в тайно обнаружить не удалось, партизаны выполняли программы, назначенные государством своим действиям моральным луч «фиништом».

И — из того, что Финляндия вошла на стороне Германии, в Советском Союзе все финиш считали «фиништом». Эта точка зрения на прошлое распространена в России и сегодня. — отметил доцент Антти Лайне, участвовавший в семинаре.

По его словам, жестокое убийство на лыжах и детей считались оправданными с военной точки зрения. В район проведенной операции для защиты деревень и поиска диссидентства отпущивались финские партизанские отряды, кроме того, на длительной путевке ставилась трудовая активность в соседних населенных пунктах.

Много лет финские артисты, пострадавшие от действий партидан, добивались от своего государства материальной компенсации. По их мнению, власти Suomi виноваты в том, что не инвентаризировали мирное население из приграничных районов, хотя были осведомлены о том, что Москва постривает деревенских жителей как врагов, подлежащих уничтожению. Однако Хельсинки до сих пор не откликнулись на эти просьбы. Финляндия одновременно привлекла бывших партизан в суд по обвинению в уголовном преступлении. Об этом заявил прокурор Кристиер Лууккайнен. Однако, как они мне признался, шансов на успешное завершение расследования противника нет. Российская сторона попросит проигнорировать из-за финской процедуры о сотрудничестве в этом деле. Теперь дальнейшие попытки и справедливости и привлечь преступников к суду в Финляндии удастся. Сделать и ривесту стариков, пусть даже и спланированно колыхающими и детьми, предельно важно не только в моральном смысле. Важнее моральные оценки случившегося и права о действиях партидан. Поэтому участники семинара в Салонвалла признали советское образование в финские и российские власти, в которых требуют предоставления всю известную информацию о причинах распространения на территории депрессии и сообразить о мотивах действий в убийств, скрывавшихся под благородным именованными партизан.

*Статья о советских партизанах
[Новые известия. 2002. 4 октября]*

рейды распространились и на приграничные районы финской территории¹.

Вообще, военный период в жизни Андропова самый беспроигрышный в деле расточения похвал и выражения восхищения. Тут авторы соревнуются друг с другом. Стиль изложения несколько казенный и пафосный, но заслуги вполне персонафицированы: «Перестройка работы прежде всего проявилась в широкой мобилизационной деятельности комсомольских организаций на помощь фронту. Комсомол был активным помощником партии в создании партизанских отрядов, истребительных батальонов, отрядов народного ополчения, подпольных групп, санитарных дружин и других формирований. Решение этих важных вопросов ложилось прежде всего на плечи первого секретаря ЦК ЛКСМ Юрия Владимировича Андропова и секретарей райкомов комсомола»².

И еще пишут об Андропове: «...действия его при всей основательности были стремительны, умение перестраиваться в нуж-

¹ Смирнов А. Москва молчит о партизанах-террористах // Новые известия. 2002. 4 октября.

² Шпак А.А. Подвиг юности. Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне. 4-е изд. Петрозаводск, 1984. С. 13–14.

ный момент – поразительным», его отличало «стратегически широкое понимание войны». Ну и, конечно, «был требовательным, взыскательным, не прощавшим грубых ошибок, допущенных из-за безответственности. Но в то же время – очень внимательным, чутким, понимающим нужды людей». Умел подбирать кадры, а людей слушал «вдумчиво и внимательно... Это был его способ познания людей, которым он доверял серьезное дело»¹. Ну и много еще чего в том же духе.

Пишут, и вполне художественно, о переживаниях Андропова и о том, как тяжело он воспринимал гибель комсомольцев, как переживал, когда приходил на аэродром отправлять партизанские и разведывательно-диверсионные группы: «Он горбился, как будто физически ощущал тяжесть ответственности, лежащей на нем... Его глаза почти всегда были печальны, словно он заранее знал, что далеко не все молодые ребята, воспитанники комсомола Карелии, смогут вернуться на Большую землю»².

И ведь никто не отрицает ни заслуг Андропова, ни его действительно напряженной и многодневной работы в годы войны. Что было – то было. Но он был не лучше и не хуже остальных комсомольских руководителей прифронтовых районов. А вот пришла эпоха неумеренных похвал, и в тени славословий в адрес Брежнева и его фронтовых заслуг начали появляться книги и о руководителях рангом поменьше. В народе так и шутили – ну теперь пойдут партизаны и пионеры-герои.

По воспоминаниям помощника председателя КГБ: «...когда бывший комсомольский вождь Карелии Андропов стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, то холуи из Агитпропа ЦК задумали подготовить книгу об успехах партизанского движения в Карелии и его руководителе, первом секретаре ЦК карельского комсомола Юре Андропове. Подхалимы решили, что надо отличаться чем-то, что было бы аналогом “Малой земли”, якобы написанной Брежневым. Узнав об этой “инициативе”, Юрий Владимирович в резкой форме запретил даже статейки на эту тему в средствах массовой информации»³. Понятно, что у Андропова хватило здравого смысла не выступать автором липовых мемуаров, как это случилось с Брежневым. Но запретить печатать статьи и книги о партизанах Карелии, где превозносилась его роль,

¹ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 37, 46, 52.

² Синицин И.Е. Андропов вблизи: Воспоминания о времени «оттепели» и «застоя». М., 2004. С. 265.

³ Там же.

было не в его силах. Выходили книги, статьи и воспоминания карельских комсомольцев-подпольщиков¹.

«КАРЕЛЬСКИЙ ВОПРОС»

Наступление Красной Армии на Карельском фронте стремительно развивалось с июня 1944 года. Был взят Петрозаводск, войска продвигались к границам Финляндии. И как это было во всех освобожденных от оккупации районах СССР, первостепенное внимание было обращено на поведение населения в занятых финнами районах. Наказание всех сотрудничавших в оккупации с врагом являлось для советской власти важнейшим делом. В Карело-Финской республике была своя специфика. Как отмечал 3 августа 1944 года в докладной записке Куприянов: «До 100 тыс. лучших сынов и дочерей карело-финского народа, и в их числе свыше 24 тыс. чел. карело-финской национальности, с оружием в руках выступили на защиту советской Отчизны...»². И далее в записке, озаглавленной «Об участии карело-финского народа в Отечественной войне», Куприянов приводит многочисленные примеры героизма девушек-карелок, перечисляет имена шести Героев Советского Союза, уроженцев республики и среди них карелов, вепсов и финнов³.

Педалирование темы участия коренного населения в борьбе с врагом не случайно. В Военном совете фронта стали поговаривать еще об одном «ненадежном» народе. У всех перед глазами был пример выселения народов Кавказа и Крыма по надуманному, но вместе с тем тяжкому обвинению в поголовном сотрудничестве с врагом. В Карелии, как и везде, примеры коллаборационизма были. Мало помогали партизанам, были случаи выдачи партизан и подпольщиков жандармерии. В общем, вроде как у всех, но один аспект бросался в глаза. Финны делали существенное различие в обращении с родственными им народами (карелами, вепсами) и русскими. Судьба последних была в оккупации тяжела и трагична: «Русские были поставлены в худшие материально-бытовые и политические условия, чем карелы и финны. Финны ввели три категории продуктовых карточек: финская, карельская и русская...». Часть русского населения по-

---

¹ Шпак А.А. Указ. соч.

² По обе стороны Карельского фронта... С. 509.

³ Там же. С. 509–511.

пала в финские концлагеря – в шести лагерях в Петрозаводске содержалось более 20 тысяч русских, «главным образом насильственно привезенных из оккупированных районов Ленинградской области»¹.

Общий вывод докладной записки Купринова звучал не без патетики и был призван снять обвинения с коренного населения: «...можно сделать вывод, что подавляющее большинство карело-финнов оккупированных врагом районов не поддались на провокацию финско-фашистской пропаганды, остались верными своей советской Отчизне, что только продажные элементы, оторванные от народа негодяи пошли в услужение финским захватчикам»².

Все это написано Куприяновым не случайно. Это не дежурные фразы. Он знал, какие разговоры ведутся среди командования Карельского фронта, где член Военного совета Терентий Штыков и другие представители командования настаивали на депортации финно-угорского народа³. Разумеется, это могли быть лишь пожелания, о которых узнал и позднее зафиксировал в своих мемуарах Куприянов. Подобное решение мог принять только Сталин, а он вряд ли готов был пожертвовать 16-й союзной республикой. Ведь выселение титульного народа автоматически обесмысливало ее существование. Стоит помнить, что массовые репрессии при Сталине – это продуманный, просчитанный и управляемый процесс. Одно дело «закрыть» автономию (как это сделали с Калмыкией, Чечено-Ингушетией и Крымом), а другое – ликвидировать союзную республику. Причем в условиях, когда еще идут боевые действия и не ясно на каких условиях они прекратятся. А что потом, будет ли шанс ли «советизировать» Финляндию? А если так, то стоит сохранить задел для будущего – «республику на вырост». Позднее Сталин сожалел как о допущенной ошибке, что не оккупировал Финляндию: «...мы слишком оглядывались на американцев, а они и пальцем бы не пошевелили»⁴.

---

¹ По обе стороны Карельского фронта... С. 514–515.

² Там же. С. 516.

³ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 193.

⁴ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 110. Этот эпизод относится к визиту Милована Джиласа в Москву в январе 1948 г. Встреча со Сталиным состоялась 16 января.

И все же «карельский вопрос» получил свое разрешение 31 августа 1944 года в виде постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках политической работы среди населения районов Карело-Финской ССР, освобожденных от финской оккупации». В постановлении указывалось: ЦК компартии республики «политически недооценил того факта, что население освобожденных районов в течение трех лет находилось под воздействием лживой и враждебной нам финско-фашистской пропаганды», «не развернул необходимой массово-политической работы» среди населения освобожденных районов и не принял должных мер к разоблачению этой враждебной пропаганды¹. В постановлении предписывалось коренным образом улучшить массово-политическую работу среди населения республики, направить в республику лекторов и пропагандистов и обеспечить бесперебойное издание газет, «превратив их в действительный центр политической работы в массах»².

Руководству республики, да и Москве было о чем беспокоиться. Например, в сводках перлюстрированной корреспонденции жителей Олонецкого района в августе 1944 года звучало разочарование в вернувшихся советских порядках и описывалось житье при финнах: «Мы три года работали индивидуально под владением Финляндии, землю роздали крестьянам, и лошадей, и с/х инвентарь. Жили ничего, с хлебом, были сыты, сверх своего хлеба давали норму из лавки, хлеб давали мукой, масло коровье, сахар, мясо, белую муку, мармелад, сахарин, папиросы, 8 пачек в месяц, была готовая одежда и обувь... Издевательства со стороны финнов над нами не было и обращение было хорошее...», или другое письмо: «Хозяйство держала по силе возможности хорошо. При финнах мы тоже жили и работали, норму нам давали и вообще не голодали и жили на ихние марки, работа спорилась, и жили хорошо. Работали свободно...». А вот и нотки разочарования: «Нюра, мы уже два года жили на своем единоличном хозяйстве, имели 2,5 га земли, 2 лошади, имели свинью, корову и работали для своей потребности, а теперь опять загнали в колхоз и отобрали весь посев и лошадей, и осталась одна корова, а если бы не организовали колхоз, то у нас очень прекрасно жилось бы, работа шла бы успешно...». Или вот: «При финнах сено косили

---

¹ По обе стороны Карельского фронта... С. 524.

² Там же. С. 524–525.

косилками, а убирали сами сколько на зиму надо было, а теперь не знаю как, дадут, наверно, на трудодни...»¹.

Война с Финляндией закончилась в сентябре 1944 года. Возглавивший в августе страну фельдмаршал Маннергейм почел за благо выйти из войны. Накануне прекращения боевых действий он 2 сентября 1944 года написал письмо Гитлеру, где объяснял мотивы своего решения: «Предпринятое русскими в июне большое наступление опустошило все наши резервы. Мы не можем больше позволить себе такого кровопролития, которое подвергло бы опасности дальнейшее существование маленькой Финляндии. Хотел бы особо подчеркнуть, что даже если судьба не принесет Вашему оружию удачи, Германия будет тем не менее продолжать существовать. Того же нельзя сказать о судьбе Финляндии. Если этот 4-миллионный народ будет сломлен в войне, не вызывает сомнения, он обречен на вымирание. Не могу подвергнуть свой народ такой угрозе»². Маннергейм заканчивал свое письмо призывом разойтись мирно: «Считаю своим долгом вывести мой народ из войны. По своей воле не могу и не хочу поворачивать оружие, которое нам так щедро доставлялось, против немцев. Надеюсь, что Вы, даже если и не сможете одобрить мое письмо, все же так же, как я и все финны, захотите и попытаетесь действовать так, чтобы разрыв наших отношений смог произойти без ненужных обострений»³.

КРЕПКИЙ ПАРТИЕЦ

1943 год мог стать жизненной развилкой для Андропова. Его выдвинули на работу в Москву. И даже состоялось решение 23 марта 1943 года о зачислении Андропова в аппарат ЦК ВЛКСМ на должность заведующего отделом рабочей молодежи. Но дальше распоряжения по аппарату ЦК ВЛКСМ дело не пошло⁴. На уровне бюро ЦК комсомола решение не было принято. Кто-то его затормозил. Второй раз секретарь ЦК комсомола Михайлов пытался вытащить Андропова в Москву в августе 1944 года. Он написал письмо секретарю ЦК ВКП(б) Георгию Маленкову с предложением назначить Андропова заведующим

¹ По обе стороны Карельского фронта... С. 519–520.

² Там же. С. 525.

³ Там же. С. 526.

⁴ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 21–22.

*Юрий Андропов с женой Татьяной
1940-е
[Из открытых источников]*

организационно-инструкторским отделом ЦК комсомола. Но в аппарате управления кадров ЦК ВКП(б) решили вопрос по-другому. Там учли просьбу Андропова о переводе на партийную работу и рекомендовали его на должность второго секретаря Петрозаводского горкома партии¹. И это назначение в ноябре 1944 года состоялось.

Комсомольский руководитель Михайлов не оставлял попыток заполучить на работу в Москву Андропова. Он решил использовать на благо комсомола литературный талант Андропова и назначить его на должность заместителя редактора «Комсомольской правды». И 31 мая 1945 года написал соответствующую просьбу отвечающему за партийные кадры Маленкову. Но теперь требовалось еще согласие и партийного руководителя Карело-Финской ССР Куприянова². И он его не дал. Ему нужен

---

¹ Там же. С. 22–23.

² Там же. С. 23.

был такой заместитель, как Андропов, и он не хотел видеть в своем окружении новое лицо. С Андроповым он вполне сработался¹.

В сентябре 1944 года Куприянов подписал представление о награждении Андропова орденом Красного Знамени. Отмечая заслуги Андропова, он писал: «...при непосредственном участии тов. Андропова подготовлено и направлено в партизанские отряды КФССР более 400 комсомольцев и молодежи, кроме этого, 50 ответственных комсомольских работников было послано в тыл врага организаторами комсомольского подполья и агитаторами. Создано и работает 7 подпольных РК ЛКСМ и более 30 первичных комсомольских организаций»². Увы, авторитета Куприянова было недостаточно, и это награждение не состоялось.

Да и мнение об успешности партизанского движения в Карело-Финской республике складывалось весьма критичное. Для широкой партизанской борьбы и активности подполья в республике просто не было условий. Большая и малолюдная республика с редкими населенными пунктами, где коренные жители помнили все обиды от советской власти и сами жестоко расправлялось с небольшими партизанскими группами или выдавали их финским военным и жандармам³. Людей «оттуда» население сразу замечало. Тут любой более или менее крупный отряд был как на ладони. И многие партизанские вылазки кончались трагически. Летний рейд первой партизанской бригады в 1942 году окончился разгромом, уцелела лишь пятая часть бойцов, выжившие надолго запомнили этот «голодный поход». Из 225 комсомольцев бригады погибли 194 человека⁴. Те, кого Андропов готовил, снаряжал и отправлял.

Провалы видел и признавал сам Андропов. Более того, позднее Андропов вообще открестился от своей руководящей роли: «Никакого участия в организации подпольной работы я не при-

---

¹ По свидетельству Куприянова, в конце 1943 года руководитель ВЛКСМ Михайлов предложил выдвинуть Андропова на должность первого секретаря ЦК ЛКСМ Украины. Но, как пишет Куприянов, «я категорически возражал» (Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 18, 20).

² Там же. С. 25–26.

³ Синицин И.Е. Указ. соч. С. 264–265.

⁴ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 29.

нимал! Ничего о работе подпольщиков не знаю. И ни за кого из работавших в подполье ручаться не могу»¹.

На должности второго секретаря Петрозаводского горкома партии Андропов фактически стал хозяином города. Первым секретарем горкома числился Куприянов, по совместительству со своей основной должностью первого секретаря ЦК компартии республики, соответственно горком был за Андроповым. Новое назначение было серьезным. Теперь Андропов отвечал не только за политико-агитационную работу, к чему он вполне привык в комсомоле, но и за всю хозяйственную и производственную жизнь города. Теперь выполнение государственных экономических планов городской промышленностью входило в его зону ответственности. Такова была политическая система СССР – коммунистическая партия и ее руководящие органы только по Конституции считались общественной организацией, а на деле они были реальным и особым механизмом власти. Партия подменяла собой все ветви власти, и законодательную, и исполнительную, и судебную.

Ему исполнилось в 1944 году лишь 30 лет, а он уже был состоявшимся партийным руководителем среднего звена. Восстановление Петрозаводска после разрушений войны, снабжение населения, организация городской жизни – все эти вопросы стали для Андропова повседневным наполнением его рабочих будней. Заседания и поездки – смысл его бытия.

Со своими обязанностями Андропов справлялся. С Куприяновым работал дружно, без конфликтов и при полном взаимопонимании. Андропов вообще умел ладить с начальством. Награда не замедлила быть. В январе 1947 года Андропов поднимается сразу на пару ступеней вверх. Его избрали вторым секретарем ЦК компартии Карело-Финской ССР. Теперь он по праву второй человек в республике. Большая власть и большие возможности. Но и мера ответственности немалая.

А республика оставалась в списке хронически отстающих. В Карело-Финской ССР систематически не выполнялись народно-хозяйственные планы. Основная отрасль республики – лесозаготовительная промышленность. Планы лесозаготовок не выполнялись и в довоенное время². Не лучше обстояло

---

¹ Там же. С. 264.

² Куприянов Г.Н. Во имя Великой Победы: Воспоминания. Петрозаводск, 1985. С. 7.

дело и после войны. Были провалены планы лесозаготовок, посевных работ, отмечались хищения в рыбной промышленности, где также систематически не выполнялись планы¹. Проблемы в республике накапливались. В конце концов в Москве считали нужным обновить руководство Карело-Финской республики. Куприянов явно засиделся, потерял остроту в восприятии недостатков, свыкся с ними, растратил свой политический капитал. А и того хуже – он был прямым ставленником «ленинградцев». Да он и сам позднее красочно описал в мемуарах историю своего назначения в июне 1938 года в Карелию:

«Заседание бюро Куйбышевского райкома партии подходило к концу, когда в моем кабинете раздался телефонный звонок. Я снял трубку и сразу же узнал знакомый голос. Звонил секретарь Ленинградского горкома партии Алексей Александрович Кузнецов. Он поздоровался и сказал:

– Поздравляю! Тебя рекомендуют первым секретарем Карельского обкома партии.

От неожиданности я растерялся и не знал, что ответить. Помолчав секунду, не очень внятно произнес:

– Не шутите, Алексей Александрович.

– Ты не один? – почувствовав мое замешательство, спросил он.

– У меня заседание бюро.

– Тогда понятно. Вот что: пусть заседание ведет второй секретарь, а ты сейчас же приезжай в Смольный.

Минут через пятнадцать я уже был в Смольном. Алексей Александрович встретил меня дружеской улыбкой.

– Не веришь? Расскажу обо всем по порядку. Сейчас в Петрозаводске проходит областная партийная конференция. На ней присутствует инструктор ЦК ВКП(б) Крачун. Он обстоятельно докладывает в Москву о ее работе. Прения по отчетному докладу показали, что первый секретарь обкома не пользуется авторитетом в организации, наделал много ошибок. Содержание телеграмм Крачуна было доложено Сталину. Он пригласил к себе находящегося в Москве Жданова и поручил подобрать на должность первого секретаря Карельского обкома кого-нибудь из

---

¹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В.В. Денисов, А.В. Квашинкин, Л.Н. Малашенко, А.И. Минюк, М.Ю. Прокуменчиков, О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 233–235.

*А.А. Жданов с сестрой на даче в Волынском
1938
[Архив автора]*

партийных работников нашего города. Андрей Александрович назвал твою кандидатуру. Потом позвонил в Ленинград. Я поддержал. Жданов просил передать тебе привет, пожелал успехов в работе и выразил надежду, что ты не подведешь Ленинградскую партийную организацию.

Кузнецов закурил и продолжал:

– Сегодня там заканчивается вечернее заседание. Завтра заседаний не будет – в Петрозаводске устраивают парад физкультурников. Сейчас половина седьмого. Поезд отправляется в семь пятнадцать. Билет забронирован, машина у тебя есть. Поезжай на вокзал и садись в поезд. Завтра утром будешь в Петрозаводске. Тебя встретят. О решении Политбюро рекомендовать тебя первым секретарем там уже знают»¹.

Все верно – сам Сталин предложил Жданову найти именно среди «ленинградцев» подходящего человека для Карелии. Но это было тогда, еще до войны. А к 1950 году ситуация кардинально изменилась. Жданов умер. Секретарь ЦК ВКП(б) Алек-

---

¹ Куприянов Г.Н. Во имя Великой Победы... С. 3–4.

*А.А. Кузнецов
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 98]*

сей Кузнецов арестован и его обвиняют в антипартийной и антигосударственной деятельности, как и других многочисленных фигурантов «Ленинградского дела». И кто напомнит Сталину, что это он зачислил когда-то Карелию в вотчину Жданова, в зону его ответственности? Может быть, небольшим, но все же крепким крылом «Ленинградское дело» накрыло руководителей Карело-Финской ССР.

И из-под ног Куприянова стала уходить почва. Под него стали основательно подкапываться. Перво-наперво в Петрозаводск прибыл проверяющий инспектор из ЦК. Проверки, отчеты, докладные записки, акты обследований – все это легло в основу многостраничной записки «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР», направленной 20 декабря 1949 года Маленкову. Тон записки и приведенные факты не оставляли Куприянову шансов сохранить свой пост. Отмечалось, что в республике не только не устранены недостатки, о которых говорилось еще в решениях ЦК ВКП(б) в 1944 году, но более того, ЦК компартии республики «усугубил эти ошибки». И далее как приговор: «Основной причиной этого явилось то, что ЦК компартии и его секретарь т. Куприянов, формально согласившись с решением ЦК ВКП(б), по существу не выполнили это решение и про-

водили свою прежнюю порочную линию в руководстве республикой»¹.

Далее в записке отмечались ежегодные провалы с выполнением государственных планов в промышленности и сельском хозяйстве «по причинам, зависящим от местного руководства», а ЦК компартии республики не устранял крупные недостатки, а «всячески их замазывал». Записка изобиловала примерами обмана центральных органов и партийной организации республики со стороны Куприянова, завышавшего экономические показатели, приводившего «ложные сведения» в отчетных докладах на съездах и пленумах².

Конечно, было и о кадровой работе: «Руководящие кадры подбираются на основе старых связей и знакомства по прежней работе...»³. В общем, беспринципность и очковтирательство. Вывод в записке был приговором Куприянову: «Для устранения ошибок и недостатков в руководстве республиканской партийной организацией ЦК компартии республики должен покончить с настроением благодушия и зазнайства, быть правдивее и честнее перед парторганизацией и ЦК ВКП(б), по-настоящему развернуть критику и самокритику и поднять уровень политического руководства»⁴.

Далее события развивались стремительно. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 26 декабря была рассмотрена записка о недостатках в республике и заслушан доклад Куприянова с объяснениями. Объяснения Куприянова никого не удовлетворили, и постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 января 1950 года он был освобожден от должности⁵. Через два дня решением Оргбюро ЦК ВКП(б) материалы на Куприянова были переданы в Комиссию партийного контроля⁶.

Но и это еще не все. Куприянову предстояло пройти унижительную процедуру освобождения от должности на пленуме республиканского ЦК. Публичная экзекуция руководителя не сулила ничего хорошего и Андропову. И хоть его персонально

---

¹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953... С. 229–230.

² Там же.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же. С. 235–236.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Там же. С. 240.

*Ю.В. Андропов
1950
[РГАНИ]*

не упомянули в цитированном документе, было очевидно, что второй секретарь не мог быть в стороне от всех этих отмеченных безобразий Куприянова.

Пленум ЦК компартии Карело-Финской ССР открылся 24 января 1950 года. Куприянов выступил с покаянной речью и помимо вполне ожидаемой от него самокритики затронул критическими замечаниями Андропова и ряд других руководящих деятелей республики. Конечно, зачем все брать на себя – пусть и другие отдуваются. Председательствовал на пленуме второй секретарь республиканского ЦК Андропов¹. Это был хороший признак. Конечно, выступать Андропову пришлось. Он записался в прения, но выступил не в первых рядах – слушал других, выработывал линию. Выступил на второй день работы пленума.

Признав, что решение ЦК ВКП(б) верно и совершенно справедливо, Андропов тут же встал на привычный и спасительный путь – каяться и все признавать. Остановившись на фактах систематического невыполнения народнохозяйственных планов,

---

¹ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 301.

Андропов указал на высказанную Куприяновым «гнилую теорию» об исчерпанности внутренних сил республики и необходимости завоза рабочей силы: «Я считаю своей серьезной ошибкой, что я не выступил против этой теории, несомненно, очень вредной и гнилой»¹.

Андропов знал правильные слова и эпитеты, понимал очередность их произнесения. Он пустил в ход все свое красноречие: «Я должен прямо сказать, что я тут не вижу ничего, что могло бы оправдать мое поведение. Дело в том, что вести борьбу против недостатков, о которых здесь говорили, о которых и я говорил в области промышленности, — это прежде всего означало вести борьбу против неправильного поведения т. Куприянова. Я должен прямо заявить пленуму, что такой борьбы я не вел. В течение длительного времени я с умилением смотрел в рот тов. Куприянову и считал многие вещи совершенно правильными и допустимыми»². Мало того, признавался Андропов, такое поведение «называется мелкобуржуазной трусливостью», и «я считаю себя виновным прежде других секретарей»³.

Андропов заверил, что готов к любому решению в отношении себя, но не преминул указать на некоторых коллег: «Я повторяю, товарищи, что полностью признаю свою ответственность и считаю, что пленум вправе потребовать ответственности от меня и решить вопрос о моей судьбе, но, вместе с тем, считаю необходимым высказать несколько замечаний в адрес других членов бюро»⁴. И тут же назвал председателя Совета министров республики Виролайнена, который на пленуме, по словам Андропова, «неплохо выступил», но ранее «никогда не ставил остро вопросы и этим неправильно воспитывал людей». Более того, Андропов вдруг вспомнил, как Виролайнена «за его недостойное и неправильное поведение в быту» критиковали, и добавил: «Многим товарищам известно, что тов. Виролайнен пьянствовал, являлся на работу в нетрезвом виде, это видели сотрудники Совета Министров и это не способствовало укреплению авторитета тов. Виролайнена. Тов. Виролайнен, по моему мнению, не справляется с руководством Совета Ми-

---

¹ Там же. С. 310.

² Там же. С. 315.

³ Там же. С. 316, 318.

⁴ Там же. С. 318.

Г.М. Маленков
1950-е
[Огонек. 1952]

Л.П. Берия
1940-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 70]

нистров, и не справляется с обязанностями члена бюро ЦК, и я вношу предложение вывести его из состава бюро ЦК»¹. Обрушился Андропов и на своего преемника на посту второго секретаря Петрозаводского горкома Владимира Васильева, который накануне критиковал Андропова. Критику Андропов признал, но тут же заявил, что Васильев «копировал приемы Куприянова в работе», и подытожил: «Васильев в работе бюро не будет полезен»².

Вот она – партийная принципиальность! Андропов сохранил должность, а Виролайнен и Васильев потеряли. Дело разворачивалось. Куприянова арестовали 17 марта 1950 года. Вслед за ним последовали и другие аресты руководящих работников Карело-Финской ССР. Арестовали и того, кого Андропов упомянул в своей речи на январском пленуме, – Виролайнена. Помимо арестов, еще больше руководителей снимали с работы.

¹ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 318.

² Там же. С. 319.

Тот самый Николай Крачун, водворивший Куприянова в июне 1938 года на пост руководителя Карелии, тоже не избежал гонений в связи с посадками в Карело-Финской ССР. Он ведь имел несчастье и сам выдвинуться на руководящую работу в Петрозаводск. С июня 1947 по июнь 1949 года занимал должность третьего секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. То есть был в подчинении у Андропова. Хотя ему по сравнению с другими повезло. Лишь самым краем прошел по «Ленинградскому делу». В июне 1950 года его отправили куда подальше – на должность начальника Нижнеамурского областного управления связи¹.

Другим руководящим работникам Карело-Финской ССР повезло куда меньше. Ну хотя бы не расстреляли, как Кузнецова. А вот Андропов уцелел. Как такое могло произойти? Его даже избрали в марте 1950 года депутатом Верховного Совета СССР. Хотя в небольших республиках вторых секретарей не избирали союзными депутатами, их удел республиканский уровень депутатского представительства. В чем причина устойчивости Андропова?

Позднее в мемуарных записях Куприянов обвинял Андропова в предательстве. Приводил эпизод, когда в июле 1949 года в связи с хищениями на Беломорском рыбзаводе в Комиссию партийного контроля к Шкирятову вызвали сначала не его, а Андропова, и в итоге в Москве на Куприянова «все свалили при помощи Андропова»². У Куприянова даже нашлось объяснение, будто «Андропов получил большое доверие у Маленкова и Берии»³. Конечно, доверие этих влиятельных членов Политбюро дорогого стоит, но вот более конкретных фактов, кроме собственной убежденности, Куприянов не привел. Между тем сам Куприянов накануне ареста написал заявление на имя Сталина, в котором признавал, что возводил «измышления на руководителей партии и правительства» и вел подобные разговоры с рядом лиц, включая Андропова⁴.

Так можно ли говорить о предательстве? Довольно четкую оценку дает Рой Медведев: «Занимать в тоталитарной системе

---

¹ Подробнее о нем см.: Филиппов С.Г. Руководители центральных органов ВКП(б) в 1934–1939 гг. М., 2018. С. 364.

² Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 263.

³ Там же. С. 262.

⁴ Там же. С. 345.

высокий пост и не предавать время от времени своих друзей, соратников или просто ни в чем не повинных людей было невозможно. Здесь каждый сам делал свой выбор, и каждый сам искал оправдания своим прегрешениям»¹.

НА КРАЕ БЕЗДНЫ

Совершенно бездоказательными выглядят встречающиеся в литературе утверждения о постоянных контактах Андропова с Куусиненом на рубеже 1949–1950 годов: «Андропов подолгу бывал в командировках в Москве. Своего покровителя он посещал не только в его московском рабочем кабинете, но и нередко навещал дома – дорога в квартиру О.В. Куусинена № 19 в первом подъезде, на 10-м этаже в Доме правительства на набережной Москвы-реки была ему хорошо знакома. Возможно, получал приглашения и на дачу Куусинена в Серебряном Бору»². Сразу столько деталей! Ну как не поверить. Такие подробности в тексте – это как порука достоверности. И не одной отсылки, откуда эти сведения. Понятно, что они были хорошо знакомы и вполне очевидно, что рабочие контакты у них были. Но Куусинен по характеру не тот человек, чтобы так приближать к себе сослуживца, даже если и симпатизировал ему.

А ходил-то Андропов к Куусинену так часто зачем? И тут – главное: «Когда Ю.В. Андропов оказался фигурантом “ленинградского дела”, Куусинен как опытный политик, следуя своим правилам невмешательства в политическое противоборство партийных группировок во власти, отдавая предпочтение испытанным коминтерновским скрытым методам ведения политической борьбы, консультировал своего молодого ученика, давал советы и рекомендации о линии поведения в отношении опального Куприянова, о позиции в партийном активе в Карелии и в отношении недоброжелателей»³. Да, мудрено изложено! Вот только «консультациями» тут не поможешь. И потом, какие группировки, какое противоборство? За фабрикацией «Ленинградского дела» стоял Сталин. Именно он принимал решения об арестах. Без его ведома работник такого номенклатурного уровня, как Андропов, не мог быть арестован.

¹ Медведев Р.А. Андропов. С. 29.

² Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 274.

³ Там же. С. 273–274.

Много позднее Андропов рассказывал своим сослуживцам по работе в ЦК, что «в период работы в Карелии Отто Вильгельмович спас его от серьезных неприятностей во время “ленинградского дела”»¹. Интересно, «серьезные неприятности» – это что? Вот исключение из партии и арест – это катастрофа, крушение всего. А серьезные неприятности – может быть, выговор или понижение в должности? Вполне вероятно, Андропов так и думал о роли Куусинена и даже был в этом уверен. Но, скорее всего, это заблуждение было результатом его более позднего общения с Куусиненом в аппарате ЦК в конце 1950-х годов. Когда все стало заметно смелее и могли друг другу рассказывать побасенки из прошлого, дескать, как мы «не молчали».

Андропов и без каких-либо советов инстинктивно понимал, как надо действовать. Он избрал самую простую и проверенную временем линию защиты – все признавать и каяться. Он и в декабре 1938 года на пленуме обкома комсомола в Ярославле именно таким образом и выкрутился, отбиваясь от обвинений. Тогда он ведь еще ни о каких «коминтерновских скрытых методах борьбы» и не слышал совсем.

Это вообще миф, будто Куусинен мог помочь Андропову избежать возможного ареста в связи с «Ленинградским делом». Жена Куусинена, арестованная в январе 1938 года, пишет в воспоминаниях: «...он и разу даже пальцем не пошевелил, чтобы уберечь меня от тюрем и лагерей»². И добавляет: «Я не смогла вспомнить ни одного случая, когда бы Куусинен помог кому-нибудь в беде»³. Он не помог даже собственному сыну, арестованному в 1937 году, его вызволил из лагеря Берия 29 ноября 1939 года как «подарок» Куусинену накануне его судьбоносного назначения на должность «освободителя Финляндии».

Куусинен безошибочно знал, что можно, а чего нельзя. Хорошо это выучил еще в довоенное время. Вот типичный пример партийной дисциплины: «принципиальный коминтерновец» Куусинен в опубликованной в начале 1946 года статье о проходящем в Хельсинки процессе над финскими военными преступниками

---

¹ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.): Свидетельство современника. М., 1991. С. 61.

² Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания. 1919–1965. Петрозаводск, 1991. С. 208.

³ Там же. С. 211.

*О.В. Куусинен
[Из открытых источников]*

умудрился ни разу не упомянуть Маннергейма¹. В статье он красочно рассказал о том, как финское правительство вступило в сговор с Гитлером и участвовало в подготовке агрессии против СССР в 1941 году. Но ни слова о Главнокомандующем финской армии. Куусинен понимал, если Сталин кремлевской милостью вывел Маннергейма за скобки, значит, так тому и быть.

По воспоминаниям его жены Айно Куусинен:

«О Финляндии Куусинен говорил всегда с ненавистью, не любил даже свой язык. После смерти Ленина и Гюллинга он добился того, что в школах Карелии преподавание стали вести на русском языке.

Судя по всему, Отто мечтал покорить Финляндию. Однажды он мне признался, что хотел бы взять власть в Финляндии, а впоследствии стать “проконсулом” всей Скандинавии. А когда коммунизм победит во всей Европе, он снова вернется в Москву, и весь мир будет подчиняться его воле.

Он, конечно, имел в виду, что все это будет завоевано вооруженным путем. Как я уже говорила, в середине 30-х годов он

---

¹ Куусинен О.В. Избранные произведения. М., 1966. С. 361–375.

пришел к убеждению, что победы коммунизма не достичь политическими средствами, нужна военная сила.

Первый шаг к этому Советский Союз сделал 30 ноября 1939 года, когда Красная Армия пошла на Финляндию. Роль Куусинена здесь, несомненно, была велика. Он хотел взять реванш, вернувшись на изгнанную его родину с Красной Армией. В этой войне, принесшей столько горя финскому народу, повинен и он¹.

И что же с Куусиненом? Все эти туманные и красивые фразы о его тайном покровительстве Андропову, закулисные консультации в трудную минуту – просто пустословие, за которым нет ни одного конкретного факта. А ведь это уже стало общим местом в андроповедении утверждать об их особых отношениях, о том, что Куусинен защитил Андропова в 1950 году от возможного ареста в связи с «Ленинградским делом», ну и все такое прочее вплоть до протезирования Андропову и в позднехрущевское время. Уже понятно, никого и никогда Куусинен вообще не защищал, а уж тем более не имел возможности отвести от кого-то беду, если арест был уже санкционирован Сталиным. А как уже говорилось, арест людей высокого номенклатурного уровня мог состояться только с одобрения Сталина.

Вот, например, что пишет Игорь Синицин, несколько лет работавший помощником Андропова: «О.В. Куусинен был именно тем влиятельнейшим, хотя и закулисным членом советского руководства, который с начала 40-х годов обратил самое благосклонное внимание на талантливую организатора и активного комсомольского функционера Юру Андропова»². И опять только слова, которым можно верить или не верить. А где же факты?

Между тем связь Куусинена, формально занимавшего руководящий пост председателя Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, с республикой была весьма символической и эфемерной. Он в основном находился в Москве и приезжал в Петрозаводск лишь на партийные пленумы и сессии Верховного Совета³.

А в тот год под Андроповым было по-настоящему горячо. Случись такое, что его арестовали, семья была бы обречена на муки. Жену отправили бы в ссылку, так как это случилось с семьями осужденных по «Ленинградскому делу», а детей – девятилетнего

---

¹ Куусинен А. Указ. соч. С. 214.

² Синицин И.Е. Указ. соч. С. 189.

³ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 206.

Игоря и четырехлетнюю Ирину ждали сиротство и мытарства. Но по счастью для Андропова этого не случилось. И тут нет никакой особой интриги. И уж тем более какой-либо заслуги Куусинена, который и сам мог легко оказаться жертвой.

Андропов не был связан с «ленинградцами» ни развитием своей карьеры в прошлом, ни какими-то тесными контактами с ними же в текущий момент. Он замыкался в «карельском кругу», главной опасностью для него могли стать показания Куприянова на следствии. И он не подвел следователей. В 4-м томе архивно-следственного дела Куприянова в списке названных им «преступных связей» значится Андропов¹. Показания Куприянова направлялись Сталину, и он решал – кого арестовать, а кого пощадить. Да, это была его прерогатива – казнить или миловать. Андропова помиловал. Просто мало его знал. Ну кто он – один из многих вторых секретарей компартий республик. Пусть пока живет. А показания на него Куприянова могут подождать. Компромат такого рода Сталин копил, вдруг пригодится. Если потребуется, это ведь готовый материал для ареста. Вот такие кошки-мышки.

1950 год мог закончиться плохо не только для Андропова. Как пишет в воспоминаниях Айно Куусинен: «Когда я снова была под следствием в 1950 году, однажды утром на Лубянке меня привели к генералу. Он на меня покосился, сказал: “В 1938 году вам удалось спасти вашего мужа. Но на этот раз никто не в силах ему помочь, теперь я имею все основания считать его британским шпионом, мы даже знаем, кто его завербовал...”. Тут уж не до помощи другим. Кто бы самому Куусинену помог?!

Время от времени министр госбезопасности докладывал Сталину о наличии компрометирующих материалов на партийную верхушку и прилагал списки руководящих работников с «характеризующим материалом». В большинстве случаев речь шла о тех, на кого были показания, выбитые у арестованных партийцев еще в 1937–1938 годах. Давшие эти показания давно были расстреляны, а протоколы их допросов заботливо сохранены и расписаны на карточки, пополнившие картотеку лиц, «скомпрометированных показаниями арестованных врагов народа».

И таких материалов – море. Вот, например, из МГБ в ЦК направлены агентурные материалы на академика Т.Д. Лы-

---

¹ ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Г.Н. Куприянова Р-32970. Т. 4. Л. 242.

сенко¹, 7 июля 1948 года справка на заместителя начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.Т. Шепилова², 29 сентября 1948 года справка на работника аппарата ЦК Л.Ф. Ильичева³, 14 февраля 1951 года – на работника аппарата Московского горкома партии П.Н. Демичева⁴. И множество других аналогичных справок с компрометирующими материалами на министров, академиков, писателей и поэтов, деятелей культуры. И все эти материалы долгие годы в ЦК заботливо хранили, они были в наличии еще и при Брежневле.

Можно понять состояние паники и тревоги Андропова накануне ареста Куприянова. Надо было самому спастись. Главное – предупредить события. Андропов 3 марта 1950 года написал в Комиссию партконтроля при ЦК большую и подробную записку с разоблачением Куприянова. В ней было все: от перечисления фактов личной нескромности и присвоения литературного труда других лиц, неумеренных трат на банкеты и подарки до неправильной кадровой политики, зажима критики и серьезной политической ошибки с «завозом в республику ингерманландцев», националистически настроенных. И главное, Андропов четко связал Куприянова с «ленинградцами». А вот это было в самую точку. То, что нужно! Андропов писал: «Куприянов, в бытность Кузнецова секретарем ЦК ВКП(б), неоднократно говорил о том, что он работал с ним вместе в Ленинграде, что Кузнецов, хотя и не имеет образования, но очень способный работник... Куприянов рассказывал нам (секретарям ЦК и другим ответственным работникам), что, бывая в Ленинграде, он заходит в Смольный к руководству, но с какой целью не говорил, объясняя это как старое знакомство»⁵. И все это Андропов пишет за две недели до ареста Куприянова. Вот, что называется помочь следствию.

---

¹ Письмо МГБ СССР № 4121/А от 15 мая 1948 г. за подписью Абакумова. На карточке входящей в ЦК корреспонденции помета: «В наличии. 07.04.72». Здесь и далее сведения из картотеки РГНИ.

² Письмо Гл. упр. охраны МГБ СССР № 7/5/78756 от 7 июля 1948 г. за подписью В.С. Лынько. Помета: «В наличии. 07.04.72».

³ Письмо Гл. упр. охраны МГБ СССР № 7/5/121820 от 29 сентября 1948 г. за подписью В.И. Румянцева. Помета: «В наличии. 07.04.72».

⁴ Письмо МГБ СССР № 02355 от 14 февраля 1951 г. за подписью заместителя министра Н.Н. Селивановского. Помета: «В наличии. 13.04.72».

⁵ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 330.

Писал Андропов, но писали и на него. После письма Андропова в Комиссию партконтроля на следующий день, 4 марта, туда же отправилось письмо, подписанное просто и скромно неким Петровым. Да, без имени и отчества, без указания места работы и партийного положения автора письма. Письмо целиком было об Андропове. И было в нем много опасных намеков и обобщений. Помимо традиционных обвинений в подхалимаже и зажиме критики, было и обвинение в срыве выполнения государственных планов в рыбной и пищевой промышленности и в производстве стройматериалов. Конечно, не обошлось без цитат из Сталина о кадрах и вывода: «Андропов кадров не ценит и не умеет ценить... Практически на сегодня под его благословение, под видом большевистской критики, под видом пресечения ненормальностей, под флагом улучшения работы идет избиение людей без разбору». Да, «избиение кадров» было весьма популярным обвинением для руководителей, перегибавших палку в ходе кампаний чистки. Но был в заявлении Петрова и такой абзац об Андропове: «Да и в личном быту не все у него благополучно, как бы подобало руководителю ЦК Компартии. В самом деле, почему он платит алименты по исполнительному листу? Ведь доказанное то, что он бросил жену чуть ли не с тремя детьми. А как он, секретарь ЦК, будет учить советской коммунистической морали членов партии?»¹

Казалось, вся партийная верхушка в Петрозаводске взялась за перо. В ЦК долго разбирались с заявлением Петрова. В конце концов в октябре 1950 года пришли к выводу: «...обвинения, выдвинутые в заявлении против т. Андропова, в основном не подтвердились»². То есть обвинения посчитали незначимыми, но выяснять, кто скрылся за псевдонимом Петров не стали. Так кто же был автором этого заявления? Историк Юрий Васильев вычислил анонима, сличив почерк записки с автографами предполагаемого автора. Оказалось, это Михаил Королев, занимавший немаловажную должность заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КП(б) Карело-Финской ССР³.

Андропов устоял, а Королева в конце мая 1950 года за «непартийное поведение» на пленуме вывели из бюро ЦК компар-

¹ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 353–358.

² Там же. С. 351.

³ Там же. С. 362.

тии Карело-Финской ССР. На пленуме в ходе разбирательства выявилась любопытная деталь. Как утверждал Королев, после снятия Куприянова Андропов откровенно высказал ему следующее: «...сколько бы кадров ни снимали, сколько бы ошибок новых ни наделали, все равно все это сочтут за старые ошибки. Пройдет время, когда старые ошибки сочтут за новые»¹. Вот это мысль!

Королев ничего не понял, он сделал простой вывод, дескать, у Андропова после январского (1950) пленума ЦК компартии Карело-Финской ССР «не было твердой линии в вопросах критики»². Нет, мысль Андропова была на удивление глубокой. Он продемонстрировал прекрасное понимание скрытого смысла партийной жизни и сменяемости скоротечных политических кампаний. Когда старое под влиянием привнесенных обстоятельств легко переходит в новое. Диалектика!

По «Ленинградскому делу» в 1949–1951 годах Военной коллегией Верховного суда и Особым совещанием при МГБ были приговорены 214 человек, из них 69 «основных обвиняемых» и 145 близких и дальних родственников обвиняемых. Два человека умерли в тюрьме до суда. По мерам наказания: 23 человека приговорены к расстрелу Военной коллегией, 85 человек – на сроки от 5 до 25 лет, один человек отправлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу и 105 человек приговорены ОСО при МГБ к ссылке в отдаленные районы на сроки от 5 до 8 лет³. Среди них мог оказаться Андропов и члены его семьи.

Пересидев самый трудный для него год в Карелии, а может быть, даже и посевев, Андропов был рад пришедшему спасению. Его выдвинули на работу в аппарат ЦК ВКП(б). Переезд в Москву разорвал круг неизвестности. Забресли лучи надежды – жизнь вновь налаживалась.

---

¹ Там же. С. 369–370.

² Там же. С. 370.

³ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 17. Л. 56–84.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИНСПЕКТОР ЦК

Должность, на которую был выдвинут Андропова, на слух воспринималась как нечто второстепенное и рутинное. Не заведующий отделом, а всего лишь инспектор ЦК. Но это впечатление обманчиво. Идею создать в ЦК ВКП(б) управление по проверке партийных органов Сталин выдвинул еще в мае 1946 года. По его мнению, делом проверки должны были заниматься инспекторы ЦК, инспекторами следовало назначать «лучших секретарей областных и краевых комитетов»¹. Помимо этого, институт инспекторов ЦК превратился в важный трамплин дальнейшего выдвижения руководящих кадров. Такое своего рода депо, где «отстаивались» кадры в ожидании нового назначения. И действительно, поработав пару лет в аппарате ЦК, инспекторы выдвигались на более высокую ступень.

После реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) в июле 1948 года инспекторы ЦК перешли в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), подчиняясь непосредственно заведующему отделом, их число выросло вдвое. Всего по штату на август 1948 года значились 30 инспекторов ЦК, ранее их было 14 человек, входивших в штат управления по проверке партийных органов². Каждый инспектор курировал партийные органы определенного региона

¹ Патоличев Н.С. Указ. соч. С. 282–283.

² Зеленев М.В., Пивоваров Н.Ю. Аппарат ЦК ВКП(б): структура, функции, кадры. 10 июля 1948 – 5 октября 1952: Справочник. М.: СПб., 2020. С. 68, 619.

*С.Д. Игнатъев
[РГАСПИ]*

страны. При реорганизации отдела в мае 1952 года аппаратный уровень и значимость инспекторов несколько понизились. Теперь инспекторы входили в соответствующий территориальный подотдел и подчинялись заведующему подотделом. А общее число инспекторов выросло до 37 человек¹.

Как принято при выдвижении кадров, вначале готовится записка о кандидатуре, предлагаемой на конкретную должность, после чего вопрос выносится на заседание Секретариата ЦК. В первой половине июня 1951 года записку о выдвижении Андропова подготовил заведующий отделом партийных профсоюзных и комсомольских органов ЦК Семен Игнатъев и направил ее Маленкову. Игнатъев писал, что Андропов характеризуется «как политически подготовленный, опытный и перспективный работник»². Правда, отмечает Игнатъев, первый секретарь ЦК Карело-Финской ССР просит оставить Андропова в республике.

Ритуал выдвижения подразумевал обязательную беседу с кандидатом на должность в профильном отделе ЦК. И тут бумага фиксирует нечто нетипичное для такого рода документов. То, что обычно подается без эмоций, вдруг в официальном письме

---

¹ Там же. С. 72–73.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 53.

53

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ Г.М.

Вносим предложение утвердить т. Андропова Д.В., наименьшего второго секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР, инспектором ЦК ВКП(б).

Тов. Андропов Д.В., рожденный 1914 года, член ВКП(б) с 1939 года, окончил четыре курса Карело-Финского государственного университета, по национальности русский, ранее работал секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ, первым секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР и с 1947 года по настоящее время работает вторым секретарем ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. По работе т. Андропов характеризуется, как политически подготовленный, опытный и перспективный работник.

Первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР т. Бгоров характеризует т. Андропова положительно и просит оставить его на посту второго секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР.

Тов. Андропов выдвигался в Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) и с большим желанием согласился работать в качестве инспектора ЦК ВКП(б).

Считаем, что в интересах дела т. Андропова полезно отозвать на работу в аппарат ЦК ВКП(б).

Зав. Отделом партийных,
профсоюзных и комсомольских органов
ЦК ВКП(б)

(С. Игнатьев)

* * июля 1951г.

2-тк

Записка С.Д. Игнатьева Г.М. Маленкову о назначении
Ю.В. Андропова инспектором ЦК ВКП(б)
Июнь 1951
[РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 53]

окрасилось чувством радости: Андропов «с большим желанием согласился работать в качестве инспектора ЦК ВКП(б)»¹. Да, действительно – только бы ноги унести из несчастной республики, где его чуть не прицепили к тонущим «ленинградцам».

Итак, 21 июня 1951 года Андропов был утвержден инспектором ЦК ВКП(б). К этому времени число инспекторов было меньше штатного. На 1 декабря 1951 года из 30 штатных должностей инспекторов ЦК были заняты лишь 16, возможно, с этим было связано назначение Андропова – шла постоянная ротация кадров². Кого-то выдвигали на более ответственную работу на периферию, а кого-то, наоборот, тянули в аппарат в Москву.

Сдав дела в Петрозаводске, Андропов приступил к работе в Москве. Он с 10 июля 1951 года был зачислен в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) на должность инспектора ЦК³.

Андропову досталось курировать северо-западные регионы⁴. Возможно, его сфера ответственности претерпела изменения в связи с дальнейшей реорганизацией отдела и дроблением направлений работы. По крайней мере, отмечены два крупных поручения, выполненных Андроповым в бытность его работы в ЦК. Он проверял работу и готовил отчеты на Оргбюро ЦК ВКП(б) о деятельности Коми обкома и Вильнюсского обкома Компартии Литвы. Как отмечалось в марте 1953 года: «Тов. Андропов в настоящее время занимается Прибалтийскими республиками, остро ставит вопросы недостатков в работе партийных организаций и практически помогает ЦК Компартий добиваться устранения этих недостатков»⁵. Более того, говорится о том, что первые секретари ЦК компартий Литвы, Латвии и Эстонии «считаются и советуются» с Андроповым⁶. Это реальная демонстрация всевластия аппарата ЦК, а Андропов был одним из территориальных кураторов в этом всеильном ведомстве.

Осенью 1951 года Андропов находился с инспекцией в Вильнюсе. И здесь он включился в прямое участие в проведение политических репрессий. Андропов 30 ноября подготовил записку

---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 53.

² Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю. Указ. соч. С. 696.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 32.

⁴ Медведев Р.А. Андропов. С. 30.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 55.

⁶ Там же.

о выселении семей кулаков из Литвы, которая рассматривалась на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В записке говорилось о том, что многие кулаки скрылись от выселения, перешли на нелегальное или полулегальное положение. При этом органы МГБ, «не обнаружив намеченных к выселению кулаков, заменили их другими из так называемого резерва, который по республике составлял более 1000 хозяйств, и за счет этого обеспечили выселение установленного количества кулацких семей».

Конечно, не только народному хозяйству, но и МГБ положено было выполнять установленные планы. А тут оказывается какие-то трюки. Тех, кого надо выселить, – упустили, а вместо них подверстали других. Еще Андропов пишет, что выявлены дополнительные кандидаты на выселение, те, кто «проводит подрывную деятельность, направленную против колхозов».

Что же предложил Андропов? А очень простое решение: «...разрешить органам госбезопасности провести дополнительное выселение из республики семей кулаков, скрывшихся от выселения, проведенного в текущем году, а также решить вопрос об определении положения кулаков, исключенных из колхозов». Что ж, новый виток репрессий в Литве своим предложением Андропов обеспечил.

Вот она – сила инспектора ЦК. Он даже может указывать на ошибки в работе МГБ. А ведь годом раньше судьба Андропова была всецело в руках этого ведомства, и над его головой уже был занесен карающий меч. Но тогда министром госбезопасности был Абакумов, а теперь новый министр Семен Игнатьев одновременно являлся начальником Андропова по партийной линии. Став в августе 1951 года руководителем МГБ, Игнатьев оставался по совместительству заведующим отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК ВКП(б), то есть заведовал отделом, в котором числился и сам Андропов. Символичное сочетание политической власти партийного аппарата с властью аппарата государственного принуждения – органами тайной полиции.

Политбюро ЦК ВКП(б) 4 декабря 1951 года приняло по записке Андропова решение – поручить министру госбезопасности Игнатьеву совместно с партийными и советскими органами Литовской ССР рассмотреть записку Андропова и представить свои предложения¹.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1608. Л. 55.

34 641
Из г. Вильнюса,

ЦК ВКП(б)

В связи с проверкой работы Вильнюсского обкома партии в районах установлены многочисленные факты, когда подлежащие выселению из республики кулацкие элементы, избегая репрессий, уезжали с места жительства, а теперь многие из них находятся на нелегальном или полунелегальном положении. Органы госбезопасности, не обнаружив намеченных к выселению кулаков, заменили их другими из так называемого резерва, который по республике составлял более 1000 хозяйств и за счет этого обеспечили выселение установленного количества кулацких семей.

В настоящее время по данным обкома КП(б) Литвы и Министерства госбезопасности в Вильнюсской области числится 495 человек, а по республике 2.309 человек, уклонившихся от выселения, проведенного в октябре с.г. Только в одном Экишкском районе Вильнюсской области сбегало 54 кулацких семьи, в Утенском районе - 15 семей. Часть сбегавших кулаков вернулась, проживает на территории колхозов и проводит подрывную деятельность, направленную на развал колхозов.

Кроме того, после выселения дополнительно выявляются и исключаются из колхозов кулацкие семьи, которые остаются на территории колхозов и нигде не работают. По Экишкскому району на 25.XI-с.г. насчитывается 57 таких хозяйств, по Дусетскому району 22 хозяйства, по Колярскому району 20 хозяйств и т.д.

Такое положение создает благоприятные условия для действия банд нацподполья, использующих эти кулацкие семьи, как свой резерв.

Считали бы необходимым разрешить органам госбезопасности провести дополнительное выселение из республики семей кулаков, скрывшихся от выселения, проведенного в текущем году, а также решить вопрос об определении положения кулаков, исключенных из колхозов.

Инспектор ЦК ВКП(б) - Андропов

30.XI.51г.

Записка Ю.В. Андропова в ЦК ВКП(б) о выселении кулаков из Литвы

30 ноября 1951

[РГАНИ]

Замечки тов. Андропова о положении в
и выселении. культурных элементов из Москвы.

55

Поручить тов. Игнатьеву совместно с
названными и соответствующими организациями
Московской ССР рассмотреть замечки
тов. Андропова ^{от 30 ноября с.г.} (и представить предло-
жения в Политбюро.

Политбюро

~~Андропов~~
Игнатьев

Игнатьев

Масленникову
Игнатьеву

Принято 3 XII 51

Головков ЗА:

Игнатьев

Миколкин

Молодов

Хрущев

И 84/641

4 XII 51

Игнатьеву ^{комиссия} с замечками Андропова

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по записке

Ю.В. Андропова

4 декабря 1951

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1608. Л. 55]

1953 ГОД

Смерть Сталина круто изменила расстановку сил в Кремле. И для Андропова закончились тихие цековские будни. Он жил перспективой выдвижения на какую-нибудь должность повыше. Ну в лучшем случае – первым секретарем крупного обкома. И вдруг все закончилось, толком не начавшись. Грянули серьезная реорганизация и сокращение аппарата ЦК. Решением Секретариата ЦК КПСС 24 марта 1953 года Андропова назначили заведующим подотделом отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС. То есть даже немного повысили. Но ненадолго.

В конце концов пертурбации в аппарате ЦК КПСС больно сказались на Андропове. Решением Секретариата ЦК от 15 мая его освободили от работы и выдавили в Министерство иностранных дел на не слишком значительную должность. С 25 мая 1953 года Андропов был отчислен из отдела партийных органов ЦК «за переходом на другую работу»¹. Высказывались две версии о причинах отчисления Андропова из аппарата ЦК. Есть свидетельства о его конфликте с Суловым, который остался недоволен тем, что Андропов, проверяя работу ЦК Компартии Литвы, дал ей положительную оценку. В то время как Сулову нужен был материал противоположного свойства². По другой версии, Андропов попал в поток маленковских выдвиженцев, изгоняемых Хрущевым из ЦК³.

Причем поначалу ему в Министерстве иностранных дел вообще не дали никакой работы. В мае – июне 1953 года он просто числился в резерве. Но без дела не сидел. Андропов ознакомился с практикой работы министерства, постигал азы дипломатической работы и изучал структуру министерства и посольств⁴.

Наконец, 1 июля он был утвержден в должности заведующего 4-м Европейским отделом МИД СССР. Должность хотя и номенклатурная, но, по сути, не дающая таких же перспектив, какие

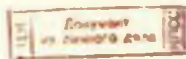
---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 30.

² Вергун А.С. Дипломатическая деятельность Ю.В. Андропова в Венгрии в оценках отечественных мемуаристов (1953–1956) // Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений. М., 2018. С. 54.

³ Там же. С. 55.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 58.

55

СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н.С.

Вносится на Ваше рассмотрение предложение об утверждении т. Андропова Д.В. заведующим подотделом Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, освободив его от обязанностей инспектора ЦК КПСС.

Тов. Андропов 1914 года рождения, русский, член КПСС с 1939 года, образование незаконченное высшее, имеет опыт руководящей партийной работы, инспектором ЦК КПСС работает с июня 1961 года. В аппарате ЦК проявил себя положительно, серьезным, политически подготовленным работником, хорошо разбирающимся в вопросах партийно-организационной работы. По поручению ЦК КПСС проверял работу и готовил отчеты на Оргбюро ЦК Коми обкома и Вальневского обкома КП Литвы, с заданиями справился.

Тов. Андропов в настоящее время занимается Прибалтийскими республиками, остро ставит вопросы недостатков в работе партийных организаций и практически помогает ЦК Компартии добиваться устранения этих недостатков. Секретари ЦК Компартий т.г. Калинин, Снечков, Кабачин считаются и советуется с ним.

С обязанностями заведующего подотделом т. Андропов справится.

Зам. зав. Отделом партийных,
профсоюзных и комсомольских органов
ЦК КПСС

Громов
(Громов)

- 12 - марта 1953 г.

З-нн

Записка Е.И. Громова Н.С. Хрущеву о назначении Ю.В. Андропова заведующим подотделом Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК

12 марта 1953

[РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 55]

были у инспектора ЦК КПСС. Хотя здесь у Андропова наметился участок работы, к которому он через несколько лет вернется. 4-й Европейский отдел МИД занимался вопросами стран «национальной демократии» в Европе, а также Югославией и Грецией.

Андропов занял должность вроде бы на тот момент вакантную. Прежний заведующий 4-м Европейским отделом Михаил Зимянин стараниями Берии был выдвинут на пост первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Его утвердили на заседании Президиума ЦК КПСС 12 июня 1953 года¹. Но после ареста Берии все «отыграли назад». На состоявшемся в конце июня пленуме ЦК Компартии Белоруссии Зимянина не избрали на новую должность, и он вернулся в Москву. Зимянину пришлось оправдываться за свой визит к Берии на Лубянку². Бериевский зигзаг выправили, оставив в Белоруссии «первым» Патоличева, а Зимянина решили вернуть на его прежнее место в МИД. Пришлось Андропову потесниться. Он сохранил хорошие отношения с Зимяниным, которого и ранее знал по работе в комсомоле, и они друг с другом давно были «на ты»³.

В общем, никаких обид. Просто в аппарате не заладилось, и через полмесяца, 18 июля, Андропов был назначен советником Посольства СССР в Венгрии. Есть свидетельство, что в Венгрию он попал по «молотовской рекомендации»⁴.

Андропов был обижен этими переменами, даже скорее зигзагами диктуемых ему перемещений. И не он один. После смерти Сталина еще круче «задвинули» и Брежнева, и многих других из расширенного состава Президиума ЦК КПСС. А они были повыше Андропова и уже практически расселись на Олимпе. Но может быть, именно такой ход событий позволил Андропову сохраниться для будущей карьеры в наступившее позже благоприятное время. Ну стал бы он в 1953 году обкомовским руководителем раннего хрущевского разлива, и что? Мог бы закончить

---

¹ Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прозуменщиков, В.Ю. Васильев и др. М., 2009. С. 596.

² Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / сост. В.Н. Хаустов. М., 2012. С. 93–95.

³ Биккенин Н.Б. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. М., 2003. С. 171.

⁴ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 264.

СЕКРЕТАРИ ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Товарищ Молотов В.М. просит предложение утвердить т.Андропова Ю.В. заведующим 4-м Европейским отделом Министерства иностранных дел СССР и присвоить ему дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса.

4-й Европейский отдел занимается вопросами стран народной демократии в Европе, а также Югославии и Греции.

Тов.Андропов 1914 года рождения, русский, член КПСС с 1939 года, окончил 4 курса Карело-Линского государственного университета (заочно). Имеет большой опыт руководящей партийной работы: был вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, вторым секретарем ЦК КЛ/с/ Карело-Линской ССР, в 1951-1953 гг. работал инспектором ЦК КПСС. Проявил себя политически подготовленным и серьезным партийным работником. Постановлением ЦК КПСС от 15 мая с.г. т.Андропов был направлен в распоряжение МИД СССР для использования на руководящей дипломатической работе.

В течение последнего времени он ознакомился в МИД СССР с практикой оперативно-дипломатической работы, структурой центрального аппарата и загранучреждений министерства.

По своим политическим и деловым качествам т.Андропов для работы в качестве заведующего 4-м Европейским отделом МИД СССР подходит.

Отдел ЦК КПСС предложение товарища Молотова В.М. поддерживает.

Заведующий Отделом
ЦК КПСС

(Бараненков)

" " июня 1953 г.

Заведующий

Н.С. Хрущев
25/6/53

Записка Ф.И. Бараненкова Н.С. Хрущеву о назначении Ю.В. Андропова заведующим 4-м европейским отделом МИД СССР

25 июня 1953

[РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 58]

так же плохо, как его давний покровитель Ларионов, провернувший гениальную аферу по рекордной сдаче мяса государству, получивший звание Героя и... застрелившийся в 1960 году¹. Печальный итог. При Хрущеве летели, как осенние листья, со своих мест и другие первые секретари обкомов.

А вот дипломатическая карьера, хотя и неспешная, но более надежная. Тут только одна беда – есть потолок. Выше министра не прыгнешь. Андропов смирился и тянул посольскую лямку. Полномочия депутата Верховного Совета СССР он сложил в марте 1954 года, а в новый состав 4-го созыва его уже не выбрали. Статус не тот.

Помимо министра иностранных дел Молотова появился у Андропова и еще один влиятельный начальник. Это был отвечавший в ЦК за международное коммунистическое движение Михаил Суслов. Он и в 1953 году оставался секретарем ЦК и курировал международные связи. Более того, в 1953–1954 годах Суслов возглавлял отдел по связям с иностранными компартиями ЦК КПСС. Так что его влияние не ослабло. Ранее, с октября 1952 по март 1953 года, он был членом Президиума ЦК, где числились 25 человек. Но в состав «узкого руководства» – в Бюро Президиума ЦК КПСС Суслов не входил. При сокращении руководящих органов после смерти Сталина Сулова поначалу, как и многих, подвинули и слегка понизили, но в 1955 году к Сулову вернулся высший статус – его вновь избрали членом Президиума ЦК КПСС. С этих пор он уже до самой смерти оставался «видным деятелем» Коммунистической партии и «мирового коммунистического движения».

ДИПЛОМАТ

Страна Андропову досталась проблемная. В Венгрии, познавшей все прелести сталинизации – репрессии и показательные процессы, нарастало недовольство населения, продолжалась борьба за власть среди руководства. Руководитель страны Матиас Ракоши по указке Москвы действовал сталинскими методами, опираясь на советский опыт. Весной 1953 года новое кремлевское руководство озаботилось смягчением международной

---

¹ Региональная политика Н.С. Хрущева... С. 261–311; Сведения о самоубийстве Ларионова см.: Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг. Екатеринбург, 2009. С. 275.

обстановки и серьезно задумалось о некотором политическом переформатировании стран-сателлитов. И первым делом взялись за Венгрию, тут дела обстояли хуже, чем у других.

Активную роль взялся играть Берия. Он додумался до того, чтобы находящийся в Будапеште подчиненный ему советский советник МВД был одновременно назначен заместителем министра внутренних дел Венгрии¹. С точки зрения сталинской практики – вроде бы ничего особенного. Был же советский маршал Рокоссовский министром обороны Польши. Но тут Берия недооценил меняющуюся обстановку. В Кремле наметили новую линию разграничения партийного руководства для стран-сателлитов. То есть сделать все по образу и подобию СССР – разделить посты руководителя партии и государства. Точно так же, как это уже сделали в Москве сразу после смерти Сталина, когда за партийное руководство стал отвечать Хрущев, а государственная власть перешла к Маленкову.

Тот же принцип стали продвигать и в странах «народной демократии». Это не было чисткой, а скорее просто перетряской руководства. И наметилась линия на замену наиболее ярых сталинистов на вполне умеренных. Начали с Венгрии. Во главе венгерской делегации в Москву прибыл Ракоши. В Кремле 12 июня 1953 года состоялись переговоры. С советской стороны участвовали Маленков, Хрущев, Берия, Молотов, Микоян, Каганович, Булганин и посол СССР в Венгрии Евгений Киселев. В числе прочего обсуждали решение освободить Ракоши от руководства венгерским правительством и оставить лишь руководителем Венгерской партии трудящихся (ВПТ), а председателем Совета министров Венгрии назначить Имре Надя. Ракоши возражал, ему такая комбинация казалась потерей власти, и он полюбопытствовал, а как в СССР осуществляется распределение обязанностей между ЦК КПСС и Советом министров. Как вспоминал Хрущев, Берия тогда бросил пренебрежительную реплику: «Что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой»². Разгорелась жаркая дискуссия, и Берия настоял на кандидатуре Надя.

---

¹ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. С. 254–256.

² Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999. С. 91, 233, 405.

Берия хорошо знал коминтерновское прошлое Надя, знал о его принадлежности к агентурной сети НКВД. Ему казалось, что бывший агент «Володя» будет у него под контролем. Тандем Берия – Маленков дал трещину в июне 1953-го, когда стало ясно, что Берия пренебрегает мнением и Маленкова, и других членов Президиума ЦК. Двигает всюду (и в Венгрии) своих людей наверх, диктует остальным свою линию. Берию арестовали и настал его черед молить о пощаде. Берии дорого обошлось его пренебрежительное высказывание о ЦК. Ему это припомнили. В одном из покаянных писем он вспомнил и о своем венгерском промахе. Арестованный Берия писал Маленкову 1 июля 1953 года: «Поступок мой при приеме венгерских товарищей ничем не оправданный. Предложения о Надь Имре должен был не я или кто иной вносить, а тебе надо было сделать, а тут я выскочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязность, за что, конечно, меня следовало крепко взгреть»¹.

Посол в Венгрии Евгений Киселев в июле 1954 года был отозван в Москву и назначен заведующим Протокольным отделом МИД. В Будапеште открылась вакансия. Решением Президиума ЦК КПСС 6 июля Андропов был утвержден Послом СССР в Венгрии с присвоением дипломатического ранга Чрезвычайного и полномочного посла. Сообщение об Указе Президиума Верховного Совета о назначении Андропова было опубликовано в «Известиях» 16 июля 1954 года. Дипломатический ранг предполагал и мундир – роскошный, с золоченной вышивкой. Сбылась мечта юности – китель, фуражка и красивый кортик на поясе. Непременные атрибуты сталинского военизированного стиля для сугубо гражданского дипломатического ведомства. Этот рудимент – форменная одежда для дипломатов существует в России и поныне, скорее даже не как дань прошлому, а отсылка к архаичным порядкам, когда значимость чиновника подчеркивалась роскошью эполет, числом различных нашивок и шириной лампасов на брюках.

В Будапеште 26 июля 1954 года Андропов вручил верительные грамоты².

---

¹ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. С. 73.

² Стыкалин А.С. Венгерский кризис 1956 года в исторической перспективе. М., 2016. С. 36.

Ц К К П С С

Товарищ Молотов В.М. внес предложение об освобождении т.Киселева Е.Д. от обязанностей посла СССР в Венгрии в связи с длительным сроком пребывания на заграничной работе, утвердив его заведующим Протокольным отделом МИД СССР. На пост посла СССР в Венгрии предлагается назначить т.Андропова Ю.В., освободив его от обязанностей советника того же посольства. Одновременно внесено предложение о присвоении т.Андропову Ю.В. дипломатического ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Тов.Андропов Юрий Владимирович 1914 года рождения, русский, член КПСС с 1939 года, образование незаконченное высшее. Имеет опыт руководящей партийной работы: был вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, вторым секретарем ЦК КП/б/ Карело-Финской ССР, с 1951 по 1953 год работал инспектором ЦК КПСС. В мае 1953 года т.Андропов постановлением ЦК КПСС был направлен в распоряжение МИД СССР для использования на руководящей дипломатической работе. С июля того же года он является советником посольства СССР в Венгрии, неоднократно оставался поверенным в делах СССР в этой стране. Заракомендовал себя политически подготовленным и серьезным работником. С возложенными на него обязанностями справляется успешно. МИД СССР считает, что т.Андропов по своему опыту руководящей партийной работы, а также опыту работы в качестве советника посольства вполне подготовлен и может быть назначен послом СССР в Венгрии.

Тов.Киселев Евгений Дмитриевич 1908 года рождения, русский, член КПСС с 1938 года, образование высшее: окончил Московский институт народного хозяйства и Институт дипломатических и консульских работников МИД СССР. Знает английский и немецкий языки. В системе МИД СССР т.Киселев работает около 17 лет, с 1949 года он является послом СССР в Венгрии.

Отдел ЦК КПСС поддерживает предложение МИД СССР о т.т.Андропове и Киселеве.

Заведующий Отделом
ЦК КПСС

(Баранников)

" " июля 1954 года.

п-2

В.Андропов
6 июля 1954

Записка в ЦК КПСС о назначении Андропова послом в Венгрии
6 июля 1954

[РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 61]

Андропов активно включился во внутрипартийную борьбу в Венгрии. Но действовал осторожно. Как отмечают исследователи: «Из посланий Андропова в Москву видно, как сформированные в сталинскую эпоху представления о государственных интересах СССР продолжали и после XX съезда определять менталитет советской дипломатии в странах Восточной Европы»¹. В соответствии с московскими установками Андропов поддерживал просоветски настроенных венгерских функционеров и делал на них ставку. И поддерживал до того момента, пока в Москве не решат иначе.

Назначенный председателем венгерского правительства Надь недолго продержался в своем кресле. Уже в январе 1955 года он был подвергнут проработке в Москве за «правые перегибы» и весной 1955 года оставил пост премьера². Сталинисты в руководстве Венгрии были сильны и победили. После кратковременной политической оттепели в Венгрии вновь грянули морозы. Свертывались реформы, ужесточалась цензура и, едва начавшись, прекратился процесс реабилитации жертв репрессий³. Андропов помогал Ракоши, а тот уверенно прокладывал себе дорогу к бесславному концу. И тут копирование всех московских зигзагов. Маленкова в феврале 1955 года тоже сняли с должности председателя Совета министров СССР, обвинив в сползании к либерализму, популизму и даже в «правом уклоне».

В ходе внутрипартийных баталий и интриг в Венгрии Андропов был проводником жесткой линии и вполне разделял взгляды Ракоши на необходимость избавиться от Имре Надя. И Ракоши, заручившись через Андропова поддержкой Кремля, действовал смело и решительно.

В июле 1955 года Андропов был в Москве. Вероятно, он приехал в очередной отпуск, а заодно и для весьма важного дела. Ему нужно было пройти процедуру обмена партийных документов. В условиях заграницы партбилеты не меняли. Для этого непременно требовался приезд в СССР. Новый партийный билет образца 1954 года Андропову выписали 15 июля 1955 года. Время в столице Андропов провел и с пользой для дела. Он присматривал себе в помощь работников для посольства. И лично

---

¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: Документы. М., 1998. С. 35.

² Там же. С. 28.

³ Там же.

говорил с рекомендованными ему кандидатами. Скромный сотрудник венгерской референтуры МИД Владимир Крючков был предложен Андропову на должность в посольство. В конце лета 1955 года Андропов позвонил Крючкову и сообщил, что вопрос о его назначении решен и его ждут в Будапеште в октябре¹. С этих пор на долгие годы Крючков стал подчиненным Андропова – ценным, незаменимым, оберегаемым и продвигаемым по службе все выше и выше. Он рос в должностях и званиях вслед за Андроповым и как тень следовал за своим шефом. В Венгрии Крючков занял скромную должность пресс-атташе, а затем третьего секретаря советского посольства. Ему, как и Андропову, предстояло пережить большие потрясения 1956 года.

Полное понимание и поддержка министра иностранных дел СССР Молотова стали для Андропова надежной гарантией развития дипломатической карьеры. Есть свидетельства, что в декабре 1955 года Молотов решил выдвинуть Андропова на более высокий уровень – назначить послом в Великобританию. По линии МИД даже запросили для него агреман в Лондоне². По каким-то причинам назначение «не прошло». То ли агреман не дали, то ли Молотов передумал и решил выдвинуть Андропова в аппарат министерства.

В марте 1956 года Молотов внес предложение о переводе Андропова на работу в управление кадров министерства и об утверждении его членом коллегии МИД. Было подготовлено и соответствующее письмо. Отдел ЦК КПСС, готовивший документы на рассмотрение Секретариата ЦК, предложил утвердить Андропова лишь членом коллегии МИД, а в должности начальника управления кадров оставить прежнего работника до его выздоровления. Как явствует из личного дела, успели провести назначение, но тут же в апреле 1956 года Совет министров СССР отменил решение об утверждении Андропова членом коллегии МИД³. И это назначение не состоялось.

Если бы эти предложения Молотова были приняты, то, возможно, Андропов так бы и остался на дипломатической службе, поднимаясь, ступень за ступенью, все выше и выше. Правда, не-

---

¹ Крючков В.А. Личное дело. М., 1996. Т. 1. С. 35.

² Беседа автора с венгерским историком Миклошем Куном 20 октября 2022 г.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 64.

62

Ц К К П С С

Министерство иностранных дел СССР (тов. Молотов В.М.) внесло предложение об освобождении т. Бараненкова Ф.И. от обязанностей начальника Управления кадров и члена коллегии МИД СССР в связи с его болезнью (инфаркт). Одновременно внесено предложение об утверждении начальником Управления кадров и членом коллегии Министерства иностранных дел СССР т. Андропова Ю.В., освободив его от обязанностей посла СССР в Венгерской Народной Республике.

Свое предложение МИД СССР обосновывает тем, что в настоящее время в Управлении кадров создалось затруднительное положение в связи с отсутствием начальника управления и избранием его первого заместителя (т. Дедушкина) освобожденным секретарем партийного комитета министерства.

По мнению Отдела ЦК КПСС решение вопроса об освобождении т. Бараненкова от работы в МИД СССР следовало бы отложить в связи с тем, что в данный момент он находится на излечении.

Учитывая создавшееся положение в Управлении кадров МИД СССР, полагаем бы необходимым перевести т. Андропова на работу в Управление кадров министерства, утвердив его членом коллегии и поручив ему исполнение обязанностей начальника управления кадров.

Вопрос об утверждении т. Андропова начальником Управления кадров МИД СССР целесообразно решить после выздоровления т. Бараненкова.

Зав. Отделом ЦК КПСС

(Смирнов)

* * * марта 1956 г.

2-см

*Записка отдела ЦК КПСС о назначении Ю.В. Андропова
в МИД СССР*

Март 1956

[РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 62]

известно как бы он сработался со сменившим Молотова в июне 1956 года в должности министра иностранных дел Шепиловым.

Но, оказалось, в Москве помимо Молотова был и международный отдел ЦК, отвечавший за связи с компартиями. И там прислушались к мнению Ракоши, который, прознав, что Андропова могут из Венгрии забрать, решительно воспротивился. Он хорошо сработался с советским послом и не хотел видеть в Будапеште нового и незнакомого ему посланца. К мнению Ракоши прислушались, и Андропов был оставлен в Венгрии. Это точно зафиксировано в решении Президиума ЦК КПСС 13 апреля 1956 года (П10/XV) о просьбе Ракоши не отзываться посла СССР в Венгрии Андропова: «Удовлетворить просьбу т. Ракоши и не отзываться в Советский Союз посла СССР в Венгрии т. Андропова». И это была судьба. Андропову предстояло пережить трудные месяцы осени 1956 года.

ВЕНГРИЯ, 1956 ГОД

XX съезд КПСС круто изменил политические подходы. Круги от брошенного в Сталина камня широко разошлись и по странам советского блока. На повестку дня встал вопрос о преодолении тяжелого сталинского наследия. На партийных собраниях в Венгрии ставились вопросы о необходимости перемен, критиковались венгерские руководители, под сомнение ставилась их приверженность курсу XX съезда. И огонь критики сходил на фигуру Ракоши. Все отчетливей звучали призывы к его отставке. Ракоши не скрывал своего недовольства закрытым докладом Хрущева о Сталине. Много лет спустя Андропов рассказал, как Ракоши пригласил его на охоту и наедине сказал: «То, что вы натворили на своем съезде – это беда. И я еще не знаю, во что это выльется и у вас, и у нас»¹.

В 1954 году на свободу вышел посаженный в тюрьму в 1951 году Янош Кадар. Складывалось сложное переплетение мотиваций, политических амбиций и перспектив в венгерском руководстве. Когда в Кремле пришли к выводу, что Ракоши надо менять, естественно, возник вопрос – на кого? Андропов, например, подходящей кандидатуры не видел. Он вообще упрямо и догматически поддерживал Ракоши и настороженно смотрел на возвращение Кадара в Политбюро ЦК ВПТ. Андропов видел в

¹ Горбачев М.С. Наедине с собой. М., 2012. С. 128.

*Ю.В. Андропов
на приеме в
Будапеште
1950-е
[Рыбинский
музей-заповедник]*

этом «уступку правым и демагогическим элементам» и в донесении в Москву 29 апреля 1956 года напоминал о том, что еще в марте 1955 года именно Имре Надь предлагал включить Кадара в Политбюро¹. В донесении от 6 мая 1956 года Андропов цитировал Ракоши, который в беседе с ним заявил, будто Кадар представляет опасность, становясь «знаменем всех недовольных»².

В начале июня 1956 года в Будапешт прибыл Михаил Суслов и, ознакомившись с обстановкой на месте, информировал Москву в весьма умеренных выражениях, по сути, не выдвигая серьезных аргументов против идеи вернуть Кадара в Политбюро ЦК ВПТ. Наоборот, после длительной беседы с ним Суслов пришел к выводу, что его возвращение «значительно успокоит часть недовольных, а самого Кадара морально свяжет»³. Вместе с тем Суслов проявил известную осторожность и не форсировал

¹ Советский Союз и венгерский кризис... С. 65.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 86.

снятие с должности первого секретаря ЦК Ракоши, заявив, что в данное время это было бы «подарком для американцев»¹. Шла подготовка к пленуму, а тем временем страсти накалялись.

Многолюдные собрания в литературном кружке Петефи все-речь беспокоили Андропова. Собиравшиеся там писатели и публики свободно вели дискуссии, подвергая критике даже основы социализма. Андропов с тревогой писал в Москву в конце июня 1956 года о том, что «враждебные и оппозиционные элементы чувствуют свою почти полную безнаказанность за проводимую ими подрывную деятельность»². Учитывая все то, что произойдет всего через несколько месяцев, можно не сомневаться, что именно тогда в Андропове укрепилось твердое предубеждение и против писателей вообще, и против свободного выражения ими собственных мыслей и мнений.

В июле 1956 года в Будапешт прибыл Микоян, и судьба Ракоши была решена. Микоян провел встречу с наиболее влиятельными членами венгерского руководства и четко уловил их намерение сменить руководителя партии. Они думали тем самым погасить возрастающее недовольство в партии, но сами не решались действовать без одобрения из Москвы. Ракоши подчинился нажиму Кремля и согласился на отставку. Вместо него первым секретарем ЦК ВПТ был избран Эрне Гере. Не прошло и нескольких дней, как Андропов стал критически высказываться о новом венгерском лидере, «не пользующемся должной популярностью среди широких партийных масс»³. Накануне пленума, отправившего в отставку Ракоши, свое мнение об Имре Наде Микоян изложил членам Политбюро ЦК ВПТ. Он заявил, что исключение Надя из партии, хотя «он своим поведением этого заслужил», было ошибкой, а вот если бы его оставили в партии, «он должен был бы подчиняться партийной дисциплине и выполнять волю партии»⁴.

Встречи и беседы Микояна с венгерскими руководителями проходили в присутствии Андропова, который довольно глубоко погрузился во все политические дразги, собирая, обобщая и посылая в Кремль все, что видел и слышал. 21 июля перед отъездом Микоян с благоволения Хрущева встретился в здании

---

¹ Советский Союз и венгерский кризис... С. 154.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 155.

советского посольства с Имре Надем и имел с ним долгую беседу, прошупывал и зондировал почву, прикидывал, насколько может быть оправдана ставка на этого опального, но очень популярного в народе политика¹.

Политическая развязка приближалась. В Венгрии все громче и громче раздавались голоса с требованием пересмотреть судебный процесс Ласло Райка. Ведь главными обвинениями против Райка и еще ряда подсудимых, приговоренных к расстрелу и расстрелянных, было то, что они активные агенты «клики Тито». А между тем отношения с Югославией в 1955 году вполне наладились, и в печати Тито перестали именовать «фашист». Одним словом, обвинения против Райка и других подсудимых на этом показательном процессе 1949 года безнадежно устарели и выглядели нелепыми и сфабрированными.

В конце лета и начале осени внимание Андропова переключается на Имре Надя. В Венгрии началось переосмысление совершенных ошибок, и в партийных кругах заговорили о желательности возвращения Надя на пост премьера. Об этом было слышно и в городе, и особенно в деревнях, где помнили о его отношении к крестьянам. Венгерское руководство шло на уступки. В начале октября 1956 года Надя был восстановлен в партии, откуда его исключили в декабре 1955 года. Сторонник жесткой линии Андропов бомбил Москву донесениями, в которых обвинял венгерское руководство в беспринципных и излишних уступках². И в то же время Андропов стал все отчетливее понимать, сколь велико давление свободолюбивых венгров на партийную верхушку. В сообщении в Москву 12 октября 1956 года он передал мнение Гере, который довольно точно оценил источник всех бед: «Враждебные элементы в Венгрии очень сильно играют на том, что в СССР в течение многих лет существовал культ личности Сталина, якобы задержавший развитие демократизма в партии и стране»³. Далее Андропов уже просто бил тревогу: «Враждебные оппозиционные элементы всячески поносят руководителей партии, а наши друзья либо отмалчиваются, либо увещевают и в конце концов уступают. Наш старший советник при МВД т. Ищенко информировал меня о том, что нездоровые настроения стали распространяться среди части работников госбезопасно-

---

¹ Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 54–55.

² Советский Союз и венгерский кризис... С. 194.

³ Там же. С. 303.

*Имре Надь
1956
[Из открытых источников]*

сти. Имеется ряд сигналов о высказываниях ряда руководящих армейских работников против руководства партии. Если наши друзья будут и дальше вести такую же непротивленческую политику, появление Надя Имре как руководителя партии и страны представляется нам делом вполне возможным»¹.

Иными словами, революционная ситуация налицо. Растерянность в верхах, расслоение госбезопасности и армии, а с другой стороны, растущая активность масс, поверивших в свои силы. Через пару дней Андропов сообщал в Москву о возросшей активности Надя – он установил у себя в доме часы приема, и к нему «в большом количестве приходят представители венгерской интеллигенции»².

За спиной у Андропова было кремлевское руководство, считавшее необходимым делать шаги для разрядки обстановки. И хотел того Андропов или нет, но в Кремле тоже шли на уступки. На заседании Президиума ЦК КПСС 20 октября 1956 года было принято решение об отзыве советников КГБ из Венгрии³. Логика этого решения, как и идея отозвать советников по военной линии, заключалась в том, чтобы помочь режиму Гере погасить недовольство венгров по поводу советского присутствия. Но это были уже запоздалые шаги по умиротворению венгерского общества.

¹ Советский Союз и венгерский кризис... С. 305.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 315–316.

*Разрушенный памятник Сталину в Будапеште
1956*

[Из открытых источников]

*Восставшие на улице Будапешта
Октябрь 1956*

[Из открытых источников]

И 23 октября случилось то, чего так боялся и о чем предупреждал Андропов. События приобрели стремительный характер. Все началось с демонстрации студентов с требованиями свободных выборов на демократической многопартийной основе, одновременно студенты требовали назначить Имре Надя премьером, а Ракоши и его приспешников судить. Демонстрация вылилась в массовый протест с попыткой овладеть зданием радио. Охранявшие здание войска госбезопасности стреляли в народ. Появились первые жертвы. Вечером в городском парке многотысячная толпа снесла огромную статую Сталина. Символ тирании пал. И мирные демонстрации переросли в вооруженное восстание. В тот же вечер венгерские воинские подразделения, вызванные для усмирения демонстрантов, стали переходить на сторону народа, у восставших появилось оружие.

Андропов был сторонником немедленного ввода советских войск в Будапешт. Он говорил об этом с Гере поздно вечером 23 октября¹. Более того, еще в первой половине дня Андропов сам звонил командиру Особого корпуса Советской армии и спрашивал, может ли он привести войска в боевую готовность, а около семи вечера уже просил ввести войска в Будапешт «для устранения беспорядков»². Но получил ответ, что нужен приказ из Москвы. В тот же день вечером в Кремле состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, и решение о вводе войск было принято в 23:00. Советские танки появились в Будапеште уже в 2 часа ночи 24 октября³. А утром в Будапешт прибыли Микоян и Сулов и с ними председатель КГБ Серов.

Поражает, как скоро советские танки оказались на улицах Будапешта. Как будто заранее готовились, только ждали приказа. Это наводит на серьезные размышления и дает возможность сделать вполне определенные выводы. Да, готовились заранее. Об этом подробно говорится в Докладе специального комитета ООН по «Венгерскому вопросу». За пару дней до решения о вводе войск уже шла передислокация. Так, 21–22 октября были отмечены военные приготовления на границе Венгрии с Румынией, к которой подтянулась советская техника, то же и на границе с СССР, где были наведены понтонные переправы

¹ Советский Союз и венгерский кризис... С. 323.

² Стыкалин А.С. Указ. соч. С. 66. См. также: Вергун А.С. Указ. соч. С. 56.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 2. Л. 40.

и сосредоточились войска. Но от границ до столицы далекоавато. Ближайшие же места дислокации советской бронетехники находились в 70 километрах от Будапешта. Совершить за пару часов марш-бросок и оказаться в центре города им было вполне под силу¹. Этим войск было недостаточно, но их неожиданное и быстрое появление произвело эффект, хотя совершенно иной по сравнению с ожидаемым. Входящая ночью бронетехника брала под контроль мосты в Будапеште и важнейшие объекты. Танки входили в город с востока и запада, и уже в 6 утра одна из колонн советских машин открыла огонь. Примерно в то же время и колонна, входящая с востока, также открыла огонь².

Появление в столице советских войск было встречено с возмущением и вызвало вооруженное сопротивление. В докладе ООН по «Венгерскому вопросу» отмечено начало столкновений советских войск с населением:

«Первыми двумя случаями применения “молотовского коктейля” были случаи, когда мужчина в возрасте около 50 лет уничтожил броневик в 7:30 утра 24 октября возле казарм Килиен и когда дети, как об этом говорилось, взорвали броневик с его экипажем в 8:30 утра. Предпринимавшиеся руководителями усилия предотвратить распространение оружия среди подростков оказались во многих случаях тщетными; они с большой охотой учились тому, как эффективно использовать винтовки, попавшие в их руки»³.

В тот же день на сторону восставших стали массово переходить военнослужащие и подразделения венгерской армии. Не было ни одного случая, когда бы против восставших вместе с Советской армией действовали венгерские военные. Только войска госбезопасности Венгрии присоединились к советским частям и действовали совместно с ними по подавлению восстания⁴.

Серов вылетел утром 24 октября вместе с группой высокопоставленных работников КГБ⁵. Ознакомившись с обстановкой, Серов на заседании с венгерским руководством вечером того же

---

¹ Там же. Л. 92.

² Там же.

³ Там же. Л. 94.

⁴ Там же. Л. 97, 108.

⁵ Серов И.А. Записки из чемодана: Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 478–480.

дня заявил, что «с повстанцами надо кончать», и потребовал принять решительные меры. На следующий день Серов инструктировал работников МВД Венгрии и предпринял вылазку в город на бронетранспортере, но был обстрелян¹.

Кремль сделал ставку на силу, но не помогло. Гере так и не смог удержаться у власти. Кремль снова стал маневрировать, нехотя был вынужден согласиться на назначение Надя премьером. Вслед за этим «разменяли» и Гере. Этому предшествовали драматические события. 25 октября советские воинские подразделения стреляли по мирным демонстрантам у Парламента, было много погибших. В тот же день Гере был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК и его место занял Кадар, а позднее распространилась весть о том, что Гере и Хегедюш бежали². Имре Надь получил свободу действий и 27 октября сформировал новое правительство.

В Кремле первоначально согласились на линию умиротворения, проводимую правительством Надя, – обещание реформ, рабочие советы. От Андропова теперь мало что зависело. Он сделал две ошибки в предшествующий период. Всячески тормозил возвращение Кадара в ранг высокого партийного руководителя и раздувал негативный ореол Надя. Если бы они оба вернулись во власть раньше, то, возможно, у протестующих были бы выбиты важные козыри из рук, и ход событий не был бы столь кровавым.

За свой упрямый консерватизм Андропов заплатил здоровьем жены. Многие авторы утверждают, что сцены расправ над сотрудниками венгерской госбезопасности и коммунистами отрезвили Андропова и сильно напугали его жену Татьяну Филипповну, доведя ее до нервного срыва и оставив след на всю жизнь. С этих пор ее душевное здоровье от пережитого серьезно пошатнулось.

Позднее Андропов вспоминал: «У меня до сих пор в ушах стоят истошные крики людей, которых вешали и резали прямо напротив нашего посольства. Я знал, что расправляются с коммунистами, и ничем не мог им помочь. Жена до сих пор психически травмирована этими событиями»³. В другой версии, это еще

---

¹ Серов И.А. Указ. соч. С. 481–482.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 2. Л. 43. Оба бежали в расположение советских войск и 29 октября 1956 г. укрылись в СССР.

³ Кеворков В. Виктор Луи: человек с легендой. М., 2010. С. 207.

страшней и более художественно: «Он рассказывал, что бессонные ночи, наполненные душераздирающими криками распинаемых, подобно Христу, на столбах у советского посольства в Будапеште, повергли его жену в тяжелое психическое состояние, из которого она так и не вышла...»¹.

Вообще-то трудно поверить, что из окон советского посольства можно было наблюдать сцены уличных расправ. Вошедшие в Будапешт советские механизированные войска взяли под охрану посольство уже ранним утром 24 октября, окружив его танками и бронетранспортерами. Так что, какие уж тут «бессонные ночи».

Есть и другие, более прозаичные объяснения пережитого Андроповым и его женой страха. Албанский лидер Энвер Ходжа, со слов своего посла в Будапеште, описал довольно неприятную ситуацию, в которой оказались сотрудники советского посольства: «Контрреволюционеры орудовали настолько нагло, что самого Андропова и весь персонал посольства вывели на улицу и держали там целые часы»².

Скорее всего, речь идет о следующем эпизоде: «В ночь на 24 октября 1956 года в Будапешт должен был прилететь А.И. Микоян с группой товарищей. Встречать его на военный аэродром выехал Андропов вместе с военным атташе. На окраине столицы они попали в засаду, были обстреляны, при этом их пробитая пулями автомашина, угодившая к тому же еще в завал из деревьев, полностью вышла из строя. Пассажирам пришлось глубокой ночью в течение более двух часов пешком добираться до своего посольства»³.

Что испытал в эти часы Андропов, можно легко предположить. Вот тут уже не наблюдение за событиями со стороны, тут реальная опасность и страх за себя. Описавший этот случай Крючков отдает дань «выдержке и самообладанию» Андропова, который шел «твердой походкой, даже неторопливым шагом». Сам Андропов «признался потом, что это происшествие стоило ему огромного нервного напряжения»⁴.

Сын Андропова пишет: «Первым на моем пути, – вспоминал отец, – оказался молодой подвыпивший паренек с непонятно от-

---

¹ Он же. Тайный канал. М., 1997. С. 37.

² Ходжа Э. Хрущевцы: Воспоминания. Тирана, 1980. С. 300.

³ Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 58.

⁴ Там же.

куда взявшимся огромным портфелем в руке. Я шагнул в его сторону, и парень инстинктивно сделал шаг влево; толпа за ним расступилась, и мы по очень узкому коридору вышли из кольца»¹. Все это отозвалось позднее. Зимой, на рубеже 1956–1957 годов, Андропов на несколько недель оказался в кардиологическом отделении больницы².

Как пишет Владимир Крючков: «...посольство оказалось в осаде, каждый выход из здания был сопряжен с опасностью. Дипломаты давно уже перешли, по существу, на казарменное положение, ночевали в своих служебных кабинетах и лишь изредка, да и то только после возвращения наших войск, на полчаса поочередно вырывались на армейских бронетранспортерах домой, чтобы навестить семьи, которые оставались в жилом доме, расположенном в нескольких кварталах от посольства»³.

Конечно, в Москве видели всю динамику развития ситуации в Венгрии и старались реагировать. Но все же запаздывали и шли в хвосте событий. Смещение Матиаса Ракоши с поста первого секретаря ЦК ВПТ и его замена на Эрне Гере в июле 1956 года были попыткой погасить недовольство населения. Позднее пытались направить в нужное русло Имре Надя. Но когда увидели, что Надя под влиянием улицы все больше и больше скатывается к демократизации и отказу от социализма, решили его сместить силой и привести к власти более надежных людей под руководством Кадара.

Проблема для Кремля была в том, что Имре Надя пришел к власти без помощи Москвы, его посадили в кресло премьера народная поддержка и уличная стихия. Его самостоятельность и опора на поддерживающие его слои венгерского общества беспокоили Москву. По всему выходило, что он ставленник народа. Хрущев после 4 ноября 1956 года убеждал себя и свое окружение, что Надя пришел к власти незаконно, «в результате путча»⁴. Разумеется, это не так. Уже утром 24 октября в 8:13 в Будапеште по радио объявили, что на ночном заседании

---

¹ Андропов И.Ю. Ю.В. Андропов в должности посла во время венгерских событий // Андропов. Смотреть за горизонт / под общ. ред. А.Г. Сидоренко. М., 2016. С. 426.

² Стыкалин А.С. Указ. соч. С. 74.

³ Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 57.

⁴ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания): В 4 кн. Кн. 3. М., 1999. С. 253.

ЦК ВПТ в качестве премьера рекомендован Имре Надь¹. И тот же день правительство во главе с Андрашем Хегедюшем было отправлено в отставку. Как отмечено в докладе ООН: «Неоспоримым является тот факт, что правительство Надя, законность которого по венгерской конституции до момента его свержения не может оспариваться»².

Но почему Москва не использовала против Имре Надя сведения, о том, что когда-то, в 1930-е годы, в Москве он был агентом под оперативным псевдонимом «Володя», и почему его этим не шантажировали? Вероятно, в Кремле сознавали, что политических издержек будет намного больше, чем выгод. Ведь если это обнародовать, то неизбежны разговоры о том, что все коммунистические функционеры социалистических стран, да и лидеры компартий Запада, бывшие до войны в эмиграции в СССР, – все сплошь агенты ГПУ – НКВД. События в Венгрии в конце октября 1956 года развивались столь стремительно, что дискредитация Надя не могла быть успешной, так как она требовала времени. Также не оставалось времени на шантаж Надя. Да и не было смысла, он ведь уже не мог остановить развитие событий.

Значительно позднее, когда в Венгрии заговорили о посмертной реабилитации Имре Надя, бумагам дали ход. Председатель КГБ Владимир Крючков в начале июня 1989 года направил в ЦК КПСС документы о тайном сотрудничестве Надя с ОГПУ³. Более того, к сообщению в ЦК были приложены архивные документы и среди них копия обязательства о неразглашении сведений о работе «органов», которое обычно подписывали принимаемые на службу работники ОГПУ. Надь такое обязательство подписал 4 сентября 1930 года. Не имея более продуктивных идей, чем воспрепятствовать реабилитации и прославлению Надя в усло-

---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 2. Л. 40.

² Там же. Л. 202.

³ Крючков в мемуарах почему-то пишет: «...соответствующие документы в архивах КГБ были обнаружены в 1990 году» (Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 62). В то, что документы о Наде были обнаружены так поздно, трудно поверить. В 1954–1955 годах в КГБ шел тотальный пересмотр архивных дел оперативного учета и агентурных дел. Малоценные уничтожали, а представляющие исторический интерес оставляли для дальнейшего хранения. Личное и рабочее дело агента «Володя» не могло укрыться от внимания, его наверняка докладывали руководству. Раз материалы сохранились до 1989 года, значит, в свое время их важность оценили по достоинству. И ведь пригодились же!

виях вновь зашатавшегося венгерского социализма, Крючков предложил сообщить пришедшему на смену Кадару новому генеральному секретарю Венгерской социалистической рабочей партии об имеющихся в КГБ документах об агенте «Володя» и посоветоваться, как лучше использовать эти документы¹. На письме Крюčkкова имеется пометы: «Согласен. М. Горбачев» и «Вопрос рассмотрен на заседании Политбюро ЦК 19.06.89. Принято решение согласиться»².

Как пишет Серов, в последующие дни после начала восстания он убедился, что премьер Имре Надь «сам руководит повстанцами». Утром 28 октября Серов поделился своим открытием с Микояном и Сусловым³. Вечером Серов с Микояном пытались объяснить с Надем. Надь и другие члены венгерского руководства уверяли, что сами справятся с обстановкой и просили вывести советские войска из Будапешта. Между тем в городе продолжалась стрельба. Связались с Москвой, и Микоян сказал Серову: «Никита посоветовал принять предложение венгров»⁴.

Первоначально Кремль был вынужден согласился на линию умиротворения, проводимую правительством Нады, но ситуация им уже не контролировалась⁵. А по мнению Серова, Надь развернул «предательскую деятельность», и ситуация только ухудшалась: «Члены политбюро капитулировали и бросились убежать, кто куда мог, но в основном побежали в наши военные штабы. Сотрудники органов госбезопасности Венгрии тоже разбежались». Сообщение Серова 29 октября рисовало удручающую картину. После распоряжения правительства Надя о роспуске органов госбезопасности Венгрии была прекращена вся их агентурная работа по выявлению участников восстания, а из тюрем были освобождены повстанцами более 8 тысяч заключенных. Серов сообщал также и о случаях расправ восставших с коммунистами, правда, несколько преувеличивая число жертв⁶.

Запаниковали и в советском посольстве. Работников как будто охватил паралич. Они боялись высунуться из посольства, что ввело в негодование и ярость застрывших в гостиницах коман-

¹ Источник. 1993. № 1. С. 71–73.

² Там же. С. 72.

³ Серов И.А. Указ. соч. С. 483.

⁴ Там же. С. 484–485.

⁵ Там же. С. 485.

⁶ Советский Союз и венгерский кризис... С. 448–449.

дированных в Венгрию советских граждан и экскурсантов. В это время в Будапеште находился директор Института истории Академии наук СССР Аркадий Сидоров. Свои заметки и впечатления он записывал в дневник. Накануне грозных событий он был принят венгерскими историками, посещал архивы, университет, ездил на озеро Балатон и в Эстергом на раскопки. Его дневник дает картину нарастания тревоги перед политической бурей. Он с удивлением записывает 19 октября в дневнике: «Тревожные настроения. Авторитет партии в народе упал. Пресса вышла из-под [контроля] ЦК и критикует партию»¹. Непривычное дело и удивительное открытие для правоверного советского человека. Оказывается, и так бывает, и партия не всесильна.

Начинаются массовые демонстрации, потом постоянная стрельба в городе. Сидоров записывает 27 октября в дневнике о стрельбе на улицах и передвижении техники и добавляет о себе: «...сегодня две недели как в Венгрии»². На следующий день в воскресенье пишет: «...дважды работала артиллерия», «завтра придется идти или ехать в посольство»³. Но посольство о нем не помнит. На следующий день 29 октября пишет, что сами «звонили в посольство, но ничего разумного в ответ не услышали». Сидоров был в отчаянии, он пишет: «Наши посольские люди все же свиньи, так никто из них за эти дни не приехал»⁴. Советские люди в гостинице сидели без денег, а в то же время представители других посольств, пишет Сидоров, приезжали к своим. И далее: «В Венгрии застряли 50 ч[еловек] наших экскурсантов. Надо отметить недопустимое равнодушие наших дипл[оматически]х работников к судьбе своих сограждан. Никто не приехал, не позвонил. Это могут так бросить людей только русские. Это предмет особых разговоров у нас на Родине»⁵.

И Энвер Ходжа описывает поведение Андропова в эти сложные дни совсем нелестно: «Советский посол заперся в посольстве, он не осмеливался высунуть голову. Один ответственный работник венгерского Министерства иностранных дел, которого преследовали бандиты, попросил убежища в нашем посольстве,

---

¹ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 632. Картон 83. Д. 8. Л. 15–22. На венгерском яз. Опубликовал Миклош Кун.

² Там же. Л. 34, 39 об.

³ Там же. Л. 42 об.

⁴ Там же. Л. 46 об.

⁵ Там же. Л. 48 об., 49.

и мы дали ему его. Он сказал нашим товарищам, что был и в советском посольстве, но там его не приняли»¹.

Ситуацию подогревали и известия о том, что советские «войска уходят». Ожидали – будет «погром советских». В ночь на 30 октября Сидоров записывает услышанные новости, что в составе правительства объявлен чрезвычайный комитет из пяти лиц, и добавляет: «Очень боятся наши, как бы правительство Венгрии не попросило Америк[анские] войска; вследствие чего начн[ет]ся война»². Утром 30 октября во вторник Сидоров с облегчением записывает о том, что наконец позвонили из посольства, попросили быть готовым к отъезду, что надо быть уже в 9 утра в посольстве. Но опять проволочка: «Однако не оказалось машины, чтобы нас перевезти». И только «часов около 10 приезжают две машины под венгерским флагом, которые в два приема перевезли нас в посольство»³.

В посольстве Сидоров наконец поговорил с Андроповым и услышал неожиданные вещи: «...разговаривали с послом. Долго шел разговор о том, как нас дост[ави]ть на аэродром. Пос[ольств]во не хотело послать машину под своим флагом. Прич[ем] машины так и не оказалось, поэтому мы застряли в пос[ольств]ве. Мы предложили отправить нас транспортером, на это Андропов ответил можно. Гере и др[угие] честные коммунисты – ушли в подполье. В стране идет разгул реакции. Войска внутренней охраны распущены. Создана полиция, кот[орая] проводит массовые аресты. На чем останутся? Трудно сказать»⁴.

Безрадостное и подавленное настроение было у Андропова. Но еще хуже себя чувствовали остальные работники, давая волю страхам. Сидоров много чего наслушался и записал: «В посольстве у работников достаточная растерянность. Боятся, как бы не было ввода Америк[анских] войск. В городе сейчас постреливают. Мы пообедали в столовой вполне прилично»⁵. Ну хоть с этим повезло – покормили.

В тот же день Сидоров записывает свои впечатления от прослушанного им выступления Имре Надя по радио: «Опла-

---

¹ Ходжа Э. Хрущевцы... С. 301.

² Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 632. Картон 83. Д. 8. Л. 29.

³ Там же. Л. 49.

⁴ Там же. Л. 49 об., 50.

⁵ Там же. Л. 51 об.

кивали социал[истическую] республику. Кажется, пропала и демократ[ическа]я республика. Гере нет в стране. Хегедюш – так же»¹. Застрелявших в посольстве советских граждан, и в их числе Сидорова, после полуночи переправили в советскую военную комендатуру, а оттуда в 8 утра на грузовиках под прикрытием танков и бронетранспортеров с полутора десятком автоматчиков на большой скорости доставили на аэродром. «До аэропорта добрались быстро», – пишет Сидоров. На этом его злоключения закончилось². А в Венгрии все катилось к финалу.

Сын Андропова Игорь, в то время 14-летний подросток, вспоминал: «Когда 31 октября семьи советских дипломатов, минуя 3-й и 4-й блокпосты повстанцев, выезжали из Будапешта в аэропорт Текеле, я своими глазами видел трупы людей в серой форме – сотрудников госбезопасности и в синей милицейской, повешенные на фонарях, деревьях и даже в пролетах мостов. Детям пытались прикрыть глаза, но не видеть этого было нельзя. Вслед за нашим автобусом в аэропорт прорвалась группа сотрудников венгерской госбезопасности, их было человек 150»³. Вот, собственно, когда жена Андропова Татьяна Филипповна могла увидеть страшные картины и по-настоящему испугаться за мужа, себя и детей.

В Кремле лихорадочно решали, что делать. Серов 30 октября вылетел из Будапешта в Москву. На заседании Президиума ЦК КПСС 1 ноября 1956 года, когда обсуждалась обстановка в Венгрии, Серов высказался наиболее воинственно: «Надо решительные меры принимать. Оккупировать надо страну»⁴. На следующий день был выработан план действий. Военная часть операции получила кодовое название «Вихрь»⁵.

Судя по мемуарам Хрущева, в Президиуме ЦК проявил колебания только Микоян. Он отсутствовал при принятии решения (о военной акции, намеченной на 4 ноября), а когда вернулся в Москву, поделился сомнениями с Хрущевым и высказался в резкой форме против применения военной силы, требовал ново-

---

¹ Там же. Л. 31, 31 об.

² Там же. Л. 32 об., 33 об.

³ Андропов И.Ю. Указ. соч. С. 433–434.

⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / гл. ред. А.А. Фурсенко. Т. 1. М., 2003. С. 194.

⁵ Там же. С. 196, 975.

го голосования по этому вопросу. Но Хрущев отказался, сказав, что «решение уже состоялось» и сроки начала уже намечены¹. Интересно, что Молотов не был против военной акции, но был против того, чтобы власть отдать Кадару, даже утверждал, что Кадар принадлежит к руководящей группе Надя². Вот где сказался результат просчета Андропова. Он, пользовавшийся доверием Молотова, сформировал у него стойкое предубеждение в отношении Кадара.

В первый день ноября Андропов вечером был приглашен Имре Надем на заседание узкого состава кабинета министров. Венгерский премьер недоумевал, почему выведенные накануне из Будапешта советские войска далеко не ушли, а расположились в близлежащей местности и на аэродромах. Надь выразил протест, и его поддержал Кадар. Андропов выкручивался как мог, заявив, что начата подготовка к выводу войск³.

Андропов знал о намеченной военной акции, как и о том, что Кремль теперь сделал ставку на Кадара. В ночь на 2 ноября при участии Андропова Кадар и министр внутренних дел Ференц Мюнних были переправлены в расположение штаба советских войск, откуда оба вылетели в Москву и приняли участие в заседаниях Президиума ЦК КПСС, где обсуждался состав будущего венгерского правительства⁴.

2 ноября Имре Надь вызвал Андропова и вновь выразил протест в связи с продолжающимся движением советских войск в Венгрию через границу. В конце беседы, как пишет Андропов, Надь «в раздраженном тоне просил меня дать объяснение по поводу исчезновения Кадара и Мюнниха» и заявил, что Мюнниха видели около советского посольства, где он пересаживался в бронетранспортер. Андропов пишет: «Я решительно отверг претензию Надя относительно участия посольства в деле исчезновения Кадара и Мюнниха»⁵.

А в это время в Москве заседал Президиум ЦК, на который прибыли Кадар и Мюнних. Члены Президиума их внимательно выслушали. Кадар рассказал несколько эпизодов, весьма выпукло характеризовавших хитрость и изворотливость Андропо-

---

¹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 264.

² Там же. С. 260.

³ Советский Союз и венгерский кризис... С. 336, 500.

⁴ Там же. С. 338, 521.

⁵ Там же. С. 523.

ва. Речь шла о ходе заседания правительства Венгрии 1 ноября 1956 года:

«Сообщили, что советские войска перешли границу на машинах. Венгерские подразделения окопались. Что делать, стрелять или не стрелять? Вызвали Андропова. Андропов сказал, что это железнодорожники. Венгры с границы телеграфировали, что это [не] железнодорожники. Затем сообщили, что идут советские танки на Сольнок. Это было в полдень. В пр[авительст]ве нервное положение. Вызвали Андропова. Ответил передислокация. Затем снова сообщили: советские танки окружили аэродромы. Вызвали Андропова. Ответил: вывоз раненых воинов»¹.

Впечатляет эта повторяющаяся фраза «вызвали Андропова». Он как будто прописался на заседаниях венгерского правительства, и на все у него уже заготовлен дежурный ответ. А сколько выдумки и изобретательности! Главное – усыпить бдительность. Члены Президиума ЦК КПСС могли по достоинству оценить таланты Андропова – настоящий дипломат!

Но Андропов венгров не убедил, ему не поверили. На заседании правительства стали обсуждать вопрос о провозглашении нейтралитета Венгрии и выходе из Варшавского договора. А это уже было весьма серьезно. Кадар, по его словам, поначалу возражал: «Я говорил, что этого делать нельзя, не поговорив с Андроповым»². Но, увы, Андропову не удалось предотвратить неизбежное, несмотря на все уловки, отговорки и красноречие. Теперь он говорил о «военных маневрах». Кадар изложил подробности заседания:

«Весь кабинет заявил, кроме Кадара, что Совет[ское] пр[авительст]во обманет Венгерское пр[авительст]во. Оттянули на 2 часа. Разъяснение Сов[етского] пр[авительст]ва их не успокоило. Они заявили Андропову, что они сделают этот шаг. Когда Андропов ушел, они сделали свой шаг о нейтралитете и [решили] вопрос об обращении в ООН. Если это маневры, тогда отзывают вопрос из ООН. Когда Андропов ушел, то он, Кадар, тоже проголосовал за нейтралитет»³.

Не сумев предотвратить столь серьезный политический шаг венгров, Андропов оправдывался перед Москвой, писал, что

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... Т. 1. С. 198.

² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 3. С. 84.

³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... Т. 1. С. 198.

действовал «в духе полученных мной директив»¹. В той же телеграмме содержится признание поддержки венгерским народом требования вывода советских войск: «...рабочие всех предприятий Венгрии объявили двухнедельную забастовку, требуя вывода из Венгрии советских войск»². Андропов потерпел поражение, но не сильно унывал. Он знал, что через пару дней все решится по-иному. Все пойдет по советскому сценарию.

Кадар сделал свой выбор. Ему со всей очевидностью стало ясно уже 30 октября, что ликвидация однопартийной системы в Венгрии означает «падение коммунистического строя»³. Он четко осознал – его отгесняют от руководства. Возглавляемая Кадаром ВПТ оказалась полностью деморализованной и утратила рычаги власти. Кадар принял меры по созданию новой организации – Венгерской социалистической рабочей партии, о чем объявил по радио 1 ноября 1956 года⁴. Но власть ускользала из рук. Он был всего лишь членом правительства во главе с Надьем. Уже после исчезновения Кадара из Будапешта Имре Надь сформировал 3 ноября новое правительство с представителями четырех основных партий.

А Андропов напускал туману. Утром 3 ноября он информировал Надя, что советское правительство приняло предложение о переговорах по военным аспектам вывода войск. В середине этого же дня переговоры венгров с советской делегацией во главе с генералом Малининым начались на военной базе в Текеле⁵.

Это был лишь маневр для успокоения венгров. Решение в Москве уже было принято.

Группа из семи генералов КГБ во главе с Серовым отправилась из Москвы с Центрального аэродрома 3 ноября 1956 года и прибыла в Будапешт на военный аэродром Текель⁶. Там же, на аэродроме, Серов провел оперативное совещание и определил, кто из генералов возглавит конкретные оперативные секторы КГБ. Серов не стал изобретать велосипед. Привычная ему форма организации органов госбезопасности – оперсекторы. В зоне

---

¹ Советский Союз и венгерский кризис... С. 500.

² Там же.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 2. Л. 155.

⁴ Там же. Л. 160.

⁵ Там же. Л. 197.

⁶ Гуськов А.М. Под грифом правды. М., 2004. С. 232. Правда, Гуськов датирует вылет 1 ноября.

своего действия оперсекторы КГБ в Венгрии отвечали за проведение агентурно-оперативной работы, намечали «контингент для изъятия и изоляции», а аресты проводились силами особых отделов КГБ воинских частей Советской армии.

В середине дня 3 ноября начались переговоры между венгерской и советской делегациями о выводе войск из Венгрии. Их начало было обнадеживающим. Расхождения наметились только в сроках вывода войск. Венгры предлагали завершить вывод советских войск к 15 декабря 1956 года, советская сторона настаивала на дате 15 января 1957 года. В полночь с 3 на 4 ноября 1956 года в зал переговоров на советской военной базе в Текеле, близ Будапешта прибыл Серов и объявил об аресте всех членов венгерской делегации, включая министра обороны Пала Малетера и начальника Генштаба Иштвана Ковача¹.

Эта сцена описана в отчете ООН следующим образом:

«Обсуждение в Текеле между советской военной делегацией и венгерской военной делегацией было фактически прервано появлением одного лица, "которое не имело никаких знаков отличия" – генерала Серова, главы советской полиции безопасности. Сопровождаемый советскими офицерами, он заявил, что он арестовывает венгерскую делегацию. Глава советской делегации генерал Калинин, удивленный этим вмешательством, сделал жест возмущения. После этого генерал Серов что-то сказал ему шепотом; в результате генерал Калинин пожал плечами и приказал советской делегации покинуть комнату. Венгерская делегация затем была арестована»².

Военная акция по подавлению восстания, получившая кодовое название «Вихрь», началась в 4:15 утра 4 ноября. Судьба правительства Надя была решена. Соппротивление венгров подавлено.

Итак, правительство Надя было свергнуто силой, а его преемник пришел к власти в результате военной помощи иностранного государства³. То есть был совершен военный переворот. Заметим, Имре Надь в отставку не подавал, а правительство Кадара, объявив воззвание по радио утром 4 ноября, принесло присягу только 7 ноября. В период с 4 по 7 ноября 1956 года власть в Венгрии фактически осуществляли представители советских

---

¹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 638.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 2. Л. 163.

³ Там же. Л. 202.

вооруженных сил и КГБ. Распоряжения отдавались советскими военными комендантами. Да, в неприятное положение попал Кремль. Ведь совсем недавно, в начале 1956 года, в ООН обсуждался вопрос о формулировке понятия «агрессия», причем «Правительство СССР стремилось добиться декларации Генеральной Ассамблеи о том, что в международном конфликте то государство должно быть объявлено агрессором, которое первым совершит акт "нашествия своими вооруженными силами, даже без объявления войны, на территорию другого государства". Государство должно быть объявлено совершившим акт агрессии, если оно "способствует внутреннему перевороту в другом государстве или изменению политики в пользу агрессора"»¹. Вот ведь беда – Кремль был раздавлен катком его же собственных формулировок. Не в первый и не в последний раз.

И после подавления военного сопротивления венгерские рабочие продолжали бастовать, требуя вывода советских войск. На встрече с рабочими 8 ноября 1956 года военный комендант Будапешта генерал-майор Кузьма Гребенник на требование бастующих ответил грубо и с солдатской прямоотой: «Советские войска покинут территорию Венгрии тогда, когда рак свистнет и рыбы запоют»².

В декабре 1956 года военнослужащие и сотрудники КГБ – участники акции по «усмирению» Венгрии были щедро награждены. Конечно, в печать Указ Президиума Верховного Совета СССР не попал³. Основной контингент отличившихся – в армии, КГБ и МВД. В мирное время не поспешили даже на полководческие ордена, какие обычно давали за войну. Высшей награды – ордена Ленина были удостоены 38 человек, орден Красного знамени получили 574 человека, орден Кутузова 1-й степени – 7 человек, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени – 8 человек, орден Суворова 2-й степени – 4 человека, орден Кутузова 2-й степени – 18 человек, орден Богдана Хмельницкого 2-й степени 16 человек и далее тысячи награжденных орденами и медалями более низких степеней⁴. Было и еще несколько указов о награждении. По данным Министерства обороны, потери совет-

---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 2. Л. 183.

² Там же. Л. 200.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1956 г. (ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 652–654).

⁴ Там же.

№ 257/42. 30

Без опубликования в печати

КИ ПРЕЗИДИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ССРС
 КИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО

КИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО
 КИ ОДНОГО СОВЕТА ПРЕЗИДИУМАМИ ОДНОГО

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении группы работников советских учреждений в Венгрии

За образцовое выполнение служебного долга в период
венгерских событий **н а г р а д и т ь**:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

АНДРОПОВА Врия
 Владимировича - заведующего Отделом ЦК КПСС,
 бывшего посла СССР в Венгер-
 ской Народной Республике.

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. **КАЗМИРОВА** Владимира
Николаевича - третьего секретаря посольства
СССР в Венгерской Народной
Республике.
2. **КРИЧКОВА** Владимира
Александровича - третьего секретаря посольства
СССР в Венгерской Народной
Республике.

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. **ГОСТЕНИНА** Константина
Михайловича - старшего инженера торгпредства
СССР в Венгерской Народной Рес-
публике.
2. **ГУСЕВА** Михаила Ивановича - секретаря парткома парторгани-
зации при посольстве СССР в
Венгерской Народной Республике.

Указ о награждении Ю.В. Андропова орденом Ленина
23 июня 1957

[ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 766. Л. 50]

ских войск в Венгрии составили 720 погибших и пропавших без вести и 1540 раненых¹.

Андропова в числе награжденных в 1956 году не было. Но вовсе не потому, что его деятельность не одобряли или о нем забыли. Просто он проходил по другому ведомству и свой первый орден Ленина получил 23 июня 1957 года. Как раз тогда-то и пришло время наградить дипломатов за участие в венгерских событиях. Разумеется, в печать этот указ не попал. Но основной наградой Андропову стала его дальнейшая карьера.

В Венгрии надолго запомнили Андропова. И память эта была недоброй. Он получил прозвище «жандарм в смокинге»². А потом, уже в 1980-е годы на здании советского посольства в Будапеште появилась памятная доска в честь когда-то работавшего там Андропова. Удивительно, но эта мемориальная доска до сих пор украшает здание теперь уже российского посольства.

События в Венгрии вывели Андропова в центр внимания к нему Хрущева. В самый трудный день 4 ноября 1956 года он заслужил похвалу Серова: «Советское посольство находилось на месте, мужественно неся службу во главе с послом Андроповым. Молодцы!»³. Разумеется, Серов говорил и Хрущеву о том, кто и как из советских проявил себя в сложной ситуации.

А вскоре Хрущев и сам смог составить свое мнение об Андропове. В ходе тайного блиц-визита в Будапешт 1 января 1957 года Хрущев остановился в особняке советского посольства⁴. Там же, в особняке, Хрущев ужинал с Яношем Кадаром, произносил тосты. Можно не сомневаться, Андропов произвел на Хрущева благоприятное впечатление и вскоре получил новое назначение. Хрущев пришел к мысли разделить международный отдел по связям с иностранными компартиями ЦК на два отдела⁵. В международном отделе оставить связи с коммунистическими партиями капиталистических стран, а заботу о коммунистических и рабочих партиях социалистических стран по-

---

¹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 397, 407.

² Стыкалин А.С. Указ. соч. С. 72.

³ Серов И.А. Указ. соч. С. 493.

⁴ Там же. С. 500.

⁵ О создании отделов см.: Решение Президиума ЦК КПСС П78/IV от 21 февраля 1957 г.

96

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Я, нижеподписавшийся

Андропов
(Фамилия)
Юрий Владимирович
(Имя) (Отчество)

состоя на работе в *ЦК КПСС* или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе, ни под каким видом их не разглашать и ни с кем не делиться ими.

Мне известно, что за нарушение данных мною обязательств я несу ответственность, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 года.

Также обязуюсь сообщать в ЦК КПСС о всех изменениях в сведениях, указанных в моей последней анкете, и, в частности, о родственниках и знакомых, связанных с иностранцами или выезжавших за границу.

Подпись

Андропов

10 декабря 1959 г.

Обязательство Ю.В. Андропова о неразглашении сведений
 10 декабря 1959
 [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 26]

ручить новому отделу, поставив во главе Андропова. Решением Президиума ЦК КПСС 21 февраля 1957 года Андропов был освобожден от обязанностей посла в Венгрии¹, а 6 апреля утвержден заведующим новым отделом ЦК, как будто созданным именно для него. К работе в отделе Андропов приступил 7 апреля 1957 года². Начался новый этап его жизни. Андропов соприкоснулся с самой засекреченной тайной деятельностью КПСС. Он

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 63.

² Там же. Л. 29.

получил доступ к документам «особой важности» и, соблюдая все правила, подписал обязательство о неразглашении всего того, с чем он сталкивался по работе.

Отдел, возглавляемый Андроповым, располагался в дальней части комплекса зданий ЦК на Старой площади – ближе к площади Ногина, в 3-м подъезде. Кабинет Андропова был на втором этаже по соседству с заведующим международным отделом ЦК Борисом Пономаревым, там же располагались канцелярии обоих отделов, шифровальная служба, машинописное бюро и помощники заведующих отделами¹.

Это было серьезным возвышением Андропова. Отныне он по линии ЦК отвечал за весь «соцлагерь». Конечно, над Андроповым возвышался секретарь ЦК Михаил Суслов, курировавший работу его отдела. Но все же Андропов получил самостоятельный и весьма ответственный участок работы. В возглавляемом Андроповым отделе ЦК готовили обзоры печати социалистических стран, составляли планы развития межпартийных связей – визитов, встреч, консультаций. Работники отдела готовили материалы к визитам советских партийно-государственных делегаций в социалистические страны, писали доклады, составляли тексты выступлений, наконец, сами выезжали в составе делегаций за рубеж для переговоров и обмена опытом. Андропову нравилась его новая работа. Она оказалась интересной и насыщенной событиями, и, кроме того, ввела Андропова в повседневный круг общения партийной верхушки.

Структура и штат возглавляемого Андроповым отдела были утверждены 20 мая 1957 года решением Секретариата ЦК КПСС (Ст. 41/192г). Отдел состоял из секторов по странам:

- сектор Польши и Чехословакии;
- сектор ГДР;
- сектор Румынии и Венгрии;
- сектор Албании, Болгарии и Югославии;
- сектор Китая;
- сектор Вьетнама, Северной Кореи и Монголии;
- сектор приема и обслуживания зарубежных делегаций и деятелей и редакция материалов о положении в социалистических странах;
- секретариат отдела².

---

¹ Месяцев Н.Н. Горизонты и лабиринты моей жизни. М., 2005. С. 407.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Предисловие к описи. Л. 2.

Позднее структура отдела претерпела небольшие изменения. Решением Секретариата ЦК КПСС 12 января 1964 года (Ст. 91/48г) был создан подотдел информации¹.

И тут на новом месте работы к Андропову бумерангом вернулась все еще горячая венгерская тема. Генеральная Ассамблея ООН 10 января 1957 года создала Специальный комитет для изучения всех обстоятельств событий 1956 года в Венгрии. В комитет вошли представители пяти стран: Австралии, Дании, Туниса, Уругвая и Цейлона². Спецкомитет серьезно поработал. Были опрошены 111 свидетелей и участников событий, изучены многочисленные документы. В конце июня спецкомитет опубликовал свой 2-томный доклад, состоящий из 783 параграфов. К докладу прилагались документы и карты. Рассмотрение доклада было назначено на 10 сентября 1957 года.

Андропов забил тревогу. Он подготовил 17 августа 1957 года записку в ЦК КПСС, в которой говорилось о необходимости срочно разработать контрмеры. По отзывам знакомившихся с докладом иностранцев, сообщал Андропов, «доклад написан умело и производит сильное впечатление на читателя»³. По мнению Андропова, с началом рассмотрения в сентябре доклада Спецкомитета ООН по «Венгерскому вопросу» будет развязана «клеветническая кампания против СССР и Венгрии»⁴. При этом Андропов сетовал, что советская печать «совершенно не разоблачает усиливающуюся возню вокруг “венгерского вопроса”, занимает оборонительные позиции» и совсем не ведет контрпропаганды. По мнению Андропова, пресса должна активнее и больше писать о национально-освободительном движении в Омане, Алжире и других странах и об «агрессивных действиях империалистов»⁵. Предложения Андропова были простые и вряд ли эффективные. Прежде всего издать книгу о событиях в Венгрии и послать ряд советских корреспондентов для освещения дел в Венгрии. Записку одобрили, о чем свидетельствуют короткая резолюция «Согласиться» и подписи секретарей ЦК во главе с Суловым⁶.

---

¹ Там же.

² Правда и ложь о Венгрии. Мюнхен, 1957. С. 3.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 2. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Кстати, в опубликованном докладе Спецкомитета ООН фамилия советского посла Андропова встречается не раз. Отмечены его усилия по введению в заблуждение правительства Надя относительно вывода советских войск. Теперь имя Андропова зазвучало и с трибуны ООН. На него свалилась всемирная известность, хотя и отрицательного свойства.

Наладив работу нового отдела, Андропов через несколько месяцев вспомнил и о себе. Он обратился в Секретариат ЦК 29 августа 1957 года с коротким заявлением:

«Прошу разрешить мне очередной отпуск с 5 сентября с. г.

В последние два года я отпуском не пользовался в связи со сложившимися служебными обстоятельствами»¹.

Конечно, Андропову не отказали. На письме в левом верхнем углу короткая резолюция «Согласиться» и подписи секретарей ЦК Сулова, Брежнева, Кириченко, Куусинена и Игнатова.

Встречи Андропова с Хрущевым становятся регулярными. В 1958 году он был принят Хрущевым в кремлевском кабинете дважды, в 1960 – не менее 9 раз и в 1961 – не менее 12 раз². Первый секретарь ЦК КПСС благоволил Андропову. Позднее в мемуарах Хрущев писал о событиях 1956 года: «Советским послом в Венгрии был тогда Андропов. С посольскими делами он справлялся хорошо и отлично разбирался в других событиях. Он докладывал нам обо всем со знанием местной обстановки и давал полезные советы, вытекавшие из сложившейся ситуации»³. Фраза обтекаемая, весьма казенная, но точно характеризующая отношение Хрущева к Андропову и объясняющая причины его выдворения после Венгрии.

Но помимо расположения Хрущева была и еще одна причина, по которой Андропов вскоре после подавления народного восстания в Венгрии покинул пост посла в Будапеште. Его имя оказалось тесно связанным с кровавым подавлением восстания. Высказывались предположения, что об отзыве Андропова из Будапешта просил сам Кадар⁴. Не из-за обиды, а исходя из пользы для дела. Кадару нужно было затенить свою видимую

---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 1. Л. 39.

² Посетители кремлевского кабинета Н.С. Хрущева // Источник. 2003. № 4. С. 77.

³ Советский Союз и венгерский кризис... С. 35.

⁴ Беседа автора с венгерским историком Миклошем Куном 20 октября 2022 г.

связь с Андроповым, не выглядеть его ставленником. Следовало убедить венгерскую общественность в самостоятельности нового венгерского руководства и достаточной независимости от Москвы. А нахождение Андропова в Венгрии сразу рождало воспоминания о его постоянном присутствии на заседаниях кабинета министров в дни событий и возвращало ему ореол кремлевского куратора венгерского руководства.

Есть свидетельство и о том, что бывшая дружба Андропова с Ракоши, ставшим после венгерского восстания фигурой одиночной, тоже сыграла свою роль в отзыве посла¹. И в этом случае в Кремле учли мнение и положение Кадара.

Андропов не выпускал из поля зрения своих сослуживцев по Будапешту. Как только в августе 1959 года Владимир Крючков, завершив работу в посольстве, прибыл в Москву, его тут же разыскал Андропов и пригласил на работу в свой отдел. Он сколачивал свою команду. Крючков, поначалу ставший референтом в секторе Венгрии и Румынии, довольно быстро выдвинулся на должность заведующего сектором, а затем стал помощником секретаря ЦК Андропова².

Испытанием на работоспособность и крепость нервов явилось для Андропова Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в ноябре 1960 года. Уже тогда наметились принципиальные разногласия между КПСС и Компартией Китая, сложности возникли и с Албанской партией труда. Принятие согласованного итогового документа стоило нервов и Хрущеву, и Андропову, отвечавшему за контакты с этими партиями.

Предварительный зондаж Хрущев провел в Бухаресте в июне 1960 года среди делегаций компартий, прибывших в качестве гостей на съезд Румынской рабочей партии. Он пытался перетянуть на свою сторону строптивых, не желавших безоговорочно осудить идеологическую линию Компартии Китая. Албанцы оценили это как заговор против Китая и категорически отказались идти на поводу у Кремля. Об этом вспоминал Энвер Ходжа:

«Хрущевцы встревожились по поводу того, что заговор взрывался у них в руках. Начались хождения, “советы”, “дружественные консультации и беседы”, нажимы под маской шуток и улыбок. Андропов, человек закулисных махинаций и козней

¹ Млечин Л. Юрий Андропов... С. 85.

² Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 71–72, 77, 79.

282 № 249/22.

Не подлежит опубликованию

10 ПРЕЗИДИИ ВЕРХОВОЙ РАДИ СССР
 В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 В ОДИН СОВЕТ ПРЕЗИДИУМОВ ФАМИЛИИ
 В ИМЕНАМИ СОВЕТА ПРЕЗИДИУМОВ ИМЕН
 ИМЕН СОВЕТА РАССАЕТ ИМЕНАМИ ФАМИЛИИ
 В ИМЕНАМИ СОВЕТА РАССАЕТ ИМЕНАМИ

10 ПРЕЗИДИИ ВЕРХОВОЙ РАДИ СССР
 В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 В ОДИН СОВЕТ ПРЕЗИДИУМОВ ФАМИЛИИ
 В ИМЕНАМИ СОВЕТА ПРЕЗИДИУМОВ ИМЕН
 ИМЕН СОВЕТА РАССАЕТ ИМЕНАМИ ФАМИЛИИ
 В ИМЕНАМИ СОВЕТА РАССАЕТ ИМЕНАМИ

УКАЗ**ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

О награждении орденами и медалями СССР группы работников Международного отдела и Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран

За выполнение ответственных поручений Центрального Комитета КПСС **наградить**:

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. **АНДРОПОВА Юрия Владимировича** - заведующего Отделом ЦК КПСС.
2. **АРЗУМАНЯНА Анушавана Агафоновича** - директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.
3. **ИЛЬЧЕВА Леонида Федоровича** - заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам.
4. **КОЛЕСНИКОВА Сергея Ивановича** - заведующего сектором Отдела ЦК КПСС.
5. **КОРИОНОВА Виталия Германовича** - заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС.
6. **КУСКОВА Елизабара Ильича** - ответственного консультанта Международного отдела ЦК КПСС.
7. **МАНЧУА Петра Ивановича** - референта Международного отдела ЦК КПСС.
8. **МЕДВЕДЕВА Игоря Николаевича** - заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС.

Указ о награждении Ю.В. Андропова орденом Трудового Красного Знамени

15 февраля 1961

[ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 77. Д. 141. Л. 282]

(поэтому его и сделали начальником КГБ), относился к числу наиболее активных, он из кожи вон лез, чтобы заставить нашу партию примкнуть к заговору»¹.

Действительно нажим был сильным. Но албанские коммунисты не дрогнули, продолжая гнуть свою просталинскую линию, смыкаясь с позицией китайцев. Позицию КПСС Ходжа оценил как «организованный заговор против марксизма-ленинизма», добавив: «Хрущев и его компания показывают там свое лицо ярых ревизионистов, поэтому мы не дадим ревизионистам никаких поблажек, даже если одни против всех останемся»².

Многочисленные сотрудники аппарата ЦК, готовившие совещание компартий и трудившиеся в поте лица, были награждены, и среди первых Андропов. И этот указ, как и предыдущий, не был опубликован. Похоже, стеснялись показать народу, как щедро осыпались орденами работники аппарата ЦК КПСС.

Между тем идеологические противоречия между Москвой и Тираной углублялись. Албанцы категорически отказались осудить культ Сталина и продолжали решительно выступать против Тито и Югославии. Андропов был на острие событий и в самой гуще полемики. В ход шли посулы, увещевания и угрозы. Воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, когда албанский премьер Мехмет Шеху лег в Кремлевскую больницу на лечение, Андропов организовал ему встречу «на высоком уровне», подключив главного кремлевского хитреца. Шеху вызвали к Микояну «на какое-то совещание, где присутствовали также Андропов и, кажется, начальник госбезопасности, Шелепин», беседа длилась около четырех часов. В больнице с Шеху также беседовал Косыгин, убеждая его осудить Китай³.

В феврале 1961 года Андропова направили на 4-й съезд Албанской партии труда (АПТ) в составе делегации КПСС во главе с секретарем ЦК Пospelовым. В состав делегации помимо них был включен посол СССР в Албании Шикин. Об этом Шикин проинформировал члена Политбюро ЦК АПТ Рамиза Алию, посетив его лично 6 февраля 1961 года⁴. Энвер Ходжа был уверен, что «хрущевцы» затеяли внести раскол в ряды АПТ на съезде

¹ Ходжа Э. Хрущевцы... С. 428.

² Там же. С. 429.

³ Он же. Избранные произведения. Тирана, 1988. Т. 6. С. 652.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 404. Л. 34.

и восстановить делегатов против руководства: «Они надеялись, что и в Албании произойдет ревизионистский катаклизм»¹.

Как вспоминал Ходжа:

«Речь Пospelова, которая по расчетам ревизионистов должна была вызвать раскол на нашем съезде, совершенно не вызвала аплодисментов, наоборот, делегаты съезда встретили ее холодно и с пренебрежением. Андропов с ложи открыто указывал своим марионеткам, когда аплодировать, когда сидеть, а когда вставать»².

Советских представителей возмутила обстановка прославления и культа руководителя АПТ Энвера Ходжи:

«Что это такое?! – разгневанно обратился Андропов к сопровождавшему его работнику аппарата Центрального Комитета партии.

– Зачем такие бурные возгласы в адрес Энвера Ходжа?!»³.

В конце концов в кулуарах съезда Андропов вступил в публичную перебранку с албанским лидером Энвером Ходжей, грозя ему на повышенных тонах⁴. Пospelов и Андропов потерпели поражение. Албанские руководители организовали съезд так, что получили картину полной и безоговорочной поддержки со стороны делегатов. Тех, кто представлял опасность, включая иностранных гостей, они методично и тихо удаляли со съезда. Подавили и внутреннюю оппозицию. Раскола не произошло.

После окончания съезда Пospelов и Андропов попросили албанское руководство о встрече. Пospelов обратился к Ходже с миролюбивой речью и призывом дружить. В ответ Ходжа напомнил об «антимарксистских и антиалбанских» действиях со стороны КПСС и заявил, что «на том пути, на который встало советское руководство, никак не может быть дружбы»⁵.

Вернувшись в Москву, Андропов продолжил плести интриги против албанцев. Здесь он полностью следовал указаниям Хрущева. В соавторстве с заместителем министра иностранных дел Василием Кузнецовым он направил в ЦК 23 марта 1961 года записку о том, что в Албании тиражом 3 тысячи экземпляров была напечатана на русском языке брошюра с докладом Энвера Ход-

---

¹ Ходжа Э. Хрущевцы... С. 490.

² Там же. С. 492–493.

³ Там же. С. 493.

⁴ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990. С. 136.

⁵ Ходжа Э. Хрущевцы... С. 496.

*П.Н. Поспелов
[Из открытых
источников]*

*Энвер Ходжа
1968
[Из открытых источников]*

жи на состоявшемся съезде АПТ. Брошюра завезена в посольство Албании в Москве и ее собираются распространять. Андропов в этом увидел крамолу: в докладе содержится «в завуалированной форме критика внешней и внутренней политики ЦК КПСС и Советского правительства, а также решений Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 г.»¹.

Андропов и Кузнецов предложили принять меры и не допустить рассылки посольством этой брошюры. Во-первых, заявить послу Албании в устной форме протест против рассылки, мотивировав это нарушением принятых в стране порядков, когда всю иностранную литературу должно распространять только Всесоюзное объединение «Международная книга». Во-вторых, дать указание Главлиту принять меры к недопущению распространения указанного доклада Ходжи в СССР. На документе резолюция с согласием Хрущева и Суслова и помета: «В архив. МИД

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 404. Л. 38.

сделал устное заявление албанскому послу в Москве. 2. Главлиту (т. Романов) указание дано. 1.04.61»¹.

Итак, заявление сделано и указание дано. Но албанский посол не внял. Председатель КГБ Шелепин 30 марта 1961 года сообщил в ЦК КПСС, что посольство Албании рассылает доклад Ходжи по стране в партийные и советские органы – всего в 183 адреса. При этом Шелепин писал: «В речи излагаются задачи партии и ее верность историческим документам, принятым в Москве в 1957 и в 1960 годах, решимость бороться за укрепление единства международного коммунистического движения и социалистического лагеря во главе с Советским Союзом»².

Это что же такое? Председатель КГБ не увидел в брошюре ничего крамольного, не разглядел чего-то «завуалированного», а Андропов все, что нужно, разглядел и понял – поразительно! Вот, что значит политический нюх. Андропов лучше Шелепина знает, чего хочет Хрущев.

Письму КГБ Андропов не дал хода, и от мнения Шелепина отмахнулся, сделав помету на документе: «В архив. По этому вопросу принято решение по записке Отдела и МИДа. Андропов. 1.04.61»³.

Посол в Албании Шикин продолжал нагнетать обстановку и 8 июля 1961 года направил в отдел ЦК Андропову объемную записку «О проявлениях национализма и национальной ограниченности в Албании» на 27 страницах. Там было все – от исторического экскурса и фактов ограничения продажи советских периодических изданий – журнала «Коммунист» и речей Хрущева до даже такого факта, что дети албанских руководителей перестали в школе учить русский язык. В магазине «Советская книга» в Тиране, по утверждению Шикина, властями был установлен надзор за покупателями. И вообще, заключал посол, албанцы ведут «особую линию» и совершают нападки на КПСС⁴.

В августе 1961 года произошел уже совсем отвратительный случай. В Москву съехались лидеры стран Варшавского блока для участия в заседании 3 августа с обсуждением Мирного до-

---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 404. Л. 38.

² Там же. Л. 40.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 403. Л. 21–31.

говора с Германией¹. Энвер Ходжа не поехал на совещание, и вместо него делегацию Албании возглавил член Политбюро ЦК АПТ Рамиз Алия. На заседании было заявлено о «неправомочности» делегации Албании, так как все остальные страны были представлены высшими руководителями. Албанцы возражали, мотивировав тем, что каждая страна сама вправе решать, кто ее представляет.

«Дебаты по этому вопросу проходили довольно остро. Убедившись, что албанская делегация отказывается покинуть зал, Хрущев, который председательствовал на этом заседании, предложил объявить перерыв и перейти в Грановитую палату. Все делегации вышли из зала. За столом переговоров остались сидеть только албанцы. Узнав об этом, Хрущев поручил выключить освещение в Георгиевском зале и передать албанцам, что заседание ПКК переносится на следующий день. Так албанская делегация вынуждена была покинуть Кремль и вылететь в Албанию»².

В тот же день Рамиз Алия направил Хрущеву письмо с протестом, что ему не дали выступить и лишили права участвовать в заседании. К письму он приложил текст своего выступления для приобщения к протоколу³. Позднее Андропов, перед тем как отправить эти бумаги в архив, сделал помету на документах о том, что совещание первых секретарей коммунистических и рабочих партий стран участниц Варшавского договора «признало албанскую делегацию во главе с Р. Алия неправомочной принимать участие в данном совещании»⁴.

Все. Албанию фактически исключили из советского блока. В феврале 1961 года из Тираны был отозван старший консультант КГБ и упразднен Аппарат старшего консультанта КГБ при МВД Албании. Никакой общей работы и координации действий по линии госбезопасности между СССР и Албанией отныне быть уже не могло. Это развязывало руки советской разведке для планирования работы против Ходжи и его окружения. И план действий, предусматривающий начало агентурной работы про-

---

¹ Веттиг Г. Н.С. Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов: Политика угроз и возведение Берлинской стены. М., 2007. С. 179–182.

² Бернов Ю.В. Записки дипломата. М., 1995. С. 76.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 403. Л. 83.

⁴ Там же. Л. 106.

тив Албании, был представлен на рассмотрение ЦК КПСС уже в конце 1961 года.

Предложения подготовил новый председатель КГБ Семичастный, сменивший в этой должности Шелепина. В письме КГБ при СМ СССР № 3051-с от 23 декабря 1961 года предусматривалось действовать предельно осторожно, не показывая, что за всей агентурной активностью скрывается СССР. «В целях своевременного получения информации о враждебных КПСС и Советскому Союзу планах и практической подрывной деятельности албанских руководителей и проведения мероприятий по разоблачению их деятельности» Комитет госбезопасности предлагал через своих агентов – иностранцев на территории Италии и Франции установить деловые контакты с албанскими внешнеторговыми организациями и от имени фирм дарить албанским руководителям дорогие подарки – радиоприемники, магнитофоны и телевизоры, оборудованные подслушивающей техникой¹. Пункт съема информации предлагали сделать в пустующем советском посольстве в Тиране, где оставались технические работники по охране имущества и зданий. Кроме того, в Италии, Франции и Турции предлагалось «организовать работу по изучению командированных в эти страны албанцев в целях вербовки их под чужим флагом»². Ну и, наконец, продвигать через завязанные контакты с албанцами и китайцами выгодную СССР дезинформацию и публиковать в западной прессе соответствующие материалы. Семичастный просил согласия ЦК и особо подчеркнул: «Все перечисленные мероприятия осуществлять крайне осторожно и с соблюдением строгой конспирации»³.

Все эти предложения были подготовлены в 11-м отделе 1-го Главного управления КГБ, занимавшегося координацией работы с социалистическими странами. То есть это была зона ответственности Андропова, но его в этот план не посвятили, уж больно горячей была тема. В Кремле долго думали, и реакция руководства последовала почти через два месяца. Из ЦК 12 февраля 1962 года сообщили: «С данной запиской ознакомлены товарищи Хрущев Н.С. и Козлов Ф.Р., вопрос оставлен открытым».

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 8. Д. 27. Л. 400–401.

² Там же.

³ Там же.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ноябрьский пленум (1962) ЦК КПСС вознес Андропова на заметную высоту. Его избрали секретарем ЦК. Повысили не только Андропова, но и статус руководимого им отдела. Теперь отдел ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран должен возглавлять секретарь ЦК. Предложение об избрании Андропова внес на пленуме сам Хрущев:

«У нас заведующим Отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами работает т. Андропов. Он член ЦК. Его тоже все знают очень хорошо, он показал себя на этой работе, и мы бы хотели рекомендовать членам Пленума ЦК избрать его секретарем Центрального Комитета.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Он, собственно, фактически и выполняет эти обязанности. Но когда ему надо поехать за границу, то у нас встречаются трудности, что, мол, уровень заведующего Отделом, хотя он сам может представлять наш Центральный Комитет, как он уже представлял его, и хорошо представлял. Давайте мы дадим ему и положение в партии с тем, чтобы можно было его посылать за границу, и тогда делегация будет соответствовать более высокому уровню. А сам он как коммунист, как член ЦК известен партии, характеристику ему давать с моей стороны вряд ли правильно было бы, его знают все»¹.

Пленум дружно проголосовал за Андропова. В результате заметно расширились представительские функции нового секретаря ЦК. Он мог уже сам возглавлять делегации ЦК КПСС, направлявшиеся в «братские страны», не нуждаясь в прикрытии сверху более высоким лицом в качестве главы делегации.

Теперь Андропов смело и напрямую выходил на Хрущева в решении всех вопросов. Промежуточного звена в лице Сулова между ними уже не было. Контакты Андропова и Хрущева вышли на новый уровень. В 1962 году зафиксировано не менее 12 его визитов в кремлевский кабинет Хрущева, в 1963 – не менее 26 визитов и в 1964 – не менее 16 визитов². В аппарате ЦК Андропов «был известен как умный, эрудированный и проницательный человек»³.

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 604. Л. 4.

² Посетители кремлевского кабинета Н.С. Хрущева. С. 77.

³ Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 264.

*Переговоры Н.С. Хрущева с И.Б. Тито. Третий слева –
Ю.В. Андропов
Москва, 7 декабря 1962
[РГАКФД]*

*Янош Кадар, Арвид Пельше и Ю.В. Андропов
Москва, 19 декабря 1962
[РГАКФД]*

Избрание секретарем ЦК означало новый и заметный статус в партийной номенклатуре. Теперь Андропову, помимо возросшей зарплаты, полагались личная охрана силами 9-го управления КГБ, служебная дача, персональная машина. А по службе – штатный помощник и референт. Ну и, само собой понятно, прикрепление к кремлевской поликлинике, лечебное питание и прочие блага специального снабжения. Как говорится, «обеспечь, раз я достоин!».

Во многих биографиях Андропову упорно приписывают Куусинена в качестве наставника и покровителя. С 1957 года после поражения «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Кагановича и др. Куусинен был избран членом Президиума и секретарем ЦК КПСС. Его синекуру в виде Карело-Финской ССР упразднили еще в 1956 году, преобразовав союзную республику в автономную. Куусинен занимал декоративный пост председателя Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР и при этом постоянно проживал в Москве, временами лишь наведываясь в Петрозаводск. После упразднения республики он оставался членом Президиума Верховного Совета СССР, хотя никакой республики «под ним» уже не было. А вскоре ему нашли должность – избрали секретарем ЦК. В сферу его ответственности вошли «вопросы международных партийных связей преимущественно по капиталистическим странам»¹. То есть Куусинен формально по работе не имел точек соприкосновения с Андроповым. Они курировали разные сферы.

По политическому уровню – член Президиума ЦК – Куусинен вполне мог выступать представителем Кремля в любых внешнеполитических контактах. По слухам, Куусинен в 1962 или 1963 году провел секретную встречу с Мао Цзэдуном, пытаясь урегулировать вконец расстроившиеся отношения между КПСС и КПК². Так это или не так – трудно сказать. В архивном личном фонде Куусинена довольно бедно представлены его служебные бумаги. Не видно никакой переписки позднего времени, которая могла бы пролить свет на его отношения с Андроповым. Были ли они, служебные или личные, насколько тесными – обо всем этом остается только строить догадки. В его архиве наброски статей и очерков, политические доклады – все это, конечно, характеризует самого Куусинена, но повседневные контакты не раскрывает.

---

¹ Петров Н.В. Иван Серов – председатель КГБ. М., 2021. С. 397.

² Куусинен А. Указ. соч. С. 215.

39509

36

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

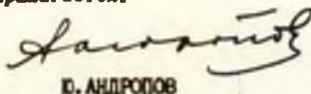
В январе 1963 года исполняется 100 лет со времени восстания 1863 года в Польше. По сообщению посольства СССР в ПНР, польские друзья готовятся широко отметить эту годовщину.

В буржуазной Польше ближайшие даты этого восстания правящие классы обычно использовали для разжигания национализма и вражды к народам Советского Союза, освещая это событие в искаженном националистическом антирусском духе. В связи с этим ЦК ПОРП в своих мероприятиях, связанных с празднованием столетнего юбилея, особое внимание обращает на марксистско-ленинское освещение истории и значения этого восстания, подчеркивает широкое участие в нем русских, белоруссов, украинцев и литовцев, как проявление братской помощи польскому народу и пример совместной борьбы наших народов против царского самодержавия.

По мнению МИД СССР и Отдела ЦК КПСС, в связи с исполнением в январе 1963 года 100-летия восстания 1863 года в Польше было бы целесообразно провести также и в Советском Союзе ряд мероприятий. Все эти мероприятия согласованы с соответствующими ведомствами и организациями.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

В. КУЗНЕЦОВ

Ю. АНДРОПОВ

28 сентября 1962 года

№ 10-1-1112

4лз

Записка Ю.В. Андропова и В.В. Кузнецова о 100-летию восстания в Польше

28 сентября 1962

[РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 236. Л. 36]

Андропов Ю.В. Ленинизм
озаряет наш путь.
Брошюра
1964
[Архив автора]

Действительно, в последние годы он включился в полемику с китайцами, а это была сфера ответственности Андропова.

Конечно, надо признать, Куусинен хорошо знал Андропова. Но их отношения были прежде всего служебными. Георгий Арбатов, трудившийся в возглавляемой Куусиненом команде авторов учебного пособия «Основы марксизма-ленинизма», вспоминал, как трижды в год Куусинен в воскресенье «на целый день собирал у себя на даче всех, с кем он непосредственно – либо по службе, либо творчески – работал (начиная с видных ученых, партийных работников и включая своих секретарей)»¹. Но Андропова среди них не было. Однако из поля зрения Куусинена Андропов не пропадал. Например, именно Куусинен познакомил в 1958 году Арбатова с Андроповым, а позднее, в мае 1964 года, Арбатов был принят на работу в ЦК в отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран².

¹ Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 62.

² Там же. С. 80.

В фонде Куусинена его заметки и рукопись по «левому оппортунизму» против Мао составляют 6 томов¹. Отдельный том – заметки «Об ошибках Гароди». Здесь Куусинен теоретизирует: «Где у Ленина и Маркса (и Энгельса) то положение, что наука исчерпывает всю философию, кроме гносеологии (ср. Гароди, с. 34–35)»². Куусинен пребывал в обстановке счастливой и сытой старости. Опасение ареста в сталинские времена, политические бури – все осталось в прошлом. Он вполне у дел – должность, зарплата, высокое положение и на всем готовом у государства, а в то же время есть возможность заниматься литературным творчеством, конечно, с политическим уклоном. Его жена Айно писала, что «о Финляндии Куусинен говорил всегда с ненавистью, не любил даже свой язык». Но может быть, под старость все изменилось, и он все же вновь полюбил финский язык. В бумагах Куусинена сохранились различные заметки о финском эпосе «Калевала» и «о значении поэзии в борьбе народа»³.

Куусинен умер за несколько месяцев до отставки Хрущева. Андропов стоял в почетном карауле, поднимался на трибуну мавзолея на похоронах Куусинена 19 мая 1964 года, но с речью не выступал⁴. Он был одним из секретарей ЦК, и присутствие на прощании с членом Президиума ЦК было для него обязательным. Так что, скорее всего, почтил память соратника по Карелии по долгу службы, а не по зову сердца.

Андропов часто сопровождает Хрущева в его поездках в социалистические страны. Он прочно прописался в его свите. Апофеозом возвышения Андропова при Хрущеве стало его выступление с докладом на традиционном торжественном заседании, посвященном очередной годовщине со дня рождения Ленина, в апреле 1964 года. Доклад Андропов озаглавил кратко и емко: «Ленинизм озаряет наш путь». В меру пославословив в адрес Хрущева, Андропов в духе времени обрушился на китайских руководителей за «гегемонию», «клеветнические статьи» и подмену ленинизма «маоцзедунизмом». Вконец расстроившиеся отношения с Китайской коммунистической партией тоже входили в сферу ответственности секретаря ЦК Андропова. Ряд абзацев из этой речи позднее при публикации были выброшены из сбор-

¹ РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 3. Д. 12–16.

² Там же. Д. 8. Л. 10.

³ Там же. Оп. 2. Д. 93–95.

⁴ Правда. 1964. 20 мая.

ников статей и речей Андропова в послехрущевскую эпоху. Например, такой:

«Наша партия, весь советский народ тесно сплочены вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС во главе с товарищем Н.С. Хрущевым. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Хорошо известно, какую огромную роль и какое мужество революционера-ленинца проявил товарищ Н.С. Хрущев в борьбе за торжество ленинских норм государственной и партийной жизни. (Аплодисменты.) Историческая заслуга Никиты Сергеевича Хрущева состоит в том, что он возглавил борьбу за ленинский курс XX съезда КПСС, за ликвидацию тяжелых последствий культа личности Сталина, за творческое развитие ленинизма применительно к новым условиям. (Аплодисменты.) Товарищ Н.С. Хрущев завоевал полное признание всей нашей партии, всего советского народа, всех марксистов-ленинцев как смелый новатор, революционер, человек, хорошо знающий интересы и запросы трудящихся, выражающий в практических делах жизненную силу ленинского учения. (Аплодисменты.)

Мы, советские коммунисты, гордимся высокой оценкой деятельности товарища Н.С. Хрущева, которую дали марксистско-ленинские партии в день его семидесятилетия. (Аплодисменты.) Мы расцениваем это как выражение поддержки и одобрения ленинского курса нашего ЦК и всей партии. (Аплодисменты.)»¹.

Доклад произвел впечатление. Наблюдатели отмечали: «Андропов сейчас растет и... весьма плодовит именно в идеологической области»². Хрущев был весьма снисходителен к Андропову. Резко отзываясь о некоторых членах Президиума ЦК, он щадил самолюбие своего выдвиженца и не устраивал ему публичных разносов. Например, на заседании 28 марта 1964 года при всем своем неудовольствии не был резок. Об этом свидетельствует краткая дневниковая запись Брежнева: «Записка – Пономарева Андропова, неудачная – положить. Считать, что этого документа не было»³.

А Андропов был очарован Хрущевым и относился к нему с нескрываемым уважением. Как вспоминал Александров-Агентов:

---

¹ Андропов Ю.В. Ленинизм озаряет наш путь. М., 1964. С. 27–28. Сравни: Он же. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 62.

² Млечин Л. Юрий Андропов... С. 103.

³ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 3. С. 426.

«Однажды, я помню, он сказал мне о нем (в связи с указанием Хрущева воздержаться от личных нападок на Мао, несмотря на спор с Китаем): “Вот это – настоящий коммунист с большой буквы!”»¹.

Андропов был крайне осторожен и осмотрителен в выстраивании отношений с соратниками Хрущева. Характерный эпизод. В канун нового 1964 года, провожая на Кубу своего заместителя Николая Месяцева, включенного в свиту Подгорного, на аэродроме, обняв на прощанье коллегу, Андропов шепнул ему на ухо: «Ты там в общении с Подгорным будь повнимательнее к нему, свою независимость попридержи, а то получишь под зад»². Точно так же предостерегал работника своего отдела Федора Бурлацкого, отличавшегося смелостью суждений, чтобы он не «подставлял бока»³. Андропов всегда был как будто настороже. Как отмечал Месяцев, «в нем сидел страх – застарелый, ушедший в глубины и прорывающийся наружу в минуты возможной опасности»⁴. И другие его сослуживцы пишут о том же: Андропов «вообще очень расстраивался, даже терялся, когда его критиковало начальство», по причине «глубоко сидящего во многих представителях его поколения синдрома страха перед вышестоящими – очень типичного порождения периода культа личности»⁵.

Иногда страх отступал, и Андропов становился разговорчив. В беседе со своим заместителем Месяцевым он вдруг ударился в воспоминания и рассказал, как в Ярославле его подчиненный работник обкома комсомола Анатолий Суков состряпал на него донос о связях с «врагами народа».

«Не посадили, – рассказывал Юрий Владимирович, – благодаря вмешательству первого секретаря обкома партии, а так не сидели бы мы, Николаша, вместе с тобой в этом доме». Месяцев замечает, что знал Сукова. «Он в начале 50-х годов сочинил одну или две пьесы. Но приобрел громкое имя не на поприще драматургии, а в так называемой борьбе с космополитами – грубой, позорящей страну кампанией». И следом Месяцев спросил: «А с Суковым вы, Юрий Владимирович, позже не объяснились по поводу его бессовестной стряпни?» – «Нет, я не мстительный.

¹ Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 264.

² Месяцев Н.Н. Указ. соч. С. 428.

³ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 48.

⁴ Месяцев Н.Н. Указ. соч. С. 427.

⁵ Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 113.

Время уже осудило его. Решения XX съезда партии в этом смысле совершенно определенны»¹.

Ответ, конечно, благородный и не без высокопарности. Но может быть, Андропов что-то слышал о судьбе Сурова, о том, что его исключили из Союза писателей и из партии? И оттого и не пылал жаждой отмщения. Человек ведь и так был раздавлен. А судьба у Сурова интересная. Родился в Павлодаре и там же окончил школу-десятилетку с педагогическим уклоном в 1929 году. Писал в анкетах: «...отец расстрелян колчаковцами в 1918 году». По окончании школы устроился преподавать обществоведение, а через год он уже заведующий районо в Павлодаре. С сентября 1932 по март 1933 года учился в Институте истории и философии в Москве. И все. Образование на этом закончилось, зато началась комсомольская карьера и газетная работа. Был организатором комсомольской марксистско-ленинской учебы в политотделе Восточно-Сибирской железной дороги в Иркутске, с мая 1936 года корреспондентом газеты «Гудок» в Москве. По городам жизнь его помотала. В Ярославле работал с мая 1937 года сначала заведующим производственным отделом газеты «Стахановец транспорта», а затем с мая 1939 по июнь 1940 года ответственным редактором областной комсомольской газеты, как раз во время пребывания Андропова первым секретарем обкома ВЛКСМ. В июле 1940 года переброшен на работу в Алма-Ату.

Перед войной работал ответственным редактором республиканской газеты ЛКСМ Казахстана, затем редактором «Казахстанской правды». В январе 1943-го переведен в Москву на работу в «Комсомольскую правду», был ответственным редактором журналов «Комсомольский работник» в 1944–1945 годах и «Смена» – в 1945–1947 годах. Вступил в Союз писателей, написал несколько пьес, был дважды удостоен Сталинской премии 2-й степени, в 1949 и 1951 годах.

После смерти Сталина борец с космополитизмом Суров вышел в тираж. Его пьесы не ставили как политически и морально устаревшие, а самого в апреле 1954 года исключили из Союза писателей и в июле 1954 года – из партии. Но не за борьбу с космополитизмом, а за «морально бытовое разложение и недостойное коммуниста и писателя поведение»². Его художества на бытовой почве были вполне типичными: «на протяжении дли-

---

¹ Месяцев Н.Н. Указ. соч. С. 409.

² РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 17. Д. 3779. Т. 2. Л. 64–65 об.

тельного времени занимался пьянством и устраивал дебоши». А вот и конкретные примеры, изложенные сухим языком партийного дела: «4 февраля 1954 г. в пьяном состоянии он устроил драку в квартире со своим шофером. С работниками скорой медицинской помощи, приехавшими для оказания помощи шоферу, вел себя грубо, обзывал их нецензурными словами. 14 марта 1954 г., придя в пьяном виде на избирательный участок № 24 в день выборов в Верховный Совет СССР, получил бюллетень и демонстративно вычеркнул кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, не заходя в кабину»¹. Между прочим, в избирательном бюллетене значилась фамилия члена Президиума ЦК КПСС Николая Булганина, баллотировавшегося в Совет национальностей². Вот на кого замахнулся! После такой политической демонстрации (попробовал бы он проделать подобное в сталинское время) терпение у парторганизации Союза писателей лопнуло. История с дракой получила широкую известность. Корней Чуковский записал в дневнике 19 марта 1954 года: Суров «дал по морде и раскроил череп своему шоферу и, когда приехала врачиха, обложил ее матом»³.

— А еще Сурова обвиняли в плагиате и присвоении не им написанных пьес. Но в суде ему удалось отбиться от обвинений лишь в плагиате⁴. Все остальное вышло наружу. В литературных кругах злословили: «...пользуясь гонениями против космополитов, путем всяких запугиваний, принудил двух евреев написать ему пьесы, за которые он, Суров, получил две сталинских премии!»⁵.

В сентябре 1956 года Сурова восстановили в партии, и через два года он устроился главным редактором на работу в Гостелерадио и, между прочим, с 1964 года трудился под началом Николая Месяцева. В декабре 1960 – декабре 1964 года он специальный разъездной корреспондент, а затем комментатор. С сентября 1970 года – скромный пенсионер в Москве. Пишут, что в 1982 году Суров был восстановлен в рядах Союза писателей, и даже связывают это с приходом Андропова к власти, дескать, простил теперь уже не опасного недруга. Но, во-первых,

¹ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 17. Д. 3779. Т. 2. Л. 65.

² См. список депутатов Верховного Совета СССР: Правда. 1954. 18 марта.

³ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 251.

⁴ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 17. Д. 3779. Т. 2. Л. 65 об.

⁵ Чуковский К.И. Указ. соч. Т. 2. С. 265.

Н.Н. Месяцев
[Из открытых источников]

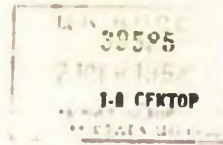
его имени нет в справочном издании «Писатели Москвы»¹, во-вторых, нигде нет сведений о том, что он опубликовал хоть какое-нибудь литературное произведение после 1963 года².

О чем Суров в конце 1930-х писал в бумаге, разоблачающей Андропова, и какие обвинения выдвигал, можно только предполагать. Может быть, развивал тему неясного социального и национального происхождения областного вожака ярославской комсомолии? Учитывая более позднее деятельное участие в разоблачении «безродных космополитов» – в кампании, замкнувшейся на евреях, можно догадаться: Суров имел обостренный нюх на «не наших». И этот нюх ему был свойственен всегда – с этим не рождаются, но впитывают с детства и юности. А слухи и сплетни в обкомовской среде об Андропове и его «анкетных трудностях» гуляли широко. Любопытно, что Суров покинул Ярославль сразу вслед за Андроповым, в июне 1940 года. Таким образом, их противостояние было исчерпано. Действительно, ненормальная и нервная ситуация, когда редактор областной комсомольской газеты в конфликте со своим руководителем – первым секретарем обкома ВЛКСМ.

¹ Писатели Москвы: Библиографический справочник. М., 1985.

² Суров А.А. Одного кремня искры (Иртышские были). М., 1963.

103

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Отдел ЦК КПСС представляет проект постановления ЦК КПСС о направлении советской делегации на празднование 15-й годовщины КНР в соответствии с приглашением руководящих органов Китая (телеграмма из сопосольства в Пекине № 984-985 от 16 сентября 1964г.).

В ответном письме китайским руководителям следовало бы наметнуть на фарисейский характер присланного приглашения, особенно устных разъяснений китайских официальных лиц. Это важно сделать и потому, что руководители КПК непременно попытаются использовать письмо в своих целях и возможно опубликовать его.

Считали бы также целесообразным опубликовать в печати информацию о направлении советской делегации в КНР, в которой изложить основное содержание нашего ответного письма без прямого упоминания о нем.

Такая информация будет одновременно ориентировать другие страны, получившие приглашение от Китая, об отношении Советского Союза к празднованию 15-й годовщины КНР.

Проекты постановления ЦК КПСС, ответного письма китайским руководителям, указания сопослду в Китае, информации в печати и директив главе советской делегации прилагаются.

Просим рассмотреть.

Зав.Отделом ЦК КПСС по связям
с коммунистическими и рабочими партиями
социалистических стран

(И.Андропов)

21 сентября 1964 года

79-7-1457

Ззм

Записка Ю.В. Андропова о направлении советской делегации на празднование 15-летия образования КНР

21 сентября 1964

[РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 538. Л. 103]

*А.И. Микоян вручает Ю.В. Андропову орден Ленина
24 июля 1964
[РГАКФД]*

В связи с 50-летием Андропов был награжден орденом Ленина. В отличие от предыдущих двух наград, полученных без огласки, это награждение попало в печать. Орден Андропову 24 июля 1964 года вручил только что избранный председателем Президиума Верховного Совета СССР Анастас Микоян.

Полвека прожито. Здоровье у Андропова стало пошаливать. Причиной тому могли стать нервные нагрузки, да и свалившаяся на него пугающая проблема – до него дошло о готовящемся смещении Хрущева. Он, узнав о таком, был просто в замешательстве. Как быть и с кем быть? Андропову хватило чутья и опыта тихо отсидеться, не включаясь в дело. Неизвестно ведь, чья возьмет. И у него перед глазами был наглядный пример. Вот Шепилов в июне 1957 года примкнул, как казалось, к большинству членов Президиума ЦК, вздумавших сместить

Хрущева, и в итоге вся жизнь под откос и это навсегда прилепившееся к нему обидное словосочетание «и примкнувший к ним».

Похоже, что в заговоре против Хрущева Андропов вообще участия не принимал. Хорошо информированный помощник Брежнева Александров-Агентов пишет: «А о каком-либо участии Андропова в подготовке смещения Хрущева мне ничего не известно»¹. Его влияние в аппарате ЦК было минимальным, и заговорщикам он просто не был нужен². Тем не менее не знать о готовящемся смещении Хрущева он не мог. Судя по тому, что Андропов и после прихода к власти Брежнева сохранил свой секретарский пост, его главной заслугой было то, что он не побежал к Хрущеву «сдавать заговорщиков». А на заседании Президиума ЦК 13–14 октября 1964 года, когда решилась судьба Хрущева, Андропов, на второй день определившись, бросил только одну реплику: «Правильно делает Президиум, предложения поддерживаю»³. Пишут, что наряду с Полянским, Шелепиным и Демичевым Андропов принимал участие в подготовке доклада об ошибках Хрущева, с которым Суслев выступил на пленуме тем же вечером⁴.

Председатель КГБ Владимир Семичастный решительно отрицал и возмущался, когда смещение Хрущева называли заговором. Он писал: «...все были готовы снять Хрущева. Поэтому я утверждаю, что не было никакого заговора!», все прошло в полном соответствии с уставом КПСС, да и вообще, «пленум его избрал – пленум его и освободил»⁵. С ним не согласен Петр Шелест, занимавший тогда должность первого секретаря ЦК Компартии Украины: «Ведь, откровенно говоря, мы совершили гнусную политическую подлость, исподтишка, путем заговора и интриг, приставив к виску Н.С. Хрущева “политический револьвер”, принудили его пойти в отставку. Все, как было при дворцовых переворотах»⁶.

---

¹ Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 264

² Синицин И.Е. Указ. соч. С. 124.

³ Никита Хрущев. 1964: Стенограмма пленумов ЦК КПСС и другие документы / сост. А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прозуменщиков, Ю.В. Сигачев, Н.Г. Томилина, И.Н. Шевчук. М., 2007. С. 226.

⁴ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 250.

⁵ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 345, 358, 371.

⁶ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 255.

*Ю.В. Андропов на приеме в посольстве Болгарии по случаю 1100-летия славянской письменности
Май 1963
[РГАКФД]*

Хрущев еще не прибыл с юга для решающего разговора на заседании Президиума ЦК, намеченного на 13 октября, а Брежнев и его люди уже поторопились собрать в Москву членов ЦК на пленум. Как свидетельствовал Михаил Соломенцев – в то время второй секретарь ЦК Компартии Казахстана, ему, как и другим членам ЦК, позвонили утром 13 октября и дали команду прибыть в Москву к утру 14 октября для участия в пленуме¹. Учитывая разницу во времени с Алма-Атой, можно быть уверенным, что в это время Хрущев еще даже не сел в самолет для вылета в Москву. Что тут сказать – налицо слаженный и заранее продуманный план. Все просчитали.

Обид на Хрущева у членов Президиума ЦК, конечно, накопилось немало. Он бывал бестактным, мог отпустить грубую шутку по адресу своих коллег. Но Андропова не задевал. Не на что было обижаться Андропову. Хрущев его ценил.

¹ Соломенцев М.С. Верю в Россию. М., 2003. С. 225–226.

*Ю.В. Андропов на встрече с вьетнамской делегацией
1960-е
[ФСО]*

Летом 1964 года Хрущев уже что-то чувствовал, но был уверен в себе, в своей незаменимости и даже рискованно шутил на коллективных обедах с членами Президиума ЦК и на заседаниях. Согласно дневниковым заметкам, которые вел Брежнев, на обеде 7 июля, критикуя коллег, Хрущев бросил:

«Надо разойтись, если не понимаем друг друга. Я свое отработал – пойду на пенсию, буду ловить рыбу»¹. Все это сопровождалось бранью, записывает далее Брежнев. Через месяц на заседании Президиума ЦК 19 августа Хрущев, делаясь впечатлениями о своей поездке по стране, возвращается к теме: «Видимо, мне надо уходить на пенсию, не мешать – молодым»². Как будто провоцировал, приглашал заговорщиков к действию. В конце концов накаркал себе отставку и пенсию.

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 3. С. 432.

² Там же. С. 437.

*Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, Тодор Живков и Л.И. Брежнев на Внуковском аэродроме
16 августа 1963
[РИА Новости]*

У Андропова было не так уж много дел, напрямую связанных с Брежневым. До июля 1964 года Брежнев возглавлял Президиум Верховного Совета СССР, заняв этот пост в 1960 году после отставки Ворошилова. Разумеется, когда поездки совершались в социалистические страны, Брежнев, будучи во главе делегаций, опирался на помощь отдела ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В этом отделе готовились все необходимые материалы, согласовывались сроки поездок и круг вопросов для обсуждения с лидерами «братских партий». С июня 1963 года Брежнев одновременно занял пост секретаря ЦК, став вторым после Хрущева человеком в стране. И тут у него уже было гораздо больше соприкосновений с Андроповым. В дневниковых записях Брежнева это нашло свое отражение. Хотя и немногочисленные, но есть упоминания Андропова: 29 июня 1963 года он записывает его фамилию в связи с просьбой лидера Монголии Цеденбала дать ему тексты выступлений Суслова, Пономарева и Андропова на июньском пленуме ЦК; 1 июля записывает впечатления от собрания москов-

*Ю.В. Андропов на переговорах с Я. Кадаром в Будапеште.
5 марта 1964
[РГАКФД]*

ского партактива по итогам пленума ЦК: «Московский актив прошел хорошо, выступил т. Андропов, хорошо приняли выступление – одобрили деятельность ЦК, Президиума, тов. Хрущева»¹. В том же году фамилия Андропова мелькает в дневнике Брежнева еще несколько раз – в связи с подготовкой поездок космонавтов по социалистическим странам и как одного из лиц, должных встречать польскую делегацию во Внукове.

Правда, тут после фамилии Андропова Брежнев поставил два вопросительных знака². Может быть, не знал, где Андропов – в Москве ли, на отдыхе? В следующем, 1964, году появляется еще одна запись: «Кадар – просил, чтобы во главе делегации был тов. Андропов – по обмену опытом»³. Вопросы такого уровня были вполне в компетенции Брежнева. Так и решили – Ан-

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 3. С. 379, 380.

² Там же. С. 382, 384.

³ Там же. С. 415.

*Президиум митинга советско-польской дружбы
Москва. 15 апреля 1964
[РГАСФД]*

Андропов был направлен в Венгрию в качестве главы делегации партийных работников и 5 марта 1964 года вел переговоры с Кадаром.

Также Брежнев записывает 9 января 1964 года о звонке Хрущева, который посоветовал встретить прибывающего в Москву Ульбрихта ему и Андропову¹. На публичных мероприятиях Андропов, конечно, не в первой линейке советских лидеров. Но во втором ряду уж точно. На митинге советско-польской дружбы в апреле 1964 года в обстановке ликования и подъема все аплодируют и Андропов тоже. Фотография запечатлела и навсегда сохранила этот момент и атмосферу события. Но как аплодирует Андропов! Он весь подался вперед, рукоплещет с энтузиазмом, заражая других восторгом.

После отставки Хрущева для Андропова наступили тревожные дни. Один за другим освобождались от должностей секретари ЦК. В ноябре 1964 года из Секретариата ЦК выбыл отвечавший

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 3. С. 416.

за сельское хозяйство Василий Поляков, в марте 1965 года – отвечавший за идеологию Леонид Ильичев, в сентябре того же года – отвечавший за организационно-партийную работу Василий Титов. Из не входивших в состав Политбюро секретарей ЦК сохранили должности лишь Петр Демичев, переброшенный с химии на идеологию, Борис Пономарев, возглавлявший международный отдел ЦК, Александр Рудаков, возглавлявший отдел тяжелой промышленности ЦК, ну и Андропов. Кардинальная чистка Секретариата ЦК его не затронула. Брежнев в конце концов убедился в надежности Андропова.

Любопытную догадку высказывал Федор Бурлацкий, работавший в отделе ЦК у Андропова. В самом конце декабря 1964 года поздно вечером его вызвал к себе в кабинет Андропов. Бурлацкий поразился «необычайно печальному и удрученному выражению его лица»¹. Андропов сидел, опустив глаза, пребывая в раздумье. Бурлацкий, не удосужившись даже выслушать, зачем его пригласил Андропов, заговорил о своем уходе из отдела ЦК на журналистскую работу. Андропов был неприятно поражен, он смотрел на Бурлацкого «каким-то змеиным взглядом несколько долгих минут и молчал»².

Бурлацкий позднее долго размышлял о причинах подавленности Андропова и сделал вывод:

«Не исключено, что поздний вызов Андроповым именно меня, его подавленность, какая-то даже раздавленность означали, что у него произошло объяснение с Брежневым, который предложил ему то, что потом стало фактом: оставить пост секретаря ЦК и принять назначение председателем Комитета государственной безопасности»³.

Неужели Брежнев так скоро был готов расстаться с председателем КГБ Семичастным, много сделавшим в деле смещения Хрущева? Вряд ли. Скорее, мрачные раздумья Андропова были связаны с боязнью за свое будущее и за себя. Не прогонят ли его с работы в ЦК как активного члена хрущевской свиты? После октябрьского (1964) пленума ЦК многие выдвиженцы Хрущева были в подвешенном состоянии и Андропов один из них. А может быть, снедала досада – его не повысили и обошли с должностями после отставки Хрущева. Вот Шелепина ввели в Президиум

---

¹ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 308.

² Там же. С. 309.

³ Там же.

ЦК, Семичастного перевели из кандидатов в члены ЦК КПСС и в декабре сразу произвели в генерал-полковники. А Андропов остался при своей прежней должности.

Зря Андропов расстраивался, его звездный час был впереди. А на текущий момент главным было сохранить должность. И Андропов день за днем демонстрировал свою приверженность новому брежневскому курсу. В январе 1965 года он в свите Брежнева и Косыгина отправился в Польшу. По утверждению Бурлацкого, это был переломный момент в политической ориентации Андропова. Подготовленные по его поручению предложения о принципах внешней и внутренней политики не встретили понимания в верхах. Предложения были вполне прогрессивные: экономическая реформа, демократизация и реорганизация государственного управления, разграничение деятельности партии и государства, развитие хозяйственного самоуправления предприятий и регионов, проведение курса на сокращение ракетных и ядерных вооружений и прекращение военной конфронтации.

По возвращении из поездки «Андропов сказал, что его предложения не встретили поддержки ни у Брежнева, ни у Косыгина»¹. Косыгин в целом был за экономическую реформу, но не принял идею поворота во внешней политике. Он питал иллюзии о возможности примирения с Китаем и оставался на антизападных позициях. А Брежнев в своей типичной манере сказал, что «надо подумать» и «не следует спешить»².

В ту пору Андропов был еще совсем не стар и полон идей. Он окружил себя людьми творческими, талантливыми, подбирая в отдел хорошо владевших пером и умеющих четко формулировать свои мысли. Ну и главное, конечно, имевших эти мысли, то есть думающих людей. Андропов часто устраивал у себя в конце рабочего дня встречу со своими консультантами и любил, что называется, деловые игры. Что-то вроде мозгового штурма. Атмосфера в рабочем кругу Андропова была вполне творческая. Об этом восторженно говорили его подчиненные. Даже на излете хрущевская эпоха была временем творчества и надежд.

Андропов и видом своим не слишком походил на распространенный тогда типаж аппаратного работника. Он не был обычным представителем «хомо аппаратикус». Слишком заметен.

---

¹ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 315.

² Там же. С. 316.

Один из впервые увидевших Андропова, так описал его внешность при первой встрече в гостях у общей знакомой в неформальной обстановке: встретив Андропова у дверей, «хозяйка вернулась с большим букетом цветов в сопровождении высокого мужчины лет пятидесяти с угловатым лицом и пухлыми губами. Сквозь очки в тонкой золотой оправе за нами наблюдали внимательные и холодные глаза. Если лицо его на мгновение посещала улыбка, то большие передние лопатообразные зубы делали лицо добрым. Двигался вошедший несколько странно, по-моряцки, широко расставляя ноги и сильно раскачиваясь из стороны в сторону»¹. В общем, на бережку Андропова подкачивало. Что ж, такое только с бывалыми моряками бывает.

Подчиненные относились к Андропову с должным уважением, признавая его верховенство: «Андропов был просто умным, неординарным человеком, с которым было интересно работать. Он не имел систематического формального образования (техникум по речному судоходству!), но очень много читал, знал, в смысле эрудиции, был, конечно, выше своих коллег по руководству, в большинстве своем если и не закончивших вузы, то хотя бы получивших высшее партийное образование. Кроме того, он был талантлив. И не только в политике»².

Только теперь вся демонстрация талантов осталась в далеком прошлом. Его подчиненные лишь понаслышке знали, что Андропов «неплохо пел, играл на фортепьяно и гитаре»³. В житейских ситуациях и в минуты отдыха он представлял перед своим окружением строгим и даже чересчур закрытым человеком. На красивых женщин, как когда-то, он уже не заглядывался. Бурлацкий вспоминал случай, когда в поездке по Югославию после дня встреч и переговоров советскую делегацию пригласили в ночной бар. В баре была музыка, кто помоложе танцевали, а в следующем отделении предполагался стриптиз. Андропов «тут же встал и, сославшись на дела, заявил, что уезжает. Югославы пытались уговорить его, но он был совершенно неумолим, однако разрешил остаться тем из нас, кто пожелает». А на следующее утро, когда Бурлацкий пытался рассказать Андропову о своих впечатлениях, «он твердо перевел разговор на другую тему. Вообще, – пишет Бурлацкий, – он был пуританином,

---

¹ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 15.

² Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 82.

³ Там же.

даже по строгим нормам, принятым тогда в партийной среде. Он практически не пил, никто не слышал, чтобы он когда-нибудь сделал комплимент женщине (по крайней мере, на работе). Фильмы с сексуальными сценами он не терпел, хотя, конечно, не навязывал никому своих вкусов. Все знали, что при нем надо держаться строже и ни в какие разговоры вольного характера пускаться не следует. Я сам наблюдал, как ему было нелегко иной раз в присутствии Первого [Хрущева. – Н. П.], любившего опрокинуть рюмашку-другую коньяка. К тому же Первый обожал рассказывать двусмысленные анекдоты, любил их слушать от других и охотно прибегал к сочному непечатному слову. Я часто видел, как Ю.В. [Андропова] передергивало от подобного стиля, но – опытный дипломат – он сдерживался и скрывал свои чувства»¹.

Брежнев как личность резко контрастировал с взрывным и импульсивным Хрущевым. Тот был ярок и непредсказуем. Андропова коробили грубоватые манеры Хрущева, его простецкие народные прибаутки. Сопровождая Хрущева в поездках или участвуя в застольях, Андропов часто становился свидетелем откровений Хрущева, который любил многократно рассказывать что-то из кремлевских тайн. Чаще всего о смерти Сталина и устранении Берии. Вот где будораживший воображение лихой сюжет и шекспировские страсти в одном флаконе. Об одном из таких эпизодов, относящихся к ноябрю 1960 года, вспоминал Федор Бурлацкий. На банкете в ходе совещания представителей компартий Хрущев с рюмкой коньяка в руке, яростно жестикулируя, грубовато, образно и в лицах рассказывал о смерти Сталина и развернувшейся борьбе за власть и аресте «этого гада» – Берии. История подошла к концу, зазвучал тост за «вершины коммунизма» и здоровье лидеров братских партий и, как пишет Бурлацкий: «В этот момент я наконец оторвал глаза от рассказчика и, взглянув в сторону, увидел Ю.В. [Андропова]. Он сидел молча, опустив голову и глядя в одну точку. Потом я узнал, что он вообще не любил пить, да и нельзя было ему из-за высокого кровяного давления. Но в тот момент мне показалось, что ему было неловко за рассказчика, что он считал изложение всей этой истории здесь, при таком большом стечении людей, неуместным»².

---

¹ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 158–159.

² Там же. С. 55.

Д.Ф. Устинов
[Из открытых источников]

Ф.Д. Кулаков
[Из открытых источников]

На фоне Хрущева Брежнев, казалось, был пресен и сер, да и вполне предсказуем. И Андропову было не сложно найти с ним общий язык и быть в хороших, а со временем даже дружеских отношениях. Хотя, конечно, равенства в их отношениях не было: «Андропов обращался к Брежневу на “вы” и по имени отчеству, Генеральный же называл его попросту Юра и говорил, конечно, “ты”»¹.

Для Брежнева главным было поскорее укрепить руководящее ядро своими людьми. Секретарем ЦК по оборонной промышленности и кандидатом в члены Президиума ЦК в марте 1965 года был избран Дмитрий Устинов, в том же году в сентябре секретарем ЦК по вопросам сельского хозяйства был избран Федор Кулаков, в декабре секретарем ЦК был избран заведующий отделом организационно-партийной работы ЦК Иван Капитонов. После смерти в 1966 году секретаря ЦК по вопросам тяжелой промышленности Рудакова на вакантное место в декабре того же года был избран Михаил Соломенцев. Тут Брежнев следовал

¹ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 41–43.

Д.А. Кунаев
[Из открытых источников]

М.С. Соломенцев
[Из открытых источников]

испытанным аппаратным приемам. Когда в ноябре 1964 года из Казахстана, где Соломенцев работал вторым секретарем республиканского ЦК, поступили жалобы на его поведение – «попал в некрасивую историю», Динмухамед Кунаев сообщил об этом Брежневу и попросил отозвать Соломенцева. Брежнев ответил: «Если он только за одной женщиной неудачно поухаживал, от этого социализм не пострадает. Мы его переведем на работу в другую область»¹. И действительно, пару лет Соломенцев работал первым секретарем Ростовского обкома, пока Брежнев не взял его в Москву. Надежные и верные хозяину Кремля люди – это главное.

Смещение Хрущева добавило хлопот Андропову по части урегулирования вдруг возникших вопросов в отношениях с лидерами стран-сателлитов. Многие из них были в недоумении от московского дворцового переворота. Это тревожило Брежнева, желавшего разъяснить всем истинные причины перемен и уверить в неизменности кремлевского курса. Возможно, в этом было объяснение, почему Брежнев сохранил Андропова на его долж-

¹ Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачева. Алма-Аты, 1994. С. 171.

ности. Нужна стабильность, а к Андропову лидеры соцстран привыкли, хорошо его знают. Их надо бы успокоить после смещения Хрущева. А кто, если не Андропов, это сделает лучше? Сам факт, что Андропов по-прежнему в той же должности, и есть лучшее доказательство того, что по отношению к «братским партиям» ничего меняться не будет.

А сигналы из стран социализма в Москву шли, и Андропов получал их не только по линии партийных связей, но и по дипломатическим каналам от МИД и из КГБ.

Представитель КГБ в Праге 15 октября 1964 года сообщил Брежневу в Москву о своей беседе с министром внутренних дел Любомиром Штроугалом: «...в личной беседе со мной тов. Штроугал сказал, что президенту от товарища Брежнева известно, что т. Хрущев снят за ошибки во внутренней политике. Он далее указал на опасность усиления либералистических тенденций и возможных антипартийных выступлений в Словакии со стороны прежде всего Гусака и Новомеского и это положение усложняется тем, что в начале ноября должны быть выборы президента¹. <...> Министр подчеркнул, что если в ЧССР было трудно объяснить, почему своевременно не увидели ошибок Сталина, то еще труднее будет разъяснить, почему сразу не сказали об ошибках т. Хрущева. Авторитет КПЧ в массах, сказал он, в таком случае может быть в определенной степени подорван. К этой теме министр во время разговора возвращался не раз»². Но, кажется, опасность руководители Чехословакии видели совсем не там, где надо. Штроугал, например, указал «на возможность националистических и “левых” (прокитайских) проявлений со стороны некоторых элементов, в том числе и в КПЧ»³. Тем не менее приняли меры безопасности в октябрьские дни 1964 года. По сообщению представителя КГБ в Праге, Штроугал собрал 15 октября в 3 часа дня Коллегию МВД и проинформировал о снятии Хрущева и пленуме ЦК КПСС, распорядился о введении круглосуточного дежурства личного состава, усилении службы по линии общественной безопасности и, в частности, об усилении

---

¹ Подчеркнуто в тексте документа карандашом.

² РГНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 17. Л. 17–20. Шифртелеграмма из Праги представителя КГБ при СМ СССР при МВД Чехословакии № 756 от 15 октября 1964 г.

³ Там же. Л. 20.

*Эрнесто Гевара
[Из открытых источников]*

охраны правительства по линии 5-го управления МВД Чехословакии¹.

С той же тревогой и недоумением по поводу смещения Хрущева отреагировал Кадар. Венгерское руководство видело в Хрущеве надежного защитника. Кадар испытывал личные симпатии к Хрущеву и тяжело воспринял его освобождение². В телефонном разговоре с Брежневым он сказал, что ему эта новость «как камнем по голове». В Будапеште проездом оказался кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Гришин. Венгры «спрашивали у Гришина, почему нужно было все это накапливать и почему нельзя было выступить раньше. Тов. Гришин сказал, что он выражал свое несогласие молчанием»³. И в Чехословакии, и в Венгрии недоумевали, почему в сообщении об уходе Хрущева на пенсию ничего не было сказано о его заслугах.

Вопросы возникли и в Польше у Гомулки. Он, правда, вспомнил один ошарашивший его эпизод о Хрущеве: «Однажды он в разговоре со мной, в гневе против Мао Цзэдуна, считая его лич-

¹ РГНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 17. Л. 17.

² Там же. Д. 16. Л. 44.

³ Там же. Л. 75–91.

*Фидель Кастро и Н.С. Хрущев подписывают совместное советско-кубинское заявление 1963
[РГАКФД]*

ным врагом, заявил о том, что он готов бросить атомную бомбу на Китай»¹.

Пришли в недоумении и в Гаване. Эрнесто Гевара говорил о «неприятном осадке» в связи с недоговоренностью в сообщениях о снятии Хрущева. Он хвалил Хрущева, хотя и добавлял: «...мне, например, очень не по душе были ярко выраженный прагматизм т. Хрущева, неожиданные повороты в его политике»². В качестве примера вспомнил «карибский кризис». Гевара заявил, что он не согласен с курсом XII съезда в отношении Китая и Албании, хотя и не оправдывает китайцев, но говорить против них не может, поскольку они сейчас помогают Кубе, в том числе оружием. Гевара опасался, как бы в СССР не начался период полного отрицания Хрущева, как это было со Сталиным, а также беспокоился, что есть в СССР люди, которые «не проявляют большого энтузиазма в отношении Кубинской революции, поскольку Куба, помимо экономической обузы для СССР,

¹ Там же. Л. 28.

² Там же. Л. 45–48.

является еще потенциальным очагом мировой термоядерной войны»¹.

Высказался и Фидель Кастро: «Выступить сейчас на Кубе против т. Хрущева и объяснять его недостатки, особенно после того, что я говорил о нем кубинскому народу, – это равносильно тому, что высечь себя»².

Все одобрил и ни в чем не сомневался лишь лидер Монголии Цеденбал.

В общем, Андропову пришлось немало времени уделять снятию всех возникающих у лидеров социалистических стран вопросов, что потребовало долгих бесед и консультаций. В коммунистических и рабочих партиях не понимали главного – почему ничего не говорили о заслугах Хрущева. Ведь с его именем была связана целая эпоха. Именно при нем СССР превратился в сверхдержаву, проникшую во все уголки мира и оказавшую значительное влияние на национально-освободительную и антиколониальную борьбу народов.

Много шума наделало опубликованное 2 ноября 1964 года интервью лидера итальянских коммунистов Луиджи Лонго. На вопрос о личности Хрущева он ответил не скороговоркой, как хотели бы в Кремле, а развернуто:

«На мой взгляд, даже в свете последних событий, личность и деятельность товарища Хрущева остаются существенными элементами исторической эпохи чрезвычайной важности. Именно от него исходит наиболее открытое осуждение сталинизма, ликвидация культа личности и восстановление социалистической законности. Он вдохновил ориентацию и основные решения XX съезда, благодаря которым марксизм-ленинизм вновь обрел свой творческий характер.

Из этих решений вытекают принципы политики коммунистов в эти последние 10 лет: принцип, согласно которому война не является неизбежной, принципы мирного существования, национальных путей к социализму, самостоятельности коммунистических партий»³.

И так думали многие из лидеров коммунистических партий.

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 16. Л. 45–48.

² Там же. Л. 95–101.

³ Атлас. Еженедельный вестник иностранной информации ТАСС. 1964. 10 ноября. № 45. С. 30.

За откликами в различных слоях советского населения внимательно следил председатель КГБ Семичастный. В одном из первых сообщений в ЦК 16 октября 1964 года он писал о том, что советские граждане разгадали подоплеку лаконичного официального сообщения об уходе Хрущева на пенсию по состоянию здоровья и поняли, что он снят за ошибки. Председатель КГБ победно сообщал о «повсеместном одобрении» произошедшего¹. Семичастный льстил Брежневу, когда писал о «единодушном одобрении» и «нескрываемой радости населения». Не забыл упомянуть и отклик военного инженера с полигона, на котором недавно побывали Хрущев и Брежнев, о хорошем впечатлении от «деловитости Брежнева, от знаний, с которыми он задавал различные вопросы»². И все же, как отмечено в записке КГБ, кое-где высказывается опасение, что отставка Хрущева – «уступка китайцам», и возросло беспокойство, не приведут ли изменения в руководстве КПСС и правительстве «к обострению международной обстановки»³.

Но самые противоречивые отклики весть о смене руководства вызвала в писательской среде. Кто-то радовался, а кто-то сокрушался. В сообщении КГБ в ЦК КПСС 20 октября 1964 года собрана вся палитра мнений. Латвийский писатель Арвид Григулис высказал пожелание, чтобы ЦК думал о литературе «и помог нам очистить советскую литературу от политического гнилья, он непрошенных учителей, для которых партийность – неведомое понятие, поднял авторитет писателей, верно служащих партийному делу, и, в частности, поставил бы на свое место гениев от тюремно-лагерной литературы и их покровителей, чьи цели мутны как лужа на дороге». В то же время поэты Алигер, Евтушенко, драматург Розов, кинорежиссер Калик и другие полагали, что начнется «новая эра в идеологии», будет дано больше свободы искусству и попыткам новаторства. Они ожидали «ослабления партийного влияния в литературе и искусстве»⁴.

А вот секретарь Союза писателей Грибачёв считал, что их надежды напрасны. «Есть одна линия в идеологии, – говорит он, – партийная, ленинская, и все, кто надеется, что с уходом Хрущева создастся возможность для них вновь заняться своим

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 20. Л. 1–18.

² Там же.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 49.

гнуемым делом, жестоко ошибаются. Наоборот, Хрущев еще был либералом и отсюда такая распущенность»¹.

Многие же писатели хвалили Хрущева. Сатирик Леонид Ленч: «Как ни говорите, народ любил Хрущева. Пенсии, квартиры, отсутствие репрессий. Забыть об этом трудновато»².

Часть писателей заняла выжидательную позицию, и среди них Кожевников, высказавшийся весьма характерно: «Вы погодите рассуждать. Пусть они сами во всем разберутся, а то дров наломаем и костей не соберем»³. В Грузии оживились поклонники Сталина: «Мы еще заставим русских собственными руками вырыть из земли памятники Сталину», а в некоторых магазинах вывесили портреты Сталина⁴. Где-то ведь ранее спрятали и сберегли!

Но резкого поворота в политике ни влево, ни вправо, как и возвращения к сталинизму, не произошло. Половинчатость нового политического курса вела к постепенному сползанию в идеологическое однообразие и унылое повторение обещавших заклинаний. Шло «подмораживание» оживших при Хрущеве ростков свободы. Все выглядело как ползучий реванш умеренных сталинистов и укрепление позиций догматиков.

Хорошей иллюстрацией служит история подготовки доклада к 20-летию Победы. На торжественном заседании должен был выступить Брежнев. Готовить доклад взялись заранее. Неслышанную активность проявил Шелепин. Нет, конечно, он понимал, что с докладом будет выступать Брежнев, но ему хотелось вложить в уста докладчика свои идеи и четко обозначить новые политические вехи. Он и его люди подготовили текст. По отзывам читавших, это была «заявка на полный пересмотр всей партийной политики хрущевского периода в духе откровенного неосталинизма»⁵. Вариант Шелепина был отвергнут, и в докладе Брежнева к 20-летию победы над Германией имя Сталина прозвучало лишь один раз. Но и этого было достаточно – зал разразился горячими аплодисментами. Через четыре года, когда на Политбюро обсуждали, как следует откликнуться на 90-летие со

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 20. Л. 49–50.

² Там же. Л. 50.

³ Там же. Л. 50.

⁴ Там же. Л. 174–179.

⁵ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 284.

дня рождения Сталина, Шелепин добрым словом вспомнил эти аплодисменты¹.

Через год проблема обозначилась вновь. Брежнев встал перед дилеммой – нужно ли говорить о Сталине в отчетном докладе на XXIII съезде, а если нужно, то как? Это был первый после Хрущева съезд КПСС. На предыдущем, в 1961 году, Сталина ругали много и со вкусом, после чего вынесли из мавзолея. Ну а теперь как быть? В заранее подготовленном варианте съездовского доклада был фрагмент о Сталине вполне в духе его критики на предыдущих съездах². Разве что только без резкостей, в смягченном варианте. Но Брежнев все-таки поделился своими сомнениями на заседании Секретариата ЦК КПСС 17 марта 1966 года, когда рассматривался проект отчетного доклада: «Один общий вопрос. Вы, наверное, заметили, что я до сих пор не поднимал его – это вопрос о Сталине. Я пришел к твердому убеждению не затрагивать этого вопроса». Услышав одобрительные голоса остальных членов Президиума ЦК, Брежнев подытожил: «Здесь все очень сложно. Одни боятся очернения, другие обеления. Съезд поймет правильно. Этот вопрос решен раз и навсегда»³.

Так и произошло. В отчетном докладе имя Сталина не прозвучало. Может быть, съезд и понял это «правильно». Но в народе вызвало у кого одобрение, у кого – недоумение. На словах партия клялась в верности курсу XX съезда, а на деле вся критика сталинских порядков сошла на нет. Да и клятвы «верности курсу» тоже со временем поблекли и почти исчезли. В историко-революционных календарях и газетных статьях перестали писать о том или ином деятеле, что он «пал жертвой беззакония времен культа личности». Теперь чаще говорилось либо иносказательно, с намеком, а чаще просто «умер», без каких-либо объяснений.

Шумная пропагандистская кампания накануне помпезного празднования 50-летия советской власти была беспрецедентной по своему размаху. В этих условиях повышенное внимание брежневского руководства было направлено на усиление и недопущение малейшего инакомыслия и «размывания» советских идеалов. Для Политбюро было очевидно, что волна хрущев-

¹ Источник. 1996. № 4. С. 149.

² Биккенин Н.Б. Указ. соч. С. 31–33.

³ Секретариат ЦК КПСС: Записи и стенограммы заседаний. 1965–1967 гг. М., 2020. С. 339.

ских разоблачений культа Сталина имела вполне конкретные последствия. Народ терял веру в социалистические идеалы. С этим Кремль не мог мириться.

На одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС Брежнев 10 ноября 1966 года поднял важнейший для него вопрос – об идеологии: «Подвергается критике в некоторых произведениях, в журналах и других изданиях то, что в сердцах нашего народа является святым, самым дорогим. Ведь договариваются же некоторые наши писатели (а их публикуют) до того, что якобы не было залпа Авроры, что это, мол, был холостой выстрел и т. д., что не было 28 панфиловцев, что их было меньше, чуть ли не выдуман этот факт, что не было Клочко¹ и не было его призыва, что “за нами Москва и отступать нам некуда”. Договариваются прямо до клеветнических высказываний против Октябрьской революции и других исторических этапов в героической истории нашей партии и нашего советского народа»². Наиболее активным на заседании являлся Андропов, он был многословней других. Остальные секретари ЦК отделались каждый лишь десятком поддакивающих фраз, и все как в один голос твердили о том, что много печатается всякой «ерунды».

Даже Шелепин не был многословен. Он безоговорочно поддержал Брежнева и обрушился на репертуар кино, клеймил «всякую пошлость» на эстраде, «ублюдочные пьесы» в театре. И особо о Твардовском: «...я считаю, мы много говорим. Его нужно просто освободить от работы. И это можно сделать не в ЦК, это может сделать Союз писателей»³. О Твардовском говорили много. Суслов напомнил, что именно Хрущев настоял на наиболее шумевшей публикации возглавляемого Твардовским журнала: «А об Иване Денисовиче сколько мы спорили, сколько говорили,

---

¹ Речь идет о младшем политруке Василии Клочкове, служившем в дивизии им. Панфилова и погибшим в 1941 году при обороне Москвы. Миф о подвиге «28 панфиловцев» (среди них и Клочков) до сих пор слишком живуч в сознании российского населения. Между тем еще в 1948 году Главная военная прокуратура СССР составила заключение о том, что вся эта история была просто выдумана журналистом газеты «Красная Звезда» А.Ю. Кривицким. См.: Петров Н., Эдельман О. Новое о советских героях // Новый мир. 1997. № 6. С. 140–151.

² Из рабочей записки заседания Политбюро ЦК КПСС, состоявшегося 10 ноября 1966 г. // Источник. 1996. № 2. С. 112.

³ Там же. С. 117.

но он же поддерживал всю эту лагерную литературу»¹. При этом фамилию Солженицына никто не назвал. Брежнев: «Ведь на самом деле, товарищи, никто до сих пор не выступил с партийных позиций по поводу книги Ивана Денисовича...»². Участвовавшие в заседании Косыгин и Устинов вообще отмолчались.

Разумеется, Андропов полностью согласился с мнением Брежнева и точно указал на источник всех бед, списав все на Хрущева: «Действительно, период, предшествовавший Октябрьскому пленуму ЦК [1964 года. – *Н. П.*], нанес огромный ущерб партии и нашему народу и в области идеологической работы. Нам известно, что Хрущев использовал идеологию в личных целях, в целях саморекламы, его не интересовали интересы партии, интересы нашего государства»³. После такого зачина Андропов начал теоретизировать: «У нас нет единства взглядов. Я имею в виду идеологических работников, пропагандистских работников, по целому ряду вопросов много путаницы. Надо выработать единую точку зрения на базе марксистско-ленинского учения по основным вопросам внешней и внутренней политики нашей партии». К сложным темам Андропов отнес «освещение вопросов о Сталине», об Отечественной войне и «о перспективах развития нашей страны и партии»⁴. Андропов заговорил о необходимости учебника «настоящего марксистско-ленинского», который был бы апробирован в Политбюро и, может быть, на пленуме ЦК. Вспомнив о грядущих юбилеях Октября и Ленина, Андропов сказал: «...сегодня очень правильно подняты т. Брежневым эти вопросы». И тут же эмоционально и несколько сбивчиво обрушился на писателей: «Твардовский – коммунист, Симонов – коммунист, и целая серия, которая здесь называлась и не называлась, людей, которые допускают серьезные идеологические ошибки, – это коммунисты. Имеем мы право как с коммунистов с них спросить ответственность?» Андропов призвал партийные организации «спросить с этих деятелей», добавив: «И здесь никакого администрирования нет, это просто правильный партийный подход, правильная партийная требовательность, она должна быть везде и всюду»⁵.

---

¹ Там же. С. 115.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 116.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Активность Андропова при обсуждении проблем в идеологии понравилась и запомнилась Брежневу.

Хоть это и не входило в сферу его служебных полномочий, которая ограничивалась вопросами компартий социалистических стран, Андропов как секретарь ЦК оставил след и в литературных делах. В 1965 году партийное руководство, косо смотревшее на «Новый мир» и развернувшуюся полемику вокруг журнала, задумалось о смене редактора. Был направлен запрос в 4-е управление Министерства здравоохранения, откуда пришел ответ о состоянии здоровья Твардовского: «...нуждается в обязательном лечении в психоневрологическом стационаре, от которого он категорически отказывается». Андропов наложил на письмо резолюцию: «Следовало бы обдумать вопрос: следует ли оставлять т. Твардовского редактором журнала "Новый мир" в связи с ухудшением здоровья»¹.

В литературных спорах, похоже, Андропов склонялся к позиции охранителей, нападавших на журнал за публикацию Солженицына и «либеральную» и «оттепельную» позицию. Вообще-то Андропов не слыл сталинистом, но после отставки Хрущева быстро усвоил направление нового курса в идеологии и переместился в брежневское большинство. Он только поначалу не разобрался, заявив после смещения Хрущева: «Теперь мы пойдем более последовательно и твердо по пути XX съезда»². Но тут источником его вдохновения попросту была передовица «Правды», где это по традиции утверждалось.

На заседаниях Секретариата ЦК КПСС Андропов выступал с все более и более «охранительных» позиций, сползая туда, где было большинство. Например, 10 марта 1967 года: «Известно, что среди интеллигенции есть нездоровые элементы. Надо усилить воспитательную работу среди них, попытаться расслоить их на группы с тем, чтобы работать с этими отдельными группами, сплывая их вокруг себя»³. Это был уже практически чекистский рецепт по «разложению враждебных организаций». До начала работы в КГБ Андропову оставалось два месяца, и он об этом еще не знал. Но идейно и теоретически был вполне готов.

---

¹ Твардовский А.Т. Новомирский дневник: В 2 т. Т. 1: 1961–1966. М., 2009. С. 614.

² Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 286.

³ Секретариат ЦК КПСС: Записи и стенограммы заседаний. 1965–1967 гг. С. 144.

На том же заседании Секретариата 10 марта обсуждали Солженицына. Андропов и тут выказал особую принципиальность: «Вопрос о Солженицыне не укладывается в рамки работы с писателями. Он написал конкретные вещи такие, как “Пир победителей”, “Раковый корпус”, но эти произведения имеют антисоветскую направленность. Надо решительно воздействовать на Солженицына, который ведет антисоветскую работу»¹.

Сразу или не сразу ему поверил Брежнев – большой вопрос. По своей прошлой карьере в комсомоле Андропова можно было рассматривать как одного из когорты Шелепина. И «железный Шурию», как именовали Александра Шелепина, и его ближайший соратник председатель КГБ Семичастный – оба хорошо знали Андропова по комсомольской работе. Но уже в начале 1960-х Андропов заметно дистанцировался от этой компании. Более того, у него осложнились отношения с Семичастным. И все вокруг «Ленинградского дела», краем затронувшего Андропова. Семичастный пишет, что из записок Куприянова следовало, что «и Андропов приложил свою руку к тому, что некоторые ленинградцы оказались среди репрессированных»². А когда в Комитете партконтроля пошла проверка заявлений «ленинградцев», Андропов серьезно занервничал. Он стал налаживать контакты с Семичастным через Шелепина, просил его повлиять на результат проверки. Как пишет Семичастный: «Он пытался через Шелепина воздействовать на содержание моего ответа и дипломатично просил, чтобы Шелепин проследил за правильностью и точностью изложенных фактов. Ко мне лично он никогда не обращался, хотя все происходящее его долго беспокоило»³. Тем не менее Семичастный написал в КПК при ЦК, что часть сведений в отношении Андропова подтвердилась, и... нажил себе врага.

Куприянова выпустили из лагеря в 1956 году, реабилитировали в 1957 году. Теперь его заявлениям и запискам верили. Но путь Куприянова на свободу был нелегким. Оказавшись после осуждения в Минеральном лагере, он изливал окружающим свои обиды. Конечно, за ним следили. Агентурное донесение от 29 мая 1952 года о поведении Куприянова в лагере было направлено Маленкову. В нем говорилось, что Куприянов обещал мстить, сказал, что никогда не простит советской власти тех

---

¹ Там же. С. 149.

² Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 415.

³ Там же. С. 416.

издевательств, которым он был подвергнут на следствии, и утверждал, что счеты с ним свел Ворошилов¹. Когда в 1954 году шла реабилитация пострадавших по «Ленинградскому делу», Куприянова отвели от реабилитации. Мотивы объяснил Хрущев на встрече с ленинградским партактивом 7 мая 1954 года: «...он в лагере снюхался с преступниками, с белогвардейцами, он разговаривает там языком бандитов... гнилой человек оказался»². Со временем эти сведения потускнели, и в конце концов Куприянова выпустили.

Но не только последствия «Ленинградского дела» портили атмосферу. Семичастный вообще был нелестного мнения об Андропове³. Их отношения не сложились, хотя оба – из комсомола и были давно знакомы. Как заведующий отделом ЦК Андропов почти не контактировал с КГБ (например, по вопросам работы представителей КГБ в соцстранах), так как все такие вопросы Семичастный сам докладывал непосредственно Первому секретарю ЦК. Еще при Хрущеве, примерно в начале 1964 года, на каком-то совещании в ЦК с сотрудниками Министерства иностранных дел и послами Суслов поставил вопрос о необходимости, чтобы вся информация шла только через послов, так как были разночтения в оценках ситуации послами и резидентами или представителями КГБ в этих странах. Удивленный Семичастный обратился прямо к Хрущеву, и тот рассерженный сделал Сулову нагоняй, оставив все как было⁴. И сохранилась известная автономия, когда резиденты и представители КГБ направляли информацию по своим каналам в адрес КГБ, хотя и обязаны были ставить в известность обо всем послов⁵.

Порядок прохождения сообщений представителей КГБ из социалистических стран сохранился. Они направлялись в КГБ, а оттуда уже в зависимости от их значимости пересылались в ЦК КПСС. И вполне очевидны были противоречия в потоках информации. Как вспоминал начальник информационно-анали-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 71. Л. 32.

² Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956 / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. М., 2000. С. 132.

³ Беседа автора с В.Е. Семичастным 5 мая 1998 года.

⁴ Там же.

⁵ Павлов В.Г. Руководители Польши глазами разведчика. М., 1998. С. 362.

тической службы 1-го Главного управления КГБ Николай Леонов, «информация советских послов из соцстран оказывалась окрашенной преимущественно в розовые тона, в то время как информация представительств КГБ давала значительно более близкую к реальной картину обстановки»¹.

Активность Шелепина все больше и больше беспокоила Брежнева. Он сыграл важную роль в свержении Хрущева и заметно выдвинулся. «Человек, несомненно, крайне честолюбивый, тоже волевой, с юности обученный искусству аппаратных интриг. И главное – имевший уже свою команду, настоящее “теневое правительство” (включая и “теневое Политбюро”)». Ему было легче, чем другим, только приехавшим из провинции, сколотить такую команду. Занялся он этим делом еще в бытность первым секретарем ЦК ВЛКСМ»². В аппарате ЦК Шелепина числили человеком умным, с явными организаторскими способностями, которые он «неосторожно продемонстрировал в ходе антихрущевского заговора»³. Он был «хорошим оратором, мог подолгу “держат” аудиторию, говорил без бумажек»⁴. И что самое плохое и тревожащее Брежнева, так это то, что Шелепин и его окружение «с интересом и сочувствием относились к реформаторским идеям Косыгина»⁵.

А между тем идеологические воззрения Шелепина могли насторожить кого угодно. Отталкивали его амбициозность и категоричность: «...не только Брежнев, но и Сулов и другие руководители разгадали его авторитарные амбиции»⁶. За ортодоксальные высказывания его числили скрытым сталинистом, но, разумеется, умеренного толка. А еще поговаривали о его симпатиях к «русофилам»⁷. В какой-то степени он был антиподом Андропова. Но их часто видели вместе. Бурлацкий пишет об Андропове: «Я видел нередко, как он садился в одну машину с Шелепиным, провожая или встречая каких-либо официальных

---

¹ Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1993. С. 192.

² Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 106.

³ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 31.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 286.

⁷ Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 98, 119.

лиц»¹. Или еще: «Я наблюдал два года спустя, во время встречи в Карловых Варах представителей компартий, такую сцену. Брежнев спускается по лестнице, следом идет Шелепин, глядя на него глазами, наполненными откровенной ненавистью, между тем как Андропов придерживает “железного Шурика” под локоть, явно стараясь смягчить его гнев»².

И хоть Андропов поначалу был во вполне дружеских отношениях с Шелепиным, он вовремя понял, что надо отойти и отойти подальше. Брежнев это заметил и оценил. Но как же тогда все вышеописанные сценки, которые наблюдал Федор Бурлацкий, но не мог себе объяснить, – Андропов под ручку с Шелепиным. Ответ может быть чрезвычайно прост. А что, если это просьба Брежнева поплотнее опекать Шелепина, присмотреть за ним и его окружением. Но тогда можно сказать, что Андропов, образно выражаясь, заступил на пост председателя КГБ досрочно! Стал глазами и ушами Брежнева еще до назначения в грозный карательный аппарат. Кстати, член Политбюро Виктор Гришин вспоминал, как в узком кругу соратников Брежнев заявил: «...на каждого из вас у меня есть материалы»³.

В кругах интеллигенции в марте 1966 года пересказывали нашумевшую фразу Шелепина: «Народу нужно говорить правду: война с Америкой неизбежна»⁴. Возможно, это был всего лишь слух, и фразу ему приписывали, но ведь весьма характерно, что такую фразу и именно ему. Еще раньше случился эпизод, раскрывший Брежневу глаза. В конце января 1965 года в Монголию отправилась делегация КПСС во главе с Шелепиным. Состав делегации был весьма представительным: первые секретари Хабаровского крайкома и Бурятского обкома КПСС, заведующий отделом строительства ЦК КПСС, секретарь Москворецкого райкома партии. Отдел Андропова в поездке представлял консультант Лев Делюсин⁵. Но важным действующим лицом делегации стал руководитель Гостелерадио СССР Николай Месяцев. На второй день пребывания делегации руководитель монгольских коммунистов Юмжагийн Цеденбал устроил в ее честь

---

¹ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 319.

² Там же.

³ Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. М., 1996. С. 59.

⁴ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т. 1. С. 456.

⁵ Правда. 1965. 27 января.

*На приеме в посольстве Монголии
В центре: Ю.В. Андропов и А.Н. Шелепин
26 ноября 1964
[РГАКФД]*

ужин, который «прошел в теплой дружеской обстановке»¹. Гости из Москвы расслабились и разговорились. И они еще не успели вернуться из своей двухнедельной поездки по Монголии, как до столицы докатилась весть, что «сторонники Шелепина растрезвонили об амбициях и планах своего вождя. Во время поездки Шелепина в Монголию его ближайший друг, бывший секретарь ЦК комсомола Н.Н. Месяцев в присутствии Ю. Цеденбала стал хвастливо говорить о том, что настоящий Первый – это именно он, Шелепин. И в хорошем “поддании” распевал песню “Готовься к великой цели”»². Слух об этом событии широко разошелся по коридорам ЦК³.

Цеденбал не замедлил доложить Брежневу. Тот соответственно сделал выводы, и «началась долгая, хитрая, многотрудная, подспудная борьба между двумя руководителями, в которой

¹ Там же. 29 января.

² Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 292.

³ Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2000. С. 187.

преимущество оказалось на стороне Брежнева»¹. Трудно оценить роль Льва Делюсина – доложил ли он своевременно своему шефу Андропову о настроениях в окружении Шелепина? А может быть, и сам разделял их? Как бы то ни было, с должностью в отделе ЦК Делюсин расстался в апреле того же 1965 года и в дальнейшем великой карьеры не сделал, но и не пропал, работал как китаевед на больших должностях в научных институтах.

На XXIII съезде КПСС Андропов вновь был избран членом ЦК и сохранил свой пост секретаря ЦК. Однако признаки его дальнейшего продвижения вверх пока не просматривались. Через два месяца после съезда были уточнены обязанности секретарей ЦК КПСС. В решении Политбюро 16 мая 1966 года распределение обязанностей было обозначено следующим образом.

Брежнев – руководство работой Политбюро и общее руководство работой Секретариата ЦК в целом.

Андропов – связи с коммунистическими партиями социалистических стран.

Демичев – вопросы пропаганды, культуры, науки и учебных заведений.

Капитонов – вопросы организационно-партийной работы.

Кириленко – вопросы машиностроения, капитального строительства, транспорта и связи.

Кулаков – вопросы сельского хозяйства.

Пономарев – связи с коммунистическими партиями капиталистических стран.

Рудаков – вопросы тяжелой промышленности.

Суслов – внешнеполитические вопросы и заграничные кадры.

Устинов – вопросы оборонной и химической промышленности.

Шелепин – вопросы плановых и финансовых органов, легкой и пищевой промышленности, торговли и бытового обслуживания².

Будучи с 1962 года секретарем ЦК КПСС, Андропов отвечал за работу не только своего отдела. Он также курировал созданный 20 декабря 1962 года отдел ЦК КПСС по экономическому сотрудничеству с социалистическими странами.

С приходом Брежнева в аппарате ЦК произошли серьезные изменения. Решением Политбюро ЦК 12 мая 1965 года (П202/153) был упразднен вышеупомянутый отдел ЦК по эко-

¹ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 292.

² Решение Политбюро ЦК КПСС П4/VIП от 16 мая 1966 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 77. Д. 245. Л. 4–5).

М.А. Суслов, К.Т. Мазуров, Ю.В. Андропов и Нгуен Ван Кинь на приеме в посольстве Вьетнама 2 сентября 1966 [РГАКФД]

номическому сотрудничеству с социалистическими странами. Часть функций упраздненного отдела передали Андропову, соответственно изменилась структура возглавляемого им отдела. Был создан сектор внешней торговли и экономических связей с социалистическими странами и сектор общественных, культурных, научных и местных партийных связей с социалистическими странами. Кроме того, тем же решением в отделе была создана группа консультантов, появился сектор Кубы. В то же время были упразднены подотдел информации и редакция материалов о положении в социалистических странах¹.

Андропов находился в тени Брежнева. На декабрьском (1966) пленуме ЦК Брежнев выступил с большим и содержательным докладом «О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения». В докладе, насыщенном деталями и подробностями, был обширный раздел, посвященный социалистическим странам. Разумеется, это раздел готовили Андропов и его отдел. Но сам Андропов на пленуме в

¹ Там же. Ф. 5. Оп. 49. Предисловие к описи. Л. 2–3.

прениях не выступал. Зачем? Брежнев все, что надо произнес. А Брежнев сообщил много интересного по части стран социализма. И прежде всего об имеющихся разногласиях и трудностях в отношениях с рядом социалистических стран.

В 1966 году в высшей партийной иерархии Андропов занимал одно из последних мест. Несмотря на то, что при перечислении по радио и в газетах фамилий членов и кандидатов в Политбюро, а за ними и секретарей ЦК фамилия Андропова шла первой в числе секретарей – просто в силу алфавитного принципа, действительный статус определяется иначе. И есть верный признак – очередность выступления кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР перед избирателями накануне выборов. Так сказать, «обратный отсчет». Прямо накануне дня выборов выступали первые лица. То есть замыкал серию выступлений сам Брежнев, а днем ранее выступали Подгорный, Косыгин и Суслов. Открывали же серию встреч с избирателями секретари ЦК. Та же картина при выборах в Верховный Совет РСФСР. Удивительно, но в газетах вообще не дали информации о предвыборных встречах секретаря ЦК Андропова с избирателями ни в мае 1966 года, ни в марте 1967 года. Между тем о встречах других секретарей ЦК Капитонова, Кулакова, Пономарева с избирателями газеты сообщили¹.

Андропов тяжело реагировал на грубость вышестоящих секретарей ЦК. Согласование подготовленных отделом документов с Сусловым превращалось в муку, возвращаясь от него, Андропов часто имел «растерянный» вид². После одной из стычек с Кириленко, когда охранявший его сотрудник КГБ перепутал время проводов Новотного, он чуть не слег. Кириленко несколько раз звонил Андропову с руганью. Когда сотрудник андроповского отдела после проводов Новотного вернулся на Старую площадь, он в приемной Андропова уловил запах лекарств и увидел выходящих врачей. У Андропова был «серьезный сердечный приступ и ему сделали несколько уколов». В кабинете Андропов «лежал на диване и очень плохо выглядел», увидев сотрудника раздраженно сказал: «Держи ты этих КГБистов в руках, не давай им вмешиваться в свои дела и особенно в протокольные»³.

¹ Правда. 1966. 3, 4 июня; 1967. 1, 2, 4 марта.

² Бернов Ю.В. Указ. соч. С. 105

³ Там же. С. 106–107.

Где ж ему было тогда знать, что он сам вскоре возглавит чекистов.

Еще в 1964 году работавший короткое время заместителем Андропова Николай Месяцев отмечал, что тот не щадил своего здоровья: «Уже тогда он перед обедом пригоршнями отправлял в рот лекарства. “Подлечиться бы вам по-настоящему”, – говорил я ему в часы откровений, “Недосуг”, – отвечал он»¹.

Отсутствие упоминаний Андропова в печати весной 1966 года имеет свое объяснение. Он серьезно заболел. В протоколах заседаний Секретариата ЦК КПСС не зафиксировано присутствия Андропова с 17 марта по 16 августа 1966 года². Пишут, что у него случился инфаркт. Андропов попал в Центральную клиническую больницу с диагнозом «гипертоническая болезнь; инфаркт миокарда». Как пишет Чазов, чувствовал он себя хорошо, и только изменения на электрокардиограмме позволяли врачам утверждать, что он перенес инфаркт. Даже ставился вопрос о переводе на инвалидность. Однако после дополнительной консультации и обследования консилиум пришел к выводу, что «нет никакой гипертонической болезни, нет никакого инфаркта миокарда, а речь идет о так называемом альдостеронизме в связи с болезнью почек и реакцией надпочечника». Лабораторные исследования подтвердили вывод, а прием назначенных препаратов нормализовал электрокардиограмму. Чазов полагает, что все это было результатом интриг – «попыткой списать» Андропова с политической сцены³.

Но только ли интриги? Андропов в свои пятьдесят с небольшим лет действительно был человеком с изрядно подорванным здоровьем. В его истории болезни указано, что в 1965–1966 годах он перенес «мелкоочаговые» инфаркты миокарда⁴. И помимо того целый букет недугов за разные годы: страдал хроническим заболеванием надпочечников, эпизодически переносил приступы гипертонической болезни, болел пневмонией, страдал хро-

---

¹ Месяцев Н.Н. Указ. соч. С. 408.

² Секретариат ЦК КПСС: Записи и стенограммы заседаний. 1965–1967 гг. С. 330, 360, 373, 381, 382, 403, 436, 452, 464, 474.

³ Чазов Е.И. Рок. М., 2001. С. 85–86.

⁴ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–10. Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 2. М., 1996. С. 176.

ническим колитом, артритом, наблюдалась мерцательная аритмия, опоясывающий лишай и другие болезни¹.

По воспоминаниям Владимира Пирожкова, сам Андропов объяснял вдруг возникшие недуги так: «Он и А.Н. Косыгин совершили поездку по юго-восточным странам, где вели острые переговоры, которые закончились практически безрезультатно. Едва вернулся в Москву, как у него заболели надпочечники, а потом – почки. Он полагал, что его отравили во время этого вояжа. Юрий Владимирович это мне много раз говорил»². Действительно, Андропов сопровождал Косыгина в поездке во Вьетнам в феврале 1965 года³. А по дороге была сделана остановка в Китае, где были нелегкие переговоры. Но тогда ли Андропов заболел, остается вопросом.

На майском пленуме (1966) ЦК Брежнев в докладе о международном положении поделился конфиденциальной новостью. Он рассказал, что «на днях» был в Приморском крае, куда прибыл для вручения краю ордена. И все три дня пребывания были отведены для беседы с Ким Ир Сенем, который обратился с просьбой встретиться с ним в неофициальной обстановке без опубликования в печати⁴. Поэтому, сказал Брежнев, прошу присутствующих ни с кем не делиться этой информацией. Вкратце Брежнев пояснил: корейцы хотят дружить, налаживать экономическое сотрудничество, и они не согласны с Китаем по вопросам помощи Вьетнаму. Брежнев и Ким Ир Сен много говорили о помощи Вьетнаму, о посылке туда корейских летчиков и создании «антиимпериалистического фронта». Но главное, в дальневосточной встрече участвовал заместитель Андропова – Русаков, как пояснил Брежнев, вместо Андропова, который, «к сожалению болен»⁵.

Здесь же Брежнев коснулся сложных отношений с Румынией. После съезда он побывал в Бухаресте с неофициальным визитом и был полон впечатлений. Беседы с Чаушеску были откровенные, но, по словам Брежнева, «обстановку не обостряли ни мы, ни они». И добавил: «Румынские товарищи по-прежнему очень

¹ Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 2. С. 176.

² Чертопруд С. Андропов – КГБ. М., 2004. С. 350.

³ Решение о поездке и составе делегации Президиума ЦК КПСС П188/93 от 20 января 1965 г.

⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2. Л. 68 об. – 69.

⁵ Там же.

своеобразно толкуют вопрос о самостоятельности, о национальной независимости, чрезмерно подчеркивая эти моменты в любой связи»¹.

Материалы для докладов Брежнева о международном положении в части, касающейся социалистических стран, готовил Андропов и его отдел. обстоятельный доклад Брежнева на декабрьском (1966) пленуме ЦК КПСС заслуживает особого внимания. Он довольно откровенно обрисовал все трудности в отношениях с рядом стран. В докладе «О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения» Брежнев рассказал о помощи Северному Вьетнаму и огласил цифры: поставили ракетно-зенитного оружия для семи с половиной полков, 144 реактивных самолета, более 300 танков, около 1000 полевых орудий. Стоимость уже оказанной помощи составила 1 миллиард 300 миллионов рублей, а в следующем году – 400 миллионов. Во Вьетнаме находились около 600 советских военспецов. Затем докладчик коснулся и сохранявшихся разногласий в отношениях с рядом стран².

Брежнев сыпал цифрами и фактами, приводил примеры, анализировал тенденции в социалистических странах. Это был обширный материал, который каждодневно проходил через руки Андропова. Возглавляемый им отдел ЦК находился в зоне особого внимания у руководства. И тянуть Андропову ляжку секретаря ЦК до пенсии, если бы Брежнев, тихо, но последовательно выбивавший с руководящих кресел «шелепинцев», не созрел до решения обновить руководство КГБ. А кого назначить? Конечно, Андропова, обиженного Семичастным и со всех сторон обложенного компроматом. Семичастный видел в этом главный мотив Брежнева³. Это ведь надежная гарантия, что Андропов будет служить верой и правдой тому, кто не дал хода уличающим его бумагам.

---

¹ Там же.

² Там же. Д. 4. Л. 14–29.

³ Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 414–416.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ

Все круто перевернулось в жизни Андропова в четверг 18 мая 1967 года. В этот день по обыкновению заседало Политбюро. Рассматривались текущие вопросы, дожидались своей очереди вызванные на заседание. Председатель КГБ Владимир Семичастный не чувствовал подвоха. Его тоже вызвали на это заседание. Он догадывался, что вопрос для него будет неприятным – из-за границы отказалась вернуться Светлана Аллилуева – дочь Сталина. Своей вины Семичастный в этом не видел. Разрешение на ее выезд за границу дал лично председатель Совета министров Косыгин, и за это проголосовало Политбюро. Куда же выше?

Согласно сохранившейся в архиве справке Черненко, Светлана Аллилуева обратилась с просьбой к Брежневу 3 ноября 1966 года разрешить ей выезд на 7 дней в Индию для похорон мужа. Вопрос обсуждался по телефону Брежневым и членами Политбюро, было записано решение:

«Согласиться с просьбой о выезде в Индию на 7 дней Аллилуевой Светлане.

Поручить Семичастному выделить двух работников для поездки с ней в Индию»¹.

Пребывание дочери Сталина в Индии затянулось. Ее умерший муж был заметным человеком в компартии, имел влиятельных родственников в правительстве. Одним словом, принимали Светлану тепло и оказали ей массу знаков внимания. Наконец, 8 мар-

¹ РГАСНИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1562. Л. 21.

та 1967 года Аллилуева должна была вылететь в Москву, был уже выписан билет. Люди из резидентуры КГБ несколько ослабились, потеряли контроль. А зря! К московскому самолету Аллилуева не явилась, а через сутки выяснилось, что накануне, в ночь на 7 марта, она тихо вылетела в Рим и была такова. Предварительно Аллилуева заручилась помощью американцев. Кремль был обескуражен, но старался сохранять спокойствие.

Получив неприятное известие, в Москве решили сделать вид, что ничего страшного не произошло, и советским послам были разосланы указания: на вопросы об Аллилуевой проявить безразличие и отвечать, что это ее личное дело, «в Москве не придают всему этому значения»¹. Именно в таком духе выдержано опубликованное 13 марта сообщение ТАСС: «Как долго пробудет С. Аллилуева за рубежом – это ее личное дело»².

И все же – скандал! Любой советский гражданин, отказавшийся вернуться и оставшийся за границей, считался «изменником Родины» и подлежал уголовному наказанию. Нет, все ясно – люди Семичастного из резидентуры КГБ в Индии недосмотрели. Семичастный понимал, его на заседании Политбюро будут поругивать и был вполне к этому готов. В свою защиту он выдвигал простой тезис – КГБ своевременно и оперативно обо всем докладывал в ЦК. Слабая отговорка.

Но оказалось, само по себе бегство Аллилуевой – не главная беда. Она выступила 26 апреля 1967 года на пресс-конференции в Нью-Йорке, и выяснилось, что у нее с собой рукопись ее воспоминаний, готовая к изданию³. А вот это уже бомба! И это в год славной 50-летней годовщины Октября, празднование которой в Кремле видели как символ торжества советской державы. Лихорадочные усилия КГБ по поиску рукописи увенчались успехом, у сына Аллилуевой оказался машинописный экземпляр «Двадцать писем к другу», той самой книги, вывезенной Светланой за рубеж. Рукопись 12 мая 1967 года была разослана для ознакомления членам Политбюро⁴.

---

¹ Там же. Л. 39.

² Правда. 1967. 13 марта.

³ Семичастный в воспоминаниях пишет: «Нам было точно известно, что при отъезде рукописи у нее не было. Скорее всего, она была заранее переправлена с помощью дочери посла Индии» (Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 405).

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1563, 1564.

Семичастный внес предложения, простые, но вполне в духе своего ведомства. Упредить публикацию книги Аллилуевой, издав ее раньше, и тем самым не допустить нежелательного вмешательства в текст стороннего редактора, так как «американцы наштапируют ее махровым антисоветским содержанием, и этот пасквиль за подписью дочери Сталина растиражируют по всему миру»¹. Ну или, по крайней мере, разместить в зарубежной прессе наиболее выигрышные и безобидные фрагменты рукописи, и тем самым снизить общий интерес к Аллилуевой и ее книге. Главное – погасить сенсацию и возникший на Западе ажиотаж вокруг уже разрекламированной и ожидаемой публикой книги. Ну и немаловажно – деньги. Светлана Аллилуева уже заключила и продолжала подписывать неплохие в финансовом плане контракты на публикацию в разных странах, сделавшие ее в одночасье миллионершей. КГБ намеревался испортить ей все дело. И, наконец, к заседанию заготовили проекты газетных статей с бранью в адрес Аллилуевой. Требовалось только согласие Политбюро для открытия шумной кампании по дискредитации в прессе Аллилуевой и ее воспоминаний.

В общем, Семичастный предчувствовал – ругать его на заседании, конечно, будут. Вместе с тем полагал, что его блестящие предложения о том, как минимизировать эффект от предстоящей публикации, произведут нужное впечатление на членов Политбюро. То есть переведут разговор в конструктивную плоскость принятия практических решений по дезинформации Запада. Но он явно не ожидал того, что произошло на заседании и чем оно закончилось. Рабочая запись обсуждения вопроса об Аллилуевой говорит сама за себя:

«БРЕЖНЕВ. Письма эти получены от сына, которому вручил их Вилькинштейн² с явным намерением, чтобы уйти от ответственности. Но тут возникает много вопросов, с этими ли письмами она уехала за границу, стоит ли нам проявлять инициативу к изданию этих документов, может случиться, что появятся два документа.

СЕМИЧАСТНЫЙ. Нам лучше дать материал в июне – июле с тем, чтобы предупредить издание в США. О том, что эти пись-

---

¹ Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 407.

² Правильно – Волькенштейн. По совету Федора Волькенштейна Светлана Аллилуева написала воспоминания в виде писем к нему, не указывая при этом адресата.

ма подлинные, мы можем проверить Вилькинштейна, и мы скажем, что это продано через индусов. Но сомнений не вызывает, что это те письма, с которыми она уехала.

БРЕЖНЕВ. Если она выступит и откажется от этих писем? Словом, я считаю, что это скользкий вопрос.

ПОДГОРНЫЙ. Мы их опубликуем раньше, чем американцы, и таким образом дадим возможность начать раньше кампанию против нас.

СУСЛОВ. Это предложение совершенно неприемлемое. Это против нас работа. Мы первый раз заявили, что выезд Аллилуевой – это частное ее дело, а теперь мы начинаем вмешиваться в эти дела. А это чисто антисоветский документ, грязный документ, клеветнический.

ПОДГОРНЫЙ. С начала и до конца антисоветский документ.

МАЗУРОВ. Если это те документы, с которыми она выехала, то, я думаю, нам полезно их опубликовать.

УСТИНОВ. Этим актом мы только вызовем кампанию против нас.

БРЕЖНЕВ. Американцы имеют доклад на XXII съезде партии, и все это они увяжут с XXII съездом и преподнесут общественности¹.

КОСЫГИН. Надо подумать еще, взвесить все. Может быть, нам подобрать какого-то академика, который бы выступил от имени общественности, научных работников с негритянским вопросом в Америке, с вопросом вокруг убийства Кеннеди, провел бы такую пресс-конференцию.

ДЕМИЧЕВ. И дать знать об этом Джонсону. Это махровый антисоветский документ.

БРЕЖНЕВ. Я считаю, что нужно подумать еще над этим документом. Поручить т.т. Суслову, Демичеву, Андропову, Громыко продумать этот вопрос в духе обмена мнениями на заседании и внести свои предложения.

ШЕЛЕСТ. Все же почему украли у нас Аллилуеву?

МЖАВАНАДЗЕ. Во многом виноват здесь Микоян. Он все знал, он знал не только об этом, он знал об армянских делах – знал и ничего не докладывал ЦК партии.

БРЕЖНЕВ. Есть ли возражения против внесенного предложения о том, чтобы дополнительно подумать над этим вопросом?

---

¹ Так в тексте. Речь идет о закрытом докладе Хрущева о Сталине на XX съезде КПСС

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Нет.

Принимается предложение тов. Брежнева¹.

Казалось бы, Семичастный может перевести дух. Текст решения, принятого по его записке, был прост: «Поручить т.т. Сулову, Демичеву, Андропову, Пономареву, Громыко на основе обмена мнениями на заседании Политбюро ЦК дополнительно изучить этот вопрос и свои предложения внести в ЦК КПСС»². Вот только одно настораживало – самого Семичастного в «группе товарищей» не оказалось. Ему уже не доверяют довести до реализации им же внесенные предложения. К названному Брежневым добавили секретаря ЦК Пономарева, а Семичастного забыли что ли? Нет, не забыли. Оказывается, разговор о нем еще не был закончен. И точно, продолжение последовало без паузы – Брежнев попросил Семичастного задержаться и вновь взял слово.

«БРЕЖНЕВ. Мы советовались с тов. Косыгиным на днях по многим вопросам состояния дел в нашей стране, в том числе и по вопросам состояния нашей разведки. Мы обсудили этот вопрос всесторонне. Советовались также с тов. Суловым и тов. Подгорным и пришли к единому мнению (я говорю от их имени и от себя лично), что у нас не все благополучно в Комитете госбезопасности. Очевидно, нам нужно укрепить этот орган. Об этом свидетельствуют не только факты с Аллилуевой, но и многие другие факты. Этому органу надо придать политический характер, так как это было в свое время. Я думаю, нам не надо смаковать и даже обсуждать сегодня отдельные недостатки, допущенные этим комитетом, но мы не можем терпеть те существенные недостатки и тот уровень работы, который сейчас имеется в комитете.

Мы пришли к выводу и хотели бы посоветоваться со всеми членами Политбюро и Секретарями ЦК, что нужно освободить тов. Семичастного от работы председателя Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР. Какие будут мнения по этому вопросу?

ВСЕ ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО, КАНДИДАТЫ И СЕКРЕТАРИ ЦК: Правильно, так нужно и решить.

БРЕЖНЕВ. Единодушное ли мнение всех членов Политбюро?

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО: Да, единодушное.

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. Решение П41/ХП от 18 мая 1967 года.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1563. Л. 1.

БРЕЖНЕВ. Нет ли каких-нибудь сомнений по этому вопросу у товарищей?

ВСЕ: Нет никаких сомнений, вопрос надо так именно и решить.

БРЕЖНЕВ. Тогда я предлагаю (мы и по этому поводу тоже советовались) утвердить председателем Комитета госбезопасности тов. Андропова Ю.В. Вы его все знаете. Какие будут предложения?

ВСЕ: Правильно, возражений нет.

БРЕЖНЕВ. Все согласны?

ГОЛОСА. Все.

СЕМИЧАСТНЫЙ. Как же так, со мной никто не говорил и меня никто не спрашивал по этому вопросу.

БРЕЖНЕВ. Видите ли, тов. Семичастный, у Политбюро может быть свое мнение, которое оно может высказать. Для этого мы вас сюда и пригласили. Это, собственно, вытекает из нашей практики, из наших принципов. Вы здесь присутствуете, мы Вам можем предоставить слово, Вы сами можете сказать...

СЕМИЧАСТНЫЙ. Так я же докладывал об Аллилуевой не раз. Меня не послушали.

БРЕЖНЕВ. Это неправильно. Историю вопроса я могу напомнить.

Поступила просьба Аллилуевой о выезде за границу. Я об этой просьбе доложил Политбюро. Мы тогда поручили тов. Косыгину побеседовать с Аллилуевой. Он беседовал и после этой беседы высказал свое мнение, что ее можно отправить за границу. Я после этого еще раз беседовал с тов. Семичастным, спросил его об Аллилуевой. Он сказал: ничего особенного, есть, конечно, замечания в ее личном поведении, а так ничего особенного. Так ведь было, тов. Семичастный? Вот это истина. Более того, мы поручили тов. Семичастному выделить двух человек, чтобы обеспечить охрану Аллилуевой и под его ответственность обеспечить ее возврат на родину. Это записано в решении. Тов. Семичастный знает, знают об этом все члены Политбюро. А что же получилось на деле? О каких вы докладах говорите сейчас?

Вот это истина.

(Тов. Семичастный молчит.)

ПОДГОРНЫЙ. Кто же так охраняет, кто выполняет так решение Политбюро, кто должен следить за выездом за границу, с кем она встречается за границей?

СЕМИЧАСТНЫЙ. Она в 6 часов ушла, а через 10 часов мы уже знали об этом в Москве.

КОСЫГИН. Да, действительно, мне было поручено Политбюро побеседовать с ней. Я беседовал. И что меня подкупило в этой беседе? Она мне сказала: вот я 25 лет в партии, мой отец похоронен у Кремлевской стены, я оставляю здесь свою Родину. Неужели Вы думаете, что я как-нибудь там останусь. Больше того, она сказала мне, что ходят слухи, что хотят реабилитировать отца, и тут же добавила, что не нужно этого делать, нужно оставить так, как есть. Я об этом доложил ЦК, высказав свое мнение о возможности ее поездки.

БРЕЖНЕВ. Нужно ли нам еще детализировать этот вопрос?

ВСЕ: Не нужно.

БРЕЖНЕВ. Какое мнение тов. Андропова?

АНДРОПОВ. Я считаю, что это большое доверие. Я, правда, не работал в этой области, но, если мне будет оказано такое доверие, я приложу все силы, чтобы оправдать его.

БРЕЖНЕВ. Я считаю, что нужно утвердить сегодня же тов. Семичастного первым заместителем председателя Совета Министров Украинской ССР и поручить т.т. Пельше, Кириленко, Мазурову собрать Коллегию Комитета госбезопасности и сообщить ей о нашем решении.

РЕШИЛИ: Предложение принимается»¹.

Семичастный был раздавлен.

Как вспоминал Семичастный, он вернулся после заседания сразу на Лубянку². В своем кабинете пил чай с заместителями Банниковым и Панкратовым (позвал сообщить им новость), а остальные – Захаров и Перепелицын – были в отъезде. Вдруг секретарь испуганно доложил, что в здание прибыли «все члены Политбюро!». У страха глаза велики. Конечно, пришли не все, а только те, кому поручили. Основную роль в пришедшей группе играл Кириленко, Пельше – для авторитета. Кириленко потребовал собрать Коллегию КГБ. Семичастный вступил в препирательство, заявив, что должен быть Указ Президиума Верховного Совета о его снятии с должности. Кириленко властно из-

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. Решение П41/ХП от 18 мая 1967 года.

² Беседа автора с В.Е. Семичастным 5 мая 1998 года.

В.Е. Семичастный
[Архив автора]

Н.С. Захаров
[Из открытых источников]

рек: «Будет!»¹. Но пришлось подождать. И действительно, через час-полтора указ в пакете привезли с нарочным. Семичастный вспоминал, что Подгорного где-то искали, чуть ли не на даче или еще где-то на отдыхе. К этому времени собралась Коллегия КГБ, прибыл Захаров, тогда-то и объявили решение и представили Андропова как нового руководителя. Кириленко хотел, чтобы Семичастный немедленно сдал все ключи, в особенности от сейфов, и не торчал в кабинете допоздна, сразу же покинул здание КГБ. Семичастный настоял на том, что ему необходимо забрать много вещей и книг, а это займет время. Весь оставшийся вечер и до 3 часов ночи упаковывал и отправлял вещи домой. На следующее утро пришел в свой уже бывший кабинет и отдал

¹ В опубликованных воспоминаниях Семичастный пишет, что Андропов бросил реплику «Указ будет!» (Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 410).

ключи Андропову. Тот ни словом не обмолвился, не просил ввести в курс дела или проинформировать о проблемах¹.

С приходом Андропова на Лубянку оживились недруги Семичастного. Среди них и весьма влиятельные. Ардальон Малыгин – заведующий сектором органов госбезопасности в административном отделе ЦК вскоре получил должность заместителя председателя КГБ. Также возвысились люди «брежневского клана» – Семен Цвигун и Георгий Цинев. Оба, наряду с Малыгиным, постоянно интриговали против Семичастного. С ними же и Виктор Алидин – недалекий человек, носившийся с идеей, что возглавляемое им 7-е управление должно занимать в КГБ центральное положение, что эта линия работы (наружное наблюдение и слежка) и есть основа контрразведки – «краеугольный камень»².

Алидин настойчиво добивался преобразования «семерки» в главк, а для себя – звания члена Коллегии. И добился-таки, стал членом Коллегии при Андропове – 30 сентября 1967 года. Цвигун, Цинев и Алидин были глазами и ушами Брежнева в КГБ. Они, подчиняясь Андропову, имели прямой выход на генсека. Например, в обход Андропова, Алидин ходил к Брежневу, как он пишет, с какими-то проблемами «по служебной линии»³. Наверняка просил за себя.

О Кириленко Семичастный вспоминает с иронией – совершенно беспомощный в делах человек. Как-то летом в отпускное время, оставшись «на хозяйстве» в ЦК, затребовал по телефону к себе в Кремль Семичастного и, показав две огромные стопки входящих документов, посетовал, что не знает, кому это расписывать, что делать? «А ведь половина или больше этих бумаг от тебя», – заявил он⁴. О Кириленко у сталкивавшихся с ним людей сложилось весьма нелестное мнение: «по характеру грубиян и невежда с весьма низкой культурой»⁵.

Накануне этого судьбоносного заседания Политбюро Брежнев обдумывал вопрос. Возможно, он уже утвердился в мысли

---

¹ Устные воспоминания Семичастного в деталях не совпадают с их опубликованным вариантом (Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 409–414).

² Беседа автора с В.Е. Семичастным 5 мая 1998 года.

³ Алидин В.И. Государственная безопасность и время. М., 2001. С. 191–194, 196–197.

⁴ Беседа автора с В.Е. Семичастным 5 мая 1998 года.

⁵ Захаров Н.С. Сквозь годы. Тула, 2003. С. 278.

*А.Н. Малыгин и В.И. Алидин
1970
[Из открытых источников]*

сразу назначить вместо Семичастного Андропова, не оставляя ни на секунду вакантной должность председателя КГБ. Но так ли это? О его раздумьях свидетельствует запись в дневнике, где в столбец даны две фамилии с датами:

«Освобожден т. Шелепин – 11 ноября 61 года
Назначен – Семич. 9 ноября 61 года»¹.

Тут только одна странность – в датах. Неужели память Брежнева подвела, ведь Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении Шелепина и назначении Семичастного датирован одним днем – 13 ноября, и подписан он был, кстати, Брежневым. Здесь же даты решений Президиума ЦК о смене главы КГБ, и, как видно, новый председатель назначен раньше, чем был освобожден предшественник. Да, бывало и такое. Но не это

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 208.

главное. Можно только догадываться, что волновало Брежнева, ведь сам факт тесной связки Семичастный – Шелепин был ему хорошо знаком. Возможно, история смены председателя КГБ в 1961 году давала Брежневу пример, что можно решением Политбюро первым делом назначить Андропова, чтобы сразу сел в кресло, а уж потом соблюсти формальность и озаботиться освобождением Семичастного и подыскать ему другую работу. А может быть, вообще на несколько дней оставить место председателя КГБ вакантным и еще раз подумать, кого бы на него назначить? То есть Семичастного убрать немедленно, а о премнике решить потом. Загадки. Но по всему видно, Брежнев накануне 18 мая 1967 года много думал.

Да, Семичастный серьезно поскользнулся в истории со Светланой Аллилуевой. Но, конечно, дело было не в ней. Это был хороший повод, но повод, да и только. Глубинные причины были иные. Прежде всего в его, Семичастного, близости к Шелепину и, что еще важнее, в участии в заговоре против Хрущева. Тогда, в 1964 году Шелепин и Семичастный были надежной опорой Брежнева в тайной подготовке свержения Первого секретаря, но теперь оба представляли опасность – они уже играли свою игру. И как знать, куда теперь направлены их амбиции. Для Брежнева Семичастный был человеком, уже «единожды предавшим» своего покровителя – Хрущева. Вывод один – ненадежен. И Брежнев удачно использовал момент. Выбрал повод для освобождения Семичастного и воспользовался отсутствием на заседании Политбюро Шелепина, который после автокатастрофы оказался в больнице¹.

Накануне отставки Хрущева особые отношения связали Брежнева с Шелепиным и Семичастным. На листке из дневника Брежнева за 17 сентября 1964 года есть странные строчки и схема. В столбец даны фамилии:

Брежневу
Шелепину
Семичастному

И слева от них стрелка с остриями вверх и вниз, а еще левее овал с выходящими из его верхней кромки четырьмя стрелками, направленными вверх².

¹ Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 409.

² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 3. С. 441.

Но что бы это могло значить? Выглядит как ядро заговора против Хрущева. Три основных действующих лица – организаторы, дающие импульсы (стрелки) остальным участникам. А вот спустя три года, подельники стали неприятным напоминанием о прошлом, да и просто стали опасны.

Все эти мотивы Брежнева не были секретом и для многоопытных сотрудников аппарата КГБ. Они чувствовали, как сгущались тучи над их шефом. Об этом пишет Филипп Бобков:

«Сторонники Брежнева были уверены, что Шелепин претендует на место Генерального секретаря, и старались внушить эту мысль руководителям партии. А Семичастный считался человеком Шелепина, следовательно, он тоже из лагеря “противника”, и потому – фигура явно нежелательная. Недоверие к председателю КГБ подогревалось претендовавшими на большее руководителями подразделений КГБ, пришедшими из партийных организаций Украины. Пользуясь связями с Брежневым, они успешно его интриговали»¹.

Были и другие, насторожившие Брежнева поступки Семичастного. В 1966 году он резко и с неодобрением отозвался о назначении Николая Щелокова министром охраны общественного порядка СССР. Семичастный в беседе с Кириленко назвал Щелокова «недостойным» человеком, «продвигающимся по службе только благодаря покровительству Брежнева»². А ведь наверняка понимал – Кириленко моментально доложит генсеку.

И еще один сигнал – совсем уж тревожный. В декабре 1966 года первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Шелест рассказал Брежневу такую историю. Бригада чекистов из центрального аппарата КГБ проводила проверку управления КГБ по Тернопольской области. В ходе их общения с начальником областного управления и сотрудниками москвичи довольно откровенно говорили о том, что Брежнева они «не любят и как политического руководителя, государственного деятеля всерьез не воспринимают», а в народе, по их словам, о Брежневе говорят, что это «случайный человек», возглавивший страну на волне перетасовки в результате «дворцового переворота», организованного им самим. И далее следовали нелестные эпитеты – не блещет умом, не знает хозяйства, большой интриган и артист,

---

¹ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 186–187.

² Там же. С. 186.

корыстолюбец, властолюбец и, в довершении всего, пьяница и развратник¹.

Все это начальник УКГБ И.М. Ступак сообщил Шелесту, а затем, хотя и не без колебаний, изложил все в письменном рапорте. Шелест не знал, как поступить, посоветовался с Подгорным и в конце концов на личном приеме у Брежнева 9 декабря 1966 года все ему выложил и даже передал рапорт начальника УКГБ. Как пишет Шелест, «Брежнев прочел его при мне, изменился в лице, губы посинели»². Конечно, читать такое неприятно и обидно. Но что же получается, на кого ориентируется верхушка КГБ, кого они хотят видеть во главе страны? Пасьянс сходил. Шелест и его сообщение подтвердили все то, чего так опасался Брежнев: руководство КГБ настроено к нему критически и в любой момент сделает ставку на кого-то другого. И на кого, понятно, на Шелепина! И Брежнев осознал, что пришла пора решительно избавиться от Семичастного и всерьез окоротить Шелепина.

Семичастный смирился и не пытался объяснить с Брежневым. Перед отъездом в Киев, на новое место работы он позвонил Брежневу 24 мая 1967 года. Разговор успокоил генсека, и в своем блокноте он пометил лишь кратко об услышанном от низвергнутого председателя КГБ: «Еду – вопросов у меня нет, на прием нужды нет»³. Ну вот так бы сразу, наконец-то понял, что ничего уже нельзя вернуть назад.

Много лет спустя Семичастный напишет о Шелепине: «...лучший друг, друг всей моей жизни»⁴. В этом признании – тоже ответ: не соратник и сподвижник, а друг. И Брежнев это хорошо знал и понимал, как неразрывны и в то же время опасны такие прочные узы его недругов. И когда Семичастный работал вдалеке от Москвы, Брежнев не упускал его из виду. Следил, не общается ли с Шелепиным⁵.

Для Андропова переход в КГБ был тоже неожиданным, но он не мог, как Семичастный, воскликнуть, что с ним никто не говорил и не спрашивал. К судьбоносному заседанию Политбюро он был готов. Но когда Брежнев накануне заседания сообщил ему о предстоящем выдвижении – вот это было оглушившей его но-

¹ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 280.

² Там же. С. 282.

³ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 221.

⁴ Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 459.

⁵ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 303.

А.П. Кириленко
[Из открытых источников]

А.Н. Шелепин
1960-е
[Огонек. 1968]

востью. Как пишет Александров-Агентов, длительное время работавший помощником генсека: «Назначение в КГБ было совершенно неожиданным для Андропова. Хорошо помню, с каким ошарашенным видом он вышел из кабинета Леонида Ильича после беседы с ним. Я находился тогда в приемной и спросил: “Ну что, Юрий Владимирович, поздравить вас – или как?” – “Не знаю, – ответил он, – Знаю только, что меня еще раз переехало колесо истории”¹. Конечно, Андропов согласился, и наверняка Брежнев посулил ему статусное повышение: вместо секретаря ЦК – положение кандидата в члены Политбюро, а в перспективе и членство в высшем партийном ареопаге.

Обещанное не замедлило себя ждать. На состоявшемся в июне 1967 года пленуме ЦК КПСС Андропов был заметно повышен в статусе. 20 июня утром, открывая пленум, Брежнев первым делом заговорил об Андропове: «Вы все знаете, что мы направили для работы в Комитете госбезопасности т. Андропова Ю.В. – сек-

¹ Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 265.

ретаря Центрального Комитета партии (т. Семичастный назначен первым заместителем председателя Совета Министров Украинской ССР).

Политбюро ЦК КПСС считает, что совмещение должности секретаря Центрального Комитета партии с должностью председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по организационным соображениям несколько неудобно, хотя такая практика в ряде социалистических стран имеется. Мы обсудили этот вопрос в Политбюро ЦК и пришли к единодушному мнению, что целесообразно освободить т. Андропова Ю.В. от обязанностей секретаря Центрального Комитета партии. Однако для повышения роли такого политического органа, каким является Комитет государственной безопасности, Политбюро считает целесообразным избрать т. Андропова кандидатом в члены Политбюро ЦК¹. Брежнев вынес это предложение на голосование, и пленум одобрил. Андропов обретал силу.

В том же 1967 году Брежнев добил и Шелепина. Он передвинул его из ЦК на профсоюзную работу, назначив председателем Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. В сентябре 1967 года Шелепин лишился поста секретаря ЦК, правда, членство в Политбюро он сохранил. Его политический вес заметно упал. На протяжении десяти с небольшим лет, пока Шелепин входил в Политбюро, ему ни разу не поручили выступить с докладом на торжественных заседаниях: апрельских – в годовщину рождения Ленина или ноябрьских – в годовщину Октябрьской революции. При этом другие члены Политбюро дважды выступали за те же десять лет, с 1964 по 1975 год. Например, Гришин, Кириленко, Мазуров, Пельше и Суслов.

Одним словом, Шелепина старались оттеснить и не допускать его популяризации и публичных выступлений, которые затем в обязательном порядке публиковались в виде брошюр. Не дали ему выступить и на апрельском (1973) пленуме ЦК. Шелепин подготовил выступление, но его речь осталась в приложении к стенограмме пленума как не произнесенная². Его окончательно убрали из Политбюро лишь в апреле 1975 года, и помог это сделать Андропов, ловко напомнив о фактах, дискредитирующих Шелепина в глазах Запада. Уже будучи председателем КГБ, Андропов в июле 1974 года направил в ЦК КПСС записку, где

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 5. Л. 34.

² Там же. Д. 21. Л. 129–130 об.

сообщал об ожидаемой негативной реакции в ФРГ на возможный визит туда лидера советских профсоюзов Шелепина. Андропов писал о поднятой семьей Степана Бандеры и членами ОУН в ФРГ шумной кампании и также напомнил о наличии фамилии Шелепина в розыскных списках¹. Да, все точно, фамилия Шелепина как организатора убийства в 1959 году Степана Бандеры в Мюнхене украсила немецкий список разыскиваемых уголовных преступников.

Брежнев не ошибся с выбором Андропова на пост руководителя КГБ. Новый председатель, презрев строгие партийные инструкции, был готов выполнять любые поручения Брежнева. Согласно решению ЦК еще от декабря 1938 года и изданным на его основе приказам НКВД, а позднее КГБ, органам госбезопасности строго-настрого запрещалось вести слежку против работников партийно-советской номенклатуры². А если очень нужно и об этом просит Брежнев? Андропов не колебался, понимая политическую важность момента. В начале 1971 года за членом ЦК Семичастным от квартиры до Кремля, куда он направился на пленум ЦК, следовали сотрудники наружного наблюдения КГБ, а его телефон прослушивали³.

Николай Егорычев – первый секретарь Московского горкома КПСС, потерявший должность после резко критического и обидевшего Устинова выступления на июньском (1967) пленуме ЦК, пишет, как его помощников из Московского горкома приглашали в КГБ и «настойчиво выясняли, когда и с кем я встречался, какие были разговоры и т. д. Все мои разговоры на работе и дома прослушивались»⁴. Егорычев уверен, что у Брежнева был замысел провести в 1968 году пленум ЦК и по примеру 1957 года разоблачить на нем новую «антипартийную группу» – Шелепина, Семичастного, Месяцева, Егорычева и других «комсомольцев»⁵.

---

¹ Исполнителем посланного в ЦК КПСС документа значится начальник 1-го отделения 2-го отдела 5-го управления КГБ при СМ СССР Н.М. Голушко, отвечавший за борьбу с «националистами».

² Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991: Справочник / под ред. акад. А.Н. Яковлева; авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 600–601.

³ Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 418–419, 440–442.

⁴ Егорычев Н.Г. Солдат. Политик. Дипломат: Воспоминания об очень разном. М., 2017. С. 260.

⁵ Там же.

Для того и занарядили Андропова и подчиненный ему аппарат КГБ, чтобы собрать необходимые факты. «Но, – заключает Егорычев, – Брежнев не решился на громкое дело: тогда еще вокруг него не было того всеобщего подбострастия окружающих, которое он насадил и которое расцвело пышным цветом вокруг него позднее, потому и решил расправиться с нами поодиночке»¹.

С этим трудно согласиться. Поодиночке-то, конечно, их всех снимали с должностей и прижали. Каждого в свое время. Но не таков был Леонид Ильич, чтобы вообще затевать такие громкие дела. Он всегда предпочитал действовать методично, но не спеша, удаляя из окружения и отстраняя от должностей своих соперников одного за другим. «Без надрыва», как он любил говорить. И Андропов ему был в этом деле надежной опорой. Для того Брежнев и дал ему должность председателя КГБ.

А дело против Аллилуевой продолжало разворачиваться в полном соответствии с наработками КГБ времен Семичастного. В конце мая 1967 года грянули разоблачительные статьи в центральной прессе. Одна другой гаже. Достаточно привести их названия: «О пасквилях на “высоком уровне”» (Правда. 27 мая), «Доллары Светланы» (Комсомольская правда. 31 мая), «Богоискательница... за доллары» с пояснением в подзаголовке: «ЦРУ делает святошу миллионершей» (Известия. 2 июня). И что характерно, особый упор на деньги. Ну да, это для советского человека большая тема. Кажется, размеры авторского гонорара беглянки больше всего будоражили сознание советских руководителей, а уж завистливых обывателей это сражало наповал. Понятно, горбатаясь в Советском Союзе, таких денег за всю жизнь точно не заработаешь.

Теперь за дело взялся Андропов, но ничего выдумывать не стал. Просто все те же замыслы, с которыми выступил Семичастный, стал претворять в жизнь. Первым делом – сбить волну восторженных ожиданий на Западе. Выход книги Светланы Аллилуевой был запланирован на сентябрь. Времени в обрез, надо было торопиться. Но кому поручить пиратским образом вбросить в зарубежную прессу, если не саму «правильно» отредактированную книгу, так хотя бы фрагменты из нее? Абы кого не попросишь. Это следует сделать так, чтобы выглядело естественно, как будто материал не из «мутного источника». Никакой, даже пунктирной линии от КГБ не должно прослеживаться. И в пу-

¹ Егорычев Н.Г. Указ. соч. С. 260–261.

бликаторах должен значиться человек известный в журналистских кругах. И такой человек у КГБ на примете был. Виктор Луи – един в нескольких ипостасях: советский гражданин – журналист, корреспондент английской газеты, наконец, человек выполнявший поручения КГБ. Последнее – особенно пикантно и до сих вызывает у историков жгучий интерес и споры. Так он агент или не агент?

Луи действовал с выдумкой. Ну, во-первых, сочинил складную историю о том, как он заполучил рукопись. Тут все просто. Он будто бы получил фотокопию книги из «диссидентских» кругов¹. Ясное дело, не говорить же, что книгой его снабдили офицеры КГБ. Во-вторых, Луи решил подготовить материал так, как будто это его журналистское расследование. Нанес визит оставшимся в Москве сыну и дочери Аллилуевой, раздобыл у них множество семейных фотографий и иллюстрировал ими фрагменты книги Аллилуевой, сделав от себя журналистские вставки². Теперь все выглядело как его авторский материал, за который он мог сам получить гонорар. Ну да, КГБ дал ему подзаработать.

Первый очерк под заголовком «Дети о Сталине» Луи опубликовал в английской газете «Ивнинг ньюс» 20 июля 1967 года³. Бешеная активность Луи в проталкивании материалов в западную прессу какие-никакие результаты дала. До публики донесли главное, что хотел Кремль. Убедить всех в простой вещи: то, что пишет в своей книге Аллилуева, «неинтересно». И, конечно, дискредитировать автора. Тут и интервью первого мужа Светланы, и рассказы о ее многочисленных романах⁴. Ничем Луи не брезговал. Не гнушались ничем и в ЦК. Решением Политбюро 3 августа 1967 года были утверждены и разосланы директивы советским послам за рубежом «для доведения до сведения» политических кругов этих стран мнения Кремля об Аллилуевой и ее книге. И там замечательный пассаж: «О моральном облике Аллилуевой говорит тот факт, что к 40 годам жизни она только официально сменила пять мужей»⁵. Ну что тут скажешь – убой-

---

¹ Кеворков В. Виктор Луи: человек с легендой. С. 162–164.

² Там же. С. 172–174, 179.

³ Там же. С. 181.

⁴ Хреков А. Король шпионских войн: Виктор Луи – специальный агент Кремля. М., 2010. С. 121.

⁵ Директивы утверждены решением Политбюро ЦК КПСС П49/45 от 3 августа 1967 года (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1565. Л. 26).

ный факт, объясняющий все на свете, в том числе и то, почему не стоит всерьез воспринимать воспоминания дочери Сталина.

В КГБ подводили итоги. В сообщении 12 августа 1967 года в ЦК КПСС «о продвижении фрагментов рукописи» Аллилуевой отмечалось: «С использованием материалов, распространенных КГБ, за последние дни вышли газеты...», далее шли названия десятка видных изданий и среди них, конечно, «Ивнинг ньюс»¹. А что же в результате этих титанических усилий? Ну прежде всего заставили официальных издателей поторопиться и выпустить книгу Аллилуевой досрочно. В Англии – уже в августе. Вроде бы этого и хотели. Хуже другое – вся закулисная возня вокруг книги демаскировала намерения КГБ. Более того, на Западе все разгадали. Проницательные журналисты поняли смысл происходящего: «Корреспондент журнала “Ньюсуик” утверждает, что кампания по преждевременному опубликованию рукописи выгодна для русских и имеет своей целью срыв сенсации в связи с намерением издать книгу С. Аллилуевой в канун Юбилея Октябрьской революции»². Американцы пошли по следу и стали выяснять, откуда в Европе появилась еще одна рукопись книги. В КГБ бросились замечать следы: «...принимаются меры, чтобы до американской стороны была доведена выгодная нам версия о происхождении рукописи С. Аллилуевой»³.

Тем не менее в целом Андропов был доволен. Эпопея с воспоминаниями дочери Сталина стала его боевым крещением в КГБ. Серьезная внешнеполитическая акция, в которой были задействованы лучшие силы, погрузила Андропова в закулисную жизнь разведки и контрразведки, многое открыла и многому научила. Он увидел и оценил силу и возможности возглавляемой им организации.

И хоть не все цели были достигнуты, а часть планов не реализована, Светлане Аллилуевой и ее издателям изрядно помотали нервы. Андропов был впечатлен оборотистостью Виктора Луи – вот это размах! Послушав отзывы связанных с ним оперативников, ему захотелось лично увидеть удачливого журналиста, а еще раньше – наградить его.

---

¹ Сообщение КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС № 2054-А от 12 августа 1967 года (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1565. Л. 44).

² Там же.

³ Там же. Л. 45.

А награждать, оказалось, было за что. Без особого труда в недрах КГБ было подготовлено письмо с представлением Виктора Луи на награждение орденом Красной Звезды. Андропов его без колебаний подписал и направил в ЦК. Вопросы награждения орденами решались на уровне Политбюро ЦК. В «особой папке» решений Политбюро награждение Луи значителен как «Вопрос КГБ». Это решение П69/24-оп от 7 февраля 1968 года, озаглавленное «О награждении Луи В.Е. орденом Красной Звезды»¹. И только после этого 13 февраля был выпущен Указ Президиума Верховного Совета СССР № 2367-VII о награждении Луи Виктора Евгеньевича орденом Красной Звезды «за успешное выполнение заданий». Чьих заданий не уточнялось. Но судя по тому, из какого ведомства исходила инициатива о награждении, все понятно. Разумеется, этот Указ не попал в печать.

Письмо Андропова в ЦК с просьбой рассмотреть вопрос о награждении Луи датировано 2 февраля 1968 года и зарегистрировано под номером 243-А в перечне исходящих документов². В нем много интересного и заслуги перечислены, в том числе в деле Аллилуевой. Но главное, что привлекает внимание – один вполне боевой эпизод, относящийся ко времени фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 году.

Вот где Луи особо отличился. Он поджег то ли офис «антифестивальщиков», то ли место их постоянного пребывания – что-то типа их штаб-квартиры. Главное, натравить на них финскую полицию, выставив участников «контрфестиваля» возмутителями спокойствия и людьми, создающими проблемы и опасными для общества. Что-то вроде: вот смотрите – перепились и устроили пожар, так ведь весь город спалит! Ему, представлявшемуся корреспондентом газеты «Ивнинг ньюс», было проще простого навестить нужный офис и оставить в нем зажигательный пакет.

Руководитель советской делегации на фестивале в Хельсинки Сергей Павлов недвусмысленно дал понять, кто ему мешал: «Нелишне отметить, что в кучке провокаторов, взвинченной парами виски, многие говорили с вашингтонским или боннским акцентом»³. Да, фестиваль встретил в Хельсинки серьезное

---

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П69/24-оп от 7 февраля 1968 года «Вопрос КГБ».

² Записка Ю.В. Андропова № 243-А от 2 февраля 1968 года приложена к подлиннику вышеупомянутого решения Политбюро ЦК КПСС.

³ Правда. 1962. 8 августа.

противодействие. Делегация советской молодежи разместилась на пришвартованном в порту теплоходе «Грузия» Черноморского пароходства. В город выходили группами. Опасались провокаций со стороны финской молодежи, не согласной с советской пропагандистской направленностью фестиваля. Луи – корреспондент иностранной газеты и одновременно... ну понятно кто, не был связан групповой дисциплиной и передвигался свободно.

Как ориентировался Луи в сложной заграничной обстановке, с кем контактировал, кто в Хельсинки направлял его действия, поддерживал, прикрывал и снабжал всем необходимым для выполнения задания? Об этом можно только строить догадки. Но кое-что интересное, связанное с этой поездкой, есть в сохранившихся архивных документах. Если взглянуть на список советской делегации, бросаются в глаза знакомые фамилии. Например, Лазовик Геронтий Павлович – ответственный организатор отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ по союзным республикам¹. В хозяйственной группе значится Голуб Владимир Яковлевич, 1922 года рождения, член КПСС с незаконченным высшим образованием, референт Комитета молодежных организаций СССР². В его обязанности входило размещение советской делегации, бытовое обслуживание участников фестиваля, обеспечение встреч членов советской делегации с зарубежными гостями³.

Присутствие Лазовика и Голуба в Хельсинки многое объясняет. Во-первых, оба – сотрудники госбезопасности. Голуб воевал в знаменитом 1-м мотострелковом полку ОМСБОН войск НКВД, после войны – сотрудник Судоплатова, принимал участие в его тайных акциях по устранению людей внутри страны. Белорус Лазовик с мальчишеских лет воевал в партизанском отряде и соответствующую выучку и опыт приобрел.

Но не только эти двое негласно представляли в Хельсинки всевидящее око КГБ. Выехал на «передний край» и сам Филипп Бобков – сотрудник 2-го главка КГБ, боровшийся с крамолой. По окончании фестиваля Сергей Павлов особо ходатайствовал перед председателем КГБ Семичастным о награждении группы

¹ РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 17. Д. 39. Л. 61.

² Там же. Д. 44. Л. 138.

³ Там же. Д. 45. Л. 25.

чекистов: «Особо отмечаем большую работу, проведенную группой товарищей во главе с тов. Бобковым Ф.Д.»¹.

В общем, с точки зрения Андропова, боевой орден Луи вполне заслужил. Быстро втянувшись в лубянскую жизнь, и в полном соответствии с принятыми там привычками Андропов назначил аудиенцию Виктору Луи на конспиративной квартире. Не приглашать же его прямо на Лубянку. В главном здании КГБ лишних глаз хватает.

Луи был под впечатлением. Как же! Сам председатель КГБ пожелал с ним встретиться! Сделанные Луи наблюдения и выводы о характере Андропова, скорее, комплиментарны и даже чересчур художественны. И все же: «Самым привлекательным мне показалось то, что его внешняя целостность покоилась на внутренней противоречивости. Андропов был, несомненно, личностью творческой, а значит – сомневающейся. Однако человеческие проявления скрывал, опасаясь, что сомнения примут за некомпетентность, добро – за слабость, а привычку хорошо обдумывать, прежде чем действовать, – за излишнюю осторожность. Ум, быстрая реакция и хорошее знание природы человека, в первую очередь его слабостей, подняли Андропова на должную высоту, и были все основания надеяться, что, обладая этими качествами, он сможет разумно управлять людьми»².

Формировать свою команду в КГБ Андропов начал моментально. Еще не сев толком в кресло председателя, он утром 19 мая 1967 года был на приеме у Брежнева. Тут же присутствовал и Ардальон Малыгин, отвечавший в ЦК за кадры КГБ³. В тот же день уже на Лубянке Малыгин ввел Андропова в курс дела относительно организации и структуры главков и управлений КГБ⁴. На переход своих ближайших людей из ЦК в КГБ Андропов получил добро. Но все же полной свободы рук у Андропова не было. Брежнев навязал ему и своих людей.

Со своим отделом в ЦК КПСС Андропов расстался не сразу. Еще 24 мая, участвуя в заседании Секретариата ЦК, он выразился: «наш отдел». Речь шла об экономическом сотрудничестве с зарубежными странами, и Андропов напомнил присутствующим: «В связи с ликвидацией Отдела по внешнеэкономическим

---

¹ Там же. Д. 39. Л. 3.

² Кеворков В. Виктор Луи: человек с легендой. С. 212–213.

³ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 2. С. 190.

⁴ Команда Андропова. М., 2005. С. 72.

*В.М. Чебриков**[Из открытых источников]*

связям все его функции легли на наш отдел. Поэтому работы сейчас стало очень много, и той небольшой группе товарищей, которые занимаются этими вопросами, очень трудно работать. Я бы просил этот сектор укрепить»¹. Суслов моментально откликнулся и предложил дать дополнительные штатные единицы отделу Андропова. Хотя Андропову уже надо было бы больше думать о будущих кадровых перестановках в госбезопасности.

На ключевые должности в КГБ были назначены новые люди. Прежде всего 2 июня был заменен начальник 9-го управления КГБ, отвечавший за охрану членов Политбюро, 11 июля был сменен комендант Московского Кремля, 24 июля новым начальником 2-го главка КГБ (контрразведка) был назначен Георгий Цинев и в тот же день в кадры КГБ был зачислен с партийной работы Виктор Чебриков с назначением начальником управления кадров КГБ и присвоением звания полковника.

Среди получивших новые назначения наиболее заметным стал Семен Цвигун – давний друг Брежнева. Он 23 мая 1967 года с должности председателя КГБ при Совете министров Азербайджана был назначен заместителем председателя КГБ, и в

---

¹ Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний. 1965–1967 гг. С. 198.

том же году 24 ноября стал первым заместителем у Андропова. Не был забыт и Ардальон Малыгин – его одарили 8 июня 1967 года должностью зампреда КГБ и в том же году присвоили звание генерал-майора.

Эти кадровые перестановки были отчасти следствием компромисса. Выдвижение получила не только креатура Андропова, но в аппарате КГБ были расставлены и люди Брежнева. Замены шли бойко и споро. Андропов хорошо понимал – кадры надо менять сразу и решительно. Позднее делился опытом с ново назначенным польским министром внутренних дел: «На личном опыте я убедился, что такие замены нужно делать как можно скорее. Позже, когда поработаешь с теми, кого следовало бы убрать, это делать во сто крат сложнее. Уже привыкаешь к ним, будет просто труднее разговаривать с ними, возникают какие-то препятствия, тогда как замена сразу, в начале деятельности на новом месте, является делом естественным и не вызывает ни у кого вопросов. Избавляйтесь от неугодных руководителей сейчас, позже будет труднее сделать это»¹.

Своего многолетнего помощника Крючкова 24 мая 1967 года Андропов назначил помощником председателя КГБ, присвоив ему сразу звание полковника, а через полтора месяца, 7 июля, он стал начальником секретариата КГБ. Это был вполне осознанный выбор. Крючков отличался «необычайной пунктуальностью и организованностью», он «работал как часы»². Трудоголик с гипертрофированной самодисциплиной: «Каждое утро он просыпался ровно в 6:20 и в течение часа делал зарядку по программе, которую разработал сам. Ровно в 9:00 он был на рабочем месте. Напряженный рабочий день обыкновенно заканчивался в 9–10 часов вечера. Он работал и по субботам, а в воскресный выходной можно было назвать таковым лишь условно, потому что Крючков постоянно находился на связи и был доступен в любое дня и ночи»³.

Не всех, работавших с ним в ЦК, Андропов удостоил чести пригласить с собой в КГБ. Кто-то был не очень к нему близок, кто-то не годился по своим качествам. А кто-то, прямо скажем, староват. С декабря 1958 года помощником заведующего отделом, затем с декабря 1962 года помощником секретаря ЦК Ан-

---

¹ Павлов В.Г. Руководители Польши глазами разведчика. С. 337.

² Грушко В.Ф. Судьба разведчика. М., 1997. С. 185.

³ Там же.

дропова работал Александр Кудряшов. Он был почти ровесник своего шефа – лишь на год младше. Андропов мог знать его еще в годы комсомольской карьеры. В 1938 году Кудряшов был заместителем начальника политотдела Верхневолжского пароходства по комсомолу, а затем выдвинулся на должность первого секретаря Горьковского обкома комсомола. Верхняя Волга и совещания комсомольского актива в Горьком – ну как такое забыть. Речники-комсомольцы снова встретились. И есть что вспомнить и о чем поговорить. В апреле 1965 года Кудряшов повышен до заместителя заведующего отделом, а на освободившееся место помощника секретаря ЦК Андропов выдвинул верного ему Крючкова. Его-то и взял с собой в КГБ. Кудряшов же остался в ЦК и в мае 1968 года стал помощником нового секретаря ЦК Катусева, принявшего кураторство над почти на год осиротевшим отделом Андропова¹.

В КГБ Андропов взялся лично курировать ключевые подразделения – 1-й главк (разведка), 9-е управление (охрана руководителей), 11-й отдел (руководство представительствами КГБ в социалистических странах), Инспекцию при председателе КГБ и секретариат КГБ².

«ПЯТКА»

Во главе КГБ Андропов обозначил приоритеты в деятельности органов госбезопасности, придав первостепенное значение усилению борьбы со всякого рода отклонениями от идеологических партийных канонов. В июле 1967 года он четко сформулировал новую линию и задачи КГБ в борьбе с «идеологическими диверсиями». Андропов заявил о враждебных попытках «подтачивать советское общество с помощью средств и методов, которые с первого раза не укладываются в наше представление о враждебных проявлениях», и пояснил: «Более того, можно сказать, что противник ставит своей целью на идеологическом фронте действовать так, чтобы по возможности не преступать статьи уголовного кодекса, не преступать наших советских законов, действовать в их рамках, и, тем не менее, действовать враждебно». В качестве

¹ Биографию А.Ф. Кудряшова см.: Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю. Указ. соч. С. 355–356.

² Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 165.

мер противодействия Андропов ограничился лишь общим призывом: «Все это, разумеется, требует большой и напряженной работы со стороны товарищей, которые теперь идут на работу в органы государственной безопасности»¹.

Подобное теоретизирование означало только одно – распознать враждебность тех или иных действий или высказываний советских граждан могут лишь органы КГБ. Только они могут решить, что именно не укладывается «в наше представление о враждебных проявлениях». Определить, всем объяснить и уложить во вновь формируемые признаки «враждебности». Напрашивается и второй вывод, еще более серьезный. Если те или иные действия граждан не нарушают закон, то и преследовать их не за что. Но с точки зрения Андропова это не так. Важна не формальная законность, а достижение единомыслия граждан и их подчинение идеологическим доктринам. И двигаться к этой цели можно, не обращая внимания на мелочную законность. Главное – любыми средствами пресечь малейшие проявления свободомыслия. Отсюда вытекала и необходимость создания специального подразделения в КГБ, призванного бороться со всеми видами явной и скрытой «крамолы».

Андропов уловил основной идущий сверху посыл об усилении идеологической работы. Между тем аппарат КГБ не поспевал за временем. Как раз накануне смещения Семичастного в марте 1967 года состоялось совещание руководящих работников контрразведки КГБ, на котором была отмечена тревожная тенденция. В 1965–1966 годах было заведено в целом в 7 раз меньше дел оперативной разработки (ДОР), чем в 1963–1964 годах, причем на советских граждан по окраске «шпионаж» в 8 раз меньше и в 5 раз меньше по окраске «антисоветская агитация и пропаганда». А общее число дел оперативной проверки (ДОП) за последние два года уменьшилось на 63 процента. В 53 органах КГБ – УКГБ на 1 января 1967 года вообще не имелось в производстве дел оперативной разработки по «шпионажу», в 19 органах не было ни ДОР, ни ДОП по «шпионажу»².

Первым значительным шагом Андропова стало образование печально известного 5-го управления КГБ. В записке в ЦК КПСС от 3 июля 1967 года Андропов в мрачных тонах обрисовал

---

¹ Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 100.

² ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 117. Л. 19.

картину «наращивания и активизации подрывных действий реакционных сил», указав, что эти силы делают ставку «на создание антисоветских подпольных групп, разжигание националистических тенденций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов». Далее в записке говорилось о том, что «под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия». Заметив попутно, что «линия борьбы с идеологической диверсией» ослаблена, Андропов предложил создать в центре и на местах самостоятельные управления (отделы) КГБ, возложив на них задачи «организации контрразведывательной работы по борьбе с акциями идеологической диверсии на территории страны»¹.

Предложения Андропова нашли полную поддержку и понимание в ЦК. На заседании Политбюро 17 июля 1967 года было принято решение об организации 5-го управления КГБ по борьбе с «идеологической диверсией» и соответствующих пятых подразделений на местах. Более того, была существенно расширена сеть местного представительства КГБ. В 200 районах и городах, где их раньше не было, создавались аппараты КГБ, которые теперь именовались городскими или районными отделами КГБ. В решении Политбюро (П47/97-оп) от 17 июля 1967 года также говорилось об увеличении общего штата КГБ на 2250 единиц (из них 1750 офицеров, причем по центральному аппарату 100 офицеров). В тот же день вышло и постановление Совета министров СССР № 676-222 от 17 июля 1967 года об увеличении штатной численности органов КГБ².

Решение было оформлено приказом КГБ № 0097 от 25 июля 1967 года, в этот же день приказом № 0096 были объявлены структура и штат нового управления.

Первым начальником 5-го управления КГБ 4 августа 1967 года был назначен Александр Кадашев (с должности секретаря Ставропольского крайкома КПСС). Его первым заместителем

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 453. Л. 17–22; опубликовано в: Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 711–714.

² Там же.

76

3.

5. Управлению кадров совместно со 2 Главным, 5 Управлениями и Финансово-плановым отделом Комитета госбезопасности до 10 августа с.г. подготовить и представить на утверждение вытекающие из настоящего приказа изменения в штатах территориальных органов.

Комитет госбезопасности обращает внимание руководителей органов на необходимость четкого проведения организационных мероприятий и дальнейшего усиления борьбы с разведкой противника.

39

П Р И К А З

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

СОДЕРЖАНИЕ:

0097	О внесении изменений в структуру Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органов на местах
0097	25 июля 1967 года г. Москва

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановления о создании в центральном аппарате КГБ и его органах на местах контрразведывательных подразделений по борьбе с идеологической диверсией противника. Это решение партии и правительства является проявлением дальнейшей заботы об укреплении государственной безопасности страны.

Во исполнение указанных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР -

П Р И К А З И В А Е Т:

1. Создать в Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР самостоятельное (пятое) управление, возложив на него организацию контрразведывательной работы по борьбе с идеологической диверсией противника, передав эти функции из 2 Главного управления КГБ.

КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
АНДРОПОВ

р и о: *С.С.С.С.С.*

2.

Управлению кадров совместно со 2 Главным управлением КГБ представить на утверждение структуру подразделения и перечень изменений в штатном расписании управления КГБ при Совете Министров СССР.

Управлению кадров совместно с руководством 5 Управления КГБ обеспечить своевременное укомплектование вновь созданных подразделений руководящими и оперативными кадрами.

Управлениям КГБ при Советах Министров республик и областных управлениях КГБ по крайям и областям соответственно 5 управления-отделов КГБ по борьбе с идеологической диверсией противника, вносящие изменения в функционально-структурные отделы-отделения.

2

3. Переименовать аппараты уполномоченных КГБ в городских и районных отделах и отделениях КГБ-УКГБ-ОКГБ. В течение 1967 года организовать дополнительно городские и районные отделы и отделения КГБ-УКГБ-ОКГБ там, где в этом имеется оперативная необходимость.

4. Председателям комитетов государственной безопасности при Советах Министров союзных и автономных (РСФСР) республик, начальникам управлений КГБ при Совете Министров СССР по крайям и областям в пятидневный срок подготовить и представить в КГБ при Совете Министров СССР предложения о структурно-штатных изменениях в связи с организацией подразделений по борьбе с идеологической диверсией противника, а также о создании дополнительно городских и районных отделов и отделений согласно выделенной Комитетом государственной безопасности численности.

*Приказ № 0097
председателя КГБ
при СМ СССР о
внесении изменений в
структуру Комитета
госбезопасности и его
органов на местах
27 июля 1967
[ГДА СБУ Ф. 9.
Он. 1. Д. 28. Л. 75-76]*

*А.Ф. Кадашев
[РГАСПИ]*

*Генерал-лейтенант Ф.Д. Бобков
[Из открытых источников]*

лем Андропов назначил Филиппа Бобкова (с должности заместителя начальника 2-го главка КГБ). Как вспоминал Бобков, он был вызван поздно вечером к Андропову, и разговор зашел о создаваемом 5-м управлении. Причем Андропов не скрывал, что «ощущение необходимости такого подразделения вынес из венгерских событий 1956 года, очевидцем и участников которых был...»¹.

По замыслу Андропова, наличие в руководстве 5-го управления крепкого профессионала, каковым слыл Бобков, ранее во втором главке КГБ занимавшийся преследованием противников советского режима, должно было помочь партийному выдвиженцу Кадашеву освоиться на новом посту. Но не помогло, и Кадашев пробыл на посту начальника совсем недолго и уже в декабре 1968 года был освобожден. Некоторое время Бобков исполнял обязанности начальника, пока 23 мая 1969 года

¹ Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 194.

наконец-то не был назначен начальником. Его считали «человеком эрудированным и достаточно гибким»¹.

Курировать 5-е управление в 1967 году Андропов поручил первому заместителю председателя КГБ Цвигуну. Он осуществлял наблюдение за 5-м управлением до мая 1971 года, пока его не сменил в этом качестве другой заместитель председателя КГБ – Виктор Чебриков². С начальником 5-го управления Бобковым у Чебрикова сложились хорошие отношения. Он часто бывал в управлении, участвовал в решении возникавших вопросов, терпеливо высиживал на долгих партсобраниях. Чебриков был фаворитом Андропова, который рассматривал его как некий противовес Цвигуну и Циневу.

Многие в КГБ сделали весьма поверхностный вывод о том, что Андропов «с самого начала поставил перед собой задачу превратить госбезопасность из карательного органа в политический»³. Не поняв при этом, что одно лишь дополняет другое. И никакая политическая составляющая не заменит единственного действенного инструмента, обеспечивавшего устойчивость советской власти, – страх применения репрессий, а при необходимости и сама репрессия.

Заместителями начальника 5-го управления КГБ в августе 1967 были назначены Сергей Серегин (с должности начальника УКГБ по Красноярскому краю) и Константин Обухов (с должности заместителя начальника 1-й службы 2-го главка КГБ). Серегин в мае 1971 года был выдвинут на должность первого заместителя начальника 5-го управления. С мая 1970 года в заместителях начальника 5-го управления работал Виктор Никашкин, пришедший с должности начальника УКГБ по Астраханской области.

Кадры для укомплектования управления рекрутировались как из центрального аппарата, так и из территориальных органов КГБ. Вакансий появилось много. Говорили, что в 5-е управление будут брать лучших из лучших, самых идейно выдержанных. Действительно, старались укреплять состав управления молодыми образованными офицерами. Состав управления складывался как многонациональный, особенно во 2-м отделе,

---

¹ Калугин О.Д. Прощай Лубянка! М., 1995. С. 192.

² Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 165, 168–170.

³ Кеворков В.Е. Генерал Бояров. М., 2003. С. 104.

С.М. Серегин
[РГАСПИ]

В.С. Никашкин
[РГАСПИ]

где занимались «националистами» и куда приглашались на работу люди из периферийных органов КГБ. Но специфика работы – следить за высказываниями граждан, выявлять крамолу и «мыслепреступления» – слишком уж напоминала политический сыск. Образованные и много понимающие сотрудники управления стали относиться к своей службе весьма иронично. И само 5-е управление шутливо обозвали «пяткой». Отчасти как не самое лучшее и престижное место работы в КГБ. Куда престижней были первый и второй главки. Вот туда стремились.

Росли люди и в самом управлении. Василий Проскурин, возглавлявший отдел в 5-м управлении, в сентябре 1970 стал заместителем, с августа 1979 года – 1-м заместителем начальника 5-го управления. Точно так же из начальников отдела Иван Абрамов в апреле 1973 года поднялся до уровня заместителя, с февраля 1982 года стал первым заместителем начальника 5-го управления. Он-то после Бобкова и возглавил управление в 1983 году. Бобкова и его будущего сменщика часто противопоставляли. Бобков «умный, энергичный, не боящийся решать самостоятельно самые сложные политические вопросы, иногда без перестраховки и консультаций с отделами ЦК КПСС. Такие

бы качества генералу Ивану Павловичу Абрамову, сменившему его на посту начальника Пятого управления КГБ»¹.

Согласно первоначальному штату, 5-е управление состояло из шести отделов:

1-й отдел – контрразведывательная работа на каналах культурного обмена, разработка иностранцев, работа по линии творческих союзов, научно-исследовательских институтов, учреждений культуры и медицинских учреждений;

2-й отдел – планирование и осуществление контрразведывательных мероприятий совместно с 1-м Главным управлением КГБ (разведка) против центров идеологических диверсий империалистических государств, пресечение деятельности НТС, националистических и шовинистических элементов;

3-й отдел – контрразведывательная работа на канале студенческого обмена, пресечение враждебной деятельности студенческой молодежи и профессорско-преподавательского состава;

4-й отдел – контрразведывательная работа в среде религиозных, сионистских и сектантских элементов и против зарубежных религиозных центров;

5-й отдел – практическая помощь местным органам КГБ по предотвращению массовых антиобщественных проявлений. Розыск авторов антисоветских анонимных документов, листовок. Проверка сигналов по террору;

6-й отдел – обобщение и анализ данных о деятельности противника по осуществлению идеологической диверсии. Разработка мероприятий по перспективному планированию и информационной работе.

Помимо перечисленных отделов в штат входили секретариат управления, финансовый отдел, группа кадров и группа мобилизационной работы. Общая численность сотрудников составляла 201 человек. Штатом предусматривались должности: начальник управления, его первый заместитель и два других заместителя. Для начальника управления было установлено предельное воинское звание генерал-лейтенант, для заместителей – генерал-майор, для начальников отделов – полковник.

Среди сотрудников КГБ известие об организации нового управления вызвало массу пересудов. Поговаривали, что штат управления будет комплектоваться особо проверенными и «идеологически закаленными» кадрами и ни в коем случае не «людь-

---

¹ Чехонин Б.И. Журналистика и разведка. М., 2002. С. 155.

ми с улицей»¹. Более того, один из сотрудников пишет в мемуарах: «Почему-то имела место всеобщая уверенность в том, что Пятое управление будет возвышаться над КГБ и даже проверять лояльность оперсостава других управлений. Даже несколько лет спустя, встречаясь с сотрудниками разведки и контрразведки, я слышал от них версии на этот счет: они считали, что “пятерка” ведет оперативную проверку личного состава КГБ на предмет пригодности к дальнейшей службе и верности идеалам...»².

Все последующие годы происходило постоянное расширение сфер деятельности и соответственно структуры 5-го управления. После серии взрывов около Мавзолея Ленина, а также неудачного покушения на Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева в августе 1969 года был создан 7-й отдел 5-го управления. Официально его функции были обозначены как «выявление и проверка лиц, вынашивающих намерения применить взрывчатые вещества и взрывные устройства в антисоветских целях». Этому же отделу были переданы функции по розыску авторов анонимных антисоветских документов, проверка сигналов по «центральному террору» и разработка выявленных лиц, а также контроль над ведением таких разработок в местных органах КГБ. Под террором понимали любые устные и письменные угрозы в адрес руководителей страны. Угрозами в адрес местных руководителей («местный террор») занимались территориальные органы КГБ.

В июле 1973 года в связи с ростом эмиграционных настроений среди советских евреев был организован 8-й отдел 5-го управления. В его задачи входило «выявление и пресечение акций идеологической диверсии подрывных сионистских центров».

В мае 1974 года в целях более плотного наблюдения и борьбы с диссидентским движением, а также для пресечения связей диссидентов с западными правозащитными организациями в штат 5-го управления добавились 9-й и 10-й отделы.

9-й отдел занимался «ведением наиболее важных разработок на лиц, подозреваемых в организованной антисоветской деятельности (кроме националистов, церковников, сектантов); выявлением и пресечением враждебной деятельности лиц, изготавливающих и распространяющих антисоветские материалы; проведением агентурно-оперативных мероприятий по вскрытию

---

¹ Григ Е. Да, я там работал. М., 1997. С. 101.

² Там же.

на территории СССР антисоветской деятельности зарубежных ревизионистских центров».

Задачей 10-го отдела было «проведение контрразведывательных мероприятий (совместно с 1-м Главным управлением КГБ) против центров идеологической диверсии империалистических государств и зарубежных антисоветских организаций (кроме враждебных организаций украинских и прибалтийских националистов)».

В июне 1977 года в связи с подготовкой к XXII Олимпийским играм был создан 11-й отдел 5-го управления, функции которого были обозначены следующим образом: «осуществление оперативно-чекистских мероприятий по срыву подрывных акций противника и враждебных элементов в период подготовки и проведения летних Олимпийских игр в Москве». Однако после проведения Олимпиады-80 отдел упразднить не стали, а возложили на него работу по наблюдению за спортивными, медицинскими и научными организациями.

В середине 1970-х в составе 5-го управления была создана (на правах отдела) 12-я группа для координации работы управления с органами безопасности социалистических стран. Опыт такого сотрудничества уже имелся – достаточно вспомнить нашу шумевшую книгу чеха Томаша Ржезача «Спираль измены Солженицына», созданную при участии 5-го управления КГБ и родственного ему 10-го управления МВД Чехословакии¹. Многие руководители и простые офицеры управления побывали в командировках в «братских» странах. Целью поездок, наряду с обменом опытом, были практические вопросы оперативной деятельности.

В феврале 1982 года в составе 5-го управления возникли еще два отдела – 13-й и 14-й. Задачи 13-го отдела были обозначены как «выявление и пресечение проявлений, имеющих тенденцию к перерастанию в политически вредные группирования, способствующие проведению противником идеологических диверсий против СССР». На самом деле речь шла о неформальных молодежных движениях – кришнаитах, панках, рокерах, пацифистах, мистиках и прочих, которые в начале 1980-х годов стали расти, как грибы после дождя. Создание специального отдела для агентурно-оперативной работы среди молодежи было реакцией КГБ на ее выход из-под контроля комсомола. При этом

---

¹ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 160.

студентами и профессорско-преподавательским составом по-прежнему занимался 3-й отдел.

14-й отдел вел работу «по предотвращению акций идеологической диверсии, направленной в сферу Союза журналистов СССР, сотрудников средств массовой информации и общественно-политических организаций».

И, наконец, в ноябре 1983 года был организован 15-й отдел по контрразведывательной работе во всех отделениях и на всех объектах спортивных обществ МВД «Динамо». Остальными спортивными обществами по-прежнему занимался 11-й отдел. Исключение составлял Центральный спортивный клуб советской армии (ЦСКА), за которым наблюдала военная контрразведка (3-е Главное управление КГБ).

Таким образом, в 1970–1980-е годы наблюдается увеличение количества отделов 5-го управления, которое шло не только путем дробления старых отделов (например, вновь созданные 11-й и 14-й отделы взяли на себя часть функций 1-го), но и за счет открытия новых направлений (или линий) работы.

Одновременно происходило увеличение численности сотрудников 5-го управления. Если в 1967 году его штат насчитывал 201 человека, то в мае 1982 года, к моменту ухода Андропова из КГБ, в штате состояли уже 424 сотрудника. В дальнейшем это количество почти не менялось. Даже в годы перестройки, когда началось сокращение структурных подразделений 5-го управления, его штатная численность оставалась прежней.

В 5-м управлении КГБ изыскивались новые формы борьбы с инакомыслием и меры наказания идейных отступников. Выручила медицина. На поток была поставлена практика принудительной госпитализации в психиатрические больницы не только диссидентов, высказывавших недовольство советским строем. Без каких-либо судебных решений в обычные районные психиатрические больницы зачастую отправляли молодых людей, отличавшихся свободным образом жизни, например, хиппи. Не успев толком обжиться на Лубянке, Андропов 31 августа 1967 года вместе с руководителями Генеральной прокуратуры, Министерства охраны общественного порядка и Министерства здравоохранения направил в ЦК КПСС предложения о строительстве новых и расширении имеющихся психиатрических больниц¹. Предложение встретило полное понимание и

---

¹ Прокопенко А.С. Безумная психиатрия (секретные материалы о применении в СССР психиатрии в карательных целях). М., 1997. С. 125–132.

9 октября 1967 года было одобрено на заседании Секретариата ЦК КПСС, в решении которого говорилось и о конкретных мерах: «безотлагательно решить вопрос о госпитализации проживающих в Москве, Ленинграде и Киеве психически больных граждан, со стороны которых возможны общественно опасные действия»¹. Использование психиатрии в карательных целях серьезно дискредитировало советский режим. В мире поднялась мощная волна протестов².

Разумеется, КГБ занимался изучением и анализом причин, побуждавших граждан, недовольных советскими порядками, не просто высказываться в частном порядке, но выражать свое несогласие более или менее открыто, искать единомышленников и объединяться в группы и организации. Посвященные этому работы и внутренние разработки КГБ крайне интересны. Они позволяют понять, насколько сама система КГБ была несвободна в признании (хотя бы во внутренних секретных документах) истинных причин недовольства и растущего сопротивления советским порядкам. В исследовании, предпринятом в начале 1970-х³, приводят следующие данные о причинах формирования у граждан антисоветских взглядов:

- под влиянием идеологической диверсии противника в форме радиопропаганды – 60,9 % участников;
- под воздействием литературы враждебного содержания, нелегально изготавливаемой в СССР, – 38,6 %;
- под воздействием литературы враждебного содержания, изданной за рубежом, – 29,5 %;

Есть в исследовании и перечень внутренних факторов, способствующих формированию враждебных советской системе взглядов:

- а) недостатки в области экономики, хозяйственной жизни – 53,1 %;
- б) осужденные КПСС отрицательные явления, связанные с культом личности Сталина, – 46,4 %;

---

¹ Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний. 1965–1967 гг. С. 800–801.

² Буковский В.К. «Московский процесс». М., 1996. С. 150–159.

³ Исследование базировалось на материалах расследования дел 29 «антисоветских групп и организаций», разоблаченных местными органами КГБ в 1965–1971 гг. по всей стране, и 70 «политически-вредных организаций и групп», выявленных за тот же период Управлением КГБ по Ленинградской обл.

в) явления, связанные с элементами волюнтаризма и субъективизма в руководстве страной, – 41,5 %;

г) различные недостатки в области идеологической и культурно-воспитательной работы – 36,2 %;

д) «трудности и недостатки» личного порядка – 23,7 %.

В исследовании приводятся данные о том, что среди участников антисоветских и политически вредных организаций преобладают мужчины 18–30 лет, имеющие высшее и среднее образование и проживающие в городах. На первом месте – студенты и учащиеся, доля рабочих промышленных предприятий среди участников таких организациях незначительна¹.

То есть, согласно этому исследованию, основными факторами были прежде всего изъяны советской системы хозяйствования и распределения благ, а также внутренние политические причины – сталинские репрессии, идеологические кампании времен Хрущева – отправка молодежи на целину, борьба со «стилягами и тунеядцами». Важно, что наиболее «проблемной» группой была признана учащаяся молодежь.

Опираясь на аппарат КГБ, Андропов искоренял инакомыслие методично и последовательно. Он был убежден в своей правоте. Когда однажды Евгений Чазов спросил в частном разговоре Андропова, стоит ли придавать такое значение немногочисленной группе диссидентов, тот дал развернутый ответ: «Вы не понимаете, что расшатать любой строй, особенно там, где полно скрытых пружин для недовольства, когда тлеет национализм, очень легко. Диссиденты – это враги нашего строя, только прикрывающиеся демагогией. Печатное слово – это ведь оружие, причем сильное оружие, которое может разрушать. И нам надо защищаться»².

Установки на решительное искоренение инакомыслия в советском обществе шли с самого верха, и Андропов им четко следовал. На апрельском (1968) пленуме ЦК КПСС Брежнев выступил с докладом о международном положении, но в конце доклада заговорил об идеологической работе и поделился своим негодованием: «В многочисленных письмах и резолюциях, поступающих в ЦК КПСС, советские люди – рабочие фабрик и заводов, колхозники, инженерно-технические работники, служащие, работники науки – гневно осуждают тех, кто берет под

---

¹ Коршиков П.С. Социально-психологический анализ процесса формирования антисоветских организаций и групп: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 1975. С. 22–23.

² Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992. С. 175.

защиту отщепенцев, справедливо осужденных советским судом за антисоветскую деятельность, таких как Гинзбург, Галансков и им подобные. Особое возмущение вызывает тот факт, что среди этих защитников нашлись, к сожалению, даже люди, носящие партийный или комсомольский билет в кармане (Возгласы: Позор!)»¹.

Это был сигнал Андропову – необходимо усилить работу. На пленумах еще не раз звучали тирады против инакомыслящих. Но не только. Брежнев был щедр и на похвалы в адрес КГБ. В речи на апрельском (1973) пленуме ЦК КПСС он произнес легшую на сердце Андропова и его замов фразу: «Мне хочется особо сказать два слова о Комитете госбезопасности, чтобы положить конец представлениям (я имею в виду не членов ЦК, а отдельных товарищей вне этого зала), будто Комитет государственной безопасности только и занимается тем, что “хватает и сажает людей”. Ничего подобного. Наши люди из Комитета проводят за рубежом ответственную работу. И не каждому дано, не каждый способен осуществлять такую работу, какую они проводят на благо нашей Родины, сейчас с немалым риском для себя. На Комитете госбезопасности лежат большие задачи. От имени Политбюро скажу, что он нам очень помогает (Аплодисменты)»².

Заместители Андропова внимали словам генсека и тщательно фиксировали сказанное в адрес КГБ. Собирали своего рода коллекцию цитат, снабжая ими своего председателя. Важная вещь. При подготовке речей и выступлений в стенах КГБ этими изречениями, как нафталином, пересыпали конспекты. Только вот за точность этих записей нельзя ручаться. В записи Цинева высказывание Брежнева весьма облагорожено. Куда-то исчезло простодушное «хватает и сажает людей». Между тем приведенная автором цитата дана точно по стенограмме пленума.

Не забывали Андропова и с наградами. Указом от 2 декабря 1971 года его наградили орденом Ленина. Формулировка была любопытная и без указания на деятельность во главе КГБ: «За заслуги в деле обеспечения успешного выполнения заданий пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР...»³. Но еще любопытней то, что указ был секретный и на решение Политбюро об этом награждении было наложено табу на ознакомление: «Без т. Черненко К.У. справок по этому вопросу никому

---

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 7. Л. 28 об.

² Там же. Д. 21. Л. 93.

³ Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 72. Л. 10.

Андропов

Генеральный секретарь Центрального Комитета товарищ БРЕЖНЕВ Л.И., выступая с докладом на апрельском (1973 г.) Пленуме ЦК "О международной деятельности ЦК КПСС по осуществлению решений XXIV съезда партии" и говоря о большой работе внешнеполитических органов партии и государства, сделал отступление от текста доклада и заявил:

"Обычно о Комитете госбезопасности принято судить как об организации, которая в рамках законности и своей компетенции выполняет карательные и соответственно предупредительные функции. Но, - это важный орган, оказывающий помощь ЦК и во внешнеполитической деятельности партии. Работа за границей связана с риском и чекисты проводят ее с достоинством.

Не каждому дано и не каждый способен работать в этом органе.

Чекисты - активные бойцы партии. Сердечная благодарность им за помощь в проведении и внешнеполитического курса партии".

Записал ЦИНЕВ Г.К.
26 апреля 1973 года

Г.К. Цинев
м.п. Андропов

Г.К. Цинев

Фрагмент выступления Л.И. Брежнева на апрельском (1973) пленуме ЦК КПСС, записанный Г.К. Циневым
26 апреля 1973
[РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 162. Л. 173]

РАСЕКРЕЧЕНО

10

К пункту 12 прот. № 27

Секретно

Проект

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССРО награждении тов. Андропова Ю.В. орденом Ленина

За заслуги в деле обеспечения успешного выполнения задания пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 гг. наградить кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР тов. АНДРОПОВА Юрия Владимировича орденом ЛЕНИНА.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

Н. Подгорный

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

М. Георгадзе

Москва, Кремль

5-ма
36

2.537-100 2.411-71

*Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении
Ю.В. Андропова орденом Ленина
Декабрь 1971
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 72. Л. 10]*

не давать. 01.12.71 г. М. Соколова»¹. Разумеется, вместе с Андроповым были награждены и остальные члены высшего руководства. Но что-то они стеснялись обнародовать эту радостную новость. Понятно, что в «Ведомости Верховного Совета СССР», где публиковались наградные указы, это награждение не попало.

В 1973 году Андропов вполне заслужил похвалу Брежнева. Был подготовлен и проведен «показательный процесс» по делу Петра Якира и Виктора Красина. Пока процесс готовился, Андропов лично участвовал в их допросах, потом встретился с раскаявшимися осужденными, пообещав быстрое освобождение. Еще бы. Андропову было мало процесса. Результат нужно было закрепить публичным покаянием.

Андропов лично приехал в Лефортовскую тюрьму подбодрить Якира и Красина после вынесения приговора. Разговор с председателем КГБ Красин приводит в воспоминаниях. Андропов начал деловито и был щедр на посулы:

«Мне доложили, что у вас назрел кризис доверия к КГБ». – «Неудивительно, – сказал я. – Мы сдержали свое слово, а нам дали по шесть лет». – «Ну, на это не обращайтесь внимания. Подайте заявление на кассацию, вам снизят до отсиженного и пока оставят ссылку. Далеко мы вас отправлять не собираемся. Можете сами выбрать город поближе к Москве. А там пройдет месяцев восемь, подадите на помилование и вернетесь в Москву. Нельзя же было вас выпустить из зала суда. Согласитесь, вы с Якиром наломали изрядно дров. Кроме того, ваш процесс мы широко освещали в печати. А приговор по кассации публиковать не будем». Хозяин закончил первую часть речи. Он сказал, что он нам даст. Впоследствии все так и было. Потом он сказал: «Вот вы пишете в своих документах, что в СССР происходит возрождение сталинизма. Вы действительно так думаете?» – Я сказал, что имеется много фактов, свидетельствующих об этом. – «Это – чепуха, – сказал Андропов. – Возрождения сталинизма никто не допустит. Все хорошо помнят, что было при Сталине. В руководстве на этот счет имеется твердое мнение. Я знаю, что Якир и вы незаслуженно пострадали в сталинские годы. Знаю, что погибли ваши отцы. Все это не прошло бесследно для вас. Между прочим, после войны я тоже ждал ареста со дня на день. Я был тогда вторым секретарем Карело-Финской Республики. Арестовали первого секретаря. Я ждал, что арестуют и меня, но пронесло». Лирическая часть окончилась. Андропов

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 72. Л. 8.

приступил к делу. “А как вы смотрите на то, чтобы выступить на пресс-конференции перед иностранными журналистами? Они столько лжи пишут о вашем деле. Нужно прочистить им мозги. Чтобы на Западе знали, что вы говорили на суде не под давлением, а по доброй воле. Только не думайте, что я вас покупаю. Если не хотите – то не надо. Все то, о чем я говорил, будет и без этого”¹.

Красин дал согласие, и Андропов его заботливо напутствовал: «Если у вас будут какие-либо жалобы, предложения, в том числе и личные, не стесняйтесь, пишите. Обещаю вам, что я прочту и сделаю все, что можно»².

Андропов говорил уверенно и убедительно. И по-свойски, вспомнив свой «дежурный» рассказ, как его самого при Сталине «чуть не посадили». Вот ведь как – и сам он пострадал и настрадался! После такого впору не только Андропову поверить, но даже и посочувствовать. И конечно, поверить всем обещаниям. А он, кстати, и не обманул. Готов был дать что угодно. Немудрено. Главное, чего всегда добивались работники КГБ в политических делах – раскаяния арестованных. Это был важнейший пропагандистский инструмент в воспитании общества. Важно было показать, что любой «заблуждавшийся» или политически «оступившийся» человек всегда найдет понимание и прощение со стороны КГБ. Лишь закоренелые враги могут упорствовать в своих убеждениях, а таких в советском обществе быть вообще не должно.

И в точном соответствии с пожеланием Андропова 5 сентября 1973 года была организована пресс-конференция для советских и иностранных журналистов. Якир и Красин выступили с саморазоблачением, осудив свою предыдущую правозащитную деятельность. Якиру был адресован вопрос о том, почему он на процессе, отказавшись от своих прежних утверждений и убеждений, назвал «выдумкой» советскую практику насильственного помещения в психбольницы настроенных оппозиционно граждан. Якир ответил: «Я действительно на процессе сделал такое заявление. Это было связано с тем, что я лично подписывал и составлял такие письма. Совершенно ясно, что принадлежность человека к категории психически больных может решить только врач, и не только врач, а компетентная медицинская комиссия.

---

¹ Красин В.А. Суд. Нью-Йорк, 1983. С. 73–74.

² Там же. С. 75.

Убеждая, что здорового человека помещали в психиатрические больницы, мы заведомо занимались клеветой»¹.

Якир уверил журналистов, собравшихся в зале, что после отбытия наказания он не собирается «заниматься антисоветской деятельностью», добавив: «...я буду честно трудиться, как трудится весь многомиллионный советский народ»².

Вот это было то, что нужно. Наглядно продемонстрировать всем бесперспективность борьбы с советской властью, показать, что власть всегда права и это признают даже те, кто ее раньше критиковал и с ней боролся. Главное – внести раскол и тем самым ослабить движение правозащитников. Это была убедительная победа Андропова и КГБ. И неважно, что пресс-конференция оставила тяжелый осадок у наблюдателей, сразу вспомнивших о знаменитых «Московских процессах» 1930-х годов, когда подсудимые каялись и клеймили сами себя. Аналогия так и напрашивалась. Проницательным людям все было ясно. Система КГБ, поставившая своей целью сломить волю людей к сопротивлению, не могла вызвать уважения. Только страх и ненависть.

Распространение по стране листовок и анонимных антисоветских документов было головной болью руководителей 5-го управления. На поиски крамольников бросались огромные силы, розыск велся годами. Достаточно отметить, что «распространение антисоветских листовок и анонимных писем было одним из самых массовых видов сознательной антисоветской агитации и пропаганды»³. Одна четверть всех надзорных производств прокуратуры по уголовным делам, возбужденным в КГБ, касается дел распространителей листовок и писем, критикующих власть⁴.

Численный штат 7-го отдела 5-го управления, занимавшегося поиском распространителей крамолы, был одним из самых больших. При Сталине, разумеется, листовок и писем с критикой было не меньше. Это явление тайной активности особенно проявилось и стало расти после Большого террора 1937–1938 годов, когда под гнетом смертельного страха люди сомкнули уста.

---

¹ Пресс-конференция в Центральном доме журналиста 5 сентября 1973 года (О судебном процессе над Якиром и Красиным). М., 1973. С. 31–32.

² Там же. С. 27.

³ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / сост. В.А. Козлов, О.В. Эдельман, Э.Ю. Завадская; под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко. М., 2005. С. 224.

⁴ Там же.

Высказываться открыто стало невозможно. И при Сталине искали, выявляли и ловили авторов листовок. Интересно сравнить карательные меры к пойманным.

В ноябре 1946 года Сталину, Молотову и Жданову сообщали из МГБ о том, что в 1946 году по Советскому Союзу значительно увеличилось распространение анонимных писем и антисоветских листовок с клеветой на руководство ВКП(б). Установлено 1714 авторов антисоветских документов и их сообщников, которые распространили 1565 анонимных писем и 5183 антисоветские листовки, из них арестовано 924, взято под агентурное наблюдение 552, опрошено и предупреждено 204 и направлено на принудительное лечение как душевнобольные 34 человека¹.

И вот в 1967 году установлено по Союзу 1198 человек изготовителей и распространителей анонимных антисоветских писем и листовок. Среди них 313 рабочих, 271 служащий, 88 студентов, 248 учащихся школ, 51 колхозник, 121 пенсионер, 106 лиц без определенных занятий. Из них 87 членов и кандидатов в члены КПСС, 256 комсомольцев. И относительно наказания: из общего числа установленных авторов привлечено к уголовной ответственности 114 человек (против 41 в 1966 году)².

Конечно, меры наказания при Андропове были мягче сталинских. В ход в основном шла профилактика, но не забывали и о «психушках». А наиболее «зловредных» распространителей листовок, конечно, сажали.

Если обратиться к статистике репрессий КГБ против советских граждан, то на первый взгляд она не выглядит ужасающей. Число привлеченных к уголовной ответственности с 1974 по 1986 год по обвинениям в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР) колеблется от полутора десятков до полусотни ежегодно, арестовывали и судили наиболее видных представителей диссидентского движения³. Но впечатляет число лиц, подвергнутых органами КГБ так на-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 4. Д. 17. Л. 193–208.

² Там же. Ф. 5. Оп. 16. Д. 408. Л. 85–86.

³ Вместе с тем довольно внушительным было число осужденных по ст. 190¹ УК РСФСР («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»), введенной в законодательство в 1966 году. На пресс-конференции в МИД СССР в октябре 1990 года В.А. Крючков сообщил, что за 1960–1970-е годы по статьям 70 и 190¹ УК РСФСР (и аналогичным им в союзных республиках) были осуждены 7250 человек (Известия. 1990. 22 октября).

**Докладная записка
Ю.В. Андропова
в ЦК КПСС
об итогах работы
по розыску авторов
антисоветских
анонимных
документов за
1977 год
27 февраля 1978
[РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80.
Д. 462. Л. 55-57]**

Об итогах работы за
1977 год по розыску
авторов записочных
анонимных доку-
ментов

Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР в это органы на местах в 1977 году продолжена оградительная работа по установлению и розыску авторов и распространителей антисоветских анонимных документов, по предупреждению и пресечению их преступной и антиобщественной деятельности.

В течение отчетного года на территории страны выявлено **2088** случаев распространения **10 704** экземпляров листовок, **4764** листовых листов, а также učinило **693** надписей антисоветского, политического вредного и клеветнического содержания.

По сравнению с 1976 годом произошло увеличение числа случаев распространения анонимных документов на **215**, одновременно с этим возросло количество распространяемых листовок на **479** экземпляров, листовых листов на **2 613**, а на **113** - клеветных надписей.

Несколько увеличилось также количество лиц, документов и листовых документов включенных в перечень "центрального террора". Кроме того, возросло число авторов документов,

числом **767** человек: проанкетированы **299** авторы в оперативную разработку, **48** (в 1976 году **69**) привлечены к уголовной ответственности, **191** по решению суда или через иные органы привлечены на ответственность.

В настоящее время органы государственной безопасности в учетном раскрытых враждебных провалях прошлых лет по **1 060** данным разыскиваются авторы, распространители свыше **15 000** антисоветских, политических вредных и клеветнических анонимных документов.

Комитетом государственной безопасности приняты меры по дальнейшему повышению результативности розыска и розыска авторов антисоветских анонимных документов.

Сообщается в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ю.В. Андропов
АНДРОПОВ

и качество) расправы в отношении представителей этого актива в должностных лицах.

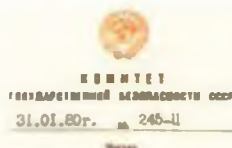
В течение государственности авторы в 1977 году выявлено **1309** авторов, распространителей и других **17 346** антисоветских, политических документов, в числе разрозненных листов, клеветнических террористических надписей, листовок ЦКК и Советского правительства, а также угрозы вывешивать расправы в адрес представителей ЦКК-Советского актива в должностных лицах. Кроме анонимных в 1977 году выявлено в расписании листовки 60 листовых групп (по 2-4 экземпляра листовки изготовленные и распространяемые листовки).

Известны установленные авторы 363 составляют: 100 - авторы, 223 - студенты в учреждениях, 115 - пенсионеры. Из них в прошлом были судимы за государственную измену, 3 в числе установленных **106** человек в расписании **190** человек ЦКК.

Из них в основном изготовители и распространители листовки документов охватываются тем, что при в большинстве своем не преступной путем отпущено политической незрелости, под влиянием друзей зарубежных родственников, авторитарных или карьерных целей, художественных побуждений,

в связи с политическим заблуждением, а также вследствие враждебных побуждений.

Несколько провалях соответствующих проверок установленных

Совершенно секретно
ОСОБЫЙ ПАРК
РАССЕКРЕЧЕНО

ЦК КПСС

Об итогах работы по розыску
авторов антисоветских
анонимных документов
за 1979 год

Комитетом государственной безопасности СССР и его органами на местах в 1979 году проведена организационная работа по установлению и розыску авторов антисоветских анонимных документов.

В течение отчетного года на территории отряды прошли себя 2020 анонимных авторов, которым в 2410 случаях было распространено 16648 листовок, писем, учившихся надписей антисоветского, политически вредного и клеветнического содержания.

По сравнению с 1978 годом число прошедших себя авторов увеличилось на 360 человек. Одновременно с этим увеличилось количество анонимных документов на 5205 экземпляров.

Принятые органами государственности меры в 1979 году устанавливали в розыск анонимных авторов, что на 229 человек превышает количество анонимных, установленных в 1978 году. В числе разысканных оказалось 29 авторов, изготовивших вредные документы, содержащие террористические высказывания в отношении руководителей ЦКС в Советского правительства, в 92 документах угрозы физической расправы в адрес представителей местного партийно-советского актива и должностных лиц.

В процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий

...ность 47 вредных, групп, участники которых являются антисоветскими листовщиками. Из общего количества, в основном некавалифицированных участников, 15,9% пенсионеры. Остальные лица без определенного места жительства, 180 человек и кандидатов в

Анализ причин и мотивов изготовления и распространения антисоветских анонимных документов показывает, что часть разысканных авторов на преступный путь встала под влиянием антисоветских передач зарубежных радиостанций и в результате политической незрелости, а в нескольких случаях в силу своих вредных убеждений. Многие анонимы допустили эти правонарушения из хулиганских и иных низменных побуждений, а также по причине временных материальных затруднений, связанных с выживанием в ряде мест перебоем в снабжении населения продуктами питания, в состоянии психических заболеваний.

После соответствующей проверки более половины (53%) установленных авторов профилактированы, остальные оперативно проверяются, 56 (или 3,9%) привлечены к уголовной ответственности, а к 190 душевнобольным лицам приняты меры медицинского характера.

Комитетом государственности и подчиненным ему органами на местах приняты меры, направленные на повышение результативности в работе по розыску анонимных.

Зам. Председателя Комитета *Е. Андропов* Е. Андропов

Докладная
записка Ю.В.
Андропова в ЦК
КПСС об итогах
работы по
розыску авторов
антисоветских
анонимных
документов за
1979 год
31 января 1980
[РГАНИ. Ф. 3.
Оп. 80. Д. 462.
Л. 91-92]

зываемой профилактике. Если оперативные работники КГБ полагали, что для ареста и суда материалов недостаточно или они не слишком серьезны, принималось решение о профилактике, призванной оказать психологическое воздействие. Вызов в КГБ или иное присутственное место и строгая беседа – нечто среднее между отеческим внушением и запугиванием (пугали арестом, высылкой, увольнением с работы, исключением из института, призывом в армию и т. п.) – именовались на чекистском языке профилактикой.

В отчетных документах КГБ сообщалось, что профилактике подверглись лица, совершившие «политически вредные поступки» или в более точной формулировке – «политически вредные проступки, не содержащие преступного умысла»¹. В основном речь шла о лицах, «имевших подозрительные связи с иностранцами и вынашивавших изменнические намерения», а также «допустивших политически вредные проявления»², то есть высказывания.

Решению о проведении профилактики в отношении того или иного фигуранта оперативной разработки КГБ предшествовал целый комплекс мероприятий: сперва заводилось дело по проверке сигнала о предосудительных или «враждебных» поступках и высказываниях (он поступал от агентуры или доверенных лиц КГБ); если сигнал подтверждался, заводилось «дело оперативной проверки» (ДОП). В этом деле собирались материалы слежки, донесения агентов, материалы, полученные с помощью оперативно-технических средств (подслушивание, перлюстрация корреспонденции), то есть документировалось поведение лица, допустившего «враждебный выпад» или «антисоветские высказывания», легализовались материалы, добытые агентурным путем, закреплялись доказательства (для возможности предъявить их в суде). Если накопленные материалы были серьезными «дело оперативной проверки» перерастало в «дело оперативной разработки» (ДОР). На стадии завершения дела принималось решение либо о привлечении к уголовной ответственности (или временной изоляции в психбольнице)³, либо о применении профилактических мер.

---

¹ Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС / сост. и коммент. А.А. Макаров, Н.В. Костенко, Г.В. Кузовкин. М., 2006. С. 112, 158.

² Там же. С. 62.

³ См. подробнее: Прокопенко А.С. Указ. соч.

Таблица 1

Число лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за «антисоветскую агитацию и пропаганду» по ст. 70 УК РСФСР и аналогичным статьям УК союзных республик, осужденных за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», по ст. 190¹ УК РСФСР и аналогичным статьям УК союзных республик и профилактированных органами КГБ в 1967–1976 годах¹

Годы	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
Привлечено по ст. 70	96	62	143	80	78	121	90	59	22	17
Осуждено по ст. 70	38	54	72	83	66	68	73	47	22	5
Осуждено по ст. 190 ¹	65	75	123	121	102	115	105	131	74	55
Профилактировано	12 115	14 466	16 014	15 703	15 288	14 958	16 259	16 603	17 005 ²	18 391 ³

¹ Таблицы составлены на основе опубликованных ежегодных отчетов КГБ за 1975–1978, 1980–1982 годы (см.: Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС). Данные за 1967–1974, 1979, 1983, 1984 годы приведены на основе материалов фонда статистики КГБ (ЦА ФСБ. Ф. 8). Сведения об осужденных представлены на основе справки КГБ СССР № 5/5-166, направленной в ЦК КПСС 4 марта 1988 года (Источник. 1995. № 6. С. 153). Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности по ст. 70 УК РСФСР, приведенные в табл. 1 и 2, отличаются от приводимых в записке КГБ в ЦК КПСС 11 мая 1987 года, так как в ней речь идет об осужденных (а не привлеченных, т. е. арестованных). См.: Записка КГБ СССР в ЦК КПСС А.И. Лукьянову от 11 мая 1987 года «О количестве осужденных по статьям 70, 190¹ УК РСФСР в 1977–1986 гг., проекте новой редакции статьи 70 и об оставлении без изменения статьи 190¹ УК РСФСР» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 116. Л. 1–5).

² Данные фонда статистики КГБ. В годовом отчете КГБ за 1975 год указано, что профилактировано «около 20 тысяч человек» (Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС. С. 112).

³ Данные фонда статистики КГБ. В годовом отчете КГБ за 1976 год указано, что профилактировано «более 18 тысяч человек» (Там же. С. 158).

Таблица 2

Число лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за «антисоветскую агитацию и пропаганду» по ст. 70 УК РСФСР и аналогичным статьям УК союзных республик, осужденных за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», по ст. 1901 УК РСФСР и аналогичным статьям УК союзных республик и профилактированных органами КГБ в 1977–1984 годах

Годы	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984
Привлечено по статье 70	31	12	16	53	38	39	37	32
Осуждено по ст. 70	6	12	4	35	39	26	44	25
Осуждено по ст. 190 ¹	54	44	65	67	88	69	119	57
Профилактировано	19 304 ¹	15 590	15 720 ²	15 557	18 498	19 896	21 169	18 264

¹ Данные фонда статистики КГБ. В годовом отчете КГБ за 1977 год указано, что профилактировано «свыше 22 тысяч человек» (Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС. С. 196).

² Данные фонда статистики КГБ. В то же время в годовом отчете КГБ за 1979 год указано, что профилактировано «около 18 тысяч человек» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 462. Л. 99–104).

Разница в меньшую сторону между числом привлеченных и осужденных по ст. 70 объясняется тем, что не все, в отношении кого были выдвинуты соответствующие обвинения, осуждены именно по этой статье. Следственное дело могло закончиться отправкой обвиняемого в психиатрическую больницу, выдворением из СССР, переквалификацией на менее тяжкую статью, например на ст. 190¹, и даже помилованием в случае деятельного раскаяния обвиняемого. Разница в большую сторону означает, что часть арестованных учтена в статистике осуждения следующего года, когда дело дошло до суда.

Минимум осужденных приходится на 1976–1979 годы. И этому есть свое объяснение. В первые годы после Хельсинского соглашения (1975) Брежнев был занят укреплением своего авторитета и имиджа «неутомимого борца за мир», ему было важно, как за рубежом оценивают его внутреннюю политику, интересуются, готов ли СССР следовать «духу Хельсинки». А постоянные упреки и обвинения Советского Союза в преследовании инакомыслящих и судебные расправы с диссидентами изрядно портили картину. Брежнев даже склонялся к мысли освободить какую-то часть политических заключенных. Об этом намерении свидетельствует листок из его дневника за 1970-е годы:

«Поговорить с Андропов
и освобождении сидящих у нас»¹.

Был ли готов к этому Андропов, согласился бы он на такой серьезный политический шаг? Вряд ли такое было ему по душе. Но если бы Брежнев настаивал, он был бы вынужден согласиться. Но Брежнев не настаивал. Его здоровье к концу 1970-х годов оставляло желать лучшего. Он все больше полагался на мнение «Юрь» (Андропова), а тот искренне считал, что такие шаги будут восприниматься как слабость, никого не умиротворят и могут только расшатать систему. И страна вновь сползла к расширению репрессивных практик. После начала афганской войны уже с 1980 года число и арестов, и судов с политическими обвинениями неуклонно растет и в год андроповского правления достигает апогея.

Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Кунаев вспоминал, что в начале 1980-х годов он заговорил с Брежневым о некоторых акциях КГБ, вызывающих недоумение или даже раздражение в среде научно-технических работников Казахстана.

---

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 3. С. 472.

Речь шла о высылке Сахарова в Горький, о диссидентах и псих-больницах: «Брежнев долго не отвечал, а потом, глядя в сторону, проговорил:

– Ну а что делать? Андропов говорит, что они мутят воду. Вредят. Народ будоражат»¹.

Как видно из приведенных таблиц, профилактика была основным методом работы органов госбезопасности. Общее число советских граждан, подвергнутых этой форме морального воздействия, росло год от года. Незримое присутствие КГБ люди ощущали постоянно. Они прекрасно понимали, что общество пронизано сетью агентов, которые доносят «куда следует». И круг лиц, затронутых активностью и вниманием госбезопасности, год от года расширялся. В целом столь явное присутствие органов КГБ в повседневной жизни работало скорее на закрепление их негативного восприятия населением (особенно интеллигенцией). В народе КГБ не любили и боялись. Хотя, казалось бы, чего там? Ну вызвали, ну поугадили... Ведь не арестовали и не сослали! Отчасти эти страхи можно объяснить как архетипические, идущие еще от времен Большого террора.

Андропов старался не создавать впечатления репрессивной направленности работы КГБ и болезненно относился к подобным разговорам. Когда Приморское управление КГБ обратилось к нему с просьбой дать разрешение на строительство следственного изолятора в здании управления, Андропов позвонил лично начальнику краевого управления.

«Товарищ Григорьев, – начал он без всякого вступления, – вы делаете в Приморье немало полезного, и Комитет вас поддерживает, однако должен сказать, что направленное вами предложение о строительстве следственного изолятора является политическим недомыслием. В народе подумают, что Комитет строит новые тюрьмы, а каждому-то ведь не объяснишь, ради чего это делается. Вы же руководитель политического органа и к тому же член бюро, мыслить надо поглубже. Ищите другой вариант – на базе следственного изолятора УВД. Может быть, есть возможность его реконструировать? Средства мы вам выделим»².

Учет и отчетность 5-го управления показывают четкую фиксацию проявлений недовольства властью и советскими порядками со стороны населения. Учтены все мелочи, все то, что на виду.

---

¹ Кунаев Д.А. Указ. соч. С. 215.

² Григорьев К.А. Охота на шпионов: спецоперации за границей. М., 2008. С. 166.

К концу правления Андропова в КГБ была разработана ежемесячная форма фиксации «враждебных и политически вредных проявлений»¹.

Сводка: Сведения о враждебных и политически вредных проявлениях за «_____» месяц 198__ г.

Экстремистские действия	1. Преступные действия в отношении местных партийных, советских работников, должностных лиц 2. Использование ВВ в преступных целях, взрывы 3. Другие преступные действия экстремистского характера (поджоги, повреждения имущества) 4. Хищения оружия, ВВ, ОВ из средних школ, ПТУ, вузов
Анонимные проявления	5. Распространение писем 6. Распространение листовок, других материалов 7. Учинено надписей 8. Использовано средств связи
Антиобщественные проявления политически вредного характера	9. Надругательство над Государственной символикой и наглядной политической агитацией 10. Осквернение памятников, могил и иных памятных мест 11. Вывешивание флагов и другой буржуазно-националистической символики
Групповые действия, нарушающие общественный порядок	12. Массовые беспорядки и предпосылки к ним 13. Драки 14. Демонстративные провокационные акции 15. Дезорганизующие работу ИТУ 16. Массовые собрания антиобщественных элементов
	17. Одноточные демонстративные провокационные акции 18. ЧП, могущие влиять на оперативную обстановку 19. Враждебные действия иностранцев на территории СССР
Действия по пресечению враждебных и политически вредных проявлений	20. Вскрыто группы политически вредной направленности 21. Вскрыто печатных точек 22. Установлено авторов и распространителей анонимных материалов 23. Раскрыто преступных акций с применением ВВ, ОВ, оружия 24. Предотвращено попыток совершения групповых и одноточных провокационных акций
Привлечено к уголовной ответственности по ст.	25. Возбуждено Осуждено ст. 70 26. Возбуждено Осуждено ст. 190-1 27. Возбуждено Осуждено по другим статьям

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 8/16. Д. 21.

А то, что скрыто, то, что не проявляется и до поры до времени не выходит наружу? Это ведь тоже надо как-то выявлять и фиксировать. Учитывать потенциально опасные моменты в поведении и образе жизни граждан. На этот счет существовали различные типы учета, включая и огромные электронные ресурсы. При Андропове началась эра вычислительных машин в КГБ. Были созданы огромные информационные массивы с тотальным охватом:

СОУД – система объединенного учета данных о противнике. В ней концентрировались сведения о лицах из капиталистических и развивающихся стран, ведущих подрывную деятельность против социалистических стран. Инструкция утверждена приказом КГБ № 00122 от 1 августа 1979 года. Рабочий аппарат системы в 15-м отделе ПГУ КГБ;

«Дельта-Поток» – автоматизированная информационная система. Для информационного слежения за приезжающими иностранцами (их въезд в СССР и выезд). Инструкция утверждена приказом КГБ № 0495 от 6 августа 1979 года. Рабочий аппарат системы в Центральном пункте оперативного информирования и связи ВГУ КГБ;

«Рубикон» – информационный массив. Здесь данные о лицах, выехавших из СССР на постоянное место жительства в капиталистические и развивающиеся страны, а также в страны, против спецслужб которых ведется контрразведывательная работа. Инструкция утверждена приказом КГБ № 0132 от 1 марта 1979 года. Рабочий аппарат системы в 3-м отделе управления «Н» ВГУ КГБ;

«Форт-67» – автоматизированная информационная система. В ней регистрировались контакты иностранцев из капиталистических стран с советскими гражданами на всей территории СССР с 1969 года. Система не являлась общесправочным учетом и использовалась только для оперативных нужд, ее данные не являлись основанием для принятия ограничительных мер по отношению к советским гражданам. Инструкция утверждена приказом КГБ № 0326 от 4 июня 1973 года. Рабочий аппарат системы в 3-м отделе управления «А» ВГУ КГБ;

«Фрегат» – автоматизированная информационная система. В ней оперативная информация о зарубежных поездках советских граждан (учитывалась информация с 1971 года) и о поездках по территории СССР сотрудников дипломатических представительств капиталистических стран. В системе – сигнальная,

статистическая и справочная информация о фактах и лицах, представляющих оперативный интерес. В системе «Фрегат» не подлежали учету советские граждане, которые согласно параграфу 3 инструкции, объявленной приказом КГБ при СМ СССР № 00120 от 7 декабря 1970 года, не подлежат проверке органами КГБ (номенклатурные работники). Система не являлась общесправочным учетом (не влекла ограничений для граждан). Инструкция утверждена приказом КГБ № 0475 от 25 сентября 1973 года. Рабочий аппарат системы в 3-м отделе управления «Н» ВГУ КГБ;

«Персоналия-НСИ» – подсистема Единой системы информационного обеспечения контрразведки (ЕСИОК) «Дельта». Давала справки о наличии связей иностранцев в действующих информационных системах ВГУ, 3-го и 5-го управлений КГБ и УКГБ по Москве и Московской области. Рабочий аппарат системы в 3-м отделе управления «Н» ВГУ.

По линии 5-го управления осуществлялся персональный учет лиц, проходящих по оперативным материалам, взятым на тематический учет (советских граждан, иностранцев и лиц без гражданства), все это было сосредоточено в 6-м отделе 5-го управления.

В попытках установить тотальный контроль над поведением граждан органы КГБ теряли чувство реальности и в своей мнительности доходили до абсурда. Так, в 1983 году УКГБ по Свердловской области была задействована информационная система «Восток», в которой накапливались данные «о немотивированных вылетах свердловчан в Москву и Ленинград в выходные и праздничные дни», а также имелся электронно-вычислительный комплекс «Лэсси», с помощью которого фиксировались «междугородные телефонные переговоры, подозрительные на агентурные»¹.

Как отмечают исследователи, ахиллесовой пятой чекистской пропаганды и усилий по популяризации органов КГБ были обидчивость на критику, полное отсутствие чувства юмора и боязнь показаться смешными – стать объектом высмеивания: «...чекистскую пропаганду выдавала фундаментальная тревога, корни которой уходят в вечный страх, что в то время как народ любит их, коварная двуличная интеллигенция смеется за

---

¹ Корнилов Ю. Вопросы совершенствования агентурно-оперативного процесса // Сборник КГБ СССР. 1983. № 98. С. 7–16.

их спиной»¹. При всех произносимых правильных словах никогда нельзя было быть уверенным в отсутствии у интеллигенции «скрытой усмешки»².

Этот страх скрытой иронии диктовал и любопытнейшие образчики умозаключений работников 5-го управления. Переключившийся с Солженицына на контроль над театральным репертуаром сотрудник 1-го отдела Струнин получил задание к августу 1973 года выяснить причины следующего тревожного явления: «В последние годы на сценах ведущих театров Москвы, Ленинграда и некоторых других городов появляются спектакли, идеологическая направленность которых, как видно, определяется тенденциозными взглядами авторов драматургических произведений и постановщиков спектаклей. Нередко наблюдается склонность некоторых режиссеров и драматургов даже в работе над классическим репертуаром и пьесами на исторические темы к проведению двусмысленных параллелей с современностью, что может вызвать у зрителя нежелательную реакцию. Через агентуру и другие возможности принять меры к выяснению причин, порождающих указанные явления в театральном искусстве»³.

Для повседневности работы 5-го управления была характерна крайняя степень идеологизации и коммунистической индоктринации. Руководители КГБ хотели быть уверенными в идейной безупречности сотрудников. В отчетах 5-го управления говорится и об «идейной закалке» сотрудников, и о вполне типичных идеологических инициативах. Например, в 1982 году сотрудниками 4-го (церковного) отдела 5-го управления «проведено партийное собрание с повесткой дня “Работаю ли я пофронтовому?”»⁴. Высокий пафос тут очевиден, но он и безумно комичен.

Немаловажным было сохранение определенных привилегий для сотрудников 5-го управления КГБ и их поощрение. В марте 1973 года заместитель председателя КГБ Малыгин обратился с письмом к заместителю председателя исполкома Московского городского совета С.М. Коломину с просьбой предоставить

---

¹ Федор Дж. Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб., 2012. С. 75–76.

² Там же.

³ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 282. Л. 23–24.

⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 6/16. Д. 28. Л. 78.

«в порядке исключения» возможность полковнику А.В. Баранову, работавшему в 1-м отделе 5-го управления КГБ, приобрести двухкомнатную квартиру площадью 40 квадратных метров в доме ЖСК КГБ «Эстетика» по адресу Большая Переяславская ул., д. 19. Как пояснял Малыгин, Баранов имел стаж работы в органах 27 лет, был награжден знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» и «из-за специфики в работе и по состоянию здоровья (перенес операцию грудной полости) нуждается в дополнительной площади»¹. Как и следовало ожидать, согласие было получено, о чем свидетельствует резолюция Коломина от 26 марта 1973 года на документе: «Прошу подготовить на очередное заседание гор. жил. комиссии»². О Баранове пишет хорошо запомнивший его журналист: «согнутый, худой, нервный, вечно курит»³.

Пристальным вниманием органов КГБ были окружены писатели. В отличие от сталинских времен, когда надзор за писателями был не менее плотным и сотрудники НКВД – МГБ с санкции Сталина могли посадить того или иного писателя, но совсем не вмешивались в творческий процесс, лишь фиксируя высказывания и поведение, при Андропове сотрудники 5-го управления взялись активно влиять на творческий процесс. А вот по части «посадить» у них прав было заметно меньше, чем в былые времена.

В отчете 1-го отдела за 1982 год есть пример подобного вмешательства в литературное творчество через агентуру: «Осуществлена профилактика и оказано положительное воздействие агентом... на писателя А. Приставкина, подготовившего рукопись “Вор-городок”, с негативных позиций показывающая отдельные стороны нашей действительности. В соответствии с рекомендациями агента Приставкин внес существенные изменения, передал рукопись для публикации в журнал “Новый мир”, согласился с замечаниями редакции»⁴. Вот так, все чисто, никакого видимого вмешательства «искусствоведов в штатском». В том же отчете читаем «В силу тенденциозно-субъективистского подхода к творчеству, ряд литераторов, режиссеров театра и кино допускали протаскивание в своих произведениях идейно чуждых взглядов и концепций, с негативных позиций показы-

---

¹ Там же. Ф. 5. Оп. 20. Д. 282.

² Там же.

³ Чехонин Б.И. Указ. соч. С. 159.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 6/16. Д. 28. Л. 8.

*Н.И. Никандров
[Из открытых источников]*

вали отдельные стороны нашей действительности...»¹. И далее следовал список из 16 фамилий.

Охотились и за «вредными» рукописями. Так, в отчете 1-го отдела за август 1980 года отражено: «...получено сообщение о наличии у родственников известного (ныне покойного) писателя В. Липатова рукописей и магнитофонных записей, содержащих тенденциозные изображения отдельных сторон советской действительности. Доложено руководству Управления»². Проверить этот сигнал и все выяснить должен был офицер 1-го отдела Николай Никандров. И выяснил. В сентябре в отчете он сообщил: «Направлена записка в КГБ СССР с предложением осуществить необходимые оперативные мероприятия по предупреждению утечки резко клеветнических материалов покойного писателя Липатова на Запад. Согласие на проведение соответствующих мероприятий получено»³.

В полном соответствии с установками, данными им еще на заре своей карьеры в КГБ, Андропов продолжал нацеливать внимание сотрудников на опасные, с его точки зрения, процессы и тенденции в советском обществе, но формально не выходящие

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 6/16. Д. 28. Л. 6–7.

² Там же. Ф. 5. Оп. 27/16. Д. 12. Л. 103.

³ Там же. Л. 180.

за рамки законов. Выступая 21 марта 1979 года на совещании работников пятых подразделений КГБ, он пояснил:

«Речь идет о том, что противник сейчас подбивает антиобщественные элементы и политически неустойчивых лиц к осуществлению демагогических, развязно-крикливых, политически провокационных акций, стремясь вписать их, условно говоря, в рамки закона. Об этом говорит, например, попытка создания группы политических отщепенцев, которая вознамерилась самочинно выдвигать своих кандидатов на выборах в Верховный Совет СССР. Недалеко от них в смысле политической бравады и желаня получить скандальную известность уходят и составители разного рода литературных альманахов, лица, которые пытались создать так называемые “независимые профсоюзы”»¹.

И тут же Андропов предложил меры по борьбе с этими явлениями, пусть и не нарушающими закон, но явно идущими не в русле партийной политики:

«Есть ли у нас действенное оружие для срыва подобных акций? Такое оружие у нас есть. Это прежде всего оперативные средства по разложению, по изоляции и компрометации такого рода лиц. У нас есть и официальные меры по оздоровлению обстановки. Но вместе с тем в плане дальнейшей активизации борьбы с идеологической диверсией сейчас особенно необходимо создавать атмосферу общественного осуждения, обстановку нетерпимости ко всему политически чуждому, наносному, аморальному»².

Вполне традиционно Андропов призвал по отношению к «оступившимся» и «заблуждающимся» советским гражданам «не рубить сплеча», а «использовать средства профилактики», отметив: «Действуя таким образом, работники пятой линии предотвратили скатывание многих людей на путь политического или морального падения»³.

«Работа по пятой линии является особо тонкой и деликатной», – поучал Андропов; он напоминал: «Чекисты призваны бороться за каждого советского человека, когда он оступился, чтобы помочь ему встать на правильный путь»⁴. Андропов особо подчеркнул значимость и эффективность профилактики, со-

---

¹ Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. М., 1980. С. 286–287.

² Там же. С. 287.

³ Там же. С. 289.

⁴ Там же. С. 290.

общив собравшимся, что из 15 580 человек, профилактрированных в 1978 году, «повторно проявили себя с враждебной стороны 107 человек»¹. Это менее одного процента, заключил Андропов и вновь воспел профилактику: «Нетрудно представить, что было бы, если бы в борьбе с этими лицами мы встали только на путь репрессий, и какую пользу обществу дает профилактика»².

Странная логика относительно произведенного профилактикой эффекта. Учитывая, что ежегодно от 15 тысяч до 20 тысяч человек попадали в поле зрения КГБ из-за каких-либо проступков или высказываний и подвергались профилактике (то есть «отеческому внушению» и запугиванию), а потом лишь менее одного процента попадались повторно, то можно сделать вывод, что каждый год появлялись новые десятки тысяч людей, допускающих «вредные» с точки зрения КГБ поступки. Вот это да! Значит, росли ряды недовольных советскими порядками. Причем по нарастающей. Число подвергшихся профилактике в 1983 году перевалило за 20 тысяч. То есть по годам эти показатели надо суммировать для оценки общей численности лиц, не согласных с советской системой и критикующих ее.

Главным достижением в работе 5-го управления и его подразделений на местах Андропов считал недопущение создания в стране «легальной оппозиции» и «развертывания под ее прикрытием организованного антисоветского подполья»³.

Идея совершенствования профилактической работы не покидала Андропова. В записной книжке он сделал пометку: «О профилактике. Ставить вопрос по-новому»⁴. Но в чеканные формулировки приказа новые принципы воплотились уже после ухода Андропова из КГБ. Был выпущен приказ КГБ СССР № 0630 от 13 октября 1983 года «О мерах совершенствования профилактической работы, проводимой органами госбезопасности»⁵. К приказу прилагалось одобренное в ЦК КПСС письмо коллегии КГБ с разъяснением новых политических установок. Разумеется, много общих фраз, цитата из речей Андропова и призывы не сводить профилактику к «разовым мероприятиям», действовать эффективно, достигать «поставленной воспитательной цели». Отмечались и типичные недостатки в профилактической работе

¹ Деятельность органов государственной безопасности СССР... С. 290.

² Там же.

³ Там же. С. 291.

⁴ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 52. Л. 7 об.

⁵ ГДА СБУ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 33. Л. 41–50 об.

КГБ: «Иногда проявляется вредное для дела увлечение количественными показателями, вследствие чего решения о проведении профилактических мероприятий принимаются по малозначительным или даже не относящимся к компетенции органов КГБ материалам»¹.

Приказ предостерегал от двух крайностей: «При осуществлении профилактики обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, не допускать необоснованного применения к советским гражданам профилактических мер, а также профилактики лиц, которые за совершенные преступления подлежат привлечению к уголовной ответственности»².

Особое внимание обращалось на творческую среду: «Следует терпеливо и целенаправленно оказывать необходимое воздействие на тех лиц из числа творческой интеллигенции и молодежи, которые в силу своей политической незрелости и заблуждений без враждебного умысла распространяют чуждые советскому обществу взгляды. Надо серьезно и глубоко заниматься каждым, кто попал под влияние враждебной пропаганды, заниматься дифференцированно, находить такие особенности в его характере и поведении, на которые можно воздействовать в позитивном плане»³.

Подчеркивалась важность использования в профилактической работе печати, кино, радио и телевидения. Это не было прямым новаторством, но в предыдущих приказах о профилактике этот метод не выпячивался столь заметно. Ну и, разумеется, был призыв «повысить уровень и качество информирования партийных органов»⁴.

Интересен и сам по себе язык документов, циркулировавших в недрах 5-го управления КГБ. Это смесь канцелярита с профессиональным сленгом. Работая над материалами к кустовым совещаниям по итогам работы пятых подразделений местных органов в 1982–1983 годах, первый заместитель начальника 5-го управления генерал-майор Василий Проскурин 26 августа 1983 года подготовил свои заметки:

«Противник усилил поиск и сплочение сил, способных подорвать наш строй изнутри... В последнее время противник стре-

---

¹ Там же. Л. 47 об.

² Там же. Л. 42 об.

³ Там же. Л. 49.

⁴ Там же. Л. 49 об.

*Обложка приказа № 0630
председателя КГБ СССР
13 октября 1983
[ГДА СБУ]*

мится перенести центр идеологической борьбы в область социально-экономических отношений... Оказать негативное влияние прежде всего на рабочий класс и молодежь».

А далее поправки к вопросам доклада.

Учень, «что антисоветских формирований у нас в стране не было: были группы (это не одно и то же)».

«Указание на ограничение деятельности антиобщественных элементов лучше заменить выражением, указывающим на пресечение и локализацию деятельности».

«Утверждение о снижении активности нац. элементов представляется ошибочным. Такого снижения и тенденции к этому нет. Напротив, отмечается активность националистических элементов как в проявлениях, так и в поиске новых форм, методов и тактики проведения враждебной деятельности».

«Процессы, способные породить негативные явления, активно профилактировались и ранее, не только сейчас. В настоящее время они профилактируются более глубоко и оперативнее¹, что и следует указать».

¹ Подчеркивание документа.

Формулировки требований к агентуре:

«Местные подразделения должны иметь агентов в руководящих звеньях антисоветских организаций (в т. ч. зарубежных) и групп»;

«Подчеркнуть особую роль агентуры в деле выполнения стоящих перед пятыми подразделениями задач активного участия в осуществлении воспитательной функции государства»;

«Желательно выделить в докладе вопрос о специализации агентуры, весьма актуальный для пятой линии работы»;

«Может быть, следует снизить мажорность тона в подаче результатов работы и дать их больше в форме постановки задач»;

«Оценки политической и оперативной обстановки дать не от докладчика, как это излагается в проекте доклада, а со ссылками на партийные документы, на выступления Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Андропова Ю.В. При этом четко выверить подачу всех вопросов»;

«Может быть, следует цитировать тов. Андропова Ю.В. лишь по политическим вопросам, а остальные его указания по специфическим чекистским вопросам подавать от имени руководства КГБ СССР и Всесоюзных совещаний».

И конкретные редакционные поправки и замечания:

«стр. 13. Надо ли указывать число привлеченных к уголовной ответственности?»

стр. 13. Удачно ли употребление «ощутимых», когда идет речь о результатах, которых ждут от органов госбезопасности?

стр. 16. Общественности должны быть понятны не мероприятия, а меры, действия, деятельность чекистских органов.

стр. 18. Чекистские органы располагают мобильным агентурным аппаратом на основных участках работы. Может быть, это будет точнее, чем на многих участках?»¹.

Выращенные Андроповым и Бобковым сотрудники 5-го управления были призваны стать надежной опорой режима. И показатели работы «пятки» впечатляли. В 1967 году в производстве управления было 60 дел оперучета, в том числе 2 дела групповой оперативной разработки (ДГОР), 27 дел оперативной разработки (ДОР), 28 дел оперативной проверки (ДОП), 2 дела оперативного наблюдения (ДОН), 1 розыскное дело и 920 оперативных подборок на иностранцев².

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 6/16. Д. 26. Л. 30–41.

² Там же. Ф. 5. Оп. 14. Д. 529. Л. 90.

Через пятнадцать лет, в мае 1982 года, в производстве 5-го управления было 65 ДОР, 99 ДОП, 45 ДОН, 28 дел объектовой разработки, 9 дел контрразведывательных операций, 505 контрольно-наблюдательных дел (КНД) и 795 оперативных подборок¹. Всего же по стране по «пятой линии» было 11 250 дел оперативного учета (на 11 260 человек)². Вот они – «ощутимые результаты». Отчасти понятно – штат управления за 15 лет вырос вдвое. Но и агентурный аппарат 5-го управления за это время вырос в три с лишним раза.

В мае 1982 года, оставляя службу в КГБ, Андропов с удовлетворением констатировал: «Роль органов поднята»³. В декабре 1982 года председателем КГБ СССР был назначен Виктор Чебриков, которому было суждено сыграть важнейшую роль и в период максимального усиления органов госбезопасности в советской политике (1983–1985), и во время правления Горбачева, когда началось реформирование системы госбезопасности и явно обозначился будущий кризис и упадок системы КГБ (1986–1988).

ЧЕХОСЛОВАКИЯ, 1968 ГОД

Советские лидеры были особенно чувствительны к малейшим отступлениям в странах «социалистического лагеря» от идеологических концепций и установок, принятых в СССР. Вместе с тем навязанная Кремлем тоталитарная система была чуждой и шла вразрез с исторической традицией плюрализма и демократии, свойственной Чехословакии⁴. Изменение политического климата, пробуждение движений за гражданские свободы стали проявляться в Чехословакии уже в поздний период правления Антонина Новотного. После январского (1968) пленума ЦК КПЧ демократизация политической системы Чехословакии, процесс пересмотра устаревших идеологических догм и, наконец, реабилитация жертв сталинских репрессий в Чехословакии шли полным ходом. Этот процесс находился в прямом противоречии с внутренней политикой в СССР, утвердившейся после смещения Хрущева. Новое брежневское руководство, наоборот, полностью

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6-ос. Оп. 5. Д. 26.

² Там же.

³ Жирнов Е. Указ. соч.

⁴ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 88.

свернуло процесс реабилитации жертв сталинизма и с помощью аппарата госбезопасности (КГБ) жестоко подавляло любые формы инакомыслия и самостоятельной активности населения. И в этом смысле яростное сопротивление Кремля политическим реформам в Чехословакии было вполне предопределенным явлением. Очевидно, что «в борьбе с инакомыслием в Чехословакии укреплялось официальное единомыслие в СССР»¹.

С другой стороны, была еще одна серьезная причина, по которой Чехословакия находилась в центре внимания кремлевского руководства. Имеется ряд свидетельств о том, что Брежнев еще в 1966 году обращался к Новотному с требованием размещения советских войск². Новотный соглашался на размещение ракет, но советских войск на своей территории не хотел. Это злило Брежнева. Для него велением времени было воплощение новых военных концепций в противостоянии с Западом. Кремлевские стратеги полагали жизненно важным иметь войска по всем границам стран-сателлитов с Западом. А тут, между Северной (в Польше) и Южной (в Венгрии) группами войск, зияла брешь в Чехословакии. По воспоминаниям Александра Майорова, назначенного командующим 38-й армией, находившейся у границ Чехословакии, в 1966 году он был вызван на Старую площадь в ЦК КПСС, где Брежнев ему заявил: «А теперь надо посматривать севернее Будапешта – на Прагу... И иметь больше друзей в чехословацкой армии»³.

Кроме того, отмечена и личная неприязнь Брежнева к хрущевскому ставленнику Новотному. В свое время с Новотным Хрущев был особенно откровенен и говорил ему такие вещи, которые не мог высказать другим лидерам Варшавского блока. После смещения Хрущева в октябре 1964 года Новотный имел беседу с послом СССР в Чехословакии Михаилом Зимяниным и поведал ему о некоторых откровениях Хрущева. Об этом Зимянин незамедлительно сообщил в Москву: «Тов. Новотный ска-

---

¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 293.

² Млынарж З. Указ. соч. С. 177. Об этом же пишет и достаточно информированный советский журналист, проработавший в Праге с 1965 по 1968 год, см.: Кривошеев В. «Известия» и танки в Праге // Известия. 1998. 22 августа.

³ Вторжение в Чехословакию: 30 лет спустя // Там же. 21 августа.

зал, что в прошлом году тов. Хрущев в разговоре с ним заявил, что Чехословакия, мол, жиреет за счет Советского Союза», кроме того, на переговорах в Праге «Хрущев дал такую характеристику отношениям СССР и КПСС с некоторыми братскими странами и партиями, в частности ГДР, Польши, Румынии, а также характеристику руководителям этих стран и партий, что при разглашении его высказываний был бы нанесен определенный ущерб интересам КПСС и Советского Союза»¹.

Андропов, занявший кресло председателя КГБ в мае 1967 года, видел главную задачу в борьбе с «крамолой» и помощи партии в насаждении единомыслия в обществе. Но, памятуя о своей прежней специализации по социалистическим странам, он обратил внимание на хорошо известный ему 11-й отдел КГБ. Этот отдел, руководивший представителями КГБ в социалистических странах, прежний председатель Семичастный в ноябре 1966 года вывел из состава разведки, сделав самостоятельным отделом и введя в сферу собственного кураторства².

Стараниями Андропова все вернулось к исходной точке. Решением Политбюро ЦК КПСС (П84/91) от 4 июня 1968 года 11-й отдел КГБ, отвечавший за контакты с госбезопасностью социалистических стран, был вновь возвращен в аппарат разведки и стал именоваться 11-м отделом при 1-м Главном управлении КГБ при СМ СССР. С просьбой об этом обратился Андропов (письмо в ЦК КПСС № 1252-А от 30 мая 1968 года). Просьбу он мотивировал тем, что выделение 11-го отдела в самостоятельное подразделение «ослабило его деловые контакты» с подразделениями разведки и затруднило работу и в итоге, по мнению Андропова, работа 11-го отдела свелась «к протокольным мероприятиям» по приему делегаций органов госбезопасности социалистических стран, в то время как «империалистические державы» и их разведывательные органы «активизировали деятельность, направленную на срыв единства социалистических стран и ликвидацию достигнутых ими социалистических завоеваний»³.

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 16. Л. 35. Опубликовано: Никита Хрущев. 1964: Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. С. 281–285.

² Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 163.

³ Письмо Андропова в ЦК КПСС № 1252-А от 30 мая 1968 года (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 453. Л. 70–71).

Толчком к развитию ситуации в Чехословакии в неблагоприятном для Кремля направлении стала смена власти в Праге в январе 1968 года. Именно с этого времени в Политбюро ЦК КПСС регулярно рассматривается и обсуждается информация, поступающая из Чехословакии. Так, 25 января 1968 года обсуждалась информация, поступившая от посла СССР в Чехословакии Степана Червоненко, и было принято следующее решение (П67/III): информацию Червоненко «принять к сведению» и «поручить Брежневу переговорить с Александром Дубчеком в соответствии с обменом мнениями на Политбюро»¹. Во всех обсуждениях ситуации в Чехословакии шеф КГБ Андропов играл весьма заметную роль. Он был включен в состав всех комиссий, которые сформировались Политбюро для рассмотрения проблем Чехословакии.

Важнейшую роль в формировании позиций советского руководства по отношению к процессам, происходящим в Чехословакии, сыграл пленум ЦК КПСС, состоявшийся 9–10 апреля 1968 года. На пленуме выступил Брежнев с докладом «об актуальных проблемах международного положения и о борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения». В прениях много говорилось о состоянии идеологической работы в СССР, некоторые выступавшие требовали повысить внимание к идеологической работе. Например, первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Петр Машеров потребовал искоренения «идеологических сорняков», полагая, что в литературе имеет место «очернительство и клевета на все советское», и настаивал на необходимости укрепления идеологических кадров и «воспитательных усилий»². Машеров и раньше, на декабрьском пленуме (1966) ЦК КПСС, выступал с резкой критикой недочетов в идеологии: «Отрицательно сказалась, на мой взгляд, односторонняя, порой ошибочная интерпретация экономического соревнования двух противоположных систем... В результате кое у кого из нестойких в идейном отношении людей терялось чувство советской гордости, возникала мещанская зависть к тому, что есть на Западе, появлялись настроения унылого скепсиса и гнилого

---

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС (П67/III) от 25 января 1968 года (Там же. Оп. 91. Д. 85).

² Стенографический отчет апрельского (1968) пленума ЦК КПСС (Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 7. Л. 39 об.).

критиканства»¹. Машеров говорил об «идеологических диверсиях против СССР», о «размывании» коммунизма, критиковал социал-демократов за «хлесткую демагогию»². Еще шаг, и назвал бы их социал-предателями. Да, Машеров был непримиримым идеологическим бойцом. Куда уж многим до него!

Первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Шараф Рашидов твердил об «идеологических диверсиях» и «тлетворном влиянии» Запада, что, по его мнению, способствовало появлению диссидентов: «...такие люди оказались даже в среде литераторов. Это презренные отщепенцы Даниэль, Синявский, Гинзбург, Галансков, Добровольский, Лашкова и другие»³. Министр культуры Екатерина Фурцева нашла повод критиковать на пленуме Театр на Таганке и его руководителя Юрия Любимова.

Озабоченность членов советского руководства вызывала позиция Румынии. Первый секретарь ЦК компартии Украины Петр Шелест обрушился с критикой на Чаушеску, заявив, что тот «получает похвалу» не от тех, от кого надо. Его особое возмущение вызвал тот факт, что председатель Совета министров Румынии Маурер в ходе правительственного визита в Финляндию посетил могилу Маннергейма. По этому поводу Шелест заявил, что во главе правительства Румынии «стоит очень сомнительный коммунист, если не сказать большего»⁴. Но особая озабоченность высказывалась о ситуации в Чехословакии. Так, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов, рассказывая о встречах с коллегами из Чехословакии, заявил, что «мы критиковали чехов» по поводу их снисходительного отношения к западному модерну. Как пояснил Павлов, «речь шла в том числе о непонятной настойчивости в рекламе отупляющей музыки битлов, о повсеместном создании так называемых ансамблей биг-бит, о повальном распространении патологических танцев»⁵.

С заключительным словом на пленуме выступил Брежнев, смысл им сказанного приводит к выводу, что и он сделал ставку на политику «закручивания гаек». Имея перед глазами пример Чехословакии, Брежнев полагал, что любое послабление или

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 4. Л. 47.

² Там же.

³ Стенографический отчет апрельского (1968) пленума ЦК КПСС (Там же. Оп. 3. Д. 7. Л. 39 об.).

⁴ Там же. Л. 31 об.

⁵ Там же. Л. 53.

промедление может пошатнуть советские устои, поэтому «нужно укреплять дисциплину во всех звеньях, не доводить до крайних мер». На пленуме по предложению Брежнева состав Секретариата ЦК КПСС был увеличен на одного человека. Секретарем ЦК КПСС был избран Константин Катушев, до этого занимавший должность первого секретаря Горьковского обкома КПСС. И хотя Брежнев не объяснил членам ЦК, каковы будут обязанности нового секретаря, всем было ясно, что углублявшиеся противоречия в «социалистическом лагере» срочно требовали заполнения вакансии, образовавшейся после ухода Андропова с должности секретаря ЦК КПСС, ранее отвечавшего за взаимоотношения ЦК КПСС с «братскими партиями» социалистических стран.

С весны 1968 года тревога Кремля по поводу развития внутривосточной ситуации в Чехословакии постоянно возрастает. Растет и число претензий к Дубчеку и его руководству. Признаком серьезной озабоченности Политбюро можно считать формирование узкой группы высших руководителей партии и государства для оперативного рассмотрения вопросов, возникающих в связи с развитием событий в Чехословакии. Впервые это происходит на заседании Политбюро ЦК КПСС 6 мая 1968 года. В этот день Политбюро одобрило сообщение Брежнева, Косыгина и Подгорного о положении в Чехословакии и проведенных ими беседах с руководителями Чехословакии, которые находились в Москве 4–5 мая. Было принято решение поручить Сулову, Демичеву, Катушеву и Русакову «подготовить очередную информацию по вопросу о положении в Чехословакии для партийного актива КПСС». Но помимо этого разового поручения им вменялось в обязанность «обеспечить повседневную ориентировку работников печати, подготовку и публикацию статей и материалов для радио и телевидения в соответствии с обменом мнениями на заседании Политбюро ЦК». Кроме того, МИД СССР было поручено подготовить проект заявления ТАСС «о неправдоподобных версиях, распространяемых в печати и по радио ЧССР по поводу смерти Масарика».

Здесь следует пояснить. Еще 25 апреля 1968 года Андропов направил в ЦК КПСС письмо (№ 951/А-ОП), в котором писал о развернувшейся в средствах массовой информации Чехословакии дискуссии о причинах смерти Масарика и публикуемых выводах, что на самом деле это было не самоубийство (как об этом объявили в 1948 году), а убийство, осуществленное по приказу Сталина советской госбезопасностью. В своей записке Андропов

сообщал, что по проведенным архивным изысканиям органы советской разведки (Комитет информации) к самоубийству Масарика «отношения не имеют» и следует противодействовать той кампании, которая развернулась в Чехословакии в связи с этим делом¹. Но 4-й пункт постановления Политбюро от 6 мая, хотя и написанный невнятным канцелярским языком, делал данное решение ключевым во всем последующем развитии событий и предопределял неизбежность будущего военного вторжения:

«4) поручить т. Суслову, Андропову, Демичеву, Устинову, Катушеву, Пономареву, Гречко, Громыко, Епишеву, Русакову подготовить проекты необходимых документов в соответствии с разработанными мероприятиями по этапам их осуществления, в том числе предложения о конкретных шагах в соответствии с обстановкой в стране после осуществления намечаемых мер»².

Столь туманная формулировка, тем не менее, не может скрыть истинного смысла постановления: не только подготовить план военного решения чехословацкой проблемы и продумать этапы его осуществления, но и разработать все необходимые мероприятия («конкретные шаги») в период после вторжения, который здесь завуалированно именуется как период, который наступит «после осуществления намечаемых мер». К этому времени военная сторона дела была уже продумана и решена. Подробный план вторжения советских войск в Чехословакию (в частности, «карта-приказ» о вторжении 38-й армии) накануне 12 апреля 1968 года представили Брежневу министр обороны Андрей Гречко и начальник Главного оперативного управления Генштаба Михаил Повалий³. Теперь требовалось лишь утвердить комплекс политических мероприятий. На первых порах введение в Чехословакию войск планировалось осуществить под предлогом проведения совместных «военных учений» стран Варшавского договора⁴.

---

¹ Письмо Андропова в ЦК КПСС № 951/А-ОП от 25 апреля 1968 года (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 88. Л. 114–121).

² Решение Политбюро ЦК КПСС от 6 мая 1968 года (Там же. Д. 90. Л. 7–8).

³ Майоров А. Если вы живы – простите... // Известия. 1998. 21 августа.

⁴ Командно-штабные учения «Шумава» состоялись в июне – июле 1968 года с участием оперативных штабов армий Чехословакии, СССР, Венгрии, ГДР и Польши.

Вскоре решением Политбюро 23 мая 1968 года (П82/II) «К вопросу о положении в Чехословакии» была сформирована постоянная комиссия по вопросам, связанным с Чехословакией: «Поручить Подгорному, Суслову, Пельше, Шелепину, Демичеву, Андропову, Катушеву, Громыко, Епишеву, Русакову в соответствии с обменом мнениями на заседании Политбюро ЦК КПСС в оперативном порядке рассматривать вопросы по Чехословакии и при необходимости вносить свои предложения в ЦК КПСС»¹.

Весной 1968 года приверженец тайных мероприятий Андропов направил в Чехословакию своего специального посланца – офицера действующего резерва КГБ Михаила Сагателяна, официально числившегося заместителем редактора по иностранному отделу газеты «Известия». Тот провел ряд встреч с чехословацкими руководителями и изложил свои наблюдения, выводы и предложения в специальной записке – отчете от 4 июня 1968 года. На следующий день председатель КГБ Андропов направил в Политбюро этот план тайных действий, сопроводив его своим замечанием: «по мнению КГБ предложения, которые содержатся в отчете, заслуживают внимания»².

То, что написал Сагателян в своем отчете, действительно заслуживало самого пристального внимания. В ходе командировки в Чехословакию ему удалось наладить конспиративные контакты с некоторыми руководителями, в частности, с членом ЦК КПЧ Богуславом Хнёупеком – заместителем министра культуры и информации, с которым Сагателян установил «доверительные отношения» и получил от него «ряд секретных партийных и правительственных» документов. Как сказано в отчете, Хнёупек вел откровенные разговоры с Сагателяном «по собственной инициативе» и «с ведома Биляка». Андропов в своем сопроводительном письме о Хнёупеке пояснил: «работа с ним будет продолжена». В результате план действий, предложенный Сагателяном, заключался в следующем: во-первых, создать в чехословацком руководстве «просоветскую группировку» и с ее помощью добиться созыва пленума ЦК КПЧ, на котором «заменить руководство КПЧ», сместить со своего поста Дубчека (по словам Сагателяна, «это меньший ущерб, чем ввод войск»); во-вторых, следовало раз-

---

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П82/II от 23 мая 1968 года (АП РФ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 93. Л. 1).

² Письмо Андропова в ЦК КПСС от 5 июня 1968 года (РГИА. Ф. 3. Оп. 91. Д. 94. Л. 27–36).

вивать контакты и получать от Хнёупека регулярную информацию; в-третьих, провести разговор с Василем Биляком, Алоисом Индрой, Драгомиром Кольдером, а также с теми, «кого они назовут как сообщников»; наконец, в-четвертых, поручить руководство этими мероприятиями на месте работнику разведки КГБ, командировав его на 1–1,5 месяца «под прикрытием» в ЧССР, так как, писал Сагателян, «нынешние представители КГБ в Праге хорошо известны Чехословацким органам безопасности и для выполнения подобных заданий не подходят»¹. Брежнев, ознакомившись с письмом Андропова и предложениями Сагателяна и проникшись важностью материала, начертил резолюцию: «Разослать по П[олит] Б[юро] и Секр[етария]ту. Л. Брежнев»².

Тем не менее в Кремле полным ходом шла подготовка к военному вторжению. После смерти Брежнева в его рабочем столе был обнаружен машинописный документ, озаглавленный «Некоторые замечания по вопросу подготовки военно-политической акции 21 августа 1968 г.»³ В этом документе ясно и последовательно изложен план и цели тайных операций в Чехословакии накануне вторжения. Некоторые формулировки позволяют сделать заключение, что этот документ был подготовлен в КГБ. Относительно работы тайных агентов КГБ в рядах чехословацкой оппозиции в этом документе говорилось: «Надо было внести раскол в ряды контрреволюции, вызвать недоверие друг к другу, направить в ложном направлении усилия внешней контрреволюции, что в конечном счете подготовило бы благоприятную почву для принятия необходимых политических решений»⁴. Здесь же говорилось и о проведении широкой дезинформационной кампании с целью дискредитации чехословацкого руководства: «Необходимо дополнить военный контроль политическим и административным контролем. Речь идет о самом решительном вмешательстве в дела Чехословакии, об осуществлении нажима по всем линиям, вплоть до предъявления ультимативных требований... Политическая обстановка в Чехословакии в настоящее время является достаточно сложной, и надо принять меры к тому, чтобы ее еще более усложнить. Для этого необходимо раз-

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 94. Л. 27–36.

² Там же.

³ Новиков А., Шинкарев Л. Уроки августа-68 // Известия. 1995. 22 августа.

⁴ Там же.

работать широкий план специальных мероприятий по дезинформации. Необходимо усилить недоверие к правым лидерам, проводить акцию по их компрометации, идти на самые широкие контакты именно с правыми элементами с тем, чтобы широкие массы имели возможность обвинить именно этих правых лидеров в коллаборационизме¹.

В полном соответствии с этими установками силами КГБ в Чехословакии проводились так называемые спецоперации. В апреле 1968 года на укрепление аппарата КГБ в Прагу были секретно направлены сотрудник разведки Владимир Васильевич Суржанинов (приступил к работе в Праге 26 апреля) и сотрудники «нелегальной» разведки (управления «С» 1-го Главного управления КГБ) Геннадий Федорович Борзов и В.К. Умнов². В их задачи входило не только установление рабочих контактов с просоветским крылом в КПЧ, но и руководство тайными операциями. Кроме того, под видом работников средств массовой информации в Прагу решением Секретариата ЦК КПСС (Ст. 50/172г-ОП) от 16 апреля 1968 года были направлены сотрудники разведки КГБ Георгий Арсеньевич Федяшин и Александр Иванович Алексеев.

Наращивание присутствия КГБ в Чехословакии было связано с двумя проводившимися там «спецоперациями», о которых сообщается в исследовательской литературе. Первая, имевшая кодовое название «Прогресс», заключалась в засылке в Чехословакию советских агентов-нелегалов под видом туристов, бизнесменов и студентов из Германии, Австрии и Швеции и других западных стран. Их целью было установление контактов с представителями всех видов оппозиционных сил, сбор информации и контроль над их деятельностью. При необходимости советские агенты могли влиять на деятельность оппозиции. Помимо прочего, это давало возможность «уличить» чехословацкую оппозицию в подозрительных контактах с Западом. Другая операция, проводившаяся КГБ под кодовым названием «Ходоки», была еще более провокационна по своему характеру. В ее рамках советские агенты-нелегалы имели задание фабриковать доказательства подготовки чехословацкой оппозицией вооруженного контрреволюционного переворота. В этих целях агенты КГБ

---

¹ Там же.

² Andrew C., Mitrokhin V. *The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West*. L., 1999. P. 329.

обустроивали «тайные склады с оружием», распространяли листовки с призывами к свержению власти и т. п.¹ О деятельности агентов КГБ по созданию доказательств «активизации контрреволюционных сил» вспоминает и корреспондент «Известий» Владлен Кривошеев, называя это действиями «третьей силы». В его подчинение был прислан неизвестный ему ранее «журналист-международник», как он догадался позднее, из КГБ. И когда вскоре где-то под мостом в Западной Чехии обнаружили «арсенал оружия», состоящий лишь из нескольких пистолетов и гранат, вдруг выяснилось, что накануне туда ездил на автомобиле «Волга», принадлежащем корреспондентскому пункту «Известий», именно тот самый новый сотрудник².

Примером типичной дезинформационной акции отдела «А» 1-го Главного управления КГБ³ может служить публикация в газете «Правда» 19 июля 1968 года статьи с заголовком «Авантюристические планы Пентагона и ЦРУ», в которой со ссылкой на «сверхсекретный оперативный план» и документы командующего сухопутными силами США в Европе утверждалось, что Пентагон и ЦРУ активно вмешиваются в ситуацию в Чехословакии, проводят «идеологические диверсии» и способствуют «контрреволюционному перевороту». В действительности этот план, якобы попавший в руки советских журналистов, был сфабрикован в КГБ⁴.

Оппозиционные настроения в Чехословакии явно преувеличивались советской пропагандой, а рост гражданской активности и критика тоталитаризма сталинского типа изображались как доказательства зловещих планов «по отрыву Чехословакии от социалистического лагеря». Все это имело цену лишь для внутреннего пропагандистского употребления в СССР. Весьма характерно, что в подготовленной 1-м Главным управлением КГБ при СМ СССР в октябре 1968 года объемной записке «О деятельности контрреволюционного подполья в ЧССР» лишь

---

¹ Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive... P. 328–334.

² Кривошеев В. Указ. соч.

³ Отдел «А» 1-го Главного управления КГБ при СМ СССР имел задачи по проведению «активных мероприятий», главным образом дезинформации, акций по дискредитации западных лидеров и политики западных стран и т. п.

⁴ Эндру К., Гордиевский О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 489.

четвертая часть была посвящена «деятельности антисоциалистических сил до ввода союзных войск в ЧССР». Причем в этом разделе и речи не было о тайных складах с оружием или иной практической подпольной деятельности. В основном говорилось о слабости партийных органов КПЧ на местах, ослаблении ее «руководящей роли», внутривнутрипартийной борьбе и кадровой неразберихе, росте оппозиционных настроений в обществе, организации общественных объединений, в том числе и среди тех, кто ранее подвергся политическим репрессиям, и тому подобных фактах. И лишь в одном месте упоминались единичные примеры распространения листовок и надписей против КПЧ и СССР¹.

Проблемы, связанные с чехословацкими событиями, приходилось решать и внутри СССР. Некоторые чехословацкие корреспонденты, находящиеся в Москве, изрядно раздражали КГБ своей независимой позицией и критическими репортажами. Но Москва не Прага, здесь действовала жестокая цензура, и терпеть независимость суждений здесь не желали. По инициативе КГБ, надзиравшего за представителями иностранных средств массовой информации, 19 июня 1968 года было принято решение Политбюро «Об антисоветских выступлениях корреспондента чехословацкого радио в Москве Л. Добровского»². Вопрос был настолько деликатным, ведь речь шла о корреспонденте «дружеской социалистической страны», что решение имело самый секретный характер – гриф «особая папка». Но проблема корреспондента тогда не была решена. Лишь после военного вторжения Андропов и Громыко 9 сентября 1968 года подготовили совместное письмо (№ 2141-А) с предложением «выдворить» Добровского из Советского Союза. Предложение было принято Политбюро, правда, без оформления этого решения в протоколе³.

Результатом тайных усилий КГБ весной и в начале лета 1968 года стало то, что кремлевские лидеры получили необхо-

---

¹ Записка председателя КГБ при СМ СССР Андропова в ЦК КПСС от 13 октября 1968 года «О деятельности контрреволюционного подполья в Чехословакии» (Источник. 1993. № 5–6. С. 96–118; 1994. № 1. С. 62–71).

² Решение Политбюро ЦК КПСС (П86/51) от 19 июня 1968 г.

³ Записка А.А. Громыко и Ю.В. Андропова № 2141-А (вх. 5778) от 9 сентября 1968 г. «О выдворении из Советского Союза корреспондента чехословацкого радио Добровского». На письме помета: «О решении сообщено помощнику т. Андропова – П.П. Лаптеву и помощнику т. Громыко – Коваленко. 18.09.68. Рогов».

*Советские танки в Праге
1968
[Из открытых источников]*

димую аргументацию для оправдания своей жесткой линии в отношении лидеров КПЧ. Событиям в Чехословакии и итогам встречи делегаций коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Варшаве целиком был посвящен пленум ЦК КПСС, состоявшийся 17 июля 1968 года. Выступая на пленуме с докладом, Брежнев заявил, что в Чехословакии идет «тщательно маскируемый контрреволюционный процесс»¹. В прениях выступили 14 человек. Подводя итог и закрывая пленум, Брежнев сообщил, что «завтра будет опубликовано письмо братских партий чехам»².

Военная акция, предпринятая Советским Союзом и его сателлитами против Чехословакии с 20 на 21 августа 1968 года, наглядно продемонстрировала, какова истинная цена суверенитета стран, входящих в Варшавский договор. Вскоре подоспело и пропагандистское обеспечение нового курса Кремля. На страницах газеты «Правда» появилась программная статья «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран», ставшая своего рода сенсацией³. В статье содержался и

¹ Стенографический отчет июльского (1968) пленума ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 8).

² Там же.

³ Правда. 1968. 26 сентября.

на разные лады обыгрывался тезис, что интересы безопасности всего «социалистического содружества» выше интересов входящих в содружество отдельных стран, и соответственно «нельзя противопоставлять суверенитет отдельных социалистических стран интересам мирового социализма». Ну а что касается военной акции «пяти союзных социалистических стран», то она, по утверждению автора статьи, «соответствует коренным интересам самого чехословацкого народа»¹.

Статья была подписана малоговорящей фамилией С. Ковалев, без указания научного звания и должности автора. И все же об авторе этой статьи стоит сказать особо. Сергей Митрофанович Ковалев был известен как неутомимый борец с «буржуазной идеологией и ревизионизмом»². Одной из первых его публикаций являлась книга с многозначительным названием «О национальной гордости советских людей»³. Ковалев быстро выдвинулся и в феврале 1951 года был утвержден директором Государственного издательства политической литературы. Однако на этом посту Ковалев допустил серьезный просчет. Он во-

---

¹ Там же.

² Ковалев Сергей Митрофанович (24.09.1913–07.12.1990), родился в г. Милославичи Могилевской губ. В 1935 году поступил в Московский институт истории философии и литературы, с пятого курса института перешел на учебу в Высшую партийную школу, по окончании которой с июля 1941 года работал в Управлении пропаганды ЦК ВКП(б). В послевоенное время секретарь Курского обкома ВКП(б). С февраля 1951 года директор Госполитиздата и член коллегии Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли при СМ СССР. В 1954 году защитил докторскую диссертацию «Коммунистическое воспитание трудящихся». В сентябре 1954 года снят с должности директора Госполитиздата. В 1960–1965 годах работал в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», в 1965–1971 годах член редколлегии газеты «Правда» по отделу пропаганды, в 1971–1980 годах первый заместитель редактора «Большой советской энциклопедии», с 1980 года профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС. Основные труды: Коммунистическое воспитание трудящихся (1960); О коммунистическом воспитании (1966); О человеке, его порабощении и освобождении (1970); Формирование социалистической личности (1980); Самовоспитание социалистической личности (1986). В сентябре 1973 года в связи с 60-летием награжден орденом Трудового Красного Знамени.

³ Ковалев С.М. О национальной гордости советский людей. М., 1950.

время не уловил изменение политической ситуации и был снят с работы. Об этом говорилось в решении Президиума ЦК КПСС от 23 сентября 1954 года «О грубой политической ошибке, допущенной в книге “Исторический материализм”». За выпуск этой книги «с неправильными формулировками, противоречащими указаниям ЦК КПСС и наносящими ущерб интересам внешней политики нашего государства», Ковалев был снят с должности и его дело передано на рассмотрение Комиссии партийного контроля. С большим трудом Ковалеву удалось вновь подняться и заслужить право работать в сфере идеологии. Этот урок он запомнил надолго. В 1968 года положение Ковалева достаточно прочное. В июне решением Политбюро он был включен в свиту члена Политбюро Андрея Кириленко, направляющегося с официальным визитом в Италию¹. И вот в сентябре 1968 года Ковалев, будучи членом редколлегии «Правды», публикует столь важную статью, опять же касающуюся деликатной сферы отношений между социалистическими странами. Трудно представить, что эту статью Ковалев подготовил без предварительного одобрения Кремля.

Выступление «Правды» было тут же замечено Госдепартаментом США, где сразу поняли, что речь идет о «новой советской доктрине». Об этом ЦК КПСС был проинформирован письмом из КГБ от 21 октября 1968 года. В письме также сообщалось, что, по оценкам специалистов Госдепартамента США, советская «новая трактовка вопроса о суверенитете» противоречит Уставу ООН и этого же мнения придерживается Генеральный секретарь ООН У Тан. Тем не менее министр иностранных дел СССР Громыко на Генеральной Ассамблее ООН официально подтвердил существование нового подхода к вопросу о «независимости и суверенитете»².

Новая линия получила развитие на пленуме ЦК КПСС, проходившем 30–31 октября 1968 года, где с докладом «О внешнеполитической деятельности Политбюро ЦК КПСС» выступил Брежнев. Он сообщил, что в политическом плане «положение в ЧССР и после военной акции с 20 на 21 августа оставалось напряженным». Брежнев заявил, что ввод войск одобрили все, в том числе Вьетнам, Монголия, Северная Корея и Куба, враждеб-

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС (П86/1) от 14 июня 1968 года.

² Письмо КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС № 2437-з от 21 октября 1968 года (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 469. Л. 94–95).

ной была лишь реакция Китая и Албании¹. Однако нас беспокоит, заявил Брежнев, «двусмысленная, далекая от искренности позиция некоторых членов Президиума ЦК КПЧ»². Также «ошибочную позицию» заняла Югославия, что, по мнению Брежнева, было связано с «ревизионистскими тенденциями», а также Румыния, но в последнее время «ее позиции стали спокойнее». Касаясь общих тенденций в оценках советского вторжения, Брежнев посетовал на «нечеткую позицию» Французской и Итальянской компартий, пояснив, что «в политике руководства некоторых западноевропейских компартий имеет место приспособление к настроениям мелкобуржуазной массы, притупление классового чутья, недооценка интернациональных обязанностей»³. Между тем реакцией Запада в целом Брежнев был вполне доволен: «Протесты, с которыми в разных формах выступили правительства этих стран, носили, по существу, формальный, символический характер. Они ни в коей мере не коснулись основ наших межгосударственных и в особенности экономических отношений с этими странами». Главное, по мнению Брежнева, военная акция показала, что «всем стало окончательно ясно, что слова КПСС, Советского Союза о твердой решимости не допустить выпадения ни одного звена из социалистического содружества – это не просто пропагандистская декларация»⁴. Так доктрина «ограниченного суверенитета» социалистических стран обрела законченную форму, и ее позднее чаще именовали «доктрина Брежнева».

Одновременно с вводом войск в Чехословакию прибыли высокие представители КГБ. В их задачи входила организация деятельности оперативных групп КГБ в Праге и Братиславе. Всем этим делом руководили два высокопоставленных генерала КГБ: первый заместитель председателя КГБ Николай Захаров и начальник 2-го Главного управления (контрразведка) и член Коллегии КГБ Георгий Цинев. Работавший в то время первым заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Александр Яковлев был послан с группой журналистов 21 августа 1968 года в Чехословакию. Он вспоминал, что по воз-

---

¹ Стенографический отчет октябрьского (1968) пленума ЦК КПСС (Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 9. Л. 139).

² Там же.

³ Там же. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 141.

Н.С. Захаров
[Из открытых источников]

Г.К. Цинев
[Из открытых источников]

вращении рассказывал Брежневу об увиденной им картине: «...в нашем посольстве в Праге генералы КГБ Захаров и Цинев наводят на всех страх и дезинформируют Москву»¹. Брежнев принял это к сведению, но никаких выводов и действий не последовало, единственное, о чем он попросил Яковлева, так это не делиться подобной информацией с Косыгиным².

У Брежнева вполне сформировалось представление, что военная акция против Чехословакии рано или поздно принесет свои плоды. Уже на пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1968 года Брежнев оптимистично заявил, что обстановка в Чехословакии «нормализуется», отметив, что «большую работу» там провел первый заместитель министра иностранных дел Василий Кузнецов, направленный на помощь послу Червоненко³.

Осенью 1968 года КГБ регулярно информировал ЦК КПСС о событиях в Чехословакии и вокруг нее. Информационные за-

¹ Яковлев А.Н. Не закладывает мины // Известия. 1998. 21 августа.

² Там же.

³ Стенографический отчет декабрьского (1968) пленума ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 10).

писки подписывали первые заместители председателя КГБ Николай Захаров и Семен Цвигун. Возможно, это объясняется тем, что Андропов с 1 сентября 1968 года был в длительном отпуске¹. Так, запиской № 2159-Ц от 13 сентября КГБ проинформировал ЦК КПСС о радиопередаче «Би-би-си» в которой рассказывалось о протестах московских писателей против ввода войск в Чехословакию²; в записке № 2404-з от 16 октября речь шла о тематике будущих передач радиостанции «Свобода»³; в записке № 2502-з от 29 октября говорилось о соображениях редактора газеты «Руде право» Швестки по поводу положения в Чехословакии и о его мнении о некоторых лидерах КПЧ⁴; в записке № 2680-з от 29 ноября – о дальнейших намерениях правительства Франции по развитию отношений с СССР и социалистическими странами⁵; в записке № 2848-з от 27 декабря 1968 года – о положении внутри Итальянской компартии и ее позиции в отношении событий в Чехословакии⁶.

Помимо проблем внутри Чехословакии у КГБ появились серьезные проблемы и в самом СССР. Советские пропагандистские декларации о «нерушимом единстве партии и народа» обесценивались после поступка небольшой группы смельчаков, вышедших на Красную площадь с протестом против оккупации Чехословакии. 25 августа 1968 года на площади они развернули свои плакаты с надписями: «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!». Шесть участников демонстрации были арестованы и вскоре на судебном процессе 9–11 октября осуждены Московским городским судом на сроки от 3 до 5 лет. Об их аресте, следствии и осуждении КГБ, МВД и прокуратура подробно трижды информировали ЦК КПСС записками № 2102-А от 5 сентября; № 2205-А от 20 сентября; № 2371-А от 11 октября 1968 года⁷.

Между тем Кремль делал шаги по закреплению своих войск в Чехословакии и наделению их постоянным статусом. Была сформирована Центральная группа войск (ЦГВ). Вскоре решением

---

¹ Решение о предоставлении Андропову отпуска с 1 сентября 1968 года было принято Политбюро ЦК КПСС (82/XVI) от 23 мая 1968 г.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 60.

³ Там же. Д. 37. Л. 45–48.

⁴ Там же. Д. 301. Л. 331–333.

⁵ Там же. Д. 492. Л. 158–160.

⁶ Там же. Л. 252–253.

⁷ Там же. Ф. 83. Оп. 25. Д. 72. Л. 56–60, 62–63.

Политбюро ЦК КПСС (П105/24) от 17 октября 1968 года были сформированы Особый отдел КГБ и Отдел правительственной связи Центральной группы войск. В связи с этим штат КГБ был увеличен на 334 офицера (а по штату на военное время на 426 офицеров), из них собственно аппарат ОО КГБ ЦГВ составляли 32 офицера, а остальные ставки предназначались для частей войск правительственной связи¹.

Все это шло вразрез с данными ранее обещаниями Брежнева Дубчеку. Согласно Московскому протоколу, подписанному 27 августа 1968 года, советские войска должны были быть выведены из Чехословакии «после нормализации обстановки». Однако это не было сделано вплоть до 1990 года².

Также сохранялось и присутствие оперативных групп КГБ. Лишь 2 марта 1970 года Андропов направил на имя Брежнева записку (№ 534-А) с предложением упразднить оперативные группы КГБ в Чехословакии. Андропов писал, что в связи с формированием ЦГВ в Праге и Братиславе были созданы оперативные группы КГБ, «за истекший период ими проведена определенная положительная работа». Учитывая произошедшее изменение обстановки, отсутствие советских воинских частей в указанных городах, контрразведывательные возможности групп значительно сократились. Помимо этого, писал Андропов, «их дальнейшее функционирование может быть отрицательно воспринято чехословацкими товарищами», и предлагал «в ближайшее время» работу этих групп прекратить. На письме Андропова имеются резолюция «Согласиться. Брежнев, Подгорный, Косыгин 3.03.1970» и помета: «С-т Андропова Ю.В. сообщено о согласии 4.03.70»³.

Итог событиям в Чехословакии был подведен весьма своеобразно. 4 июня 1971 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О награждении орденами и медалями СССР сотрудников советских организаций в Чехословацкой Социалистической Республике и группы работников центральных учреждений»⁴. Указ не предназначался для глаз широкой публики и в отличие от обычных наградных указов имел гриф «не

---

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П105/24 от 17 октября 1968 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 453).

² Кривошеев В. Указ. соч.

³ Письмо Андропова в ЦК КПСС № 534-А от 2 марта 1970 г. (РГИА. Ф. 3. Оп. 80. Д. 453. Л. 87).

⁴ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 105. Д. 118. Л. 58–65.

подлежит опубликованию». По сути, это был последний акт чехословацкой драмы. Кремль подводил черту и отныне считал проблему закрытой. Наградная формулировка была весьма немногословна и проста: «за образцовое выполнение служебного долга в период чехословацких событий». Высоких государственных наград удостоились работники самого разного уровня – от поваров и шоферов советских посольств и консульств до Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Чехословакии Степана Червоненко. Помимо дипломатов были награждены работники аппарата ЦК КПСС и среди них первый заместитель заведующего отделом пропаганды Александр Яковлев, а также множество журналистов и работников печати. Но особо в указе выделяется группа лиц, чьи должности не расшифрованы, а приведены лишь военные звания. Это сотрудники КГБ. Всего данным указом были награждены 90 человек, из них 57 орденами, остальные медалями. Из награжденных орденами 20 являлись сотрудниками КГБ. Это вполне красноречиво свидетельствует об особой роли КГБ в событиях в Чехословакии. Среди награжденных высокопоставленных сотрудников КГБ заместитель председателя КГБ Георгий Цинев и начальник 3-го управления (военной контрразведки) КГБ Виталий Федорчук (на момент награждения он уже председатель КГБ при Совете министров Украины). Остальные сотрудники КГБ в основном служили во 2-м Главном управлении (контрразведка) и составили в 1968–1970 годах костяк оперативных групп КГБ в Праге и Братиславе. Однако помимо них есть в наградном указе и сотрудники разведки КГБ, чьи должности указаны по ведомству печати. Это Георгий Арсеньевич Федяшин – заместитель председателя Агентства печати «Новости» и Александр Иванович Алексеев – представитель Агентства печати «Новости» в Чехословакии. Об Алексееве стоит сказать особо. Он долгое время работал по линии разведки в Латинской Америке, затем с 1959 года на Кубе, где пользовался большим доверием Фиделя Кастро, и в конце концов в мае 1962 года возглавил советское посольство. В 1968 году его богатый опыт тайных операций пригодился в Чехословакии. Любопытно, что, завершив свою миссию в Чехословакии, Алексеев опять же в качестве «представителя советской печати» был в 1970 году переброшен в другую точку планеты, где Кремль пытался установить свое влияние, – в Перу и Чили¹.

---

¹ Barron J. KGB: The Secret Work of Soviet Secret Agents. N. Y., 1974. P. 548.

*Антонин Новотный
[Из открытых
источников]*

*Александр Дубчек
[Из открытых источников]*

Под непосредственным руководством Андропова КГБ сыграл весьма значительную роль в чехословацких событиях. Помимо работы по сбору информации о положении в Чехословакии, настроениях и действиях членов руководства КПЧ, представители КГБ (официальные и тайные) активно влияли на происходящие процессы, придавая им нужную направленность. Первоначально в Кремле были весьма довольны приходом Александра Дубчека к власти, считали его вполне «своим» парнем и даже называли «наш Саша». Возможно, в Москве полагали, что, в отличие от Новотного, Дубчек будет более сговорчив в отношении размещения советских войск, а этот вопрос ставился еще в 1966 году. Хотя и в неявной форме, но именно Брежнев дал предварительное согласие на смещение Новотного. В декабре 1967 года в беседе с чехословацкими руководителями он заявил, «это ваше дело», надеясь, что новое руководство Чехословакии будет более сговорчиво в вопросе размещения войск. События же пошли совсем по иному сценарию.

Смена руководства в январе 1968 года была воспринята населением Чехословакии как поражение прежнего тоталитарного курса и явилась сигналом к проявлению гражданской активности. В иной форме, но по существу повторялась «венгерская история» 1956 года. Дубчек в итоге не смог сдерживать свободолюбивые силы, да и сам снискал славу реформатора. Если же смотреть глубже, то отчасти такой поворот событий даже был на руку Кремлю, приближая к заветной цели – военной акции и размещении войск. С мая 1968 года Москва уже сознательно нагнетала страхи и ужасы, ведя дело к вводу войск. И в этом свете вполне очевидны тайные акции КГБ, направленные на дестабилизацию обстановки и операции по дезинформации. Общий итог понятен. Сиюминутная выгода была достигнута – ввод войск состоялся, но в долговременной перспективе это обернулось явным проигрышем. Внутри советского общества росло разочарование в брежневской политике, была разрушена вера в возможность демократического преобразования социалистического общества в «социализм с человеческим лицом», более того, даже в среднем партийном звене и в кругах интеллигенции «чехословацкий комплекс» вызвал формирование стойких оппозиционных настроений. В 1968 году Советский Союз в очередной раз выступил в роли жандарма и проводника силовых методов советизации, а в результате этого в странах «восточного блока» и в республиках СССР постепенно росло и все сильнее проявлялось национально-освободительное движение и желание обретения государственной независимости.

ТАЙНЫЙ КАНАЛ

Леонид Брежнев, опасавшийся международной изоляции после вторжения в Чехословакию в 1968 году¹, предпринимал меры по укреплению международного доверия к своей политике, пытался нащупать новые каналы продвижения положительного имиджа СССР. Узловым моментом были отношения с ФРГ. Они были важны и с политической и, что не менее значимо, с экономической точки зрения. Но как действовать и какой избрать путь для эффективного достижения поставленных целей.

---

¹ «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Статьи, исследования, документы / гл. ред. Н.Г. Томилина, С. Карнер, А.О. Чубарьян. М., 2010.

Требовалось что-то нетривиальное и в то же время дающее быстрый результат.

Обмен неофициальной, строго секретной информацией между принимающими решения лицами, которые хотя и считались контрагентами, но, тем не менее, в значительной степени были заинтересованы в защищенном обмене информацией, является, скорее, нехарактерной составляющей международной дипломатии. Но почему Брежнев сделал именно КГБ инструментом налаживания тайного канала между Москвой и Бонном. В сущности, речь шла о задачах, с которыми вполне могли справиться специально назначенные тайные эмиссары Кремля из числа общественных деятелей, журналистов или германистов, имевших хорошие связи среди западногерманского истеблишмента.

Брежнев верил Андропову и за пару лет, прошедших с момента его назначения на пост в КГБ, убедился – не подведет. Сохранит все в тайне и обеспечит надежность контактов, да и люди в ведомстве Андропова не болтливые. Главное – предельно сузить круг посвященных. «Тайный канал» – вот идеальный способ коммуникации. Важно было организовать все не просто втайне, но и нетрадиционным для КГБ путем – отделить этот канал от привычной для разведки КГБ области «активных мероприятий», сделав что-то исключительное и неформальное. Иначе говоря, найти связку: человек в аппарате КГБ, получающий доверительную информацию прямо от председателя КГБ при личном, с глазу на глаз общении, и агент-журналист, имеющий широкие связи и возможность регулярно бывать в ФРГ. И, главное – не должно быть никакого аппаратного воплощения, никакой письменной отчетности и никакой огласки в самом КГБ. Деятельность «тайного канала» должна была иметь прямой характер и ограничиваться узким кругом лиц. Связка, законспирированная даже от высшего руководящего состава КГБ, тайный канал известный лишь председателю КГБ Юрию Андропову и генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу. Очевидно, что и министр иностранных дел Андрей Громыко оставался в стороне. Его ввели в курс дела позже.

Тут стоит сделать некоторое историческое отступление и оценить доставшееся Андропову наследство: ведомственные идеи, наработки и их структурное воплощение. Мог ли Андропов обогатить опыт своих предшественников, в какой степени этот опыт нуждался в коррекции и переосмыслении применительно к изменившимся условиям?

В послевоенное время распространение советского влияния в Европе стало задачей номер один для Сталина. Разумеется, средством упрочения этой идеологической экспансии могла быть отнюдь не только открытая пропаганда. Для этого Сталин использовал и тайные каналы по линии разведки, и тайное финансирование. Весной 1946 года по поручению Сталина министр госбезопасности Всеволод Меркулов разработал несколько вариантов реорганизации структуры своего министерства (МГБ). В одном из них предлагалось создать специальный аппарат – «Особую группу» при министре госбезопасности, в задачи которой входили бы активные мероприятия по тайному воздействию на общественно-политические настроения на Западе. О предстоящей деятельности «Особой группы при министре госбезопасности по специальным заданиям» в записке Меркулова говорилось вполне определенно и подробно. Задачи этой группы формулировались следующим образом:

«Подготовка и вербовка специальной сети агентов, которые по своему служебному и общественному положению могли бы оказывать влияние и давление на правительства соответствующих стран в нужном нам направлении. Организация общественного мнения среди определенных кругов населения соответствующих стран путем создания новых специальных органов прессы (газет, журналов), конспиративно субсидируемых нами и проводящих по нашим заданиям нужную нам линию, или путем приобретения уже существующих в странах органов прессы (незаконная скупка акций газетного предприятия, прямая покупка этих предприятий у владельцев через подставных лиц и т. д.);

Организация аналогичной работы среди радиокомментаторов и работников различных влиятельных общественных, научных, просветительных и иных учреждений;

Передача через указанные выше каналы для опубликования в прессе полезных для нас материалов, в том числе и дезинформационных.

Осуществление работы, возлагаемой на особую группу специальных заданий, нами мыслится таким образом, что политическое содержание статей, различных документов, предназначенных для использования за границей, и заданий специальной агентуре будет определяться ЦК ВКП(б) [и т. Сталиным]¹, а на

---

¹ Здесь в первый экземпляр документа должно было быть вписано от руки: «и т. Сталиным». В документах сверхсекретного и деликатного

МГБ СССР будет возложена только организационно-техническая сторона конспиративного доведения этих материалов и заданий до соответствующих объектов за границей»¹.

4 мая 1946 года была утверждена новая структура МГБ СССР. Однако «Особая группа» с вышеозначенными функциями не была создана, а все оперативные мероприятия за границей, включая тайные информационно-пропагандистские интервенции, были сосредоточены в Первом главном управлении МГБ (внешняя разведка). С 1947 года функции внешней разведки выполнял Комитет информации (КИ)². За этим последовали кампании против правительства Аденауэра и проводимой им политики западной интеграции³.

Лишь в 1959 году в составе 1-го Главного управления КГБ было создано специальное подразделение, где сосредоточилась вся работа по дезинформации и проведению «активных мероприятий» за границей. Это было нововведением назначенного на пост председателя КГБ Александра Шелепина, прошедшего большую политическую школу в аппарате ВЛКСМ, а затем в ЦК КПСС. Приказ КГБ о создании в аппарате 1-го Главного управления (разведки) «службы дезинформации» – отдела «Д» был подписан 23 июня 1959 года. Первым серьезным делом нового начальника этого отдела Ивана Агаянца стала беспрецедентная по своим масштабам кампания «неонацистских выступлений» в Западной Германии. Тогда тайные агенты СССР

свойства имя Сталина, как, впрочем, и других вождей ВКП(б), всегда вписывалось в последний момент и только в единственный, посылаемый «наверх» экземпляр (в копиях оставались пробелы). Такая конспирация в делопроизводстве позволяла ограничивать круг посвященных лиц до одного-двух человек, исключая из него, например, машинисток, печатавших документы.

¹ Письмо министра госбезопасности СССР Всеволода Меркулова, Сергея Огольцова и Виктора Абакумова на имя Сталина с предложениями о реорганизации МГБ СССР от 3 мая 1946 года № 9373/М (ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 173. Л. 168).

² Подробнее о структуре Комитета информации и реорганизации аппарата советской внешней разведки см.: Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. М., 2010. С. 35–45, 130–131.

³ Ruggenthaler P. The Concept of Neutrality in Stalin's Foreign Policy, 1945–53 // Harvard Cold War Studies Book Series. Lanham, 2015. 2. Aufl. 2017. S. 191–210.

*В.Е. Кеворков
[Из открытых
источников]*

и ГДР организовали ряд провокаций (посылка антисемитских анонимных писем и взрывных устройств, осквернение могил на еврейских кладбищах, беспорядки), серьезно осложнивших отношения ФРГ с союзниками. Эти акции дирижировались из Москвы, вдруг начавшись, они прекратились внезапно, когда цель была достигнута¹.

Для налаживания тайного канала между лидерами СССР и ФРГ Андропов выбрал малозаметного заместителя начальника 7-го отдела 2-го Главного управления КГБ Вячеслава Кеворкова. Отдел, в котором работал Кеворков, вел оперативную работу среди иностранных корреспондентов и оперативно «обслуживал» ТАСС, МИД, Управление по делам дипломатического корпуса, МГИМО и АПН, а кроме того, этот отдел вел контрразведывательную работу в отношении выезжавших за границу советских граждан. То есть отдел не занимался вопросами Германии, но западногерманских журналистов и специалистов по Германии среди контактов Кеворкова было достаточно. Андропов знал Кеворкова как германиста еще до своего назначения в КГБ².

В помощь Кеворкову по налаживанию канала назначили того, с кем Кеворков был связан по чекистской линии, – журналиста Валерия Леднева. Он родился 24 июня 1922 года в городе Григориополе Тираспольского уезда Херсонской губернии в семье биолога. Мать работала школьным учителем и умерла.

¹ Barron J. Op. cit. P. 234–235.

² Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 14–17, 22–23.

когда Валерию было лишь 11 лет. Он сначала воспитывался у бабушки, затем у братьев отца в Москве. Окончив в Москве среднюю школу, поступил в 1939 году в Московский автодорожный институт, затем продолжил учебу в Институте международных отношений. По окончании института работал в «Литературной газете» и газете «Советское искусство» (с 1953 года переименована в «Советскую культуру»). Здесь он оттачивал свой журналистский и литературный талант, готовил ловкие и политически острые публикации. Здесь же постигал и азы политической дезинформации. В соавторстве он написал пьесу «Оружие номер один» о «борьбе простых людей за мир» и о том, как «американцы готовят бактериологическую войну». Все это было очень в духе того времени. Как раз тогда Кремль начал шумную дезинформационную кампанию против США с обвинениями в использовании бактериологического оружия в ходе корейской войны¹.

На таланты Леднева обратили внимание «где следует», и в 1958 году он был направлен на Всемирную выставку в Брюсселе, где стал ответственным секретарем газеты «Спутник», печатавшейся во время работы выставки в качестве агитационного листка. Командировка в капиталистическую страну для Леднева многое значила. Заслужить такую привилегию можно было, только доказав на деле свою преданность режиму и готовность выполнить любые задания, включая и тайные. Именно с этого момента началось его сотрудничество с КГБ. Леднев переходит на работу в газету «Известия», что явилось важной вехой его журналистской карьеры. Он был включен в свиту зятя Хрущева Алексея Аджубея в ходе его нашумевшего визита в ФРГ в июле 1964 года. После снятия Аджубея с поста главного редактора «Известий» Леднев вновь вернулся в газету «Советская культура». Здесь он к 1973 году дорос до поста ответственного секретаря редакции. В 1978 году он – уже редактор иностранного отдела, в 1982 – член редколлегии «Советской культуры».

Некоторое время оба, и Кеворков, и Леднев, перебирали свои связи среди немецких журналистов, пока в мае 1968 года не представился счастливый случай – журналист Хайнц Лате взялся помочь в налаживании контакта с правящими кругами ФРГ². Андропов, давший задание Кеворкову нащупать нужные связи, выжидал. После того, как осенью 1969 года пост канцле-

---

¹ Петров Н.В. Иван Серов – председатель КГБ. С. 283–285.

² Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 30–37.

ра занял Вилли Брандт, настало время действовать. Леднев, получив инструкции Кремля через Кеворкова, был отправлен 22 декабря 1969 года в Кельн. Состоялась его первая встреча со статс-секретарем Эгоном Баром¹. Канал заработал.

Теперь каждый раз перед новой встречей Андропов подробно инструктировал Кеворкова, а тот, в свою очередь, готовил к поездке Леднева. На первых порах сам факт того, что председатель КГБ Андропов задействовал тайный канал прямого обмена сообщениями между Брежневым и канцлером Брандтом, вызвал серьезное неудовольствие министра иностранных дел Андрея Громыко. Ему показалось, что таким образом нарушается его монополия на поддержание внешнеполитических связей. Когда Громыко узнал о тайном канале, говорят, он поднял этот вопрос в Политбюро в конце января 1970 года, пожаловавшись, что «люди Андропова» мешают ему заниматься внешней политикой. Но Брежнев погасил разгоревшийся было конфликт². Андропов сразу же послал Кеворкова к Громыко для дачи разъяснений. Эта версия звучит правдоподобно, однако она не может быть подтверждена первоисточником.

Тем не менее сообщения, которыми обменивались Брежнев и немецкий канцлер, проходили и через Громыко. Брежнев и Андропов убедили Громыко, что наличие такого канала обмена доверительными сообщениями – это вовсе не отрицание дипломатии. Одно дополняет другое. Более того, разыгрывается партия, когда можно создавать имидж правильной, но неповоротливой и консервативной дипломатической службы, а с другой стороны, доверительные сообщения по прямой линии – игра в искренность и честные намерения, желание быстрого результата.

Ощутимым результатом работы «тайного канала» стало подписание в августе 1970 года Московского договора. Чернорабочие «тайного канала» были отмечены высокими наградами. Представление о награждении Леднева орденом «Знак почета» Андропов подписал 21 июля 1970 года и направил в ЦК КПСС. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении был выпущен 29 июля. Полковник Кеворков и его непосредственный начальник полковник Анатолий Коваленко (начальник 7-го отдела 2-го Главного управления КГБ) были награждены 29 сентября 1970 года орденами Красного Знамени закрытым указом

---

¹ Там же. С. 44–45.

² Там же. С. 57–66.

*Леонид Брежнев и Вилли Бранд с женой
1972*

[Из открытых источников]

Президиума Верховного Совета СССР. Брежнев не скупился на похвалы и на декабрьском (1970) пленуме ЦК КПСС оценил Московский договор, заявив, что это «акция мирового масштаба»¹.

После того, как Московский договор был ратифицирован Бундестагом, Кеворков был произведен в генералы по совокупности заслуг. Постановлением Совета министров СССР 2 ноября 1972 года ему было присвоено звание генерал-майора. Причем, это был явный жест поощрения, ведь по своей должности – заместитель начальника 7-го отдела 2-го главка КГБ он мог иметь звание лишь полковника. Менее чем через год диспропорцию исправили, в сентябре 1973 года Кеворков был назначен начальником 7-го отдела.

Брежневская тайная дипломатия добилась своего. Главным достижением Московского договора стало фактическое признание Западом «доктрины Брежнева»² и легитимизация сфер влияния и советского контроля стран Варшавского договора.

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 15.

² Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009. С. 300.

Между тем Брежнев публично демонстрировал приверженность социализму, заявив 6 октября 1974 года на торжественном заседании в Берлине по случаю 25-летия ГДР: «Социализм дал прекрасные всходы на немецкой земле»¹. В октябре 1974 года в Конституцию ГДР было внесено положение о том, что победа социализма в ГДР является «окончательной и необратимой»².

Был ли канал «прямой линией» обмена сообщениями? В каком-то смысле – да. Однако следует учитывать, что поступающие с московской стороны послания проходили традиционную процедуру утверждения на заседаниях Политбюро ЦК КПСС. Например, текст устного сообщения Брандту о готовности Брежнева встретиться с ним в сентябре 1971 года был утвержден Политбюро 16 июля 1971 года и передан по линии КГБ³. Однако некоторые устные послания Брежнева поступали Андропову напрямую, минуя Политбюро. Так, 27 января 1972 года Андропов сообщал помощнику Брежнева об исполнении им поручения по передаче устного сообщения канцлеру Брандту, в котором Брежнев информировал о предстоящем совещании Политического консультативного комитета Варшавского договора в Праге и запрашивал совета канцлера о политических шагах для ускорения принятия в ООН ФРГ и ГДР⁴. В документах, составленных помощниками Брежнева, когда речь шла о непосредственном конфиденциальном обмене посланиями Брежнева и канцлера Брандта, впрямую говорилось о передаче «по доверительному каналу»⁵.

В архивных документах можно встретить рукописные резолюции и пометы, раскрывающие механизм утверждения и передачи текстов посланий. Например, резолюция: «Прошу доложить членам ПБ (вкруговую), имея в виду, что если не бу-

---

¹ Брежнев Л.И. Ленинским курсом: Речи и статьи: В 9 т. Т. 5. М., 1976. С. 155.

² Абрасимов П.А. 300 метров от Бранденбургских ворот. М., 1983. С. 233.

³ Постановление Политбюро ЦК КПСС П11/2 от 16 июля 1971 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 113. Л. 6; приложение к решению: Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 569. Л. 94).

⁴ Текст устного сообщения Л.И. Брежнева канцлеру ФРГ В. Брандту. Январь 1972 года (Там же. Д. 571. Л. 4–7).

⁵ Справка помощников Л.И. Брежнева А.И. Блатова и А.М. Александрова о назревших мерах по развитию отношений с ФРГ. 31 марта 1973 года (Там же. Ф. 3. Оп. 69. Д. 611. Л. 30–35).

дет замечаний, то этот документ будет доведен до Брандта или через Бара – по линии-каналу тов. Андропова. Л. Брежнев» и следующая за ней помета: «Копия текста передана т. Андропову Ю.В. для исполнения»¹. Это было сообщение с информацией о том, что несколько западногерманских деятелей высказали пожелания посетить Советский Союз и среди них высокопоставленные представители ХДС/ХСС Франц Йозеф Штраус, Райнер Барцель, Гельмут Коль и другие. Брежнев в послании запрашивал мнение Брандта, «считает ли такой шаг целесообразным и приемлемым с точки зрения внутривосточной ситуации»².

С точки зрения кремлевских руководителей тайный прямой канал общения с Бонном посредством посланцев из КГБ, хотя и не совсем вписывался в дипломатические рамки, но был традиционным для советской внешней политики, которую всегда отличали элементы «византийской хитрости». Но для западногерманской политики такая форма взаимодействия с СССР была чревата серьезными политическими и моральными издержками. Кремль втягивал канцлера в свою закулисную политическую игру и интриги. Демонстрируя особую доверительность, Брежнев вроде бы преследует благую цель – советуется с Брандтом, кого из западногерманских деятелей стоит пригласить в СССР. Канцлер становится невольным соучастником кремлевских интриганов.

Скандал с разоблачением агента Штази Гюнтера Гийома (Guillaume)³ в ведомстве канцлера и последующую отставку Брандта Брежнев воспринял как личную обиду. Брежнев направил Брандту ободряющее «устное послание» и искренне считал, что Брандту стоит побороться за свое кресло и не сдаваться⁴. В то же время Брежнев негодовал по поводу того, что лидер ГДР Эрих Хонеккер и его секретная служба Штази разрушили все то, чего он достиг. В разговоре с Андроповым он вос-

¹ Постановление Политбюро ЦК КПСС П83/IX «О приглашении в СССР некоторых руководящих деятелей СДПГ, СвДП и ХДС/ХСС». 2 апреля 1973 года (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 550. Л. 7; приложение: Там же. Оп. 69. Д. 611. Л. 66).

² Текст сообщения для устной передачи канцлеру Брандту. 2 апреля 1973 года (Там же. Оп. 72. Д. 550. Л. 17).

³ Andrew C., Gordievsky O. KGB: the inside story of its foreign operations from Lenin to Gorbachev. L.; Sydney; Auckland; Toronto, 1990. P. 372–373.

⁴ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 180.

клицал: «Вот растолкуй мне, пожалуйста, Юра, что происходит? Генеральный секретарь ЦК КПСС в течение нескольких лет делает все, чтобы совместно с канцлером ФРГ построить новые отношения между нашими странами, которые могут изменить ситуацию во всем мире, а вокруг начинается какая-то мышиная возня, сплетни про девиц и фотографии... И кто затеял это? Представь себе, наши немецкие друзья! А вот как я буду выглядеть при этом, “друзей” совершенно не интересует, они сводят счеты!»¹.

Брежневу казалось, что «этика отношений предусматривала, безусловно, что после установления близких контактов между главами СССР и ФРГ восточногерманские шпионы из окружения канцлера должны быть отозваны»². Но такая точка зрения представляется, по меньшей мере, наивной. Ведь Гийом (агент «Ханзен») был выведен в ФРГ еще в середине 1950-х годов, обжился, достиг высот и, наконец, вошел в «ближний круг» Брандта, став его личным референтом³. И столь долговременную операцию нельзя было свернуть в одночасье. Другое дело, не был ли этот провал в той или иной степени инспирирован из Восточного Берлина, где с ревностью и страхом следили за развитием и углублением особых отношений между Брежневым и Брандтом. Хонеккер всерьез опасался, что им и его режимом могут пожертвовать в угоду ФРГ. В своих мемуарах руководитель разведки Штази Маркус Вольф категорически настаивает, что не хотел отставки Брандта: «...даже с тогдашней точки зрения это мог быть только гол в собственные ворота ГДР»⁴. Но тут же намекает на возможную интригу против Брандта со стороны Эриха Хонеккера⁵. Как бы то ни было, дальнейший поиск документов в этом направлении в архивах Штази и СЕПГ был бы не лишним⁶.

---

¹ Там же. С. 181–182.

² Там же. С. 183.

³ Вольф М. Игра на чужом поле: Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. С. 203–208.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 222.

⁶ В связи с этим Маркус Вольф пишет: «Но если Хонеккер действительно, как утверждают, сказал Гельмуту Шмидту, что он распорядился бы о немедленном отзыве супругов Гийом, знай он об их существовании, то я могу только удивляться. Такого рода приказ Хонеккера до

Вилли Брандт
[Из открытых источников]

Гюнтер Гийом
[Из открытых источников]

По горячим следам посланец от руководителя ГДР пытался убедить западногерманских руководителей: «Хонеккер не знал, что в ведомстве федерального канцлера сидит шпион. Министр государственной безопасности заверил Хонеккера, что Гийома “отключили”, как только он получил место у Брандта»¹.

Вилли Брандт корил себя за доверчивость и так и не смог объяснить скрытые пружины скандала и глубинный смысл произошедшего: «...я считал маловероятным, что руководители другого германского государства приставят ко мне на многие годы замаскированного под социал-демократа агента с консервативными взглядами, в то время как я, преодолевая очень сильное сопротивление, стараюсь наладить межгосударственные отношения»². И еще больше Брандт был поражен, когда через пару дней после

меня не доходил. Политики, как и разведчики, знают, что разведывательные акции, насколько возможно, не должны вредить политике» (Вольф М. Указ. соч. С. 223).

¹ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 333.

² Там же. С. 320.

ареста Гийом дал показания о «любовных похождениях» и подругах канцлера – вот те самые «сплетни про девиц». «Грязная смесь из частично имевших место, а частично придуманных событий», – пишет Брандт¹.

Конечно, председатель КГБ оправдывался перед Брежневым. Но на совещании в разведке в декабре 1974 года Андропов высказался о провале Гийома весьма философски: «В условиях разрядки разведке нужно приспособливаться. Она не должна снижать активность. Этой же позиции придерживается и министр Мильке. Но видны и последствия провалов. Некоторые меня спрашивают: зачем нам неудачи, может быть, без них обойдемся? Ведь насмарку идет огромная работа наших партийных и политических деятелей! Вон даже Би-би-си говорит, что это провал КГБ. Это провокация, но надо подумать, как нам работать, чтобы не мешать внешнеполитической деятельности Советского Союза. Разведка всегда связана с риском, без него работы не будет, но свести его до минимума – это наша задача»².

Тут же Андропов изложил программу по перестройке работы с зарубежной агентурой. Прежде всего ограничить в резидентурах число людей, связанных с агентурой и вербовочной работой; расширить институт доверительных связей; перенести тяжесть вербовочных мероприятий на территорию СССР и социалистических стран; больше внимание уделять молодежи, студентам и готовить их на перспективу; активизировать использование оперативных возможностей служб безопасности социалистических стран, особенно «их заделы по эмиграции»; разнообразить прикрытия для разведчиков, не злоупотреблять «крышей» МИД, использовать для прикрытия должности по торгово-финансовой линии, в корреспондентском корпусе – «не надо бояться работать и без диппаспорта» и, наконец, призвал «выращивать новую поросль резидентов». Андропов подытожил: «В общем думайте. Нельзя ставить наше государство в такое положение, в котором оказалась ГДР»³.

Как только новым канцлером был избран Шмидт, Брежнев после долгих консультаций с Андроповым направил ему письмо с предложением продолжения практики «прямых контактов».

---

¹ Там же. С. 324.

² Калугин О.Д. Указ. соч. С. 173–174.

³ Там же. С. 174.

Шмидт предложение принял¹. И все же начиная с 1974 года шло угасание значимости «тайного канала». Масштабные задачи, во имя которых он был организован (Московский договор), были решены, а новые проблемы уже не могли быть устранены даже прямым общением Брежнева и Шмидта.

Весной 1982 года Андропов сообщил Кеворкову о своем переходе на работу в ЦК КПСС и дал понять, что работа канала будет свернута. При этом Андропов пояснил, что, во-первых, в самом аппарате КГБ у Кеворкова появилась масса завистников и недругов, сеявших по отношению к нему политическое недоверие, во-вторых, само существование тайного канала вызывает неприязнь и ревность у руководителей ГДР².

Многие годы Кеворков был не просто доверенным лицом Андропова, он стал человеком, которому шеф КГБ доверял и мог давать личные поручения. Весьма щепетильный в отношениях с людьми и эмоционально закрытый Андропов однажды, преодолевая смущение, попросил Кеворкова приобрести на Западе очки с массивной оправой для того, чтобы скрыть появившиеся после простуды гнойные образования над бровями³. Кеворков выполнил поручение и привез залежавшуюся на фирме «Роденшток» старомодную модель очков в массивной оправе. Андропов после примерки очков остался доволен, сказав, что «чувствует себя в этих очках, как водолаз в скафандре»⁴. На официально изданных фотопортретах членов Политбюро Андропов запечатлен именно в этих заграничных и дорогих на вид, но совсем не модных очках с массивной и тяжелой оправой.

Весной 1982 года Андропов предложил Кеворкову выбрать новую должность. Кеворков после раздумий сообщил, он хочет работать в ТАСС. На самом деле это вовсе не означало, что Кеворков расстанется с работой в КГБ. В мае 1982 года в качестве офицера действующего резерва КГБ он занял должность заместителя генерального директора ТАСС. Теперь он числился не по ведомству контрразведки, а был сотрудником 14-го отдела печально знаменитого 5-го управления КГБ, того самого, борového с инакомыслием и диссидентами. Основной смысл его работы остался прежний, в его задачи по-прежнему входил

---

¹ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 190.

² Там же. С. 276–282.

³ Там же. С. 274.

⁴ Там же.

*Ю.В. Андропов,
официальный портрет
1981*

[Из открытых источников]

ли агентурно-оперативные мероприятия и слежка за журналистами, а также проведение дезинформационных мероприятий. Здесь у него был многолетний опыт. Еще в январе 1974 года Кеворков по линии «тайного канала» по поручению Андропова прощупывал почву, примут ли в ФРГ писателя Александра Солженицына в случае, если Кремль решит выслать его за границу¹.

Многие годы, когда Кеворков служил в контрразведке, ему активно помогал журналист Виктор Луи. Кеворков был, если так можно выразиться, его куратором. Давал ему задания. За всеми тогдашними «подвигами» Виктора Луи стоял Кеворков. Здесь и издание за рубежом фрагментов мемуаров Светланы Аллилуевой, о чем уже говорилось, и мемуаров Никиты Хрущева². Точно так же Луи переправил для издания на Западе роман Солженицына «Раковый корпус», что дискредитировало Солженицына и помешало планам журнала «Новый мир» опубликовать этот роман³.

А вот попытка установить тайный, наподобие немецкого, канал с Вашингтоном провалилась. Андропов, воодушевленный

¹ Там же. С. 169–176.

² Кеворков В.Е. Виктор Луи: человек с легендой. С. 181–185.

³ Там же. С. 234–241.

удачами, рассуждал: «Были бы у нас способные люди с солидными связями в Америке, в Израиле, и все стало бы куда проще. Контакты нужны – не только гласные, но и негласные – и люди, умеющие их заводить»¹. Но тут выбор пал не на того журналиста. Андропов, решивший развивать и дальше «тайную дипломатию», промахнулся. В Вашингтон отправился Виктор Луи. Ему удалось встретиться накоротке с госсекретарем Киссинджером. Выслушав Луи, госсекретарь моментально разобрался в иносказаниях и уловил все прозрачные намеки. Киссинджер напрямую спросил: «...кто стоит за вами? Если Андропов, то это серьезно...»². Предложение наладить тайный обмен конфиденциальной информацией Киссинджера не вдохновило, он вежливо обещал подумать над этим. Да и только. Продолжения не последовало. Причина проста. За Луи по пятам следовала дурная слава «небезызвестного журналиста», который «приобрел на Западе репутацию человека, выполняющего деликатные поручения Кремля»³.

Андропов неоднократно встречался с Луи и его куратором Кеворковым на конспиративной квартире КГБ. После смерти Андропова Кеворков, находясь в действующем резерве по линии 5-го управления КГБ, активно включился в борьбу с «идеологической диверсией». И в помощь ему – все тот же Луи. И опять речь шла о том, чтобы переправлять на Запад и размещать в прессе или «продвигать», если говорить языком отчетов КГБ, нужные материалы. Теперь их жертвой стал Сахаров, но об этом речь пойдет позже.

Но вернемся к Ледневу и пересохшему немецкому «тайному каналу». В своих мемуарах Вячеслав Кеворков участливо рисует картину постигшего Леднева разочарования, когда после закрытия канала в 1982 году он оказался как будто не у дел и впал в депрессию⁴. Он сохранил свои позиции в редакции «Советской культуры», но в сравнении с былой значимостью, свободой и романтикой тайного служения газетно-журналистская работа означала прозябание. Довольно странно, но Кеворков пишет о Ледневе, будто он не получил «ни орденов, ни славы»⁵. Можно

---

¹ Кеворков В.Е. Виктор Луи: человек с легендой. С. 331.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 341.

⁴ Он же. Тайный канал. С. 283.

⁵ Там же. С. 291.

ли это объяснить авторской забывчивостью или своего рода литературной красотой – неизвестно. За свою деятельность на «тайном канале» и Кеворков, и Леднев были осыпаны орденами. Правда, указы о награждении по большей части были секретными и не публиковались.

Помимо первого ордена «Знак Почета» в 1970 году, Валерий Леднев был удостоен орденов Трудового Красного Знамени (21 июня 1972 года), Красной Звезды (13 декабря 1977 года) и «Дружбы народов» (26 июня 1982 года). Последний орден был приурочен к 60-летию Леднева. Мало кто из советских журналистов мог похвастать награждением орденом по индивидуальному указу к юбилею. Это была привилегия занимавших высокие посты, а Леднев числился на малозаметной работе и не в первой по значимости газетке. Его друзья и сослуживцы могли только строить догадки по поводу постоянных и частых поездок Леднева за рубеж. А он жил на широкую ногу, ведь поездки за границу для советского человека – это источник благополучия.

Леднев трижды был женат. Его последней женой стала актриса Театра Сатиры Зоя Зелинская. Привозимых Ледневым подарков из-за границы хватало всем. Актриса Зелинская, зная слабость своей подруги по театру Ольги Аросевой к шляпкам, дарила ей привезенные модные заграничные шляпки. Обе актрисы были заняты в популярной юмористической передаче «Кабачок 13 стульев», и на телеэкране пани Моника появлялась в очаровательных шляпках, подаренных ей пани Терезой. В 1980 году телевизионный «Кабачок» закрыли как неуместное напоминание о Польше, где рабочая «Солидарность» являлась опасным примером для СССР. Но шляпки-то остались. И вот в 1982 году все рухнуло, яркая и благополучная жизнь сменилась для Леднева серыми советскими буднями.

Леднев умер 7 апреля 1987 года. Кеворков пережил его на 30 лет и умер в Бонне в 2017 году. С 1991 года он работал заведующим бюро ИТАР-ТАСС в Германии, выбрав себе не только место работы, но и место жительства.

«Тайный канал» стал хорошей школой для Андропова в постижении науки закулисной политической борьбы. Особо ценным было доверие Брежнева, но не менее важным – усвоение скрытых от публики азбучных истин и особенностей отечественной внешней политики. А она имела богатые самобытные традиции и преемственность. В ней явно прослеживалась склонность к тайным договоренностям, интригам и приверженность к

манипулятивным техникам с использованием конспиративных методов.

При всей своей вере в объективные законы общественного развития и материалистическую философскую базу Андропов, да и остальные советские лидеры верили в существование и эффективность тайных механизмов и пружин, приводящих к тем или иным изменениям международной обстановки. Более того, судя по всему, верили в различные конспирологические теории о наличии широко разветвленных заговоров против СССР. Это отчасти объясняет склонность Кремля к тайной активности на «идеологическом фронте». Однако советская дезинформация выступала и как средство создания более приемлемого и «гуманного образа» СССР и применялась советской внешнеполитической пропагандой уже с середины 1920-х годов.

Цели и задачи советской дезинформационной политики предельно ясны. Джон Баррон посвятил этой теме целую главу своей нашумевшей книги¹. Выводя советское понятие о дезинформации из принципов ленинизма, Баррон вспоминает слова советского вождя о допустимости любого вида «коварства, интриг, хитрости», а также об использовании «нелегальных методов для сокрытия правды», если это на пользу коммунистическому движению². Помимо формирования улучшенного образа СССР в глазах Запада, советская дезинформация преследовала и другую глобальную цель – разжечь противоречия между «империалистическими странами» и подорвать доверие наций к их руководителям. Если же говорить о конкретных задачах тех или иных дезинформационных кампаний, проводимых СССР на Западе, то здесь и дискредитация отдельных западных политиков, и оказание влияния на внешнеполитический курс той или иной страны, и создание ложных представлений о советской внешней и внутренней политике, и сокрытие провалов и неудач в разведывательной деятельности КГБ, и т. п. Причем арсенал методов, используемых советской разведкой для достижения этих целей, включал не только распространение через зарубежных агентов различного рода слухов или печатание лживых репортажей, но и подделку документов, фотографий, шантаж и даже убийства неугодных и опасных для СССР людей.

---

¹ Barron J. Op. cit. P. 234–235.

² Ibid. P. 22–23.

Участие КГБ в германской политике Брежнева имело разные преимущества. Во-первых, для тайных контактов следовало выбрать фигуру достаточно незаметную. Во-вторых, требовались свободный выезд за рубеж и длительное присутствие в стране назначения, что явно ограничивало круг возможных кандидатов в условиях советской несвободы передвижения за границу и тотального контроля за поведением граждан. В общем, только одно ведомство в СССР могло предоставить своим эмиссарам возможность относительно свободно часто пересекать границу и длительное время находиться в других странах.

Закрытый характер ведомства и специфика работы, кажется, определили своеобразную профессиональную деформацию сотрудников КГБ. Свою организацию они рассматривали как «государство в государстве», где действуют собственные, самобытные и отличные от других министерств и ведомств правила. С другой стороны, и высшее партийное руководство СССР, не стесняясь и без обвиняков, публично поощряло чекистов не церемониться в выборе средств. Так, крылатой в чекистской среде стала фраза из отчетного доклада Брежнева XXV съезду КПСС о том, что «нравственно в нашем обществе все, что служит интересам строительства коммунизма»¹. И что особенно важно – в КГБ органично сочетались функции разведки и внешнеполитической дезинформации.

«ПАУК» И «АСКЕТ»

Деятельность Андропова на посту председателя КГБ в восприятии современников прочно связана с именами Солженицына, Сахарова и понятием «диссидент». Такая Андропову досталась сомнительная известность, изрядно подпортившая репутацию. В интеллигентских кругах за Андроповым закрепилась слава гонителя свободомыслящих людей. На это счет был и соответствующий анекдот: когда Андропова спросили, почему у него в кабинете висит портрет Пушкина, он ответил: «Ну как же, это ведь ему принадлежит гениальное “Души прекрасные порывы!”». А ведь тогда еще мало кто знал, что Андропов тоже пишет стихи – считай поэт.

---

¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля – 5 марта 1976 г.: Стенографический отчет Т. 1. М., 1976. С. 111.

Заступив в должность, Андропов принял в наследство от предыдущего председателя КГБ проблему Солженицына. А, собственно, в чем проблема-то? Известный писатель не мог опубликовать свои произведения. Цензура поставила ему крепкий заслон. Публикация рассказа Солженицына «Захар-Калита» в первом номере журнала «Новый мир» за 1966 год стала последней. Больше до изгнания из СССР его не печатали. В «Новом мире» зависли романы «Раковый корпус» и «В круге первом», разрешения на печать цензура не давала.

Партийный аппарат был злопамятен и мстителен. То, с чем Солженицын вошел в большую литературу, то, что моментально составило ему всемирную славу, в партийной верхушке на дух не переносили. «Лагерная тема», – презрительно говорили большие начальники. И с еще большим негодованием они вспоминали о Хрущеве, разрешившем и настоявшем на публикации «Одного дня Ивана Денисовича».

Да, разрешил и настоял. Более того, на большой встрече с писателями руководитель страны публично высказал свое одобрение и дал высокую «партийную оценку». В выступлении 8 марта 1963 года Хрущев, касаясь времен культа личности Сталина, сказал: «Появились произведения, в которых правдиво, с партийных позиций оценивается советская действительность тех лет. Можно было бы привести как пример поэму А. Твардовского “За далью – даль”, повесть А. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”, некоторые стихи Е. Евтушенко, кинофильм Г. Чухрая “Чистое небо” и другие произведения.

Партия поддерживает подлинно правдивые художественные произведения, каких бы отрицательных сторон жизни они ни касались, если они помогают народу в его борьбе за новое общество, сплачивают и укрепляют его силы»¹.

В апреле 1964 года Солженицыну чуть было не вручили Ленинскую премию. Выдвинули, но вовремя одумались. Уже тогда интриги партаппарата и «охранителей» против писателя набирали силу. Переворот октября 1964 года обесценил все высказывания и оценки Хрущева. Сборники его статей и речей из системы партийной пропаганды и учебы исчезли, их изъяли из библиотек. Задули иные ветры. В народе гуляла фраза, приписываемая Сулову: «Хватит мусолить наши недостатки».

---

¹ Хрущев Н.С. О коммунистическом воспитании. М., 1964. С. 216.

Итак, писатель есть, а публиковаться ему не дают. Более того, в печати развернулась критика опубликованных произведений Солженицына. Пока еще литературная, но с явным политическим подтекстом. А в отношении Солженицына с разных трибун зазвучала и клевета, дескать, при Сталине «сидел за дело».

В июле 1965 года секретарь ЦК Петр Демичев, отвечавший за идеологическую работу, пожелал побеседовать с писателем Александром Солженицыным. Беседа была насыщенной и долгой. Демичев в порыве откровенности жаловался: «Несмотря на наши успехи, у нас тяжелое положение. Мы должны вести борьбу не только внешнюю, но и внутреннюю. У молодежи – нигилизм, критиканство, а некоторые деятели только и толкают ее туда»¹. И Демичев четко изложил, прямо по пунктам, чего не хочет партия видеть в произведениях: «1) пессимизма; 2) очернительства; 3) тайных стрел»².

В ходе встречи Демичев потеплел. На замечание Солженицына о том, что для охвата «лагерной темь» хорошо бы написать еще одну книгу, но не знает, нужно ли, Демичев тут же живо откликнулся: «Не нужно! Не нужно больше о лагере! Это тяжело и неприятно»³.

Для писателя все осложнилось, когда рукописи его неопубликованных произведений были изъяты у его друга Теуша при обыске в сентябре 1965 года⁴. Для ЦК КПСС была составлена подробная аннотация рукописей Солженицына с самыми «ударными» цитатами, да такими, что неизбежно напрашивался вывод – автор настроен антисоветски. Под аннотацией подписались заместитель начальника 2-го главка КГБ Филипп Бобков и его подчиненный – старший оперуполномоченный того же главка Владимир Струнин. Вот где сидели опытные литературоведы. Все это было направлено членам Президиума и секретарям ЦК для прочтения. Андропов это прочел и свой автограф оставил⁵.

18 июля 1967 года на заседании Секретариата ЦК рассматривали вопрос «О поведении и взглядах Солженицына». В основе

---

¹ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 6. С. 76.

² Там же. С. 75.

³ Там же.

⁴ Кремлевский самосуд: Сборник документов / сост. А.В. Коротков, С.А. Мельчин, А.С. Степанов. М., 1994. С. 8–25.

⁵ Там же. С. 25.

обсуждения – записка отдела культуры ЦК КПСС от 13 июля. Да, КГБ пока еще взглядами писателя интересуется недостаточно, пробелы восполняет ЦК. Демичев предложил составить письмо для информирования местных партийных организаций, имея в виду, что зарубежное радио много и подробно рассказывает о писателе и его общественной активности. То есть ориентировать партийный актив на аргументированный отпор. Кириленко был против – пусть Союз писателей разберет его поведение. Демичев настаивал: «Солженицын известная фигура. Мы не можем положиться на то, чтобы поручить Секретариату Союза писателей дать соответствующую информацию по этому вопросу. Может быть, как-то все же следует проинформировать партийный актив»¹. Устинов тоже возражал, полагая, что «не нужно заострять внимание», «получится не так, как мы бы хотели». Суслов подвел итог – поручить Союзу писателей ускорить рассмотрение «всех вопросов, связанных с поведением Солженицына, и дать принципиальную оценку»².

После того, как членам Президиума ЦК стали ясны политические взгляды Солженицына, расправа с ним стала лишь вопросом времени. Последовали новые докладные записки о поведении и намерениях Солженицына. В 1969 году он был исключен из Союза писателей. А в 1970 году получил Нобелевскую премию по литературе. К этому времени ряд его произведений уже был опубликован за рубежом.

На заседаниях Политбюро время от времени говорили о Солженицыне. Когда 17 декабря 1969 года обсуждали вопрос о том, нужно ли давать к 90-летию со дня рождения Сталина статью в «Правде», мнения разделились. Брежнев склонялся к мысли пропустить юбилей: «...у нас сейчас все спокойно, все успокоилось, вопросов нет в том плане, как они в свое время взбудоражили людей и задавались нам. Стоит ли нам вновь этот вопрос поднимать?»³. Другие члены Политбюро полагали необходимым дать статью, но, разумеется, «взвешенную», не без учета решений XX съезда.

Суслов высказался сразу после Брежнева и задал тон обсуждения: «...такую статью ждут в стране вообще, не говоря о том, что в Грузии особенно ждут». А далее развернул свою мысль:

---

¹ Кремлевский самосуд. С. 54–56.

² Там же. С. 56.

³ Источник. 1996. № 4. С. 149.

*А.П. Кириленко и А.Н. Косыгин в аэропорту во Внукове
8 июля 1970
[РИА Новости]*

«Мне кажется, молчать совершенно сейчас нельзя. Будет расценено неправильно, скажут, что ЦК боится высказать открыто свое мнение по этому вопросу. На мой взгляд, тот вариант статьи, который разослан, в целом подходящий. Он говорит и о положительной работе Сталина, и о его ошибках. Говорится это в соответствии с известным решением ЦК КПСС. Если что-либо нужно привести в соответствие с этим решением, нужно об этом подумать. Я думаю, что нас правильно поймут все, в том числе и интеллигенция, о которой здесь некоторые товарищи упоминали. Неправильно могут понять Солженицын и ему подобные, а здоровая часть интеллигенции (а ее большинство) поймет правильно. Нам не нужно обелять Сталина. Сейчас в этом нет никакой нужды, но объективно, в соответствии с уже известным всем решением ЦК надо сказать»¹.

¹ Там же. С. 146–147.

Против статьи высказался Подгорный. Напомнив о том, что большинство присутствующих выступали на съездах и публично критиковали Сталина, Подгорный заключил: «Если выступать со статьей в газете, то надо писать, кто погиб и сколько погибло от его рук. На мой взгляд, этого делать не нужно, а не делать – это будет неправильно. Сейчас все успокоились. Никто нас не тянет, чтобы мы выступали со статьей, никто не просит. Нас значительная часть интеллигенции не поймет. И, мне кажется, ничего кроме вреда, ничего эта статья не принесет»¹. Когда Шелест не согласился и стал решительно настаивать на статье, Подгорный бросил реплику: «Тогда надо писать, если говоришь об истории, сколько им уничтожено было людей»². И все же большинство присутствующих высказались за статью.

Андропов примкнул к большинству. Никаких концептуальных замечаний не высказывал, а отделался общими соображениями: «Я за статью. Безусловно, такую статью нужно дать. Если мы опубликуем ее, мы не причиним никакого вреда. Конечно, не будет ничего, если мы и не опубликуем. Но вопрос этот, товарищи, внутренний, наш, и мы должны решать, не оглядываясь на границу. Мы имеем решение ЦК. О нем все знают. И в соответствии с этим решением ЦК и надо опубликовать статью. А насчет границы я вам скажу, Кадар, например, в беседе со мной говорит: почему вы не переименуете Волгоград в Сталинград? Все-таки это историческое название. Вот вам и Кадар. Я считаю, что такую статью дать надо»³.

Шелестин, вспомнив о том, как аплодисментами в 1965 году было встречено упоминание Сталина в докладе к 20-летию Победы, высказался за статью: «в народе это будет встречено хорошо». Ранее сомневавшийся Брежнев согласился со статьей и подвел итог обсуждения: «И, конечно, речь не идет о том, чтобы перечислять какие-то цифры погибших людей и т. д. Не в этом дело. А в спокойном тоне дать статью, на уровне понимания этого вопроса ЦК КПСС и в духе принятых решений съездом и соответствующего решения ЦК»⁴. В числе прочих редактуру статьи поручили и Андропову – «с учетом обмена мнениями».

¹ Источник. 1996. № 4. С. 147.

² Там же.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 150.

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

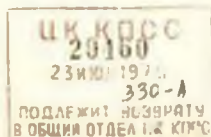
23 июня 1970

№ 1696-А
гор. Москва

РАСЕКРЕЧЕНО

Секретно

277

Ц К К П С С

ПОДАЖИТ НАЗВРАТ
В ОБЩИИ ОТДЕЛ ЦК КПСС

Комитет госбезопасности располагает данными, что среди антиобщественных элементов получили распространение документ антисоветского содержания под названием "Вот как мы живем", датированный 15 июня 1970 г., под которым стоит подпись А. СОЛЖЕНИЦЫНА (текст документа прилагается, орфография автора сохранена).

Указанный документ 17 июня 1970 года опубликован в газете "Нью-Йорк таймс" и стал использоваться в передачах зарубежных радиостанций. При этом в сообщениях западной печати и радио подчеркивается, что СОЛЖЕНИЦЫНУ оказывает поддержку известный виолончелист М. РОСТРОПОВИЧ, предоставив ему собственную дачу.

Действительно, после исключения из Союза писателей СОЛЖЕНИЦЫН длительное время проживает на даче РОСТРОПОВИЧА (станция Ильинское Одинцовского района Московской области) и пользуется его услугами.

Известно также, что за несколько дней до изготовления пасквилья "Вот как мы живем" СОЛЖЕНИЦЫН имел встречу с автором рукописи клеветнического содержания "Перед судом истории" Р. МЕДВЕДЕВЫМ, который пытается спровоцировать шумиху в связи с помещением своего брата Г. МЕДВЕДЕВА в психиатрическую больницу.

Сообщается в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

Докладная записка Ю.В. Андропова в ЦК КПСС
о распространении А.И. Солженицыным письма
«Вот как мы живем»

23 июня 1970

[РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 83. Л. 277]

СССР

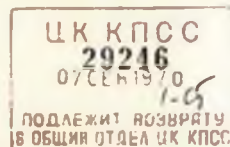
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

7 СЕНТЯБРЯ 1970 г.
№ 2431-А
гор. Москва

РАССЕКРЕЧЕНО

Секретно

210

ЦК КПСС

В Комитет госбезопасности поступили материалы о настроениях поэта А. ТВАРДОВСКОГО.

*от Ю.В. Андропова
Решение
КПСС*

В частной беседе, состоявшейся в начале августа 1970 года, он заявил: "я прекрасно знаю, что на мой счет идут немешливые пересуды: Твардовский-то сообразил, что нынче СТАЛИН не в моде, а в свое время чуть ли не пятьсот строк ему персонально посвятил. Верно, я много написал стихов о "родном отце". Но я тогда не кривил душой, как, уверен, не кривили очень многие. Не надо стыдиться, что мы писали во время финской войны поздравление СТАЛИНУ в стихах. Мы верили, что делаем высокое дело. Стыдно должно быть тем, кто сегодня пытается обелить СТАЛИНА, ибо в душе они знают, что творят. Да,ведает, что творят, но оправдывают себя высокими политическими соображениями: этого требует политическая обстановка, государственные соображения!... А от усердия они уже начинают верить в свои писания. Вот увидите, в конце года в "Литературной газете" появится обзор о "Новом мире": какой содержательный и интересный теперь журнал! И думаете не найдутся читатели, которые поверят? Не найдутся. И подписка вырастет. Рядовой, как любят говорить, читатель, он верит печатному слову. Прочтет десять статей насчет того, что у нас нет цензуры, а на одиннадцатой поверит. Впрочем, сейчас этому и впрямду можно поверить: если выходят в свет романы ШЕВЦОВА, то, пожалуй, действительно цензуры нет".

Сообщается в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

Докладная записка Ю.В. Андропова в ЦК КПСС о настроениях поэта А.Т. Твардовского

7 сентября 1970

[РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 678. Л. 210]

Суслов не зря беспокоился о том, что Солженицын «неправильно поймет» партийные кульбиты и виляние в вопросе о Сталине и его времени. Писать и говорить следовало не об «ошибках», а о преступлениях Сталина, об антигуманном и преступном характере советской системы, что Солженицын и делал. И это было то, что власть не могла ему простить, то из-за чего развернула против него жестокую травлю.

С 1967 года партийная линия в отношении Солженицына подразумевала, что его имя в печати может быть упомянуто только в отрицательном контексте. На четыре года задержали 5-й том собрания сочинений Твардовского только потому, что в нем была заверстана статья о творчестве Солженицына. Цензура требовала ее снятия. Твардовский упирался: «Если будете снимать статью – тогда рассыпайте весь том. Ни одного слова в характеристике писателя Солженицына я менять не буду»¹. Том был издан лишь в 1971 году без упомянутой статьи. Точно так же давили на Корнея Чуковского в 1968 году. В дневниковой записи 23 мая он описывает, как издательство «Советский писатель» потребовало от него выбросить из книги «Высокое искусство» упоминание о Солженицыне: «Я сказал, что это требование хунвэйбиновское, и не согласился»². И все же добились своего, и глава, посвященная анализу английских переводов «Одного дня Ивана Денисовича», из издания была выброшена³.

Суслов с особым вниманием относился к все более возрастающей активности Солженицына и его публичным протестам против засилья цензуры. Все что касалось пропаганды и партийного руководства печатью – это была зона ответственности Суслова. И он не терпел никаких поползновений против партийной монополии на печать. Когда однажды зашла речь о необходимости закона о печати, Суслов парировал: «Зачем закон, когда есть ЦК»⁴.

И ЦК не дремал. Организованная властями травля писателя набирала обороты. Андропов и подведомственный ему аппарат КГБ собирали против писателя все, что могли найти, – его ин-

---

¹ Беляев А.А. Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 133–134.

² Чуковский К.И. Указ. соч. Т. 2. С. 526.

³ Там же. С. 542, 543.

⁴ Биккенин Н.Б. Указ. соч. С. 81.

тервью западной прессе, публикации о нем на Западе, его круг общения и контактов внутри страны. Обложили со всех сторон.

В июле 1970 года 1-й отдел 5-го управления КГБ сообщил в ЦК о письме Солженицына Твардовскому об окончании работы над романом «Август четырнадцатого»¹. Непосредственно сбором сведений о Солженицыне в тот момент занимался молодой сотрудник отдела, выпускник филфака МГУ Геннадий Зареев. Солженицын и не думал скрывать новый роман. Он написал 14 октября 1970 года письмо Суслову с предложением его издать, полагая, что цензурных затруднений быть не должно, так как роман о самоотверженности русских солдат и офицеров, погубленных «параличом царского военного командования», и добавил: «Запрет в нашей стране еще и этой книги вызвал бы всеобщее изумление»².

Суслов переговорил с секретарем ЦК Демичевым и заведующим отделом культуры ЦК Шауро. Но по всему выходило – партийное руководство не желало видеть никаких книг Солженицына. Тем не менее в КГБ взялись составить аннотацию на роман. Она была подготовлена лишь в июне 1971 года³.

В октябре 1970 года Андропов внес в ЦК хитрое предложение разрешить Солженицыну выехать в Швецию для получения Нобелевской премии, но вот вопрос об обратном въезде «решать в зависимости от поведения Солженицына за границей»⁴. Так постепенно вызревало решение избавиться от писателя самым простым способом – выставить его за границу. Через месяц, 20 ноября, Андропов уже вместе с Генеральным прокурором вносит конкретное предложение – лишить Солженицына гражданства и выдворить за границу⁵. Был заготовлен и проект Указа Президиума Верховного Совета СССР с мотивировкой хуже некуда: «За несовместимые с высоким званием гражданина СССР попытки опорочить Советское общество, за направленность литературной деятельности, ставшей орудием самых реакционных антикоммунистических сил в их борьбе против принципов социализма и социалистической культуры»⁶.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 602. Л. 242.

² Кремлевский самосуд. С. 92–93.

³ Там же. С. 157–166.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Там же. С. 132–135.

⁶ Там же. С. 135.

В Кремле к таким решительным действиям еще не были готовы, но теперь в арсенале имелись и само решение, и формулировки. Только вопрос времени, когда насупит удобный момент. Предложение Андропова и Руденко члены Политбюро ЦК рассмотрели в январе 1971 года. Было решено создать комиссию под председательством Сулова, разумеется, при участии Андропова, «дополнительно изучить этот вопрос» с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро и, «если будет необходимо, внести соответствующее предложение»¹. Понятно, решили подождать.

Солженицын стал объектом разработки КГБ под оперативным псевдонимом «Паук». Легко объяснить происхождение псевдонима – писатель жил и затворником на даче оперной певицы Вишневской и виолончелиста Ростроповича под Москвой, лишь изредка выбираясь в Москву.

Только одна тонкость. Материалы на Солженицына оперативные работники 5-го управления КГБ собирали без формального наличия на него дела оперативного учета. Все делалось в рамках «Дела Н-267», которое могло быть «литерным делом», то есть оперативным делом, где концентрировались бумаги по писателям². Судя по отчету 1-го отдела 5-го управления в феврале 1971 года «Пауком» занимались сотрудники отдела подполковник Владимир Струнин и Олег Запорожченко. Лишь в ноябре 1971 года в отчете 1-го отдела зафиксировано: заведено ДОР (дело оперативной разработки) № 10628 на «Паука»³. Дело числилось за Запорожченко, хотя, разумеется, он вел его не один, были подключены лучшие силы отдела.

Всерьез взялись за жену Солженицына – Наталью Решетовскую. Она переживала не лучшие времена. Ее муж встретил другую женщину, и там, в новой семье, родился сын. Люди Андропова активно занялись личной жизнью писателя. Его раз-

---

¹ Там же. С. 146.

² «Литерное дело» – дело оперативного учета, в котором систематизировались материалы агентурного наблюдения за иностранцами, приезжающими в СССР, а также систематизировались материалы, характеризующие оперативную обстановку и отражающие ход агентурно-оперативных мероприятий по линиям и направлениям оперативной деятельности и объектам, требующим контрразведывательного обеспечения. См. приказ КГБ при СМ СССР № 0076 от 12 июля 1977 года «Об утверждении Инструкции по оперативному учету в Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР».

³ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 258. Л. 242.

вод с первой женой Натальей Решетовской превратили в долгоиграющую историю. Во-первых, всячески препятствовали разводу, во-вторых обрабатывали Решетовскую в смысле получения от нее высказываний против писателя для их публичного обнародования.

Вся эта активность нашла отражение в отчетах 1-го отдела 5-го управления. В мае в Алушту, где в пансионате отдыхала Решетовская, был направлен резидент КГБ¹. Она вспоминала: «Спустя неделю-полторы с начала моего пребывания в Алуште за нашим столом освободилось одно место. И вот во время завтрака к освободившемуся стулу подошел невысокий коренастый мужчина с южным типом лица. Поздоровался и, присев, сразу же принял участие в обсуждении меню на следующий день. Он оказался достаточно интеллигентным и находчивым в разговоре. Сумел занять нас беседой². Новый знакомый представился доктором исторических наук, сообщив о себе, что он уроженец Крыма. Впечатлением о нем Решетовская поделилась в мемуарах: «В нем сквозила определенная ортодоксальность», а его суждения не отличались какой-либо оригинальностью. Главное было в другом. Он тут же стал опекать Решетовскую, организовав ее поездку в Судак. «Этот человек будто создан исполнять мои желания! И я про себя назвала его Магом», – записывает она³.

«Маг» оставил свой московский служебный телефон, и они с Решетовской договорились встретиться. На прощанье подарил роскошный букет роз. А в Москве знакомство продолжилось, и, более того, он устроил Решетовскую в свободную квартиру – ее хозяева будто бы на два года уехали за границу. Все как водится – рестораны, пышные букеты и, главное, долгие беседы. Часть ее знакомых забеспокоилась по поводу «кавалера роз», не из КГБ ли он, но Решетовская отметала их подозрения. Опекал Решетовскую «Маг» довольно плотно, и тут была главная цель: «В том, что я должна написать книгу о Солженицыне, Маг убежден и не устает поощрять меня в этом»⁴.

В отчете 1-го отдела за июнь 1971 года говорилось: проведен ряд встреч «с женой объекта разработки “Паука” Решетовской,

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 259. Л. 201.

² Решетовская Н.А. Разрыв. Иркутск, 1992. С. 19.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 19, 26, 30, 40–42.

*А.П. Благовидов
[РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 3.
Д. 7019. Л. 3]*

*Е.Ф. Иванов
[РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 3.
Д. 4227. Л. 11]*

которая в результате оказанного на нее воздействия согласилась публично выступить с материалами, серьезно компрометирующими ее мужа¹. Тут уже помимо Запороженченко координирует работу лично начальник 1-го отдела Иван Абрамов.

Ну и, конечно, бракоразводный процесс. И здесь приложили руку. Ну как без этого? Адвоката для Решетовской нашел все тот же «Маг». Ею оказалась нервная взвинченная особа, склонная к интриганству, в конце концов признавшаяся в своих контактах с КГБ². В отчете 1-го отдела за ноябрь 1971 года отражена временная победа: «Совместно с УКГБ при СМ СССР по Рязанской области проведено мероприятие по предотвращению развода объекта ДОР «Паука» с его женой»³. И в том же месяце в отчете: «Продолжается работа по оказанию необходимого нам влияния на жену «Паука». В этих целях под соответствующей легендой оперработником установлен контакт с женой «Паука»»⁴. Испол-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 259. Л. 264.

² Решетовская Н.А. Указ. соч. С. 81, 104–108.

³ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 258. Л. 242.

⁴ Там же. Л. 243.

нителем указан молодой сотрудник 1-го отдела, выпускник МГУ Андрей Благовидов. Решетовская пишет: «Маг прислал одного своего молодого сотрудника, который предложил мне помощь в погрузке вещей. Не отказалась, багаж набирался довольно солидный»¹.

В июне 1971 года в отчете 1-го отдела сообщалось, что подготовлена аннотация на роман «Август четырнадцатого», трудились над его чтением и пересказом в сжатом виде для ЦК КПСС четверо сотрудников отдела: начальник отдела Иван Абрамов и его подчиненные Геннадий Зареев, Евгений Иванов, Владимир Гусев. Аннотацию 25 июня Андропов направил в ЦК. Ничего слишком уж предосудительного в романе не нашли. Единственное, отметили критику царского строя «с меньшевистских позиций», преломление толстовских «философских и религиозных взглядов» и пришли к выводу о возможной интерпретации проблематики этого романа и его возможного продолжения, задуманного автором с «позиций, чуждых нашей идеологии»².

Главным, конечно, было подобраться к творческой кухне писателя, раздобыть его бумаги. Это основная задача. На этой почве и случился крупный провал. А произошло вот что. Тайно посетивших дачу писателя сотрудников КГБ (то ли для негласного обыска, то ли для установки подслушивающей аппаратуры) вспугнул приехавший 12 августа 1971 года по поручению хозяина его друг Александр Горлов. Он имел ключи, и ему нужно было взять оставленное для ремонта автомобиля сцепление. Сотрудники КГБ – с десятков человек в штатском, поколотив его, потащили в лес. На крики задержанного «Помогите! Убивают!» сбежались соседи³. Закончилось все в Наро-Фоминском отделе милиции, где задержанному объяснили, что участились случаи дачных ограблений и «милицейская засада» приняла его за вора. То же внушали и дачникам. Слабое и беспомощное объяснение. Будь это дача кого другого, может быть, и поверили бы. А так – полный позор.

Для разбора провала собрали на совещание весь состав 1-го отдела 5-го управления. Пришел Виктор Чебриков – зампред КГБ, курировавший 5-е управление. Как вспоминал сотрудник отдела Евгений Семенихин: «Чебриков (в своей комнате мы про-

¹ Решетовская Н.А. Указ. соч. С. 116.

² Кремлевский самосуд. С. 165–166.

³ Решетовская Н.А. Указ. соч. С. 31.

звали его “сом” за угрюмую молчаливость и вечно нахмуренный взор) пробормотал что-то осуждающее, но закончил тем, что не ошибается, дескать, тот, кто не работает»¹. Все обсуждение скомкали и никого не наказали.

Солженицын написал гневное открытое письмо, адресовав его Андропову: «Многие годы я молча сносил беззаконие ваших сотрудников: регистрацию всей моей переписки, изъятие половины ее, розыск моих корреспондентов, служебное и административное преследование их, шпионство вокруг моего дома, слежку за посетителями, подслушивание телефонных разговоров, сверление потолков, установку звукозаписывающей аппаратуры в городской квартире и на садовом участке и настойчивую клеветническую кампанию против меня с лекторских трибун, когда они предоставляются сотрудникам Вашего министерства»². Солженицын потребовал публично назвать налетчиков, уголовного для них наказания и публичного объяснения Андроповым этого события³.

Позор на весь мир. Пришлось Андропову оправдываться. Понятно, не перед Солженицыным, а перед ЦК. Но в записке в ЦК КПСС он не написал правды, а, выгораживая своих сотрудников, объяснил, дескать, была засада на даче – ждали зарубежного эмиссара НТС, собиравшегося встретиться с Солженицыным⁴. Утверждения открытого письма Солженицына об участии органов КГБ в инциденте Андропов назвал вымыслом: «В связи с этим Солженицыну будет заявлено, что участие КГБ в этом инциденте является его досужим вымыслом, весь эпизод носит чисто уголовный характер, и поэтому ему следовало бы прежде всего обратиться в органы милиции»⁵. Какая саморазоблачительная двусмысленность – действительно эпизод носит «чисто уголовный характер», если смотреть с точки зрения конституционных норм. И тут Андропов просит согласия ЦК дать соответствующее указание органам МВД: «В целях нейтрализации невыгодных нам последствий считали бы целесообразным поручить МВД СССР утвердить версию ограбления по линии милиции»⁶.

---

¹ Григ Е. Указ. соч. С. 265.

² Кремлевский самосуд. С. 167.

³ Там же. С. 168.

⁴ Там же. С. 166–167.

⁵ Там же. С. 167.

⁶ Там же.

Министру внутренних дел Николаю Щелокову вся эта история не понравилась. Провал был у КГБ, а все свалили на милицию и трубят об этом на весь мир. Щелоков предпринял необычный шаг. В октябре 1971 года он написал Брежневу записку о своем видении проблемы с Солженицыным. Рецепты Щелокова были гуманны и либеральны. Он исходил из лучших побуждений, полагая, что «проблему Солженицына» создали неумные администраторы в литературе. А врагов, по мнению Щелокова, надо не публично казнить, а «душить в объятиях», при том что с Солженицыным власть повторяет ошибки, какие ранее допустили в публичной кампании против Бориса Пастернака. Щелоков предлагал не препятствовать поездке Солженицына за Нобелевской премией, «ни в коем случае не стоит ставить вопрос о лишении его гражданства», дать писателю квартиру в Москве, прописать в столице и проявить к нему внимание: «С ним должен поговорить кто-то из видных руководящих работников, чтобы снять у него весь тот горький осадок, который не могла не оставить травля против него»¹.

Брежнев очень внимательно прочел записку Щелокова, сделал ряд подчеркиваний, особенно там, где были предложения, и сделал помету для своего помощника: «т. Цуканову Г.Э. Эту запись иметь временно у себя. Л. Брежнев». Записку Щелокова обсудили 7 октября 1971 года на заседании Секретариата ЦК. Доложил Суслов. Борис Пономарев высказал предложение отправить Солженицына в Рязань, Демичев возразил – у него там нет квартиры. Катушев предложил разрешить Солженицыну построить для проживания дачу на его садовом участке. Суслов подытожил: надо посоветоваться с КГБ, что лучше – выслать Солженицына за пределы Москвы или разрешить ему проживать в московской квартире у новой жены, что «обеспечит лучшее наблюдение за ним»². Вот где у Андропова радетели – Суслов заботится о том, как лучше обеспечить условия для работы КГБ против Солженицына. И что важно, никто принципиально не возражал и не подверг сомнению предложение Щелокова искать путь примирения с Солженицыным. Понятно, Андропова-то на этом заседании не было, хотя о предложениях Щелокова он узнал и вряд ли был в восторге от них.

---

¹ Кремлевский самосуд. С. 169–172.

² Там же. С. 172–173.

*А.И. Солженицын у гроба А.Т. Твардовского
Декабрь 1971
[Из открытых источников]*

Люди Андропова продолжали охоту за бумагами писателя и в октябре 1971 года рапортовали об успехе: «Направлена информация в ЦК КПСС о содержании рабочих записей “Паука”»¹. Сотрудники 1-го отдела Струнин и Запороженченко, просмотрев записи, составили их конспект, и Андропов направил 27 октября записку в ЦК, где говорилось о набросках Солженицына о генерале Власове и трагедии 1941 года².

В декабре 1971 года умер Твардовский. Солженицын был на похоронах, о чем Андропов сообщил в ЦК письмом, приложив и фотографии, на которых запечатлен Солженицын. Там же и о распространяемом на Западе письме Солженицына на смерть своего редактора и друга: «В почетном карауле те самые мертвообюзгшие, кто с улюлюканьем травил его»³.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 258. Л. 191

² Кремлевский самосуд. С. 173–175.

³ Там же. С. 188.

В 1972 году идея высылки Солженицына за границу вновь обрела популярность в окружении Брежнева. Помощник генсека Александров-Агентов написал 24 марта записку Брежневу с предложением выслать Солженицына, пользуясь спокойной обстановкой и затишьем вокруг имени писателя¹. Буквально через три дня Андропов и Руденко направили письмо в ЦК с перечислением выступлений и публикаций Солженицына и вновь внесли предложение о высылке писателя из страны². Вопрос обсуждался на заседании Политбюро 30 марта 1972 года. Основным было выступление Андропова, и он поместил вопрос Солженицына в более широкий контекст – активизация в стране критиков режима и их консолидация. Андропов обрисовал весь круг вопросов, связанных с враждебными проявлениями в стране, сделав особой упор на национализме. Говорил о влиянии буржуазной пропаганды, об обострении идеологической борьбы, о действиях враждебных элементов и их попытках «сколачивания политических блоков», о распространении «самиздата»³.

Обсуждение было серьезным. Его начал Брежнев. Он долго говорил, упирая на то, что «народ предан партии» и «морально-политическое состояние нашего общества хорошее, здоровое». Но при этом отметил причины обсуждаемых явлений: притупление бдительности, когда «часть этих отщепенцев за последнее время идут прямо в открытый бой», «отсутствие постоянной борьбы с проявлениями национализма», при всем этом «ослаблена идеологическая работа». Брежнев оставил в стороне Солженицына, даже не упомянув его фамилии, но обрушился с критикой на ЦК Компартии Украины, своевременно не принявшем меры против националистов⁴.

В выступлениях членов Политбюро склонялись фамилии Солженицына, Сахарова, Петра Якира и других критиков режима. Гришин призвал: «Я думаю, что надо с Солженицыным и с Якиром просто кончать. Другое дело, как кончать. Надо внести конкретные предложения, но из Москвы их надо удалить. То же самое и с Сахаровым. Может быть, с ним надо побеседовать, я не знаю, но надо тоже кончать как-то с этим делом, потому что он группирует вокруг себя людей. Хотя и небольшая эта группа,

---

¹ Кремлевский самосуд. С. 197–198.

² Там же. С. 198–202.

³ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 517.

⁴ Кремлевский самосуд. С. 203–206.

но она вредная»¹. Соломенцев вспомнил Хрущева, который «открыл и поднял Солженицына – этого подонка общества», и хрущевское заявление, что у нас нет «политических врагов». Вывод Соломенцева был прост: «Я считаю, что надо Солженицына и Якира как врагов народа выслать из Советского Союза»².

При упоминании «врагов народа» Брежнев встрепенулся:

«Брежнев. Дело в том, что, как сообщил Андропов, у нас нет закона, карающего за политическую болтовню.

Андропов. Действительно нет такой статьи о политическом шпионаже»³.

Члены Политбюро не отреагировали на этот обмен репликами и не стали углубляться в скользкую тему – где проходит грань между политической болтовней и шпионажем. И вообще, что именно хочет этим сказать Андропов? Он что, хочет любую «политическую болтовню» приравнять к шпионажу? Только осторожный Суслов глубокомысленно заметил: «Я думаю, что говорить о недостатке законов не совсем правильно. Законов у нас достаточно. Надо ими пользоваться и пользоваться смело и уверенно»⁴. А относительно Солженицына Суслов призвал выселить его из Москвы, но оговорился: «Другое дело, внутри страны или за границу. Об этом надо подумать»⁵.

Кириленко поддержал предложение о выселении писателя за границу, Демичев был более осторожен в выражениях, а удивил всех Подгорный: «Я думаю, что его не следует выдворять. В Советском Союзе есть такие места, где он не сможет общаться»⁶.

Косыгин высказался решительно, но неопределенно: «Солженицын перешел все рамки терпимого, все границы, и с этими людьми должен решать вопрос сам т. Андропов в соответствии с теми законами, которые у нас есть. А мы посмотрим, как он этот вопрос решит. Если неправильно решит, то поправим его»⁷.

Такой поворот дела совсем огорчил Андропова, добивавшегося конкретного решения. Он воскликнул: «Поэтому я и советуясь с Политбюро». Брежнев вдруг заторопился подвести черту,

---

¹ Там же. С. 208.

² Там же. С. 209–210.

³ Там же. С. 210.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Там же. С. 212.

⁶ Там же. С. 215.

⁷ Там же. С. 216.

заявив, что тут все едины в «принципиальной оценке этого вопроса». Раздались голоса «за», и был подведен итог:

«Брежнев. Что касается Якира и Солженицына, то я согласен с мнением товарищей. Надо их, безусловно, выдворить из Москвы.

Подгорный. Относительно Якира и Солженицына, я думаю, надо поручить мне, т. Андропову с привлечением товарищей из Прокуратуры, МВД, Министерства юстиции и других организаций еще раз разобраться и внести конкретные предложения в соответствии с законными основаниями и с учетом состоявшегося сегодня обмена мнениями»¹.

Брежнев согласился, и предложение Подгорного было принято. Решительную инициативу Андропова и Руденко в отношении Солженицына погасили. Но лишь на время. Через две недели, 14 апреля, на заседании Политбюро вернулись к рассмотрению вопроса. Тон задал Брежнев: «Солженицын все более нагло ведет себя, пишет всюду клеветнические письма, выступает на пресс-конференциях. Он очень озлоблен. Надо принять в отношении его решительные меры». Андропов тут же откликнулся: «Видимо, надо его лишить советского гражданства. Пусть шведы примут его к себе»². Брежнев напомнил о решении предыдущего заседания Политбюро и, посетовав, что Подгорный уехал, предложил дождаться его приезда. Косыгин поддержал – надо выселить. Но, увы, и после возвращения Подгорного из официальной поездки в Турцию ничего не произошло. В 1972 году Политбюро ничего не решило.

В 1973 году сдвинулись тектонические плиты – усилия многочисленной агентуры КГБ дали результат. У Андропова появилась более или менее подробная информация о главном произведении Солженицына – рукописи книги «Архипелаг ГУЛАГ». Все силы были брошены на ее поиск. 17 июля 1973 года Андропов направил записку в ЦК КПСС, в которой сообщал, что КГБ собирает документы об «антисоветской деятельности» Солженицына «с целью возбуждения уголовного дела»³. Вскоре выяснилось, что писатель принял решение опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ» на Западе. На заседании Политбюро 30 августа 1973 го-

---

¹ Кремлевский самосуд. С. 216.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 232.

да Андропов упомянул об этом романе и сообщил: «...нам удалось добыть рукопись»¹.

Сотрудники 5-го управления сели за чтение. Им досталось объемное произведение – 1104 страницы машинописи. Но ничего, справились, и 10 сентября 1973 года заместитель председателя КГБ Чебриков направил в ЦК аннотацию на роман «Архипелаг ГУЛАГ»². В Политбюро по-прежнему обсуждали, как быть, вновь формировали комиссии для выработки решения. Андропов терял терпение и 17 сентября вновь направил записку в Политбюро с предложением возбудить против Солженицына «уголовное преследование с целью привлечения к судебной ответственности». Андропов оговаривается, что это крайняя мера, пишет и о «промежуточном решении» – поручить Министерству иностранных дел обратиться через послов к правительствам ряда европейских стран с предложением дать Солженицыну «право убежища»³.

Люди Андропова в полном соответствии с принятыми в 5-м управлении установками создавать житейские трудности фигурантам дел оперативной разработки продолжали чинить Солженицыну препятствия в получении московской прописки. Андропов проявлял изобретательность и выдумку. В письме в ЦК 26 августа 1973 года он писал: «Разумеется, с формально-правовой точки зрения Солженицын может претендовать на прописку в квартире своей жены, однако его поведение вступает в противоречие с положением о прописке в Москве, и удовлетворение его демонстративных требований неизбежно нанесло бы политический ущерб»⁴. МВД на требование Солженицына отфутболило его в Моссовет. И Андропов придумал, как должен ответить Моссовет, если писатель туда обратится. Надо, предлагал Андропов, дать примерно следующий ответ: «Моссовет рассмотрел вашу просьбу о прописке и не может разрешить ее вам, поскольку до последнего времени вы не прекращаете антисоветскую деятельность. Москва – город со строгим режимом, из которого за подобное поведение люди выселяются»⁵.

---

¹ Там же. С. 246.

² Там же. С. 290–319.

³ Там же. С. 333–334.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Там же. С. 239–240.

И смешно, и грустно – комедия «строгого режима». Андропова совершенно не заботило, как вся эта примитивная и глупая аргументация выглядит со стороны. Что значит «со строгим режимом», это что, тюрьма? Неужели вся эта мелочность и мышьяная возня могли казаться Андропову исполненными великого пафоса?

12 декабря 1973 года Андропов вновь направил в ЦК многостраничное письмо. Полностью процитировав формулировки статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР, Андропов пишет: «Привлечение Солженицына к уголовной ответственности имело бы положительное значение и в том смысле, что положило бы конец безнаказанности его действий, вызывающей подчас недоумение советских граждан и ненужные кривотолки»¹. При этом вновь Андропов допускает замену лишения свободы Солженицына выдворением из СССР, а в конце письма добавляет: «С товарищами А.Н. Косыгиным и М.А. Суловым согласовано»².

В декабре 1973 года книга «Архипелаг ГУЛАГ» вышла в свет на Западе. Ее главы стали зачитывать в радиопередачах западных станций. Андропов усилил зондаж, перебирая разные страны, куда бы выслать писателя.

На заседании Политбюро 7 января 1974 года решалась судьба Солженицына. Брежнев сообщил о выходе книги «Архипелаг ГУЛАГ», оценив ее как «грубый антисоветский пасквиль». Андропов выступил решительно. Предложил выдворить писателя из СССР без его согласия, пояснив: «Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Он пытается создать внутри Советского Союза организацию, сколачивает ее из бывших заключенных. Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя»³. Андропов напомнил о наличии в стране десятков тысяч «власовцев, оуновцев и других враждебных элементов», заключив, что среди них Солженицын «будет иметь поддержку». И предложил «провести Солженицына через суд и применить к нему советские законы». Члены Политбюро поддержали предложение. Подгорный высказал соображение, что надо оценить, что в данный момент выгоднее – судить или выслать за рубеж. Хотя тут же высказал-

¹ Кремлевский самосуд. С. 344.

² Там же.

³ Там же. С. 353.

ся за то, чтобы судить и заставить отбывать наказание в СССР. Секретарь ЦК Капитонов взялся рассуждать, а как поймут высылку писателя за границу в стране – как проявление силы или слабости? Косыгин, Соломенцев высказались за суд. При этом Косыгин показал себя во всей красе: «...а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов: там очень холодно»¹.

Обсуждение шло, и Андропов пояснил свой план действий: «Мы начнем работу по выдворению, но одновременно заведем на него дело, изолируем его»². Шелепин рассказал: «Когда мы три месяца тому назад собирались у Косыгина и обсуждали вопрос о мерах, которые должны приниматься по отношению к Солженицыну, то пришли к выводу, что административных мер принимать не следует. И тогда это было правильно». Теперь, говорил Шелепин, ситуация иная: «Высылка его за границу, по моему, эта мера не является подходящей. По-моему, не следует впутывать иностранные государства в это дело. У нас есть органы правосудия, и пусть они начинают расследование, а затем и судебный процесс»³.

Брежнев подвел итог: поручить КГБ и Прокуратуре разработать порядок привлечения Солженицына к уголовной ответственности. Подал реплику Подгорный: «Надо его арестовать и предъявить ему обвинение». Брежнев парировал: «Пусть товарищи Андропов и Руденко разработают всю процедуру предъявления обвинения...»⁴. Проголосовали и согласились с решением: привлечь Солженицына к уголовной ответственности, Андропову и Руденко «определить порядок и процедуру проведения следствия» и представить в ЦК, «о ходе следствия и судебного процесса информировать ЦК КПСС в оперативном порядке»⁵.

Но, удивительное дело, в протокол заседания Политбюро записали другой вариант решения: «Ограничиться обменом мнениями, состоявшимся на заседании Политбюро ЦК КПСС по этому вопросу»⁶. Интересно, чья властная рука опять притормозила все дело? На заседании звучали голоса о предстоящей поездке

¹ Там же. С. 352–359.

² Там же. С. 360.

³ Там же. С. 360–361.

⁴ Там же. С. 361–362.

⁵ Там же. С. 362.

⁶ Там же. С. 363.

Брежнев на Кубу, дескать, может быть, провести все дело лишь после этого. Официальный визит Брежнева на Кубу состоялся с 29 января по 3 февраля 1974 года.

Конечно, партийная пропаганда времени не теряла. Началась артподготовка. В печати развернулась шумная кампания ругани в адрес писателя. В «Правде» 14 января опубликовали статью «Путь предательства». Печать называла Солженицына не иначе как «литературным власовцем». Андропов направлял в ЦК записки с откликами «советских людей» на пропагандистские газетные статьи. Конечно, добавляя подобранные высказывания граждан с «требованиями» наказать Солженицына и в основном с требованиями высылки его за рубеж. В последних абзацах сообщений КГБ говорилось и о позиции «лиц, известных своей антиобщественной деятельностью» (приводились и их фамилии, включая Сахарова), которые высказывались в защиту писателя, отстаивающего право на свободу слова и творчества¹.

Начались сбои в дружной кампании организованной ненависти. В Ленинграде 26 января на станциях метро появились листовки в защиту Солженицына и Сахарова. Были найдены 325 листовок, изготовленных светокопировальным способом. Люди Андропова бросились на поиски автора и распространителей². Секретариат ЦК 29 января 1974 года принял решение разослать аннотацию на «Архипелаг ГУЛАГ» всем ЦК компартий республик, крайкомам, обкомам, горкомам и даже райкомам³. Конечно, эта аннотация, составленная еще в сентябре предыдущего года, о чем говорилось выше, была идейно правильной. Но все же это был добротный пересказ книги, и такой дайджест мог поколебать убеждения партийцев. Решение о широкой рассылке – рискованный шаг.

Андропов понимал, ждать нельзя. Если шумиха в Советском Союзе пойдет на убыль, все опять кончится ничем. Любые пропагандистские кампании в конце концов надоедают населению и, таким образом, выдыхаются. Председатель КГБ Андропов и Генеральный прокурор Руденко 6 февраля направили в ЦК КПСС записку, в которой высказывались опасения, что на Западе свертывают пропагандистскую активность и это «может создать невыгодную для нас обстановку спокойствия при осу-

¹ Кремлевский самосуд. С. 402, 405.

² Там же. С. 431.

³ Там же.

шествлении мер, намеченных в отношении Солженицына». Надо было взвинтить обстановку. Андропов и Руденко просили согласия у ЦК вызвать Солженицына к заместителю Генерального прокурора Малярову, заявить, что «в связи с его антисоветской деятельностью Прокуратура СССР считает необходимым заняться рассмотрением имеющихся на этот счет материалов», и взять с писателя подписку с требованием извещать Прокуратуру «об изменении своего местопребывания». Авторы записки полагали, что Солженицын после этого непременно даст интервью иностранным корреспондентам и на Западе опять пойдет шумиха. А если не даст интервью? И тут Андропов все предусмотрел: «Если он этого не сделает, то через возможности КГБ самим продвинуть сообщение по этому вопросу в западную прессу, исходя из вышеизложенной цели»¹.

Вот что значит приобретенный в КГБ новый опыт. Когда надо – сами организуем «антисоветскую шумиху на Западе». Но ничего такого не понадобилось. События разворачивались стремительно. Андропов вспомнил о «тайном канале», и это был выход. 7 февраля он направил в ЦК записку, где сообщал, что в ФРГ канцлер Брандт публично заявил о готовности принять Солженицына в стране. Все сложилось. Андропов сообщал: «Для согласования практических шагов в этом направлении представляется целесообразным через неофициальные каналы войти в контакт с представителями правительственных кругов ФРГ»². Андропов сообщил о согласии Руденко и приложил к записке, уже в который раз, проект Указа о лишении гражданства и выдворении Солженицына за пределы СССР. На этот раз без всяких цветисто-грозных формулировок. Просто и без фантазии: «наносит своим враждебным поведением ущерб» и за «действия, порочащие звание гражданина»³.

В тот же день 7 февраля 1974 года Андропов направил Брежневу личное письмо, к которому приложил справку Чебрикова и Бобкова, непосредственно занимавшихся вопросом о Солженицыне, и заодно поделился своими соображениями. Андропов писал об опасности книги «Архипелаг ГУЛАГ», которая вызывает сочувствие у определенной категории творческой интеллигенции: «...говорят о том, что факты, описанные в этой книге,

---

¹ Там же. С. 435–436.

² Там же. С. 436–437.

³ Там же.

действительно имели место и что это произведение должно насторожить советское руководство, которое якобы осуществляет процесс "ресталинизации"¹. Здесь же Андропов сообщал и о высказываниях в рабочей и студенческой среде в поддержку некоторых идей Солженицына (снижение цен, прекращение помощи Кубе и развивающимся странам). Андропов писал: «...откладывать дальше решение вопроса о Солженицыне, при всем нашем желании не повредить международным делам, просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать для нас крайне нежелательные последствия внутри страны»².

Ну и главное, о чем информировал в этом письме Андропов: «Сегодня 7 февраля т. Кеворков вылетает для встречи с Баром с целью обсудить практические вопросы выдворения Солженицына из Советского Союза в ФРГ». Андропов рассчитывал, что при благополучном исходе переговоров Кеворкова, и «если в последнюю минуту Брандт не дрогнет», то уже 9–10 февраля можно принять указ, а само выдворение осуществить 10–11 февраля³. Все важно сделать быстро, указывал Андропов, так как Солженицын «начинает догадываться о наших замыслах и может выступить с публичным документом, который поставит и нас, и Брандта в затруднительное положение». Если же все сорвется, то у Андропова был другой вариант – 15 февраля возбудить уголовное дело против Солженицына и арестовать его.

Андропов старался убедить Брежнева в серьезности, с какой в КГБ подошли к решению вопроса: «...мы, в Комитете, еще раз самым тщательным образом взвешивали все возможные издержки, которые возникнут в связи с выдворением (в меньшей степени) и арестом (в большей степени) Солженицына. Такие издержки действительно будут. Но, к сожалению, другого выхода у нас нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына»⁴.

В Бонне Кеворков обо всем договорился. Андропов представил в ЦК 9 февраля 1974 года детальный план действий, согласно которому 11 февраля против Солженицына будет возбужде-

---

¹ Кремлевский самосуд. С. 438–439.

² Там же. С. 439.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 440.

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

РАСЕКРЕЧЕНО

Секретно

2

3008/4

18. ФЕВ 76 09852
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТ
В ОБЩИЙ ОТДЕЛ КГБ СССР

Ц К К П С С

17 февраля 1976 г.

№ 403-А

гор. Москва 6

*Публикация
в журнале "Крокодил"
фельетона "Без царя в голове"
о А.И. Солженицыне
17.02.76*

О публикации в журнале "Крокодил"
фельетона "Без царя в голове" о
СОЛЖЕНИЦЫНЕ

По имеющимся данным, СОЛЖЕНИЦЫН намерен публикацию
части пасквиля "Архипелаг ГУЛаг" приурочить к периоду
работы ХХУ съезда КПСС.

В связи с этим считаем целесообразным опубликовать
в журнале "Крокодил" фельетон под названием "Без царя
в голове", в котором на основе подлинных фактов раскры-
ваются монархические взгляды СОЛЖЕНИЦЫНА и их социальные
корни.

Просим согласия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

СПРАВКА

Фельетон "Без царя в голове" опубликован в "Литератур-
ной газете" 17 марта 1976 года.

Зам. зав. Отделом пропаганды
ЦК КПСС

Зав. сектором Отдела

*Л. Громов (7 М. Громов)
М. Зубков*

"19" марта 1976 года

3008/4

*В. Орлов
19.03.76*

*1976
8.11.76.*

Записка Ю.В. Андропова в ЦК КПСС о публикации фельетона
"Без царя в голове" о А.И. Солженицыне
17 февраля 1976
[РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 2897. Л. 2]

но уголовное дело, а 12 февраля будет принят указ о лишении гражданства и выдворении. В тот же день он будет задержан и доставлен в Лефортово. А на следующий день 13 февраля рейсовым самолетом, вылетающим во Франкфурт-на-Майне, Солженицына отправят в ФРГ. Политбюро согласилось с предлагаемым планом.

И после высылки Солженицына из СССР Андропов не знал покоя. Писатель продолжал печатать на Западе следующие главы «Архипелага ГУЛАГ». А вдогонку изгнаннику адресовались фельетоны с проклятиями. Андропов лично принимал и структурировал Николая Яковлева – автора публикации фельетона «Без царя в голове»¹. Подготовленный фельетон просмотрел секретарь ЦК КПСС Борис Пономарев, снял один абзац и посоветовал опубликовать материал не в «Крокодиле», а в «Литературной газете». Там это было вполне по профилю. Андропов не возражал.

Кое-что роднило Николая Яковлева с Виктором Луи. Оба сидели при Сталине, оба за связь с иностранцами и обвинялись в шпионаже соответственно. Николаю Яковлеву довелось сидеть недолго. Он, в то время редактор редакции вещания на Англию Радиокomiteта, с высшим образованием, член партии с 1947 года, был задержан 15 декабря 1952 года, когда пытался пройти в американское посольство². Его не успели осудить, и в 1953 году он вышел на свободу. Занялся историей, защитил докторскую диссертацию, но при этом нажил немало недругов. В 1968 году по протекции Дмитрия Устинова, хорошо знавшего отца Яковлева, состоялось знакомство Николая Яковлева с Андроповым. Вскоре Яковлева пригласил на разговор и Филипп Бобков. С этого времени визиты Яковлева на Лубянку стали постоянными³. Встречаясь с Яковлевым, Андропов много говорил об идеологии. Андропов умел подобрать нужных людей для исполнения деликатных литературных поручений. А еще важно было то, что Яковлев находился в непримиримом конфликте с многолетним сотрудником Андропова – Георгием Арбатовым⁴.

---

¹ Литературная газета. 1976. 17 марта.

² ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 19. Л. 281–305.

³ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 287–289.

⁴ Там же. С. 301.

А.Д. Сахаров
[Из открытых источников]

Яковлев прижился в компании Андропова и Бобкова, его даже допустили до оперативной библиотеки КГБ¹. Яковлев взялся сочинять книгу «ЦРУ против СССР», первое издание которой появилось в 1980 году. А в следующем издании 1983 года книга была дополнена главой о Сахарове, в которой выливались помой на академика и его жену. Эти страницы книги «порядочные люди сочли просто гнусными»². Задание на подготовку расширенного нового издания с включением в него главы о Сахарове поступило от Андропова³. И Андропов не ошибся в выборе литературного поденщика для Лубянки. Тот справился.

Как и в истории с Солженицыным, у долгого и методичного преследования Сахарова со стороны КГБ тоже была своя предыстория. В условиях обязательной для всех идеологии и насаждаемого единомыслия свободно сказанное слово – уже преступление.

Сахаров противостоял советской системе и стал выразителем мнения людей, не согласных с обветшавшей идеологией и лжи-

---

¹ Там же. С. 295.

² Млечин Л.М. Звон от этой пощечины услышала вся страна // Новая газета. 2014. 12 декабря. С. 14–15.

³ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 303–304.

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

с 13 октября 1971 г.
№ 2590-А
гор. Москва

ЦК КПСС
13 ОКТ 1971 35285
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
В ОБЪЕДИНЕННУЮ ЦК КПСС

117
~~СЕКРЕТНО~~
РАССЕКРЕЧЕНО

Толкачев А.С. (ИВ) М.А.

*г-ну Жилину П.Н.
Копия откомандировки
и т.д.*

По имеющимся в Комитете госбезопасности данным, обращении академика Сахарова А.З. в Верховный Совет СССР с просьбой пересмотреть законодательство и разрешить эмиграцию из Советского Союза лицам, желающим проживать за рубежом, стало достоянием иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве.

В частности, один из иностранных корреспондентов 6 октября с.г. передал за рубль текст указанного обращения Сахарова (копия прилагается).

*И.И.С.С.
29.10.71*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

Записка Ю.В. Андропова в ЦК КПСС об обращении А.Д. Сахарова в Верховный Совет СССР с просьбой пересмотреть законодательство и разрешить свободный выезд из Советского Союза

13 октября 1971

[РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 638. Л. 117]

вой политикой. До определенного момента он не был публичной и широко известной фигурой, но партийная верхушка его хорошо знала. Знала как принципиального человека, не боящегося вступать в спор с руководителями страны. Неудобный человек. Сахаров спорил с Хрущевым, доказывал необходимость отказа от наземных ядерных испытаний и недопустимость проведения термоядерных взрывов большой мощности. Спорил открыто и аргументировано. Крупный разговор на эту тему («столкновение», как об этом эпизоде пишет сам Сахаров) случился 10 июля 1961 года¹. Хрущев хорошо запомнил человека, посмеявшегося ему перечить. На июльском (1964) пленуме ЦК КПСС, отвлекшись от проблем сельского хозяйства, Хрущев неожиданно разразился гневной тирадой в адрес Сахарова: «Тов. Сахаров – коммунист, очень одаренный человек, и мы высоко ценим его, но не ему определять политику. Он создал водородную бомбу, его предложение было. Но когда мы решали вопрос о создании бомб [более] крупных (он тоже тогда работал), он голосовал против. “Товарищ Хрущев, – говорит, – я против”. Я говорю: “Вот какой Христос!”. И это коммунист. Он молодой, но, конечно, молодой по нашим взглядам. Ему лет 45?»². Из зала вдруг кто-то выкрикнул: «Он беспартийный». Хрущев, ничуть не смутившись, подытожил: «Ну, беспартийный, – тоже надо вести с ним работу и поработать его. Я уж думал об этом, но не хочется поднимать эти навозные дела»³. Еще одним поводом накинуться на Сахарова стало недовольство позицией академиков в отношении Трофима Лысенко. Хрущев возмутился развязанной против Лысенко кампанией: «Товарищи, для политического руководства, я считаю, у нас достаточно нашей партии и Центрального Комитета, а если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним к чертовой матери Академию наук...»⁴. У Хрущева сработал политический инстинкт, и связка «Академия наук – интеллектуальная фронда – Сахаров» прочно засела у него в голове.

Бесцеремонность и грубость вскоре поставили ему в вину. В том же году, на октябрьском заседании Президиума ЦК КПСС, когда Хрущева сместили с должности и отправили на пенсию,

---

¹ Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1990. С. 189.

² Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. С. 61.

³ Там же.

⁴ Там же.

Брежнев припомнил ему «задание привлечь к ответственности» Сахарова. Хрущев тогда произнес: «Грубость по адресу Сахарова признаю»¹.

В феврале 1966 года в канун XXIII съезда КПСС Сахаров в числе 25 ученых, писателей и деятелей искусства подписал письмо Брежневу о недопустимости реабилитации Сталина². Авторы письма не делали из него секрета, и оно тут же широко распространилось³. Общественная активность ранее «закрытого и секретного» академика становилась все заметнее: 11 февраля 1967 года Сахаров направил Брежневу письмо о необходимости демократических преобразований в стране и прекращении преследований за инакомыслие⁴.

10 марта 1967 года на заседании Секретариата ЦК КПСС, где партийные руководители обсуждали «антисоветскую направленность» произведений Солженицына, было упомянуто и имя Сахарова: «Ему помогают, кстати, крупные ученые, такие как Капица и Сахаров»⁵. Пока это была лишь констатация с некоторым негативным подтекстом.

Летом того же года Сахаров позвонил ново назначенному председателю КГБ Андропову с просьбой облегчить участь находившегося в лагере Юлия Даниэля. Андропов отделался дежурными фразами, обещая разобраться, и перепоручил ответ прокуратуре⁶. В конце 1967 года Сахаров проявил интерес к рукописи Роя Медведева о Сталине. Он несколько раз встречался с Медведевым, что, безусловно, не могло ускользнуть от внимания КГБ⁷. А уже в следующем году, выпустив за рубежом эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», Сахаров открыто перешел в оппозицию режиму.

---

¹ Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. С. 225–226. См. также: Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 39.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 487. Л. 40–44.

³ Об этом сообщил в ЦК КПСС председатель КГБ В.Е. Семичастный. См. текст письма: Реабилитация: как это было... Т. 2: Февраль 1956 – начало 80-х годов. М., 2003. С. 485–488.

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 631. Л. 60–61.

⁵ Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг. С. 149.

⁶ Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 6. М., 1996. С. 382–383.

⁷ Медведев Р. Андропов. С. 110.

В 1968 году Сахаровым вплотную занялись в КГБ. Информация об интервью и публикациях академика, о его правозащитной деятельности из КГБ напрямую поступает в ЦК КПСС. Уже в первых сообщениях руководитель ведомства Юрий Андропов пишет 13 июня 1968 года о том, что высшему руководству страны стоит встретиться с Сахаровым: «...в целях пресечения возможности использования антисоветскими и антиобщественными элементами в своих враждебных целях имени академика Сахарова, а также предотвращения с его стороны политически вредных поступков считал бы целесообразным принять Сахарова одним из секретарей ЦК КПСС и провести с ним соответствующую беседу»¹. Однако руководители партии, полагавшие, что они смогут переубедить академика, тянули время, откладывали встречу и никак не могли определиться, кто будет с ним говорить.

30 августа 1973 года на заседании Политбюро ЦК КПСС Андропов возвращается к этой теме уже с другим настроением: «Выясняется, что Сахаров все же душевнобольной человек, но надо было бы с ним поговорить прямо и, может быть, даже поговорить с ним кому-то из руководящих товарищей...»². Вот что у председателя КГБ по профилю, так это объявлять душевнобольными всех инакомыслящих. Но со здравым смыслом он явно не в ладах. Ну какой прок от «воспитательной» беседы, если человек болен душевно? А если нет, то зачем морочить голову членам Политбюро ложными умозаключениями?

Кажется, в этой реплике – весь Андропов. Он подыгрывает настроениям членов Политбюро. Как пишет Евгений Чазов, ему доводилось говорить с Андроповым о Сахарове. И председатель КГБ откровенно высказывал свое вполне определенное и негативное мнение. В связи с этим Чазов вспоминал об Андропове:

«Но если он считал, что чья-то деятельность вредит существующему строю, может способствовать его разрушению, этот человек становился его врагом. Таким, конечно, был для него А. Сахаров. У меня сложилось впечатление, что в то же время Ю. Андропов ценил его как умного и талантливого ученого, считая, что он превратился в игрушку в руках второй жены Е. Боннэр, стал "рупором ее взглядов". Сейчас говорят, что Андропов пытался сделать из Сахарова сумасшедшего. Ну если бы он хо-

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 637. Л. 71.

² Кремлевский самосуд. С. 245–246.

тел, что могло бы помешать ему это сделать? Однако я хорошо помню, как однажды, еще в 70-е годы, он сказал: "Ну и недалекие некоторые наши с Вами знакомые. Они предлагают заняться формированием общественного мнения в том плане, что высказывания А. Сахарова – это высказывания психически неуравновешенного человека. Ну кто в это поверит? Кто же тогда у нас создавал атомное оружие – сумасшедшие? Кого у нас избирают в Академию наук – сумасшедших? Высказывания Сахарова – это высказывания умного талантливой врага нашего социалистического строя, а не бред сумасшедшего"»¹. Похоже, под некоторыми «недалекими» общими с Чазовым знакомыми Андропов имел в виду членов Политбюро.

Сразу же после организации 1-го отдела 5-го управления в нем выделилась группа оперативных работников, которым поручили вести наиболее важные дела оперативной проверки и оперативной разработки (так называемые дела оперативного учета – ДОП и ДОР) на диссидентов. И число сотрудников первого отдела, занятых этой работой, как и число разрабатываемых ими «объектов» (фигурантов), постоянно росло².

С апреля 1973 года «разработчики» были выделены структурно в группу «1-а» в составе первого отдела и готовили свой месячный отчет о деятельности, прилагая его к отчету отдела. К началу 1974 года в группе «1-а» числилось порядка 20 оперативных работников. В январе 1974 года наиболее важными фигурантами дел оперативной разработки (ДОР) в отчете группы «1-а» значились «Паук» (Солженицын), «Аскет» (Сахаров), «Лиса» (Боннэр), «Бард» (Галич) и др.³

Оперативные псевдонимы присваивались фигурантам дел оперативного учета в целях конспирации. Лишь работники КГБ, которые непосредственно вели конкретное дело, знали, о ком идет речь, и, пользуясь в разговорах и служебной переписке псевдонимами, оберегали тайну даже от своих сослуживцев. Вообще-то псевдоним был призван скрыть личность фигуранта, но на практике мог дать ключ к его расшифровке. В отличие от агентов, выбиравших себе псевдонимы самостоятельно, фигуранты дел оперативного учета получали их от сотрудников КГБ, которые зачастую выражали таким образом свое отношение к

---

¹ Чазов Е.И. Рок. С. 64–65.

² Григ Е. Указ. соч. С. 219.

³ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 21/16. Д. 2.

объекту разработки, псевдоним мог носить уважительный или презрительный характер, подчеркивать какую-либо черту характера разрабатываемого, его манеру поведения. Неслучайно Сахаров, пожертвовавший большую сумму на строительство онкологического центра в Москве и отличавшийся скромностью в быту, был награжден псевдонимом «Аскет».

В 1-м отделе 5-го управления деятельность «разработчиков» считалась «основным направлением»¹. Сотрудники отдела, занятые оперативным обслуживанием различных учреждений гуманитарной сферы и погрязшие в рутине и текучке, смотрели на «разработчиков» с некоторым пиететом. Их деятельность была окружена ореолом романтики и казалась исполненной великой важности.

И вправду сказать, многие работники группы «1-а» сделали неплохую карьеру. Один из них, Вячеслав Широнин, занимавшийся разработкой «Паука» (Солженицына), «изобрел метод “массированного психологического воздействия” на разрабатываемого», целью которого было «создать невыносимые условия существования объекту»². К 1988 году он выслужил звание генерал-майора и должность заместителя начальника 2-го Главного управления КГБ³.

Дослужился до полковника и выдвинулся в начальники отдела Борис Шведов, человек «чудовищной работоспособности и невероятной хитрости»⁴, разрабатывавший «Якова» (Петра Якира) и «Педагога» (Роя Медведева). Разработчик «Аскета» (Сахарова) Василий Шадрин, подключившийся к делу в 1974 году, также дослужился до генерала и стал заместителем начальника 5-го управления КГБ. Рос в званиях и должностях и их начальник Иван Абрамов. Возглавив 1-й отдел в 1968 году, он через пять лет выдвинулся на генеральскую должность заместителя начальника 5-го управления, в 1983-м стал начальником управления и через год генерал-лейтенантом.

---

¹ Григ Е. Указ. соч. С. 196.

² Там же. С. 271.

³ После увольнения Широнин взялся за перо и выпустил книгу о «секретных пружинах перестройки», в которой поет осанну управлению, его руководителям и пишет о наличии «пятой колонны» в СССР (Широнин В. КГБ – ЦРУ: Секретные пружины перестройки. М., 1997. С. 223–230, 231).

⁴ Григ Е. Указ. соч. С. 272.

В.С. Широнин
 [Из открытых источников]

В.П. Шадрин
 [РГАСПИ]

Докладные записки о результатах работы 5-го управления по идеологическому контролю над обществом направлялись в ЦК КПСС – «в инстанции», как было принято говорить еще со сталинских времен. Эта особенность подчиненности КГБ была закреплена в принятом в 1959 году Положении о КГБ при СМ СССР: «Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС»¹. Далее в Положении говорилось о систематической отчетности КГБ перед партийными органами (ЦК КПСС, ЦК союзных республик, крайкомами, обкомами, горкомами и райкомами), но не перед советскими, которым, согласно Конституции, принадлежала вся полнота власти в СССР. Этот документ со всей очевидностью демонстрирует антиконституционный характер полновластия КПСС и подчиненного ей КГБ.

Откровенно декларировать эту субординацию в послесталинскую эпоху стеснялись, хотя, что называется, в своем кругу о верховенстве КПСС руководители КГБ говорили прямо и откоро-

¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 13. Д. 45. Л. 80 (опубликовано в: Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 693–698).

венно. Выступая перед личным составом Высшей школы КГБ 1 сентября 1981 года, Андропов четко и ясно определил характер и статус своей организации: «Советские органы государственной безопасности – это не спецслужба. Это – острый и надежный инструмент партии в борьбе с противниками социализма»¹. Положение о КГБ образца 1959 года оставалось совершенно секретным документом вплоть до мая 1991-го, пока не утратило силу. Чекисты, ощущавшие глубокое внутреннее сродство с партийным аппаратом, по праву занимали свое высокое положение в советской иерархии. Своя логика в этом есть, особенно если вспомнить знаменитые слова Хрущева о том, что «КГБ – это наши глаза и уши»².

Круг вопросов, по которым КГБ обращался в ЦК КПСС, охватывает все сферы деятельности органов госбезопасности – от внешнеполитической разведки и контрразведки до решения хозяйственных дел и кадровых перестановок. Письма и докладные записки КГБ в ЦК можно разделить на два основных типа: «постановочные», когда КГБ просит принять решение по существу поставленного вопроса, и «информационные». В первом случае письма могли заканчиваться словами «просим рассмотреть» или «просим согласия», а во втором – «сообщается в порядке информации». Решение по запискам первого типа принималось на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК (в зависимости от важности вопроса) или «вкруговую», когда члены Политбюро ставили свои визы и подписи на полях первой страницы документа. Распространен был и вариант, именуемый «запиской с согласием», когда по обращению КГБ формального решения Политбюро и Секретариата не принималось, но имелись одобряющие визы партийных руководителей. В этом случае под положительной резолюцией первой шла подпись Л.И. Брежнева (или замещавших его во время отпуска М.А. Суслова и А.П. Кириленко) и далее по номенклатурному ранжиру остальных членов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС.

Докладные записки КГБ в ЦК КПСС о деятельности Сахарова в 1970 году – их тон и формулировки показывают, что в тот момент Сахаров еще рассматривался как представитель высшей научной номенклатуры, и в КГБ пока не определились, в какой

---

¹ Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 355.

² РГАНИ. Ф. 5. Он. 30. Д. 454. Л. 48–62.

форме вести с ним работу. У ЦК 20 апреля 1970 года запрашивают согласие на установку в его квартире подслушивающих устройств¹. Обычно в таких делах для проведения «оперативно-технических мероприятий» было достаточно санкции начальника управления КГБ. Но Сахаров действительный член Академии наук – случай особый.

Можно догадаться, в какой момент Сахаров становится простым смертным и на него открывается дело оперативной разработки «Аскет». Верным признаком номенклатурного статуса Сахарова является факт, что в докладных записках его фамилия вписана в напечатанный документ от руки (в тех случаях, когда КГБ пишет об «оперативном освещении» его деятельности или о своих действиях против него). Это своего рода конспирация: технические сотрудники секретариата не должны были знать, о ком идет речь в документе, посылаемом в ЦК КПСС. Вероятнее всего, «Аскетом» академик Сахаров становится в 1971 году. По крайней мере, в ноябре 1971 года впервые встречается упоминание о том, что ДОР «Аскет» находится в ведении 1-го отдела 5-го управления КГБ при СМ СССР. Вместе с тем в смысле конспирации в докладных записках КГБ наблюдается разнობой. В мае – июне 1972 года фамилия Сахарова все еще вписывается в посылаемые документы от руки, однако в январе – апреле 1971 года в ряде документов дана в машинописи².

В декабре 1971 года дело оперативной проверки (ДОП) № 4490 на Елену Георгиевну Боннэр из управления КГБ по г. Москве и Московской области поступает для дальнейшего ведения в 1-й отдел 5-го управления, то есть в центральный аппарат КГБ. 16 декабря 1971 года там его перерегистрируют как ДОП № 3223 на «Лису», о чем сообщается в отчете отдела³. А месяцем ранее в отчете отдела за ноябрь зафиксирована причина передачи ее дела из Московского управления: «Б» взята в изучение как плохо влияющая на «Аскета». То есть 1-й отдел заинтересовался Еленой Боннэр как близкой знакомой объекта их разработки.

В январе 1972 года Сахаров и Боннэр оформили брак. И в конце года, 29 декабря, ДОП № 3223 переводится в ДОР № 10740 (этот номер сохранится за делом вплоть до 1989 года). Сам факт

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 675. Л. 152.

² См. подробнее: Объект наблюдения: КГБ против Сахарова. М., 2023.

³ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 258. Л. 289.

ИС-4

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

26 мая 1972

№ 1416-А
гор. Москва

Возвратить

ОСОБАЯ ПАПКА
Совершенно секретно 135

ЦК КПСС
1882
26 МАЯ 1972
2 00100
ПОДЛИНАТ ХРАНИТЬ
в отделении ЦК КПСС

РАССЕКРЕЧЕНО

ЦК КПСС

*Офицер в отделе
И. Б. ...
И. П. ...
И. К. ...
И. Л. ...
И. М. ...
И. Н. ...
И. О. ...
И. П. ...
И. Р. ...
И. С. ...
И. Т. ...
И. У. ...
И. Ф. ...
И. Х. ...
И. Ц. ...
И. Ч. ...
И. Ш. ...
И. Щ. ...
И. Ъ. ...
И. Ы. ...
И. Ь. ...
И. Э. ...
И. Ю. ...
И. Я. ...*

Направляются полученные оперативным путем обращения в Верховный Совет СССР, изготовленные академиком САХАРОВЫМ, с предложениями об амнистии осужденных по ст.ст. 70, 72 и 190 УК РСФСР и отмене смертной казни.

По полученным данным САХАРОВ и его единомышленники приступили к сбору подписей под указанными обращениями и намерены распространить их к 50-летию образования Советского Союза.

Приложение: на 2 листах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Андропов

АНДРОПОВ

*Хранить в архиве -
указание тов. Чернышова К. У*

В. А. ...

1.508-111

1 VI 72,

Записка Ю.В. Андропова в ЦК КПСС о подготовке А.Д. Сахаровым обращения об амнистии политических заключенных и отмене смертной казни

26 мая 1972

[РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 638. Л. 135]

Записка
 Ю.В. Андропова
 в ЦК КПСС о сборе
 А.Д. Сахаровым
 подписей под
 обращением
 об амнистии и
 отмене смертной
 казни
 10 июля 1972
 [РГАНИ. Ф. 3.
 Оп. 80. Д. 638.
 Л. 142-143]

Комитет государственности осуществляет мероприятия по ликвидации действий Сахарова и сдерживанию его вредного влияния на лиц, которых он пытается вовлечь в антиобщественную деятельность. Вместе с тем считаем необходимым поручить Президиум Академии наук СССР принять меры по оказанию на Сахарова соответствующего воздействия и созданию позитивной обстановки среди ученых и его поступкам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ю.В. Андропов

АНДРОПОВ

142

СОВЕТСКОЕ СОЮЗНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
 КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
 при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

10 июля 1972 г.
 № 1867-1

ЦК КПСС

Комитетом государственности определены пути установлению, что Сахаров активизирует свои антиобщественную деятельность. В последнее время это проявляется, прежде всего, в сборе им подписей под обращениями и заявлениями с предложениями об амнистии и отмене смертной казни (особенно ЦК КПСС № 1816/А 26 мая 1972 года).

На 1 июля с.г. обращения подписали Сахаров, ЧАНДЕН, ТИХРОМЕНКОВ и ШАРАПКИЧ, объявившие себя членами так называемого "Комитета прав человека"; члены Совета писателей СССР ЧУКОВСКАЯ, НАКШИНОВ, МАДИНОВ; инженерист РОСТРОПОВИЧ; кандидат педагогических наук КЛЕВЕНЦОВ Р.А. Все они известны как участники различных провокационных мероприятий.

С просьбой поставить свои подписи под обращениями Сахарова и его жена ВОИШЕР Е.Г., член ЦКСС, писательница, систематически подстрекает его антиобщественную деятельность, а также ШАРАПКИЧ обращалась к академикам КАНИЦ, КРУТЯКИНУ, ВОИШЕВУ, АСТАУРОВУ, и сестре академика КЕГЕЛМА, на поддержку не истратила.

Отрицательное отношение группы ведущих советских ученых к очередной провокационной затее Сахарова не позволила, однако, на его плане ринуть продолжать сбор подписей. В ближайшее время Сахаров намерен заручиться поддержкой академика ВАЙНБЕРГА, СЕРБИНА и других.

2 июля 1972 г.
 12722

№ 380 из (2)

С 10 июля 1972 г.
 С.И. Андропов
 1972 6.07.22
 1972 7.07.22
 1972 7.07.22
 1972 7.07.22

Стариков

Н.А. Чумаков
[РГАСПИ]

Г.Ф. Григоренко
[Из открытых источников]

перевода дела оперативной проверки в дело оперативной разработки означал повышение значимости дела и усиление слежки за объектом с применением всего арсенала оперативно-технических мероприятий.

Донесения о Сахарове в ЦК КПСС поступают не только по линии 5-го управления, но и из 2-го Главного управления КГБ (контрразведка). Это объясняется тем, что 2-й главк занимался в том числе агентурно-оперативной работой в оборонных НИИ. Так появился материал на Сахарова, поступивший начальнику 9-го отдела 2-го главка КГБ полковнику Н.А. Чумакову¹. Весной и летом 1971 года документы о Сахарове, полученные по линии контрразведки, еще направляются в ЦК за подписью начальника 2-го Главного управления Г.Ф. Григоренко², но уже в августе

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 16. Д. 75. Л. 82–84.

² Делопроизводственный номер 2/9-2044 на справке, подписанной начальником 2-го главка КГБ Григоренко 28 июня 1971 года, означает, что материалы на Сахарова в тот момент собирал и обобщал

информацию о Сахарове визирует начальник 5-го управления КГБ Ф.Д. Бобков, с конца 1971 года ДОР на «Аскета» прочно занимает место в отчетах 1-го отдела 5-го управления.

Сахаров пытался выйти на непосредственный контакт с Брежневым. Зафиксированы как минимум три его звонка в секретариат Брежнева – 12 июля 1966 года, 25 и 29 декабря 1970 года¹. И, конечно, он писал письма. Рассчитывая на встречу с Брежневым и готовясь к ней, 4 марта 1971 года Сахаров направил ему письмо с просьбой о встрече «для беседы по широкому кругу проблем внутреннего и международного положения страны» и приложил к нему «Памятную записку» с изложением вопросов, которые он намерен поднять при встрече, а также «Записку о преследовании по идеологическим мотивам» (от 14 февраля 1971 года) и ряд текстов «самиздата» о проблемах, волнующих общественность². Брежнев от встречи с Сахаровым уклонялся. В решении Политбюро, принятом 26 февраля 1971 года, содержалось поручение Суслову и секретарю ЦК Демичеву принять для беседы академика Сахарова³.

В 1971 году Андропов настойчиво просил Политбюро принять Сахарова для беседы. Например, 17 апреля 1971 года в конце докладной записки КГБ о правозащитной активности Сахарова Андропов вносит предложение: «В свете изложенного беседа с Сахаровым в ЦК КПСС, целесообразность которой нами высказывалась в предыдущих сообщениях, в настоящее время крайне необходима»⁴. Но в партийной верхушке колебались. К встрече с академиком стал готовиться член Политбюро и секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов – второй по значимости партийный функционер. В апреле 1971 года он подготовил многостраничный конспект, напечатанный крупным кеглем, как это было принято

9-й отдел 2-го главка. Согласно функциональным задачам, 1-е отделение 9-го отдела «оперативно обслуживало» ведомства и учреждения, научно-технические центры и институты АН СССР, выполняющие исследования оборонной тематики, в частности, Государственный комитет СССР по науке и технике (ГКНТ), АН СССР и подчиненные им головные институты.

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 2. С. 137, 444, 445.

² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 638. Л. 20–77.

³ Там же. Л. 19.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 18. Д. 69. Л. 52.

для публичных выступлений. В нем было все необходимое для полемики с академиком и его идеологического перевоспитания¹.

Конспект Сулова – любопытнейший образчик аппаратной косности и идейного догматизма. В документе с заголовком «К беседе с А.Д.С.» содержалась развернутая критика «теории конвергенции» как проповеди надклассовых духовных и культурных ценностей и отрицания классовой борьбы и диктатуры пролетариата. И даже образный пример – сравнение верящих в конвергенцию с социалистическим козленком, поверившим «в коварную волчью теорию конвергенции». В многостраничном конспекте говорилось о повседневных «ужасах» американской жизни, о «культуре растреления душ» и «невероятной преступности». Соображение академика по поводу «угрожающих признаков разлада и застоя» в советской экономике, высказанное в его записке от 19 марта 1970 года, Сулов решительно отменил как «пасквильную оценку состояния экономики СССР». Сулов непременно хотел заявить Сахарову, что «либерализация и демократизация» означают свободу «для антинародной деятельности антисоциалистических элементов»².

Каких-либо точных указаний о планируемых датах этой встречи в бумагах Сулова нет³. Но он готовился к ней. Материалы из КГБ о Сахарове вплоть до октября 1971 года адресованы непосредственно Сулову. Сахаров продолжал надеяться на встречу с «одним из секретарей ЦК КПСС»⁴, но ей не суждено было состояться.

Причина, по которой Сулов так и не решился принять Сахарова для беседы, неизвестна. Можно только предположить, что, вчитавшись в очередное донесение КГБ о высказываниях Сахарова, он насторожился, ведь речь шла именно о том, какой Сахаров видит цель этой встречи. В донесении говорится:

«Как далее заявил Сахаров, с ним, по его глубокому убеждению, бояться беседовать представители “высоких инстанций” из-за того, что эта беседа приобретет характер острой дискуссии по

---

¹ РГАНИ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 163. Л. 3–65 об.

² Там же. Л. 13–15, 25, 52.

³ Материалы о Сахарове, поступавшие из КГБ, Сулов продолжал собирать и в последующие годы. Так, 13 сентября 1973 года Политбюро ЦК КПСС заслушало его информационное сообщение о Сахарове (АП РФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 24. Л. 229).

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 638. Л. 116.

ряду внутренних проблем, которую он делает достоянием гласности. В этой связи он заметил: “На самом деле я очень мало заинтересован в закрытой дискуссии, потому что я считаю, что она никого не убедит”¹.

1973 год стал в каком-то смысле переломным – борьба с инакомыслием в деятельности КГБ вышла на первый план. Именно в апреле 1973-го Андропов, единственный раз за все время пребывания на посту председателя КГБ, выступил в прениях на пленуме ЦК КПСС. Выступление было построено в традиционной манере: с одной стороны, восхваление «силы внешней политики нашей партии», а с другой, тревожные рассуждения об опасности «подрывной деятельности» спецслужб Запада, ставящих целью вызвать «эрозию» и «размягчить» или «ослабить» социалистическое общество². Тут, разумеется, председатель КГБ повел речь о «недовольных лицах» в Советском Союзе и опасности их консолидации в «действующую оппозицию»³. В связи с этим Андропов персонально назвал Солженицына, Амальрика, Якира, Чалидзе, Марченко и, не скупясь на ругательства, обозвал их «откровенными подонками общества, которые погоды не делают и не сделают»⁴. Интересно, что Сахарова он в своей речи не упомянул.

Сахарову 1973 год принес всесоюзную известность. Шумная газетная кампания с его осуждением как по команде (и на самом деле действительно по команде) началась в центральной прессе с публикации в «Правде» 29 августа 1973 года письма сорока академиков против Сахарова. Накануне, 28 августа, Политбюро одобрило эту публикацию⁵. Следом погромные публикации посыпались одна за одной, градус пропагандистской истерии только нарастал⁶. Двумя неделями ранее Сахаров был вызван в Генеральную прокуратуру, где с ним вели «профилактиче-

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 638. Л. 104.

² Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 725–726.

³ Там же. С. 727.

⁴ Там же.

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 639. Л. 19, 20, 23–27.

⁶ См.: Письма членов ВАСХНИЛ (Правда. 1973. 1 сентября), ученых Сибирского отделения АН СССР (Там же. 3 сентября) и, наконец, программная статья без указания авторства «Быть советским ученым – значит быть патриотом» (Там же. 8 сентября).

скую» беседу и требовали прекращения «антигосударственной деятельности»¹.

Но вот что интересно. Долгое время в Политбюро никак не могли выработать линию, как быть с Сахаровым, как реагировать на его статьи и выступления. Еще в июне 1972 года Андропов считал необходимым «публично реагировать» на его общественную деятельность². Члены Политбюро ЦК КПСС 29 июня дружно проголосовали за поручение аппарату ЦК подготовить статью против Сахарова для публикации в журнале «Коммунист»³. И вдруг передумали, и на постановлении появилась помета «Выступление со статьей сочтено в н[астоящее]/в[ремя] неуместным». Это решение, дезавуирующее предыдущее, было принято на заседании Секретариата ЦК КПСС 12 июля 1972 года⁴. Вероятнее всего, Андропову показалось, что «проблему с Сахаровым» можно еще как-то урегулировать тихо и без излишнего шума, даже несмотря на многочисленные зарубежные публикации, интервью и широкую известность академика за границей. Внутри СССР, с точки зрения кремлевских руководителей, и вовсе излишним было популяризовать идеи Сахарова и всерьез с ним полемизировать. Предпочитали замалчивать проблему.

В феврале 1973 года Андропов пояснил свою позицию, он полагал, что «упоминание имени Сахарова в официальной прессе может быть использовано для расширения очередной антисоветской кампании западной прессы, активизирует антиобщественную деятельность самого Сахарова и повысит к нему нездоровый интерес со стороны враждебных элементов внутри страны», и считал «целесообразным исключить впредь упоминание имени Сахарова в официальных публикациях советской прессы»⁵. И в ЦК с этим согласились. Записка Андропова была реакцией на критическую статью редактора «Литературной газеты» Александра Чаковского о книге американского журналиста Гаррисона Солсбери «Многие Америки должны быть одной»⁶. Чаковский писал, что существует некая «декларация» советского ученого Сахарова – это «давно используемая на Западе в антисоветских

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 20. Д. 65. Л. 435–438.

² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 638. Л. 145–150.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 22. Д. 1738. Л. 241.

⁶ Salisbury H.E. *The Many Americas shall be one*. N. Y., 1971.

целях сахаровская утопия», которую Чаковский иронично именовал сочинением «об устройстве мира к всеобщему благу»¹.

После начала шумной газетной кампании с «осуждением» Сахарова статья в «Коммунисте» наконец-то появилась и стала своего рода публичной отповедью и нормативной критикой сахаровских идей. Это была передовая статья «Международные отношения и идеологическая борьба» в сентябрьском номере журнала. Несколько страниц были посвящены «марксистско-ленинскому анализу» выступлений Сахарова, и ему давался «идеологический отпор». Общий вывод был прост и незамысловат: буржуазная пропаганда «муслирует на все лады разглагольствования академика А.Д. Сахарова. Хотя он ни в коей мере не представляет точку зрения советской общественности...»².

Даже в условиях развязанной пропагандистской кампании против Сахарова не был снят с повестки дня вопрос о возможной встрече и беседе с ним кого-либо из руководителей КПСС. Андропов полагал, что принять Сахарова мог бы Косыгин³. И действительно, в своем дневнике 8 сентября 1973 года Брежнев записал: «Разговор с А.Н. Косыгиным. О Сахарове – принимать или нет. Еще раз посоветуюсь в ЦК»⁴. Через несколько дней Брежнев вновь записывает: «Еще раз поговорить с Алексей Николаевичем о приеме Сахарова»⁵. А могущественный секретарь ЦК Михаил Суслов, который тщательно готовился к беседе с Сахаровым весной 1971 года, теперь окончательно разуверился в возможности переубедить академика. На заседании Политбюро еще 30 марта 1972 года Суслов делился своими соображениями на этот счет: «О Сахарове. Я согласен с товарищами, что надо подумать о Сахарове. Однако я считаю, что агитировать Сахарова, просить его – время прошло. Это ничего абсолютно не даст. И нам надо также определиться с Сахаровым до конца»⁶. Подгорный так не думал и увещевал коллег: «Что касается Сахаро-

---

¹ Чаковский А. Что же дальше? // Литературная газета. 1973. 14 февраля. С. 14.

² Коммунист. 1973. Сентябрь. № 14. С. 19.

³ Кремлевский самосуд. С. 246.

⁴ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 581.

⁵ Там же. С. 583.

⁶ Кремлевский самосуд. С. 212.

ва, то я считаю, что за этого человека нам нужно бороться. Он другого рода человек. Это не Солженицын»¹.

На заседании Политбюро 17 сентября 1973 года зашел разговор о беседе с Сахаровым. Брежнев напомнил о поручении Косыгину, тот ответил: «Я не возражаю. Только надо подумать, как с ним вести беседу». Брежнев предложил – прямо сказать Сахарову, что «он ведет антисоветскую, антигосударственную линию и что если он не прекратит этих действий, то мы вынуждены будем принять меры в соответствии с советскими законами». Вдруг возразил Шелепин: «...может быть не стоит сейчас впутывать Политбюро в это грязное дело и, в частности, Косыгина», напомнив, что заместитель Генерального прокурора Маляров уже вызывал и предупреждал Сахарова, и это не дало результата². Для выработки мер создали комиссию во главе с Сусловым. Брежнев напутствовал: «Может быть, подумать этой комиссии о том, как изолировать этого Сахарова. Может быть, сослать его в Сибирское отделение Академии наук СССР». Тут раздались голоса участников заседания: «В Нарым его надо сослать, а в Сибири он будет опять мутить воду»³. Брежнев и Косыгин так и не решились на разговор с Сахаровым.

В декабре 1973 года Андропов продолжал нагнетать страхи. В записке в ЦК КПСС № 2986-А от 1 декабря 1973 года он писал: «Усилилась деятельность противника по идеологическому проникновению в наше общество. Теперь им предпринимаются попытки к созданию внутри страны антисоветского подполья и активизации политически вредной деятельности антисоветских, просионистских и националистически настроенных лиц»⁴. И это не были дежурные фразы рядового отчета. Андропов просил ввести дополнительно 87 генеральских должностей в органах КГБ в центре и на местах⁵. Поначалу читавший документ Суслов подчеркнул фразу «должностей, замещаемых генералами» и на полях напротив поставил знак вопроса. Это разовое увеличение генералитета в госбезопасности казалось беспрецедентно большим. Но проникшись серьезностью момента, на первом листе документа наложил резолюцию: «Тов. Савинкину. Подго-

---

¹ Там же. С. 215.

² Там же. С. 229.

³ Там же. С. 330.

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 465. Л. 99.

⁵ Там же. Л. 100.

товить предложения. М. Суслов¹. 3 января, в первый рабочий день нового 1974 года, Политбюро согласилось с предложениями Андропова².

КГБ мог рассчитывать на особое к себе отношение и всемерную поддержку со стороны партийного руководства. Андропов на излете своей многолетней службы в «органах» изрек, как теперь принято говорить, знаковую фразу: «чекист – профессия особая»³, определив тем самым не только особый статус, но и исключительное положение службы государственной безопасности в системе советских государственных органов. Принадлежность к мощному аппарату тайной службы была обусловлена, по мнению Андропова, наличием у ее сотрудников «особых политических и личных качеств»⁴. Осознание своей исключительности стало характерной чертой сотрудников советской госбезопасности и формировало свой особый менталитет, присущий и поныне людям из «органов».

Формированию общественного мнения относительно Сахарова руководство КГБ придавало особое значение и помимо официальной пропаганды задействовало свои специфические приемы – через агентуру. На совещании сотрудников контрразведки заместитель начальника 2-го главка КГБ Федор Щербак внушал: «...все оперативные работники должны проинструктировать агентуру о том, чтобы она нещадно разоблачала гнусное письмо⁵ академика Сахарова, которое широко распространяется на Западе». И когда один из сотрудников робко поинтересовался, а нельзя ли ознакомиться с этим письмом, чтобы «доходчивее объяснить агентуре задачу», Щербак зло огрызнулся: «Я тебе читаю! Делай, что тебе говорят! Ишь ты, грамотей нашелся!», а затем откровенно признался, что он и сам его не читал: «Но руководство комитета сказала, что это дерьмо, – значит, дерьмо»⁶.

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 465. Л. 99–100.

² Решение Политбюро ЦК КПСС П120/99-оп от 3 января 1974 г. и постановление СМ СССР № 1-1сс от того же числа (Там же. Д. 465).

³ Андронов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 355.

⁴ Там же.

⁵ Вероятно, речь идет об «Открытом письме Конгрессу США».

⁶ Кириченко А.А. Японская разведка против СССР. М., 2016. С. 235.

63

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
или СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

12. НОЯБРЯ 1975
№ 2841-А
г. Москва

ЦК КПСС
1-й СЕКТОР
13 НОЯБРЯ 1975 42217
ПОДАВАЮТ ВОЗВРАТУ
В РАЙОННЫЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

Секретно
РАССЕКРЕЧЕНО

ЦК КПСС
Об отказе Сахарову А.Д. в выезде
за границу

Суря
И.И.
Николаев
Трунин

В связи с присуждением Нобелевской премии мира Сахаров 20 октября подал в ОВИР Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома заявление с просьбой разрешить ему выезд в Норвегию с 3 по 17 декабря для участия в церемонии вручения упомянутой премии.

В соответствии с решением Политбюро ЦК КПСС от 15 октября с.г. (№ П-192/41) Сахаров 12 ноября был приглашен в ОВИР ГУВД Мосгорисполкома, где ему объявлено следующее:

"Ваше заявление о разрешении поездки в Норвегию рассмотрено. Поскольку Вы являетесь лицом, обладающим особо важными государственными секретами, по соображениям безопасности в выезде за границу Вам отказано".

Выслушав отказ, Сахаров заявил, что рассматривает решение как политическое недоверие к нему со стороны государства и считает его для себя оскорбительным.

О состоявшемся отказе в поездке за границу Сахаров в здании ОВИР довел до сведения корреспондента агентства Рейтер Уорснипа.

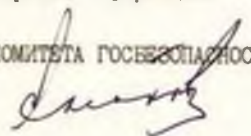
В разговоре по телефону с корреспондентом агентства Франс Пресс Сахаров подчеркнул: "Это решение оскорбительно не только для меня, но и для Нобелевского комитета. Это вызов мировому общественному мнению. Решение может быть пересмотрено; если будет поддержка со стороны международной общественности".

В беседе с корреспондентом агентства ЮПИ Сахаров заявил, что он обращается к международной общественности с просьбой добиваться пересмотра принятого решения.

Комитетом государственной безопасности принимаются меры по локализации антисоветской шумихи, вызванной отказом Сахарову в поездке за границу.

Сообщается в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

№12560а (14)

Сообщение Ю.В. Андропова в ЦК КПСС об отказе А.Д. Сахарову в выезде за границу для получения Нобелевской премии
12 ноября 1975
[РГИАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 641. Л. 63]

Степень возрастания внимания к фигуре Сахарова можно оценить по факту его персонального упоминания в ежегодных отчетах КГБ в ЦК КПСС. В отчете за 1975 год указано: «Сорваны намерения Сахарова и его единомышленников взять на себя роль связующего звена различных групп враждебных элементов внутри страны, а также между ними и подрывными центрами за рубежом»¹. После высылки Солженицына из СССР Сахаров был наиболее заметным и громким критиком советского режима.

В ноябре 1975 года председатель КГБ Андропов, секретарь ЦК Устинов и Генеральный прокурор Руденко внесли в ЦК КПСС предложение об административной высылке Сахарова в закрытый город Свердловск-44, заготовив и соответствующий проект Указа Президиума Верховного Совета СССР. В Политбюро дважды обсуждали это предложение. На заседании 17 ноября 1975 года Андропов заявил, что «выселить Сахарова сейчас из Москвы целесообразно». Члены Политбюро его поддержали. Только Подгорный заметил, что «надо подумать», да Брежнев засомневался: «...я еще раз ознакомлюсь с этой запиской, очевидно, дам ее вам на ознакомление, и тогда мы вернемся к этому вопросу»². В январе 1976 года члены Политбюро вновь обсуждали предложение о выселении Сахарова и признали целесообразным «временно отложить рассмотрение этого вопроса»³. Вероятно, свою роль сыграли опасения большого международного скандала, так как Сахаров к тому времени стал лауреатом Нобелевской премии мира. В 1976 году на заседании Коллегии КГБ Андропов «объявил, что Андрей Сахаров является внутренним врагом номер один»⁴.

В январе 1977 года Андропов (совместно с Генеральным прокурором) прямо ставил вопрос перед ЦК КПСС о необходимости ареста нескольких видных диссидентов и при этом кивал в сторону Сахарова: «Внося указанные предложения, мы исходим из того, что они (особенно в части, касающейся Орлова и Руденко) могут вызвать очередной шум на Западе и негативную реакцию в некоторых коммунистических партиях. Как указывалось выше, главари так называемых “диссидентов” именно на это и

---

¹ Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС. С. 113.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 32. Л. 279 (опубликовано в: Объект наблюдения: КГБ против Сахарова. С. 338).

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 641. Л. 68–76.

⁴ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 206.

'WE WANT THE OLYMPICS TO BE A PURE SPORTING EVENT - NOT AN OPPORTUNITY FOR THE WESTERN NEWS MEDIA TO LIONIZE DISSIDENTS AND TO PLAY POLITICS'

*Западная карикатура на ссылку Сахарова
1980*

[Из открытых источников]

рассчитывают. Однако представляется, что даже в предвидении указанного у нас нет другого выхода, так как, не опасаясь репрессий, Орлов, Гинзбург, Руденко и другие (не говоря уже о Сахарове) все более наглеют, представляя собой крайне отрицательный и опасный пример для других»¹.

Брежнев на заседании Политбюро 8 июня 1978 года негодовал: «Сахаров все больше распоясывается, ведет себя просто по-хулигански... Причины нашего сверхтерпеливого отношения к Сахарову вам известны. Но всему есть предел. Оставлять его выходки без реакции нельзя»². Правда, ничего лучшего, чем

¹ Секретариат ЦК КПСС на заседании 25 января 1977 года дал согласие на предложения Андропова. Решение ЦК КПСС, а также письмо Ю. Андропова и Р. Руденко № 123-А от 20 января 1977 года опубликованы в виде факсимиле в: Альбац Е. Мина замедленного действия. М., 1992. С. 340–345.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 41. Л. 278. Опубликовано: Объект наблюдения: КГБ против Сахарова. С. 410.

«обсудить поведение Сахарова на президиуме Академии наук», Брежнев и на этот раз не предложил.

Работу против Сахарова КГБ развернул не только на внутреннем, но и на «внешнем» направлении. По линии внешней разведки десятки резидентур КГБ в США и странах Европы прилагали титанические усилия по дискредитации Сахарова и Боннэр, плели интриги, пытались сорвать или оболгать очередные «сахаровские слушания». Факты об этой тайной активности и организации кампаний дезинформации собраны в рукописных заметках много работавшего с документами архивиста 1-го Главного управления КГБ Василия Митрохина¹. Регулярно составлялись «планы агентурно-оперативных мероприятий по локализации антиобщественной деятельности “Аскета” и его ближайшего окружения», их утверждали начальники 1-го (разведка), 2-го (контрразведка) главков и 5-го управления КГБ. То есть были задействованы силы ведущих оперативных подразделений КГБ, утверждались невероятные по охвату стран и континентов планы².

В утвержденном в январе 1974 года плане предусматривалось через агента КГБ (иностранного корреспондента) внести раздор между Сахаровым и Солженицыным³. В подписанном руководителями 1-го главка КГБ 22 октября 1975 года «Комплексе оперативных мероприятий по разоблачению политической подоплеки присуждения Сахарову Нобелевской премии мира» изложен план подготовки разоблачающих Сахарова публикаций на Западе и вброс дезинформации, например такой: «Распространить с помощью агентов влияния из числа видных чилийских эмигрантов (в Алжире и Мексике) текст поздравительной телеграммы генерала Пиночета, якобы направленной Сахарову в связи с присуждением Нобелевской премии мира», а кроме того, представить академика «защитником сионистов»⁴.

---

¹ «Архив Митрохина» был вывезен в Великобританию в 1992 году, и сам Митрохин эмигрировал туда же. См.: Антонов Е. Шпионская страсть // Время. 1999. 14 сентября; Ахиллесова пята шпиона Васи // Новая газета. 1999. 29 ноября;

² The Sakharov-Bonner Case. Folder 44. L. 1–40. The Chekist Anthology. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110345> (дата обращения: 18.11.2022).

³ Ibid. L. 14.

⁴ Ibid. L. 17–18.

Службой «А» (активные мероприятия) 1-го главка КГБ и 5-м управлением КГБ был разработан совместный план по «компрометации Сахарова». В январе 1977 года для реализации этого плана подключили управление «С» 1-го главка КГБ и лучшие кадры – супружескую чету агентов-нелегалов внешней разведки КГБ, которые должны были разыскать архив зарубежного дяди Елены Боннэр и ее «любовные письма» к нему¹. План мероприятий № 5/9-139 от 7 февраля 1977 года, разработанный в 9-м отделе 5-го управления, предусматривал внесение раздоров и противоречий в диссидентскую среду на Западе. Разыгрывалась все та же «сионистская» тема, а еще отправка якобы простыми американцами писем в редакции газет и журналов с мнениями о потере Сахаровым «поддержки русских диссидентов» и удивлением по поводу его «безнаказанности» со стороны советских репрессивных органов².

В планах не было упущено ни одной мелочи. Так, 12-й отдел КГБ, занимавшийся прослушиванием телефонов и помещений, должен был составить «меморандум отрицательных высказываний “Лисы” и “Аскета” о деятельности и личных качествах отдельных лиц из числа их связей по антиобщественной деятельности», а уж делом 9-го отдела 5-го управления было довести эти высказывания до нужных ушей из окружения Сахарова и внести «раздор в диссидентскую среду». И совсем уж тривиальное, но вполне в русле создания невыносимых условий: «Организовать подачу “жалоб” и “заявлений” в органы милиции от соседей “Лисы”, проживающих в доме по улице Чкалова, с требованием соблюдения последней норм и правил общежития»³.

Планы действий против «Аскета» и «Лисы» составлялись и подписывались начальником 9-го отдела 5-го управления Шадриным, визировались начальником 1-го главка КГБ Крючковым и начальником 5-го управления КГБ Бобковым, утверждались на самом высоком уровне – лично председателем КГБ Андроповым⁴.

Решение о лишении наград и высылке Сахарова в Горький было принято Политбюро ЦК КПСС 3 января 1980 года. Ему предшествовала совместная записка Андропова и Генерально-

---

¹ Ibid. L. 19.

² Ibid. L. 20–22.

³ Ibid. L. 26–27.

⁴ Ibid. L. 28, 30.

*Ф.Д. Бобков
[Из открытых источников]*

го прокурора Руденко от 26 декабря 1979 года, в которой были сформулированы соответствующие предложения¹. На заседании Политбюро Брежнев отметил, что Сахаров «ведет большую вредную для нашего государства работу», вслед за ним Андропов внес предложение о лишении Сахарова наград. А.А. Громыко и Д.Ф. Устинов поддержали. Однако М.А. Суслов вдруг заостроил и отметил, что «в целом этот вопрос поставлен правильно», но действовать лучше поэтапно: сначала лишить звания Героя Соцтруда, а затем решать «другие вопросы, которые здесь предлагаются [то есть о высылке. – Н. П.]». Андропов не сдержался и возразил: «Нам нужно сразу решить и следующий вопрос – поселить его вне Москвы. Мы предлагаем поселить его в Горьковской области. Если этого не сделать, то будет очень плохо»². Члены Политбюро совсем не хотели, чтобы было «очень плохо», и дружно приняли предложение Андропова. Через пять дней после заседания Политбюро ЦК КПСС были подписаны указы Президиума Верховного Совета СССР о лишении Сахарова государственных наград и выселении в административном порядке из Москвы³.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6-ос. Оп. 2. Д. 14. Л. 222–227.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 45. Л. 15–16.

³ Указы ПВС СССР от 8 января 1980 г. № 1389-Х о лишении наград и № 1390-Х об административном выселении находятся на хранении в

**КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР**

18.01.80г. № 156-А

Москва

68
Сов. секретно

РАСЕКРЕЧЕНО

Ц К КП С С

Андропов Ю.В.
Степанов
Михайлов
Колосов
Михайлов
В.В. Шенников
18.01.80-01(6)
М.И. Гурьев
А.И. Бочков
В.И. Козлов
В.И. Козлов

Направляем полученную оперативным путем запись интервью Сахарова А.Д., данного им 17 января с.г. корреспонденту американской телекомпании Эй-Би-Си Ньюс Чарльзу Бьербауеру.

Приложение: запись интервью на 5 листах, секретно, только в адрес,

Председатель Комитета *Ю.В. Андропов*

Ю. Андропов

*Записка Ю.В. Андропова в ЦК КПСС об интервью А.Д. Сахарова американской телекомпании
18 января 1980
[РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 642. Л. 68]*

Характерно, что предложение об «окончательном решении» вопроса о Сахарове было внесено прямо накануне советского вторжения в Афганистан. В Кремле прекрасно понимали, что за этим последует. Жесткая конфронтация с Западом из-за афганской войны неизбежна, поэтому теперь уже можно вовсе не считаться с мелочными опасениями зарубежных протестов по поводу высылки Сахарова. И все же на следующий день после высылки, 23 января 1980 года, Брежнев записывает в дневнике пять важных строк:

ГА РФ, причем указ о выселении вопреки здравому смыслу и нормам российского законодательства до сих пор числится на секретном хранении. Об этом сообщалось в официальных ответах ГА РФ № 10446-Т, № 10447-Т от 29 сентября 2021 г.

«Поговорил по телефону с Черненко – о Сахарове
 Переговорил с Сусловым М.А. – тоже о Сахарове – что сделать
 Дал задание Загладину и Жукову – встретиться
 с Шельман Бельмас и разъяснить проделки Сахарова
 Разговаривал с Андроповым – и о Сахарове...»¹.

Интересно, с каким таким Шельманом Бельмасом Брежнев говорил о «проделках Сахарова»? В дневниковых записях генсека фамилии иной раз искажены, но узнаваемы. Днем раньше Брежнев пометил в дневнике о приеме Шабан Дельмана. Все просто, речь идет о Председателе Национального собрания Франции, Жак Шабан-Дельмас находился с официальным визитом в СССР 21–23 января 1980 года и 22 января был принят Брежневым². Возможно, в ходе беседы Шабан-Дельмас выказал беспокойство о судьбе Сахарова. Но хуже другое. Узнав о состоявшейся высылке академика, Шабан-Дельмас в знак протеста прервал свою поездку по СССР и отбыл во Францию. Кремлевские пропагандисты Вадим Загладин и Юрий Жуков ничего не смогли ему объяснить, да и вряд ли были поняты. Брежнев был обескуражен и 24 января записал в дневнике «В ходе работы ПБ – имели место разговоры»³. Помимо прочих вопросов обсуждались итоги визита Шабан-Дельмаса и его «демарш» в связи с Сахаровым⁴.

В ссылку в Горький Сахарова непосредственно препроводили начальник 9-го отдела 5-го управления КГБ Василий Шадрин и заместитель начальника 1-го отделения того же отдела Альберт Шевчук⁵. Жизнь академика в Горьком сотрудники КГБ превратили в изощренную пытку. На него в полном соответствии с рецептами Широнина о «массированном воздействии» на разрабатываемого оказывают психологическое и моральное давление. В отчете 9-го отдела 5-го управления КГБ за июнь 1983 года читаем: «Продолжалась засылка в адрес “Аскета” писем из разных городов страны с осуждением его антиобщественной деятельности»⁶. Усилиями радиоконтрразведывательной службы КГБ Сахарова ограждали от возможности прослушивания

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 996.

² Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. М., 1981. С. 56.

³ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 996.

⁴ Там же. С. 1049.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 27/16. Д. 10.

⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 6/16. Д. 26. Л. 124.

зарубежных радиостанций. В письме президенту Академии наук А.П. Александрову в октябре 1980 года Сахаров писал: «Для меня установлена персональная глушилка – фирма не жалеет затрат – еще до того, как в СССР возобновили глушение»¹. Но когда необходимо, Сахарову, наоборот, морочат голову дезинформацией. В отчете за февраль 1985 года 9-й отдел 5-го управления КГБ пишет о подготовленной оперативно-технической операции: «В целях доведения до “Аскета” и “Лисы” выгодной информации совместно с РКР-службой ВГУ² КГБ СССР и УКГБ Горьковской области подготовлено мероприятие “Эфир”»³.

Суть этого мероприятия понятна из воспоминаний Елены Боннэр: «...вечером в моем доме звучало по радио “Свобода” без глушения выступление Иры Кристи прямо у трапа самолета, где она сказала, что может уверенно заявить, что если Сахаров и голодал, то в настоящее время он не голодает. Звучало так чисто, будто ГБ говорило мне: “На, слушай, и можешь делать что угодно: хоть головой бейся – никто не узнает, хоть вешайся – пожалуйста”»⁴.

После воцарения в Кремле Андропов получал докладные записки из КГБ о Сахарове. Председатель КГБ Федорчук 4 декабря 1982 года сообщил в ЦК о намерении Боннэр выехать в Италию для лечения глазного заболевания. В записке говорилось, что ранее она трижды выезжала в Италию «под этим же надуманным предлогом»⁵. Федорчук предлагал отказать ей в поездке. Кроме того, сообщалось, что Боннэр, пользуясь свободным перемещением, собирается взять с собой при поездке в Москву рукопись «Автобиографии» Сахарова и другие материалы. Федорчук предлагал: «В целях локализации враждебных действий Боннэр, связанных с передачей на Запад клеветнических документов, изготовленных Сахаровым, Комитетом госбе-

---

¹ Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 190. Об этом же пишет Елена Боннэр: «...работает какая-то установка, не дающая слушать радио, создающая помехи на телевизоре, мешающая слушать даже музыку с пластиною» (Боннэр Е. Постскрипtum. Книга о горьковской ссылке // Нева. 1990. № 7. С. 98).

² Радиоконтрразведывательная служба 2-го Главного управления.

³ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 8/16. Д. 19. Л. 338. О проведении этого мероприятия отчитались в июне 1985 г. (Там же. Д. 21. Л. 211).

⁴ Боннэр Е. Постскрипtum. Книга о горьковской ссылке. С. 81.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 6-ос. Оп. 5. Д. 23. Л. 242.

зопасности принято решение произвести с санкции прокурора ее личный обыск и изъять указанные материалы»¹. Через два дня, 6 декабря, как и в прежние годы, из ЦК было получено согласие. Андропов поддержал своих бывших подчиненных из 5-го управления.

О результатах обыска Федорчук сообщил в ЦК КПСС докладной запиской 8 декабря 1982 года. У жены Сахарова были изъяты 240 листов рукописи воспоминаний Сахарова и видеокамера с записью интервью Сахарова². Поездки жены в Москву были единственной связью Сахарова с волей. Согласовав вопрос с прокуратурой, Федорчук внес радикальное предложение: «...учитывая характер антисоветской деятельности Боннэр на протяжении длительного времени, участие во многих антиобщественных акциях, представляется целесообразным пресечь ее возможность бывать в Москве. Осуществить это можно путем привлечения Боннэр к уголовной ответственности в г. Горьком, для чего есть вполне достаточно юридических оснований. Следствие будет проведено без ареста Боннэр, а осудить ее можно было бы к ссылке»³. Итак, вопрос поставлен. Но из ЦК не ответили ни за, ни против. Свои автографы об ознакомлении на документе оставили Устинов, Пельше, Алиев, Громыко, Гришин и Зимянин.

А как же Андропов, читал ли он эту докладную записку Федорчука? Читал, только предпочел почему-то с решением не спешить. Не так ему хотелось начинать новый этап жизни в роли руководителя страны. Шум за границей, пересуды, разговоры о том, что в Кремле сидят все те же жестокие люди, – ни к чему все это возбуждать и подогревать. Все должно отстояться, как любил говорить Андропов. След его раздумий на странице календаря за 13 декабря 1982 года с короткой строчкой: «Переговорить с тов. Черненко К.У., наша [позиция] по делу Сахарова»⁴.

Нет, определенно Советский Союз никоим образом не был правовым государством. Ну если есть «вполне достаточные юридические основания» для привлечения кого-то к уголовной ответственности, то должен высказаться Закон, а не ЦК КПСС. И потом, как это можно заранее знать, какую избрать меру пре-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6-ос. Оп. 5. Д. 23. Л. 244.

² Объект наблюдения: КГБ против Сахарова. С. 492.

³ Там же. С. 493.

⁴ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 53.

сечения и какое наказание вынесет суд? Да нет, понятно, зачем ломиться в открытую дверь, в таких громких случаях все решается в ЦК – и как судить, и к чему приговорить. После смерти Андропова так и сделали. Елену Боннэр приговорили 10 августа 1984 года в Горьком к пяти годам ссылки – все, как заранее было решено на уровне ЦК КПСС. А при Андропове и с его благоволения набирала силу пропагандистская клеветническая кампания против Сахарова и его жены на страницах газет и прочих средств массовой информации.

Квартира Сахарова в Горьком, разумеется, была оборудована приборами прослушивания. В 1983 году заместитель председателя КГБ Бобков – «внушительный, крупный мужчина с ярко синими глазами» – вызвал на Лубянку Николая Яковлева и отправил его в Горький для разговора с Сахаровым. После всего того, что Яковлев написал об академике и его жене, ему не стоило ожидать чего-то хорошего от поездки. Идея Яковлеву не понравилась, но пришлось подчиниться. Язвительный вопрос Яковлева: «Куда прикажете говорить на квартире академика, в унитаэ?», Бобков парировал: «Не надо, слышно везде»¹. Визит Яковлева в Горький оказался провальным, он лишь заработал от академика пощечину². Но видимо в этом и был расчет Лубянки – лишний раз позлить академика и вывести из себя.

Регулярно в командировку в Горький направлялись работники 9-го отдела 5-го управления КГБ для контроля ситуации вокруг Сахарова и инструктажа работников 5-го отдела УКГБ по Горьковской области, на которых вдруг свалилась эта в высшей степени ответственная миссия – стеречь ссылного академика. В мае 1980 года в Горький был командирован молодой оперативный работник 9-го отдела 5-го управления А.И. Жданьков, в мае 1984 года в Горький выезжал зам. начальника 9-го отдела 5-го управления Булат Иманбаев³. Сменивший ушедшего на повышение Шадрина, новый начальник 9-го отдела Александр Баранов лично выезжал в Горький в мае, сентябре 1985 и мае 1986 года⁴. В 1986 году в поездке его сопровождал Альберт Шевчук, непосредственно отвечавший в 9-м отделе 5-го управления

---

¹ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 294, 306.

² Там же.

³ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 7/16. Д. 23. Л. 232.

⁴ Там же. Оп. 8/16. Д. 21. Л. 91; Д. 22. Л. 310–312; Оп. 9. Д. 431. Л. 78.

за разработку Сахарова. И более высокое чекистское начальство наезжало в Горький. 10 июня 1980 года туда пожаловал сам начальник 5-го управления Филипп Бобков в сопровождении Василия Шадрина¹. Они пробыли в Горьком два дня, и целью их визита была «Лиса» и ситуация вокруг нее².

В свою очередь, в Москву регулярно вызывались сотрудники УКГБ по Горьковской области. Например, в ноябре 1983 года в столицу выезжал зам. начальника 5-го отдела УКГБ В.А. Воронов, отвечавший за разработку «Аскета» и «Лисы» на месте³.

И после смерти Андропова положение Сахарова не улучшилось. Он по-прежнему в Горьком, и КГБ занимается им так же плотно, держит волчьей хваткой. В какой-то момент к делу подключаются небезызвестные Вячеслав Кеворков и Виктор Луи.

Пытаясь сбить волну возмущения за рубежом, сотрудники КГБ готовят и распространяют («продвигают» в западные СМИ) дезинформационные и пропагандистские материалы. В отчете 9-го отдела 5-го управления КГБ за июнь 1985 года отмечено: «Подготовлен цветной видеофильм об условиях жизни объекта в Горьком в настоящее время. После просмотра руководством КГБ СССР указанный видеофильм был продвинут на Запад»⁴. В январе 1986 года Виктор Луи передал на Запад очередной видеофильм о Сахарове и его пребывании в ссылке в Горьком. Цель – убедить всех, что с академиком все в порядке, он не голодает, получает достойную медицинскую помощь и не ропщет⁵. В основе фильма кадры оперативной съемки КГБ, и не секрет, как этот материал попал в руки журналиста и где монтировался фильм. Имя многолетнего куратора Луи генерал-майора Вячеслава Кеворкова значится в отчете 14-го отдела 5-го управления КГБ за январь 1986 года в качестве ответственного за проведение этой акции: «...на Запад продвинут видеофильм об объектах ДОР 9 отдела «Аскете» и «Яге»⁶, получивший широкое распростра-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 27/16. Д. 11.

² Там же.

³ Там же. Ф. 6. Оп. 7/16. Д. 21.

⁴ Там же. Оп. 8/16. Д. 21. Л. 211.

⁵ Хреков А. Указ. соч. С. 264–265.

⁶ В УКГБ по Горьковской области ДОР «Лиса» на Елену Боннэр велось как ДОР «Яга».

нение за рубежом. Доложено руководству Управления. Исп. т.т. Кеворков, Пономарев»¹.

Видеослежка за академиком продолжалась. В отчете 9-го отдела 5-го управления КГБ за июнь 1986 года отмечено, что в целях накопления материалов для возможного их использования в пропагандистских мероприятиях силами ОТУ КГБ СССР и 7-го отдела УКГБ Горьковской области продолжалась видеосъемка скрытой камерой «Аскета» и «Лисы»². Всего, по воспоминаниям Елены Боннэр, с августа 1984 до середины 1986 года Виктор Луи передал через западногерманскую газету «Бильд» по меньшей мере пять видеофильмов с дезинформацией о Сахарове и Боннэр³.

Свободу Сахаров получил в декабре 1986 года, пережив в ссылке трех Генеральных секретарей – Брежнева, Андропова и Черненко⁴.

НА ОСТРИЕ

Памятуя о судьбе Шелепина, оказавшегося после ухода из КГБ под яростным огнем критики в западных газетах за террористические вылазки его подопечных, Андропов, въехав в кабинет на Лубянке и осмотревшись в новом хозяйстве, категорично изрек: «Время поджогов складов и разрушения мостов позади. Настало время их наводить»⁵.

Когда управление «К» 1-го главка КГБ разработало операцию по похищению вызванного в Австрию из США двойного агента Николая Артамонова, Андропов запретил проводить операцию. В Вену уже вылетела оперативная группа, но тут в резидентуру пришло указание все отменить. Это указание дал лично Андропов при встрече с начальником управления «К» Виталием Бояровым. Андропов был категоричен: «Я пришел в госбезопасность вовсе не для того, чтобы продолжить сомнительные традиции некоторых моих предшественников, а как раз наоборот. Вы же предлагаете мне план по этому, как его... – Андропов заглянул

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 9. Д. 429. Л. 206.

² Там же. Д. 431. Л. 196.

³ Боннэр Е. Постскрипtum. Книга о горьковской ссылке. С. 99–103.

⁴ См. подробнее: Объект наблюдения: КГБ против Сахарова. С. 30–34.

⁵ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 24.

в записку, лежащую у него на столе, – Артамонову-Шадрину, в основе которого заложено насилие»¹. Бояров возразил, что всего лишь хотели, чтобы «свершилось правосудие». Но Андропов был непреклонен: «Я не допущу, чтобы мое пребывание здесь было связано с какими-то кровавыми делами... поэтому придумайте иную форму наказания предателя. А проводить в жизнь этот план я категорически запрещаю. Немедленно вылетайте в Вену и остановите все»².

Этот эпизод случился в начале работы Андропова в качестве председателя КГБ. Прошло еще несколько лет, и Андропов, погружившись глубже в дела разведки, привыкнув к обыденным формам оперативной работы, всевозможным разведывательным операциям, дал согласие на похищение Артамонова, как это планировалось ранее. Андропова убедил новый начальник управления «Ю» Олег Калугин вместе с Крючковым. Похищение Шадрина окончилось трагически – при перевозке из Австрии в Чехословакию он умер.

Андропов руководил КГБ в период, когда все активнее о себе заявляли террористические группы, а экстремистские тенденции в национально-освободительном движении проявлялись все более отчетливо. На июньском (1967) пленуме ЦК КПСС Брежнев в очередной раз обрушился на «провокационную роль китайских руководителей», вспомнив в связи с этим лидера Организации освобождения Палестины Шукейри, который проводит теракты и «тесно связан» с китайцами³. Недовольство Брежнева вызвала и Куба, которая выступила против СССР и «замалчивала» нашу поддержку арабов. В политике руководства Компартии Кубы, говорил Брежнев, «левацкие тенденции», разжигающие конфликты в Латинской Америке. Политбюро ЦК озабочено этим и пытается их удержать от крайностей⁴.

В то же время национально-освободительному движению Кремль считал своим долгом помогать. Но одно дело, когда просили о тайном финансировании, а другое дело, когда речь шла об оружии. Андропов был крайне осторожен. Руководитель Ирландской рабочей партии Майкл О'Риордан обратился 6 ноября 1969 года в ЦК КПСС с просьбой об оказании помощи в приобре-

---

¹ Кеворков В.Е. Генерал Бояров. С. 51.

² Там же. С. 52.

³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 5. Л. 34–44.

⁴ Там же.

тении для Ирландской республиканской армии 2000 автоматов, 150 ручных пулеметов и боеприпасов к ним. В письме были и соображения о способе переброски оружия на морском буксире с «небольшой отобранной и доверенной командой, состоящей из членов ИРА»¹. В ЦК дали поручение КГБ и Министерству обороны рассмотреть просьбу, посчитав при этом нецелесообразным давать оружие советского производства.

Андропов откликнулся на просьбу без энтузиазма. В записке 8 января 1970 года он указывал на «большую сложность обеспечения необходимой конспирации» и до окончательного решения вопроса полагал необходимым выяснить у О'Риордана «его реальные возможности по обеспечению необходимой конспирации при передаче оружия и сохранению в тайне источника его получения»². И через четыре месяца Андропов продолжает сомневаться. Он пишет в ЦК 7 апреля 1970 года: «Тов. Риордану было сказано, что прежде чем решать такой вопрос, необходимо тщательное изучение всех его аспектов. В частности, следует серьезно взвесить, какова будет вероятная польза от поставки оружия и каков может быть ущерб в случае провала операции». Казалось бы ясно, и О'Риордан «с пониманием отнесся к осторожности, с которой мы подходим к решению данного вопроса»³.

Но просьбы повторялись, Андропов сдался и сообщил 21 октября 1970 года в ЦК: «Комитет госбезопасности разработал принципиальный план передачи в нейтральных водах ирландским друзьям имеющихся у нас в настоящее время 100 трофейных автоматов, 9 пулеметов и 20 пистолетов с боеприпасами. Гранатометов, гранат, винтовок и другого мелкого оружия иностранных образцов у нас нет»⁴. Но дело так и тянулось. В мае 1972 года О'Риордан специально приехал в Москву, чтобы как-то ускорить выполнение своей просьбы, считая, что СССР «является единственным источником конспиративного получения оружия». 21 августа 1972 года Андропов представил в ЦК план операции «Всплеск», согласно которому предполагалось в ночное время затопить трофейное немецкое оружие в 14 пакетах в иностранной упаковке со смазкой в районе банки Стантон в 90 километрах от побережья Северной Ирландии и установить в

---

¹ Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994. С. 207–208.

² Там же. С. 209.

³ Там же.

⁴ Там же.

*Ким Филби
[Из открытых источников]*

месте затопления рыболовецкую веху¹. Как пишут в заслуживающих доверия источниках, операция состоялась и оружие было передано².

Через три-четыре года работы в КГБ Андропов освоился и вполне вник в дела разведки. Положение обязывало. Председатель КГБ должен был лично давать санкции на проведение вербовок иностранцев и «острых» мероприятий, связанных с шантажом и предъявлением намеченным для вербовки компрометирующих материалов, добытых с помощью оперативной техники³. Теперь Андропов даже давал советы по вербовочной работе и предложил разработать программу по переманиванию офицеров западных спецслужб на советскую сторону: «Она должна была включать в себя обещание крупных сумм денег, комфортабельной квартиры и дачи, полную свободу передвижения в пределах СССР и Восточной Европы»⁴. Интересно, понимал ли Андропов малую привлекательность этих посулов в глазах западного человека. Как даже большие деньги могут скрасить

¹ Ельцин Б.Н. Записки президента. С. 211–213.

² Andrew C., Mitrokhin V. Op. cit. P. 492–493, 502.

³ Кириченко А.А. Японская разведка против СССР. С. 105.

⁴ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 155–156.

жизнь человека при социализме, какая может быть свобода передвижения – в пределах социалистического лагеря?

А хорошо ли жилось тем, кто когда-то не за деньги, конечно, а за идею перешел на сторону Советского Союза? Олег Калугин описывает свой визит к Киму Филби в начале 1970-х. Впечатление у него осталось тяжелое: «От хозяина дома несло перегаром, он едва стоял на ногах и, не успев познакомиться со мной, стал изрыгать бессвязные ругательства по адресу власти, КГБ и всех на свете. Я стоял ошарашенный, не зная, как себя вести. Щемящее чувство жалости овладело мной. Передо мной стоял несчастный человек, и никто бы меня не убедил, что это результат его беспробудного пьянства»¹.

В 1972 году центральный аппарат разведки переместился в новый комплекс зданий за чертой Москвы – в район Ясенево. Андропов «зарезервировал там для себя рабочий кабинет. Он непосредственно руководил разведывательной деятельностью, по меньшей мере два дня в неделю»².

БЕИЛЯР

Через семь лет после назначения председателем КГБ Андропов вполне освоился на Лубянке и закончил формирование своей команды. От «не своих» он постепенно избавлялся. Единственное, что он не мог себе позволить, так это тронуть брежневских выдвиженцев. Но он с ними сработался и даже привык к их наличию. Это тоже был своего рода знак «генеральному» – подтверждение преданности и уважения. Вопреки своему же правилу, Андропов не торопился сразу избавляться от неугодных работников. Лишь в 1970 году приступил к решающим переменам.

С 1967 года у Андропова было два первых заместителя – Николай Захаров, назначенный еще при Хрущеве в 1963 году, и Семен Цвигун, занявший должность в 1967 году. Захаров, поначалу пользовавшийся расположением Андропова, стал замечать охлаждение отношений с председателем КГБ. Причину перемен он понимал: «Первое, это по поводу раздувания дел о диссидентстве, с чем я был не согласен, а Андропов под влиянием Цвигуна создавал такую ситуацию, которую общественность страны

---

¹ Там же. С. 156.

² Грушко В.Ф. Указ. соч. С. 178.

резко осуждала»¹. О Цвигуне Захаров составил дурное мнение, о чем не преминул заметить в мемуарах: «Но близость Цвигуна к Брежневу по работе в Кишиневе, интимная близость жены Цвигуна к Брежневу, сделали свое негативное дело»².

Распределили между первыми замами нагрузку по курированию подразделений центрального аппарата КГБ. Андропов старался никого из них не обидеть. Цвигуну достались 3-е управление (военная контрразведка), 5-е управление (борьба с «идеологической диверсией»), 7-е управление (наружное наблюдение) и 10-й (учетно-архивный) отдел. У Захарова оставались 2-е Главное управление (контрразведка), Главное управление погранвойск, Следственный отдел и Мобилизационный отдел³.

Захаров вспоминал: «Отношения с Цвигуном у меня не сложились с самого начала. Он хотел быть первым из первых. И злился, когда в отсутствие Андропова заседания коллегии поручали вести мне. Бывший начальник секретариата предупреждал меня, чтобы я не конфликтовал с Цвигуном. Крючков был доверенным лицом Андропова, и все тонкости назначения к нам Цвигуна он понимал. Я сказал, что голову склонять перед ним не намерен. Я знал, что Цвигун не пользуется авторитетом среди сотрудников и болеет черной завистью ко мне. Пользуясь расположением Брежнева, бывая у него в доме, Цвигун злоупотреблял этим доверием. Все зампреды ездили на “ЗИМах”. Цвигун, как только стал первым замом, пересел на “Чайку”. Я по-прежнему ездил на “ЗИМе”, хотя мне как-то Андропов предложил взять “Чайку”. Цвигун вообще был нечистоплотен в поведении и в быту. Он по-прежнему ел белугу из Каспия и пил непомерно азербайджанский коньяк»⁴.

Андропов умело балансировал между двумя первыми замами. Ситуация его до поры до времени вполне устраивала. Пусть активность Цвигуна замыкается не на фигуре председателя.

Началось перетягивание каната. В июле 1968 года у Захарова забрали из сферы курирования Мобилизационный отдел и передали Цвигуну, но при этом у него изъяли 7-е управление и 10-й отдел (переданы другим замам – Ардальону Малы-

---

¹ Захаров Н.С. Указ. соч. С. 281–282.

² Там же. С. 282.

³ Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 165.

⁴ Захаров Н.С. Указ. соч. С. 283.

гину и Виктору Чебрикову соответственно). Цвигун ревностно отнесся к тому, что Захарова часто приглашали для чтения докладов в Высшую партийную школу, он попросил текст доклада, с которым выступал Захаров, и позднее на его основе, разумеется, переработав и добавив с помощью шефа пресс-бюро КГБ новые материалы, выпустил под своей фамилией в виде книги¹.

В конце концов Захаров устал, у него начались сердечные приступы. После очередного недоразумения с Андроповым он в апреле 1970 года запросился на пенсию. Андропов с облегчением принял его отставку и даже посодействовал трудоустройству в другое ведомство. Не поленился и вместе с Захаровым отправился на встречу с Дмитрием Устиновым, где они вдвоем уговорили Захарова перейти на должность заместителя министра машиностроения².

Захаров вспоминал:

«На прощанье я зашел к Андропову. Пожелал ему здоровья и успехов в работе, сказал, чтобы его заместители честно помогали ему без всякой конъюнктуры. Последняя фраза взбесила Андропова и, к моему великому изумлению, он вскочил с кресла и изрек:

– А ты знаешь, что без конъюнктуры нельзя?

Я был ошеломлен такой реакцией будущего генсека и сказал:

– Ну, вам виднее, – протянул руку, пожал и вышел»³.

Легко понять раздражение Андропова. Он, вынужденный подстраиваться в своей кадровой политике под мнение и желания Брежнева, был уязвлен, когда Захаров рубанул со всей прямотой свое пожелание.

В том же, 1970, году 28 июля заместителем председателя КГБ был наконец-то назначен Георгий Цинев (ранее с 1967 года возглавлял 2-й главк). Курирование подразделений, ранее осуществляемое Захаровым, перешло в основном к Цвигуну, а Цинев как новый зам принял курирование подразделений, ранее входивших в сферу Цвигуна. Начальником 2-го главка был назначен Григорий Григоренко. Его можно рассматривать как человека Андропова, кого он знал еще со времен своей рабо-

---

¹ Там же. С. 284.

² Там же. С. 285.

³ Там же.

ты в Будапеште. Григоренко с 1954 по 1956 год работал заместителем старшего советника КГБ при МВД Венгрии¹.

Важнейший для Андропова – 12-й отдел (прослушивание телефонов и помещений). В ноябре 1967 года занимавшийся этой деятельностью 2-й отдел Оперативно-технического управления был по инициативе Андропова выделен в самостоятельный отдел, получивший номер 12, курировать его взялся лично председатель КГБ. Еще бы – это самое тайное тайных. Начальником отдела был утвержден Алексей Кривошеев, тоже назначенец Андропова, принятый в КГБ с должности инструктора отдела организационно-партийной работы ЦК. В октябре 1970 года 12-й отдел получил нового начальника². Им стал Юрий Плеханов – человек из свиты, работавшей до мая 1967 года секретарем Андропова, а затем старшим офицером в приемной председателя КГБ. Теперь Андропов поручил ему деликатнейшую сферу деятельности. Важнейшие «прослушки» должны ложиться прежде всего на стол председателя. Это скоропортящийся товар. Да, дежурный в приемной раньше подавал председателю чай с сухариками и сухариками, а вот теперь кое-что посерьезнее. Подполковник Плеханов на должности начальника 12-го отдела вырос в звании до генерал-лейтенанта. Андропов умел ценить верных ему людей.

В следующем 1971 году в КГБ появились еще два зама. В марте был назначен Владимир Пирожков, в июле – Николай Емохонов. Пирожкову поручили курировать управление кадров, Высшую школу КГБ и Краснознаменный институт 1-го главка КГБ. Емохонов принял «хозяйство» работавшего до него зама Льва Панкратова: 8-й главк и Управление правительственной связи³. В том же году брежневский ставленник Алидин возглавил управление КГБ по Москве и Московской области, а начальник секретариата КГБ Крючков властной рукой Андропова был перемещен в кресло первого заместителя начальника 1-го главка (внешнеполитической разведки). На должность начальника секретариата был назначен Павел Лаптев, попавший в ближайшее окружение Андропова еще со времен работы в ЦК КПСС.

---

¹ Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 259.

² Там же. С. 165, 169.

³ Там же. С. 170.

Еще один верный человек не был забыт. Евгений Калгин длительное время работал шофером персональной машины Андропова – был «наиболее близким человеком». В 1970 году он был назначен референтом председателя и в том же году офицером приемной КГБ, в 1979 году стал помощником председателя КГБ СССР. В мае 1982 года Андропов взял его в качестве референта в ЦК. Конечно, шоферу пришлось подучиться, и в 1976 году он окончил Высшую школу КГБ. Сослуживцы о нем отзывались тепло: «Обладая природным умом и высокой квалификацией шофера, он отличался скромностью, всегда был внимательным, добрым, чутким»¹. В дальнейшем Калгин не выпал из обоймы. Поработав короткое время с ноября 1982 по февраль 1984 года заместителем начальника 1-го отдела 9-го управления КГБ (вероятно, возглавлял охрану Андропова), он с февраля 1984 года стал секретарем генсека Черненко, в октябре 1988 года новый председатель КГБ Крючков назначил его на самый ответственный участок – начальником 12-го отдела КГБ СССР, где он дослужился до генерала².

В 1974 году команда Андропова в КГБ в основном сформировалась. Все его заместители получили назначения при нем. Начальниками важнейших подразделений также работали его люди. В декабре 1974 года начальником 1-го главка стал Владимир Крючков. Начальником 2-го главка оставался Григоренко, 3-е управление с февраля 1974 года возглавил пришедший из ЦК Николай Душин, в 5-м управлении по-прежнему царил Филипп Бобков, ставший к этому времени уже генерал-лейтенантом, 7-е управление с октября 1974 года возглавил Алексей Бесчастнов³.

В марте 1969 года в КГБ было создано управление для строительства и эксплуатации противоатомных убежищ. Оно получило условное наименование 15-го управления⁴. Ранее эти функции выполнял 4-й отдел 9-го управления КГБ. В положении о новом 15-м управлении говорится о его предназначении

---

¹ Команда Андропова. С. 71.

² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 34. Д. 711. Л. 83.

³ Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 170–172.

⁴ Приказ КГБ при СМ СССР № 0020/ОВ от 13 марта 1969 г. был издан во исполнение постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 128-45сс от 14 февраля 1969 г.

В.П. Пирожков
[ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 11.
Д. 7230. Л. 2]

Н.П. Емохонov
[ГА РФ]

Ю.С. Плеханov
[Из открытых источников]

Г.Е. Агеев
[ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 11.
Д. 7589. Л. 1]

и принципах функционирования: «Основной задачей Управления является обеспечение постоянной готовности к немедленному приему укрываемых в защищенные пункты (объекты) и создание в них условий, необходимых для нормальной работы в особый период»¹. Не совсем внятно, но речь идет об укрытии руководителей страны в случае ядерной войны. Андропов придавал подготовке убежищ первостепенное значение. Ведь и он тоже числился среди тех, кто должен был занять место в таком бункере. На объектах 15-го управления создавались «неприкосновенные и неснижаемые запасы продовольствия, военного и материально-технического имущества», а для сокрытия убежищ разрабатывались и проводились «мероприятия по внедрению легального прикрытия и маскировки объектов». И самое главное – персонал. В Положении о 15-м управлении об этом сказано особо: «Осуществляет подбор кадров, как правило, из числа коммунистов и комсомольцев, наиболее пригодных для работы в особых условиях, обладающих высокими деловыми, политическими и личными качествами»². Андропов поставил дело подготовки к ядерной войне на широкую ногу. Были заложены многочисленные подземные объекты и городки при них.

Важные реорганизации произошли в июне 1973 года в 8-м главке (шифровально-дешифровальная работа). Из него выделилось самостоятельное 16-е управление – электронная разведка, радиоперехват и дешифровка. В августе 1974 года по предложению Андропова 15-е управление, отвечавшее за укрытие в подземных убежищах высших руководителей СССР на случай атомной войны, было повышено до главка, и в штат КГБ введена новая совмещенная должность – заместитель председателя КГБ – начальник 15-го главка КГБ³. Теперь все это «бункерное хозяйство» возглавил Сергей Антонов, оставив должность начальника 9-го управления КГБ (охрана руководителей). На момент ухода Андропова из КГБ в 1982 году штат 15-го главка составлял более 10 тысяч человек. Начальником «девятки» тогда же был назначен Юрий Сторожев⁴.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1-т. Д. 271.

² Там же.

³ Решение Политбюро ЦК КПСС П147/XV от 16 августа 1974 г. и постановление СМ СССР № 645-212сс от того же числа (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 454).

⁴ Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. С. 170–172.

Ю.В. Андропов принимает поздравления своих заместителей в связи с 60-летием, слева направо: В.П. Пирожков, Г.К. Цинев, С.К. Цвигун, Ю.В. Андропов, В.М. Чебриков, Н.П. Емохонов, А.Н. Малыгин, Г.Е. Агеев

Июнь 1974

[ЦА ФСБ]

Руководящий круг КГБ вполне сложился. На фотографии, где Андропов среди членов коллегии, его с двух сторон «подпирают» Цинев и Цвигун. Но он, пожалуй, к ним уже привык и худо-бедно сработался. Да-да – конъюнктура.

Шестидесятилетний юбилей Андропова был отмечен на высшем уровне, как и полагалось члену Политбюро. По уже заведенному порядку Андропову присвоили звание «Герой социалистического труда». В «Правде» был опубликован указ об этом, а также фото юбиляра и теплое дружеское приветствие от ЦК, Совета министров и Президиума Верховного Совета СССР. Приветствие было на удивление лаконичным и безличным. Всего два абзаца. Другим членам Политбюро писали и теплее, и подробней. А тут из содержательного – всего лишь пожелание «долгих лет жизни, хорошего здоровья и плодотворной деятельности на благо нашей партии и советского народа»¹. От коллег по Политбюро была подарена радиотелемагнитола, надо полагать отечественного производства. От Коллегии КГБ Андропову был подарен телевизор «Рубин», Рыбинский техникум прислал на-

¹ Правда. 1974. 15 июня.

Коллегия КГБ. Слева направо сидят: Г.Е. Агеев, Г.К. Цинев, Ю.В. Андропов, С.К. Цвигун, В.М. Чебриков; стоят: В.А. Матросов, С.Н. Антонов, Г.Ф. Григоренко, Н.П. Емохонов, А.Н. Малыгин, В.П. Пирожков, Ф.К. Мартин, В.И. Алидин и Н.А. Душин

1974

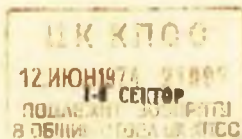
[ЦА ФСБ]

стольные часы в виде штурвала, как напоминание о юности на волжских судах¹.

Для ближайших сослуживцев на объекте КГБ был устроен строгий мужской банкет. Что интересно – без жен, только руководящая верхушка КГБ. И все только потому, что свою жену Татьяну Филипповну Андропов уже не мог «вывести в свет» по состоянию ее здоровья. Оттого-то все его торжества с коллегами всегда имели «мужской формат».

Серия фотографий этого банкета куда как лучше характеризует расстановку сил в высшем руководстве КГБ и неформальный статус каждого из собравшихся. Вот, например, рядом за

¹ Десять лет без выходных // ФСБ: за и против. 2014. № 3. С. 48.

Ц К К П С С

О памятном подарке тов. Андропову Ю.В.

и. Шиня
Члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР товарищу Андропову Ю.В. 15 июня 1974 года исполняется 60 лет со дня рождения.

Вносится предложение вручить тов. Андропову Ю.В. памятный подарок - радиотелемагнитола с надписью "Дню Владимиру Андропову в день шестидесятилетия от Политбюро ЦК КПСС. 15 июня 1974 года".

Просим согласия.

Управляющий делами
ЦК КПСС

Г. Павлов
Г. Павлов)

" 10 " июня 1974 г.

н.п. Брежневскому Ю.В.
Ген. секретарь.
Г. Павлов
~64204(1/4)
Павлов 13.06.74.

Записка управляющего делами ЦК КПСС Г.С. Павлова о подарке Ю.В. Андропову
10 июня 1974
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 72. Л. 11]

*Н.В. Подгорный вручает награды Ю.В. Андропову
Июнь 1974
[ЦА ФСБ]*

*Банкет по случаю 60-летия Ю.В. Андропова
1974
[Генерал Цвигун. Частные хроники]*

*Ф.К. Мартин, С.К. Цвигун, Ю.В. Андропов, Г.Е. Агеев,
Г.Ф. Григоренко. Тост произносит В.И. Алидин
1974*

[Генерал Цвигун. Частные хроники]

столом с Андроповым – Цвигун (на фото слева), и Агеев, и Григоренко (справа). Напротив Андропова за столом расположились Пирожков, Цинев, Чебриков, Ермаков.

МЕЧТЫ О ПАРТИИ

Работа на Лубянке не была для Андропова тихой гаванью, но все же была защитой от не симпатизировавшего ему Сулова. Их неприязнь была взаимной. Конечно, Андропов никогда не только не высказывал, но и не смел демонстрировать даже намеком свое неуважение к Сулову. Пока Андропов был необходим Брежневу в качестве председателя КГБ, Сулов над ним не был властен, но и бросать ему вызов было бы безрассудством.

Очень редко Андропов давал волю чувствам. Но в такие минуты становилось ясно, что Сулова он «люто ненавидел»¹. Как отмечает Вячеслав Кеворков, много общавшийся с Андроповым накоротке: «...в моем присутствии он позволил себе лишь несколько “выбросов” переполнявшего его негодования по поводу некоторых шагов, предпринимавшихся главным идеологом партии, о чем наверняка позже пожалел. И в этом был свой резон.

¹ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 167.

Дойди что-то подобное до ушей кардинала, Андропов был бы тут же сметен с политической арены очередной дьявольской интригой. И это при том, что он был умнее, сильнее и много современнее Суслова. Грустно было наблюдать, как более прогрессивное пасовало перед ортодоксальностью»¹.

Должность председателя КГБ предполагала наиболее частые контакты с первым лицом в партии: «Возглавив КГБ, Андропов стал одним из самых близких и нужных Брежневу работников. Почти ежедневно появлялся он в кабинете генсека с толстой папкой конфиденциальной информации по внутренним и внешним делам и, конечно, высказывал свои мнения и оценки»².

В январе 1969 года Андропов попал в весьма сложную ситуацию, напрямую связанную с Сусловым. Было совершено покушение на Брежнева. Стрелявший по правительственным машинам младший лейтенант Советской армии Виктор Ильин был арестован. Допрашивать его взялся сам Андропов. И тут случилось совершенно неожиданное. Говоря о мотивах своего поступка, Ильин заявил, что «хотел устранить Брежнева лишь с тем, чтобы открыть дорогу к власти Суслову»³. Ильина отправили сначала на психиатрическое освидетельствование, а позднее, признав душевнобольным, на принудительное лечение. Это дало повод Кеворкову в разговоре с одним из замов Андропова пошутить: «...если человек предпочитает Суслова Брежневу, то он явный псих»⁴. Тут же этот разговор дошел до ушей председателя, и Андропов раздраженно сделал Кеворкову замечание. Бояться Суслова входило на Лубянке в правила игры⁵.

Но забеспокоился и Суслов. Что может подумать Брежнев, когда Андропов доложит ему о признаниях Ильина? Это долго не отпускало Суслова. Надо было как-то отмежеваться. Через три года на заседании Политбюро 30 марта 1972 года, когда речь шла о диссидентах, Суслов высказался: «Есть у нас разные отщепенцы – и вроде Ильина, и др. И если мы не примем надлежащие меры по всем этим явлениям (причем не вообще меры, а эффективные и своевременные), то может быть нанесен серьезный ущерб нашему делу»⁶.

---

¹ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 167.

² Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 265.

³ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 192.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кремлевский самосуд. С. 211.

Андропов прочно сидел в своем кресле. Возможно, в ЦК ему и указали на явную недоработку и провал в охране, но не потребовали сделать организационных выводов. Ну или Андропов смог отстоять своих людей. Даже начальника 9-го управления КГБ, отвечавшего за охрану руководителей, не сняли с работы. При Сталине было бы целое дело. В 1942 году стреляли всего-то по машине Микояна, никто не пострадал от стрельбы, но Сталин тут же устроил грозную выволочку руководству НКВД, сняв с должности начальника отдела охраны¹.

Как вспоминал помощник Брежнева: «Влияние Андропова на Брежнева было велико, а кроме того, Леонид Ильич человечески ценил и даже любил Юрия Владимировича. Хотя никогда не был с ним запанибрата – для этого они были слишком разные»².

Сразу же после новогодних праздников 8 января 1976 года Андропов направил Брежневу в конфиденциальном порядке многостраничную записку. Это удивительный документ. Серьезные размышления Андропова о партии, о ее предназначении, об укреплении рядов и повышении боевитости и идейности. Ведь о чем писал Андропов – об организационно-партийной работе.

Андропов предваряет письмо осторожным и нарочито робким вступлением: «Дорогой Леонид Ильич! Настоящий документ, подготовленный мною лично, предназначается только для Вас. Если Вы найдете в нем что-либо полезное для дела, буду очень рад, если нет – то прошу считать, что такового в природе не было»³.

В конце письма Андропов расшаркивается, понимает, что не по чину ему, председателю КГБ влезать в епархию Суслова и Кириленко. Он пишет:

«Это письмо к Вам не ставит своей целью рассматривать все проблемы организационно-партийной работы. Здесь затронуты вопросы, которые, по-моему, в той или иной мере заслуживают внимания. К тому же эти соображения я не считаю готовым материалом. Но, может быть, некоторые мысли, изложенные здесь, могли бы послужить отправным пунктом для рассмотрения от-

---

¹ Петров Н.В. Иван Серов – председатель КГБ. С. 61–63.

² Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 266.

³ Коллекция документов Д.А. Волкогонова. Коробка 25. Л. 1. – URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/1976-01-08%20Andropov%20Letter%20to%20Brezhnev.pdf (дата обращения: 12 февраля 2023).

дельных проблем организационно-партийной работы! во время Вашей работы над Отчетным докладом съезду КПСС»¹.

Этот документ стоит рассматривать как заявку Андропова на возвращение в партийный аппарат. Но кем себя видел Андропов? Наряду с Сусловым, Кириленко и Кулаковым еще одним секретарем ЦК в ранге члена Политбюро. Да там и так секретарям тесновато. Вакансий нет. И все же Андропов напоминает Брежневу о своих мечтах и о способностях. Он надеется...

Брежнев письмо Андропова прочел, о чем свидетельствует его автограф на первом листе документа, сделал ряд подчеркиваний. Но и не более того. Была ли реакция, был ли глубокий разговор с автором новаторского документа? Неизвестно. Но выводы относительно амбиций Андропова Брежнев безусловно сделал.

В точности неизвестно, называл ли Брежнев накануне назначения Андропова в КГБ какой-либо конкретный срок. Может быть, уговаривая занять эту должность, говорил о нескольких годах, а там, дескать, найдем тебе достойную замену, и вернешься в ЦК. Кто знает. Хотя по свидетельству Кеворкова, срок обговаривался. В 1982 году Брежнев сделал Андропову долгожданное предложение о переходе на работу в ЦК: «Скоро уже пятнадцать лет, как я в госбезопасности, ответил ему Андропов, а ведь при назначении речь шла самое большее о трех-четырёх годах. Брежнев посетовал лишь, что так быстро течет время»².

И в КГБ тоже поначалу считали Андропова временным руководителем. Циркулировали слухи о том, что «он является фигурой переходной»³. Да и Андропов, по отзывам хорошо знавших его людей, не старался без остатка погрузиться в чекистскую стихию.

Как пишет Кеворков: «Свое назначение на пост главы госбезопасности он расценивал как временную карьерную неудачу, с которой оставалось не только смириться, но и попытаться обратить ее в успех, то есть использовать как трамплин для прыжка на "самый верх". Этим лишь и можно объяснить его подчеркнутое нежелание вникать в профессиональную сторону деятельности вверенного ему аппарата. Все эти вопросы он с удовольствием передоверял своим заместителям. Сам же продолжал жить

---

¹ Коллекция документов Д.А. Волкогонова. Коробка 25. Л. 18.

² Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 275.

³ Грушко В.Ф. Указ. соч. С. 182.

Брошюра Ю.В. Андропова
1976
[Архив автора]

Ю. В. АНДРОПОВ

**ЛЕНИНИЗМ—
НАУКА
И ИСКУССТВО
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ТВОРЧЕСТВА**

Доклад
на Германском
семинаре в Мюнхене,
по случаю
100-й годовщины
от дня рождения
В. И. ЛЕНИНА

Юрию Владимировичу
АНДРОПОВУ.

Спасибо за краткую и емкую речь!
И хорошо, что произнесли её — Вы
А то у нас уже (в наряде), среди
всехвостного раба Заветика,
моментами слабест духа

Зубков 25.4.76

Отклик Зубкова на доклад Ю.В. Андропова
25 апреля 1976
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 58. Л. 5]

жизнью политика, имеющего свою точку зрения по самым различным вопросам»¹.

Есть и другое, противоречащее предыдущему свидетельство:

«Хотя Андропов пришел в КГБ из ЦК партии, уже через пару лет упорной работы он овладел всеми особенностями профессии

¹ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 19.

Дорогие друзья мои

Воронежская обл. Уфим. Владычье
Андропов!

22 апреля 1976 года Вел. Новгородская
Радина. Поблизости Вел. Новгород
Ваша земля в 1065 году была
рождена Великим князем Владимиром
В. К. Великим. Я пишу Вам это
письмо от всей души и искренно, мне
заинтересовано абсолютно ничего, мне
важно и важно свой путь от рождения
ленина до Коммунистического строительства
В. К. Великим три раза ты мне рассказывал.
Мною и своей женой 2 французских ордена.
Был рабочим восточной Коммунистической
Теперь и сейчас работаю в армии.

За свой жизненный путь я
на работу на своем рабочем месте
В Коммунистической, как Коммунистический, научные
абсолютно справедливые, и конечно
лучше европейской науки родной страны
и Франции. Мне с женой
судом и конечно же за свою жизнь

Хотел бы еще
лучше но
е. конечно же
и не предвзятая
раз Вас
и в Москве
не считал

мне.
Кроме по французскому обществу Вас
Живите. Вас и Вашу историю
Кроме здоровья. Я не могу
жить, но зато очень люблю
родную. Если бы когда-то бы
В нашей Величине радина
Конечно же Вас не предвзятая.

Искренне Владимир Владимирович
Ленин и жена Катя /Корова/.

400061 г. Вологод
ул. Советская дом 28 кв 18
Караня Вадим Иванович

Письмо
В.Я. Караня
Ю.В. Андропову
о его докладе
4 мая 1976
[РГАНИ. Ф. 82.
Оп. 1. Д. 58.
Л. 6-6 об.]

Мин. Телеграф 34-66-91
05 April 1976 2000

и мог не только компетентно осуществлять общее руководство, но и разговаривать со специалистами на профессиональном языке. Его собственный политический престиж и репутация Комитета постепенно росли. Впервые со времен Сталина председателя КГБ СССР избрали в Политбюро»¹.

И все же одно не исключает другого. Можно освоить профессиональный язык и при этом не погружаться в подробное обсуждение всех текущих и мелких вопросов. Высокопоставленный сотрудник разведки Виктор Грушко признает, что Андропов, выслушивая доклады резидентов КГБ, часто сразу уходил в обсуждение общеполитических вопросов. Когда в конце 1970-х годов к Андропову на доклад прибыл резидент КГБ в Стокгольме, председатель КГБ тут же заявил: «Полагаю, что о политической и агентурно-оперативной обстановке ты доложил своему непосредственному начальству. Расскажи-ка мне лучше, что за страна Швеция. Я там никогда не бывал. Читал, что это государство с развитой экономикой. Некоторые утверждают даже, что Швеция является социалистической страной. Поэтому интересно было бы услышать о ее социальных достижениях»².

Как бы то ни было, но Брежнев не был готов в 1976 году отозвать Андропова из КГБ. Он ему там еще очень был нужен.

Но и оставить без внимания теоретизирование своего верного соратника Брежнев не мог. Андропову поручают сделать доклад на торжественном заседании в апреле 1976 года в очередную ленинскую годовщину. Раз у него так много мыслей о партии и ленинизме, то им следует дать выход и найти применение. Андропов к докладу готовился и выступил неплохо. Отклики на доклад были восторженные. Писали простые люди: «Я ни разу не слышал такого доклада... Я не кривлю душой, но по содержанию Вашего доклада нет ему равных»³.

Нет нужды гадать, кто же воспрепятствовал возвращению Андропова на работу в ЦК. Конечно, Суслов. Избрание Андропова членом Политбюро в апреле 1973 года – это тоже знак расположения Брежнева. Вообще-то в народе шутили о том, что у Андропова неподходящая фамилия для того, чтобы быть избранным в Политбюро. Со времен Хрущева фамилии членов Президиума ЦК, а затем Политбюро при их появлении на тех

¹ Грушко В.Ф. Указ. соч. С. 178.

² Там же. С. 180.

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 58. Л. 6–6 об.

*Л.И. Брежнев подписывает новое Стокгольмское воззвание.
Слева направо: А.П. Кириленко, Ю.В. Андропов, А.А. Громыко,
А.Н. Косыгин
15 июля 1976
[РИА Новости]*

или иных мероприятиях перечисляли строго по алфавиту. Например, даже первый секретарь ЦК Хрущев в списке не был первым. Первым шел Брежнев. Понятно, что с избранием Брежнева первым секретарем ничего не изменилось, кроме того, что исчез где-то из списка Хрущев. Ну а если в Политбюро появится кто-то с фамилий на «А», он что же – будет впереди Брежнева? Как же такое возможно, задавались вопросом в народе. Нет, никак невозможно.

Но нет ничего невозможного. На следующий же день после избрания Андропова членом Политбюро Генеральный директор ТАСС Леонид Замятин 28 апреля 1973 года обратился в ЦК КПСС с письмом. В связи с постановлением пленума ЦК КПСС от 27 апреля об избрании новых членов и кандидатов в члены Политбюро, писал Замятин, ТАСС просит согласия в официальных сообщениях для печати с присутствием членов Политбюро «придерживаться следующего порядка перечисления фамилий: товарищи Брежнев, Андропов, Гречко...» и т. д. Предложение

*Ю.В. Андропов в
рабочем кабинете
[Из открытых
источников]*

Замятина одобрили. На письме имеется подпись секретаря ЦК Кириленко¹. Вот так – проще простого.

И еще, Брежнев хитер и изобретателен. В декабре 1973 года Андропову присваивают первое воинское звание генерал-полковника. До сих пор он был сугубо штатским руководителем КГБ, как когда-то Шелепин. В 1976 году в надежде привязать Андропова к КГБ еще крепче Брежнев добивается решения о присвоении ему звания генерала армии. Унизительно лишь то, что тем же числом помечен и Указ Президиума Верховного Совета СССР об аналогичном звании для министра внутренних дел Николая Щелокова. Никого не обижает Леонид Ильич – всем поровну!

Андропов не часто, но все же появляется на людях в военной форме. Конечно, весь его облик никак не гармонирует с мунди-

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 77. Д. 243. Л. 58.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

**О присвоении
тов. Андропову Ю. В. воинского звания
генерала армии**

Президиум Верховного Совета СССР восстанавливает:
Присвоить тов. Андропову Юрию Владимировичу
очередное воинское звание генерала армии.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНИЙ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.
Москва, Кремль. 10 сентября 1976 г.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

**О присвоении
тов. Щелокову Н. А. воинского звания
генерала армии**

Президиум Верховного Совета СССР восстанавливает:
Присвоить тов. Щелокову Николаю Анисимовичу
очередное воинское звание генерала армии.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНИЙ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.
Москва, Кремль. 10 сентября 1976 г.

*Указы Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания
генерала армии Ю.В. Андропову и Н.А. Щелокову*

10 сентября 1976

[Известия. 1976. 11 сентября]

ром. Не армейский Андропов человек. По внешности глубоко штатский, и форма на нем не сидит как влитая. В 1975 году, когда Брежневу самому присвоили звание генерала-армии, вместо четырех звезд на погонах ввели одну большую, почти маршальского вида и, как у маршалов, звезду на шею, только без бриллиантов. Теперь генералы армии выглядели наравне с маршалами, ну или, точнее, как кандидаты в маршалы. Вид Андропова в почти маршальском мундире невольно вызывал ассоциации с запомнившимся всем обликом Берии. Об этом много злословили остроумцы.

Андропов ждал, но все сроки вышли. Приближалось десятилетие работы Андропова в должности председателя КГБ. Казалось бы, он всего достиг – избран членом Политбюро, к 60-летию получил звезду Героя социалистического труда, генерал армии, пользуется особым доверием Брежнева, обращающегося к нему по-свойски на «ты» – знак особого доверия. Чего же еще?

И в КГБ Андропов завоевал признание и уважение. Мемуаристы пишут о нем с пиететом и даже восторженно. Подчиненным нравился стиль работы Андропова. Например, Олег Калугин пишет: «...мне нередко приходилось присутствовать на заседаниях коллегий, обсуждавших различные вопросы, и всякий раз я с удовольствием наблюдал за тем, как работает председательствующий. В зал коллегии Андропов входил в точно назначенное время, как правило, в десять утра. Без разминки и общих слов

*М.А. Суслов, В.В. Гришин, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов,
М.В. Зимянин, К.У. Черненко
23 февраля 1978
[Из открытых источников]*

*Л.И. Брежнев и Н.А. Щелоков
1978
[Из открытых источников]*

*Ю.В. Андропов в мундире
генерала армии
1976
[ЦА ФСБ]*

сразу приступал к повестке дня. Вел заседание энергично, жестко, строго следя за регламентом, безжалостно прерывая докладчиков, если они отклонялись от темы или лили воду. Различные точки зрения выслушивал терпеливо и тут же высказывал свое мнение. В спорных случаях предлагал поглубже изучить вопрос и вновь вернуться к его рассмотрению в разумно установленные сроки»¹.

Свои мысли и выводы Андропов высказывал в конце заседания, «они отличались четкостью изложения, критическим анализом событий и фактов... практическими выводами и рекомендациями, нередко оформлявшимися впоследствии в виде приказов КГБ»².

Публичные неумеренные восхваления Брежнева стали нормой в 1970-е годы. И Андропов не отставал от других членов Политбюро. Но даже в узком кругу, в камерной обстановке, где все свои, он оставался почтительно подобострастным. «В 1980 году на торжественной юбилейной встрече при весьма ограниченном составе участников, при “своих”, Андропов предложил тост, в котором, в частности, сказал: “Это великое счастье, товари-

¹ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 245.

² Там же.

*В.М. Чебриков и Ю.В. Андропов
1970-е
[Из открытых источников]*

щи, что партию нашу и государство возглавляет Леонид Ильич Брежнев”¹.

Казалось бы, ну зачем? Но это только на первый взгляд выглядит абсурдно. А если среди присутствующих та самая брежневская троица – Цвигун, Цинев и Алидин. Они-то члены Коллегии КГБ доложат наверх непременно все, что услышат в стенах КГБ. Да, Андропов играл свою роль исправно и истово. Была ли у него возможность быть собой? На окружающих Андропов производил впечатление человека «застегнутого на все пуговицы». Свои политические амбиции тщательно скрывал.

Некоторые мемуаристы, греша против истины, изображают Андропова чуть ли не как скрытого критика неумеренных восхвалений Брежнева. Например, Бобков утверждает, что Андропов уклонился от участия в обсуждении мемуарных книг Бреж-

---

¹ Там же. С. 246.

нева, разумеется, не им написанных. Бобков свидетельствует: «Андропов не пошел на общекомитетскую конференцию по обязательному обсуждению этих произведений – не захотел принимать участия в явном лицедействе»¹. Ну конечно! А между тем Андропов 1 августа 1978 года выступил в 1-м Главном управлении КГБ на теоретической конференции по книгам Л.И. Брежнева «Малая земля» и «Возрождение»².

Андропов был «крайне осторожен и свое мнение по многим вопросам высказывал лишь в узком кругу, да и то не с полной откровенностью»³. Всю жизнь проведя в «аппарате» среди соглядатаев и доброхотов, он многое впитал, многому выучился. «Во всем его облике проглядывала суровость большевика, прошедшего выучку в сталинской аппаратной школе, сумевшего выжить в передрягах закулисных сражений...», приспособиться, «сохранив свою индивидуальность и одновременно приверженность старым представлениям о мире»⁴.

Николай Егорычев так характеризует Андропова и его взгляды: «Еще в первой половине 1960-х годов у меня сложились с Андроповым доверительные отношения. Он неординарно оценивал общественно-политическое развитие в нашей стране и в других странах, объявивших о том, что они пошли по пути социализма. Человек он был умный, думающий. Хрущев полностью ему доверял. Правда, его убеждения и его официальная позиция не совпадали, но он так себя вел, что в руководстве ЦК об этом не догадывались. Он умел глубоко прятать свои убеждения, хотя, по моему мнению, и не отказывался от них, надеясь на то, что придет время, когда он сможет себя проявить»⁵.

Что же получается – правы те авторы и мемуаристы, которые изображают Андропова «человеком с двойным дном»? А может быть все гораздо проще, и убеждения Андропова менялись со сменой партийного курса и преобладающих веяний? Как бы то ни было, в мемуарах соратников Андропова гораздо больше свидетельств «идейной стойкости» и «коммунистической убежденности», чем намеков на его двойственность.

---

¹ Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 211.

² Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. С. 230–235.

³ Медведев Р.А. Андропов. С. 15.

⁴ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 245.

⁵ Егорычев Н.Г. Указ. соч. С. 291.

Андропов понимал, что его мечты вернуться на работу в ЦК могут быть реализованы только в случае благорасположения Брежнева. Он много общался с руководителем кремлевской медицины Евгением Чазовым и всячески беспокоился о здоровье генсека. Беспокоился и кандидат в члены Политбюро Дмитрий Устинов, который еще только ожидал, когда его, наконец, введут в Политбюро. Он обратился к Чазову: «Евгений Иванович, обстановка становится сложной. Вы должны использовать все, что есть в медицине, чтобы поставить Леонида Ильича на ноги. Вам с Юрием Владимировичем надо продумать и всю тактику подготовки его к съезду партии. Я, в свою очередь, постараюсь на него воздействовать»¹.

Случись что с Брежневым, и расклад сил в Политбюро был бы не в пользу Андропова. У него было несколько сильных недоброжелателей. Как пишет Чазов, «Андропов, достигнув вершин власти, только что войдя в состав Политбюро, не хочет рисковать своим положением. С другой стороны, он представлял четко, что быть могущественным Андроповым, и даже вообще быть в Политбюро, он может только при руководстве Брежнева»².

Начиная с весны 1973 года, вспоминает Чазов, у Брежнева начали появляться периоды слабости функции центральной нервной системы, сопровождавшиеся бессонницей. Брежнев стал активно принимать успокаивающие и снотворные средства. Его окружение, желая помочь, щедро снабжало его таблетками. Каждый предлагал свой рецепт лечения. Чазов пишет, что роковую роль сыграла личная медсестра Брежнева³.

Личной медсестрой Брежнева с 1973 по 1975 год была Нина Коровякова⁴. Она пользовалась расположением генсека. В результате получила трехкомнатную квартиру в одном из домов ЦК КПСС, материальное благополучие и «быстрый взлет от капитана до генерала ее недалекого во всех отношениях мужа»⁵. Лечащий врач Брежнева передоверил Коровяковой лекарственную терапию, и она, «используя слабость Брежнева, особенно

---

¹ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 137.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 115.

⁴ Велигжанина А. Я не была любовницей Леонида Ильича // Комсомольская правда. 2003. 16 января.

⁵ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 116.

*Н.А. Коровякова и Л.И. Брежнев
[Из открытых источников]*

периоды апатии и бессонницы, когда он нуждался в лекарственных средствах, фактически отстранила врача от наблюдения за ним»¹. Чазов прямо пишет о «пагубном влиянии» Коровяковой на Брежнева, «ускоряющем его деградацию»².

Андропов и Чазов хорошо понимали, что нужно сделать: воздействовать на Брежнева, чтобы он вернулся к прежнему режиму, принимал успокаивающие средства только под контролем врачей и удалить Коровякову из его окружения. А это было не просто. Андропов уже пытался поговорить с Брежневым о Коровяковой, точнее, о ее муже – офицере-пограничнике, работавшем на Лубянке и хваставшемся в своем окружении об особых отношениях его жены с генсеком. Брежнев ответил Андропову: «Знаешь Юрий, это моя проблема, и я прошу больше ее никогда не затрагивать»³.

¹ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 116.

² Там же. С. 117.

³ Там же. С. 121.

В конце лета 1973 года Андропов откровенно обрисовал Чазову обстановку. Он не был готов информировать Политбюро о серьезных проблемах со здоровьем Брежнева, опасаясь, что это активизирует борьбу за власть, да и вообще будет понято не как забота о здоровье лидера, а как интрига. Андропов в этом разговоре перечислил всех, кто мог бы претендовать на власть: «Тот же Шелепин, хотя и перестал претендовать на роль лидера, но потенциально опасен. Кто еще? – размышлял Андропов. – Суслев вряд ли будет ввязываться в эту борьбу за власть. Во всех случаях он всегда будет поддерживать Брежнева. Во-первых, он уже стар, его устраивает Брежнев, тем более Брежнев со своими слабостями. Сегодня Суслев для Брежнева, который слабо разбирается в проблемах идеологии, непререкаемый авторитет в этой области, и ему даны большие полномочия. Брежнев очень боится Косыгина, признанного народом, талантливого организатора. Этого у него не отнимешь. Но он не борец за власть. Так что основная фигура – Подгорный. Это ограниченная личность, но с большими политическими амбициями. Такие люди опасны. У них отсутствует критическое отношение к своим возможностям. Кроме того, Подгорный пользуется поддержкой определенной части партийных руководителей, таких же по характеру и стилю, как он сам. Не исключено, что и Кириленко может включиться в эту борьбу. Так что, видите, претенденты есть. Вот почему для спокойствия страны и партии, для благополучия народа нам надо сейчас молчать и, более того, постараться скрывать недостатки Брежнева»¹.

Чазов, понимая, что кроме него больше некому серьезно поговорить с Брежневым, взял на себя эту нелегкую миссию. Брежнев как будто прислушался. Обещал соблюдать режим, выполнять все предписание и каждый день плавать в бассейне². Относительно бассейна – слово сдержал. Попросил только Чазова подобрать ему такие средства, чтобы не появлялась бессонница. А о Коровяковой заявил: «Ты зря нападаешь на Н[ину]. Она мне помогает и, как говорит, ничего лишнего не дает»³.

Постепенно состояние Брежнева выправилось, и в начале 1974 года он был в относительном порядке – «чувствовал себя удовлетворительно». Проводил встречи, выступал. Андропов

---

¹ Там же. С. 122.

² Там же. С. 124.

³ Там же.

*Члены Политбюро: А.П. Кириленко, А.Н. Косыгин, Л.И. Брежнев,
Ю.В. Андропов, М.А. Суслов, К.У. Черненко
1978*

[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 109. Л. 6]

приободрился и в июне 1974 года при личной встрече заявил Чазову: «Вы зря беспокоились о Брежневе. Все ваши страхи напрасны, он активно работает, заслуженно пользуется авторитетом. Никто не обсуждает проблем его здоровья. Будем надеяться, что все самое тяжелое уже позади»¹.

Оказалось не так. Через месяц, в июле 1974 года, накануне визита в Польшу, лечащий врач, посетив Брежнева на даче, застал его в астеническом состоянии. Все повторялось². «В самом конце 1974 года, – пишет Чазов, – Брежнев перестал обращать внимание на наши рекомендации, не стесняясь, под любым предлогом, стал принимать сильнодействующие успокаивающие средства, которыми его снабжала Н. и некоторые его друзья»³.

¹ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 124.

² Там же. С. 126.

³ Там же. С. 128.

Уже трудно было скрыть истинное состояние Брежнева. Перелом в его физическом состоянии и потерю работоспособности заметили все, кто с ним соприкасался: «Леонид Ильич с 1974 года стал сильно сдавать и уже не мог вникать во все вопросы»¹. Георгий Корниенко пишет: «С тех пор вести содержательную беседу он был не в состоянии, если не считать зачтение им вступительного слова по заранее заготовленному тексту. Не выручали его и делавшиеся на все случаи письменные заготовки»².

А сам Брежнев, потеряв способность к критическому восприятию своих поступков, перестал обращать внимание на реакцию окружающих. Он не только усаживал в Завидове в присутствии Подгорного и Полянского Нину Коровякову за стол, но и обсуждал при ней государственные проблемы³. Полянский даже пытался выразить робкое возмущение по этому поводу, но только разозлил Брежнева. Через полгода он выбыл из Политбюро. Тихо, без шума – его просто не избрали туда на пленуме после съезда в марте 1976 года. А еще через год, в мае 1977 года, и Подгорного неожиданно для него самого прямо на пленуме ЦК вывели из Политбюро на пенсию. Брежнев помнил обиды.

Вообще-то и до Коровяковой Брежнев мог посадить за товарищеский стол какую-нибудь приглянувшуюся ему красотку. Петр Шелест описал такую сценку, случившуюся в сентябре 1971 года (Брежнев пригласил его на утиную охоту в Завидово, вместе с ним были Подгорный, Гречко, Машеров, Полянский и Демичев): «После первого дня охоты, вечером, когда за столом изрядно выпили, Брежнев пригласил к столу какую-то девку – все время лизался с ней и буквально распустил слюни, а затем исчез с ней на всю ночь. На второй день охоты Брежнев взял к себе в лодку свою ночную спутницу. Подобные “эксперименты” он повторял каждый раз, на любой охоте»⁴. Вряд ли тогда Шелест высказывал Брежневу свое неодобрение, но, наверное, выдал себя взглядом или жестом. Шелеста в мае 1972 года сняли с поста первого секретаря ЦК КП Украины, в апреле 1973 года вывели из Политбюро и отправили на пенсию. В Киеве шути-

---

¹ Соломенцев М.С. Указ. соч. С. 444.

² Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., 1992. С. 40.

³ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 129–130.

⁴ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 497.

ли: «Знаете, зачем в городе деревья подрезали? – А чтоб не шелестели!»).

Пострадал, и пишут, что «не без участия» Коровяковой, многолетний помощник Брежнева Георгий Цуканов¹. Брежнев оставил его помощником, но отдалил от себя. Проявилось это просто и наглядно – стал «меньше вхож» и отселили подальше от кабинета шефа: «В результате какой-то интриги, где были задеты личные чувства Брежнева, он потерял свое место первого помощника. Его переместили из кабинета, что был напротив брежневского, на шестой этаж, где он получил комнатку, обставленную жалкой мебелью дотошными работниками Управления делами ЦК»².

Перед поездкой в Хельсинки Брежнев находился в состоянии мышечной астении и депрессии. Андропов переживал. Разработанный «план дезинформации общественного мнения в отношении здоровья Брежнева рушился»³. Но так или иначе, на совещании в Хельсинки с 30 июля по 1 августа 1975 года Брежнев как-то продержался. Конечно, рядом с ним были врачи, и Чазов прилагал все усилия для поддержания активности лидера.

Вернувшись в Москву, Брежнев тут же улетел в Крым к себе на дачу в Нижнюю Ореанду. Опять принимал успокаивающие средства и в результате «астения, депрессия, нарастающая мышечная слабость, доходящая до прострации»⁴. Врачи ничего не могли сделать. Андропов сам отправился в Крым, чтобы увидеть все своими глазами. Вернулся Андропов в удрученном состоянии и согласился с Чазовым, что следует проинформировать Политбюро. Но не официальной бумагой, а менее формально и не всех. Андропов вызвался сам поговорить лишь с Сусловым⁵.

Нарастало напряжение и в рядах Политбюро. Андропов поговорил о здоровье Брежнева с Сусловым, но тот был весьма недоволен, не желал включаться в дело и портить отношения с Брежневым. А вот Подгорный проявил большой интерес к здоровью Брежнева. Но Чазова расспрашивать не стал, а сам отправился в больницу, когда Брежнева туда положили после возвращения

---

¹ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 138.

² Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 299.

³ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 131.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же.

из Крыма. Несмотря на долгие препирательства и угрозы, Чазов не пустил Подгорного в палату¹. Но это было как раз именно то, что пугало Андропова. Ситуация выходила из-под контроля.

Теперь уже было, о чем серьезно тревожиться:

«“Что же делать? – не раз спрашивал Андропов, обращаясь больше к самому себе. – Подгорный может рваться к власти”. Политически наивный, не разбирающийся в иерархии руководства, во внутренних пружинах, управляющих Политбюро, я совершенно искренне, не задумываясь, заметил: “Юрий Владимирович, но почему обязательно Подгорный? Неужели не может быть другой руководитель – вот вы, например?” “Больше никогда и нигде об этом не говорите, еще подумают, что это исходит от меня, – ответил Андропов. – Есть Суслов, есть Подгорный, есть Косыгин, есть Кириленко. Нам надо думать об одном: как поднимать Брежнева. Остается одно – собрать весь материал с разговорами и мнениями о его болезни, недееспособности, возможной замене. При всей своей апатии лишаться поста лидера партии и государства он не захочет, и на этой политической амбиции надо сыграть”»².

И действительно, Брежнева вдруг проняло. Он приободрился, заговорил о предстоящем съезде, был готов выполнять условия Чазова и согласился уехать на время подготовки к съезду в Завидово и ограничить круг общения. Главное, что удалось Андропову и Чазову – они удалили из Завидово медсестру Коровякову. Публично, при многочисленной охране в присутствии Чазова, Брежневу устроили короткое прощание с медсестрой, не дав ей сказать ничего личного, не то Брежнев расчувствуется и все пойдет прахом. Но все прошло гладко. Как вспоминал лечащий врач Брежнева: «Расставание далось Брежневу тяжело. Страдал, тосковал, спрашивал про Нину. Потом как-то быстро состарился»³.

Андропов требовал от своих подчиненных с особым вниманием относиться к охране членов высшего руководства при их выездах на места. Тут понятно – все меры охраны. Внимание Андропова к этим вопросам было даже преувеличенным. Андропов, как это знали начальники территориальных орга-

---

¹ Там же. С. 132–133.

² Там же. С. 138.

³ Велигжанина А. Последней любовнице Брежнева поставят памятник // Комсомольская правда. 2014. 21 августа.

*Ю.В. Андропов
и М.С. Горбачев
1970-е
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1.
Д. 109]*

нов КГБ, считал, «что это более важно, чем разоблачение любого агента, потому что чревато несравненным ущербом для страны»¹.

Отдыхая на курортах Ставропольского края, Андропов обратил внимание на первого секретаря крайкома Михаила Горбачева и сдружился с ним. Он отмечал хорошие деловые качества молодого партийного работника, его таланты, характер и умение ладить с людьми. Когда летом 1978 года умер член Политбюро и секретарь ЦК Федор Кулаков, отвечавший за сельское хозяйство, на освободившуюся вакансию рассматривались несколько кандидатур, в их числе Горбачева. Брежнев как-то спокойно и без особых эмоций воспринял внезапную смерть Кулакова, лишь меланхолично заметил: «Жалко Федю, хороший был человек и специалист отменный. Кто его теперь заменит?»².

¹ Григорьев К.А. Охота на шпионов: спецоперации за границей. С. 113.

² Чазов Е.И. Рок. С. 45.

Рабочий день Андропова начинался рано – в будние дни приезжал на работу в 8:30–8:45 и уезжал после просмотра информационной программы «Время» в 21:30–21:45, а по субботам работал с 11–12 утра до 17 часов¹. Андропова в отличие от других членов Политбюро можно было застать на рабочем месте и по субботам. Это роднило его с Дмитрием Устиновым, да они и были хорошими друзьями, сблизившись когда еще оба были секретарями ЦК². Как пишет Чазов: «Лишь два человека – Устинов, в силу стереотипа, сложившегося со сталинских времен, когда он был министром, и Андропов, бежавший из дома в силу сложных семейных обстоятельств, в эти дни работали. Если Брежнев убежал на охоту в Завидово, то Андропов убежал на работу»³.

Интересно, о каких семейных обстоятельствах Андропова пишет Чазов? Вероятно, о болезни жены Татьяны Филипповны и ее пристрастии к сильным лекарствам. Об этом есть свидетельство кремлевского хирурга: «Она не раз лежала в неврологическом отделении и непрестанно требовала уколов... Она просто придумывала себе разные недомогания и требовала наркотиков. От успокоительных уколов отмахивалась. Видимо, она привыкла к наркотикам с молодых лет. Сейчас мне кажется, что виноваты врачи. Это они уступали ее настойчивым просьбам, подсознательно трепеща пред одним именем ее мужа»⁴.

Андропову не хотелось сидеть дома и наблюдать страдания жены. Спасением для него стала работа, она позволяла отвлечься. Его дети уже выросли. Сын Игорь служил на дипломатическом поприще, дослужился до Чрезвычайного и полномочного посла. Дочь Ирина работала в редакции музыкального журнала.

Из всех потомков Андропова самую заметную карьеру сделал сын Игорь. Он окончил в 1969 году МГИМО, работал в Институте США и Канады, где директором был многолетний коллега его отца Георгий Арбатов. Игорь защитил диссертацию, преподавал в Дипломатической академии, затем работал в Министерстве иностранных дел СССР. Участвовал в Мадридских переговорах по безопасности и сотрудничеству в Европе. В марте 1982 года ему присвоили дипломатический ранг Чрезвычайного и полно-

---

¹ Десять лет без выходных. С. 48.

² Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 20.

³ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 120.

⁴ Мошенцева П.Н. Тайны кремлевской больницы. М., 1998. Цит. по: Млечин Л. Юрий Андропов... С. 84.

мочного посланника 1-го класса¹. И довольно быстро – в декабре того же года ему присвоили ранг Чрезвычайного и полномочного посла. Возможно, причиной тому был приход к власти отца. Решения Политбюро визируются Генеральным секретарем ЦК КПСС, и Андропов повышение сына одобрил. Уже после смерти Андропова Игорь в мае 1984 года решением Политбюро был утвержден послом в Греции². Указ Президиума Верховного Совета СССР об этом назначении был выпущен 6 августа того же года³.

После окончания Мадридских переговоров Игорь Андропов был членом советской делегации на Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе. Решением Политбюро в сентябре 1984 года он в связи с назначением в Грецию был заменен в делегации Ю.Н. Рахманиновым⁴. В феврале 1985 года участвовал вместе с премьер-министром Тихоновым в переговорах с греческим премьер-министром в Москве⁵. В ноябре 1985 года решением Политбюро Игорь Андропов был освобожден от посольской должности в Греции и утвержден Послом по особым поручениям МИД СССР⁶. Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении от должности посла в Греции был принят 20 декабря 1985 года⁷. В августе 1986 года Игорь Андропов был утвержден главой советской делегации на подготовительной встрече в Вене⁸. До 1997 года Игорь Андропов находился на дипломатической службе. Умер относительно рано – в 64 года. О нем пишут, что он злоупотреблял спиртным⁹.

Игорь женился на Татьяне Квардаковой. Их дети (внуки Юрия Андропова) – Константин и Татьяна уже в постсоветское время обучались в США, да и жили какое-то время там же, продолжив традицию потомков Сталина и Хрущева. В 1987 году

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П50/35 от 5 марта 1982 г.

² Решение Политбюро ЦК КПСС П160/16 от 25 мая 1984 г.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 36. С. 707.

⁴ Решение Политбюро ЦК КПСС П175/4 от 7 сентября 1984 г.

⁵ Решение Политбюро ЦК КПСС П192/134 от 6 февраля 1985 г.

⁶ Решение Политбюро ЦК КПСС П225/XV от 29 ноября 1985 г.

⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 6. С. 109.

⁸ Решение Политбюро ЦК КПСС П26/5 от 29 августа 1986 г.

⁹ Беседа автора с венгерским историком Миклошем Куном 20 октября 2022 г.

*Дипломатический
паспорт И.Ю. Андропова
16 декабря 1988
[Из открытых
источников]*

Игорь Андронов женился на актрисе Людмиле Чурсиной, но через несколько лет они расстались, и он вернулся к первой жене Татьяне.

Дочь Андропова Ирина получила образование филолога. Работала в редакции журнала «Советская музыка». В апреле 1987 года решением Политбюро Андроповой И.Ю. «в виде исключения» установили персональную пенсию союзного значения в 250 рублей с правом пользования столовой лечебного питания¹. Что означает столь ранний выход на пенсию – непонятно.

С первой семьей Андронов почти не поддерживал контактов, хотя и писал Нине Енгальчевой письма. У нее их скопилось много, сложенных в папку. Но незадолго до смерти Нина все письма уничтожила, оставив лишь одно – то, где Андронов откликнулся на смерть няни². О том, что была женой Андропова, Нина Ивановна старалась скрывать.

Она продолжала жить в Ярославле, и ей не хотелось никакого шепотка за спиной и всяких пересудов. Она была тверда в

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П63/6 от 25 апреля 1987 г.

² Батуева Е. У генсека была своя Арина Родионовна. – URL: <http://yaroslavl.fsb.ru/smi/arina.html> (дата обращения: 20.11.2021).

Нина Енгальчева
1941
[РГАСПИ]

Нина Енгальчева
1954
[РГАСПИ]

своим гордом достоинстве. После того, как ее оставил Андропов, она вторично вышла замуж и продолжала работать в системе НКВД – МВД там же, в Ярославле. С 15 августа 1941 года занимала должность помощника оперуполномоченного отдела кадров УНКВД, затем ее повысили до оперуполномоченной и старшей оперуполномоченной 2-го отделения отдела кадров УНКВД. Звание младшего лейтенанта ей присвоили 11 февраля 1943 года при переходе на новую систему званий в НКВД, с 4 июля 1944 года она – лейтенант, с 4 сентября 1947-го – старший лейтенант. Работала по-прежнему в секретариате УМВД по Ярославской области. В июне – июле 1951 года была инспектором Управления пожарной охраны в УМВД, 20 июля 1951 года назначена на должность инспектора отделения кадров Отдела исправительно-трудовых колоний УМВД по Ярославской области. С этой должности в звании старшего лейтенанта 24 ноября 1954 года уволена в запас по сокращению штатов. За годы службы награждена за выслугу лет медалью «За боевые заслуги» 6 августа 1949 года и орденом Красной Звезды в 1954 году. Также награждена медалями «За победу над Германией в Великой

Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «30 лет Советской армии и флота». После увольнения из «органов» работала в «Ярэнерго».

Дочь Андропова Евгения «стала врачом и всю жизнь прожила в Ярославле. Отца она практически не видела. Один раз после войны, когда они оказались под Москвой, няня позвонила Юрию Владимировичу, и он приехал посмотреть на детей. Потом вторая жена отца, Татьяна Филипповна, как-то прислала ей письмо и пригласила девушку к себе. По словам Евгении Юрьевны, «отец тяготился встречами, спешил»¹. Ее старший сын Андрей после учебы в Ленинградском институте точной механики и оптики работал на авиационном заводе в Ульяновске, а с 1987 года – в управлении КГБ по Ульяновской области. С 1992-го служил в Ярославле, в запас ушел в звании подполковника. Пишут, что и второй сын Евгении, Петр, тоже служил в органах госбезопасности. Выходит, оба пошли по стопам деда.

«А вот судьба старшего сына Андропова, Владимира Юрьевича, названного в честь деда, сложилась неудачно. Он дважды сидел в тюрьме за кражи. Освободившись, Владимир Андропов уехал подальше от родных мест – в Тирасполь, работал механиком-наладчиком в конструкторском бюро швейной фабрики. Он женился, ему дали квартиру, в 1965 году на свет появилась Женья Андропова, внучка Юрия Владимировича. Нарушать закон Владимир Юрьевич перестал, зато начал пить. Слабохарактерный и слабовольный по натуре, Владимир Андропов постепенно спивался, нигде не работал. Юрий Владимирович присылал сыну деньги, но потребности в общении не испытывал. Старательно скрывал, что у него сын, сидевший в тюрьме. Таких родственников не было ни у кого из членов Политбюро. Вообще-то в кадры КГБ никогда не брали человека, если у него в семье есть осужденный. Владимир Андропов скончался 4 июня 1975 года, ему было всего тридцать пять лет. Умирал он тяжело. Говорят, что надеялся перед смертью увидеть отца. Юрий Владимирович не приехал ни в больницу, хотя было известно, что сын смертельно болен, ни на похороны. Не приехала и мать»².

Есть и другие свидетельства о жизненных перипетиях старшего сына Андропова.

---

¹ Млечин Л. Юрий Андропов... С. 31.

² Там же.

В Тирасполе 7 марта 1964 года Владимир женился. Его избранница – работница швейной фабрики Мария Ходакова вспоминает: «Вовчик красиво одевался, ногти чистил, что даже мы, девки, из-за тяжелой работы не всегда могли себе позволить. Недостаток единственный – любил выпить. А так, он красиво разговаривал, никогда не тыкал»¹. Молодоженам стараниями Юрия Андропова выделили двухкомнатную квартиру.

Андропов не упускал из внимания сына Владимира, устраивал его в лечебные заведения, помогал материально. За семьей Владимира в Тирасполе был закреплен работник КГБ Молдавии для присмотра и, если потребуется, помощи. Из Москвы посылки в Тирасполь для дочери Владимира часто присылала Татьяна Филипповна.

Владимир был тяжело болен. Как вспоминает его жена, «усугублял болезни выпивкой. Печень и почки почти не работали». Когда в 1975 году Владимир умер, на его похороны, действительно, ни отец Юрий Андропов, ни мать Нина Енгалычева не приехали. Жена Владимира вспоминала: «Маме Володи я сообщила, однако она тоже не нашла времени – разводилась со вторым мужем»².

Владимира похоронили в Бендерах, сделали скромное надгробие. Позднее Юрий Андропов перезахоронил сына в Москве³. Болезни сына Андропова, похоже, наследственные. Примерно все то же самое было и у самого Андропова.

ПРИЗНАКИ ГРЯДУЩЕГО ОБВАЛА

Ситуация, когда действовала принятая во времена Хрущева установка на постепенное сокращение штатной численности органов КГБ, с приходом Андропова окончательно ушла в прошлое. С 1967 года председатель КГБ регулярно ставил вопрос перед ЦК КПСС об увеличении штатной численности органов госбезопасности.

Регулярно принимались решения об организации все новых и новых городских и районных отделов КГБ и соответственно заметно росла численность сотрудников КГБ по стране. Так,

---

¹ Андропов тайно перезахоронил сына // Экспресс газета. 2016. 31 мая.

² Там же.

³ Там же.

10 октября 1972 года Андропов направил в ЦК КПСС записку № 2580-А, в которой ставил вопрос об увеличении штатной численности КГБ на 7500 человек (из них 4500 офицеров) для создания новых городских и районных отделов КГБ. Андропов ссылаясь при этом на просьбы ряда ЦК компартий союзных республик и крайкомов и обкомов об организации отделов КГБ в городах и районах и сообщал, что отделы КГБ имелись лишь в 1015 городах и районах (тогда как по стране общее число районов и городов – 4310)¹. Драматизируя картину, Андропов писал, что в условиях, когда «возросла активность» враждебных элементов и противник действует «единым фронтом», численность органов КГБ недостаточна: практически один аппарат КГБ из 3 офицеров обслуживает 3–4 и более районов и городов (нередко на расстоянии 50–150 км)². Кроме того, Андропов указывал на необходимость увеличения штата контрразведывательных органов, оперативно-технических подразделений, восстановления управлений КГБ в Минской, Алма-Атинской и Ташкентской областях и создании новых особых отделов в воинских соединениях и укрепрайонах. В целом Андропов просил о поэтапном увеличении штатной численности КГБ в 1972–1975 годах на 10 тысяч человек (из них 6654 офицера): в 1972 на 1000 и далее ежегодно на 3000 человек³.

Между тем Брежнев колебался и не спешил с принятием столь радикальных решений. Об этом свидетельствует приложенная к записке Андропова справка о том, что этот вопрос докладывался Брежневу трижды: в октябре 1972, апреле и мае 1973 года. Как отметил в справке Черненко: «Брежнев, ознакомившись с запиской, просил иметь ее у себя в отделе и доложить еще раз позднее. Тов. Андропову сообщено. К. Черненко 31.07.73 г.»⁴.

Андропов был вынужден подать новую записку № 3189-А от 25 декабря 1973 г., где умерил аппетит, и наконец, 8 января 1974 года решение Политбюро ЦК КПСС (П212/24) было принято. Правда, не в том объеме, на какой рассчитывал Андропов

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 454. Л. 43–48.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 42.

первоначально – штат КГБ разрешили увеличить лишь на 6 тысяч человек (из них 4700 офицеров)¹.

В последующие годы по запискам Андропова принимались решения Политбюро ЦК КПСС (П117/Х1Х) от 17 августа 1978 года об увеличении штата КГБ УССР на 1500 человек (из них 910 офицеров)²; П129/27-оп от 15 ноября 1978 года «Об укреплении КГБ» с увеличением штата КГБ на 3000 человек (из них 2273 офицера) в целях создания новых городских и районных отделов³.

Иногда просьбы об увеличении штатов республиканских КГБ исходили непосредственно от партийных руководителей. Так, первый секретарь ЦК КП Казахстана Кунаев 7 марта 1980 года обратился непосредственно к Брежневу с просьбой увеличить штат КГБ Казахстана на 1000 человек. Брежнев направил это письмо Андропову с резолюцией: «Уважаемый Юрий Владимирович! Направляю тебе письмо т. Кунаева Д.А. Думаю, что следует оказать им практическую помощь в решении этого вопроса. Прошу разобраться и внести конкретные согласованные предложения. Л. Брежнев 10.03.80 г.»⁴.

Андропов, не возражая по сути, тем не менее, в ответном письме Брежневу 15 апреля 1980 года указал: «...опыт показывает, что выделение штатов одной республике и области вызывает обоснованные ходатайства от остальных», в связи с этим следует создать в КГБ резерв численности, так как уже имеются ходатайства от местных органов КГБ, согласованные с партийными органами, об увеличении штатной численности на 9 тысяч человек⁵. В итоге было принято решение Политбюро ЦК КПСС (П192/46-оп) от 17 апреля 1980 года об общем увеличении штатной численности КГБ СССР на 2800 человек (из них 2240 офицеров), причем для Казахстана предназначались 800 человек (из них 645 офицеров)⁶.

В 1978 году Андропов добился повышения статуса КГБ. На сессии Верховного Совета СССР 5 июля по докладу Косыгина был принят Закон «О Совете министров СССР». Косыгин говорил о расширении прав министерств и ведомств, и в 26-й статье

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 454. Л. 79.

² Там же. Д. 468.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 469. Л. 37–42.

⁵ Там же. Л. 44–45.

⁶ Там же. Л. 42–43.

принятого закона в перечне союзно-республиканских комитетов КГБ был обозначен уже не «при Совете министров», как это было раньше, а значимо и гордо «КГБ СССР»¹. По сути это мало что меняло. В оперативной деятельности КГБ никогда не отчитывался перед Советом министров, а только перед ЦК КПСС, направляя именно партии свои годовые отчеты. Положение о КГБ, принятое еще в 1959 году, продолжало действовать, его никто не собирался менять. Но тем не менее у Андропова был повод гордиться – «поднял статус».

В КГБ к переименованию отнеслись со всей серьезностью, и 13 июля 1978 года был подписан приказ № 0370 «О переименовании КГБ при СМ СССР». В делопроизводстве новое наименование стали рассматривать как новую суть, даже в Центральном архиве КГБ организовали новый фонд 6 для комплектования документами с 1978 года, как будто речь шла о новой организации. Ранее комплектуемый документами КГБ при СМ СССР с 1954 года фонд 5 завершился 1978 годом.

Если рост общей численности сотрудников регулировался централизованно, то вопрос качества кадров был более серьезный.

В 1973 году Брежнев обратил внимание Андропова на то, что в КГБ слаба «рабочая прослойка». Как-то вразрез с марксистско-ленинскими установками кадровое комплектование КГБ шло все больше за счет детей номенклатуры, выходцев из интеллигентных семей, то есть из среды советских служащих. Андропов откликнулся немедленно и 5 февраля 1973 года направил Брежневу письмо: «В соответствии с Вашим поручением об увеличении отбора в органы госбезопасности рабочей молодежи КГБ намечает организовать в 1973 г. при Высшей школе подготовительное отделение с количеством слушателей 100 чел., с отрывом от производства»².

Отбор слушателей, сообщил Андропов, будет производиться подразделениями КГБ «по рекомендациям партийных и комсомольских органов», стипендия будет выплачиваться в размере 55 рублей в месяц, как и у слушателей 1-го курса Высшей школы, срок обучения составит 8 месяцев. Брежнев это предложение

---

¹ Девятая сессия Верховного Совета СССР (девятый созыв): Стенографический отчет. М., 1978. С. 20, 183–201.

² ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 20. Д. 63. Л. 90.

одобрил, о чем свидетельствует помета на документе: «Доклады-вал лично тов. Андропов Ю.В. Согласиться Брежнев. 6.02.73»¹.

В дальнейшем о проводимых КГБ мероприятиях по подбору кадров регулярно сообщалось в ЦК. В записке Андропова (№ 2423-А), направленной в ЦК КПСС 10 ноября 1977 года, говорилось: «...регулируется социальный состав нового пополнения чекистских кадров. Учебные заведения комплектуются преимущественно лицами из молодежи, получившей жизненную закалку в трудовых и военных коллективах». В 1977 году в Высшей школе КГБ в составе слушателей, зачисленных на контрразведывательные факультеты, было 79,5 % рабочих, причем 41 % среди зачисленных были коммунистами. Андропов также напоминал, что уже 4 года существует подготовительное отделение при ВШ КГБ, куда «зачисляются рабочие ведущих производственных коллективов Москвы, Ленинграда, Свердловска, Харькова, Горького и других городов (по 100 человек ежегодно) со стажем работы два года и более, отслужившие действительную военную службу». Для партийных и комсомольских работников существовали специальные «курсы подготовки руководящего состава разведки и контрразведки из числа секретарей райкомов и горкомов партии, председателей городских и районных исполкомов»².

Однако внутри самого КГБ распределение молодых сотрудников по различным направлениям работы во многом зависело от протекции и родственных связей, то есть по блату. Здесь почти не имели значения личные качества или «правильное» социальное происхождение. Самой престижной считалась работа, связанная с выездами за границу, а именно в разведке (1-е Главное управление КГБ), и здесь все вакансии были отданы на откуп детям советской номенклатуры. И как результат, отмечает в своих мемуарах бывший сотрудник КГБ, в советских представительствах за рубежом «не часто можно встретить людей “от сохи”, а уж в некоторых странах – США, Канаде, особенно в Швейцарии, к примеру, или Франции не сыщешь и днем с огнем»³.

А рабоче-крестьянское пополнение КГБ, о котором так заботился Брежнев, как раз попадало на наименее значимые или наиболее тяжелые участки работы, например, в 7-е управление (наружное наблюдение), работа в котором была связана с боль-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 20. Д. 63. Л. 90.

² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 462. Л. 52–54.

³ Григ Е. Указ. соч. С. 60.

шими физическими нагрузками. И хотя своеобразной преградой так называемой семейственности служил принцип недопущения работы близких родственников в одном учреждении, из этой ситуации был найден вполне оригинальный выход, получивший среди чекистов меткое и язвительное название «перекрестное опыление». Это когда «сыновья ушлых генералов КГБ шли на работу в МИД, а отпрыски высокопоставленных чиновников МИДа поступали на работу в ПГУ и ВГУ КГБ»¹. То есть в первый (ПГУ) и второй (ВГУ) главки – разведка и контрразведка соответственно.

При Андропове возросло материальное благополучие сотрудников КГБ. Они понимали, насколько обласканы партией и насколько серьезен их особый статус в обществе. 1979–1981 годы стали временем существенного повышения уровня зарплат в КГБ. Это вполне отвечало линии Андропова на повышение авторитета сотрудников и подъема престижа службы в его ведомстве. Уже в конце 1970-х годов зарплата работников КГБ была существенно увеличена. Помимо того, были увеличены и выплаты за воинские звания. Постановлением Совета министров СССР № 479-168 от 28 мая 1979 года был предусмотрен следующий размер ежемесячных выплат за размер и количество звезд на погонах (эти деньги прибавлялись к основной ставке ежемесячной зарплаты):

- младший лейтенант – 110 рублей;
- лейтенант – 120 рублей;
- старший лейтенант – 130 рублей;
- капитан – 140 рублей;
- майор – 150 рублей;
- подполковник – 160 рублей;
- полковник – 185 рублей;
- генерал-майор – 200 рублей;
- генерал-лейтенант – 220 рублей;
- генерал-полковник – 250 рублей.

От имени сотрудников КГБ Андропов подготовил прочувственное благодарственное письмо в ЦК КПСС, в котором сердечно благодарил «родную коммунистическую партию» и «лично

---

¹ Синицин И.Е. Андропов вблизи: Воспоминания о временах «оттепели» и «застоя». С. 382.

дорогого Леонида Ильича Брежнева» за проявленную заботу и внимание партии к нуждам чекистов¹.

Как и следовало ожидать, на этом внимание партии не иссякло. Вскоре новым постановлением Совета министров СССР № 601-198 от 14 июля 1980 года были установлены (вводились с 1 января 1981 года) следующие ежемесячные оклады для работников территориальных органов КГБ:

оперативный уполномоченный – 130–150 рублей;

старший оперативный уполномоченный – 150–170 рублей;

начальник отделения – 170–190 рублей;

начальник городского (районного) отдела КГБ – 200–220 рублей².

В итоге выпускник учебного заведения КГБ, зачисляемый на должность оперуполномоченного, получал 130 рублей плюс за звание лейтенанта еще 120 рублей, всего в месяц 250 рублей. При этом от уплаты любых налогов, как и все остальные военнослужащие в СССР, он был освобожден. О таких зарплатах выпускники гражданских вузов не могли и мечтать. Им в самом лучшем случае начисляли 130–150 рублей в месяц, из них еще и налоги вычитали: 12 % подоходного и 6 % за бездетность. На руках оставалось не так уж много.

Нет нужды говорить, как рос авторитет Андропова среди сотрудников КГБ – благодетель!

В период андроповского правления органы КГБ постоянно расширяли свою структуру, их штат рос как на дрожжах. Были предприняты серьезные усилия по поднятию престижа и улучшению имиджа КГБ, серьезно подпорченного во времена Хрущева. В средствах массовой информации была развернута настоящая пропагандистская кампания в пользу «рыцарей с чистыми руками и горячими сердцами». Не отставало и кино. Памятуя о ленинском определении кино важнейшим из искусств, Андропов, «обожавший шпионское кино», стал «генеральным продюсером фильмов о разведке»³.

Немаловажной проблемой являлся национальный состав кадров КГБ в республиках. Время от времени в Москву посту-

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 468. Л. 59–60.

² Таким образом, предыдущее постановление Совета министров СССР № 148-74 от 27 января 1977 года, регулировавшее размеры окладов сотрудникам КГБ, было частично изменено.

³ Известия. 2001. 3 февраля; 31 марта.

пали жалобы на «нарушение принципов интернационализма при подборе кадров». Так, в записке в ЦК КПСС № 2431-А от 16 сентября 1975 года Андропов был вынужден отвечать на подобную жалобу сотрудника КГБ при СМ Латвии В.И. Степанова. Андропов отверг все его обвинения и отметил, что за последние 8 лет число офицеров КГБ Латвии коренной национальности держалось на одном уровне – в пределах 39 %, хотя перед КГБ республики была поставлена задача об активизации работы по «выращиванию чекистских кадров коренной национальности»¹. В то же время в самом аппарате 5-го управления КГБ при СМ СССР (в основном во 2-м отделе) работали немногочисленные представители – выходцы из КГБ союзных республик.

По отношению к органам КГБ партийные руководители на местах (первые секретари ЦК компартий республик, крайкомов, обкомов) играли главенствующую роль. Но даже соблюдая иерархию, руководители местных КГБ порой были вынуждены по своей линии сообщать наверх о наиболее вопиющих безобразиях, происходящих в их регионе. Тем более что в ЦК КПСС могли узнать об этом и из «писем трудящихся», так что замалчивать те или иные события не имело смысла. Важно было то, как и в каком ключе эта информация будет подана. Здесь многое зависело от личных взаимоотношений партийного руководителя и начальника местного КГБ. Хотя и здесь вполне традиционным было недоверие партийцев к чекистам.

Для характеристики взаимоотношений партии и КГБ весьма показателен состоявшийся на заседании Политбюро ЦК КПСС 8 июня 1978 года обмен мнениями по этому вопросу. Оказалось, что критическая информация о положении на местах (чрезвычайные происшествия, «антиобщественные проявления», неправильное поведение некоторых работников и т. п.), поступавшая в ЦК по линии КГБ, вызывала недовольство и претензии местных партийных руководителей и руководителей центральных ведомств. На заседании Политбюро Брежнев сказал, что руководители отдельных ведомств, как ему сообщил Андропов, хотят «придержать» негативную информацию, и тут же грозно напомнил о том, что на XXV съезде КПСС он уже говорил о роли и месте органов КГБ: «их первейшая обязанность заключается в

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 461. Л. 33–42.

том, чтобы оперативно и объективно информировать ЦК КПСС», и «из этого надо исходить»¹.

Вообще-то на том съезде Брежнев произнес вполне дежурную фразу о КГБ: «Всю свою работу, которая протекает под руководством и неослабным контролем партии, органы госбезопасности ведут, исходя из интересов народа и государства, при поддержке широких масс трудящихся, на основе строгого соблюдения конституционных норм, социалистической законности»². Но как говорится, сказал одно, а подразумевал другое. Выступивший следом Андропов, хорошо понимая, о чем идет речь, продолжил брежневскую мысль: «Я имел в виду то обстоятельство, что некоторые местные органы не разрешают нашим органам на местах информировать ЦК КПСС о различного рода явлениях, которые там происходят, о происшествиях и т. д. Это, по-моему, неправильно. И очень хорошо сказал Леонид Ильич, что эта практика неправильная. Я думаю, что этого достаточно, чтобы нам всем сделать соответствующие выводы»³.

Казалось бы, обласканные, окруженные привилегиями, осыпанные наградами сотрудники КГБ должны были быть надежной опорой и защитой советских порядков. Но нет. В их рядах росли усталость и неверие в коммунистические идеалы. Они ведь не были слепыми и глухими и могли сопоставить то, что слышат, с тем, что видят. О настроениях в среде сотрудников вспоминал начальник информационно-аналитической службы 1-го главка КГБ Николай Леонов: «Родные, друзья, товарищи по работе почти все одинаково страдали от лжи, разъедающей общество, партию, от углублявшейся пропасти между словами и делами правящей партийно-государственной верхушки. Тяготение к критическому осмыслению реальности становилось всеобщим. Разговоры о наших внутренних бедах не были тайными и закулисными»⁴.

Болезни, поразившие советское общество, не могли обойти стороной и систему КГБ. И здесь падал уровень дисциплины, становилось все больше злоупотреблений, проявлений стяжательства и даже банальной уголовщины.

---

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 71. Л. 2.

² Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 5. С. 543.

³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 71. Л. 2.

⁴ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 168.

А в разведке и того хуже – росло число бежавших за границу и завербованных западными разведками.

Андропов прилагал усилия для защиты своего ведомства от проникновения чуждых влияний и разложения. Главное, нужно было правильно подбирать людей для работы в госбезопасности. Андропов верил в науку, полагался на ее силу. Было даже проведено заседание Коллегии и затем выпущен приказ КГБ № 0058 от 9 июня 1971 года, объявивший решение Коллегии КГБ при СМ СССР от 25 мая 1971 года «О мерах по улучшению использования психологии в оперативной работе и при подборе кадров».

Типичным было покрытие расходов из оперативных сумм на подарки и прием – выпивку и угощение разного рода проверяющих комиссий, да и просто гостей из центрального аппарата КГБ. Личных денег никто из местного начальства тратить не хотел, а «представительских расходов на эти цели не предусматривалось, на такие дела использовались средства из специального фонда, которые затем списывались якобы на оперативные цели»¹. Это была своего рода скрытая взятка. Ну или подарок, подношение, как угодно...

Во всем чувствовалась моральная усталость общества и потеря ориентиров. Люди разуверились во всем.

Бегство заграничников – чекистов, военных и дипломатов стало обыденностью. В 1978 году произошло очередное чрезвычайное происшествие. В США покинул свой пост и попросил убежища постоянный представитель СССР в ООН Аркадий Шевченко. Это был удар. Беглецов такого уровня в МИД еще не было. Шевченко был вхож в семью Громыко, но тот моментально от него открестился.

Как вспоминает Калугин:

«В тот поздний вечер, когда пришло известие об исчезновении Шевченко, я позвонил на квартиру первому заместителю министра иностранных дел Мальцеву и сообщил о произошедшем. Наутро завертелась телефонно-бумажная карусель. Громыко в беседе с Андроповым сказал, что, возможно, у него и был такой помощник, но он всех помнить не может. Председатель КГБ среагировал тем, что стал корить своих подчиненных за непроверенную информацию о якобы близких отношениях между Шевченко и Громыко. И только после того, как заместитель на-

---

¹ Кириченко А.А. Японская разведка против СССР. С. 189–190.

чальника Второго Главка Федор Щербак показал изъятые на квартире Шевченко семейные фотографии, на которых Шевченко и его жена поедали шашлыки на пикнике в загородной вилле Громыко, Андропов смущенно пробормотал: "Ах, Андрей Андреевич!"»¹.

«Будучи неотъемлемой частью советской действительности, КГБ отличался теми же пороками, что и советская бюрократия в целом. Многие офицеры разведки, засылаемые за границу, черпали свои отчеты из западных газет, выдавая их за секретную информацию, полученную от "источников". При этом агенты внешней разведки не были ни самыми опытными, ни самыми способными. В КГБ процветал почти неприкрытый nepотизм, лучшие должности получали те, у кого были хорошие связи. Вместо обученных агентов за рубеж отправлялись сыновья советских функционеров, отлично понимавшие все преимущества работы на Западе. В то же время агенты КГБ в Советской армии, призванные выявлять коррупцию в рядах старшего офицерского состава и генералитета, нередко сами были далеко не безгрешны в этом отношении»².

Коррупция – обобщающий термин, ставший сегодня всеобъемлющим. В советское время это явление имело массу составных частей. Протекционизм или кумовство – неотъемлемый элемент и составная часть коррупции. В то время, конечно, деньги играли свою важную роль. Взятки, стяжательство, но и не только они. Достигнуть руководящего положения – это и есть свалившиеся на тебя деньги и возможность безбедно жить. Все эти явления не обошли стороной и систему КГБ.

В статье-размышлении «Неизбежность перестройки», написанной в марте 1988 года, академик Сахаров, указывая на негативную роль КГБ в преследовании людей за их убеждения, пишет: «С другой стороны, именно КГБ оказался благодаря своей элитарности почти единственной силой, не затронутой коррупцией и потому противостоящей мафии»³.

Может быть, и не стоит спорить с определением «элитарность», но с тезисом об отсутствии коррупции в органах КГБ

---

¹ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 206.

² Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство: Очерки истории ФСБ. М., 2011. С. 18.

³ Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 244.

Е.Ф. Костров
[РГАСПИ]

нельзя согласиться. И доказательство тому – множество фактов из повседневности органов госбезопасности времен Андропова.

Смещение с должности начальника 2-го главка КГБ Григоренко 1 августа 1983 года оказалось не случайным. Хотя истинные причины этого события ускользнули от внимания широкой общественности. Игорь Синицин пишет о дошедших до него слухах. Оказывается, один из заместителей Григоренко пообещал своему знакомому ученому добиться для него разрешения выехать на постоянное жительство за рубеж. На кону – неплохая подмосковная дача, а условились просто. Снимут с ученого «осведомленность в государственных секретах», разрешат выезд – владение дачей перейдет к заместителю начальника 2-го главка. Казалось бы, чего проще, ведь именно в контрразведке решали вопросы, связанные с секретностью и ограничением выезда за рубеж. Своя рука – владыка. Но влияния заместителя начальника главка и даже самого начальника Григоренко не хватило. Ходатайствующий «отказнику» пошел жаловаться, написал письмо Андропову. Наказали и Григоренко, и его зама¹.

Синицин не называет фамилии, но все вполне очевидно. Решением Секретариата ЦК КПСС 6 июля 1983 года заместитель начальника 2-го главка КГБ генерал-майор Евгений Костров

---

¹ Синицин И.Е. Указ. соч. С. 373–374.

был снят с должности «за допущенные недостатки в работе и личном поведении» и уволен из «органов». Более того, 3 августа 1983 года партком КГБ исключил его из партии «за злоупотребление служебным положением в личных целях». Ну а двумя днями раньше его начальник Григоренко был смещен с должности и отправлен в действующий резерв. Пощадили.

А какие возможности были у сотрудников «пятерки», курирующих священнослужителей, и говорить не приходится. Вот где неучтенные доходы. Об этом много писали в конце 1980-х годов в «перестроечной прессе».

Но не только в контрразведке или в 5-м управлении были искушения для оперативного состава. Не отставала, а порой давала сто очков вперед и разведка. Тут возможности для бесконтрольной траты валюты были больше, да и деньги «тверже». Синицин отмечает: «Именно при Крючкове по советской внешней разведке прокатился девятый вал измен, побегов и случаев казнокрадства. Но поскольку Владимир Александрович принадлежал к числу самых ближайших сотрудников Андропова, никакое наказание его не постигло»¹.

Вот случай, наделавший много шума. В сейфе заместителя резидента КГБ в Вене, пока он был в отпуске, была обнаружена сумма денег, многократно превышавшая его заработок за несколько лет, а еще изделия из золота и платины. Наладили служебное расследование и выяснили: заместитель резидента скупал заграничные товары, одаривал в Москве начальство, тюки и коробки с дефицитом возил в Москву в товарном количестве. Разумеется, у него были высокие покровители. При разборе его дела в парткоме КГБ в октябре 1975 года он ни в чем не признался. И что? Всего лишь исключили из партии, а Андропов подписал приказ о его увольнении².

АФГАНИСТАН И ПОЛЬСКИЙ КРИЗИС

Как же случилось, что Андропов, который еще в марте 1979 года был против военной интервенции в Афганистан, в декабре «выступил в качестве одного из главных организаторов афганской авантюры»³. Пишут, что он поддался на уговоры «сво-

¹ Синицин И.Е. Указ. соч. С. 370.

² Там же. С. 372; см. также: Леонов Н.С. Указ. соч. С. 173–174.

³ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 247.

его друга маршала Д. Устинова»¹. Но все не так просто. Высказывания Андропова на заседаниях Политбюро демонстрируют гибкость его подхода.

На заседании Политбюро 17–18 марта 1979 года обсуждались события, связанные с восстанием в Герате, где на сторону мятежников перешла часть правительственных войск. Ситуация для правящей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) складывалась критическая. Ее руководители обратились к советскому руководству с просьбой прислать свои армейские части, иначе завоевания апрельской революции 1978 года будут утрачены. Лидер НДПА Тараки говорил Косыгину по телефону: «...если Герат падет, тогда революция не будет спасена». Устинов добавил: «Амин, когда я с ним говорил, тоже просил ввести войска в Герат и разбить противника», и еще: «Афганская революция встретила на своем пути большие трудности, говорит Амин в разговоре со мной, и спасение ее зависит только от Советского Союза». Выступавшие члены Политбюро делились тревогой. Устинов информировал о том, что за трое суток он может подготовить переброску войск в Афганистан. Косыгин заявил: «У нас всех единое мнение – Афганистан отдавать нельзя»². Заседание продолжилось и на следующий день, 18 марта, но настроение собравшихся поменялось, оценки стали более осторожные.

Андропов высказался на заседании вполне конкретно: «Я, товарищи, внимательно подумал над всем этим вопросом и пришел к такому выводу, что нам нужно очень и очень серьезно продумать вопрос о том, во имя чего мы будем вводить войска в Афганистан. Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать все вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике и т. п. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск»³.

Мнение Андропова поддержал Громыко: «Армия там ненадежная. Таким образом, наша армия, которая войдет в Афга-

---

¹ Там же.

² РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 1. Л. 9, 11, 13, 14.

³ Там же. Л. 16.

нистан, будет агрессором. Против кого она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего, и в него надо будет стрелять». Громыко все хорошо понимал. И то, что процесс разрядки международной напряженности и сокращения вооружений будет отброшен назад, и то, что тем самым Китаю «преподнесем хороший подарок», и, наконец, «все неприсоединившиеся страны будут против нас», и отпадет вопрос о предстоящей встрече Брежнева с Картером... В общем, нет числа бедам, и ничего не выиграем. И, главное, напомнил Громыко: «...нам надо иметь в виду, что и юридически нам не оправдать ввода войск. Согласно уставу ООН, страна может обратиться за помощью, и мы могли бы ввести войска в случае, если бы они подверглись агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался»¹.

Выступил Кириленко: «Вчера в Афганистане была другая обстановка, и мы склонялись к тому, что, может быть, нам пойти на то, чтобы ввести какое-то количество воинских частей. Сегодня обстановка другая, и разговор у нас вполне справедливо идет уже несколько в ином русле, а именно: все мы придерживаемся того, что вводить войска нет никаких оснований»². Продолжил Андропов: «Вчера, когда мы обсуждали этот вопрос, афганцы не говорили о вводе войск; сегодня положение там другое. В Герате уже не один полк перешел на сторону противника, а вся дивизия. Как мы видим из сегодняшнего разговора с Амином, народ не поддерживает правительство Тараки. Могут ли тут помочь им наши войска? В этом случае танки и бронемшины не могут выручить. Я думаю, что мы должны прямо сказать об этом т. Тараки, что мы поддерживаем все их акции, будем оказывать помощь, о которой сегодня и вчера договорились, и ни в коем случае не можем пойти на введение войск в Афганистан»³.

Кириленко возмущался по поводу пассивности в военных делах афганского руководства: «Мы ему дали все. А что из этого? Ничего не пошло на пользу. Это ведь они учинили расстрелы ни в чем не повинных людей и даже говорят нам в свое оправдание, что якобы мы при Ленине тоже расстреливали людей. Видите ли, какие марксисты нашлись»⁴. Кириленко предложил пригласить Тараки в Москву для разговора.

---

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 1. Л. 16–17.

² Там же. Л. 17.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 18.

На заседании 18 марта Брежнев не присутствовал, но его проинформировали о высказанных мнениях. И 19 марта на заседании Брежнев подвел итог: «Был поставлен вопрос о непосредственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне думается, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну»¹. Косыгин не высказывался категорично против ввода войск, но вновь подчеркивал возникшую опасность, упоминал просьбы Тараки о войсках и резюмировал: «Конечно, нам нужно сохранить Афганистан как союзное государство». Устинов упомянул о просьбе Амина направить советские танки и войска в Герат, на что Брежнев возразил: «У них распадается армия, а мы здесь должны будем за нее вести войну»².

Андропов упомянул об афганских руководителях, что «своих политических противников они расстреливают», и вновь подчеркнул: «Я думаю, что относительно ввода войск нам решения принимать не следует. Ввести свои войска – это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ. Мы будем выглядеть как агрессоры, и мы не можем допустить этого»³. Вставил реплику и Пономарев: «Тов. Тараки, Амин допустили серьезные ошибки в обращении с членами партии “Парчам”. Многих товарищей из этой партии просто расстреляли»⁴.

Это было очень важное трехдневное заседание Политбюро, на котором, казалось бы, четко определились с политической линией: оказывать помощь Афганистану всеми средствами (техникой, вооружениями, советниками), кроме непосредственного ввода войск.

Тараки прибыл в Москву и 20 марта 1979 года вел переговоры с Косыгиным, Громыко, Устиновым и Пономаревым. И в тот же день вечером был принят Брежневым. Хозяин Кремля предостерег Тараки от арестов армейских офицеров, что создавало неуверенность в командном составе⁵. А относительно ввода войск Брежнев четко выразился, что «этого делать не следует»,

---

¹ Там же. Л. 20.

² Там же. Л. 24.

³ Там же. Л. 25.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 462. Л. 10.

это лишь сыграет на руку врагам. Но, разумеется, пообещал экономическую помощь, оружие, советников¹.

В следующий раз Брежнев принял Тараки 10 сентября 1979 года. Беседа была теплой. Брежнев говорил о непростой обстановке, о сложном развитии афганской революции, вспомнил даже опыт Гражданской войны в России². Вновь затронул вопрос «необоснованных репрессий в отношении товарищей по партии»³. А потом Брежнев заговорил намеками. Позднее историки и мемуаристы сделают вывод, что генсек уже затеял интригу против Амина и подбивал Тараки от него как-то избавиться или, по крайней мере, поставить на место: «В условиях афганской революции понятны Ваша, товарищ Тараки, особая роль как Генерального секретаря ЦК НПДА и председателя Революционного совета Республики в руководстве деятельностью партии и государства. Ваш высокий авторитет и, я бы сказал, всеобъемлющие полномочия и ответственность. Вряд ли целесообразно, однако, чтобы кто-то еще, кроме Вас, занимал исключительное положение в руководстве страной, вооруженными силами, органами государственной безопасности. При определенных условиях это могло бы иметь нежелательные последствия». Тараки согласился: «правильно».

Тирада Брежнева была, похоже, реакцией на заметное возвышение Хафизуллы Амина в афганском руководстве. Он явно стал теснить Тараки, дышал ему в спину. Брежнев заговорил о консолидации партийных рядов и необходимости утверждения принципа коллективности в руководстве. То есть разбавить амбиции Амина силой противостоящего ему коллектива сторонников Тараки. У Брежнева это звучало традиционно: «...важно наладить дружную совместную работу всех членов Политбюро»⁴.

Брежнев понимал, насколько «тонок Востоку». В афганском руководстве, и об этом советские советники докладывали в Кремль, все время зреют коварные интриги, идут расправы. Со знанием дела об этом сообщали люди Андропова из Кабула. Более того, сотрудники КГБ укрыли и тайно вывезли из Афганистана в ящиках для технического оборудования четырех высоко-

---

¹ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 462. Л. 12–13.

² Там же. Л. 45.

³ Там же. Л. 48.

⁴ Там же. Л. 49.

КОПИЯ

75

Если Н.М.Тараки вновь поднимет вопрос о вводе в Афганистан советских войск, сказать следующее:

По этому вопросу, товарищ Тараки, мы с Вами уже имели возможность откровенно и подробно обменяться мнениями. Однако его неоднократно вновь поднимали перед нашими представителями, - особенно товарищ Амин.

Наша точка зрения Вам хорошо известна. Мы по-прежнему считаем, что подобная акция была бы только на руку нашим общим врагам и имела бы крайне отрицательные последствия как внутри вашей страны, так и в международном плане.

*Памятка Л.И. Брежневу к беседе с М.Н. Тараки
10 сентября 1979
[РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 462. Л. 75]*

поставленных сторонников Тараки, которым угрожала расправа со стороны Амина¹.

Тараки, кажется, понял намек Брежнева и признал: «Вы правы, что сейчас у нас в Афганистане много власти сосредоточено в руках определенных лиц». И чуть позже по ходу беседы, как будто постепенно усваивая брежневские намеки, добавил: «Вы говорили о том, что кто-то может использовать те полномочия, которыми я наделен как Генеральный секретарь ЦК НДПА и Председатель Революционного совета. Это очень серьезное дело.

¹ Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 195.

Я теперь буду внимательно смотреть, что творится у меня за спиной»¹.

Коснулся Тараки так волновавшей Брежнева темы репрессий и признал: «Они имели место, и последствия этих репрессий я особенно ощутил в последнее время. Сейчас я очень внимательно смотрю, кто и по какой причине становится объектом таких репрессий. Конечно, есть основания полагать, что не все мне становится известным. Но мы приняли специальное постановление, которое направлено на то, чтобы прекратить компроматацию партийных деятелей без достаточных на то оснований»².

Расстались Тараки и Брежнев к общему удовольствию тепло и душевно. Не было края благодарности Тараки за советскую военную и экономическую помощь. Только одних советских военных советников в армии Афганистана насчитывалось полторы тысячи, и Брежнев не уставал напоминать: «Советский народ оказывает эту помощь, исходя из чувства революционной солидарности с братским афганским народом, идя при этом на ущемление своих собственных нужд»³.

Брежнев был готов к очередной просьбе Тараки о вводе в Афганистан советских войск, и на этот случай у него был заготовлен напечатанный крупными буквами для удобства чтения ответ. Как и ранее, в марте, отрицательный и с той же аргументацией.

Тараки возвращался в Афганистан со смутным чувством. Он почти три недели с конца августа провел в поездках. Что там ждет его в Кабуле? И эти намеки Брежнева. И мысли самого Тараки – кто там у него за спиной, может быть, он слишком наивен в отношении Амина? Не случайно Брежнев все время возвращался к этой теме. Вот и в конце беседы опять спросил: «...считаете ли Вы, что в Политбюро вашей партии существует полное единство?». Тараки тогда благодушно ответил: «Такое единство, по моему мнению, существует. До революции между отдельными членами Политбюро были плохие отношения, имела место личная неприязнь. Однако сейчас, когда партия находится у власти, эти элементы изжить»⁴.

Наивность или хитрость? Так знал или не знал Тараки, что его ждет по возвращении в Кабул? Вполне возможно, он уже ут-

---

¹ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 462. Л. 54, 57.

² Там же. Л. 57.

³ Там же. Л. 51, 57.

⁴ Там же. Л. 59.

X168/13 20. IX. 79

Сообщение тов. Брежнева Л.И.

78

В последнюю неделю нам пришлось уделить немало внимания событиям в Афганистане, которые, надо прямо сказать, развивались довольно драматично, хотя и не были для нас неожиданными.

Как вы знаете, уже в течение некоторого времени в партийном и государственном руководстве Афганистана имели место трения и разногласия. Это не было каким-то результатом классовых противоречий - фактически речь идет о соперничестве, борьбе за личную власть между сторонниками Тараки и Амином.

После возвращения Тараки из поездки в Гавану и Москву положение в руководстве Афганистана еще более осложнилось. Амин резко активизировал свою деятельность, стремясь устранить Тараки и близких к нему деятелей, сконцентрировать в своих руках всю реальную власть, в том числе руководство армией. Несмотря на наши настоятельные призывы к обеим сторонам действовать согласованно, не обострять обстановки, ни с той, ни с другой стороны надлежащих мер по восстановлению единства не было принято.

Пользуясь нерешительностью Тараки, его неспособностью принять оперативные и быстрые решения, Амин в конечном счете отстранил его от руководства,

*Сообщение Л.И. Брежнева на заседании Политбюро ЦК КПСС
20 сентября 1979
[РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 462. Л. 78]*

вердился в мысли покончить с Амином и обдумывал детали. Пишут, что Андропов, провожая Тараки, сказал: «...когда вы прилетите в Кабул, Амина уже не будет...»¹. Но увы, Амин был на месте и встречал Тараки как ни в чем не бывало. Дальнейшие события разворачивались стремительно.

Советский посол взялся помирить Тараки и Амина и 14 сентября, находясь в резиденции у Тараки, пригласил туда же Амина. Тот откликнулся с неохотой, но отказать советскому послу не мог. Когда Амин прибыл, прямо у дверей покоев Тараки произошла перестрелка, погиб охранник. Амин объявил, что его хотели убить, и перешел к решительным действиям. В тот же день его люди разоружили охрану Тараки и отрезали его резиденцию от внешнего мира².

Через два дня, 16 сентября, Амин собрал заседание Революционного совета, затем пленум ЦК НДПА, и Тараки был отстранен от власти и помещен под домашний арест. Москва была поставлена перед свершившимся фактом. На заседании Политбюро 20 сентября 1979 года Брежнев выступил с сообщением. Он вынужден был смириться с фактом смены власти в Кабуле, хотя и отмечал: «Конечно, не все в методах и действиях Амина нам нравится, в частности, его чрезмерное властолюбие, жесткость в отношении своих вчерашних коллег, склонность к интригам, волюнтаризм в оценках. Однако, считаясь с реальным положением дел, нам теперь придется работать с новым руководством Афганистана. Сам Амин сделал ряд заявлений, из которых видно, что он продолжит курс на развитие революции, на упрочение сотрудничества с Советским Союзом. В его окружении немало честных людей, стоящих на позициях марксизма-ленинизма, настоящих революционеров, хорошо относящихся к Советскому Союзу и получивших у нас образование»³.

Брежнев поделился и своей тревогой: «В то же время наши представители настойчиво стараются повлиять на Амина, чтобы не допустить репрессий в отношении Тараки и его окружения и вообще по возможности предотвратить различные крайности со стороны Амина в период его утверждения у власти»⁴.

¹ Млечин Л. Юрий Андропов... С. 284.

² Правда об Афганистане. М., 1980. С. 97.

³ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 462. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 81.

Никакие усилия советников Кремля не помогли сохранить жизнь Тараки. По приказу Амина он был убит 8 октября 1979 года за полчаса до полуночи и тайно похоронен¹. Амин обещал Брежневу и Андропову, что сохранит жизнь Тараки и... обманул². Брежнев был вне себя. Чего же стоят его гарантии, что будут думать в других странах?! Получается, Кремль бессилен в защите своих друзей³.

Личная обида Брежнева многое значила и многое объясняла в дальнейших событиях⁴. В Кремле решили покончить с Амином. И Андропов в октябре 1979 года изменил свое мнение об использовании советских войск в Афганистане – на прямо противоположное.

Советское военное ведомство поддерживало и делало ставку на партийную группировку «Хальк» (ее лидерами были Тараки, затем Амин), в то время как КГБ поддерживал группировку «Парчам», возглавляемую Бабраком Кармалем⁵. Жестокая борьба этих группировок внутри Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) серьезно омрачила обстановку и спутала карты советским советникам. Кармаля его противники «халькисты» выдавили из страны, и он оказался послом Афганистана в Чехословакии. Отстраненные от власти «парчамисты» жаловались руководству КГБ, там, естественно, искали материал на их обидчика Амина. Вспомнив о том, что Хафизулла Амин когда-то обучался в США, о нем тут же стали распускать слухи, что он агент ЦРУ. Потом и сами в это поверили. Это был «удачный» слух, что называется, «в масть». Хотя, конечно, «никаких документов, подтверждающих эту версию, никогда представлено не было»⁶.

Многие сотрудники КГБ полагали, что большую роль в инициировании вторжения сыграл Владимир Крючков. Им вообще был непонятен выбор Андроповым его кандидатуры при назначении руководителем 1-го Главного управления КГБ. Негативное мнение о Крючкове не скрывал первый за-

---

¹ Правда об Афганистане. С. 97–98.

² Дроздов Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. М., 1999. С. 218.

³ Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 201–202.

⁴ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 205.

⁵ Там же. С. 266.

⁶ Дроздов Ю.И. Указ. соч. С. 231.

РАССЕЧЕНО

2

Председательской коллегии от 14.12.1979
 Председатель: Сухоминин. Члены: Битенко, Виталий Б.,
 Гурьев, Устинов Д. Ф., Троцкий А. А., Сухоминин И. И.,
 Толмачев С. П.

ОБЩАЯ НАПРАВЛ
 КХ ЮНЕС

К положению в "А"
 В соответствии с поручением и распоряжением
 Председателя ЦК КПСС от 10.12.1979 г. и
 распоряжением Д. Ф. Устинова от 12.12.1979 г.
 в этих мероприятиях необходимо обеспечить
 коррекцию каждого из них в соответствии
 характера.

Вопрос, требующие решения
 их, следовательно относятся
 в Политбюро

Осуществление всех этих мероприятий
 имеет отношение к м.м. Андропову,
 Ю. В., Устинову Д. Ф., Троцкому А. А.

- 2. Поручить Т.Т. Андропову Ю. В.
 Устинову Д. Ф., Троцкому А. А.
 организовать Политбюро ЦК
 о ходе выполнения, на основании
 мероприятий эти
 № 997-от 14.12.1979 секретарь ЦК ЛБР 1176/125 от 14.12.1979

Постановление Политбюро ЦК КПСС «К положению в "А"»
 12 декабря 1979
 [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 14. Д. 31. Л. 2]

меститель контрразведывательного главка КГБ Виталий Бо-
 яров. Он и многие его коллеги «не могли в то время понять,
 как человек такой безупречной совести, чести и ясного ума,
 как Андропов, мог назначить своим преемником чиновника,

который не перенял от своего шефа ни одного положительного качества»¹.

Крючков стоял у истоков взаимодействия КГБ с руководством спецслужб Афганистана. Он прибыл с визитом в Кабул 2 августа 1978 года и 5 августа подписал соглашение о сотрудничестве между КГБ и органами госбезопасности Афганистана². Незадолго до этого решением Политбюро ЦК КПСС и Совета министров СССР 30 июня 1978 года было организовано представительство КГБ в Кабуле с первоначальным штатом 19 человек³.

Крючков в ходе этого визита вел переговоры с Тараки и Амином и сделал свои выводы, но не в пользу Амина⁴. Он пишет: «Анализируя материалы наших переговоров, мы все сошлись во мнении, что личность Амина представляет собой реальную угрозу для судьбы афганской революции. К сожалению, не все в Москве разделили такие оценки, но последующие события полностью подтвердили правильность наших мрачных прогнозов»⁵.

Сотрудник разведки Лев Костромин вспоминал: «Осенью 1979 года я снова оказался в круговерти афганских событий. В начале ноября в кабинете начальника внешней разведки В.А. Крюčkова состоялось совещание в очень узком составе, присутствовал там и я. Всего было пять человек, но говорил один начальник ПГУ. Он кратко изложил суть принятого “инстанцией” решения касательно Афганистана и судьбы главы этого государства Х. Амина, пристально оглядел каждого из присутствовавших в кабинете сотрудников и сказал: Все абсолютно секретно, никто не должен знать о предстоящей операции. Если произойдет утечка, то она произойдет только от кого-то из вас. Прошу это учесть»⁶.

Принятое 12 декабря 1979 года решение Политбюро ЦК изложено настолько туманно, что даже и непонятно поначалу, о чем идет речь. Председательствовал на заседании Политбюро Брежнев, присутствовали члены Политбюро Суслов, Гришин,

---

¹ Кеворков В.Е. Генерал Бояров. С. 57.

² Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане. 1978–1989 гг. М., 2014. С. 5.

³ Там же.

⁴ Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 190–194.

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Костромин Л.П. Моя жизнь – разведка. М., 2011. С. 175.

К пункту 82 прот. № 176

РАССЕКРЕТНО

Сов. секретно

ЦК КПСС

ОСОБАЯ ПАЛКА

Председатель Революционного Совета, генеральный секретарь ЦК КПСС и премьер-министр ДРА Х.Амин в последнее время настойчиво ставят вопрос о необходимости направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции.

С учетом сложившейся обстановки и просьбы Х.Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей специальный отряд ГРУ Генерального штаба общей численности около 500 чел. в униформе, не раскрывающей его принадлежность к Вооруженным Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29.6.1979 г. № П156/IX.

В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолетами военно-транспортной авиации в первой декаде декабря с.г. Тов.УСТИНОВ Д.Ф. согласен.

Просим рассмотреть.

Д.Андропов

Н.Огарков

4 декабря 1979 г.
№ 312/2/0073

10 экз.

2477

*Записка Ю.В. Андропова и Н.В. Огаркова в ЦК КПСС
о направлении мотострелкового батальона в Кабул
4 декабря 1979
[РГАНИ. Ф. 79. Оп. 12. Д. 4. Л. 2]*

Кириленко, Пельше, Устинов, Черненко, Андропов, Громыко, Тихонов и кандидат в члены Политбюро Пономарев.

В тексте решения, озаглавленного «К положению в "А"», говорилось: «Одобрить соображения и мероприятия, изложенные т.г. Андроповым Ю.М., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А. Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить кор-

РАСКЛУЧЕНО

Подлежит возврату в течение 3-х дней
в ЦК КПСС (Общий отдел. 1-й сектор)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ПАПКА**

№ П176/82

Т.т.Брежневу, Андропову, Громыко, Суслову,
Устинову.

Выписка из протокола № 176 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 6 декабря 1979 года

О направлении спецотряда в Афганистан.

Согласиться с предложениями по этому вопросу, изложенными в записке КГБ СССР и Минобороны от 4 декабря 1979 г. № 312/2/0073 (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К СВЕДЕНИЮ
Текст, содержащий сведения о работе Политбюро ЦК КПСС, не имеет ни секретности, ни исключительности. Его можно использовать в печати, в том числе в средствах массовой информации. Текст, содержащий сведения о работе Политбюро ЦК КПСС, не имеет ни секретности, ни исключительности. Его можно использовать в печати, в том числе в средствах массовой информации.

10-чз
оа

2477

*Постановление Политбюро ЦК КПСС о направлении спецотряда
в Афганистан
6 декабря 1979
[РГАНИ. Ф. 79. Оп. 12. Д. 4. Л. 1]*

рективы непринципиального характера. Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на т.т. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.». Ну и, разумеется, поручить им же «информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий»¹. Под текстом решения подпись Брежнева.

Вот, что значит высшая тайна! Опять, как когда-то, 4 мая 1968 года, в решении Политбюро о Чехословакии, ничего не сказано внятно. Остается только догадываться. Судя по порядку фамилий, в смысле приоритета, на первом месте – устранение Амина, и отвечает за это председатель КГБ Андропов, затем, понятно, ввод войск – министр обороны Устинов, ну и внешнеполитическое обеспечение акции – министр иностранных дел Громыко.

На рукописном решении об Афганистане оставили свои подписи проголосовавшие «за» члены Политбюро: Андропов, Устинов, Громыко, Пельше, Суслов, Гришин, Кириленко, Черненко, Тихонов. Ниже добавились более поздние подписи: 25 декабря – Кунаев и 26 декабря – Романов и Щербицкий. Текст решения скреплен подписью секретаря ЦК Брежнева.

– Итак, подпись Андропова идет первой! И это тоже важный знак его лидерства в подготовке вопроса и в ответственности за ход всей акции.

Андропову помог сам Амин. Он настолько часто и столь настойчиво просил Кремль обеспечить его надежной войсковой охраной, что оставалось лишь милостиво уступить. И 6 декабря 1979 года было принято решение Политбюро о направлении в Кабул советского мотострелкового батальона из 600 человек для охраны резиденции Амина. Знал бы Амин, какого «троянского коня» запускает для охраны своего дворца.

В дневнике Брежнева 3 декабря идет запись «Обменялись с Андроповым по военным делам», а через неделю 10 декабря в понедельник: «Принял вместе Громыко, Устинова, Андропова» и запись далее: «Вечером в 6 часов – чл. и кандид. – о Афиностане»². Таинственный «Афиностан» в записи Брежнева, конечно же, Афганистан.

Картина более или менее вырисовывается: 3 февраля Андропов был у Брежнева, и, вероятнее всего, они обсуждали афган-

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 14. Д. 31. Л. 1.

² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 980, 981.

к № П176/125оп от 12/ХП-79г.

26 декабря 1979 г. (на даче – присутствовали т.т. Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Громыко А.А., Черненко К.У.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС № П176/125 от 12/ХП-79г. должны т.т.Устинов, Громыко и Андропов.

Тов.Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченный товарищами, на ближайшее время.

Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий. По вопросам, которые необходимо принимать решения, своевременно вносить в ЦК КПСС.

К.У. Черненко
27/ХП-79г.

Справка К.У. Черненко о совещании на даче Л.И. Брежнева
26 декабря 1979

[РГАНИ. Ф. 89. Оп. 14. Д. 32. Л. 1]

ские дела. Если заглянуть в журнал записей секретарей приемной Брежнева, то видно, что Андропов в декабре 1979 года довольно часто приходил к генсеку либо говорил с ним по телефону.

Самый важный день – 10 декабря отражен в записях секретарей. Брежнев прибыл в Кремль в 11:50 и говорил по телефону с Громыко, Андроповым и Устиновым. Вскоре они появились на пороге его кабинета. Разговор Брежнева с ними продолжался с 12:10 до 13:30, то есть 1 час 20 минут. Днем Брежнев работал с документами, в 18:00, как записано в журнале, началось совещание в кабинете у Брежнева, которое закончилось в 19:30. На этом полуторачасовом совещании присутствовали Андропов Ю.В., Громыко А.А., Черненко К.У., Устинов Д.Ф., Кириленко А.П., Сулов М.А., Гришин В.В., Пельше А.Я., Пономарев Б.Н., Соломенцев М.С., Кузнецов В.В.¹

Можно не сомневаться, что рукописный листок, озаглавленный «К положению в “А”», был подписан тогда же и через два дня оформлен как решение Политбюро ЦК П176/125. К подписям восьми членов Политбюро присоединился не присутствовавший тогда в кабинете Брежнева Тихонов. И лишь двумя неделями позже присоединились приехавшие в Москву Кунаев, Романов и Щербицкий. Единственный член Политбюро, чья подпись отсутствует, – Косыгин.

Решение настолько секретно, что его хранили в особом конверте, не подшивая к остальным документам.

Первоначальный план смещения Амина и его замены Кармалем базировался на идее дворцового переворота. Люди Андропова должны были отравить Амина и держать наготове тайно прибывшего на базу в Баграме Бабрака Кармаля с новым правительством.

В первых числах декабря 1979 года первый заместитель начальника 1-го Главного управления КГБ Вадим Кирпиченко и сотрудник этого же главка Лев Костромин вылетели в Афганистан. Совершенно секретный документ об их командировке был написан от руки и завизирован Андроповым². Костромин расположился на военном аэродроме в Баграме близ Кабула. О сути задания он пишет: «О планах Москвы провести спецоперацию по устранению от власти Х. Амина в Кабуле еще никто, за ис-

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 2. С. 960.

² Костромин Л.П. Указ. соч. С. 176.

ключением двух-трех человек, не знал. Тогда речь о вводе наших войск еще не шла»¹.

На аэродроме в Баграме дислоцировался батальон советских воздушно-десантных войск, обеспечивавший его безопасность. Через пару суток после прибытия Кирпиченко и Костромин началась стадия реализации операции. 7 декабря по прямому проводу Костромин получил указание в обстановке строгой конспирации встретить пассажирский борт Ту-134 с девятнадцатью пассажирами на борту. «Я знал, – пишет Костромин, – кто были пассажиры этого самолета – новое руководство Афганистана во главе с Бабраком Кармалем»². Всех их следовало спрятать на базе до поры до времени.

Команда приступить к делу поступила из Москвы 12 декабря. Прибывшие «члены нового руководства» были распределены по боевым группам советского спецназа, которые имели план захватить основные правительственные объекты в Кабуле. Внезапно Костромин получил из Москвы «отбой». Час «X» откладывался³. На следующий день из Москвы позвонил Крючков и дал распоряжение Костромину всю группу во главе с Кармалем на самолете отправить в Ташкент. Что было тут же исполнено⁴.

Первоначальное намерение устранить Амина малыми силами воплотить не удалось. КГБ разработал план покушения на него – и это было главным условием «дворцового переворота», который оказался неудачным. Пострадал лишь его племянник – Асадулла Амин, возглавлявший службу безопасности. Скорее всего, Амин так и не понял, кто стоял за покушением, и грешил на «недовольных партийцев из оппозиционных фракций», поэтому, вполне доверяя советской стороне, отправил Асадуллу на лечение в Москву⁵. Для Асадуллы все кончилось плохо. После переворота в Кабуле он на следующий же день был арестован в Москве и помещен в Лефортово. Его здоровье еще не восстановилось: с пожелтевшей от перенесенной болезни кожей, он выглядел жалким и потерянным. Андропов распорядился допросить его и выяснить все обстоятельства смерти Тараки. Асадулла, несмотря на молодость, «оказался твердым орешком», он не стал

---

¹ Там же. С. 177.

² Там же. С. 179.

³ Там же. С. 183–184.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Дроздов Ю.И. Указ. соч. С. 219.

42

КОПИЯ

РАССМОТРЕНО

17-5

Секретариат

Мещ. Д

19.12.79. № 2515-А

Приказ № 10
от 03.08.92г.

Ц К КП С С

О задержании А.Амина, Вазира
Зирака и Зафара Сидра

В соответствии с личной просьбой президента Демократической республики Афганистан Кармала Бадрана, 28 декабря 1979 года нами помещены в следственный изолятор КГБ для последующей передачи афганской стороне выходящие на излечение в СССР бывший руководитель контрразведки ДРА Асадулла Амин, 1951 года рождения (племянник Ходивуллы Амина), личный охранник бывшего президента – Вазир Зирак, 1954 года рождения, а также отставной врач Зафар Сидр, 1947 года рождения, сопровождавшие Асадулла Амина из Кабула в Москву.

Сосбщается в порядке информации.

Генеральный Секретарь

Ю. Андропов

*Письмо Ю.В. Андропова в ЦК КПСС о задержании Асадуллы
Амина*

29 декабря 1979

[РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 80. Л. 1]

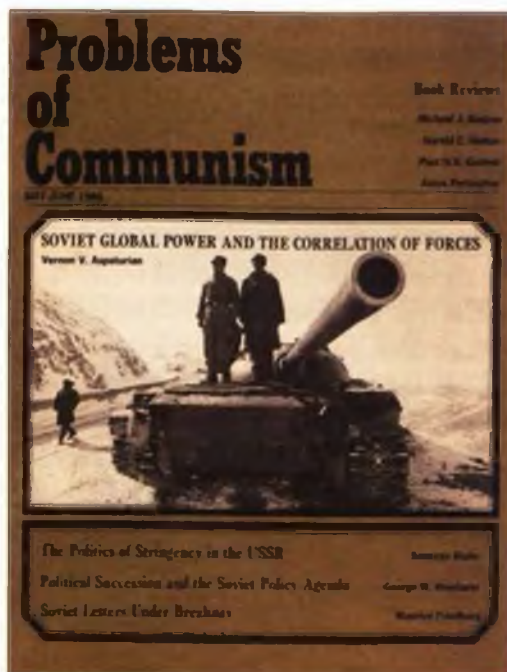
ничего рассказывать. Выслушав вопросы, «Асадулла сразу же замкнулся в себе, начал юлить, утверждать, что ничего не знает, клялся в верности СССР, ссылаясь на молодость и просил передать его личное письмо Л.И. Брежневу»¹. От него так ничего и не добились, выдали в Афганистан, где его и казнили в июне 1980 года.

Костромин оставался в Баграме и ждал дальнейших указаний Москвы. А там разработали новый план. Но теперь уже масштабный и всеобъемлющий. Начальник управления нелегальной разведки 1-го Главного управления КГБ Юрий

¹ Костромин Л.П. Указ. соч. С. 196–197.

Обложка журнала
Problems of Communism
Май – июнь 1980
[Архив автора]

Дроздов вылетел 19 декабря 1979 года в Кабул¹. Как вспоминал Костромин, 25 декабря в Баграм вновь тайно доставили его подопечных – правительство во главе с Кармалем. И тогда же появились генерал Юрий Дроздов со своим сотрудником подполковником Эвальдом Козловым и с ними «особо секретный груз»². Груз помещался в чемоданчике, с которого Козлов не спускал глаз. Похоже, основу предыдущего плана не меняли – физическое устранение Амина, а уж потом штурм и все остальное. Ранним утром 27 декабря Дроздов с Козловым отправились в Кабул, правда, так спешили, что забыли на базе свой «секретный груз». Козлову пришлось спешно вернуться за оставленным чемоданом³. Что было в чемодане, Костромин не знал, можно лишь предположить – те самые спецсредства для Амина.

Андропов изменил своим принципам, которые он декларировал в начале своей карьеры в КГБ: «Я не допущу, чтобы мое пре-

¹ Дроздов Ю.И. Указ. соч. С. 241.

² Костромин Л.П. Указ. соч. С. 188–189.

³ Там же. С. 189–190.

бывание здесь было связано с какими-то кровавыми делами...»¹. Устранение Амина было вероломной акцией, но Андропов уже ко многому привык. Служба и профессионализация обязывают.

Вечером 27 декабря Костромин получил указание отправить своих подопечных с базы, где они томились в ожидании, на бронетехнике в Кабул. Власть сменилась, в столицу прибыло новое правительство Афганистана².

Буквально за несколько дней до ввода войск в Афганистан, дабы не разрушать сложившихся доверительных отношений, Андропов решил по «тайному каналу» предупредить канцлера ФРГ о грядущем событии. Переданная информация ошеломила Эгона Бара – доверенное лицо канцлера. Побледнев, он произнес: «Вы все сошли с ума!.. Афганистан – это не Варшавский пакт, то, что вы делаете, – это чистой воды агрессия против слабого государства! Подумали вы, как будете выглядеть перед всем миром?!»³. В Кремле, конечно, подумали, но не учли главного: «Начинают войны всегда с уверенностью, что их удастся быстро закончить, но в этом и заключается самое большое заблуждение»⁴.

Решение и последующие события тяжело дали Андропову. Чазов пишет, что за все 17 лет знакомства он еще не видел Андропова в таком напряжении: «Мне кажется, что непосредственно перед вводом советских войск в Афганистан у него, в отличие от Устинова, появились периоды неуверенности и даже растерянности»⁵.

В 12 часов дня 25 декабря 1979 года в войска поступил приказ маршала Устинова начать силами 40-й армии переход границы и вход на территорию Афганистана в 15:00 по московскому времени⁶. Вторжение началось. Ранняя дата его начала, объясняется тем, что операция «Шторм-333» (штурм дворца Амина) первоначально планировалась на 25 декабря, но потом ее срок перенесли на 27 декабря⁷.

---

¹ Кеворков В.Е. Генерал Бояров. С. 52.

² Костромин Л.П. Указ. соч. С. 190.

³ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 269–270.

⁴ Там же. С. 271.

⁵ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 152.

⁶ Дроздов Ю.И. Указ. соч. С. 216–217.

⁷ Там же. С. 219.

Амин полностью доверял Брежневу. Начало ввода советских войск он приветствовал. Ведь это то, о чем он раньше долго и настойчиво просил. Он и днем 27 декабря ни о чем не подозревал, созвал в свой дворец членов Политбюро НДПА и министров с семьями и устроил роскошный прием. Амин говорил присутствующим: «Советские дивизии уже на пути сюда. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи»¹. Днем ожидалось и выступление Амина по афганскому телевидению. Но этому помешала акция КГБ и содержимое того самого чемоданчика, который так берег подполковник Эвальд Козлов: «Неожиданно во время обеда Генсек НДПА и многие его гости почувствовали себя плохо. Некоторые потеряли сознание. Полностью “отключился” и Х. Амин»². Вызвали начальника президентской гвардии, позвонили в военный госпиталь и в поликлинику советского посольства. Продукты и сок отправили на экспертизу, поваров-узбеков задержали³.

Советские врачи с большим трудом к шести вечера вернули Амина к жизни. Он оставался под капельницей. До начала штурма его дворца оставалось чуть более часа.

В среду и четверг, 26 и 27 декабря 1979 года, Брежнев находился на даче в Заречье⁴. На дачу 26 декабря к нему приехали Устинов, Громыко, Черненко и Андропов доложить о ходе выполнения ранее принятого решения от 12 декабря. Был представлен намеченный на 27 декабря план военного переворота в Кабуле и устранения Амина. Черненко в сухой протокольной записи зафиксировал: «Тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченный товарищами, на ближайшее время»⁵.

Начальник управления нелегальной разведки (управление «С» 1-го Главного управления) КГБ Юрий Дроздов 27 декабря незадолго до начала штурма дворца Амина говорил с Андроповым по телефону, получая напутствие. Андропов со значением сказал: «...“это не я тебя посылаю”, – перечислил мне всех чле-

---

¹ Там же. С. 223.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 963.

⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 14. Д. 32. Л. 1.

нов Политбюро, находившихся в переговорной комнате, что означало принятие продуманного коллективного (ответственного) решения»¹. Когда Борис Иванов в середине того же дня доложил Андропову о готовности штурма, Андропов попросил к телефону Дроздова и по-отечески спросил: «Ты сам пойдешь?», когда Дроздов ответил утвердительно, услышал: «Зря не рискуй, думай о своей безопасности и береги людей»².

Запланированный на 19:30 вечера 27 декабря штурм дворца начался. Незадолго до этого пришедший в себя Амин терялся в догадках о причинах массового отравления за обедом: «Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал? Случайность или диверсия?»³. Когда началась стрельба во дворце, Амин приказал адъютанту позвонить советским советникам и предупредить их о нападении. «Советские помогут», – говорил он. Словам адъютанта, что стреляют советские, Амин не поверил: «Врешь, не может быть!». Пытался сам звонить, но связи уже не было. Амин тихо проговорил: «Я об этом догадывался, все верно»⁴.

Свидетели описывают последние трагические минуты жизни Амина. Он шел по коридору в белых трусах и майке в отблесках огня, неся в руке поставленную ему капельницу. Советский врач увлек его в укрытие, вытащил иглы. Амин прислонился к стене, но тут послышался детский плач. Из большой комнаты шел, размазывая кулачком слезы, пятилетний сын Амина. Увидев отца, бросился к нему, обхватил за ноги, Амин прижал его голову к себе, и они вдвоем присели у стены⁵. Он был убит офицером спецгруппы КГБ⁶.

Был приказ не брать живым Амина. Убитых афганцев, в том числе и двух малолетних сыновей Амина, закопали в братской могиле неподалеку от дворца Тадж-Бек (с июля 1980 года в нем будет располагаться штаб 40-й армии). Труп Амина, завернутый в ковер, еще ночью был погребен там же, но отдельно от остальных. «Никакого надгробия ему поставлено не было. Оставшиеся

---

¹ Дроздов Ю.И. Указ. соч. С. 209–210.

² Там же. С. 223–224.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 230.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

в живых члены его семьи были посажены в тюрьму Пули-Чархи, сменив там семью Н.М. Тараки»¹.

В качестве трофея Андропову его подчиненные преподнесли винтовку Амина «Ремингтон» с комплектом снайперских прицелов². Ну хорошо хоть не голову Амина, как в случае с китайским лидером Линь Бяо, разбившимся на самолете на территории Монголии в сентябре 1971 года. Тогда Андропов снарядил в поездку заместителя начальника следственного отдела КГБ Загвоздина для расследования и опознания погибшего заместителя Мао Цзэдуна. В Москву для экспертизы были привезены головы Линь Бяо и его жены³.

Андропов держал постоянную связь с представительством КГБ в Кабуле. Звонил, отдавал распоряжения. Калугин стал свидетелем одного такого разговора в самых последних числах декабря 1979 года. Он в тот момент был на приеме в кабинете Андропова:

«В это время зазвонил телефон ВЧ. На проводе был Кабул. В трубке раздался голос Б. Иванова, докладывавшего обстановку в Афганистане после ввода туда советских войск. Андропов напрягся, вслушиваясь в булькающие звуки, потом прервал доклад и закричал в трубку: “Борис Семенович! Скажи Кармалю, чтобы он выступил по телевидению с обращением к народу. Прошло уже несколько дней, а он молчит. Надо же показать людям, изложить программу. Скажи ему, чтобы не тянул. Окажи необходимую помощь в подготовке”»⁴.

Кремлевские руководители, включая Андропова, не хотели признавать и годы спустя, с кем они воюют в Афганистане. Как отмечал Леонид Шебаршин, «пропагандистские ярлыки мешают осознавать действительность, ограничивают анализ привычными и удобными рамками», и лишь «немногие мужественные люди на нашей стороне осмеливались утверждать, что наша армия и кабульское руководство ведут войну не про-

---

¹ Там же. С. 235.

² Там же. С. 235–236.

³ Скосырев В. Голову маршала Линь Бяо генерал КГБ привез в Москву // Известия. 1994. 17 февраля.

⁴ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 244.

тив бандитов, а против афганцев-мусульман, против значительной части афганского народа»¹.

А ведь в марте 1979 года Андропов и Громыко на заседании Политбюро говорили правильные слова о недопустимости вести войну против народа, стрелять в народ. Наверное, быстро все забыли – мимолетный приступ благоразумия. Ничего, это у государственных и партийных деятелей быстро проходит.

Афганская война выявила все пороки военного ведомства: «сокрытие правды высшими чинами армейского руководства было распространенным явлением». Как любил шутить Хрущев: «Вдохновеннее, чем рыбаки и охотники, врут только военные»². Направляемые вверх данные о потерях моджахедов были совершенно фантастические, а численность противостоящих советской армии группировок не уменьшалась и держалась на уровне 120–150 тысяч человек. «Оказалось, что использовалась своеобразная система подсчета потерь противника, основанная на расходе собственных боеприпасов»³. Конечно, Андропов тоже получал по линии военной контрразведки данные о состоянии войск, их потерях и потерях противника. И открывалась картина, когда разница в цифрах потерь противника и по другим показателям у армейского командования и военной контрразведки была 10–12 раз⁴.

Интересно, открывал ли Андропов время от времени глаза министру обороны – своему «другу Диме». Даже если так, то это ничего не могло изменить. В войну влезли, причем плотно и надолго.

Афганистан нанес удар по здоровью Андропова. После поездки в Кабул Андропов тяжело заболел. Причину болезни так и не выяснили. Версии на этот счет сильно разнятся.

Решение Политбюро (П180/ХП) о поездке Андропова в Кабул для встречи с партийными руководителями Афганистана было принято 24 января 1980 года. Было зафиксировано: «считать целесообразной поездку», а ее конкретные сроки «согласовать дополнительно». И в тот же день руководитель представительства КГБ в Кабуле Леонид Богданов получил из Москвы от Владими-

---

¹ Шебаршин Л.В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М., 1992. С. 183.

² Леонов Н.С. Указ. соч. С. 264, 265.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 266.

ра Крючкова шифровку о предстоящем визите Андропова. Сроки указывались с 27 по 29 января. Богданову предписывалось обеспечить полную секретность пребывания Андропова и не оповещать заранее афганцев о его прибытии¹. Как пишет Богданов, Андропов вылетел из Москвы во второй половине дня 26 января в Ташкент, там заночевал и прилетел спецрейсом в Кабул 27 января около 11 утра и из аэропорта на бронированном «Мерседесе», ранее принадлежавшем Амину, отправился в город. На всех перекрестках были выставлены советские офицеры. Андропова в поездке сопровождал его помощник Лаптев и старший консультант Борис Иванов. Разумеется, в свите председателя КГБ был начальник его личной охраны и с ним с пяток охранников и, конечно, личный врач. Андропов разместился в квартире советского посла.

Встречи с афганскими руководителями Андропов проводил тут же – на территории посольства. Их привозили одного за другим. Вечером Андропов вышел на прогулку. Как вспоминал Богданов: «Была морозная, настоящая зимняя погода. Мы ходил по территории посольства, огороженной забором. Единственно проявляли осторожность, когда подходили к воротам, где были решетки. Слухи о том, что Андропова гримировали, изменяли внешность, о чем я слышал уже в Москве от некоторых военных, не соответствуют действительности. Никаких особых мер не предпринималось. Единственное, что могу сказать в этом смысле, – посольство он не покидал»².

На следующий день 28 января встречи Андропова с афганскими руководителями продолжились, вечером того же дня завершились. Андропов был готов вылететь из Кабула 29 января, прибыл с сопровождающими лицами в аэропорт, но погода была нелетной, и командир корабля доложил, что погодные условия не позволяют взлететь, к тому же самолет был занесен снегом, у него обледенели крылья. Андропов вернулся в Кабул в посольство и продолжил переговоры с афганцами. Вечер 29 января выдался относительно свободным, и Андропов провел его в беседах со своими спутниками. Пошли разговоры «за жизнь», и Андропов вспомнил то, что никак не мог забыть – давний перенесенный им страх: «Он рассказывал о “Ленинградском деле”».

---

¹ Богданов Л.П. Поездка Юрия Владимировича Андропова в Кабул // Спецназ России. 2011. № 7.

² Там же.

При этом сказал, что, когда он пришел в КГБ, ему самому было неудобно брать его из архива. Попросил помощника. По словам Ю.В. Андропова в деле имелись материалы и на него, но была резолюция выделить их в отдельное производство, т. е. по основному «Ленинградскому делу» он не проходил¹.

Разговор перекинулся на Сталина. Богданов вспомнил о статье в «Правде» к 100-летию Сталина, оценив ее как «слишком сухую». Андропов ответил: «Нет, она не сухая, а суровая, – а потом добавил, – знаешь что, вопрос этот сложный, все еще должно отстояться»².

Вечерние беседы Андропова не утомили. Мучился лишь заядлый курильщик Богданов, оказавшийся в одиночестве. Наконец, не выдержав, он спросил разрешения закурить. Андропов ответил, что сначала попьем чаю. А затем, видя терзания Богданова, смилостивился: «Ну кури ты, кури ты, сколько хочешь. У нас такой курыка в Политбюро, как ты, – Устинов». На вопрос Богданова, что он курит, Андропов ответил: «Да “Мальборо”». Богданов, которому Андропов только что пообещал произвести его в генералы, решился выкурить при председателе КГБ лишь одну сигарету³.

Андропов был в хорошем настроении, но тайну своей миссии хотел соблюсти. В тот же вечер во время прогулки Андропов наотрез отказался сделать снимок на память. Хотя Борис Иванов заранее озаботился о фотографе.

На следующий день, 30 января, взлетная полоса была расчищена, самолет приведен в порядок. Около 10 утра Андропов вылетел из Кабула. Вспоминая об этом визите Андропова, Богданов ни словом не обмолвился о какой-либо болезни своего шефа как результате поездки⁴.

Даты пребывания в Кабуле Андропова, как и описание последствий этой поездки, разнятся у того или иного мемуариста, обрастая всевозможными подробностями. И ведь это пишут высокопоставленные сотрудники, люди, посвященные в тайны КГБ. Вот, например, Леонид Шебаршин, относящий этот визит к 1982 году:

---

¹ Богданов Л.П. Поездка Юрия Владимировича Андропова в Кабул.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

*Ю.В. Андропов
вручает награду
Б.С. Иванову
[Из открытых
источников]*

«Для Юрия Владимировича короткий визит в Кабул имел неожиданные и неприятные последствия. Редкому посетителю афганской столицы удавалось покинуть ее хотя бы без желудочного заболевания. Андропову не повезло – он заболел оспой. Видимо, врачи не сразу поняли, с каким заболеванием они имеют дело. По рассказам, состояние больного быстро становилось безнадежным. Каким-то чудом жизнь Андропова была спасена, но предстояло ему прожить меньше двух лет»¹.

Ему вторит Виктор Алидин, который пишет: «Во второй половине 1981 года Андропов прибыл в Афганистан. Это была его вторая поездка туда. Он лично хотел разобраться с положением дел на месте. Но поездка оказалась неудачной. Юрий Владимирович тяжело заболел оспой и был срочно доставлен в Москву в Центральную клиническую больницу. В период нахождения в больнице доступа к нему не было. Еще плохо отдохнув после болезни, Юрий Владимирович вышел на работу. При встрече он рассказал мне о пребывании в Афганистане, своей тяжелой болезни, оказывается, он пять суток находился без сознания. А подхватил он там оспу, потому что пришлось часто обниматься и целоваться при встрече с местными руководителями»².

¹ Шебаршин Л.В. Указ. соч. С. 184.

² Алидин В.И. Указ. соч. С. 303.

Еще более драматично представляет свои впечатления бывший помощник Андропова Игорь Синицин, навестивший его весной 1980 года: «Он очень сильно похудел, и его темно-синий костюм, всегда такой элегантный, висел теперь на нем, как на вешалке. Лицо было нездорового желтого цвета, щеки ввалились. На голове осталось значительно меньше волос, чем было раньше, а на пергаментной коже, обтягивающей череп под ними, пошли большие старческие коричневые пятна. Голос его был тих и слаб». Каждое движение давалось ему с трудом, а протянутая для рукопожатия ладонь «была слабой, потной и горячей». Андропов рассказал Синицину, что его состояние резко ухудшилось после поездки в Афганистан:

«Со мной возили туда, как ты знаешь, и воду, и еду, и повар... – рассказывал он тихим голосом, словно и говорить ему было трудно. – Но не убереглись... Наверное, какой-то ядовитый аэрозоль впрыснули в атмосферу комнат, где я жил... Я упал без сознания и несколько дней находился в таком состоянии... Еще и теперь не пришел в себя окончательно...»¹

Фантастичность рассказа Синицина поражает. Аэрозоль, бессознательное состояние – да это же покушение! Интересно, как все это ускользнуло от внимания Чазова? Можно ли вообще слишком уж доверять свидетельствам мемуаристов?

Да и у Богданова, кажется, не все в порядке с точными датами пребывания Андропова в Кабуле. Если обратиться к дневниковым записям Брежнева, то выясняются некоторые противоречащие рассказу Богданова детали. Брежнев 28 января 1980 года записал: «Принял Андропова Ю.В. и Д.Ф. Устинова по вопросу поездки Андропова – в Афганистан»². Так и записал – «Афганистан». Предположение, что запись сделана после встречи накануне, отпадает. Подтверждение даты есть и в другом источнике. В записях секретарей приемной Брежнева, где фиксировались визитеры и телефонные звонки, отмечены визиты Андропова к Брежневу 28 января (с Устиновым) и на следующий день 29 января есть запись о беседе генсека в Ореховой комнате с Андроповым и Устиновым³. Как же так, ведь, если верить Богданову, Андропов в это время находился в Кабуле. Выходит, что нет! Вероятнее всего, аберрация памяти, и Богданов перепутал день

¹ Синицин И.Е. Указ. соч. С. 426–427.

² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 996–997.

³ Там же. Т. 2. С. 968.

отъезда с днем приезда. Доказательством тому служит решение Политбюро (П181/48) от 29 января 1980 года об утверждении указаний советскому послу в Кабуле в связи с предстоящим приездом Андропова 31 января.

О точной дате возвращения можно лишь предполагать. Брежнев принял Андропова вскоре после приезда из Кабула. Об этом есть запись в его дневнике за 5 февраля 1980 года: «Заслушал т. Андропова Ю.В. о делах Афганистана»¹. Да, вновь так и написал – «Афганистана». Эта дата подтверждается и записью секретарей приемной генсека, на следующий день Брежнев говорил с Андроповым по телефону². Итак, примерный интервал сроков поездки ясен. Неясно другое. Если Андропов, по словам мемуаристов, так занемог, как же он к Брежневу рискнул пойти?

Оспа – болезнь серьезная. И удивительно, как Андропов Брежнева не заразил – тот ведь тоже любил целоваться с соратниками.

А как же многочисленные мемуаристы, пишущие о серьезном заболевании Андропова после возвращения из Афганистана? И ведь никто из них Андропова в этой поездке не сопровождал, в Кабуле не присутствовал, так откуда же такие жуткие подробности – «обнимался и целовался». Алидин ссылается на услышанное от самого Андропова. Удивительная вещь, но Чазов в своих мемуарах ни слова не пишет об оспе либо какой-то другой болезни Андропова, полученной во время поездки. А ведь речь-то о здоровье его подопечного. Однако странно!

Насколько широко разошлась весть о болезни Андропова после возвращения из Афганистана, трудно сказать. Но люди, приближенные к КГБ, об этом прослышали. Николай Яковлев пишет: «До меня доходили слухи, что после поездки в Афганистан в 1980 г. Андропов тяжело заболел. О болезни строились самые различные предположения, генерал Бобков как-то проронил, что Юрий Владимирович плох»³.

Вскоре после беседы с Брежневым Андропов ушел в положенный ему зимний отпуск – с 8 февраля 1980 года⁴.

А потом вновь появился в записях у Брежнева. По довольно забавному поводу. 20 февраля 1980 года Брежнев записы-

---

¹ Там же. Т. 1. С. 998.

² Там же. Т. 2. С. 969.

³ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 303.

⁴ Решение Политбюро ЦК КПСС П182/66 от 6 февраля 1980 г.

вает: «Переговорил с Устиновым – рассказал какой был сон» и чуть ниже: «Переговорил с Андроповым – какой сон»¹. Записи секретарей приемной дополняют картину. Приехав на работу 20 февраля в 10:25, Брежнев говорил по телефону с Андроповым, потом принял в кабинете Громыко и Устинова, затем работал с документами к заседанию Политбюро. А ближе к вечеру в приемную звонил Андропов – Брежневу было доложено, но разговор не состоялся².

Интересно, о чем Брежнев рассказывал Андропову и Устинову, о том, как плохо спалось, или о том, что снилось? Афганистан – тут есть отчего потерять сон или видеть кошмары и вещие сны. Суеверен ли был Брежнев – это вопрос. А вот крепким ленинцам, вроде Андропова, это не должно быть свойственно. Но Брежнев выбрал Андропова и Устинова в качестве толкователей снов.

Вадим Кирпиченко вспоминал, как он сопровождал Андропова «28–29 декабря 1981 года в Венгрию, куда он совершил свой последний официальный визит в качестве председателя КГБ. Там состоялось подписание очередных рабочих документов о сотрудничестве, вручение государственных наград СССР сотрудникам венгерского МВД, встреча уже больного Андропова с одряхлевшим Кадаром»³.

«Последние два десятилетия, – пишет Кирпиченко об Андропове, – он совершенно не занимался спортом и был чужд какой-либо физической активности – даже гулять не любил, превратился в кабинетного затворника и, как говорится, не нюхал свежего воздуха». Однажды Кирпиченко в свежий зимний день появился на пороге у Андропова и спросил: «Юрий Владимирович, сегодня погода замечательная! Вы уже гуляли?». И услышал в ответ: «Какое там гулянье! Нос высунуть нельзя, ветер с ног валит!»⁴

В Кремле прекрасно понимали, насколько сильно война в Афганистане «отравила» международную обстановку и подорвала престиж СССР. 12 февраля 1980 года Брежнев записывает в дневнике содержание разговора с Кириленко: «...о Долгих в Японию на съезд стоит ли – там будет долбать в связи с

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 1000.

² Там же. Т. 2. С. 971.

³ Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 147.

⁴ Там же. С. 149.

Афганистаном»¹. Через два дня сомнения были отброшены, принято решение о направлении делегации КПСС на съезд Компартии Японии². Выходить из этой войны пришлось долго и мучительно. По опубликованным данным Министерства обороны, потери советских войск в Афганистане за все годы войны составили 14 751 погибших и пропавших без вести и 469 685 раненых и заболевших³.

Политическая и юридическая оценка афганской войны была дана 24 декабря 1989 года. В постановлении Второго Съезда народных депутатов СССР было признано, что решение о вводе советских войск в Афганистан «заслуживает морального и политического осуждения»⁴. Мотивация такой оценки базировалась на том, что решение о вводе войск принято не Верховным Советом СССР, как того требовала Конституция, а «узким кругом лиц», были названы персонально Брежнев, Устинов, Андропов и Громыко⁵. И как итог: «Применение силовых методов нанесло урон авторитету советской политики среди значительной части международной общественности. Этой акцией мы противопоставили себя большинству мирового сообщества, нормам поведения, которые должны быть приняты и соблюдаться в международном общении. Многочисленные нарушения этих норм другими государствами, имевшие место и тогда, и, к сожалению, в последнее время, не могут служить поводом к оправданию подобных действий со стороны нашего государства»⁶.

* * *

В августе 1980 года в Польше начались массовые забастовки как реакция на повышение цен на мясо. Но это был лишь повод для того, чтобы долго зревшее недовольство масс выплеснулось наружу. Повсеместно стали создаваться забастовочные комитеты, появились требования свободы печати и свободы слова, расширения прав церкви. Забастовки вскоре охватили всю страну.

---

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 999.

² Там же. С. 1050.

³ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. С. 407.

⁴ Второй Съезд народных депутатов СССР: Стенографический отчет. М., 1990. Т. 4. С. 616.

⁵ Там же. С. 434.

⁶ Там же. С. 433.

*Лех Валенса
1980
[Обложка журнала
Newsweek]*

В Кремле довольно быстро отреагировали. На заседании Политбюро 25 августа 1980 года была сформирована «Польская комиссия» под председательством Сулова, в состав которой был включен Андропов. В решении говорилось: «Поручить комиссии внимательно следить за складывающейся в ПНР обстановкой и систематически информировать Политбюро о положении дел в ПНР и о возможных мерах с нашей стороны. Предложения по мере необходимости вносить в Политбюро ЦК КПСС»¹.

Тут выяснилось одно неудобное для Андропова обстоятельство. Его люди в представительстве КГБ в Варшаве давали информацию в более реалистичном и мрачном ключе, нежели советские дипломаты в Польше. Противоречие устранили простым способом. Собрали на совещание заинтересованных лиц, и после этого представитель КГБ в Польше Виталий Павлов стал готовить вместе с послом совместные докладные записки в Москву за двумя подписями².

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П210/II от 25 августа 1980 г.

² Павлов В.Г. Операция «Снег». М., 1996. С. 246.

Начальник информационно аналитической службы 1-го главка КГБ Николай Леонов в полной мере оценил опасность складывавшейся в Польше ситуации: «Число бастовавших достигало 600 тыс. Во главе движения на Побережье встал 36-летний электрик с Гданьской судовой верфи Лех Валенса. Его отец находился в США и часто появлялся в свите Р. Рейгана, который вел президентскую кампанию. Было известно, что Валенса имел только начальное образование, но волевых качеств ему не занимать. Это прирожденный лидер. Около него сразу же сформировалась группа консультантов и целое правительство из восьми адвокатов, социологов, историков, которые и формулировали основные политические требования»¹.

Смещение 6 сентября 1980 года с должности первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Эдварда Герека и замена его Станиславом Каней несколько разрядили обстановку – забастовки пошли на убыль, но, как отмечали аналитики советской разведки, это было лишь разрешение кризиса власти, тогда как правящая партия потеряла опору в массах. И вывод следовал однозначный: стабилизации не будет, потому что «оппозиция победила, она завоевала главное – народ. А власть сама упадет ей когда-нибудь в руки»².

Осенью 1980 года Андропов собрал узкое совещание для разговора о Польше. Докладывал обстановку начальник информационно аналитической службы 1-го главка КГБ Николай Леонов: «Партия и правительство в Польше утрачивают контроль над обстановкой. При сохранении нынешних тенденций развития внутриполитической ситуации взрыв неминуем, причем он может произойти в самом ближайшем будущем, измеряемом несколькими месяцами». Выслушав его сообщение, Андропов посмотрел отрешенно в окно и спросил: «Как вы думаете, на чем сейчас держится власть в Польше?» и услышал в ответ: «Практически на трех опорах: партийных функционерах, Министерстве внутренних дел и армии. Социальная база истончена до крайности». Андропов поинтересовался, численностью советских войск в Польше. Получил ответ: в районе Легнице две дивизии и воздушная армия общей численностью от 40 тысяч до 60 тысяч человек и в Свиноустье бригада морских катеров с морской

---

¹ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 210.

² Там же. С. 210–211.

пехотой. И все эти силы имеют задачу охранять коммуникации, связывающие СССР с Группой советских войск в Германии¹.

Андропов вновь ненадолго задумался и задал вопрос: «Поляки бунтуют, потому что у них мясо подорожало и его стало меньше, потому что выплачивать долги надо только за счет увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции. Но вы говорите, что поляки и сейчас потребляют в год по 70 кг мяса на душу населения? Почему же не бунтуют тогда наши люди, которые едят вдвое меньше?». Ответ, что «наши люди не в пример терпеливее», не устроил Андропова, но и не вызвал гневной реакции. Он все понимал и подвел неожиданный итог совещанию: «Надо подумать над тем, как стабилизировать обстановку в Польше на длительный период, но исходить из того, что лимит наших интервенций за границей исчерпан»².

29 октября 1980 года на заседании Политбюро обсуждались материалы, подготовленные к визиту в СССР нового польского руководителя Кани. Брежнев нагнетал обстановку: «В Польше действительно сейчас идет полный разгул контрреволюции, а в выступлениях польской печати и польских товарищей ничего не говорится об этом, не говорится о врагах народа. А ведь это же враги народа, прямые пособники контрреволюции и сами контрреволюционеры выступают против народа. Как же это так?»³. Члены Политбюро заговорили о необходимости введения чрезвычайного положения в Польше для «спасения революционных завоеваний». Родилась мысль и о создании «отрядов обороны» на казарменном положении – ее высказали Андропов, Суслов и Устинов, а Кириленко додумался до совсем уж безумного: «Может быть, следует военных переодеть и пустить в рабочую массу»⁴.

По линии КГБ Андропов развернул активность по сбору информации в Польше. В сердце забастовочного движения – в Гданьск он решил направить человека из разведки. Решением Секретариата ЦК 15 января 1981 года было дано разрешение на открытие корпункта АПН в Гданьске с условием, что должность заместителя заведующего корпунктом будет предназначена для сотрудника 1-го Главного управления КГБ. На корпункт воз-

---

¹ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 212.

² Там же.

³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 34. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3–5.

лагались следующие задачи: «продвижение материалов АПН в местные органы массовой информации и радио и сотрудничество с ними; распространение в регионе бюллетеней для воеводской и заводской прессы, а также информационно-пропагандистской литературы АПН; издание рукописей АПН на местной базе, подготовка корреспонденций для последующего использования их в советской и зарубежной прессе; аналитическая работа»¹.

Если вдуматься, то удивляет традиционная вера Андропова в действенность советского печатного слова и приверженность к избитым схемам. Никого уже в Польше невозможно было агитировать за социалистическую власть. В качестве инструмента воздействия на настроение поляков в городе – оплоте «Солидарности» это была абсолютно бесперспективная затея. А в качестве прикрытия для разведывательной деятельности КГБ и проведения дезинформационных кампаний это могло сработать.

В Польшу стали направлять представителей ЦК КПСС для оценки ситуации и выработки рекомендаций, как оказать помощь ПОРП. На заседании Политбюро 22 января 1981 года заслушали вернувшегося из Варшавы Леонида Замятина. Его сообщение было безрадостным: вершина испытаний для ПОРП еще впереди, у «рабочего класса есть много причин для недовольства», а «Солидарность», насчитывающая 10 миллионов человек, «по существу является политической партией, наиболее открыто враждебной ПОРП и государству»². Среди молодых поляков идут постоянные политические дискуссии, и Замятин указывает как на существенный изъян – «отсутствие преподавания марксистско-ленинских наук в высшей школе».

Андропов похвалил работу делегации Замятина, сообщив о пришедшей из Варшавы информации, и предложил подготовить предложения для «Польской комиссии» Политбюро. Русаков сообщил, что Брежнев практически каждую неделю разговаривает с Каней по телефону. И все же Кириленко и Устинов отмечали отсутствие «серьезного оживления в ПОРП» и «серьезного перелома» в ситуации. Суслов призвал осуществить «необходимый нажим» на польское руководство³.

О ситуации в Польше вновь говорили на заседании Политбюро 2 апреля 1981 года. Начал обсуждение Брежнев: «У всех у нас

---

¹ Там же. Оп. 43. Д. 18. Л. 1–2.

² Там же. Оп. 42. Д. 36. Л. 1.

³ Там же. Л. 2–5.

большая тревога за дальнейший ход событий в Польше. Хуже всего то, что друзья слушают, соглашаются с нашими рекомендациями, но практически ничего не делают. А контрреволюция наступает по всему фронту»¹. Брежнев был раздосадован состоявшимся 30 марта телефонным разговором с Каней. Польское руководство под угрозой всеобщей забастовки пошло на уступки «Солидарности». Брежнев призвал изыскивать пути «воздействия на обстановку» и предложил: «Думается, в частности, что стоило бы пойти навстречу пожеланиям друзей и разрешить тт. Андропову и Устинову выехать в Брест для встречи с тт. Каней и Ярузельским. Это позволит детальнее разобраться с положением в стране, оценить намерения друзей и еще раз изложить им нашу позицию»².

Следом за генсеком выступил Андропов. Оценив предложения Брежнева как «совершенно правильные» и одобрив идею поездки, он заверил, что «проведем необходимую работу», выскажем «все наши претензии, предложения, советы и т. д.». Устинов согласился с предложением таким способом воздействовать на польское руководство, заметив, что предложение Брежнева о созыве семерки стран-участников Варшавского договора – правильные, но это надо иметь как резерв, а «сейчас принять все необходимые меры к тому, чтобы польские друзья действовали самостоятельно»³. Громыко заметил, что с Запада идут предостережения в адрес СССР относительно вмешательства в ситуацию советских вооруженных сил, а Ярузельский, между тем, «совсем сник и не знает, что дальше делать». Громыко заговорил о «частичном введении чрезвычайных мер» польским руководством, и как будто это была польская идея.

Советские руководители на этом заседании впервые всерьез и в деталях заговорили о необходимости введения в Польше военного положения. Устинов сообщил, что на вечер намечено совещание советского военного руководства с участием маршала Куликова и Крючкова (из КГБ). И призвал решительно действовать: «Конечно, сейчас пока еще есть какая-то надежда на то, что армия, органы безопасности и милиция выступают единым фронтом, но чем дальше, тем будет хуже. Я думаю, что кровопролития не избежать, оно будет. И если этого бояться, то, конечно,

---

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 39. Л. 1.

² Там же. Л. 2–3.

³ Там же. Л. 3.

тогда надо сдавать позицию за позицией. А так можно утратить и все завоевания социализма»¹.

Андропов подтвердил намерение добиться от поляков принятия «строгих мер», понимая под этим военное положение: «Нам нужно действительно польским руководителям еще раз на личной встрече, о которой здесь говорил Леонид Ильич, сказать о принятии строгих мер, не бояться того, что это вызовет, может быть, и кровопролитие. Они ведь вместо строгих мер суют нам так называемое “политическое урегулирование”. Мы говорим им о принятии военных мер, административных, судебных, но они постоянно ограничиваются политическими мерами»². Брежнев поддержал идею прямого и решительного разговора с польскими руководителями.

«Брежнев. Надо будет им сказать, что значит введение военного положения и разъяснить все толком.

Андропов. Правильно, надо именно рассказать, что введение военного положения – это означает установление комендантского часа, ограниченное движение по улицам городов, усиление охраны государственных, партийных учреждений, предприятий и т. д. Под влиянием давления лидеров “Солидарности” Ярузельский окончательно раскис, а Каня начал за последнее время все больше и больше выпивать. Это очень печальное явление. Я думаю, что доводов в беседе с Каней и Ярузельским у нас хватит. Надо выслушать, очевидно, их.

Вместе с тем я хочу сказать относительно того, что польские события влияют и на положение дел западных областей нашей страны. В частности, в Белоруссии во многих селах прослушивается хорошо радио на польском языке и телевидение. Надо сказать вместе с тем, что и в некоторых других районах, в частности в Грузии, у нас возникают стихийные демонстрации, группы крикунов собираются на улицах, как это недавно было в Тбилиси, высказываются антисоветские лозунги и т. д. Здесь нам тоже и внутри надо принять строгие меры»³.

Для Андропова это уже было серьезным знаком – реакция на польские события внутри Советского Союза. Повторялась ситуация 1968 года времен «Пражской весны». Андропов понимал, не задавив сопротивление в Польше, трудно рассчитывать на

---

¹ Там же. Л. 4–5.

² Там же. Л. 5–6.

³ Там же. Л. 6.

стабильность коммунистического правления в его собственной стране.

Выполняя полученные от Политбюро директивы, Андропов и Устинов в ночь на 9 апреля 1981 года провели тайные переговоры с Каней и Ярузельским в спецпоезде на железнодорожных путях в Бресте. Встреча началась в 9 вечера и закончилась в 3 часа ночи. Провели ее с таким расчетом, «чтобы польские товарищи не обнаружили себя, что они куда-то выезжали»¹.

Во время переговоров сопровождавший Андропова заместитель информационно-аналитической службы 1-го Главного управления полковник Александр Бабушкин высказался довольно критически о некоторых методах работы Политбюро ЦК ПОРП и тут же получил отповедь от Андропова: «Не учите нас управлять государством. Мы с Дмитрием Федоровичем кое-что в этом понимаем»².

Вернувшись в Москву, Андропов и Устинов прямо «с колес» пожаловали 9 апреля 1981 года на заседание Политбюро. Брежнев был в Праге на съезде Компартии Чехословакии, вместо него вел заседание Черненко. Были рассмотрены итоги Брестской встречи. По рассказу Андропова, польские лидеры «были в очень напряженном состоянии, нервничали, было видно, что они задерганы»³. Как знать, каковы были истинные причины этой нервозности. Может быть, они помнили историю августа 1968 года, когда чехословацкие лидеры были доставлены в Москву тайно и практически на положении арестантов. И тут в Бресте перед ними все тот же Андропов, а в Варшаве даже не знают об их отъезде. Опасная и двусмысленная ситуация.

Андропов огорчил присутствующих, передав слова польских лидеров об их неспособности ввести военное положение: «Что касается ввода войск, то они прямо сказали, что это совершенно невозможно, точно так же нельзя вводить военное положение. Говорят, что их не поймут и они будут бессильны что-либо сделать. Товарищи подчеркнули в беседе, что они наведут порядок своими силами»⁴. Андропов был раздосадован. Оказывается, весь комплекс мер по введению военного положения был уже продуман, все необходимые бумаги заготовлены с участием со-

---

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 40. Л. 1.

² Леонов Н.С. Указ. соч. С. 238.

³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 40. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3.

ветских специалистов. Надо полагать, и с участием советников КГБ. Кстати, воспитанники Андропова не растеряли свой опыт, применив его в августе 1991 года, правда, к счастью, неудачно.

Председатель КГБ с разочарованием поведал: «Что касается военного положения, то можно было бы его ввести давно. Ведь что значит ввести военное положение. Оно бы помогло вам сломить напор контрреволюционных элементов, всякого рода дебоширов, раз и навсегда покончить с забастовками, с анархией хозяйственной жизни. Проект документа о введении военного положения с помощью наших товарищей подготовлен и надо эти документы подписать. Польские товарищи говорят: как же мы будем подписывать эти документы, когда их надо проводить через сейм и т. д. Мы говорим, что никакого проведения через сейм не нужно, это документ, по которому вы будете действовать, когда будете вводить военное положение, а сейчас надо вам лично – т.т. Кане и Ярузельскому подписать с тем, чтобы мы знали, что вы с этим документом согласны и будете знать, что надо делать во время военного положения. Если придется вводить военное положение, то уже некогда будет заниматься разработкой мероприятий по введению военного положения, их надо заранее готовить. Вот о чем идет речь.

Тогда, после нашего разъяснения т.т. Каня и Ярузельский сказали, что они 11 апреля посмотрят и подпишут этот документ»¹. Андропов настаивал: «Мы прямо сказали Кане, что вы каждый день все отступаете и отступаете, а надо действовать, надо утвердить военные меры, утвердить чрезвычайные меры». На кого может опираться Политбюро ЦК ПОРП, размышлял Андропов, «армия у них составляет 400 тыс. человек, МВД – 100 тысяч и резервистов 300 тысяч, таким образом 800 тысяч человек»².

По словам Андропова, о предстоящем выступлении в сейме Ярузельский «говорил много и невнятно». Все политические рекомендации, какие Андропов и Устинов давали полякам, лежали в плоскости традиционной партийной идеологии. Обратиться к рабочим, выступать на крупных предприятиях. Андропов не хотел себе признаться, что правящая польская партия навязла в зубах у рабочих.

Ярузельский высказал советским собеседникам просьбу об освобождении с поста премьера, на что ему «популярно разъяс-

---

¹ Там же. Л. 3–4.

² Там же. Л. 5.

нили, что необходимо остаться на этом посту и с достоинством выполнять возложенные на него обязанности». Андропов с неудовольствием рассказал о том, что, оказывается, Живков посоветовал полякам «организовать подпольное Политбюро и проводить работу». Это уж совсем никуда не годилось: «Нам тоже надо сделать из этого вывод, что если руководители братских партий будут давать польским друзьям такие рекомендации, то мы, конечно, от этого ничего не выиграем, а только проиграем»¹.

Выслушав Андропова, Суслов предложил подготовить информацию для «братских партий». Громыко уточнил: «Но ни в коем случае нельзя ссылаться, что состоялась встреча», Андропов добавил: «О встрече говорить совершенно невозможно». В разговор вступил Устинов: «Ю.В. Андропов очень хорошо все рассказал, поэтому мне кратко хочется сказать о следующем. Первое, что действительно бросается в глаза, это подавленное состояние наших собеседников. Но мне кажется, что, несмотря на это, нам нужно эту двойку – Каню и Ярузельского сохранить и отношения между ними укреплять». Далее Устинов коснулся волновавшего Кремль вопроса: «О планах введения чрезвычайного положения Юрий Владимирович говорил хорошо. Мы сказали, что надо подписать план, составленный нашими товарищами»².

В отсутствие Брежнева старейшие члены Политбюро Суслов и Кириленко не проявили активности. Кириленко вообще отмолчался. Ничего не сказал и председательствовавший на заседании Черненко. Политбюро одобрило итоги беседы в Бресте.

На заседании Политбюро 16 апреля 1981 года Андропов продолжал делиться впечатлением от встречи в Бресте: «Беседа была очень содержательной», а Устинов был по-солдатски прямолинейным: «Польские друзья получили исчерпывающие указания»³. Он уже привык – служба!

В тот же день «Польская комиссия» Политбюро внесла объемную, на 6 страницах, записку «О развитии обстановки в Польше и некоторых шагах с нашей стороны», приложив к ней поэтапный план действий. В записке комиссии был дан анализ ситуации:

---

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 40. Л. 5–6.

² Там же. Л. 6–7.

³ Там же. Д. 41. Л. 2.

«Внутриполитический кризис в Польше принял затяжной хронический характер. ПОРП в значительной мере утратила контроль над процессами, проходящими в обществе. В то же время “Солидарность” превратилась в организованную политическую силу, которая способна парализовать деятельность партийных и государственных органов и фактически взять в свои руки власть. Если оппозиция пока не идет на это, то прежде всего из опасения ввода советских войск и надежд добиться своих целей без кровопролития, путем ползучей контрреволюции»¹.

В записке отмечалось, что «оппортунистическим элементам» удалось взять под контроль часть местных партийных организаций ПОРП, и в ЦК ПОРП имеются деятели «ревизионистского толка», выступающие за перестройку социально-экономической структуры Польши «примерно в югославском духе» и в области политики совпадающие с «еврокоммунистическими» и социал-демократическими идеями плюрализма. Но есть и «левый фланг», в котором политики, наиболее близкие к советским позициям, но они не составляют большинства: «При этом они не видят возможности оздоровления обстановки без ввода советских войск. Такая позиция объективно ведет к все большей их изоляции в партии и в стране». При этом Каня и Ярузельский занимают «центристскую позицию»². Они идут на уступки «Солидарности», испытывают «панический страх перед конфронтацией с ней, боясь ввода советских войск». Но, отмечается в записке, «в настоящий момент фактически нет других деятелей, которые могли бы осуществлять партийно-государственное руководство». Отсюда вывод: оказывать им политическую поддержку и в то же время «постоянно добиваться от них более последовательных и решительных действий...»³.

Самое интересное в записке – предложение использовать угрозу советского вторжения как сдерживающий фактор. Пугать так пугать:

«Максимально использовать сдерживающий фактор, связанный с опасением внутренней реакции и международного империализма по поводу того, что Советский Союз может ввести в Польшу свои войска. Во внешнеполитических заявлени-

---

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П7/VII от 23 апреля 1981 г. с материалами.

² Там же.

³ Там же.

ях подчеркивать высказанную товарищем Л.И. Брежневым на XXVI съезде КПСС нашу решимость не оставлять Польшу в беде и не давать в обиду»¹.

Этот блеф надолго пережил те события. И многие годы спустя публицисты и защитники Ярузельского убежденно повторяли, что, введя военное положение, генерал избежал худшего – советского вторжения, которое будто бы было неминуемо. Вся совокупность документов Политбюро ЦК КПСС доказывает, что это не так.

В приложенном к записке «Польской комиссии» плане мероприятий «по оказанию помощи руководству ПОРП в организационном и идеологическом укреплении партии» содержались вполне традиционные предложения, не выходящие за пределы партийной фантазии: направить в Польшу рабочую группу отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС, принять в ответ в Москве делегацию орготдела ЦК ПОРП, направить в мае – июне делегации обкомов в Польшу, а из Польши принять на курсы и в партшколы польских партийных работников среднего и низового звена. И ряд аналогичных поручений по линии советских профсоюзов, ВЛКСМ, советских обществ дружбы, комитета ветеранов войны, творческих союзов. Редакциям газет «Правда», «Известия» и «Труд» направить в Польшу публицистов «для подготовки материалов, в том числе разоблачительного характера, о деятельности антисоциалистических сил»². Ну это последнее, пожалуй, могло быть важным только для внутрисоюзного использования.

Следом в ход пошла тяжелая артиллерия. В конце апреля 1981 года в Варшаву были направлены Суслов и Русаков. Они провели переговоры с членами Политбюро и секретарями ЦК ПОРП. Там Суслов и Русаков высказались резко критически о «нерешительности» польского руководства в борьбе с «Солидарностью» и о попустительстве так называемым горизонтальным структурам в партии. При обсуждении на Политбюро 30 апреля 1981 года Андропов тут же вставил: «Польские друзья, в частности т. Каня, поддерживают горизонтальные структуры, а это ведет, как известно, к развалу партии»³. Суслов довольно скептически оценил польское руководство: «Правда, многому верить,

---

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П7/VI от 23 апреля 1981 г. с материалами.

² Там же.

³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 42. Л. 2.

*Станислав Каня выступает с приветствием на XXVI съезде
КПСС
25 февраля 1981
[РИА Новости]*

что они обещают сделать, нельзя, но во всяком случае мы должны как-то их в этих вопросах поддерживать, подбадривать»¹.

На заседании Политбюро 17 сентября 1981 года Брежнев сообщил о состоявшемся 11 сентября телефонном разговоре с Каней и о направленной об этом информации Хонеккеру, Кадару, Гусаку и Живкову. Руководители «братских стран» согласились с высказываниями Брежнева в разговоре с Каней. А относительно польского руководителя пришли к выводу, что «т. Каня проявляет недопустимый либерализм и на него нужно сильно на-

---

¹ Там же.

Визит Войцеха Ярузельского в СССР

1 марта 1982

[РИА Новости]

жимать». Хонеккер вообще предложил вынудить Каню подать в отставку¹.

В октябре 1981 года Канию освободили от должности, вся полнота власти перешла к Ярузельскому. Он теперь совмещал посты первого секретаря ЦК ПОРП, премьер-министра и министра национальной обороны Польши. У Кремля появился свой кандидат в польские диктаторы.

На заседании Политбюро 29 октября 1981 года Русаков докладывал об итогах своей поездки в ГДР, Чехословакию, Венгрию и Болгарию. Рассказав, как он беседовал с «руководителями братских стран», Русаков сообщил, что советскую помощь Польше они одобряют, а вот сокращение им поставок советской нефти в связи со срочной помощью Польше вызвало уныние, но все с этим согласились, кроме ГДР. Хонеккер заявил, что это «нанесет серьезный ущерб народному хозяйству», ударит по экономике ГДР, и попросил письменного ответа Брежнева на его запросы. Хонеккер жаловался: «...жизненный уровень немецкого населения сильно понизится, и мы не знаем, чем это объяснить»². Да,

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 47. Л. 2.

² Там же. Д. 48. Л. 1–2.

*Переговоры Войцеха Ярузельского в Кремле
1 марта 1982
[РИА Новости]*

это действительно проблема, как объяснить восточным немцам, почему они живут несравненно хуже западных.

Брежнев заметил: «Как известно, мы решили сократить поставки нефти нашим друзьям. Все они восприняли это тяжело, и до сих пор тов. Хонеккер, например, как вы видите, ждет ответа на письма, которые он направил нам»¹. Следом Громыко проинформировал о полученной им от советского посла информации о происходящем в Польше: «На многих предприятиях по существу хозяйничает “Солидарность”, речь Ярузельского на последнем пленуме ЦК ПОРП была «неплохой». Брежнев засомневался: «Я не верю, чтобы т. Ярузельский сделал что-то конструктивное. Мне кажется, он недостаточно смелый человек». Андропов согласился: «Ярузельский ничего нового по существу не сделал, хотя прошло уже некоторое время». Вновь вернулись к вариантам решения польского вопроса:

«Андропов. Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран. Однако нам нужно твердо придерживаться своей линии – наши войска в Польшу не вводить.

Устинов. Вообще надо сказать, что наши войска вводить в Польшу нельзя. Они, поляки, не готовы принять наши войска»².

А дальше самое интересное. Брежнев спросил о выполнении поставок мяса в Польшу в качестве помощи. Ярузельский про-

---

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

К.В. Русаков
[ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 133.
Д. 569. Л. 7]

сил 30 тысяч тонн. Было принято решение выделить их из госрезерва. Брежнев задал вопрос: «Имеются какие-либо сдвиги о поступлении мяса в союзный фонд из республик после моей телеграммы». Присутствовавший на заседании заместитель председателя Совмина Иван Архипов с грустью ответил: «Пока что сдвигов каких-либо, Леонид Ильич, в поступлении мяса нет», но он уже переговорил и «повсеместно принимаются меры» для выполнения плана поставок¹.

А потом на заседании разыгралась удивительная сцена. Брежнев размышлял вслух: «Я все думаю о том, хотя мы Польше и дали 30 тыс. тонн мяса, но едва ли поможет полякам наше мясо. Во всяком случае у нас нет ясности, что же будет дальше с Польшей. Никакой инициативы т. Ярузельский не проявляет. Может быть, нам надо подготовиться к беседе с ним.

Что касается бесед относительно поставок нефти, то меня особенно волнует ГДР. Вообще хочу сказать, что социалистические страны тяжело приняли это наше решение. А некоторые, как видно из выступления т. Русакова, прямо высказывают недовольство. Особенно недоволен т. Хонеккер. Он открыто говорит о том, что это решение для них неприемлемо, и он даже просит письменный ответ. Какое будем принимать решение, я просто не знаю»².

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 48. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

Вопрос повис в воздухе, но вместо ответа Андропов, Суслов и Кириленко в один голос дружно молвили: «...надо согласиться с Вашим высказыванием, которое Вы сейчас сделали»¹. Ну понятно – согласиться. А решение-то где? Следом Архипов обрисовал удручающее положение в стране: угольщики недодадут 30 миллионов тонн угля, нефтяная промышленность не перевыполнит план, недостает полтора миллиона тонн сахара, его надо также покупать, и 800 тысяч тонн растительного масла. В итоге было решено: переговоры Русакова одобрить, комиссии Политбюро по Польше подготовить материал к беседе с Ярузельским, а Тихонову дополнительно рассмотреть вопрос о поставках нефти².

Не прошло и месяца, как было принято решение Политбюро от 21 ноября 1981 года – пригласить в Москву для переговоров Ярузельского во главе партийно-правительственной делегации. Визит намечался на 14–15 декабря 1981 года. Разумеется, с советской стороны в предстоящих переговорах должны были участвовать Андропов и Устинов. Одновременно был утвержден текст устного послания Брежнева Ярузельскому для передачи через советского посла. В послании Брежнев сетовал на отсутствие решимости в борьбе с «антисоциалистическими силами» и давал весьма громкие, но традиционные рецепты, как выправить ситуацию: «...мобилизовать всю партию на борьбу за умы людей, идти в гущу народа с четкой и ясной программой выхода из кризиса, убеждать каждого в ее правильности. Другими словами, заново проделать ту работу по завоеванию доверия трудящихся, какая была проведена коммунистами в годы становления народной власти»³.

Брежнев верил в застарелые лозунги, полагаясь на их универсальность. В послании он выразил тревогу по поводу состоявшейся встречи и переговоров Ярузельского с руководителем «Солидарности» Лехой Валенсой и кардиналом Юзефом Глемпом и выдвинутой идеи создания «Фронта национального согласия». Брежнев высказал опасение, что ПОРП не будет играть руководящей роли: «На сколько далеко можно идти путем соглашений без угрозы потерять контроль за ситуацией?»⁴. Главное, что заботило Кремль: «...приобретает принципиальное значение четкое закрепление руководящей роли ПОРП во "Фронте националь-

---

¹ Там же.

² Там же. Л. 6.

³ Решение Политбюро ЦК КПСС П37/21 от 21 ноября 1981 г.

⁴ Там же.

ного согласия”, признание его участниками Конституции ПНР, социализма, международных союзов Польши»¹. Ну да, главное – не потерять участника Варшавского договора. Брежнев предостерег Ярузельского от имевшихся в ПОРП людей, «которые все свои упования возлагают на продолжение обанкротившегося курса Кани».

Но кое-что очень важное Брежнев не доверил бумаге, однако намекнул, поименовав для пущей доверительности адресата на русский манер – по имени отчеству: «Уважаемый Войцех Владиславович! Ставя перед Вами некоторые заботящие нас вопросы и делаясь соображениями, я, естественно, оставляю за скобками ряд проблем, которые можно обсудить уже при личной встрече»².

На ноябрьском (1981) пленуме ЦК КПСС Суслов выступил с докладом «Польский кризис и линия КПСС». Главный идеолог партии подверг марксистско-ленинскому анализу сложившуюся ситуацию. «Особое место в борьбе антисоциалистических сил за демонтаж социализма, – сказал Суслов, – отведено атакам на Польскую объединенную рабочую партию, на ее руководящую роль. Ими взята линия на разложение партии изнутри, на социал-демократическое или даже демохристианское, иначе говоря, буржуазное перерождение ПОРП»³. Нынешний кризис, напомнил Суслов, уже третий за последние десять лет, и это свидетельство «постоянного брожения в польском обществе», а причинами являются сильные политические и идеологические позиции католической церкви, преобладание частного сектора в деревне, сильное влияние мелкобуржуазной идеологии, «и в этой связи открытость разного рода враждебным поветриям с Запада». А еще и «волюнтаристическая экономическая политика ПОРП в 70-х годах» – амбициозные планы, зарубежные кредиты. Одновременно с кредитами в страну «беспрепятственно хлынула буржуазная идеология»⁴. В общем, сочетание объективных и субъективных факторов, грубых ошибок и просчетов. Все ясно – разложил по полочкам. Ну а что делать для выправления ситуации? Здесь Суслов менее конкретен, он рассказал об усилиях Кремля: встречи проводили, письма писали... Но все же

---

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П37/21 от 21 ноября 1981 г.

² Там же.

³ РГАНИ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 6.

польские руководители «продолжали идти на уступки антисоциалистическим силам». Суслов отмечал, что до сих пор «четкого перелома не обозначилось»¹.

Суслов отверг возможность советского вторжения в Польшу, заявив: «Агрессивные силы империализма, особенно администрация Рейгана... явно провоцируют социалистические страны, рассчитывая на то, что у нас не выдержат нервы. Они провоцируют на прямое вмешательство в Польшу и вместе с тем стараются найти повод для обвинения Советского Союза и социалистических стран в таких намерениях»². И Суслов особо подчеркнул, что Советский Союз «в течение всего кризисного развития ситуации в Польше ищет политические средства решения конфликта»³.

На заседании Политбюро ЦК 10 декабря 1981 года речь шла об объемах экономической помощи Польше и политической ситуации в стране. Прозвучала грустная констатация: «Что касается партийных организаций, то на местах они по существу развалены и бездействуют. И в целом о партии Ярузельский сказал, что ее по существу нет. Страна разваливается, места не получают никакого подкрепления, потому что Центральный Комитет и правительство не дают твердых и четких указаний. Сам Ярузельский превратился в человека весьма неуравновешенного и неуверенного в своих силах»⁴. Секретарь ЦК Русаков заговорил о запланированной польским руководством операции «Х» – введении военного положения. По словам Русакова, сначала речь шла о ночи на 12 декабря, затем на 13 декабря, а по последним данным, Ярузельский заявил, что необходимо обсуждение в сейме, заседание которого назначено на 15 декабря.

По мнению Русакова, «все очень усложняется», хотя члены Политбюро ЦК ПОРП единогласно проголосовали за введение военного положения. В то же время, заметил Русаков, «Ярузельский имеет в виду связаться по этому поводу с союзниками. Он говорит, что если польские силы не справятся с сопротивлением “Солидарности”, то польские товарищи надеются на помощь других стран, вплоть до введения вооруженных сил на территорию Польши. При этом Ярузельский ссылается на выступле-

---

¹ Там же. Л. 19.

² Там же. Л. 23–24.

³ Там же.

⁴ Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС 10 декабря 1981 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 120).

ние т. Куликова, который будто бы сказал, что помощь СССР и союзных государств военными силами Польше будет оказана. Однако, насколько мне известно, т. Куликов сказал не прямо, он просто повторил слова, которые в свое время были высказаны Л.И. Брежневым о том, что мы ПНР в беде не оставим»¹.

Можно было как угодно толковать слова Брежнева, сказанные им в феврале 1981 года в отчетном докладе XXVI съезду КПСС о том, что в Польше «возникла угроза основам социалистического государства», но «польские коммунисты, польский рабочий класс, трудящиеся этой страны могут твердо положиться на своих друзей и союзников; социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим! (Бурные, продолжительные аплодисменты.)»². Кремль предпочитал, чтобы это брежневское высказывание все принимали за чистую монету.

Сразу вслед за Русаковым на заседании Политбюро слово взял Андропов. Он посетовал на то, что из бесед с Ярузельским видно, что еще нет «твердого решения о введении военного положения», в то время как «Солидарность» и перешедший на ее сторону Костел «наступают руководству ПНР на горло». Колебания Ярузельского Андропов назвал «опасным симптомом». Обеспокоило Андропова и то, что Ярузельский ставит решение о военном положении в зависимость от экономической помощи и «ставит вопрос, хотя и не прямо, о военной помощи». Усомнившись в обоснованности всех польских экономических требований, например, в поставке минеральных удобрений, Андропов твердо сказал: «...мы занимаем позицию интернациональной помощи, мы озабочены сложившейся в Польше обстановкой, но что касается операции "X", то это целиком и полностью должно быть решением польских товарищей, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и отговаривать не будем»³.

Экономические требования поляков раздосадовали Андропова: «...в том размере, в каком они запросили, нам будет трудно это сделать. Видимо, кое-что следует дать. Но еще раз хочу сказать, что постановка вопроса о выделении товаров в качестве экономической помощи носит нахальный характер, и все это

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 120.

² Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 8. М., 1981. С. 641.

³ Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС 10 декабря 1981 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 120).

делается для того, чтобы, если потом мы что-то не поставим, то можно было бы вину свалить на нас». Да, сохранить социалистический режим в Польше Андропов мечтал, но всерьез на это тратить не желал. Более того, он высказался вполне определенно против военного вмешательства:

«Если т. Куликов действительно сказал о вводе войск, то я считаю, он сделал это неправильно. Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу. Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью «Солидарности», то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия»¹.

А это уже почти капитулянтство. Что значит Польша под властью «Солидарности»? Но Андропову никто не возразил. Верили, что этого не произойдет. И тем не менее все дружно выступили против ввода войск. Громыко: «Никакого ввода войск в Польшу быть не может. Я думаю, что об этом мы можем дать поручение нашему послу посетить Ярузельского и сообщить ему об этом». Устинов взял под защиту маршала Куликова, пояснив, что тот лишь цитировал слова Брежнева. Дескать, не так был понят. И вообще, Куликов «прекрасно знает, что поляки сами просили не вводить войска». Суслов подтвердил: «В то же время поляки заявляют прямо, что они против ввода войск. Если войска будут введены, то это будет означать катастрофу. Я думаю, у нас у всех здесь единодушное мнение, что ни о каком вводе войск речи быть не может»².

Суслов сообщил об оказанной помощи Польше – более чем на миллиард рублей. И о поставках мяса: «Мы недавно приняли решение о поставке в Польшу 30 тыс. тонн мяса, 16 тыс. тонн уже поставлено. Я не знаю, сумеем ли мы полностью поставить 30 тыс. тонн, но во всяком случае нам, видимо, следует по этому решению дать еще определенное количество тонн мяса в качестве помощи»³. Суслов щедр. При этом, стоит заметить, продовольственные затруднения в СССР в декабре 1981 года уже весьма ощутимы. Но чего не сделаешь ради спасения социализ-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

ма в Польше. Если прикинуть, то 30 тысяч тонн – это по одному килограмму мяса, разумеется, в одни руки для 30 миллионов человек! При нормативе потребления 70 кило мяса на человека в год, этого количества хватило бы на годовое питание более 400 тысяч человек. Вот бы советские люди обрадовались такой прибавке к рациону.

Ни у кого на заседании не вызвала возражения высказанная Суловым мысль: «Пусть сами польские товарищи определяют, какие действия им предпринимать. Толкать их на какие-то более решительные действия нам не следует»¹.

Ярузельский решил подстраховаться. 12 декабря 1981 года, накануне введения военного положения в Польше, на просьбы из Варшавы, готова ли Москва «в случае непредвиденных осложнений» ввести войска, Сулов по телефону ответил Ярузельскому отрицательно².

Наконец, 13 декабря в Кремле с облегчением вздохнули – свершилось. Брежнев днем позвонил Ярузельскому: «Вы приняли хотя и трудное, но, безусловно, правильное решение... У нас высоко оценено ваше, Войцех, обращение к народу... Хочу еще раз подчеркнуть: вы можете рассчитывать на нашу твердую политическую и моральную поддержку. Окажем вам и посильную экономическую помощь»³.

Через месяц после введения военного положения в Польше Брежнев на заседании Политбюро 14 января 1982 года, говоря о Ярузельском, удовлетворенно констатировал: «...генерал как политический деятель окреп и находит, как правило, верные решения. Иногда кажется, что он слишком осторожен, чаще, чем надо, действует с оглядкой на Запад, на церковь. Но в нынешней обстановке лобовыми приемами можно только погубить дело. Наряду с твердыми, жесткими мерами в принципиальных вопросах нужна и гибкость, и осмотрительность. Неплохо, что Ярузельский изучает венгерский опыт борьбы с контрреволюцией»⁴. Ну тут у генерала был хороший советчик и наставник. Андропов много вынес из венгерского опыта.

Брежнев заключил, что «польский вопрос еще долго будет в центре международной политики», и призвал «Польскую ко-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 120

² Павлов В.Г. Операция «Снег». С. 249–250.

³ Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 367.

⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 49. Л. 1.

*Награждение Л.И. Брежнева орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» в связи с 75-летием со дня рождения
19 декабря 1981
[РИА Новости]*

миссию» Политбюро «работать так же активно, как до сих пор». Брежнев признал, сколь тяжела ноша помощи Польше для советской экономики: «...мы и так находимся на пределе своих возможностей в смысле помощи полякам, а они шлют все новые просьбы. Может быть, кое-что сделать и придется, однако больших авансов давать мы уже не можем»¹.

На переговорах с Ярузельским в марте 1982 года Брежнев вновь вернулся к вопросу о том, как нужно было выправлять ситуацию в Польше, и подытожил: «Иного пути (кроме военного положения) не было»². Это фраза записана Андроповым – участником переговоров.

---

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 52. Л. 5.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

К началу 1980-х во весь рост явственно обозначилась проблема коррупции. Хищения, взяточничество, блат стали повсеместным явлением. Как пишет Бобков: «Коррупция, фальшь, неприкрытый подхалимаж зародились в высших эшелонах власти и, как огонь, пошли гулять по всем этажам»¹. Сотрудники Андропова подготовили записку в ЦК с предложением обратиться с письмом ко всем коммунистам, «где была бы выражена не только обеспокоенность, но и оговорены условия для привлечения широких масс к борьбе с казнокрадами и взяточниками»².

Предложение было принято, и началась долгая бюрократическая работа в отделах ЦК по согласованию документа. Андропов взялся лично подготовить тезисы и 3 августа 1981 года направил их Кириленко с короткой сопроводительной запиской:

«Уважаемый Андрей Павлович! Представляю, как условились, тезисы к закрытому письму ЦК КПСС. Ю. Андропов»³.

Над тезисами Андропов работал серьезно, подбирая и усиливал формулировки. Начал с теоретического обоснования, указал на решения состоявшегося в начале года съезда о «формировании нового человека», а затем перешел к констатации. Писал, что за последнее время в ЦК поступают сообщения о фактах крупных хищений, взяточничества и других антисоциальных явлений, что вызывает «законное возмущение советских людей», которые ставят вопрос о

¹ Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 199.

² Там же. С. 202.

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

принятии более строгих мер к «расхитителям народного добра, разного рода хапугам»¹. Андропов писал, что классовый противник использует эти факты в идеологической борьбе, «стремясь дискредитировать завоевания социализма»². Озабоченность, писал он, вызывает то, что появилась категория лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, – «спекулянты, разного рода дельцы, пристроившиеся вокруг гостиниц Интуриста и валютных магазинов, шабашники, маклеры, перекупщики и т. д.», они «покушаются на одно из наших самых дорогих завоеваний, на принцип нашей жизни и труда: “кто не работает – тот не ест”»³.

Но вот в качестве ответа на вопрос, почему это происходит в советском обществе, Андропов предложил вполне традиционное обоснование – «буржуазное влияние». И тут же актуализировал проблему: «Нынешние события в Польше показывают, к каким опасным для социализма последствиям может привести недооценка влияния, разгула потребительской стихии»⁴. Ну а дальше совсем уж беспомощная попытка дать рецепт. Решение этой актуальной, по словам Андропова, проблемы – «практическая реализация указания Брежнева на XXVI съезде» «закрыть щели для тунеядства, взяточничества» и т. п. А далее общие призывы вести активную борьбу, идеологическую работу, влить «новую струю в работу народного контроля», обеспечить гласность в борьбе с ворами и призыв, чтобы за это дело взялись парторганизации⁵.

В итоге «Закрытое письмо» было подготовлено в ЦК КПСС 16 октября 1981 года. Все вышло идейно правильно и звучало громко. Но получилось не так, как надо. Болезнь верхов – коррупцию Андропов свел к борьбе с народной «низовкой», работавшей с ленцой, подворывавшей на производстве или просто уклоняющейся от труда, зарабатывая на стороне частным порядком.

В итоге был создан «мертвый, никакого эффекта не имевший документ»⁶. Как это уже повелось, на местах никто не воспринял

---

¹ Там же. Л. 3.

² Там же.

³ Там же. Л. 4, 5.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 202.

всей серьезности призывов ЦК. К призывам привыкли, а серьезных разговоров о сути явления власти избегали.

В низовых парторганизациях и даже в КГБ обсуждение письма ЦК КПСС было формальным. Как вспоминал Николай Леонов: «Письмо читали торопливо, обсуждали наспех. Я пробовал просить в парткоме письмо на пару часов, чтобы по привычке аналитика прочитать его повдумчивее, но получил отказ. Тема, которая заслуживала стать предметом широкой внутривнутрипартийной дискуссии, могла бы привести к оживлению партийной жизни и к очищению ее рядов, была скомкана. Парткомы всех калибров задались целью поскорее отрапортовать Старой площади (поистине старой во всех отношениях), что все, мол, обсуждено и принято к неуклонному исполнению»¹.

Разве на такой эффект рассчитывал Андропов, вложивший в подготовку документа и в свои тезисы всю душу. А тут даже в его организации, его подчиненные заражены формализмом. Неужели Андропов не мог отдать распоряжение как коммунист, член Политбюро устроить серьезное и гласное обсуждение проблемы? Ведь об этом же речь шла в его тезисах – чтобы за дело взялись парторганизации. Увы, не мог. Он не мог столь вызывающе отличаться от остальных министерств и ведомств. Он знал, какой это вызовет резонанс. Дескать, в КГБ придали преувеличенное значение «закрытому письму», драматизируют проблему, муссируют недостатки. Но то, что Андропов был в силах сделать, он сделал – выпустил секретное ведомственное решение о мерах борьбы по линии КГБ.

На уровне КГБ «Закрытое письмо» обсудили 23 октября на Коллегии, и через два месяца был выпущен приказ КГБ СССР № 0688 от 25 декабря 1981 года, объявивший решение Коллегии «О задачах органов КГБ, вытекающих из закрытого письма ЦК КПСС об усилении борьбы с хищениями соц. собственности, взяточничеством, спекуляцией»². И что же? Ну прежде всего вот это: «...рассматривать выполнение установок, вытекающих для чекистов из письма ЦК КПСС... как важную политическую задачу, имеющую прямое отношение к обеспечению интересов государственной безопасности. Остро и оперативно реагировать на любые сигналы о хищениях социалистической собственности,

¹ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 254.

² Галузевий Державний Архів Служби безпеки України (ГДА СБУ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 32. Л. 351–354.

351
Негасимо
24/2-4690 29.11.13

Копия
СБС/2431

П Р И К А З
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

15 декабря 1981 года

№ 0688

Москва

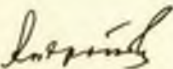
Об объявлении решения Коллегии Комитета государственной безопасности СССР от 23 октября 1981 г.

Объявляется для руководства и исполнения решение Коллегии Комитета государственной безопасности от 23 октября 1981 года "О задачах органов государственной безопасности, вытекающих из закрытого письма ЦК КПСС от 16 октября 1981 года "Об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством, спекуляцией".

Руководителям КГБ-УКГБ, управлений особых отделов и особых отделов КГБ СССР, начальникам войск пограничных округов, отрядов, ОКПП-КПП, учебных заведений, научно-исследовательских учреждений, главных управлений, самостоятельных управлений и отделов КГБ СССР обеспечить ознакомление с решением Коллегии оперативного состава, следователей, офицеров разведывательных аппаратов, а также профессорско-преподавательского состава кафедр, отделов контрразведывательного профиля. Руководящий состав не оперативных подразделений, командиров воинских частей ознакомить только с п.10 решения Коллегии КГБ СССР.

С приказом и решением Коллегии КГБ ознакомить первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, а также командующих, членов военных советов - начальников политуправлений (политотделов) военных округов, округа ПВО, групп войск, флотов.

Председатель Комитета

Д. Андропов

41

*Приказ председателя КГБ СССР об объявлении решения Коллегии Комитета госбезопасности № 0688 от 23 октября 1981 года
25 декабря 1981
[ГДА СБУ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 32. Л. 351]*

спекуляции, взяточничестве и других корыстных преступлениях, которые могут вызвать негативные политические последствия, а также быть использованы спецслужбами противника». В решении Коллегии ставились и конкретные задачи оперативным подразделениям КГБ: усилить борьбу с контрабандой и ва-

люточиками, усилить контрразведывательную работу в органах таможи, разрабатывать центры международной контрабанды, следственному управлению «глубже исследовать причины и условия, способствующие совершению этих преступлений», воспитывать агентуру в духе требований, вытекающих из письма ЦК, улучшить взаимодействие и координацию с органами прокуратуры и внутренних дел, а в 10-м пункте говорилось о сбережении от расхищения собственного имущества КГБ и содержался призыв вести «непримиримую борьбу с бесхозяйственностью и расточительством»¹.

Но самым важным стал 8-й пункт решения Коллегии. Органы госбезопасности получили полномочия подключаться к расследованию дел о хищениях и взятках в особо крупном размере:

«Руководителям органов КГБ на местах при наличии серьезных оперативных интересов, в порядке исключения, возбуждать и принимать к производству по разрешению руководства Комитета госбезопасности СССР и с согласия органов прокуратуры уголовные дела о хищениях государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, получении взяток и спекуляции в крупных размерах»².

Ну да, на МВД во главе со Щелоковым уже надежды не было. Это стало новым этапом в деятельности КГБ и трамплином к будущим громким расследованиям с участием КГБ – «Сочинскому делу», «хлопковому делу», делам Гастронома № 1 в Москве и др. По тогдашним нормам особо крупным размером считался денежный эквивалент 50 тысяч рублей и больше.

Советская система трещала по всем швам. Андропов видел, как нарастали проблемы. Его сигналы в ЦК о нехватке продовольствия в том или ином регионе не единичны. Предупреждения о том, что недалеко до массового возмущения и, не ровен час, до бунта, не вызвали должной реакции. Нет, конечно, на Секретариате ЦК вопросы обсуждали. Но что толку, где взять еду в достаточном количестве? Власти «все надежды с обеспечением минимального уровня питания и недопущением социального взрыва связывают с импортом продовольствия из-за границы»³.

Не помогало ничего. Ни финансовые вложения в хромающее и отстающее сельское хозяйство, ни закупки зерна за границей.

---

¹ ГДА СБУ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 32. Л. 351–354.

² Там же. Л. 354.

³ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 241.

Торговля мясными изделиями в СССР

1980-е

[Из открытых источников]

ни попытки освоить Нечерноземье, что было просто упованием на чудо, будто умирающая деревня может ожить.

В народе нарастала апатия и неверие в будущее. Вспоминает Николай Леонов: «Как же вел себя наш измученный народ в это долгое беспросветное безвременье? Лишенный всяких форм организации, обессиленный многочисленными кровопусканиями, задавленный страхом перед властью, часто безотчетным и ни на чем не основанным, сбитый с толку вечно лгущими прессой, радио и телевидением, он впадал в тяжелую летаргию, глушил водкой свою тоску от беспросветности положения»¹.

СУДЬБОНОСНЫЙ 1982 ГОД

Отгремел 75-летний юбилей Брежнева, и наступивший 1982 год вроде бы не сулил неожиданностей. Тем не менее смутное ощущение грядущих больших политических перемен было у всех. Политбюро старело на глазах. Средний возраст его членов

---

¹ Там же. С. 255.

перевалил за 71 год. Лидер страны Брежнев был стар или, как шутили в народе, «суперстар». Но и к этому привыкли, он постоянно появлялся на публике и при этом ничего себе, держался. И однако все ждали развязки.

Январь открыл счет смертей, взбудораживших общественность и породивших самые невероятные слухи в объяснении событий. Немудрено, ведь советские газеты о многом умалчивали, и пробелы в информации восполнялись активным мифотворчеством масс.

В январе первым событием такого рода стала смерть Семена Цвигуна, о которой газеты объявили 21 января 1982 года. Всем бросилось в глаза отсутствие подписи Брежнева под некрологом, что сразу же вызвало много разговоров. Слух о том, что первый заместитель председателя КГБ Цвигун застрелился, распространился мгновенно. Но почему он это сделал? Здесь версии различились и множились. Но сначала о том, что на поверхности.

Было действительно необычно, и это был точно какой-то важный знак, когда под некрологом человека такого ранга, занимавшего важнейшие посты, отсутствовала подпись Брежнева. Член ЦК КПСС, первый заместитель председателя КГБ, генерал армии, Герой социалистического труда, и это все о нем – Цвигуне! А ведь достаточно сочетания двух из перечисленных четырех титулов и званий, чтобы некролог вышел по первому разряду и с подписью генсека. А вот нет, интересно почему. Многие задавались вопросом, на что обиделся Брежнев, не подписавший некролог? Самым ходовым объяснением было, что не захотел подписать некролог самоубийце. Да-да, хоть об этом и не писалось официально, но слухи-то о самоубийстве по Москве поползли.

Позднее сановные мемуаристы из КГБ объясняли, почему Брежнев отказался подписать некролог. Филипп Бобков прямо пишет: «Брежнев был потрясен смертью Цвигуна, но не решился поставить подпись под некрологом самоубийцы»¹. Ему вторит Владимир Крючков, приводя в иных выражениях ту же формулу: «...посчитав неудобным ставить свою подпись, поскольку человек сам ушел из жизни»². Стоит добавить, что наряду с Брежневым «не решились» поставить свою подпись влиятельнейшие и старейшие члены Политбюро Суслов, Кириленко, Громыко, Пельше, Тихонов и другие рангом пониже. Интересно и то, что

¹ Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 251.

² Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 429–433.

Некролог С.К. Цвигуна
(Правда. 1982. 21 января)

21 января 1982 года ● № 21 (23182)

Семен Кузьмич Ц В И Г У Н

Советское государство по-весело гашельную утрату.

19 января 1982 года на 65-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни скончался советский государственный деятель, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Семен Кузьмич Цвигун.

Волно четырех десятилетий жизнь и деятельность С. К. Цвигуна была неразрывно связана с работой по обеспечению государственной безопасности нашей Родины. Этому ответственному делу он отдавал все свои силы, опыт и знания.

С. К. Цвигун родился в 1917 году в с. Стратенка Нижегородской области. Свою трудовую деятельность он начал в 1937 году учителем, затем директором средней школы в Одесской области. В 1939 году был избран членом партии и работу в органы государственной безопасности, в с тех пор вся жизнь Семена Кузьмича была связана с делами, по которым делу партии и советского народа внесены трудом. В годы Великой Отечественной войны он находился на оперативной работе на Юго-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Сталинградском, Донском и Западном фронтах. Принимал активное участие в партизанском движении. После войны работал на руководящих постах в органах государственной безопасности Молдавской ССР, Таджикской ССР, Азербайджанской ССР. С 1967 года С. К. Цвигун — заместитель, а затем — первый заместитель председателя КГБ СССР.

С. К. Цвигун вступил в партию в 1940 году. С 1971 года он являлся кандидатом в члены ЦК КПСС. На XXVI съезде партии был избран членом Центрального Комитета, был депутатом Верховного Совета

СССР четыре последние годы.

Коммунистическая партия в Советское правительство лично ознакомили заслуши С. К. Цвигуна, присвоили ему звание Героя Социалистического Труда. Он награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени двумя орденами Красной Звезды, другими правительственными наградами, а также многими орденами братских стран социализма.

Следует помнить о Семене Кузьмиче Цвигуне, верном сыне партии, государственным деятелем навсегда сохранится в сердцах советских граждан, всех советских людей.

Ю. В. Андреев, М. С. Гарибача, Д. Ф. Угитина, К. У. Чернова, Г. А. Алеев, Е. П. Вутова, Н. А. Шалюков, Г. С. Павлов, Н. В. Савинов, Г. К. Агеев, В. Ш. Алданов, С. Н. Алямова, Ф. Д. Вайна, Г. Ф. Гуляничев, Н. А. Душина, Н. П. Евакеева, М. Ш. Кромова, В. А. Кривошеина, В. Д. Лашинкина, В. А. Матреева, Д. П. Воеводина, В. П. Парошкова, А. В. Сувакина, Е. В. Фадеева, Г. К. Цивина, В. М. Чебриков.

даже от дочери и зятя Цвигуна скрыли факт самоубийства (сказали, что он поскользнулся на дорожке и, упав, расшибся насмерть). Как пишет Крючков, «решили тогда не ставить их в известность, они узнали об этом позже»¹. В таком случае, как они должны были воспринять этот знак? Цвигун верой и правдой служил Брежневу, много и тепло говорил о нем в семье, а тот даже не удосужился почтить память верного соратника.

¹ Там же.

Вроде да, похоже все так... И однако не так. Брежневу было на что обижаться. Цвигун был его верным человеком в КГБ. Весьма характерный случай произошел 27 декабря 1978 года при вручении Цвигуну звезды генерала-армии. Брежнев был в отличном расположении духа, шутил, вручая другим награды. Последним был Цвигун. Взглянув на него, Брежнев вдруг взял паузу, комически по-стариковски задержал наградную коробку в руке, обвел взглядом присутствующих и произнес: «Знаете, кто это?» и сам же ответил – «Это Цвигун!». Вручая звезду, Брежнев обратился к нему на ты: «Поздравляю тебя...», а Цвигун откликнулся прочувственно и неформально: «Дорогой наш, любимый Леонид Ильич...»¹.

Наш Леонид Ильич ценил своих верных людей и Цвигуна выделял особо, правда, за глаза называл «писателем», вышучивая его активность на литературном поприще². Другой брежневский ставленник в КГБ – Цинев так же был удостоен звания генерала армии 13 декабря 1978 года, одновременно с Цвигуном. И его Брежнев ценил, но вручение Циневу знаков отличия генерала армии не было освещено по телевидению. Церемонию, конечно, провели, но где-то там – в кулуарах. Интересно еще и то, что и тот, и другой были давними соратниками и приятелями Брежнева: Цинев с довоенных днепропетровских времен, Цвигун вошел в брежневский круг позже – в Молдавии. И еще интересней, что они друг друга недолюбливали, соревнуясь, кто из них Брежневу ближе и милее. С назначением Цвигуна первым заместителем председателя КГБ «его отношения с Циневым окончательно испортились»³. Их взаимные вражда и соперничество ни для кого не были секретом⁴.

Брежнев давал Цвигуну особо деликатные поручения. Как вспоминал генерал КГБ Нордман, в начале 1970 года Цвигун стал его расспрашивать, кого можно было бы рекомендовать на пост первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС. Нордман назвал Горбачева. Цвигун первым делом поинтересовался,

---

¹ Фрагмент документальной записи «Вручение Л.И. Брежневым наград СССР» 1979 года. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SNafDEPXwVQ> (дата обращения: 18.11.2022).

² Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994. С. 128.

³ Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 430.

⁴ Нордман Э. Штрихи к портретам: Генерал КГБ рассказывает. 2-е изд. Минск, 2004.

*Л.И. Брежнев вручает С.К. Цвигуну медаль «Серп и молот»
Героя Социалистического Труда
1977
[Из открытых источников]*

не связан ли Горбачев с «группой Шелепина», на что Нордман рассказал известную ему историю, как в 1966 году стоял вопрос о выдвижении Горбачева на работу в КГБ, но Семичастный на это не согласился и сказал, чтобы больше эту кандидатуру не предлагали. То есть «шелепинцы» Горбачева отвергли. Цвигун успокоился, а Нордман сделал четкий вывод, что Цвигун выполнял поручение Брежнева, опасавшегося людей Шелепина¹.

И вдруг потрясшее Брежнева известие о внезапном самоубийстве Цвигуна. Ну хоть бы какую-нибудь предсмертную записку оставил, попрощался бы, объяснил мотивы. Определенно что-то Брежнева неприятно зацепило. Подвел старый друг. Разгадка в дневниковых записях генсека. Оказывается, Цвигун снабжал Брежнева, страдавшего бессонницей, сильнодействующими таблетками. В дневнике находим короткие записи... 18 января

¹ Там же. См. также: Чазов Е.И. Рок. С. 25.

*Л.И. Брежнев и С.К. Цвигун
27 декабря 1978
[Из открытых источников]*

*С.К. Цвигун и
Ю.В. Андропов
1970-е
[Из открытых
источников]*

1982 года Брежнев записал: «Цвигун С.К. – через 7 дней»¹. В декабре 1981 года Брежнев записывает в дневнике фамилию Цвигуна 5-го, 10-го, 14-го, 17-го (с добавлением – «19-го пакет») и 19 декабря². Стало быть, пакет доставлен день в день. Ранее в ноябре – 4-го, 8-го (с пояснением – «завтра в 9 утра»), 9-го, 18-го (с добавлением – «пятница») ³. Также в журнале Приемной генсека зафиксированы телефонные разговоры Брежнева с Цвигуном: в среду 18 ноября и 6, 10, 14, 17, 19 декабря 1981 года⁴. Цвигун буквально осаждал Брежнева по телефону и не знал отказа – его всегда соединяли. И удивительна резко возросшая активность их телефонных разговоров – за весь 1980 год секретарями Приемной генсека зафиксированы лишь 2 звонка, тогда как в 1981 году Брежнев, будучи на работе, разговаривал с Цвигуном по телефону более 20 раз⁵. Но и это не все, могли быть звонки и разговоры в нерабочее время – на квартире, даче. Разумеется, эти контакты не фиксировались секретарями Приемной. А история с лекарствами давняя. Еще в 1980 году в дневнике Брежнева запись 13 февраля: «Говорил с С.К. Цвигуном – 4 штуки»⁶.

Внезапно все закончилось, Цвигун свел счеты с жизнью, ушел навсегда, даже не попрощавшись. Кто же теперь будет ему – Брежневу надежной опорой, кто, наконец, нужные таблетки принесет? У врачей не допросишься, Андронов снабжает пустышками, и Брежнев, скорее всего, об этом догадывался.

Хотя почему только Цвигун? В обход врачей лекарствами с Брежневым делилось все его близкое окружение⁷. Но откуда у Цвигуна нужные таблетки? И здесь есть ответ. Два листочка, сохранившиеся в семейном архиве Цвигуна, с названиями назначенных ему препаратов 8-го, а затем 15 декабря 1981 года.

Несведущему человеку эти названия ни о чем не говорят. Но все же надо разобраться. Что это за препараты и от чего. Диагноз, поставленный Цвигуну в 1971 году, был грозным и неутешительным. Но, как вспоминает Крючков, была сделана

---

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 1135.

² Там же. С. 1118, 1120–1122.

³ Там же. С. 1113–1115, 1117.

⁴ Там же. Т. 2: Записи секретарей Приемной Л.И. Брежнева. 1965–1982 гг. М., 2016. С. 1068, 1070–1073.

⁵ Там же. С. 1217.

⁶ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 999, 1050.

⁷ Прибытков В.В. Аппарат. СПб., 1995. С. 69.

операция, Цвигуну удалили часть легкого, он пошел на поправку, вскоре восстановив здоровье и обретя хорошую физическую форму¹. Еще 24 сентября 1981 года Цвигун был внешне здоров и бодр, присутствуя в Кремле на вручении Брежневым золотой медали «Серп и молот» Героя социалистического труда Константину Черненко². Как пропустить такое событие, ведь Черненко и Цвигун – старые «молдавские» друзья Брежнева.

Ухудшение здоровья Цвигуна началось осенью 1981 года, причем серьезное и необъяснимое. Он лег на плановую диспансеризацию. Навестив его, родные сразу заметили угнетенное состояние, «блеск в глазах у него потух», он стал слабеть. Утрата общего тонуса и «шальная вегетатика» становились все более выраженными³. С ноября 1981 года Цвигун уже не выходил на работу. В довершении всех бед у него проявились симптомы острого респираторного заболевания – стал садиться голос. Как пишет его внучка Виолетта Ничкова: «Простое ОРЗ не могут вылечить долго, голос тоже долго не возвращается, психосоматика проявляет себя все отчетливее, это хорошо видно по дневникам бабушки. Дед рвется на работу и переживает, почему его сильнейшая усталость не проходит, а осипший голос не крепнет»⁴.

Цвигун находился на больничном, потом числился в отпуске, пребывая в санатории «Барвиха». Он слабел и не понимал, что с ним происходит. Между тем назначенные ему препараты – нейролептики и антидепрессанты явно не от простуды:

вивалан – антидепрессант. Ингибитор обратного захвата норадреналина. Им лечили от депрессии с очень высокой степенью тревожности. Снят с производства в 2006 году;

транксен – противотревожный препарат группы бензодиазепиновых транквилизаторов;

ноотропил – стимулятор когнитивных процессов (память, обучение, концентрация внимания);

циклодол – корректор экстрапирамидных нарушений (расстройства мышечного тонуса), в том числе на фоне терапии нейролептиками. Препарат группы холинолитиков;

---

¹ Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 432.

² Правда. 1981. 25 сентября.

³ Ничкова В. Часы остановились в 16:15 // Генерал Цвигун. Частные хроники. Публикация 19 января 2017 г. – URL: <https://generaltsvigun.ru> (дата обращения: 18.11.2022).

⁴ Там же.

сиднокарб – психостимулятор, возможно, назначен для коррекции сонливости, вызванной нейролептиками;

стелазин – антипсихотик группы фенотиазиновых нейролептиков;

рогипнол – снотворное группы бензодиазепиновых транквилизаторов.

Коррекция терапии 15 декабря 1981 года в части уменьшения числа препаратов и доз, скорее всего, означала – врачи посчитали, что пациент пошел на поправку и уровень тревожности у него снизился. Они убрали нейролептик, уменьшили дозу антидепрессанта и добавили психостимулятор¹.

Мотивом самоубийства Цвигуна, по мнению Бобкова, была болезнь: «Он долго боролся с недугом, а когда стало совсем невмочь, решил добровольно уйти из жизни»². И о том же пишет Крючков: «Цвигун, конечно, понимал, что серьезно болен, что станет обузой для семьи, которую очень любил, что будет еще хуже, и решил добровольно уйти из жизни»³. Он же вспоминает о тяжелом состоянии Цвигуна: «За две недели до кончины у меня был с ним короткий разговор по телефону, по ходу которого он путал мое имя и отчество, затруднялся в ответах, не воспринимал мои слова»⁴. А вот это уже, похоже, действие тех самых лекарств, о которых речь шла выше.

История, рассказанная Евгением Чазовым, дополнительно проливает свет на трагизм ухода Цвигуна и возвращает к теме таблеток, которыми тот снабжал Брежнева:

«В самом сложном положении оказался заместитель Андропова С. Цвигун. Брежнев, считая его своим близким и доверенным человеком, изводил его просьбами об успокаивающих средствах. Цвигун метался, не зная, что делать – и отказать невозможно, и передать эти средства – значит усугубить тяжесть болезни. А тут еще узнавший о ситуации Андропов предупреждает: “Кончай Семен, эти дела. Все может кончиться очень плохо. Не дай Бог, умрет Брежнев даже не от этих лекарств, а просто по времени совпадут два факта. Ты же сам себя проклинать будешь”.

---

¹ Автор благодарит врача Геннадия Швецова за подробную консультацию относительно предназначения препаратов и их свойств.

² Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 250.

³ Крючков В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 433.

⁴ Там же. С. 432.

В январе 1982 года после приема безобидного ативана у Брежнева развился период тяжелой астении. Как рассказывал Андропов, накануне трагического 19 января он повторил свое предупреждение Цвигуну. Днем 19 января, – пишет далее Чазов, – я был в больнице, когда раздался звонок врача нашей скорой помощи, который взволнованно сообщил, что, выехав по вызову на дачу, обнаружил покончившего с собой Цвигуна»¹.

При этом заметим, принятый Брежневым ативан (он же лоразепам, нейролептик, используемый при нарушениях сна) был получен не от Цвигуна. У Цвигуна в перечне назначенных лекарств такой препарат отсутствует, да и не был он единственным поставщиком. Таблетками Брежнева щедро снабжали его ближайшие коллеги по Политбюро – Черненко и Тихонов². Но если вспомнить пометы Брежнева в своем дневнике, то накануне он договорился и с Цвигуном, который ему что-то пообещал. Вот эта запись от 18 января 1982 года: «Цвигун С.К. – через 7 дней»³.

Только ли это так мучило Цвигуна? Брежнев ждал, но в конце концов не все так безнадежно, всегда можно найти выход, за семь дней что-то придумать. Да и как-то слабоват этот мотив для самоубийства. Чазов пишет: «Сообщение меня ошеломило. Я хорошо знал Цвигуна и никогда не мог подумать, что этот сильный, волевой человек, прошедший большую жизненную школу, покончит жизнь самоубийством»⁴.

Итак, какова полная картина того злополучного дня – 19 января 1982 года. Проследим шаг за шагом, благо Роза Цвигун вела дневник и детально описала всю цепь событий. Она и ее муж – Семен Цвигун в тот день были в «Барвихе». К Цвигуну приехал его помощник Александр Волков. Он привез зарплату и о чем-то говорил с Цвигуном при закрытых дверях. Разговор сильно взволновал Цвигуна, он «сказал жене, что нужно съездить на дачу, узнать, почему там так затянулся ремонт». За два дня до этого они уже были на даче. А в этот день Роза Цвигун «была записана на маникюр и собиралась ехать в город. Но Семен Кузьмич настоял, чтобы они поехали на дачу и обязательно вместе»⁵.

---

¹ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 157.

² Там же.

³ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 1135.

⁴ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 157.

⁵ Ничкова В. Часы остановились в 16:15.

Дальше все развивалось стремительно: «Приехав на дачу, Роза Михайловна пошла в дом. Встретивший Цвигуна сторож Николай пошел за песком, чтобы посыпать дорожки – накануне ударили крещенские морозы, было скользко. Цвигун остался один со своим шофером Павлом Черновым. Далее история известна только со слов шофера: Цвигун неожиданно попросил у Павла его пистолет и, не медля, поднес к виску и застрелился. Эти обстоятельства Павел Чернов рассказал прилюдно приехавшим на дачу сотрудникам КГБ во главе с Андроповым, которых шофер сразу же вызвал на место происшествия. К тому моменту на дачу приехал уже и сын Цвигуна Михаил, он слышал этот рассказ, а также ответ Андропова: “Я им Цвигуна не прощу”¹. Кому адресовалась эта фраза, Андропов не пояснял.

Еще до прибытия комитетского начальства по вызову подъехала скорая помощь из кремлевской больницы. Врач тут же известил Чазова, и позже был составлен отчет:

«Усово, дача 43. Скорая помощь. 19 января 1982 г. 16.55. Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует. В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения из раны нет. Выраженный цианоз лица.

Реанимация, непрямой массаж сердца, интубация. В 17.00 приехала реанимационная бригада. Мероприятия 20 минут не дали эффекта, прекращены. Констатирована смерть.

В 16.15 пациент, гуляя по территории дачи с шофером, выстрелил в висок из пистолета “Макаров”². И подписи пяти врачей.

Проверка обстоятельств смерти Цвигуна была поручена исключительно сотрудникам КГБ, информация о ней не вышла за стены здания на Лубянке, ее выводы не известны³.

---

¹ Там же.

² Медведев Р. Генсек с Лубянки. М., 1993. С. 103.

³ Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Владимир Калиниченко считал, что в деле о самоубийстве Цвигуна «все крайне подозрительно». По закону дело подведомственно прокуратуре, но КГБ выслал своих следователей и никого к расследованию и близко не подпустил. По мнению Калиниченко, водителя «следовало хотя бы на 3 дня задержать и как следует допросить, а тут дело засекретили и удовлетворились лишь объяснением водителя». Более того, Калиниченко уверен, что не сделали самого главного, не

Какие новости из Комитета мог сообщить Цвигуну его помощник Волков, помимо неутешительных прогнозов по затянувшемуся на восемь месяцев ремонту дачи и комитетских сплетен? Помощник Цвигуна, как и помощники других заместителей председателя КГБ, числился по штату секретариата КГБ, связи имел обширные, получал и знакомился по принадлежности с входящей и исходящей корреспонденцией, а от коллег мог знать и много больше положенного. Возможно, Волков узнал о том, что в этот день – 19 января в ЦК отправили письмо с предложением ввести дополнительную должность первого заместителя начальника 5-го управления КГБ и повысить генерала Ивана Абрамова до первого зама «пятерки». Этот сигнал Цвигун должен был прочитать безошибочно. Значит, вся цепочка Виктора Чебрикова, курировавшего 5-е управление, поднимется на одну ступень выше. Теперь начальнику «пятерки» Бобкову – прямой путь в заместители председателя КГБ. А Чебриков? Ну, понятно, он как раз метит в первые замы к Андропову. А что же с ним, с Цвигуном? Вероятнее всего, Волков уловил и передал все те глухие сигналы, да и вполне очевидные признаки неминуемой отставки Цвигуна в силу болезни.

Все выстраивалось в четкую картину. И затяжной многомесячный ремонт на даче в Усово – ее наверняка предназначили для передачи кому-то другому, какому-то новому выдвиженцу, и повисшее молчание, и отчуждение коллег, ранее осаждавших его и требовавших внимания, искавших его расположения и покровительства. Вдруг все вокруг него обезлюдело, образовался вакуум.

Несколько лет назад внучка Цвигуна Виолетта Ничкова говорила с Волковым и расспрашивала, о чем тогда, 19 января, он разговаривал за закрытыми дверями с Цвигуном. Увы, Волков ничего существенного не вспомнил. Он даже не помнил о том, что Цвигун разволновался в ходе их беседы¹.

Хоронили Цвигуна так же «узким кругом». Те же, кто подписал некролог, встали и в почетный караул у гроба, выставлен-

---

взяли «смывы» с рук водителя для проверки на наличие следов пороховых газов (беседа автора с В.И. Калининченко 16 октября 2015 г.).

¹ Ничкова В. Дополнительные обстоятельства. Новые подробности последних месяцев жизни С.К. Цвигуна // Генерал Цвигун. Частные хроники. Публикация 20 января 2018 г. – URL: <https://generaltsvigun.ru> (дата обращения: 18.11.2022).

*Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, И.В. Капитонов в почетном карауле у гроба С.К. Цвигуна
Январь 1982
[Генерал Цвигун. Частные хроники]*

*Траурная процессия на похоронах С.К. Цвигуна
Январь 1982
[Генерал Цвигун. Частные хроники]*

ного в клубе Дзержинского на Лубянке. Андропов, Черненко... На Новодевичьем кладбище из членов Политбюро был лишь Андропов.

За спиной у временно покинувшего из-за болезни свой пост Цвигуна развернулась нешуточная закулисная борьба за кресло первого заместителя председателя КГБ. Претендентов было два – Чебриков и Цинев. Первый был фаворитом Андропова, второй поддерживался авторитетом Брежнева. Победили оба. Политбюро 25 января 1982 года утвердило обоих в должности первого заместителя председателя КГБ. Именно им адресовал свою реплику Андропов: «Я им Цвигуна не прощу». Им, раньше времени затеявшим возню вокруг заболевшего и выбывшего из строя Цвигуна, бросившимся делить его наследство. Хотя, конечно, простил. Политика! Нужно было жить и работать с ними дальше. И уж Андропову ли не знать, как жестока бывает политическая борьба и сильны карьеристские замашки его заместителей.

Решение Политбюро (читай – Брежнева) дать Андропову сразу двух первых заместителей на первый взгляд выглядит компромиссным – никого из претендентов не обижать и погасить их закулисную активность. С другой стороны, в свете последовавших событий это решение оказалось весьма дальновидным. Ведь если Андропов уже нацелился перейти на работу в ЦК, то председателем станет один из первых замов, и все разрешится к всеобщему удовлетворению и благу. И брежневский Цинев на месте первого зама (по возрасту он в председатели не годится), и андроповский Чебриков в кресле председателя КГБ. В конце концов так и получилось. Правда, в мае 1982 года Брежнев несколько спутал все карты. Но об этом ниже.

А Бобков, как и предполагалось, не зря добивался введения в штат 5-го управления дополнительной должности первого зама. В результате он разгрузился от рутины и множества текущих дел «пятерки» и уже 16 февраля 1982 года занял пост заместителя председателя КГБ, оставаясь по совместительству начальником 5-го управления. Тем самым значимость «пятерки» была поднята на уровень разведывательного и контрразведывательного главков КГБ. Ранее, в ноябре 1978 года, аналогичное совмещение должностей было введено для 1-го (разведка), 2-го (контрразведка) главков КГБ и Управления кадров. Тогда Крючков, Григоренко и Леженеков стали по совместительству замами Андропова. И вот теперь аналогичного статуса достиг Бобков.

Именно так работала схема, которая легко просчитывалась, казалось бы, из малозначительного факта выдвижения Абрамова на дополнительную должность первого зама «пятерки». На первый взгляд аппаратная проза, а на деле мощный подводный поток! И если помощник Цвигуна рассказал ему в тот трагический день несколько несвязных новостей, даже сам не понимая до конца их значения, то опытный и искушенный в аппаратных интригах Цвигун понял все и сразу. Длющийся восемь месяцев ремонт дачи, который можно было бы сделать втрое быстрее, тоже означал только одно – подсиживают, готовят на пенсию, а дачу предназначили новому выдвиженцу. И плюс к этому общее болезненное состояние: депрессия, повышенная тревожность и, как следствие, вынужденное бездействие. Уйти из жизни на вершине славы и должностного положения. Не ждать, когда вышибут на пенсию, и он будет всеми забыт до такой степени, что и его книги перестанут издавать, и киноэпопеи по его сценариям перестанут снимать. Быть на гребне волны и в центре внимания и вдруг низвергнуться в бездну забвения, нет, невозможно даже представить! Пожалуй, это главный мотив спонтанного рокового решения.

Но до сих пор в литературе смерть Цвигуна подается с изрядным налетом таинственности и часто в полном противоречии с давно и твердо установленными фактами. Например, совершенно невероятную картину смерти Цвигуна описал один из работников секретариата КГБ. По его рассказу выходило, что Цвигун прибыл на заседание Коллегии КГБ, его будто видели вошедшим в служебный лифт на Лубянке. А спустя несколько минут застрелился в своем кабинете¹.

Не выдерживает критики и запущенный в публицистику другой детективный сюжет, будто Цвигун, получивший по линии КГБ множество фактов и свидетельств о злоупотреблениях брежневского семейства – дочери Галины и ее мужа Юрия Чурбанова, готов был встретиться с Суловым и доложить ему о ходе дела и о том, как спасти авторитет Брежнева. В изложении Роя Медведева это выглядит так: «Цвигун руководил расследованием одного из крупнейших хищений драгоценностей, и нити этого расследования неожиданно потянулись к ближайшим друзьям дочери Брежнева Галины. Цвигун не мог уже выполнить указа-

---

¹ Жорин Ф.Л. Исповедь чекиста: тайная война спецслужб СССР и США. М., 2016.

*Галина Брежнева
[Из открытых
источников]*

ние Суслова и остановить набравшую ход машину следствия, за которым наблюдал, конечно, и Андропов»¹.

Ну, во-первых, с ноября 1981 года Цвигун, серьезно заболев, уже по службе ни за чем не наблюдал. А во-вторых, вообще-то факты о Галине Брежневой и Чурбанове были известны не только людям из КГБ, об этом говорила вся Москва. И ведь было, о чем посудачить. Любовник Галины Борис Бурыца – молодой певец театра «Ромэн», в одночасье превратившийся в солиста Большого театра, был замешан в темных делах с драгоценностями. Помимо прочего, Галина снабжала его «дефицитными товарами, которые тот с большой выгодой перепродавал»². Не лучше него и муж Галины – первый заместитель министра внутренних дел Юрий Чурбанов, умудрившийся провалить государственный визит в Народно-Демократическую Республику Йемен, где он ни дня не просыхал. Как рассказывали очевидцы в марте 1982 года, по прилете «он совершенно бухой вывалился из самолета и чуть не рухнул (если б не подхватили) перед “высокими встречавшими”, почетным караулом и т. п.». Деловые встречи пришлось отменять, потому что «с вечера и до утра он безобразно надирался в своем окружении подхалимов и лизоблюдов, а с утра и до обеда его невозможно было разбудить. А когда однажды это удалось, так того хуже. Потому что он нес такую ахинею,

¹ Медведев Р. Генсек с Лубянки. С. 102.

² Изюмов Ю.П. Каким он был // Гришин В.В. Указ. соч. С. 327.

*Н.А. Щелоков и Ю.М. Чурбанов
[Из открытых источников]*

*Ю.М. Чурбанов и Г.Л. Брежнева
[Из открытых источников]*

что переводчику нечего было переводить»¹. На приеме у посла Чурбанов «то и дело тыкался мордой в тарелку, будучи совсем не в себе»².

Подношения членам семьи генсека были щедрыми и повсеместными. Осенью 1981 года в Баку рассказывали: «Чурбанов и Галина Леонидовна были там в гостях, уехала она с ожерельем, он с запонками и булавкой к галстуку на общую сумму в 1 млн 800 тыс. рублей»³.

Сын Брежнева Юрий, заместитель министра внешней торговли, под статью Чурбанову. Возвращался из Стокгольма, лететь-то до Москвы всего два с небольшим часа: «Всю дорогу – пьяный дебош. К Москве – едва на ногах. Спускается по трапу. Встречает его соответствующая камарилья. Рука в “ленинском приветствии” и по-пьяному шуткует: “Приветствую и поздравляю вас с моим прибытием в столицу нашей родины Москву!” Никому не подав руки, вваливается в машину и – таков»⁴.

Ну и что нового мог бы Цвигун рассказать Суслову о брежневском семействе и, главное, что Суслов мог бы предпринять? Поговорить с «Лёней» уж точно бы не решился. Не в его правилах. А в аппарате ЦК, между тем, были убеждены, что «развернутая в последние брежневские годы кампания по компрометации членов семьи генсека явно была учинена Лубянкой»⁵. Но именно что компрометация, а не противодействие средствами закона, как это должно было быть, если речь идет о таком органе, как КГБ. И ясно почему: «Андропов значительно больше, чем кто-либо другой знал о всех слабостях Брежнева, художествах его окружения, а противодействие, насколько известно, оказывалось лишь Щелокову, которого он и удалил после смерти Брежнева быстро и совершенно справедливо. А другие дела? Или не дошли руки, или, чувствуя свою ответственность, он их попросту хотел замять и покрывал»⁶. По всему выходило, Андропов предпочитал действовать исподтишка.

---

¹ Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М., 2008. С. 477.

² Там же.

³ Там же. С. 478.

⁴ Там же. С. 485.

⁵ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 51.

⁶ Медведев В.А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 15.

НАСЛЕДИЕ СУСЛОВА

Размеренно и по заведенному порядку шла работа в ЦК. Все, как обычно. Заседания Секретариата ЦК КПСС 5 и 12 января 1982 года вел Суслов¹. Но к середине месяца и тут разгорелись страсти. Короткая записка приоткрывает тайну развернувшейся подковерной борьбы на Старой площади. И все вокруг решения шестилетней давности о распределении обязанностей секретарей ЦК КПСС, то есть кто и какие сферы курировал. Именно об этом было решение Политбюро (П5/Х1) от 27 апреля 1976 года.

Решение на первый взгляд вполне рутинное, но его отчего-то стали прятать. Под текстом появилась помета «Справок никому не давать и не посылать» и указание о согласовании ознакомления с Черненко или его замом Клавдием Боголюбовым².

А рядом на листке архивного дела та самая короткая записка: «По № 5/Х1-76 г. Константин Устинович! Тов. Кириленко А.П. просит это решение? (звонил Секретев) 20.01.82». И короткая резолюция на записке «т. Соколовой М.В. Тов. Кириленко доложено 22.01.82. Боголюбов»³.

Почему именно в этот момент решение о распределении обязанностей так заинтересовало члена Политбюро и секретаря ЦК Андрея Кириленко? Конечно, сам он в архив не пошел, а попросил своего помощника Секретева получить документ в Общем отделе ЦК. Вместе с тем преграды, возникшие на пути ознакомления с бумагой шестилетней давности, даже для члена Политбюро удивляют. Вот она настоящая партийная конспирация и делопроизводственная дисциплина!

Вообще-то решение оформлено необычно. Это утвержденный Политбюро краткий конспект выступления Брежнева, где он высказывает свои соображения, как построить работу Политбюро и Секретариата ЦК⁴. Начал Брежнев бодро, заявив, что в рассмотрении вопросов участвуют все товарищи, но при этом распределение (условное) вопросов по группам между членами должно быть таким: Брежнев «себе оставляет» (он так и выразился) вопросы организации работы Политбюро ЦК, обороны страны, государственной безопасности, основные вопросы внутренней и

¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 29.

² Там же. Ф. 3. Оп. 77. Д. 246. Л. 8.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 244. Л. 4–14.

К.М. Боголюбов
 [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 132.
 Д. 77. Л. 8]

А.П. Кириленко
 1970-е
 [Огонек. 1976]

внешней политики КПСС и внешней торговли, подбор и расстановку основных руководящих кадров.

Члены Политбюро, имеющие вопросы по своему служебному положению, Андропов, Гришин, Громыко, Косыгин, Кунаев и др. выполняют свои обязанности по должности. А далее перечислялись секретари ЦК КПСС:

Суслов М.А. «Сосредоточит внимание на организации работы Секретариата ЦК с большим акцентом его внимания вопросам идеологических отделов ЦК», а именно отделов пропаганды, культуры, науки и вузов и вопросы международных партийных связей и связи с социалистическими странами. Брежнев добавил, «мне приходится отвлекаться», поэтому «заседания Политбюро по текущим вопросам мог бы иногда проводить Михаил Андреевич»¹.

Кириленко А.П. Кроме работы Секретариата, сосредоточить его внимание на работе отделов ЦК: машиностроения, строительства, транспорта и связи, плановых и финансовых органов, торговли и бытового обслуживания. Ему предназначались также вопросы дальнейшего совершенствования планирования,

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 77. Д. 244. Л. 9.

выполнения планов, организации соцсоревнования, перспективного планирования.

Кулаков Ф.Д. Оставить вопросы сельского хозяйства, но его следовало бы освободить от заведующего Отделом сельского хозяйства и утвердить заведующим Карлова. У Кулакова будет больше времени для улучшения организации работы и решения оперативных вопросов. Можно поручить ему наблюдение за работой отдела легкой и пищевой промышленности, так как речь идет о переработке сельскохозяйственного сырья.

Устинов Д.Ф. Вопросы оборонной промышленности, отделы оборонной промышленности, химической промышленности и административных органов.

Пономарев Б.Н. – заведующий международным отделом. Вопросы, входящие в сферу отдела.

Капитонов И.В. Организационно-партийная работа.

Долгих В.И. – заведующий отделом тяжелой промышленности. Все вопросы тяжелой промышленности.

Катушев К.Ф. – заведующий отделом ЦК. Вопросы связи с социалистическими странами.

Зимянин М.В. Вопросы идеологической работы ЦК КПСС. Курирование отделов пропаганды, науки и вузов, культуры.

Черненко К.У. – заведующий Общим отделом. Ему поручается организационно-техническая работа Политбюро и Секретариата ЦК, протокольное хозяйство ЦК партии, прохождение документов. Общий отдел ЦК всегда выходил на Генерального секретаря, «так впредь и останется», подытожил Брежнев¹.

В заключение Брежнев сообщил, что заседания Политбюро будут проводиться по четвергам с 4 часов дня до 6–7 часов вечера, а Секретариата ЦК по вторникам с 4 часов дня. Для членов Политбюро старше 65 лет сохраняется порядок иметь один день в неделю для подготовки материалов в домашних условиях (это было решено протокольно еще 11 декабря 1973 года)².

Что ж, Кириленко решил освежить в памяти распределение обязанностей секретарей ЦК, и это не удивляет. Почему бы и нет. Может быть, успел что-то подзабыть из своих обязанностей или запаматовал, что и как тогда говорилось. Удивляет дата его обращения – 20 января. Состав Секретариата ЦК за шесть лет, конечно, претерпел изменения, появились новые люди: вместо

---

¹ Там же. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

М.А. Суслов
[Из открытых источников]

К.У. Черненко
1 апреля 1976
[РИА Новости]

Кулакова – Горбачев, вместо Катушева – Русаков. И еще обязанности секретаря ЦК Устинова, ставшего в том же 1976 году министром обороны, унаследовал сначала секретарь ЦК Яков Рябов, а после его снятия в 1979 году сам Кириленко. Все остальные вроде бы на месте, никто не выбыл. Ах да, вот только Суслов уже несколько дней как в больнице – лег на обследование. Что же получается, Кириленко решил кое-что прибрать к рукам из сусловского наследства и «порулить» в Секретариате?

Между тем 19 января 1982 года в отсутствие Суслова очередное заседание Секретариата вел Черненко¹. Кириленко решил восстановить справедливость и на следующий день стал разыскивать архивный документ, доказывающий, что он следующий после Суслова, кто отвечает за работу Секретариата. Но Кириленко больше не подпускали к председательскому месту на заседаниях Секретариата ЦК. Черненко победил.

¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 29.

А Суслов из больницы не вернулся. Из скудных строчек медицинского заключения о болезни и причине смерти Суслова следует, что 21 января 1982 года у него «возникло острое нарушение кровообращения в сосудах ствола мозга с глубокой потерей сознания нарушением дыхания и некоторых других жизненно важных функций организма»¹. Принятые медицинские меры не поправили положения, и 25 января в 16:05 сердце Суслова остановилось.

Опубликованное заключение умалчивало о том, когда Суслов попал в больницу. А это важно. Суслов «лег на несколько дней для диспансеризации» в больницу, как пишет Чазов, а «вечером у него внезапно возникло обширное кровоизлияние в мозг»². То есть инсульт случился вечером того же дня, когда Суслов лег в больницу? Это не так. Черняев со слов своего шефа Бориса Пономарева записал 25 января в дневнике о Суслове: «...лег в больницу на обследование. Через неделю выяснилось, что все в порядке. А три дня назад – удар (кровоизлияние). И вот с тех пор без сознания»³.

Кириленко участвовал в похоронах Суслова и даже был членом «похоронной комиссии», но не ее председателем⁴. Это было верным знаком того, что его уже оттеснили, не принимают в расчет, да и вообще тоже наметили «на вынос». А кто же займет место Суслова? Там на 5-м этаже в здании на Старой площади на освободившийся сусловский кабинет нацелился Черненко. Кабинет Кириленко был по соседству. Тревога Кириленко только нарастала. До него доходили слухи о том, что в секретари ЦК прочат Андропова. Тут уж Кириленко не смог сдержатъ эмоций и без обвиняков брякнул Андропову: «Если ты придешь в ЦК, то ты, глядишь, всех нас разгонишь»⁵.

Все складывалось в пользу Андропова. Как вспоминал помощник Брежнева: «Хорошо памятен мне эпизод, когда через день-два после внезапного заболевания Суслова в начале

---

¹ Правда. 1982. 27 января.

² Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 163–164.

³ Черняев А.С. Указ. соч. С. 473.

⁴ Председателем комиссии по организации похорон М.А. Суслова был назначен первый секретарь МКК КПСС Виктор Гришин, в ее составе помимо А.П. Кириленко был и К.У. Черненко (Правда. 1982. 27 января).

⁵ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 164.

РАССЕКРЕТ

Секретно
Экз. единственного
(Рабочая записка)

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

26 января 1982 года

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л.И.

Присутствовали т.т. Андропов В.В., Горбачев М.С., Гринин В.В.,
Громико А.А., Кирилленко А.П., Пальма А.Я.,
Тихонов В.А., Устинов Д.Ф., Черненко К.У.,
Давыдов П.Н., Кузнецов В.В., Пономарев Е.Н.,
Капитонов И.В., Долгих В.И., Зымынин М.В.

1. Об организации похорон М.А. Суслова

БРЕЖНЕВ. Товарищи, вчера вечером случилось от тяжелой непро-
должительной болезни Михаил Андреевич Суслов. Это большая потеря
для нашей партии. Я хочу зачитать медицинское заключение.
(Тов. Брежнев зачитывает медицинское заключение). Сегодня нам
нужно принять мероприятия по организации похорон Михаила
Андреевича.

Вносятся следующие предложения:

- дать о смерти М.А. Суслова сообщение от ЦК КПСС, Президиума
Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР;

- опубликовать мезролог, подписанный членами Политбюро ЦК,
кандидатами в члены Политбюро, секретарями ЦК КПСС, а также
некоторыми ответственными работниками ЦК КПСС, Президиума Верхов-
ного Совета СССР, Совета Министров СССР, министерства и ведомства.

Сообщение о смерти М.А. Суслова, мезролог, а также медицинское
заключение о болезни и причинах смерти М.А. Суслова, изданные
от правительственной комиссии по организации похорон передать по
радио и телевидению вечером во вторник, 26 января, т.е. сегодня,
и опубликовать в печати в среду, 27 января с.г.

Для организации похорон М.А. Суслова предлагается создать
правительственную комиссию в составе т.т. Гринина, Пальма, Черненко,
Кирилленко, Пономарева, Капитонова, Зымынина, Палова, Федосеева
и В.А. Завоева (председатель колхоза "Путь Ильича" Ульяновской
области).

2.

установить в Колонном зале Дома
СН открыть доступ в четверг,
пятник в пятницу, 29 января -
шуб и гробу М.А. Суслова выносу от
Ш Совета СССР и Совета Министров

в пятницу, 29 января на Красной
площади трудящихся г. Москвы
притянуть 20-25 тысяч человек.
Если не будет других предложений.

- это оценка правильно, там целесооб-

но предполагается выступление
его. После траурного митинга преду-
сказано и проведение по Красной
площади установленным порядком
организации похорон семьи Политбюро
М.А. Суслова у нас имеется на руках,
какие?

тверждается.

М.А. Суслова также у нас имеется
но такие сообщения от правительствен-
ной комиссии опубликовать в печати в
другие значимый у товарищей?

3.

его исходить при организации по-

сказанные указания о подготовке
и вопросы.

внесение с организацией похорон,
я, которую возглавит т. Гринин,
для прощания с покойным трудящимся
установить в Колонном зале.

ГЛОУСА, правильно.

БРЕЖНЕВ. Для прощания с покойным члена Политбюро, кандидаты
и члены Политбюро и секретари ЦК посетят Колонный зал 28 в 11 ча-
сов дня.

КАПИТОНОВ. Леонид Ильич, можно 29 января посетить Колонный
зал перед выносом гроба.

ГОРБАЧЕВ. Леонид Ильич, может быть, нам все же сделать так:
постоять у гроба сразу после комиссии, так как обычно комиссия
первой становится у гроба. Тогда бы в печати было сообщение, что
члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро отдали дань уважения
покойному, постояв у гроба вначале, когда отключался церемония
прощания.

БРЕЖНЕВ. Видно, такое предложение будет более приемлемым.

ГЛОУСА. Правильно. Это предложение и надо поддержать.

БРЕЖНЕВ. Таким образом, я открываю митинг и выступаю с
речью. Она у меня подготовлена, разрешите зачитать. (Тов. Брежнев
зачитывает речь на траурном митинге).

Речь тов. Брежнева Л.И. на траурном митинге одобрена.

БРЕЖНЕВ. Далее митинг поведет т. Гринин.

ГЛОУСА. Правильно.

БРЕЖНЕВ. Тогда с этим вопросом мы решили.

Рабочая записка
заседания Политбюро
ЦК КПСС об
организации похорон
М.А. Суслова
26 января 1982
[АП РФ]

1982 года Леонид Ильич отвел меня в дальний угол своей приемной в ЦК и, понизив голос, сказал: «Мне звонил Чазов. Суслов скоро умрет. Я думаю на его место перевести в ЦК Андропова. Ведь, правда же, Юрка сильнее Черненко – эрудированный, творчески мыслящий человек?»¹. О том же пишет и Чазов. Брежнев довольно спокойно встретил сообщение о смерти Суслова и тут же произнес: «Замена ему есть. Лучше Юрия нет никого»².

Но Юрия нельзя было сразу пересадить с Лубянки в кресло секретаря ЦК на Старую площадь. Такие вопросы решал пленум ЦК КПСС, а его надо ждать. Ну не собирать же по этому поводу внеочередной пленум, в конце концов не генсек же умер! Андропов, понимая, что вопрос о его переходе на работу секретаря ЦК затягивается, нервничал, старался не терять самообладания. Поделился тревогами с Чазовым в конце февраля 1982 года, рассказав о подводных течениях в партийном аппарате: «А вы что думаете, меня с радостью ждут в ЦК?»³.

Оказалось, и помимо Андропова были претенденты на освободившееся место второго человека в партии. Вспоминает Горбачев:

«С каким-то волнением, удивлением и даже растерянностью сказал мне по телефону Андропов о звонке Андрея Громыко. Этот звонок оказался неожиданным для Андропова: с Громыко они были давние друзья. Громыко откровенно начал зондировать почву для своего перемещения на место Суслова... Ответ, со слов Юрия Владимировича, был весьма сдержанным:

– Андрей, это дело генсека»⁴.

Другим претендентом на кабинет Суслова был Черненко. Весной 1982 года он уверенно вел заседания Секретариата ЦК, но что-то не складывалось: «Черненко догадывался, что он не будет преемником Суслова, ибо Леонид Ильич никаких намеков на этот счет ему так и не сделал. И Константин Устинович переживал, нервничал...»⁵.

Андропов не сидел сложа руки. Он знал, что вопрос о его избрании секретарем может решить только запланированный на весну очередной пленум ЦК КПСС, а до того надо четко обо-

---

¹ Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 267.

² Чазов Е.И. Рок. С. 73.

³ Он же. Здоровье и власть. С. 164.

⁴ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 288.

⁵ Там же. С. 295.

значить изменение своего политического статуса. Подать знак. И этот знак был весьма заметным. Андропову поручили подготовить и прочитать доклад на торжественном заседании, посвященном 112-й годовщине со дня рождения Ленина. Докладчиков всегда заранее утверждали решением Политбюро ЦК КПСС. И решение в отношении Андропова было принято 25 февраля 1982 года.

Конечно, это был ритуал. За шесть лет до этого, в 1976 году, Андропов уже выступал с докладом на ленинскую годовщину. Он и тогда уже метил на должность в ЦК, но не случилось. В то время Брежневу он был нужнее в качестве председателя КГБ. Теперь обстановка изменилась. Брежнев «созрел» для выдвижения Андропова в преемники, но продолжал колебаться и выжидать. Пленум намечался лишь на май.

Колебания Брежнева имели вполне прозаическое объяснение – ему не было ясно, кого бы следовало назначить председателем КГБ. Тут ведь нужен был свой и надежный человек. Цвигуна уже нет, а Чебриков, на кого делал ставку Андропов, не устраивал Черненко, который хотел кого-то «своего в доску», кого-то поближе к Брежневу и менее зависимого от Андропова. Андропов остро чувствовал колебания Брежнева и интриги Черненко, и тревожной весной 1982 года, как вспоминает Чазов, «у него временами появлялись неоправданная мнительность и осторожность»¹.

А Брежнев был верен себе. Даже утвердившись в мыслях относительно выдвижения Андропова, он оставлял за собой право передумать. Тут поневоле занервничаешь. Как вспоминает Горбачев: «Юрий Владимирович рассказал мне, что вскоре после смерти Суслова генсек вел с ним речь о переходе на должность Секретаря ЦК, ведущего Секретариат и курирующего международный отдел. И в то же время добавил: – “Но каким будет окончательное мнение генсека – не знаю”»².

Горбачев пользовался доверием Андропова. Они познакомились в апреле 1969 года, когда Андропов находился в Железноводске в санатории «Дубовая роща». И в последующие годы их встречи во время отдыха стали регулярными. Горбачев чувствовал расположение и доброе отношение Андропова³. Горбачев пи-

¹ Чазов Е.И. Рок. С. 73–74.

² Горбачев М.С. Указ. соч. С. 288.

³ Там же. С. 209–210.

шет, что «в верхах простые человеческие чувства мало возможны», и вспоминает, что, уже оказавшись на работе в Москве и будучи соседом по даче с Андроповым, он пригласил его в гости и услышал вежливый отказ: «Потому что завтра, да что там завтра, уже сейчас, как только мы двинемся в направлении твоей дачи, начнутся пересуды: кто, где, зачем, что обсуждали... Мы только с Татьяной Филипповной выйдем, чтобы идти к тебе, как Леониду Ильичу уже начнут докладывать. Я просто хочу тебя сориентировать»¹.

Секретарем ЦК в ноябре 1978 года Горбачев стал не без участия Андропова. После смерти члена Политбюро и секретаря ЦК, отвечавшего за сельское хозяйство, Федора Кулакова освободилась вакансия. Было несколько претендентов, включая и брежневского фаворита Медунова. Тем не менее выбор пал на Горбачева. В сентябре Андропов проводил очередной отпуск в Кисловодске. Первый секретарь Ставропольского крайкома Горбачев с ним часто виделся, бывал на прогулках, подолгу беседовал. От Андропова он узнал, что Брежнев едет в Азербайджан поездом, и на каждой станции его встречают первые секретари обкомов. Таков был партийный ритуал. Андропов предложил Горбачеву вместе с ним встретить Брежнева на станции Минеральные Воды. Из прибывшего специального поезда вышел Брежнев в сопровождении Черненко. Чуть более получаса во время стоянки поезда по опустевшему перрону прогуливались все четверо и беседовали. Горбачев докладывал Брежневу об уборке хлеба, а Брежнев присматривался к кандидату на пост секретаря ЦК. Это были «смотрины», как позднее понял Горбачев². На станции Минеральные Воды в сентябре 1978 года неспешно разговаривали Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачев, кто бы знал это заранее – Генеральный секретарь ЦК КПСС и трое будущих генсеков! Смысл встречи стал ясен лишь спустя несколько лет. Это был знак судьбы!

Знаки и скрытые сигналы играли огромную роль в жизни партийной бюрократии. Сам факт, что докладчиком в апреле на торжественном заседании выступит Андропов, был воспринят царедворцами как явное свидетельство его предстоящего перехода на партийную работу. Разумеется, на должность секретаря ЦК, куда же выше? На это прямо намекал Георгий Арбатов, ко-

---

¹ Там же. С. 210, 263.

² Там же. С. 263–264.

*Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс
1982
[Архив автора]*

торого Андропов просил принять участие в написании доклада. Арбатов видел в этом промежуточную ступень в дальнейшем возвышении Андропова, дескать, из «тайной полиции» неловко будет сразу в Генсеки-то¹. А в первых числах апреля 1982 года уже и в КГБ открыто заговорили о желании Андропова вернуться в ЦК².

В сохранившихся в архиве рабочих записях Андропова на листках календаря есть упоминание фамилий Георгия Арбатова и Федора Бурлацкого, побывавших в кабинете председателя КГБ 10 марта 1982 года. Бурлацкий был у Андропова на Лубянке и на следующий день³. Верный знак их участия в написании апрельского доклада. Надо полагать, черновой вариант доклада обсуждался с будущим докладчиком уже 3 апреля. В этот день в кабинете на Лубянке собрались Арбатов, Бовин и помощники Андропова – Шарапов и Лаптев⁴.

Доклад Андропову подготовили нестандартно и с выдумкой. Наблюдатели отметили минимум дежурных фраз и умерен-

¹ Черняев А.С. Указ. соч. С. 477.

² Там же. С. 480.

³ Записи от 10 и 11 марта 1982 г. (РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 53).

⁴ Запись от 3 апреля 1982 г. (Там же).

ность в восхвалениях Брежнева. И главное – прозвучал весьма новаторский тезис: «Ленинизм оборачивается для нас той своей гранью, которая требует всемерного развития инициативы, творчества масс и учета требований масс»¹. Более того, в противовес тому, что ранее утверждал главный идеолог научного коммунизма Суслов, Андропов в докладе говорил о «внутренних трудностях» и утверждал, что решение возникающих проблем нельзя «прогнозировать или предугадывать заранее»².

Любопытна была реакция зала на произнесенный Андроповым 22 апреля 1982 года доклад: «Принимали его тепло, правда, не вставая. Встают только на Брежнева. Однако, когда он кончил, хлопали долго. Он уже сел, а хлопать продолжали. Брежнев и Черненко прекратили хлопать, а зал продолжал, и этим двум вновь пришлось захлопать... Опять они, взглянув друг на друга, остановились, а зал продолжал хлопать. Еще бы чуть-чуть, и получилась бы настоящая демонстрация»³.

Похоже, Андропов вышел на финишную прямую. На пленуме ЦК КПСС 24 мая его избрали секретарем ЦК КПСС. Теперь он занял место покойного Суслова. Предложение об избрании внес, едва открыв пленум, сам Брежнев: «Первое. Нам необходимо избрать дополнительно секретаря ЦК КПСС. Вношу предложение избрать секретарем ЦК КПСС члена Политбюро ЦК КПСС товарища Андропова Юрия Владимировича. (Аплодисменты.) Тов. Андропова у нас в партии знают хорошо, он длительное время на партийной работе, в том числе был секретарем ЦК КПСС»⁴.

Пленум дружно проголосовал. Как отмечал присутствовавший Черняев: «Зал встретил это неподдельными долгими аплодисментами... дважды»⁵. На утреннем заседании пленума председательствовал Черненко, на вечернем – уже Андропов. Добрый знак партийного возвышения!

Должность председателя КГБ вопреки расчетам Андропова досталась не его фавориту Чебрикову. Из Киева в Москву «выписали» председателя КГБ Украины Федорчука. Об этом Брежнев счел нужным проинформировать членов ЦК КПСС при закры-

---

¹ Черняев А.С. Указ. соч. С. 483–484.

² Картер Пол М. Шеф-идеолог: М.А. Сулов и «наука» о коммунизме в СССР. М., 2003. С. 163.

³ Черняев А.С. Указ. соч. С. 484.

⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 42. Л. 235.

⁵ Черняев А.С. Указ. соч. С. 489.

тии пленума: «Для сведения хочу сообщить вам, что Политбюро ЦК вместо т. Андропова Ю.В. утвердило председателем Комитета государственной безопасности СССР т. Федорчука Виталия Васильевича, работающего в настоящее время председателем Комитета госбезопасности Украинской ССР. Член Коллегии Комитета госбезопасности СССР, длительное время, до Украины, он работал в центральном аппарате КГБ СССР. Возражений и замечаний нет?»

Голоса: нет.

Брежнев: Тогда разрешите мне на этом закончить работу пленума ЦК и пожелать вам успехов в осуществлении задач, поставленных пленумом. (Аплодисменты.)»¹.

Решение несколько неожиданное. Но неожиданным оно было лишь для тех, кто не догадывался о давнем знакомстве Брежнева с Федорчуком. Двенадцатью годами ранее, в 1970 году, он лично инструктировал назначенного председателем КГБ Украины Федорчука перед его отъездом в Киев². Не то чтобы не доверял первому секретарю ЦК Компартии Украины Петру Шелесту, нет, скорее, хотел контролировать ситуацию и иметь дополнительные рычаги влияния в крупнейшей республике. И Федорчук не подвел. Он слыл человеком, «абсолютно преданным» Брежневу³. В 1970 году Андропов для разговора с Шелестом направил Цвигуна, а потом и сам звонил. Вся эта закулисная активность по смене руководителя КГБ Украины только насторожила Шелеста: «После приема Цвигуна мне позвонил Андропов, что-то больно обеспокоен, все это не зря, что-то в этой замене кроется»⁴.

В отличие от Чебрикова, Федорчук не был даже членом ЦК. Тем не менее Брежнев оставался верным себе. Он выдвинул на должность председателя КГБ человека, равноудаленного и от Андропова с Чебриковым, и от Цинева. А то, что не член ЦК – так это даже лучше! До следующего съезда партии никак не сможет претендовать на место в Политбюро, даже кандидатом. Будет управляем и зависим от него – Брежнева.

Вот и все – свершилось! Андропова охватили смешанные чувства. Он ведь к этому стремился, но что впереди? Через два дня

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 42. Л. 325.

² Голушко Н.М. В спецслужбах трех государств. М., 2009. С. 220.

³ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 289.

⁴ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 469.

Брежнев подписал указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении Андропова от должности председателя КГБ.

Андропов собрал Коллегию КГБ. Представил нового председателя и выступил с прощальной речью. Она заслуживает того, чтобы ее дать целиком:

«Дорогой Георгий Карпович [Цинев. – *Ред.*]! Дорогие товарищи члены Коллегии, заместители и все собравшиеся здесь! Я искренне благодарен вам за те теплые слова, которые вы написали, может, и с перебором малость, в адресе, но все равно приятно, хоть и с перебором. (Смех, аплодисменты.)

Мы проработали вместе 15 лет, и Виталий Васильевич [Федорчук. – *Ред.*] успел побывать здесь, поработать, поехать на Украину и там поработать. 15 лет ведь это срок немалый. Мы с кем-то подсчитывали – это почти треть активной трудовой жизни мы с вами были вместе. Всякое было. И трудно было, и неуспехи были, и неудачи были, и ЧП были, и хвалили мы кое-кого, ругались. В последний раз с Расщеповым ругались. По делу ругались. Для пользы дела. Да он человек молодой, активный, энергичный – переживет, ничего не будет. Я просто хочу сказать, что не такие они простые, наши отношения, были.

Служба наша непростая, и отношения в ходе этой службы тоже очень непростые. Я хотел бы, чтобы эту мысль товарищи усвоили. Понимаете, мы иногда себя называем военной организацией, военно-политической организацией, хотя, по-моему, мы сложнее организация, потому что мы – чекистская организация. На поверхности – военная гимнастерка и военный мундир, а под поверхностью – там должно много быть такого, что просто в военные каноны не укладывается, а укладывается в более хитрые, в более тонкие построения, которые требуют очень большой партийности, очень большой закалки, очень больших требований, которые мы должны предъявлять друг к другу и каждый к себе, разумеется. Вот отсюда и такие, так сказать, и перипетии в наших отношениях: сегодня хвалишь, завтра ругаешь, послезавтра еще как-то вопросы поворачиваются. Жизнь не простая, жизнь сложная.

Мы боремся, мы же сами говорим, что мы – на передовой линии борьбы. А всякая борьба, тем более передняя линия борьбы, связана с тем, что приходится и наступать, и отступать, и отходить, и всякие обходные маневры делать, и при всем этом соблюдая вид такой, что мы ничего не делаем. Мы же в глазах других не выпячиваем свою деятельность. Мы стараемся показать, что

ну есть вот здание на Лубянке, есть люди на Лубянке. Они трудятся. Что они там делают? Нет-нет, кто-то из нас выступает с докладами о чекистской деятельности. Но в общем это не так уж часто и только по необходимости. А вообще я думаю, что, если и дальше так держать курс, чтобы нам не шибко хвалиться тем, что мы делаем, без нужды (когда надо, ну тогда надо), – это было бы правильно.

Если говорить сейчас о моем состоянии, что я могу вам сказать по-честному? Я уже сказал: 15 лет – это 15 лет, поэтому их не вырвешь, не отрежешь и не выбросишь, они никуда не денутся, они всегда со мной, и, стало быть, вы всегда со мной. С другой стороны, я понимаю, что значит доверие пленума Центрального Комитета партии, и буду стараться это доверие оправдать там как можно лучше.

Тут Георгий Карпович упоминал в адресе и в выступлении роль Леонида Ильича и Центрального Комитета партии в деле становления органов. Я вам прямо скажу, что у меня такое впечатление, что был какой-то момент в нашей деятельности, в начале 67-го года, когда обстановка складывалась таким образом: все эти длинноволосые, всякие поэты-диссиденты и т. д. под влиянием всяких нелепых мыслей Хрущева активизировались, вышли на площади, а у нас в арсенале, понимаете, одна мера – арест. И больше ничего нет. А теперь вы знаете (не обо мне речь, а просто повод, видимо, и в связи со мной), говорят, что КГБ все-таки диссидентов напрочь и врагов разгромили. Я думаю, что переоценивать себя тоже не надо, работа еще осталась и по линии диссидентов, и по линии любых врагов. Как бы они там ни назывались, они врагами остаются.

Так вот я хочу сказать, что этот переломный момент прямо связан с тем вниманием, которое оказал нам, органам, Центральный Комитет партии и лично Леонид Ильич. Сегодня Виталий Васильевич меня спрашивал: как часто, говорит, ты бываешь? Я сказал, ну сейчас пореже бываю, а ведь в начале деятельности, бывало, не было недели, когда бы либо я не проился, либо Леонид Ильич меня не звал и не разбирался в наших делах. Поэтому, конечно, огромное ему спасибо.

Когда мы говорим, что роль органов поднята, она поднята, конечно, усилиями всей нашей партии, всего нашего Центрального Комитета. Без них, как бы ни топырились, мы бы ничего не сделали. Только благодаря тому, что была такая поддержка мощная, благожелательная, так сказать, мы ее имеем. Поэтому

В.В. Федорчук

[Из открытых источников]

служить верно, служить самоотверженно Центральному Комитету партии – это первейшая задача чекистов, и надо нам весь чекистский коллектив в этом духе воспитывать. (Аплодисменты.)

Центральный Комитет утвердил новым председателем Комитета Виталия Васильевича, хорошо вам известного. Я даже не сказал Федорчука, поскольку вы знаете, о ком речь идет. Я рад, что выбор пал на него. Это со всех сторон хорошо. Он поработал в военной контрразведке, поработал здесь, в центральном аппарате, по-моему, 12 лет поработал на Украине. Так что знает другую работу. Это – основание к тому, чтобы ему здесь продуктивно еще поработать. Конечно, я думаю, товарищи, что весь коллектив наш окажется вполне на высоте в том плане, чтобы помощь Виталию Васильевичу была обеспечена. Это очень важно.

Поэтому расстаемся мы так: с одной стороны – грустно, с другой стороны – нужно, но все-таки для коммунистов всегда на первом месте было нужно. Так и будем поступать. (Аплодисменты.)»¹.

Речь как нельзя лучше характеризует образ мысли Андропова и его примитивные представления о действительности. Вот хотя бы как он говорит о диссидентах, явно искажая картину и выпячивая свои заслуги. Будто до его прихода в КГБ дело обсто-

¹ Жирнов Е. Указ. соч. С. 63.

*Ю.В. Андропов на коллегии КГБ
Май 1982
[Из открытых источников]*

яло совсем плохо: «...все эти длинноволосые, всякие поэты-диссиденты и т. д. под влиянием всяких нелепых мыслей Хрущева активизировались, вышли на площади, а у нас в арсенале, понимаете, одна мера – арест. И больше ничего нет». Почему только арест? Андропов прекрасно знал, что и до него в КГБ основным методом борьбы с людьми, критикующими советский режим, была профилактика. И потом, почему все сводится лишь к «длинноволосым поэтам-диссидентам», как будто не было другой вполне последовательной и идейной оппозиции. Очевидно ведь, не все поэты – диссиденты и не каждый диссидент – поэт. И откуда эта победная и нескромная реплика: «А теперь вы знаете (не обо мне речь, а просто повод, видимо, и в связи со мной), говорят, что КГБ все-таки диссидентов напрочь и врагов разгромили». Конечно, личное участие и усилия Андропова трудно отрицать. Именно он обогатил опыт расправы с несогласными

с принудительной госпитализацией в психбольницы. Нет, конечно, не сам придумал, было и до него. А вот он поставил это дело на широкую ногу, на поток.

Но главное, Андропов сумел сказать то, что непременно должно было дойти до ушей Брежнева. И сказал четко и внятно – он рад назначению Федорчука: «Я рад, что выбор пал на него». Но подтекст! И, кстати, сказано очень точно – как будто какой-то выбор, чей-то выбор, да и пал весьма неожиданно. И явная отстраненность самого Андропова от этого выбора. Да, точно – решение принял Брежнев.

На самом деле Андропов относился к Федорчуку отрицательно, но когда Брежнев напрямую спросил Андропова, кого он видит своим преемником, ушел от ответа, отговорившись: «Это вопрос Генерального секретаря». А когда Брежнев спросил его о Федорчуке, Андропов «возражать не стал и поддержал данную кандидатуру»¹. А ведь будь жив и здоров Цвигун, несомненно, Брежнев выбрал бы именно его в преемники Андропову на посту председателя КГБ. И в этом случае Андропов наверняка продемонстрировал бы одобрение и выразил бы радость по поводу «удачного выбора». Но не случилось.

НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Переместившись с Лубянки на Старую площадь, Андропов занял кабинет Суслова. Просто и статусно! Только совсем не просто оказалось взять в руки бразды правления в Секретариате ЦК. Там заседания уже уверенно вел Черненко, а формального решения о поручении Андропову готовить и вести заседания Секретариата ЦК не было². Андропов решительно переломил ситуацию. Как пишет Горбачев:

– «Обычно перед началом заседания секретари собирались в комнате, которую мы называли “предбанником”. Так было и на сей раз. Когда я вошел, Андропов был уже там. Выждав несколько минут, он внезапно поднялся с кресла и сказал:

– Ну что, собрались? Пора начинать.

Юрий Владимирович первым вошел в зал заседаний и сразу же сел на председательское место. Черненко, увидев это, как-то сразу сник и рухнул в кресло, стоявшее через стол напротив

¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 289.

² Там же. С. 302.

меня, буквально провалился в него. Так у нас на глазах произошел “внутренний переворот”»¹.

В тот же вечер Андропов рассказал Горбачеву, откуда у него взялась решимость и что подтолкнуло к действию. Накануне ему позвонил Брежнев и спросил: «Для чего я тебя брал из КГБ и переводил в аппарат ЦК? Чтобы ты присутствовал при сем? Я брал тебя для того, чтобы ты руководил Секретариатом и курировал кадры. Почему ты этого не делаешь?»².

В новой для себя обстановке Андропов осторожничал и даже стал опасаться бывшего своего ведомства. В кабинете на Старой площади, где совсем недавно еще царил Сулов, Андропов чувствовал себя скованно: «Андропов некоторое время остерегался вести в нем, особенно вблизи телефонных аппаратов, разговоры, задевавшие персоналии. Он даже объяснил в доверительной беседе почему: со сменой председателя КГБ новые люди пришли в правительственную связь. Похоже, Андропов обладал кое-какими познаниями насчет возможностей, которыми располагала эта служба для негласного снятия информации»³.

Да, Андропов знал о возможностях своего ведомства. Но знал и то, что слежка за партийной номенклатурой и применение технических средств съема информации строго запрещены нормативными документами ЦК и КГБ. Тем более в здании ЦК! Но если сам стоишь на страже партийной законности, нет-нет, а где-нибудь да и нарушишь. Петр Шелест описывает случай, когда его телефонные переговоры с членами Политбюро Вороновым и Полянским стали известны Брежневу: «...мы все же не допускали, хотя и предполагали, что наши телефонные и другие разговоры везде прослушиваются»⁴.

Отдел КГБ, имевший номер 12 и штат больше, чем в иных управлениях КГБ, Андропов, будучи председателем КГБ, всегда курировал лично. Этот отдел был занят прослушиванием телефонов и помещений, работали в нем в основном женщины. Как-то Андропов жаловался Гришину: «У меня на прослушивании телефонных и просто разговоров сидят молодые девчата. Им

---

¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 302.

² Там же. С. 303.

³ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 366.

⁴ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 539, 564.

Г.А. Воронов
1960-е
[Огонек. 1970]

Д.С. Полянский
1960-е
[Огонек. 1967]

П.Е. Шелест
1960-е
[Огонек. 1968]

В.В. Гришин
[Из открытых источников]

очень трудно иногда слушать то, о чем говорят и что делается в домах людей. Ведь прослушивание ведется круглосуточно...»¹.

Забота о сотрудницах и сочувствие, конечно, хорошо. Но теперь этот важнейший источник «всезнания» в чужих руках. Андропову было чего опасаться, были причины осторожничать.

В аппарате ЦК Андропов резко взялся за дело и тут же в июне созвал совещание идеологических работников. Поводом была «грубейшая политическая ошибка» – в «Сельскохозяйственной газете»² перепутали титулы Брежнева и премьера Николая Тихонова. Редактора, понятно, тут же сняли. Андропов поучал собравшихся, как избежать подобных ошибок впредь³. Вот уж точно более серьезных дел не было!

Сразу же изменился перечень лиц, записанных Андроповым в календарь своих контактов и встреч. С конца мая 1982 года появились и часто замелькали секретари ЦК Пономарев, Русаков и Зимянин, заведующие и заместители заведующих отделами ЦК Леонид Замятин, Василий Шауро, Карен Брутенц, Валентин Фалин, председатель правления АПН Лев Толкунов, председатель Гостелерадио Сергей Лапин, председатель Госкомитета по кинематографии Филипп Ермаш⁴. Круг принятых лиц четко очерчивает сферу ответственности секретаря ЦК Андропова – он принял на себя все обязанности, ранее возложенные на Сулова, то есть курирование отделов пропаганды, культуры, науки и вузов, вопросы международных партийных связей и связи с социалистическими странами.

Но было что-то и сверх того. Для рассмотрения плана работы отдела к Андропову 14 июля на прием попросился заведующий отделом оборонной промышленности ЦК Игорь Дмитриев. Вторично он был принят Андроповым 28 июля 1982 года⁵. Вообще оборонная промышленность входила в обязанности секретаря ЦК Кириленко, но, видимо, тот уже не справлялся со своими поручениями, и Андропов постепенно прибирал к рукам хозяйство аппарата ЦК.

---

¹ Гришин В.В. Указ. соч. С. 60.

² Так у А.С. Черняева. Возможно, речь идет о газете «Сельская жизнь».

³ Черняев А.С. Указ. соч. С. 492.

⁴ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 53.

⁵ Записи в дневнике 14 и 28 июля 1982 г. (Там же).

Поначалу у Андропова в ЦК не было своих людей, на кого он мог бы опереться. Ну, разве что Арбатов и Бовин, вхожие в узкий круг сочинителей речей для генсека. Да, «аппарат» был не его, аппаратчики были серьезной закулисной силой. Они писали речи и доклады, готовили справки и обзоры для начальства. Во второй половине 1982 года Арбатов посещал Андропова на Старой площади довольно часто: 2, 25, 26, 29 июня, 14 августа, 3 ноября (вместе с Бовиным)¹. Постепенно Андропов входил в курс дел, вращался в проблематику отделов, и это шло не без скрипа. Он как-то пожаловался Арбатову, что из всех секретарей ЦК последним его признал Борис Пономарев, ведавший международным коммунистическим движением². На первых порах лишь Горбачев был надежной опорой Андропова в ЦК.

Андропов оказался в центре мелких интриг вокруг большой политики. Китай... Да, именно в 1982 году наметился явный поворот в советско-китайских отношениях. Два десятилетия советская пропаганда клеймила «китайских раскольников» с неослабевающим пафосом. Нет, конечно, были просветы. После смерти Мао Кремль взял паузу, и в 1977 году не появился выходящий ранее ежегодно сборник статей «Опасный курс», посвященный разоблачению китайской политики. Но Пекин разочаровал. Оттуда донеслась язвительная критика новой советской Конституции и «ревизионистских взглядов» советских руководителей, утративших классовое чутье и заговоривших об «общенародном государстве». В Кремле обиделись и усилили антикитайскую линию. В «Крокодиле» вновь появились карикатуры против Пекина и новые выпуски сборника «Опасный курс» хлынули в книжные магазины.

Но вот неожиданно в речи Брежнева, произнесенной в марте 1982 года в Ташкенте, обозначились вполне миролюбивые нотки и прозвучал призыв преодолеть многолетнюю вражду: «Мы никогда не считали состояние враждебности и отчуждения между нашими странами нормальным явлением»³. И тут же Брежнев сделал чрезвычайно приятное китайским лидерам заявление о том, что СССР не признает «концепцию двух Китаев» и полностью признает суверенитет КНР над островом Тайвань. А завершил речь прямым призывом к нормализации отношений.

---

¹ Там же.

² Черняев А.С. Указ. соч. С. 499.

³ Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 9. М., 1983. С. 417.

В мае 1982 года в «Правде» появилась статья «К советско-китайским отношениям», носящая явно нормативный характер. В ней обильно цитировался Брежнев, в заключительных абзацах прямо говорилось, что в СССР улучшение отношений с Китаем считают «назревшим делом» и хотят видеть в лице Китая «доброе соседство»¹.

Теперь вместо Суслова комиссию Политбюро по Китаю возглавлял Андропов, и это он продвигал «нормализацию» отношений с Китаем. Но делал это осторожно, с оглядкой на аппарат ЦК. И вообще, не будь речи Брежнева в Ташкенте, Андропов бы точно не стал ввязываться и что-то менять на китайском направлении. Поостерегся бы, хотя и мыслил в данном ключе.

Цитированная статья в «Правде» была подготовлена, как многие в аппарате ЦК догадались, на Лубянке, то есть помощниками Андропова. Конечно, ее «обкатали» в отделах ЦК, что-то поправили, что-то убрали, в частности, персональные выпады в адрес китайских руководителей². Одобрили и опубликовали.

Вот тут и выявился конфликт интересов, и начались закулисные интриги. Первый заместитель заведующего отделом ЦК Олег Рахманин, отвечавший за связи с коммунистическими партиями социалистических стран, к коим относился и Китай, оказался не готов вот так сразу отбросить все и поменять подходы. Он – автор политической биографии Мао Цзэдуна и прочих зубодробительных сочинений, разоблачавших маоизм. Его перу принадлежала брошюра «Незабываемые страницы истории и маоистские фальсификаторы»³.

Разумеется, и эта книжка, и подобные ей сочинения выходили под псевдонимами – Олег Борисов или Олег Владимиров⁴. Построивший всю свою публицистическую карьеру на разоблачении маоизма, Рахманин вдруг оказался у разбитого корыта. Он годами «окучивал» тему, наработывал «научный капитал», метил в академики. А теперь что – книги в утиль сдавать? Он попытался саботировать наметившуюся в 1982 году линию на

---

¹ Александров И. К советско-китайским отношениям // Правда. 1982. 20 мая.

² Черняев А.С. Указ. соч. С. 486.

³ Владимиров О.Е. Незабываемые страницы истории и маоистские фальсификаторы. М., 1971.

⁴ Борисов О.Б. Внутренняя и внешняя политика Китая в 70-е годы: Политический очерк. М., 1982.

нормализацию отношений с Китаем. Об этом подробно и интересно пишет Черняев в своих дневниках¹.

В противовес «ташкентской речи» Брежнева и упомянутой статье в «Правде» Рахманин, опираясь на свой отдел, стал проталкивать в теоретический орган партии – журнал «Коммунист» резкую «антикитайскую» статью. Читавших проект статьи взяла оторопь. Описание в статье в самых негативных тонах внутренней политики Китая вызывало вопрос, как вообще можно было назвать такую страну социалистической². Андропов лавировал. Он полагал, что если сократить внутриполитическую часть статьи, то ее можно печатать. Оказалось, в аппарате у Брежнева не сидели сложа руки, и его помощник Голиков подготовил пятнадцатистраничную записку, в которой подверг критике пропаганду, которая «недооценивает значение нормализации с Китаем» и не замечает «перемен в Китае». Брежнев направил записку Голикова Андропову, прибавив от себя, дескать, у Голикова «дельные мысли», и предложил рассмотреть этот вопрос на китайской комиссии Политбюро³.

Дошедшие до Брежнева сигналы, что кто-то торпедирует ташкентские инициативы, возымели действие. Он с таким трудом 24 марта 1982 года выступал в Ташкенте, так как накануне его придавило обрушившимися лесами с рабочими на авиазаводе, у него оказалась сломана ключица. Но Брежнев, преодолевая боль, все-таки выступил на торжественном заседании с речью⁴. И кто-то посмел забыть об этом?

Дело было сделано, Рахманину пришлось отступить. И теперь уже Андропов высказал Рахманину, что он «ведет себя неправильно», и если ничего не изменится, «придется подыскать ему какое-то другое место». А своему помощнику Шарапову, который был давним и закадычным другом Рахманина, Андропов сделал внушение: «...или ты будешь выполнять свои обязанности помощника как полагается, или придется тебе уйти из аппарата»⁵.

Это был серьезный сдвиг в изменении отношений СССР и Китая. Пропагандистская антикитайская риторика постепенно сходила на нет. А уже в следующем 1983 году в Москве появи-

---

¹ Черняев А.С. Указ. соч. С. 487.

² Там же. С. 495.

³ Там же. С. 498.

⁴ Медведев В.Т. Указ. соч. С. 163.

⁵ Черняев А.С. Указ. соч. С. 499.

*Визит в Ташкент. Слева направо: А.Я. Рябенко, Л.И. Брежнев, В.Т. Медведев и Ш.Р. Рашидов
Март 1982
[Из открытых источников]*

лись китайские продукты. Особым спросом пользовались консервированные сосиски, нежные на вкус (по 80 копеек банка), в которых процент мяса не зашкаливал, но все же был. И, о чудо, на Московской международной книжной выставке-ярмарке в сентябре 1983 года открылся китайский павильон, в котором были выставлены книги на русском языке и даже тома из собрания сочинений Чжоу Эньлая.

Андропов жаловался в своем кругу, что при его появлении на Старой площади тут же нашлись недруги, взявшиеся копаться в его прошлом и выяснять его происхождение. Позднее сам Андропов поделился с Чазовым: «Недавно мои люди вышли в Ростове на одного человека, который ездил по Северному Кавказу – местам, где я родился и где жили мои родители, и собирал о них сведения. Мою мать, сироту, младенцем взял к себе в дом богатый купец, еврей»¹. Да, эта тайна вновь обретала актуальность.

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 179.

О.Б. Рахманин
[Из открытых источников]

В.В. Шараров
[Из открытых источников]

И неудивительно. Посудачить о темных сторонах биографии нового кремлевского выдвиженца в ЦК любили. Тем более что Андропов сразу проявил себя деятелем, склонным к принятию жестких кадровых решений. В этом отношении прохладное лето 1982 года стало жарким. Своей должности лишился видный брежневский фаворит первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, член ЦК Сергей Медунов. Он чувствовал нависшую над ним опасность, в крае работала бригада следователей прокуратуры, расследовали многочисленные факты взяточничества в высших эшелонах власти и хищения в торговле. Прибывший на пленум ЦК Медунов звонил в Приемную Брежнева 20 мая 1982 года, просил записать на прием¹. Брежнев, скорее всего, уклонился. В журнале Приемной генсека не зафиксировано их встречи.

Почва уходила из-под ног Медунова. Он понимал, с Генеральной прокуратурой ему не справиться, и дело, все нити которого вели к нему – хозяину края, погасить не удастся. А тут еще и сотрудники КГБ подключились к расследованию взяточничества и хищений в крае. Надо было рубить концы. В июне 1982 го-

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 2. С. 1095.

да после разговора с Медуновым исчез первый секретарь Геленджикского горкома партии. Как в воду канул. Искали долго, объявили даже во всесоюзный розыск, но так и не нашли. Его судьба неизвестна до сих пор¹. Этот случай переполнил чашу терпения в Москве. Мыслимое ли дело – последний раз первые секретари исчезали бесследно в эпоху Сталина. Но тогда-то всем было понятно – кто и куда...

До публичной политической дискредитации Медунова оставался почти год, но решение о его понижении и отстранении от партийной работы было принято при самом активном участии Андропова. Он 19 июля в три часа дня принял секретаря ЦК Капитонова и прилетевшего тем же утром из Гаваны Виталия Воротникова². Помимо Андропова в кабинете был и Горбачев. Аудиенция продлилась полчаса.

Обращаясь к Воротникову, Андропов без предисловий сразу заговорил о деле: «Речь идет о рекомендации вас первым секретарем Краснодарского крайкома партии. Медунова мы отзываем в Москву – 17 июля был с ним разговор. В крае сложилась неприятная ситуация (Андропов кратко обрисовал обстановку). Медунов, наконец, понял, что дальше там оставаться ему нельзя. Взятничество, коррупция среди ряда работников различных сфер, в том числе среди партийного актива. Арестованы и находятся под следствием более 200 человек. Понятно, вина и ответственность за такую обстановку в крае ложатся и на первого секретаря крайкома. Об этом и шла речь на Секретариате ЦК, где решался вопрос об освобождении С.Ф. Медунова от работы. Вашу кандидатуру поддержали Л.И. Брежнев и К.У. Черненко»³.

На следующий день – во вторник 20 июля на заседании Секретариата ЦК КПСС решение было принято, и 22 июля Воротников в сопровождении Капитонова вылетел в Краснодар, где 23 июля состоялся пленум крайкома, сместивший Медунова. Воротников вспоминает, что после пленума Медунов в беседе с ним «держал себя довольно уверенно. Внешне никак не выдавал переживаний, не высказал и несогласия с решениями ЦК»⁴. Ка-

---

¹ Калининченко В.И. Дело о 140 миллиардах, или 7060 дней из жизни следователя. М., 2017. С. 256.

² Запись от 19 июля 1982 г. (РГНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 53).

³ Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 2003. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

питонов провел пленум мастерски, был лаконичен, предложил одного снять с должности, другого назначить, не комментируя ни то, ни другое, быстро свернул работу пленума¹. Правильно, зачем допускать обсуждение, вдруг начнут говорить о наболевшем, и все выйдет из берегов.

Ну да, Медунов был уверен, что Брежнев не оставил его и не лишил покровительства. Да и Брежневу это решение далось нелегко. Как заметил Андропов в разговоре с Воротниковым: «А серьезно, пришлось объяснять Л.И. Брежневу ситуацию. Надо сейчас в Краснодаре активно поработать»². На тот момент в крае по обвинению во взяточничестве уже были арестованы 152 человека и еще под следствием находились 99 человек, коим также грозил арест³.

Медведев, охранявший Брежнева, стал очевидцем звонка Андропова и их разговора по громкой связи. Андропов предложил арестовать и отдать под суд Медунова. Генеральный секретарь, взяв паузу, с тяжелым вздохом ответил: «Этого нельзя делать, Юра. Он – руководитель такой большой партийной организации, люди ему верили, шли за ним, а теперь мы его – под суд?»⁴. И тут же Брежнев предложил перевести Медунова «куда-нибудь... Заместителем министра, что ли»⁵. Так и случилось, Медунова назначили заместителем министра плодоовощного хозяйства.

Оставив КГБ и переместившись на Старую площадь, Андропов продолжил борьбу со Щелоковым. Разгром МВД был полным, а сам министр висел на волоске, оберегаемый лишь отблеском былого особого отношения к нему Брежнева. Как же, они – днепропетровские друзья еще с довоенных времен. Но удар, нанесенный престижу Щелокова и его ведомству, был мощным и неотразимым. В 1982 году закончилось расследование дела об убийстве в декабре 1980 года офицера КГБ работниками отдела милиции на станции метро «Ждановская». Это громкое дело взбудоражило общественное мнение. Конечно, в газетах ничего не писали, но слухами земля полнилась. Летом 1982 года со-

---

¹ Василенко Г.И. Крик безмолвия: Записки генерала. Краснодар, 1994. С. 196.

² Воротников В.И. Указ. соч. С. 16.

³ Там же.

⁴ Медведев В.Т. Указ. соч. С. 123–124.

⁵ Там же.

С.Ф. Медунов
 [Из открытых источников]

В.И. Воротников
 [Из открытых источников]

стоялся суд над убийцами: четверых приговорили к расстрелу, остальных подсудимых к длительным срокам лишения свободы. Следом состоялась еще серия процессов по делам сотрудников милиции по обвинению в тяжких преступлениях, злоупотреблениях и сокрытии преступлений сослуживцев. Более 80 работников были осуждены и свыше 400 уволены из МВД¹.

Расследование затронуло болевые точки милиции. Арестованные работники оказались «обыкновенными бандитами в милицейских мундирах»². И это уже вовсе не «кто-то кое-где у нас порой...». Вырисовывалась система приписок в оперативной отчетности и сокрытие преступлений. Были проверены морги судебно-медицинской экспертизы Мосгорисполкома. Результаты ошеломили:

«В 1979 и первой половине 1980 года в бюро скопилось около сотни подлинных актов вскрытия трупов с явными признаками

¹ Калиниченко В.И. Указ. соч. С. 209.

² Там же.

умышленного убийства, свыше сотни – с тяжкими телесными повреждениями, где можно было предположить любой механизм их образования, и около 150 актов по случаям автодорожных происшествий. Все это означало, что ни по одному из этих фактов не возбуждались уголовные дела, не велось расследование, и лица, совершившие эти преступления, остались безнаказанными. Все эти преступления были укрыты и не нашли отражения в статистической отчетности»¹.

Щелоков был напуган и нервничал, он попросил Генерального прокурора проинформировать его подробнее о судах над милиционерами и, главное, просил не афишировать результаты следствия: «Огласке не предавать!»². Тем не менее о положении дел в МВД заведующий сектором органов внутренних административного отдела ЦК КПСС Альберт Иванов готовился доложить запиской для рассмотрения в Политбюро³. Не успел.

Тело Иванова обнаружила приехавшая с дачи жена в половине четвертого дня 17 июля 1982 года. На правом виске – входное пулевое отверстие (выходного отверстия не было), а рядом с телом испанский пистолет марки «Старлет» калибра 6.35. Этот пистолет был подарен Иванову министром внутренних дел Афганистана Саидом Гулябзоем 30 марта 1982 года в Кабуле, где Иванов был в командировке. Экспертиза установила, что его смерть наступила за сутки до момента обнаружения тела. Прокуратурой было возбуждено уголовное дело по факту смерти Иванова. К делу приобщили газету «Правда» за 15 июля с какими-то неясными пометами Иванова шариковой ручкой на первой странице. Предсмертной записки он не оставил, а по собраным следствием сведениям выходило, что после возвращения из Афганистана весной 1982 года Иванов болел и часто выпивал. Следователь прокуратуры сделал вывод о самоубийстве, и 9 августа дело закрыли⁴.

Вместе с тем вопросы остались. Накануне смерти в гостях у Альберта Иванова был некий Игорь Устинов. Он не был другом семьи. По крайней мере, жена Иванова сообщила, что ничего о нем не знает. Похоже, речь идет о высокопоставленном сотруднике КГБ, но Иванов курировал лишь МВД, и что его

---

¹ Там же. С. 216.

² Там же. С. 209.

³ Там же. С. 212.

⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 39. Д. 142.

могло связывать с начальником управления «Н» 2-го Главного управления КГБ СССР генерал-майором Игорем Устиновым. Управление «Н» – любопытная структура. Это научно-оперативное управление второго главка, куда входили информационные системы КГБ и стекались данные о гражданах, попавших в поле зрения КГБ. Управление имело информационно-аналитические функции, вело учет заграничных поездок советских граждан и визитов иностранцев, а также фиксировало все контакты советских граждан с иностранцами. Вот где всё знали.

Не был ли Устинов посланцем Андропова, а его визит прощупыванием почвы, прочно ли сидит в своем кресле Щелоков? Ходили разговоры, что Щелокова скоро снимут с должности и его место должен занять именно Альберт Иванов, выходец из МВД, имевший звание генерал-лейтенанта внутренней службы. По другим рассказам, в сейфе застрелившегося Альберта Иванова был найден проект решения ЦК о назначении министром внутренних дел зятя Брежнева – Чурбанова вместо Щелокова¹.

Что же это за интриги за спиной Брежнева против верного ему Щелокова? А возможно, уже и сам Брежнев склонялся к мысли избавиться от скомпрометировавшего себя министра и посадить в его кресло своего зятя. Брежнев заметно отдалил от себя Щелокова. В 1982 году зафиксированы лишь два звонка: 24 мая Щелоков не дозвонился, и важный знак – сотрудники Приемной генсека даже не доложили Брежневу об этом звонке, а второй и последний телефонный разговор Брежнева со Щелоковым состоялся 9 ноября, накануне Дня советской милиции². Но этот звонок, скорее, имел протокольный и предпраздничный смысл. Возможно, Щелоков просто приглашал генсека присутствовать на торжественном заседании и праздничном концерте. Не случилось – на следующий день 10 ноября смерть Брежнева отменила и то, и другое.

Чувствовал ли Щелоков нависшую над ним опасность? Конечно. Щелоков был не так наивен и прост. И у него были свои глаза и уши в ЦК, да и возможность действовать. Описавший в мемуарах эти события следователь Калиниченко искренне считает, что с Ивановым расправились: «По оперативным данным, его ликвидировали по указанию Щелокова. Была в распоряже-

---

¹ Млечин Л. Кремлевские самоубийцы // Московский комсомолец. 2000. 3 сентября. С. 12.

² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 2. С. 1095, 1119.

нии министра группа оперативников, занимающихся “мокрыми” делами. Разговоры о ней я впервые услышал после смерти заместителя Щелокова Папутина¹. Калиниченко пишет, что накануне ввода войск в Афганистан первый заместитель министра внутренних дел Папутин был обнаружен с огнестрельным ранением головы в своей квартире. После расследования прокуратурой был сделан вывод о самоубийстве. При этом, недоумевает Калиниченко, «непонятно только, почему Папутин стрелял правой рукой в левый висок»². И между прочим, смерть Папутина открыла Чурбанову дорогу в первые заместители к Щелокову. Вот так совпало!

УХОД КИРИЛЕНКО

После похорон Суслова надежды Кириленко вести заседания Секретариата ЦК полностью провалились. Его оттеснили, и председательское кресло на заседаниях прочно занял Черненко. За сохранение своего положения в Политбюро и Секретариате ЦК КПСС Кириленко продолжал бороться все оставшиеся месяцы, но его игра была проиграна с самого начала.

Если еще в 1981 году Кириленко несколько раз поручали проведение заседаний Секретариата ЦК КПСС, то в 1982 году после смерти Суслова заседания Секретариата ЦК вел Черненко. Всем был памятен стиль, в котором Суслов вел заседания Секретариата: «спокойно, демократично, стараясь укладываться в регламент», и на его фоне Кириленко выглядел беспомощно: «Руководить заседанием Секретариата ему было трудно. Не хватало эрудиции, умения правильно высказать мысль, тактично проявить требовательность»³. А последнее заседание, которое он вел, «привело всех в шоковое состояние. Это было уже не косноязычие, а потеря памяти»⁴.

В июне 1982 года к ведению Секретариата ЦК КПСС наряду с Черненко подключился Андропов. Причем чаще всего, когда заседание вел Черненко, Андропов отсутствовал на этом заседании и наоборот⁵. Кириленко оставалось только молча взирать

¹ Калиниченко В.И. Указ. соч. С. 212.

² Там же.

³ Соломенцев М.С. Указ. соч. С. 323.

⁴ Там же.

⁵ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 29, 30.

на их триумф, глотая обиду. Ему не на кого было опереться в Секретариате ЦК.

А ведь с Кириленко Андропов мог быть знакомым еще со времен своего пребывания в Рыбинске. В этом городе Кириленко в 1936 году окончил Рыбинский авиационный технологический институт, был уже партийным человеком. Много лет спустя, в мае 1978 года, Кириленко прибыл в Рыбинск с почетной миссией вручить городу орден Трудового Красного Знамени. Держал речь, в которой проникновенно вспомнил юность, сообщив о своем особом чувстве волнения: «К этому у меня есть и личные причины. Для меня приезд в Рыбинск – это как бы возвращение в город моей юности. Здесь, в авиационном институте, я постигал основы науки, учился у рыбинских рабочих, техников и инженеров применять полученные знания»¹. И самое интересное – помянул добрым словом своего коллегу по Политбюро: «В Рыбинске начали свой трудовой путь многие партийные и государственные деятели, советские военачальники, писатели и работники искусства. Ныне на посту члена Политбюро ЦК КПСС работает ваш земляк, уважаемый Ю.В. Андропов»². Да, начали трудовой путь многие деятели, но Кириленко назвал одного, чье имя уже стало хрестоматийным, достойным поминания в партийных святцах. Однако в газетном отчете в «Правде», опубликовавшей речь Кириленко в изложении, этого теплого пассажа об Андропове не привели.

Вообще-то эту речь для Кириленко написал сотрудник отдела пропаганды ЦК Наиль Биккенин. Текст речи растрогал Кириленко, как же не нахлынуть воспоминаниям – «юность, волжские плесы, первая любовь, женитьба»³.

И вот, что еще интересно. Ведь даже не зная друг друга и не встречаясь в годы далекой молодости в Рыбинске, но уже будучи членами Политбюро, Андропов и Кириленко вполне могли иметь общую тему для сближения и разговоров. Карьеру-то начинали в одном городе и примерно в одно время. Чем не почва для разговоров и дружбы. Ведь и у Андропова там тоже «юность, волжские плесы, первая любовь, женитьба». Но увы, нет ника-

---

¹ Кириленко А.П. Политика созидания и мира: Избранные речи и статьи. М., 1980. С. 528.

² Там же. С. 529.

³ Биккенин Н.В. Указ. соч. С. 88–89.

*Созидание во имя мира. XXVI съезд партии
Художник Д.А. Налбандян
1981
[Огонек. 1981. № 50]*

ких свидетельств их дружбы или особых более теплых отношений. Не принято это было между членами Политбюро.

Верный и вполне в духе закулисных интриг знак заката политической карьеры Кириленко был подан задолго до его отставки. Пожалуй, никто не обратил пристального внимания на очередное эпохальное полотно художника Дмитрия Налбандяна. Между тем репродукция картины, опубликованная в популярном иллюстрированном журнале «Огонек» в декабре 1981 года, удивительна. Празднично-торжественная сцена братания Леонида Брежнева и Фиделя Кастро в окружении членов Политбюро и руководителей «братских партий» на XXVI съезде КПСС по охвату персонажей и их расположению вокруг центральных фигур – это четко выверенная схема политического влияния и значимости каждого изображенного на картине.

Но вот вопрос, как это художник умудрился провидчески не изобразить на картине весьма влиятельного члена Политбю-

ро Кириленко. Кстати, «забыл» и Горбачева, что тоже рождает вопросы, но в меньшей степени. Все-таки Горбачев лишь осенью 1980 года стал членом Политбюро. Тогда как Кириленко – третий по значимости человек в партии и в Политбюро уж лет двадцать. Крупно и выразительно даны члены Политбюро (слева направо) Гришин, Громыко, Щербицкий, Устинов, Тихонов, Сулов, Черненко, Андропов и Кунаев. Чуть выше Тихонова – Романов. Художник не обошел вниманием даже кандидатов в члены Политбюро, поместив среди них и члена Политбюро Пельше. А вот Кириленко не видно. И ведь никто не указал художнику на грубую политическую ошибку. И не было никакого шума. А что должен был думать Кириленко, видя такое?

Налбандян – человек бывалый и опытный. Он творил в эпоху воплощенной в жизнь антиутопии Оруэла, ему не раз приходилось подправлять свои картины, закрашивая и убирая отправленных в политическое небытие членов Политбюро. Или, наоборот, дорисовывать новых деятелей вместо старых и даже менять их местами в зависимости от изменившегося положения в руководстве. Такие исправления в свои картины он вносил постфактум, по следам очередного пленума ЦК, где летели головы. А вот предвосхищать такие события Налбандяну еще не приходилось. И вот – пожалуйста!

Но это еще не вся интрига. Между Черненко и Андроповым затесался персонаж, не похожий ни на одного из членов высшего партийного руководства. Интересно, кто это? На Кириленко он не похож. Может быть, художника постигла неудача, и он не справился с портретом Кириленко? То есть это он, но не похож. Ну вряд ли. Уж в чем в чем, но в неумении верно передавать портретные черты упрекнуть художника никак нельзя. В этом он был большой мастер, достаточно взглянуть на саму картину. Портретное сходство партийных руководителей на лицо и притом весьма выразительное – с характерами, так сказать.

Или вот, например, полотно Налбандяна «Наш путь к коммунизму», выставленное в 1977 году. Налбандян точен и безупречен, он изобразил выступление Брежнева на XXV съезде КПСС (1976). Тут Кириленко вполне узнаваем и место ему определено верное – сразу после Сулова. Правда, с этой картиной по обыкновению вышел конфуз. К моменту начала ее демонстрации в Третьяковской галерее художнику пришлось срочно загрунто-

вать одного из центральных персонажей – Подгорного¹. Его в мае 1977 года вывели из Политбюро и отправили на пенсию. Как говорится в таких случаях, был пленум! А министра обороны Гречко, умершего через два месяца после съезда, Налбандян не стал трогать, он так и остался на картине во втором ряду.

Но может быть, все эти рассуждения зряшные. Плод преувеличения или вообще надуманная вещь. Вот просто художник так по-новому видит Кириленко. А тут целая история с конспирологией. Ладно, но и тогда есть повод поразмышлять. Этот персонаж, который даже при большой фантазии не тянет на Кириленко, почему-то идет после Черненко, а не до. И почему у седого, как лунь, Кириленко волосы темные? Что же получается? Держащий нос по ветру, многоопытный художник, вхожий, так сказать, в высшие сферы, четко уловил новый расклад в Политбюро. Знал, что Кириленко уже не третий человек в партии и его место занял Черненко. И сознательно невнятно выписал лицо Кириленко, чтобы в любой момент безболезненно перерисовать в случае очередной перестановки наверху. Может и так.

И все же трудно отделаться от удивительного сходства. Этот таинственный человек похож на самого Налбандяна. И очень даже похож. А что, бывало в истории живописи, когда художники изображали сами себя на групповых портретах под видом того или иного исторического персонажа. Но как он посмел сделать такое? Ведь не в средние века живем. И почему этого никто не заметил, до сих пор это остается загадкой.

Многие мемуаристы сходятся во мнении, что состояние здоровья Кириленко настолько пошатнулось к 1981 году, что он уже мало на что был способен, забывал фамилии, путал имена. Как отмечает руководивший кремлевской медициной Чазов: «Все знали, что он давно неработоспособен и не может не то что мыслить, но даже говорить осмысленно...»². Чазов держал Андропова в курсе относительно здоровья Брежнева и его бли-

---

¹ Автор видел это полотно в Третьяковской галерее осенью 1977 года. И сразу бросилось в глаза пустое место левее от Брежнева, которое давало блики при взгляде чуть сбоку. И еще интересно, что Брежнев изображен с тремя «геройскими» звездами, тогда как третью звезду он получил в декабре 1976 года к 70-летию. То есть в момент XXV съезда КПСС в феврале – марте 1976 года, когда еще был жив и изображенный на картине маршал А.А. Гречко, у Брежнева не могло быть третьей звезды.

² Чазов Е.И. Рок. С. 95.

*А.П. Кириленко на КАМАЗе
16 июня 1980
[Из открытых источников]*

жайших соратников: «Еще при жизни Брежнева я как-то сказал Андропову, что вряд ли мы далеко уйдем, если страной руководят люди, у которых при компьютерной томографии мозга обнаруживается атрофия его коры. На это Андропов довольно резко ответил: “Если бы это было только у одного Кириленко. Посмотреть на некоторых других, так Вы не у одного обнаружите те же самые изменения”»¹.

В марте 1981 года на съезде КПСС Кириленко выпала честь огласить список намеченных для избрания в состав кандидатов в члены ЦК. Задача оказалась непростой. Он «ставил совершенно немыслимые ударения даже в самых простых русских фамилиях... некоторые он читал по слогам сначала будто бы для себя, а потом целиком – для зала. И зал, и президиум во главе с Брежневым откровенно смеялись»². И это при том, что список для зачитания ему специально напечатали самыми крупными буквами³.

¹ Чазов Е.И. Рок. С. 95.

² Черняев А.С. Указ. соч. С. 443.

³ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 329.

*Художник
Д.А. Налбандян
[Из открытых источников]*

Удивительно, но все это не помешало отправить Кириленко вручать орден Отечественной войны 1-й степени городу Туапсе. Кириленко приурочил мероприятие к своему отдыху на Черноморском побережье. В город он прибыл на специальном поезде, «был нездоров, шел по перрону медленно, его поддерживал под руку секретарь горкома»¹. Медунов, расцеловавшись с Кириленко, не отходил от него. Кириленко выступил с речью 7 мая 1982 года на торжественном заседании городской общественности². Но тут понятно, читать по бумажке Кириленко еще не разучился, хотя слова произносил нечленораздельно. Присутствующих охватили смешанные чувства – стыда и жалости к докладчику: «Чтение доклада превратилось в сплошное недоговаривание слов... Трудно было разобрать границы предложений, понять, о чем говорил докладчик. Трудно ему было читать даже этот трафаретный доклад. Ни одного предложения он не мог прочитать внятно, искажал согласования, пропускал и не договаривал фамилий, должности ударников коммунистического труда города»³.

¹ Василенко Г.И. Указ. соч. С. 140.

² Правда. 1982. 8 мая.

³ Василенко Г.И. Указ. соч. С. 141.

Тем не менее представительские функции, когда не требовалось говорить, Кириленко выполнял исправно. Провожал в последний путь Сулова и мерз на трибуне мавзолея, слушая речи на траурном митинге¹. Выступал с речами 5 и 12 февраля 1982 года на совещании в ЦК КПСС по ускорению строительства АЭС и на совещании по легкой промышленности². Провожал и встречал 2 и 10 февраля в аэропорту Черненко, летавшего на съезд французских коммунистов³. В июле – августе 1982 года он неоднократно появлялся на публике в президиумах торжественных заседаний в дни профессиональных праздников. Наконец, он провожал Брежнева при отъезде в отпуск 3 июля и встречал его по прибытии в Москву 31 августа 1982 года.

На протяжении многих лет двухнедельный зимний отпуск Кириленко брал в апреле, а полуторамесячный основной – в сентябре. В 1982 году все шло как обычно, но перед началом осеннего отпуска, намеченного на 9 сентября, коллеги приготовили ему сюрприз – вынудили написать заявление с просьбой об отправке на пенсию. А ведь ничто не предвещало. В последний месяц лета Кириленко активно работал: 11 августа участвовал в заседании комиссии Политбюро по Китаю⁴. Ранее, в июне – августе, исправно присутствовал на заседаниях Секретариата ЦК КПСС, не пропустив ни одного заседания. В последний раз отметился 7 сентября 1982 года⁵. Буквально накануне его отпуска, 2 сентября, на заседании Политбюро рассматривалась записка Кириленко о вопросах руководства энергетикой⁶. А уже на следующем заседании Политбюро 9 сентября Кириленко решительно отправили на пенсию.

---

¹ Правда. 1982. 30 января.

² Там же. 6, 13 февраля.

³ Там же. 3, 11 февраля.

⁴ Материалы этого заседания см. в: Решение Политбюро ЦК КПСС П72/Х от 12 августа 1982 г.

⁵ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 30.

⁶ В решении Политбюро ЦК КПСС П75/У от 2 сентября 1982 г., принятом после рассмотрения записки А.П. Кириленко, говорилось: «Ограничиться обменом мнениями по этому вопросу, состоявшемуся на заседании Политбюро ЦК КПСС. Рассмотреть его в связи с обсуждением энергетической программы и предложений, вытекающих из записки т. Брежнева Л.И. от 9 августа 1982 г. по вопросам работы топливно-энергетических отраслей».

В. О. т. Кирилленко А. П.

БРЕЖНЕВ. Товарищи, у нас есть один вопрос. Как вы помните, некоторое время назад т. Чазов сообщил о тяжелом состоянии здоровья т. Кирилленко Андрея Павловича. С этими медицинскими заключениями мы ознакомлены всех членов Политбюро. После этого состоялся консилиум

357

который представил документ в Политбюро ЦК. Из него следует, что т. Кирилленко А. П. серьезно болен и что рабочая нагрузка для него может усугубить течение тяжелой болезни.

Мы всегда хорошо относились к Андрею Павловичу, как и ко всем остальным товарищам. Но, к сожалению, медики констатируют тяжелое состояние здоровья Андрея Павловича. Это медицинское заключение подписали академик Чазов, академик Бюджет и профессор Надвараев. Они высказывают неопределенные мнения о необходимости освободить т. Кирилленко А. П. от интеллектуальных нагрузок. Андрей Павлович понимает свое состояние и вчера на мое имя написал заявление. Я его вам зачитаю. (Тов. Брежнев зачитывает заявление т. Кирилленко).

Я думаю, следует прислушаться к мнению врачей, бережно отнестись к состоянию здоровья Андрея Павловича и удовлетворить его просьбу. Материально-бытовое обеспечение т. Кирилленко А. П. установить в соответствии с постановлением ЦК и Совета Министров от 11 ноября 1976 г.

Какие будут сообщ

АНДРОПОВ. Я считаю и соображения, которые состояние здоровья Андрея дает ему возможности в той мере, в какой это ставшая, сложная, особ Павлович.

ТИХОНОВ. Я полностью Брежнев о том, чтобы Раз болезнь такая серьез трудот его дальнейшую весьма неблагоприятно

ЧЕРНЕНКО. Как под они представили в ЦК и грескирует.

ГОРБАЧЕВ. Предлож

358

ГРОМКО. Конечно, мы все очень сожалеем о болезни Андрея Павловича. Желаем ему здоровья. Но на нас лежит определенное обязательство. Они требуют от нас максимального приложения сил, и без должного здоровья, безусловно, не только трудно, но, я бы сказал, невозможно выполнить эти обязанности.

КИРИЛЛЕНКО. Я хотел бы от всей души искренне поблагодарить Леонида Ильича за то внимание, которое ко мне проявлялось за многие и многие годы совместной работы с ним и когда я работал в других областях. Я очень высоко ценю помощь и поддержку всех членов Политбюро, кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК, с которыми мне довелось работать. Действительно, болезнь не дает возможности мне дальше оставаться на этих высоких постах. И как ни прискорбно, как ни тяжело, но приходится идти на такую меру, как оставить работу.

БРЕЖНЕВ. Я бы просил товарищей членов Политбюро, кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК проголосовать этот вопрос.

Кто за то, чтобы удовлетворить просьбу т. Кирилленко Андрея Павловича об освобождении его от обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК по состоянию здоровья, прощу поднять руки. (Гром поднимает все члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК). Прому опустить.

Я думаю, также прием решение о материальном обеспечении Андрея Павловича Кирилленко в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 ноября 1976 г. Вы все его, вероятно, знаете. Материальное обеспечение дается очень хорошее.

ВСЕ. Правильно.

Рабочая запись
заседания
Политбюро
ЦК КПСС
9 сентября
1982
[АП РФ]

10.09.1982

359

Деятельное участие в отправке конкурента на заслуженный отдых сыграл Андропов. Брежнев именно ему поручил добиться от Кириленко написания заявления «по собственному желанию». Конечно, можно было бы решить вопрос и без заявления, но Брежнев любил, чтобы все было чин по чину. Вот заявление, а вот – решение.

Позднее на ноябрьском (1982) пленуме ЦК КПСС Андропов обмолвился парой фраз, из которых явственно проступил весь драматизм ухода Кириленко с политической сцены. Когда Черненко огласил пленуму заявление Кириленко от 8 сентября с просьбой о переводе на пенсию, Андропов вдруг от себя добавил: «не без колебаний, не без страданий» Андрей Павлович такое заявление написал¹. Андропов знал, о чем говорил. Да, именно он «дожал» Кириленко и вырвал у него заявление об отставке. Конечно, в тот день, 8 сентября, Кириленко был вне себя: вместо того, чтобы поздравить его с днем рождения, ему предложили отставку. Ну нет предела брежневскому иезуитству! Пишут, что на предложение уйти на пенсию Кириленко «ответил резким отказом... что-то кричал, грозил Брежневу»². Но в конце концов сдался.

Андропов поделился с Горбачевым подробностями своей миссии, может быть, убавив драматизма и несколько сгладив рассказ:

«Пришел он в кабинет к Кириленко и, стараясь не обидеть, но вместе с тем достаточно твердо начал:

– Андрей, ты понимаешь, все мы – старые товарищи. Я говорю от имени всех, кто питал и питает к тебе уважение. У нас сложилось общее мнение, что состояние твоего здоровья стало заметно влиять на дела. Ты серьезно болен, должен лечиться, и надо этот вопрос решать.

Кириленко разволновался, плакал. Говорить с ним было очень трудно, но Андропов продолжил:

– Ты пойми, Андрей, сейчас надо решить в принципе. Ты поедешь отдыхать – месяц, два, сколько надо. Все за тобой сохранится – машина, дача, медицинское обслуживание, все. Разговор наш товарищеский, но надо, все-таки, чтобы инициатива исходила от тебя. Вспомни, Косыгин чувствовал себя куда лучше, а написал...

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 44. Л. 138 об.

² Медведев Р. Генсек с Лубянки. С. 113.

– Ну хорошо, Юрий, – проговорил наконец Кириленко, – раз так, раз надо... Но ты мне помоги написать заявление, сам я не напишу.

Андропов быстро набросал короткое заявление. Андрей Павлович с большим трудом переписал его своей рукой. Дело было сделано»¹.

Непонятно, зачем такая неоправданная торопливость. Похоже, Андропов спешил и расчищал себе дорогу. Ну отгулял бы Кириленко в сентябре и октябре свой осенний отпуск, а потом бы написал заявление. Прямо перед намеченным на ноябрь пленумом, на котором его можно было вывести из Политбюро вполне мотивированно. Ведь пленум и только пленум ЦК имел полномочия избирать и отправлять в отставку членов Политбюро. Но нет, торопились удалить его из руководства еще до пленума. Чтобы уже не светился на трибуне мавзолея в ноябрьские торжества. А получился, как всегда, конфуз.

В июне – августе 1982 года Кириленко 10 раз появлялся на публике на различных торжествах и встречах, и это было отмечено в печати. И вдруг в одночасье пропал. Более того, перестала появляться его фамилия среди других членов Политбюро в подписях под некрологами. А это был верный признак отставки, но народу ничего не объявляли. Сами же создавали почву для пересудов. Подпись Кириленко значилась 23 сентября под некрологами маршала Баграмяна и 3 октября второго секретаря ЦК Компартии Украины Ивана Соколова, но уже 5 октября 1982 года под некрологом первого секретаря Татарского обкома Рашида Мусина подпись Кириленко отсутствовала².

А вот еще типичные трюки политического ритуала. Все темнили и не сообщали на райкомовский уровень, есть Кириленко в руководстве или уже нет. 4 ноября, накануне ноябрьских торжеств, на фасаде Московского инженерно-физического института на уровне второго этажа были вывешены большие портреты членов Политбюро, среди них Кириленко, но уже на следующий день его портрет исчез, как будто его и не было³. Пересуды и слухи только множились. Фокусы с портретами Кириленко и в других районах Москвы заметили многие⁴.

---

¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 329–330.

² Правда. 1982. 23 сентября, 3, 5 октября.

³ Личное наблюдение автора.

⁴ Медведев Р. Генсек с Лубянки. С. 112.

Только опубликованное в газетах сообщение о состоявшемся 22 ноября 1982 года пленуме ЦК КПСС прояснило картину, но не поставило точку в народных пересудах. На этот раз не поспешили на похвалу, что было необычным и тоже вызвало подозрения, раньше ведь так не писали: «Пленум ЦК освободил тов. А.П. Кириленко от обязанностей члена Политбюро ЦК и секретаря ЦК КПСС по состоянию здоровья и в связи с его личной просьбой. Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Ю.В. Андропов отметил, что тов. А.П. Кириленко долгие годы активно работал как в местных партийных органах, так и в Центральном Комитете КПСС, и мы отдаем должное его заслугам перед партией и страной»¹. Ну да, на пенсию по состоянию здоровья, а на самом деле почему? Разговоры о том, как нескромно охотился в Африке сын Кириленко или, хуже того, бежал за границу, продолжались и только ширились. Считается, что информация о поведении сына Кириленко поступила Брежневу из КГБ². Возможно, в поведении сына Кириленко Анатолия и были «какие-то моменты», но в Африке Анатолий Кириленко с «разбитной компанией дружков-шалопаяев» (как об этом писали) точно никогда не охотился, о чем уже в более поздние годы был вынужден неоднократно давать опровержение в газетах.

На этом можно было бы поставить точку. Кириленко отправили на пенсию с почетом, хвалебные слова из уст Андропова о его заслугах попали в газеты. Ну какие после этого могут быть пересуды? Но нет, аппаратная чертовщина не закончилась. В вышедший в свет в октябре 1982 года 9-й том статей и речей Брежнева было включено его выступление 5 ноября 1981 года при вручении Кириленко ордена Октябрьской революции. Дежурная и короткая речь, а сколько теплоты в словах генсека, обращенных к Кириленко: «Мы ценим тебя как энергичного работника, знающего производство и экономику, заботы и чаяния трудящихся, беззаветно преданного идеалам нашей ленинской партии»³.

Всего через полгода в вышедшем в свет в мае 1983 года втором, дополненном издании 9-го тома статей и речей Брежнева

---

¹ Правда. 1982. 23 ноября.

² Медведев Р. Генсек с Лубянки. С. 112.

³ Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 9. С. 284.

этой речи нет. Ее просто выбросили из тома¹. Никто на это не обратил внимания, да и кто вообще в то время читал сочинения Брежнева, а уж тем более после его смерти. Жизнь уже придумала «новые песни». И непонятно, услужливые ли аппаратчики постарались, или было указание свыше? Все-таки репутацию Кириленко вот так, исподволь, подмочили.

СМЕРТЬ БРЕЖНЕВА

То, что случилось в ноябре 1982 года, заслонило все мелкое и суетное. О чем весь год говорили, о чем шутили, когда пышные похороны Сулова называли «генеральной репетицией», свершилось. Брежнев умер. Время Андропова пришло!

Еще накануне Андропов пребывал в неуверенности по поводу своего положения, сомневался в прочности позиций, выслушивал от Брежнева странные вопросы о здоровье. Кто-то там за спиной у Андропова шептался, вливал в брежневские уши яд сомнения. Как пишет Чазов, это был Черненко или Тихонов, они говорили Брежневу о «тяжелой болезни» Андропова. В последних числах октября 1982 года Чазову позвонил Брежнев: «Евгений, почему ты мне ничего не говоришь о здоровье Андропова? Как у него дела? Мне сказали, что он тяжело болен и его дни сочтены. Ты понимаешь, что на него многое поставлено и я на него рассчитываю. Ты это учти. Надо, чтобы он работал». Чазов ответил, что болезнь Андропова действительно тяжелая, но с помощью лечения удалось ее стабилизировать и сохранить работоспособность Андропова. Брежнев согласился, пояснив: «Понимаешь, вокруг его болезни идут разговоры, и мы не можем на них не реагировать»².

Через несколько дней Чазову позвонил и встревоженный Андропов: «Я встречался с Брежневым, и он меня долго расспрашивал о самочувствии, о моей болезни, о том, чем он мог бы мне помочь. Сказал, что после праздников обязательно встретится с вами, чтобы обсудить, что еще можно сделать для моего лечения. Видимо кто-то играет на моей болезни. Я прошу вас успо-

---

¹ Ср.: Брежнев Л.И. Ленинским курсом. 2-е изд., доп. Т. 9. М., 1983. С. 270–272.

² Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 167.

коить Брежнева и развеять его сомнения и настороженность в отношении моего будущего»¹.

Также поговаривали о колебаниях Брежнева между Андроповым и Щербицким при выборе преемника. Действительно, прибыв из отпуска 31 августа, Брежнев 1 сентября работал в своем кабинете в Кремле, а на следующий день улетел в Киев и пробыл там до 5 сентября². Зачем он вдруг отправился в Киев? В газетах об этом визите Брежнева не было ни слова. Частный визит? Наверняка он там виделся со Щербицким. Интересно, что они там обсуждали? Об этом визите начальник УКГБ по Москве и Московской области Виктор Алидин тут же доложил Андропову. В мемуарах он, правда, путает время брежневского визита: «...Леонид Ильич в большой тайне вылетел на несколько часов в Киев. Это мне стало известно от начальника подразделения управления, оперативно обслуживающего Внуковский аэропорт. Я, естественно, доложил об этом Андропову»³.

Между тем еще с весны 1982 года в партийных кругах циркулировал довольно устойчивый слух, о том, что Брежнев хочет оставить должность Генерального секретаря и прочит на свое место Щербицкого. Сам же Брежнев займет ритуальный пост Председателя ЦК КПСС. И все это как будто уже между ними решено, а случиться сия рокировка должна на пленуме ЦК, запланированном на ноябрь. Слух невероятный, ведь уставом КПСС не предусмотрена такая должность! Тем не менее бывший член Политбюро Виктор Гришин пишет об этом в мемуарах⁴.

И вот этот внезапный визит Брежнева в Киев. Что должен был подумать Андропов? Если это так, то все складывается в довольно четкую картину. Щербицкий переводится в Москву, где у него уже есть на боевом посту «свой» председатель КГБ Федорчук. Вообще-то Андропов мог вспомнить события семилетней давности, когда он, не будучи уверен в прочности здоровья Брежнева, просил Чазова специально выехать в Киев и поговорить со Щербицким, прозондировать почву, готов ли он переехать на работу в ЦК в Москву для усиления позиций Генерального секретаря. Чазов отправился в Киев под благовидным предлогом медицинской консультации Щербицкого и после нее в воскресный день

---

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 167.

² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 2. С. 1106.

³ Алидин В.И. Указ. соч. С. 303.

⁴ Гришин В.В. Указ. соч. С. 61.

Е.И. Чазов
[Из открытых источников]

В.В. Щербицкий
[Из открытых источников]

на даче, на прогулке в парке, обрисовал проблемы со здоровьем у Брежнева и «изложил просьбу его друзей о возможном переезде в Москву». Щербицкий был расстроен и ответил не сразу: «Я догадывался о том, что вы рассказали. Но думаю, что Брежнев сильный человек и выйдет из этого состояния. Мне его искренне жаль, но в этой политической игре я участвовать не хочу»¹.

В то время Щербицкий отказался. Некоторые считали, что Щербицкий по натуре «трусливый и мнительный» человек². Может быть, причина тогда была в его излишней осторожности – ну кто такой Чазов и надежны ли те «друзья», что его послали? А сейчас, в 1982 году, дал ли согласие Брежневу? Ведь он лично пожаловал. Вот это вопрос! Андропову стоило серьезно подумать, как действовать.

И вот теперь Брежнев заинтересовался здоровьем Андропова. Именно так, а не наоборот. Андропов же как раз совсем потерял былой интерес и заботу о здоровье генсека. Эту разительную перемену отметил в мемуарах Чазов. Когда он сообщил Андропову

¹ Чазов Е.И. *Здоровье и власть*. С. 137–138.

² Шелест П.Е. *Указ. соч.* С. 541.

о том, что Брежнев недееспособен и об этом он вынужден информировать Политбюро, реакция была весьма вялой: «К удивлению, в отличие от прошлого, Андропов со мной согласился, попросив только не сгущать краски»¹. Он теперь был готов к смене власти.

Более того, случилось еще одно довольно странное событие. С 6 сентября 1982 года в медпункте при кабинете Брежнева в Кремле регулярно начинает дежурить медсестра Нина Коровякова². Да-да, та самая роковая брюнетка, бывшая личная медсестра генсека. Когда-то усилиями Андропова и Чазова она с большим трудом и скандалом была отстранена от дежурств у Брежнева. Медсестра бесконтрольно давала Брежневу лекарства от бессонницы и, по мнению Чазова и Андропова, наносила тем самым вред здоровью генсека. Да и вообще, Брежнев настолько ее приблизил к себе, что это вызвало неудовольствие даже членов Политбюро. И вот теперь Андропов совершенно безразличен к состоянию здоровья Брежнева и даже не обращает внимания на появление среди медперсонала той самой злополучной Нины. А да ну как вновь все завертится? Нет. Андропов не реагирует, он теперь ждет своего часа и торопит его приближение.

На трибуне мавзолея 7 ноября 1982 года Брежнев отстоял несколько часов, выглядел бодрым, правда руку в приветствии поднимал вяло и невысоко – сломанная в результате ташкентского происшествия ключица так до конца и не срослась³. После парада и демонстрации трудящихся состоялся торжественный прием в Большом Кремлевском дворце в три часа дня. И тут все отметили необычайную веселость и бодрость Леонида Ильича, он жал всем руки, произнес тост, «да и шел он хорошо, не шаркая ногами, как бывало в последнее время»⁴. На следующий день уехал на охоту в Завидово. Сам уже не стрелял, лишь сидя в машине «азартно следил за выстрелами своего телохранителя, в последний раз переживая жгучие чувства охотничьего азарта»⁵.

---

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 149.

² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 2. С. 1106, 1107, 1109–1111, 1113–1116, 1118, 1119. Последнее дежурство Коровяковой при жизни Брежнева пришлось на 5 ноября 1982 г.

³ Медведев В.Т. Указ. соч. С. 170, 174.

⁴ Соломенцев М.С. Указ. соч. С. 341.

⁵ Медведев В.Т. Указ. соч. С. 175.

Из Завидова утром 9 ноября Брежнев отправился на работу, приехал без пяти двенадцать. В этот день принял Андропова, затем переговорил по телефону с Щелоковым¹. Работал с документами². После обеда пару часов отдыхал. В 19:30 уехал на дачу в Заречье. В половине девятого ужинал, пожаловался на боль в горле: «тяжело глотать», но от вызова врача отказался. Программу «Время» смотреть не стал, отправился в спальню³.

Ничто не предвещало близкой развязки. А она грянула утром 10 ноября. Брежнев просто не проснулся. Ушел в небытие тихо и безболезненно. В медицинском заключении, подписанном Чазовым и прочими светилами медицины, все изложено просто: «Страдал атеросклерозом аорты с развитием аневризмы ее брюшного отдела, стенозирующим атеросклерозом коронарных артерий, ишемической болезнью сердца с нарушениями ритма, рубцовыми изменениями миокарда после перенесенных инфарктов. Между 8 и 9 часами 10 ноября 1982 года произошла внезапная остановка сердца»⁴.

Вот только возникает навязчивый вопрос: а принимал ли Брежнев накануне что-нибудь для сна? Памятна история, приключившаяся с ним в октябре 1979 года в ходе его визита в ГДР. Чазов пишет: «Для того чтобы успокоиться и уснуть, он вечером накануне выступления, не оценив своей астении, принял какое-то снотворное, которое предложил ему кто-то из услужливых друзей. Оно оказалось для него настолько сильным, что, проснувшись утром, он не мог встать. Когда я пришел к нему, он, испуганный, сказал только одно: “Евгений, я не могу ходить, ноги не двигаются”»⁵. Но хорошо, что он вообще проснулся! До назначенного выступления Брежнева оставался час, и Чазов употребил в дело все свои таланты, чтобы привести Леонида Ильича в кондицию. Но чего это стоило!

А еще раньше Брежнев взял моду запивать таблетки «Зубровкой», для усиления эффекта⁶. И Чазов подтвердил, что «спиртное

---

¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 2. С. 1119.

² Охранявший Брежнева Медведев пишет, что на несколько минут в кабинет заходил Черненко, но в журнале Приемной это не отражено (Медведев В.Т. Указ. соч. С. 175).

³ Там же. С. 176–177.

⁴ Правда. 1982. 12 ноября.

⁵ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 150.

⁶ Прибытков В.В. Указ. соч. С. 69.

и в самом деле усиливает снотворный эффект, но посоветовал не злоупотреблять»¹. Вечером накануне смерти Брежнев ничего не пил за скромным ужином – ел творог и пил только чай. Но таблетки у Брежнева были всегда под рукой – в тумбочке в спальне². И никто не контролировал, принимал ли он в ту ночь снотворное и если да, то сколько.

Утром 10 ноября было без двух минут девять, когда охрана, пришедшая будить Брежнева, увидела его тело уже бездыханным. Брежнев «лежал на спине, голова опущена на грудь. Бывало иногда, он запрокинет голову, всхрипнет и задерживает дыхание чуть не до минуты. Но тут подбородок на груди, поза странная, для сна неудобная, подушка сбилась к спинке кровати, и он ее не поправил»³. Пытались привести его в чувство, где-то около получаса делали искусственное дыхание – все было напрасно.

Уже через полчаса Андропов был в Заречье. Поднялся в спальню, выслушал охранников, не задавал лишних вопросов и только сказал «Да, видимо, ничем уже не поможешь...»⁴. Как пишет охранявший Брежнева Владимир Медведев, следом за Андроповым приехал Чазов и за ним бригада реанимации. Хотя это и было абсолютно бесполезно, но взялись реанимировать. Минут через десять Чазов сказал: «Прекращайте» и обратился к Андропову: «Бесполезно»⁵.

Несколько иначе излагает ход событий Чазов. Он пишет, как в 8 утра прибыл на работу и еще не успел зайти в кабинет, когда услышал звонок правительственной связи. Ему звонил Владимир Собаченков из охраны Брежнева: «Евгений Иванович, Леониду Ильичу нужна срочно реанимация»⁶. Чазов уже через 12 минут был в Заречье. Зашел в спальню: «Одного взгляда мне было достаточно, чтобы увидеть, что Брежнев скончался уже несколько часов назад. Из рассказа Собаченкова я узнал, что жена Брежнева, которая страдала сахарным диабетом, встала в 8 часов утра, так как в это время медицинская сестра вводила ей инсулин. Брежнев лежал на боку, и, считая, что он спит, она

---

¹ Прибытков В.В. Указ. соч. С. 69.

² Медведев В.Т. Указ. соч. С. 145, 176.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же. С. 178–179.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 168.

вышла из спальни. Как только она вышла, к Брежневу пришел В. Собаченков, чтобы его разбудить и помочь одеться. Он-то и застал мертвого Брежнева»¹. Вслед за Чазовым приехали врачи, которые начали проводить в полном объеме реанимационные мероприятия. Но, пишет Чазов, «для меня было ясно, что все кончено, и эта активность носит больше формальный характер»². По словам Чазова, он думал, «как сказать о смерти Брежнева его жене, которая только 30 минут назад вышла из спальни, где несколько часов лежала рядом с умершим мужем». Довольно странное утверждение. Интересно, что в официальном сообщении время смерти Брежнева указано 8 часов 30 минут утра³. Но, возможно, прав Чазов, память его не подвела.

Возник главный вопрос – кому из руководителей страны следует сообщить о случившемся. Чазов пишет, что он из Заречья позвонил Андропову, но его секретарь сообщил, что тот еще не приехал на работу. Тогда Чазов просил сообщить Андропову, чтобы он срочно позвонил в Заречье. Андропов через несколько минут перезвонил из машины. Чазов, не говоря лишних слов, лишь просил его срочно приехать. «Появился взволнованный и растерянный Андропов, который сказал, что сразу после моего звонка догадался, что речь идет о смерти Брежнева»⁴.

Андропов действительно растерялся. Он не знал, как действовать, и еще не почувствовал себя в этот момент хозяином положения. Как вспоминал Чазов: «Он искренне переживал случившееся, почему-то суетился и вдруг стал просить, чтобы мы пригласили Черненко. Жена Брежнева резонно заметила, что Черненко ей мужа не вернет и ему нечего делать на даче. Я знал, что она считает Черненко одним из тех друзей, которые снабжали Брежнева успокоительными средствами, прием которых был ему запрещен врачами. Может быть, это сыграло роль в тоне отрицательного ответа на предложение Андропова. Андропов попросил меня зайти вместе с ним в спальню, где лежал Брежнев, чтобы попрощаться с ним.

Медицинский персонал уже уехал, и в спальне никого не было. На кровати лежал мертвый лидер великой страны, 18 лет стоявший у руля правления. Спокойное, как будто во сне, лицо.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Правда. 1982. 12 ноября.

⁴ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 169.

лишь слегка одутловатое и покрытое бледно-синей маской смерти. Андропов вздрогнул и побледнел, когда увидел мертвого Брежнева. Мне трудно было догадаться, о чем он в этот момент думал – о том, что все мы смертны, какое бы положение ни занимали (а тем более он, тяжелобольной), или о том, что близок момент, о котором он всегда мечтал – встать во главе партии и государства. Он вдруг зашепшил, пообещал Виктории Петровне поддержку и заботу, быстро попрощался с ней и уехал»¹.

Андропов быстро собрался с мыслями. Провожая его до машины, Чазов увидел прежнего Андропова: «собранный, твердый, видимо, принявший решение». На ходу он бросил: «Надо срочно собирать пленум ЦК»².

Андропов уехал брать власть. В Москве он успел встретиться и переговорить с наиболее влиятельными членами Политбюро. Надо было решить, кто теперь возглавит страну. Детали этого разговора неизвестны, но то, что такая встреча была утром, сразу же после возвращения Андропова из Заречья – факт.

Вернувшись в ЦК, Андропов пригласил в свой кабинет Горбачева и известил о смерти Брежнева. Горбачев полагал, что теперь все ясно, и четко обозначил свою позицию: «Необходимо принимать решение, и, думаю, оно будет касаться лично Вас». Андропов не ответил, и тогда Горбачев спросил напрямую:

«Вы встречались в “узком кругу”?»

Он кивнул головой. Да они встречались и сошлись на кандидатуре Андропова»³.

По словам Андропова, этот узкий круг, принявший решение о новом генсеке, составили Устинов, Громыко и Тихонов. Почему-то Черненко он не упомянул⁴. Может быть, наконец-то осознал, что теперь он ему уже не помеха. Вероятно, Андропов по дороге из Заречья сам их обзвонил и собрал. Как вспоминал Громыко, рано утром 10 ноября ему позвонил Андропов и сообщил: «Леонид Ильич Брежнев только что скончался»⁵. Известили и остальных членов Политбюро. Днем в Алма-Ату позвонил первый заместитель заведующего общим отделом ЦК Клавдий Боголюбов и просил Кунаева срочно вылететь в Москву на заседание По-

---

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 169.

² Он же. Рок. С. 90.

³ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 312.

⁴ Там же.

⁵ Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. М., 1990. С. 530.

литбюро, не объясняя причин. К вечеру 10 ноября Кунаев прилетел. В Кремле все члены Политбюро были уже в сборе, ждали только Кунаева. Как он вспоминал: «Сразу вошли в зал. На ходу я спросил у Щербицкого: “Что случилось?” Он ответил: “Случилось самое худшее”. Открывая заседание, Андропов сообщил о смерти Брежнева. Все молчали несколько минут...»¹.

На заседании Политбюро было принято единогласное решение о созыве пленума ЦК и выдвижении на должность Генерального секретаря ЦК КПСС Андропова.

Характерно, что сообщение о смерти Брежнева на места отправили только поздним вечером 10 ноября, когда уже определились с преемником. Причем по линии КГБ чуть ли не на полтора часа раньше, чем по партийным организациям. Как пишет Воротников, «...только в 22.30 мы получили официальную телеграмму в крайком: сообщение Политбюро о том, что 10 ноября рано утром скорострительно скончался Л.И. Брежнев»².

А советские люди догадались раньше, потому что тем же вечером напрасно ждали у телевизора концерт, посвященный Дню советской милиции. В программе значилось, что трансляция начнется в 19.30, но ее не было³. А утро следующего дня началось с классической музыки – торжественной, грустной и местами даже заунывной. Люди все поняли. Почуяли неладное даже дети, когда утром 11 ноября не увидели передачу «Отзовитесь, горнисты!». Из кухонного приемника вместо «Радио – малышам» лились траурные мелодии. Официальное объявление последовало лишь в 11.00. Зачитывали обращение к советскому народу.

И случилось то, чему «генеральной репетицией», как шутили в народе, были похороны Суслова в самом начале года. Первые страницы газет с большим портретом Брежнева были взяты в траурную рамку и публиковали некролог и обращение к советскому народу. Гроб для прощания выставили в Колонном зале Дома Союзов, и туда потянулся народ. В почетный караул становились члены Политбюро и прочие сановные лица. На стульях в зале сидели безутешные родственники Брежнева – жена, дочь, внуки.

Телевидение вело трансляцию. Когда члены Политбюро вошли в зал выразить соболезнование семье покойного, впереди

---

¹ Кунаев Д.А. Указ. соч. С. 213.

² Воротников В.И. Указ. соч. С. 17.

³ Правда. 1982. 6 ноября.

*Похороны Л.И. Брежнева
15 ноября 1982
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 109. Л. 16]*

уже по-хозяйски шел Андропов, слегка покачиваясь, широко расставляя ноги, но в то же время уверенно. Жена Брежнева, родные при приближении Андропова потянулись привстать, но он властным и примирительным жестом, помахивая рукой, подал знак сидеть, наклонившись сам, что-то им говорил утешительное.

Похороны провели по самому высшему разряду. Выдумывать ничего не стали – слегка подновили сценарий сталинских похорон. Детей из школ отпустили, из орудий стреляли, а в момент погребения остановили транспорт, он оглашал местность протяжными гудками.

Не дожидаясь дня похорон, Андропов 12 ноября 1982 года занял должность Генерального секретаря ЦК КПСС. В этот день был срочно собран пленум ЦК КПСС. Открыл заседание Андропов. Сообщив членам ЦК о «тяжелой утрате» – кончине «выда-

*Похороны Л.И. Брежнева. Слева направо: Войцех Ярузельский, Фидель Кастро, Янош Кадар, Чыонг Тинь, Юмжагийн Цеденбал
15 ноября 1982
[РИА Новости]*

*Д.Ф. Устинов, К.У. Черненко, Н.А. Тихонов и Ю.В. Андропов
в почетном карауле у гроба Л.И. Брежнева
11 ноября 1982
[РИА Новости]*

ющего деятеля международного коммунистического и рабочего движения, пламенного коммуниста, верного сына советского народа», призвав «еще теснее сомкнуть наши ряды, еще крепче сплотиться вокруг Центрального Комитета партии», Андропов предложил членам ЦК высказаться. Слово взял Черненко и сообщил, что Политбюро поручило ему выступить на пленуме и внести для избрания на должность Генерального секретаря кандидатуру Андропова. Охарактеризовав Андропова как «ближайшего соратника Леонида Ильича», Черненко добавил: «Юрий Владимирович хорошо воспринял брежневский стиль руководства, брежневскую заботу об интересах народа, брежневское отношение к кадрам, решимость всеми силами противостоять прощам агрессоров, беречь и укреплять мир»¹.

На пленуме в ответной речи, расточая похвалы усопшему Брежневу, Андропов сказал пару слов не для протокола: «Мы здесь свои. Я не хочу кривить душой. У меня нет такого авторитета во внешнем мире и в партии, такого опыта»².

Андропов в полной мере сознавал тяжесть своей болезни. Вечером того же дня, когда он был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, он принял у себя на даче Чазова и лечащего врача и завел речь о своем лечении: «Я понимаю, какую трудную задачу ставлю перед вами. Но вы должны сделать невозможное – поддержать мою работоспособность». И улыбаясь, горько пошутил: «Сколько раз вы от меня слышали эту фразу касательно предыдущего Генерального секретаря, теперь и новый такой же. Незавидная у вас участь»³.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

1982-й кардинально поменял властную верхушку. Сразу три высших руководителя КПСС ушли с политической сцены.

Уже летом 1982 года Горбачев с удивлением отметил изменения в характере и стиле работы Андропова: «У меня родилось ощущение, что в нем произошли перемены, которых я не замечал прежде». Горбачев объясняет это немощью Брежнева, усилением интриг в его окружении и желанием Андропова по-

---

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 12 ноября 1982 г. М., 1982. С. 5, 7, 8, 10, 11.

² Воротников В.И. Указ. соч. С. 18.

³ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 172.

*Ю.В. Андропов на
сессии Верховного
Совета СССР
23 ноября 1982
[РИА Новости]*

казать, что нет никакого безвластия и все рычаги управления – в твердых руках: «Главное – утверждалась требовательность и жесткость. Ну а по части персональной ответственности Юрий Владимирович нагонял порой такого страха, что при всей вине тех, на кого обрушивался его гнев, их нередко становилось по-человечески просто жалко»¹.

Воцарение в Кремле Андропова с его мрачным прошлым породило немало шуток и анекдотов: «Кто проголосовал за товарища Андропова – могут опустить руки и отойти от стены».

Кадровые перемены на ноябрьском (1982) пленуме ЦК удивили. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиев был переведен из кандидатов в члены Политбюро и перешел на работу в Москву. Через два дня после пленума, 24 ноября, Алиев был назначен первым заместителем председателя Совета министров СССР. Это назначение Андропов не особо комментировал, а на расспросы Горбачева «нехотя и уклончиво отвечал, что вопрос был предreshен Брежневым, и он не захотел менять этого решения»².

---

¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 304.

² Там же. С. 330.

Брежнев весьма благоволил Алиеву. В сентябре 1982 года он совершил поездку в Баку и был более чем доволен оказанным приемом. Торжества по случаю приезда столь высокого гостя с танцами и ликующим народом на улицах были настолько помпезны, что вызвали у наблюдателей недоумение и смех. Сошло бы за дурную пародию чинопочитания, если бы не делалось все-речь. Кое-кто даже заговорил о постмодернистском преломлении традиционных форм культа личности. Все выглядело как буффонада и профанация. Действительно, образчики продемонстрированного в Баку художественного творчества, воспевающие Брежнева, поражают.

Звучит как совесть мира Ваше слово,
Внимает Вам эпоха, клокоча...
Биенье сердца
Ильича родного
Мы слышим в верном сердце Ильича.
Сквозь бури века
Правда нас ведет
Во имя мира,
Счастья и свободы,
И в Вас опору видит наш народ,
Как Вы опору видите в народе¹.

Или вот, ничуть не хуже:

Он думает о судьбах всей земли,
Он видит тень зловещего пожара...
И память Малой доблестной земли
Перед бессонным взором комиссара.
Спасибо Вам, родной товарищ Брежнев!
Любой наказ Ваш, как партийный план,
Взошел цветеньем солнечным и вешним,
Преображая мой Азербайджан!²

Позднее писали, что накануне высокого визита спешно был организован музей 18-й армии, в которой Брежнев в годы войны возглавлял политотдел, ресторан «Дружба» был срочно переделан в Дворец дружбы народов и специально для Брежнева по-

¹ Хазри Н. Голос сердца // Третий орден Ленина Советского Азербайджана. Баку, 1983. С. 47–48.

² Гасанзаде Н. Надежда мира // Там же. С. 120.

Л.И. Брежнев за работой над «Воспоминаниями»

Художник Т. Салахов

1981

[Из открытых источников]

строили «помпезное здание». Пораженный размахом приготовлений к его приезду Брежнев, как рассказывают, бросил фразу: «Гейдар, за это надо судить». Но это в манере Леонида Ильича, не всерьез, а в форме начальственной шутки¹.

На торжественном заседании Алиев выступил с приветствием: «Ваш приезд, дорогой Леонид Ильич, – историческая веха в летописи Советского Азербайджана. В эти дни ликует вся республика, праздник пришел в каждый дом, в каждую семью»². Вот так – ни больше ни меньше – историческая веха!

«Сотни тысяч бакинцев выстроились вдоль всей многокилометровой трассы, связывающей аэропорт с центром города, чтобы

---

¹ Эфендиев В. Алиевщина, или плач по «сладкому» времени // Правда. 1990. 4 февраля.

² Третий орден Ленина Советского Азербайджана. С. 63.

*Г.А. Алиев
[Из открытых
источников]*

приветствовать Леонида Ильича, выразить ему свою огромную любовь и признательность»¹. А ведь это был рабочий день – 24 сентября, пятница. Какая уж тут работа – это просто какой-то праздник! Провожали Брежнева 27 сентября в понедельник, и опять сотни тысяч провожающих!

Через месяц, 22 октября, в Баку состоялся пленум ЦК Компартии Азербайджана. В докладе Алиев подвел итоги визита Брежнева в республику и 177 раз упомянул его фамилию, а в резолюции пленума были 62 ссылки на его «исторические указания и предназначения»².

Ну и как Брежнев мог отблагодарить Алиева? Отблагодарил как смог – выдвинул в Политбюро. Андропов не возражал и брежневский наказ оставил в силе. В воскресный день 21 ноября 1982 года, накануне пленума ЦК КПСС, он принял Алиева³. Не зря Черненко при избрании Андропова генсеком упирал на «брежневскую заботу о кадрах».

Другое назначение было уже результатом решения, принятого самим Андроповым. Николая Рыжкова на пленуме избрали секретарем ЦК. Тогда же, в ноябре 1982 года, был создан экономический отдел ЦК КПСС, вобравший в себя бывший

¹ Третий орден Ленина Советского Азербайджана. С. 29.

² Эфендиев В. Указ. соч.

³ Андрианов В., Мираламов Г. Гейдар Алиев. М., 2005. С. 117.

*Л.И. Брежнев
в Азербайджане
Сентябрь 1982
[Из открытых
источников]*

отдел планово-финансовых органов ЦК, заведующим отделом был назначен Рыжков. Накануне важного назначения с ним беседовал Андропов. Как вспоминал Рыжков, его утром в воскресенье день (21 ноября, накануне пленума ЦК) разыскал помощник Черненко и попросил срочно приехать на Старую площадь:

«Пришла машина, отвезла меня на Старую площадь к первому подъезду. Черненко обитал на главном – пятом этаже, где всего-то и было три рабочих кабинета: Генерального секретаря, второго человека в партии и... Хотел было написать: третьего, но никакого третьего не было. Официально и второго не существовало, но многие годы просидевший на этом этаже Суслов к официальному признанию и не стремился, просто сидел рядом с Генеральным и спокойненько всем руководил.

По неписаной традиции в кабинет Сусллова после его смерти сел сначала Андропов, а потом, когда он перебрался в бывший кабинет Брежнева, насиженное сусловское “гнездо” занял Черненко. Кстати, позже в нем пришлось посидеть и Горбачеву, и Лигачеву. Третьим на пятом этаже был тогда А.П. Кириленко, а вернее – остался только его кабинет. Сам же он как-то незаметно ушел из активной жизни, с официальных трибун, даже портреты его исчезли»¹.

¹ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 35.

ПЛЕНУМ ЦК КПСС — НОЯБРЬ 1982 г.

Свердловский зал, 11 час. утра

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЕ

Утреннее, 22 ноября

Председательствующий т. Андропов. Товарищи! На Пленум ЦК прибыло абсолютное большинство состава Центрального Комитета КПСС. Отсутствуют по уважительным причинам (большая и в заграничном командировке) 10 членов ЦК, 8 кандидатов в члены ЦК, 3 члена Центральной ревизионной комиссии КПСС.

Какие будут предложения о начале работы Пленума?

Голоса. Начать.

Андропов. Есть предложение начать работу Пленума. Есть другие предложения?

Голоса. Нет.

Андропов. Разрешите очередной Пленум ЦК считать открытым. Слово имеет товарищ Черненко.

Черненко. Товарищи! В известную для Пленума, как вам известно, включены следующие вопросы:

1. О Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1983 год.

Докладчик т. Байбаков Н. К.

2. О Государственном бюджете СССР на 1983 год.

Докладчик т. Гарбузов В. Ф.

Есть ли добавления или замечания по повестке дня?

Голоса. Нет.

Черненко. Товарищи! Политбюро Центрального Комитета партии решило внести на ваше рассмотрение некоторые организационные вопросы перед рассмотрением вопросов, стоящих в повестке дня.

Первое. Вносятся предложения перевести из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС товарища Алешева Георгия Алесича.

Андропов. Какие имеются вопросы? Другие предложения? Нет? Разрешите голосовать. Кто за то, чтобы избрать товарища Алешева членом Политбюро ЦК КПСС, прому поднять руку. Прому опустить. Кто против? Кто воздержался? Нет. Принимается единогласно. (Аплодисменты.)

Черненко. Второе. Политбюро Центрального Комитета партии вносит на ваше рассмотрение следующий вопрос:

8 сентября 1982 г. в Политбюро Центрального Комитета партии на имя Генерального секретаря Центрального Комитета партии Леонида Ильича Брежнева обратился товарищ Кирилченко Андрей Павлович со следующим заявлением: «Я состою в партии коммуниста более полувека, из них 44 года на активной руководящей партийной работе. Все эти годы я отдавал свои силы и знания делу служения партии, интересам советского народа. Для меня не было ничего дороже здоровья товарищей по работе и лично Вашего, дорогой Леонид Ильич.

К сожалению, состояние моего здоровья не позволяет мне в должной степени выполнять высокие обязанности члена Политбюро и Секретаря ЦК КПСС. Поэтому, несмотря на всю моральную тяжесть, я обращаюсь к Вам с просьбой решить вопрос об освобождении меня с постов члена Политбюро и Секретаря ЦК КПСС.

Пользуюсь случаем, хочу выразить Вам, Леонид Ильич, глубокую благодарность за внимательное, товарищеское отношение по мне за годы совместной работы. Желаю Вам и всем товарищам в Политбюро новых больших успехов в строительстве коммунизма.

А. Кирилченко

8 сентября 1982 года.

На очередном заседании Политбюро ЦК Леонид Ильич огласил это заявление товарища Кирилченко, оно было обсуждено, и признано целесообраз-

ным. Товарищ Алешев Георгий Алесич, член ЦК, который бы сосредоточил свое внимание на вопросах экономики. В связи с этим вносятся предложения утвердить Секретарем ЦК КПСС т. Рыжкова Николая Ивановича, работающего в настоящее время первым заместителем председателя Госплана СССР (Представляет Пленуму т. Рыжкова).

Андропов. Имеются ли к т. Рыжкову какие вопросы? Нет.

Тон Рыжков Н. И. имеет экономическую работу. Нам нужен такой человек в Центральном Комитете партии. Если нет вопросов, давайте проголосуем. Кто за то, чтобы избрать т. Рыжкова Н. И. Секретарем ЦК КПСС, прому голосовать. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принимается единогласно.

Черненко. Четвертое. У нас есть несколько кандидатов членом ЦК КПСС, поэтому Политбюро сочло целесообразным внести предложение о переводе из кандидатов в члены ЦК КПСС товарищей Алянинова Владимира Сергеевича — председателя Правления Госбанка СССР, Макаренко Виктора Сергеевича — первого секретаря Крымского обкома партии и Перевезеру Нину Васильевну — заведующую колхоза «Путь Ленина» Ростовской области.

Андропов. Товарищи, давайте проголосуем отдельно каждую кандидатуру. Голосовать полагаются отдельно. Нет возражений?

Голоса. Нет.

Черненко. Слово для доклада по первому вопросу повестки дня предоставляется т. Байбакову Николаю Константиновичу — заместителю Председателя Совета Министров СССР, Председателю Госплана СССР.

Байбаков. Уважаемые товарищи!

Прежде чем доложить вам о проекте Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1983 год, позвольте остановиться на основных показателях ожидаемого выполнения плана текущего года.

Благодаря большой организаторской и политической работе нашей Партии и Правительства по исполнению решений XXVI съезда КПСС в текущем году будет обеспечен дальнейший рост общественного производства и производительности труда в на этой основе повысится уровень жизни нашего народа.

В 1982 году достигли планового уровня объемы производства таких крупных и важных отраслей промышленности, как топливно-энергетическая, большинство отраслей машиностроения, многие производства химической, легкой и пищевой промышленности. Будет обеспечен в соответствии с планом выпуск товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения, повысится обороноспособность наших Вооруженных Сил.

т. Алянинов КПСС, прому против? Нет. Принимается единогласно. Черненко В. С. прому поднять руку? Нет. Принимается единогласно.

Алянинов, зна- один раз ли- ее делал по

Перевезеру же. Кто за это? Кто против? Принимается единогласно.

работы Плену- рому вопросу или 50 минут. Ф. просят 20 мин. Нет возра-

сших предла- жениями 1,5—2 часа. Замечания по

Стенограмма пленума ЦК КПСС

22 ноября 1982

[РГАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 44. Л. 138-138 об.]

Черненко даже не предложил Рыжкову сесть, и тут же они вместе пошли в кабинет Андропова. Рыжков отметил «довольно хитрую манеру» Андропова – «молчать, побуждая собеседника к монологам, быстрыми вопросами вытягивать из него нужное»¹. После рассказа Рыжкова о Госплане и проблемах в экономике, о мешавшей работе ведомственности Андропов сообщил о решении создать в ЦК отдел экономики, который должен возглавить секретарь ЦК. Андропов предложил эту должность Рыжкову².

На ноябрьском (1982) пленуме ЦК КПСС Андропов выступил, как тогда шутили в народе, с «тронной речью». Много в ней было вполне традиционно – призывы улучшить, повысить, обратить особое внимание... но был и любопытный момент. Андропов произнес несколько фраз, как он выразился, «не для печати». И повел речь о закупках зерна и продовольствия за рубежом. За предыдущие годы на эти цели были истрачены «десятки миллиардов золотых рублей». Андропов заявил, что «американцы ведут валютную войну против всех и прежде всего против Советского Союза и других социалистических стран», и добавил драматизма: «Они в финансовом отношении, что называется, поставили на колени Польшу и в какой-то мере Венгрию. И, конечно, этот факт ободряет их в действиях против нас. Рейган до того обнахалился, что говорит: да, мы продаем хлеб Советскому Союзу, но мы его этим самым истощаем»³.

Андропову было о чем беспокоиться. Позиция западных стран в нажиме на Советский Союз становилась все более и более консолидированной. Рейган прилагал все усилия в этом направлении: «В течение всего 1982 года я пытался убедить наших европейских союзников запретить предоставление кредитов Советам и присоединиться к нам в других санкциях, направленных на остановку строительства транссибирского газопровода. Мои попытки отчасти удались. Однако мне не удалось убедить их настолько усилить экономическое давление на Советский Союз, насколько я считал нужным для ускорения краха коммунизма; многие из наших европейских союзников больше заботились о

---

¹ Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 36.

² Там же. С. 35–37. О создании Экономического отдела ЦК и утверждении Рыжкова см.: Решение Политбюро ЦК КПСС П87/IX от 2 декабря 1982 г.

³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 44. Л. 153.

родфия и система материального стимулирования. Надо, чтобы те, кто смело идет на внедрение новой техники, не оказались в невыгодном положении.

Другим крупным резервом является рациональное использование материальных и трудовых ресурсов. Планом на 1983 год устанавливаются повышенные задания по их экономии. Хотелось бы обратить внимание товарищей на то, что сейчас вопрос об экономии материальных ресурсов должен рассматриваться по-новому, а не так, что «экономила — хорошо, не сэкономила — тоже сойдет».

Ныне экономия, рачительное отношение к народному добру — это вопрос реальности наших планов. И решение его необходимо обеспечить целой системой практических мер, прежде всего со стороны Госплана СССР и Госнаба СССР, министерств и ведомств. Большую работу предстоит провести всем партийным комитетам и партийным организациям.

У нас есть немало примеров творческой работы, подлинно хозяйского отношения к народному добру. Но этот опыт, к сожалению, не находит должного распространения. А между тем зачастую здесь не требуется особых затрат. Значит, не хватает другого — инициативы, решительной борьбы с бесхозяйственностью, с расточительством.

Разумеется, решить эту задачу можно лишь при участии каждого рабочего, каждого труженика наших предприятий, наших колхозов и совхозов. Надо добиться того, чтобы они восприняли эту задачу как свое собственное дело.

В общем, товарищи, в народном хозяйстве много назревших задач. У меня, разумеется, нет готовых рецептов их решения. Но именно всем нам — Центральному Комитету партии — предстоит эти ответы найти. Найти, обобщая отечественный и мировой опыт, аккумулируя знания лучших практических работников и ученых. В общем, одними лозунгами дела с места не сдвинешь. Необходима большая организаторская работа партийных организаций, хозяйственных руководителей, инженерно-технических работников, чтобы каждую из этих огромных, важных задач рассмотреть не только в разрезе каждой отрасли, но и каждого завода, каждого цеха, участка и, если хотите, каждого рабочего места.

Центральное место в наших планах занимают меры, связанные с реализацией Продовольственной программы.

Первые шаги по осуществлению решений майского (1982 г.) Пленума ЦК пришлось делать в довольно трудной обстановке. Погода и в этом году нас не баловала. И тем более важно отметить самоотверженную работу сельских тружеников. Благодаря этому, а также благодаря укреплению материально-технической базы сельского хозяйства ряд областей, краев и республик добились неплохих результатов. Сбор зерновых заметно увеличился против прошлого года. Выращен неплохой урожай хлопка, овощей, винограда. Увеличилось производство молока и яиц. Набирают силы подсобные хозяйства промышленных предприятий. Оправдывает себя и забота о развитии личных подсобных хозяйств. Вместе с тем перебор в снабжении некоторыми продовольственными товарами все еще не устранен.

Все понимают, конечно, что осуществление Продовольственной программы — дело не одного года. Это так. Но мы должны прямо сказать и другое: выполнять Продовольственную программу нельзя затягивать. Работникам агропромышленного комплекса надо изо дня в день наращивать усилия, трудиться так, чтобы огромные средства, направляемые на решение этой задачи, давали отдачу уже сегодня и еще большую — завтра.

Политбюро считает, что на предстоящих пленумах и активах партийных комитетов, на сессиях Советов народных депутатов, которые будут рассматривать планы на будущий год, должен быть обсужден и ход реализации решений майского (1982 г.) Пленума ЦК. Надо, чтобы все практические действия на этом важном участке экономики мы сверяли с Продовольственной программой.

Не стану подробно говорить о том, что надо хорошо завершить сельскохозяйственный год, сохранить собранный урожай, заложить основы урожая будущего года, успешно провести зимовку скота. Все это само собой разумеется. Следует без раскачки переходить к решению новых задач, рассматривая их в тесной увязке с коренными направлениями развития агропромышленного комплекса, имея в виду, что речь идет именно о комплексе, где второстепенных задач нет.

Хочу сказать несколько слов не для печати. Речь идет, товарищи, о той практике, которая сложилась у нас с закупками зерна и других товаров за границей.

Несколько лет назад в лихую, неурожайную годину мы пошли на это. Пошли не без колебаний. И первым, кто долго не хотел согласиться на такой шаг, был наш дорогой Леонид Ильич. «Как мы — зернопроизводящая страна — и вдруг пойдем к американцам покупать зерно!» Но потом к закупкам привыкли. Вступил в действие своего рода автомат: стали каждый год покупать за границей зерно, где-то — масло, где-то — мясо, где-то — молоко. И конца этому не видно.

Конечно, вы понимаете, что все это нам за прекрасные глаза не дают. Требуются деньги. Не хочу пугать, но скажу, что за минувшие годы мы израсходовали десятки миллиардов золотых рублей на такое дорогостоящее дело.

Как посмотреть на это? Говорят, золото лежит. Оно, мол, все равно никого не кормит. А так — купили продовольствие, накормили людей. Но это неверно. Неверно, что золото лежит. Золото в настоящее время, товарищи, не лежит. Все, кто следит за международной жизнью, знают, что золото воюет в настоящее время, что американцы ведут валютную войну против всех и прежде всего против Советского Союза и других социалистических стран.

Она в финансовом отношении, что называется, поставили на колени Польшу и в какой-то мере Венгрию. И, конечно, этот факт обдорает их в действиях против нас. Рейган до того обнахался, что говорит: да, мы продаем хлеб Советскому Союзу, но мы его этим самым истошаем. Правильно ли это? Да, правильно.

Мы не можем бесконечно продолжать сложившуюся практику закупок. Я не к тому веду дело, что вопрос этот надо поднимать сейчас на активах, принимая какие-то решения. Но сегодня мы, Политбюро, просим всех присутствующих здесь чле-

своих экономических отношениях с Восточной Европой, чем о затягивании петли на шее Советов»¹.

На состоявшейся после пленума ЦК 7-й сессии Верховного Совета СССР был триумф председателя КГБ Федорчука. Ему выпала честь выступить с докладом о проекте закона «О государственной границе СССР»². Представив депутатам новый закон и поговорив о границе между социалистическими странами и СССР как о границе «нового типа», границе «дружбы и сотрудничества», Федорчук затронул любимую андроповскую тему служения партии и изрек: «Органы КГБ стали на деле выполнять роль боевого отряда партии в защите завоеваний Октября»³. Правда, с цитированием Брежнева он переборщил, да и неумеренное восхваление Андропова выглядело как-то уж чрезмерным. Федорчук просто не скупился на эпитеты: «Все мы знаем Юрия Владимировича Андропова как талантливое руководителя и организатора, политического деятеля ленинской школы, обладающего широким кругозором и большой прозорливостью, глубоким видением проблем и мудрой осмотрительностью при принятии решений»⁴.

Вот если бы сам Федорчук обладал прозорливостью, он бы не полагался на «мудрую осмотрительность» Андропова при принятии решений. Его не спасли ни правильные партийные слова об «органах», ни славословия в адрес Андропова.

Через месяц, 17 декабря, Андропов провел давно задуманную им рокировку. Наконец-то назначил Чебрикова председателем КГБ, Федорчука пересадил в кресло министра внутренних дел, подсластив пилюлю присвоением ему звания генерала армии. И главное – Щелоков был повержен. Его сняли с министерского поста, дальнейшая его судьба в свете всех скандалов вокруг МВД была незавидной. Все это было продумано и решено Андроповым гораздо раньше. Уже 12 ноября 1982 года, в день избрания его на пост генсека, он делился с Чазовым своими планами относительно Чебрикова и Федорчука⁵.

---

¹ Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 552.

² Седьмая сессия Верховного Совета СССР (десятый созыв): Стенографический отчет. М., 1982. С. 302–310.

³ Там же. С. 303, 309.

⁴ Там же. С. 308.

⁵ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 171.

*Ю.В. Андропов выступает с докладом на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования СССР
21 декабря 1982
[РИА Новости]*

В беседе с Горбачевым Андропов нелестно отзывался о Федорчуке, утверждал, что тот ему редко звонит¹. Может быть, Андропов и не был бы так милостив и вовсе бы «задвинул» не своего выдвиженца. Он ведь знал, что Федорчук, будучи уже в Москве, регулярно звонил и встречался с Владимиром Щербицким². Но в тот момент Андропов все-таки не хотел обижать руководителя Украины Щербицкого и гнобить проработавшего с ним много лет Федорчука. Да и в МВД Федорчук с его чекистскими и солдафонскими методами (как-никак бывший особист) был, по мнению Андропова, вполне уместен. Разберется со скомпрометировавшими себя работниками внутренних дел как надо и до конца. В общем, почистит и укрепит аппарат МВД. Характер

¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 328.

² Там же. С. 334.

*К.У. Черненко и
Ю.В. Андропов на
торжественном
заседании,
посвященном
60-летию
образования
СССР
21 декабря 1982
[РИА Новости]*

у Федорчука действительно был тяжелый: «Поговаривали, что своей суровостью он в Киеве довел до самоубийства сына»¹.

В наступившем 1983 году за милицию взялись всерьез, направив туда сотни кадровых работников КГБ. А в августе 1983 года в 3-м Главном управлении (в военной контрразведке) КГБ организовали специальное подразделение для «агентурно-оперативного обслуживания органов МВД», а попросту управление «В» 3-го Главного управления КГБ. Подразделения Министерства внутренних дел – войска, милиция и прочие были теперь прочно взяты под негласный контроль КГБ.

Внешне ноябрьский (1982) пленум ЦК КПСС никак не отразился на положении Черненко, но фактически он стал вторым после Андропова человеком в партии. На этот счет 2 декабря 1982 года было принято решение Политбюро: «В связи с большой занятостью члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС т. Черненко К.У. вопросами организационно-партийной и идеологической работы, а также вопросами работы административных органов освободить его от обязанностей заведующего Общим отделом ЦК КПСС»². Вместо Черненко отдел возглавил его многолетний заместитель Клавдий Боголюбов. Семнадцать лет Черненко воз-

¹ Калиниченко В.И. Указ. соч. С. 367.

² Решение Политбюро ЦК КПСС П87/ВПИ от 2 декабря 1982 г.

главлял этот ключевой отдел, где была сосредоточена вся самая тайная документация партии, и вот теперь его обязанности значительно расширились. Он наконец получил законное право руководить Секретариатом ЦК.

Бережно Андропов распорядился и судьбой помощников Брежнева. Себе он оставил лишь Андрея Александрова-Агентова, отвечавшего за международные дела, остальных же на улицу не стал выгонять. Специально для них придумали синектуру – организовали 13 ноября 1982 года группу консультантов при Секретариате ЦК КПСС. Руководителем группы утвердили Анатолия Блатова, консультантами – Виктора Голикова и Георгия Цуканова. И уж совсем милость – за ними сохранили прежний размер оклада, все виды материального обеспечения и персональные автомашины «Чайка»¹.

Помимо Александрова-Агентова у Андропова сохранились и двое его помощников еще со времен КГБ – Виктор Шарапов и Павел Лаптев. С ноября 1982 года они стали помощниками Генерального секретаря ЦК КПСС. Павел Лаптев был давно в окружении Андропова и двигался вслед за ним с 1957 года, когда был утвержден младшим референтом, затем референтом отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, занимался Албанией. Затем перешел в КГБ, где в апреле 1968 года стал помощником председателя, в августе 1971 года возглавил после Крючкова секретариат КГБ. Шарапов – выпускник Московского института востоковедения, специалист по Китаю, работал там корреспондентом «Правды» и в 1971 году перешел на Лубянку консультантом при председателе КГБ.

Оба, и Шарапов, и Лаптев, дослужились в КГБ до генералов и в мае 1982 года вместе с Андроповым переместились на Старую площадь в качестве помощников нового секретаря ЦК. Тогда же в мае от Сулова в наследство Андропову достался его помощник Борис Владимиров. Он прижился в аппарате у Андропова и в ноябре 1982 года стал помощником генсека. На следующий год Андропов расширил штат помощников до пяти человек. Пятым стал назначенный 13 июня 1983 года Аркадий Вольский, ранее работавший первым заместителем заведующего отделом машиностроения ЦК КПСС. Андропов полагал, что ему обязательно

---

¹ Решение Секретариата ЦК КПСС Ст. 85/43г от 13 ноября 1982 г.

нужен помощник по экономике и промышленности. Эту сферу он знал недостаточно.

Накануне назначения Вольского, 7 июня 1983 года, его пригласил Андропов¹. Вольский вспоминал: «Длиннющий кабинет. Я еще не дошел до середины, а он громко говорит: “Я решил вас взять к себе помощником”. Я растерялся, пробормотал: “Извините, Юрий Владимирович, может, я не гожусь для этой работы, давайте я о себе расскажу”. А он очки снял и говорит: “Вы что думаете, что я о вас знаю меньше, чем вы о себе?”»². В числе первых заданий Вольского была покупка курточек для опекаемого Андроповым детского дома. Андропов передавал туда деньги, получаемые за генеральское звание³.

Выбор Вольского мог быть обусловлен еще и тем, что Андропов его знал со времен венгерских событий. Осенью 1956 года как специалист по литейному делу Вольский был на Чепельском металлургическом комбинате. Вместе с другими советскими специалистами спасался от обстрелов в подвале⁴. В 1969 году перешел на работу в аппарат ЦК. Попав в близкое окружение Андропова, бывалый аппаратный работник Вольский был поражен вдруг открывшейся крутизне нрава Андропова:

«Рассматривался вопрос о строительстве Атоммаша. Юрий Владимирович дает слово Игнатию Новикову, зампреду Совмина. Игнатий Трофимович, солидный человек, еще Хрущевым назначенный, выходит и говорит: “Там тяжелая обстановка, но я съезжу туда и разберусь, на этой неделе не могу, занят, а через неделю слетаю”. Тихонов, предсовмина его поддержал. А Юрий Владимирович спокойно заявляет: “А я думаю, что надо исключить Новикова из партии и снять с работы”. Две минуты молчания. Потом тот же Тихонов говорит: “Правильно, давно надо его исключить из партии и снять с работы”. И все один за другим согласились. На следующее утро у Новикова отобрали партбилет и дачу. Мне удалось только пенсию ему отстоять. Таков был стиль работы Андропова»⁵.

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 54.

² Смирнов К. Вольскому воля // Коммерсантъ-Власть. 2005. 3 октября. С. 39.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Конечно, столь молниеносное исключение из партии маловероятно, но пенсионером Новиков стал без проволочек.

Свои подходы к выстраиванию взаимоотношений со странами советского блока и основы политики Кремля Андропов изложил на встрече с лидерами социалистических стран, прибывших в Москву по случаю празднования 60-летия образования СССР. Это был важный разговор, где прозвучали и откровенные оценки положения и были высказаны пожелания о скоординированных совместных действиях соцстран. Андропов принял лидеров Венгрии, ГДР, Чехословакии и Болгарии 20 декабря 1982 года. Прежде всего Генеральный секретарь ЦК поблагодарил прибывших на торжества и тут же взялся объяснять наличие серьезных проблем в советском сельском хозяйстве: «Большое внимание уделяем производству зерна. Его нам все еще не хватает, прежде всего для фуража. Тут и погодные условия оказывают свое пагубное влияние, и некоторые другие причины»¹.

Андропов признал трудности в промышленности и отставание в производстве товаров широкого потребления. А дальше самое интересное. Прикрываясь «письмами трудящихся», Андропов изложил первоочередные цели своей политики:

«В Центральный Комитет партии идет большой поток писем трудящихся с требованиями более активно и целенаправленно заняться проблемой наведения порядка на производстве, принять более действенные меры в борьбе с пьяницами, прогульщиками, нарушителями трудовой дисциплины. Обращается внимание на необходимость более жесткой борьбы с хулиганством, наведения общественного порядка в городах. Люди прямо говорят нам: за полгода или даже за год вы колбасы нам не дадите столько, сколько надо, а вот навести порядок за это время можно и нужно»².

Ну и, конечно, об идеологии:

«Не упускаем мы из виду и идеологическую сферу. Послабления здесь или какой-либо ненужный либерализм вредны. К сожалению, любители проверить действенность партийного влияния в этой области еще находятся. Пришлось недавно приостановить постановку или снять со сцены московских театров

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

несколько пьес сомнительного содержания, порочащих социалистическую действительность»¹.

Довольно странно и смешно было слышать рассуждения о колбасе. Но для Андропова это была «больная тема». Игорь Сеницин вспоминал: «...Юрий Владимирович слишком упрощал проблему инакомыслия в Советском Союзе. Он не хотел видеть в ней тягу людей к свободе, борьбу против полнейшей регламентации жизни в советском казарменном коммунизме. Несколько раз, и не только с глазу на глаз со мной, но и публично он заявлял, что если бы государство могло обеспечить население колбасой, то в стране не существовало бы никаких диссидентов»².

И вот, Андропов признал, что советская власть не способна накормить народ. Ведь в Европе колбасы достаточно – иди и купи. Кто мешал Андропову бросить средства на это? Тем более при его убежденности, что наличие колбасы – залог устойчивости системы. И что это за фантазмагорическая картина – тотальная дисциплина при отсутствии колбасы? Но нет – важнее оружие. Вот тут денег не жалели. Из сказанного Андроповым стало ясно – соглашение с американцами по ракетам средней дальности вряд ли может быть достигнуто. Позиция Кремля и в неуступчивости, когда здравые аргументы отвергаются, и в полном недоверии Западу, который подозревается в обмане:

«Если говорить о наших отношениях с Западом, то приходится констатировать, что они не улучшаются. С нашей стороны в этом вопросе был сделан не один шаг. В ноябре у меня состоялись беседы с Бушем и Шульцем, однако практических результатов они, к сожалению, не дали. Переговоры в Женеве американская администрация пытается использовать как средство усыпления и обмана общественного мнения своей страны. Выдвигая свое предложение о т. н. нулевом варианте, она хочет убить сразу двух зайцев: пойдет СССР на “нулевое решение”, значит он глупец, не пойдет – можно свалить на него вину за срыв переговоров»³.

Отдельной темой стала Румыния. Андропов с тревогой сообщил, что Чаушеску сделал заявление о приближении срока окончания действия Варшавского договора и предлагает социалистическим странам «в одностороннем порядке первыми пой-

---

¹ Там же.

² Сеницин И.Е. Указ. соч. С. 318.

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.

ти на разоружение», что, по его мнению, «побудит на принятие аналогичных шагов и американцев, и их партнеров по НАТО»¹. Андропов расценил выполнение такого плана как «преступление перед народами» и призвал дать Чаушеску коллективный отпор, если он с этим выступит на совещании стран блока². Напоследок Андропов заверил в неизменности политической линии страны и призвал лидеров стран Варшавского блока чаще встречаться.

Венгерский лидер Кадар выступил с уверенным заявлением: «Возьму на себя смелость утверждать, что, несмотря на трудности, положение у нас в стране прочное»³. Андропов мог только ухмыльнуться, он-то месяцем раньше на пленуме ЦК утверждал, что американцы в финансовом отношении «поставили на колени Польшу и в какой-то мере Венгрию». Здесь же, на доверительной встрече не стал огорчать Кадара своими выводами. Зато в выступлении Кадара прозвучала любопытная фраза, на которую Андропов вовсе не обиделся, а, наверное, счел за комплимент:

«Возьму на себя смелость сказать, что в Советском Союзе управление весьма централизовано. Не хочу оскорблять ничью память, тем более что Л.И. Брежнев я глубоко уважал, но мне кажется, что в последние годы состояние его здоровья отражалось на работе. Просто говоря, у вас никто не двинется, если не двинется Центральный Комитет, а Центральный Комитет ждет, что скажет Генеральный секретарь, и все хотят, чтобы он взял всю ответственность на себя»⁴.

Кадар поделился впечатлениями от переговоров с руководителями Итальянской компартии (ИКП). Он вступил с ними в спор: «Мы сказали им, что между социализмом и капитализмом ничего третьего нет. Есть либо капитализм, либо социализм. Тяжкая ошибка делать заявления о “неспособности” социалистических стран к развитию. Эта позиция не марксистская и не реалистичная. Я им сказал: если вы в этом вопросе и не на одной платформе с Рейганом, то очень близки к нему. ИКП говорит о том, что исчерпались движущие силы “советской модели”, а Рейган утверждает, что коммунизм – это ошибка человечества»⁵.

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.

² Там же. Л. 4–5.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 7–8.

Выступали и другие лидеры. Жаловались, что-то просили, например нефть. Но о том, что у них нет будущего – этого никто из них признавать не хотел. Хонеккер с тревогой заговорил о Польше: «Освободили Валенсу. Теперь он каждый день выступает по телевидению. Что же это за “обновление”?»¹. Живков жаловался на Чаушеску: «...я потратил на работу с ним много усилий и пришел к убеждению, что этот человек неисправим. Все мои попытки убедить его в ошибочности, неправильности его позиций оказались бесполезными. Трудно сказать, кто он – закоренелый националист или больной шизофренией человек»². Интересно, что сообщение об этой встрече Андропова с лидерами Венгрии, Чехословакии, Болгарии и ГДР в газетах было дано так, как будто это были отдельные беседы, а не общая встреча³. Не хотели афишировать в качестве чего-то подобного совещанию?

На следующий день, 21 декабря 1982 года, Андропов имел отдельную встречу с Чаушеску. Румынский лидер начал за здоровье и первым делом поздравил Андропова с избранием Генеральным секретарем, а затем перешел к делу. Чаушеску напомнил, что Румыния уже давно ставит вопрос об импорте из СССР 10 миллионов тонн нефти. Страна покупает за валюту 15 миллионов тонн, что создает ей серьезные трудности. Чаушеску просил «хотя бы 5 млн тонн нефти на давальческой основе с возвратом продуктов нефти в СССР и 5 млн тонн нефти за свободно конвертируемую валюту»⁴. Андропов парировал: «Вы требуете у нас дефицитные товары – нефть, кокс, никель, вольфрам. Хочу заметить, что мы сами покупаем за границей такие цветные металлы и поэтому удовлетворить ваши заявки просто не можем»⁵. Далее еще интересней:

«Н. Чаушеску. Я хотел только заметить, что вы поставляете ГДР примерно 20 млн тонн нефти, ЧССР – 18 млн тонн, ВНР – 12 млн тонн и Болгарии – около 10 млн тонн.

Ю.В. Андропов. Эти цифры неточны, кроме того, у этих стран собственной нефти нет, а у вас есть своя нефть.

Н. Чаушеску. Мы добываем примерно 12 млн тонн нефти в год, и нет возможности увеличить добычу. В соцстранах, кото-

---

¹ Там же. Л. 12.

² Там же. Л. 17.

³ Правда. 1982. 21 декабря.

⁴ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

⁵ Там же.

рым вы продаете нефть, на душу населения ее приходится больше, чем в Румынии»¹.

Между прочим, днем раньше Хонеккер тоже жаловался Андропову: «ГДР по долгосрочному соглашению должна получать ежегодно из СССР 19 миллионов тонн нефти. Сейчас мы получаем 17 миллионов тонн»².

Андропов заявил Чаушеску, что может идти речь только о продаже за валюту, да и то «еще надо посмотреть – есть ли у нас нефть для этого, и какие товары нам будут предложены», добавив: «мясо, например, мы бы взяли»³. И вообще заметил, что Советский Союз «оказал вам значительную помощь, сейчас таких возможностей нет». И далее Андропов коснулся самого болезненного вопроса: «Варшавский договор распускать мы не будем, не будем мы и разоружаться в одностороннем порядке. В нынешней обстановке это было бы безумием». А на сетование Чаушеску, что в рамках Варшавского блока от Румынии потребовали увеличения военных расходов, Андропов жестко ответил: «Как известно, вооружение требует много денег. Советский Союз тратит огромные средства на вооружение, а та сумма, которая была названа Вам т. Куликовым, составляет тысячную долю процента от наших расходов»⁴.

В общем и целом, подытожил Андропов, «советские люди живут не лучше, чем в вашей стране, так как нам приходится вкладывать огромные средства в оборону»⁵. Чаушеску настаивал: «Может быть, найдете все-таки 3–4 млн тонн нефти взамен валютных товаров», и ударил по больному: «В настоящее время вы поставляете западным странам 50 млн тонн нефти в год. Снизьте каждой стране по 1 млн тонн и будет найден выход для нас»⁶. Андропов отрицал цифру 50 млн, но признал, действительно продаем довольно много нефти, так как «нужна валюта, за которую мы покупаем хлеб»⁷.

На прямой вопрос Андропова: «Что выгадывает Румыния, если она выйдет из Варшавского договора», Чаушеску так же

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

² Там же. Д. 27. Л. 10.

³ Там же. Д. 36. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 6–7.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ Там же.

прямо ответил: «Не выигрывает, но и ничего не теряет»¹. И снова о нефти. Вот Финляндия – нейтральная страна и получает от СССР 6 млн тонн нефти, а Румыния нефть не получает². Но никакие доводы не помогли.

Андропов был страшно раздосадован этой беседой. Как вспоминал Рыжков: «Помню, встретил его в коридоре после разговора с Чаушеску: шел злой, дерганый, на себя не похожий. Объяснил свое состояние:

– Терпеть не могу, когда мне диктуют, что делать. Это никакое не содружество, а вульгарный грабеж...»³

В разговоре с Чаушеску 4 января 1983 года Андропов, выслушав его возражения по поводу нескольких пунктов военной программы Варшавского блока, ответил – подписывайте, если хотите, с оговорками, и следом о предстоящих экономических переговорах: «продажа нефти исключается. Газа мы можем выделиться больше»⁴.

Андропов понимал, каким тяжким бременем для советской экономики была поддержка стран, объявивших о своей социалистической ориентации. Как-то в узком кругу он посетовал на отвлечение ресурсов: «Что мы забыли в Анголе, Мозамбике, Эфиопии и других подобных странах? Какой там у нас интерес? Надо ли в ущерб жизни своего народа идти на это?»⁵

Но с другой стороны – иного выхода не было. Сохранение социалистической системы в сопредельных странах требовало жертв. На заседаниях Политбюро новый Генеральный секретарь высказывался на этот счет весьма прямолинейно:

«Андропов очень откровенен и не стесняется подвергать сомнению “святыни”. Например, обсуждался вопрос о ценах (и дотациях) на сельскохозяйственные продукты, которые нам поставляет Болгария. Ясно было, что “другари” нас все нахальнее обдирают: лучшие дефицитные сорта вообще перестали поставлять (гонят за валюту на запад), обычные – с опозданием, некондиционные и проч. ... по ценам – выше мировых. Но при этом еще требуют сохранения ежегодной дотации 400 000 000 рублей) за просто так. (В 1978 г. они получили этот подарок якобы

---

¹ Там же. Л. 11.

² Там же. Л. 12.

³ Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 50.

⁴ РГНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 20.

⁵ Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 50.

*Ю.В. Андропов
встречает Яноша
Кадара на площади
у Большого
Кремлевского
дворца
11 июля 1983
[РИА Новости]*

для развития сельскохозяйственной инфраструктуры, но с тех пор ни одного рубля из этих дотаций не пустили на развитие сельского хозяйства, т. е. в частности и для расширения экспорта к нам!) Так вот встал вопрос, чтобы отменить хотя бы эту дотацию – ежегодный подарок.

Андропов выступил против. И сказал при этом: каждый член ПБ при рассмотрении любого вопроса должен помнить о состоянии коммунистического движения. Смотрите, что происходит: китайцы успешно вовлекают в свою орбиту разные компартии, свою линию на изоляцию КПСС они проводят ловко, умно. И нельзя им помогать вот такими действиями, как здесь предлагают. Посмотрите: Кубе не дали все по военной линии, что она просила, – и отношения испортились. Хонеккер приехал – просил, не дали всего – тоже наступило охлаждение. Поляки просят бог знает сколько – всего дать не можем, опять жди охлаждения. Теперь вот с болгарам!»¹.

¹ Черняев А.С. Указ. соч. С. 537.

Ю.В. Андропов, Н.А. Тихонов (справа) и президент Финляндии Мауно Койвисто (слева)

6 июня 1983

[РИА Новости]

Политбюро 31 мая 1983 года рассмотрело просьбу Живкова о предоставлении Болгарии кредита на 1 миллиард рублей. Было принято решение провести встречу представителей двух стран для уточнения деталей. В подготовленном для Живкова ответе деликатно говорилось о том, что его просьба вызвала «самое глубокое внимание», но вместе с тем: «Компетентным советским организациям было вновь поручено провести тщательное изучение всех материалов, связанных с этим вопросом, с учетом его большого значения»¹.

С приходом Андропова на должность Генерального секретаря изменился стиль заседаний Политбюро, они стали более длительными и менее формальными. А раньше, по мере старения Брежнева, заседания Политбюро постепенно сокращались с не-

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 42. Л. 27–32.

*Визит палестинской делегации в СССР. Б.Н. Пономарев, Ясир Арафат, Ю.В. Андропов, А.А. Громыко
12 января 1983
[РИА Новости]*

скольких часов до одного часа и даже 45 минут¹. А еще регулярно в печати стали публиковать информационные сообщения о состоявшихся заседаниях. В повестке дня заседаний чаще, чем раньше, стали попадаться вопросы спецслужб². Разумеется, об этом в информационных сводках газеты умалчивали.

Воцарение Андропова породило массу слухов как на Западе, так и внутри страны о его чуть ли не либерализме, особой душевной тонкости и утонченной натуре. Будто он знает иностранные языки и слушает джаз. Как ни странно, одним из апологетов Андропова выступил на страницах западной прессы Рой Медведев, многие годы преследуемый КГБ. И вдруг он взялся хвалить своего гонителя. Медведев отмечал существенное отличие стиля руководства Андропова от его предшественника. И приводимые им сравнения были в пользу нового лидера. Медведев писал об «интеллектуальном стиле» Андропова, о его звонках президенту Академии наук, о его симпатиях к Театру на Таганке. А также

¹ Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 273.

² Волкогонов Д.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 150.

о признаках активизации борьбы с коррупцией и о том, что его речи и статьи короче, но зато содержательнее, чем у его предшественника. Писал Медведев и о том, что в Политбюро нет признаков внутренней борьбы, так как Андропов консолидировал власть, и вряд ли ему можно бросить упрек, что он пользуется властью в своих целях¹. Такой вот прозрачный намек на Брежнева и его жировавший клан.

Вопреки интеллигентским ожиданиям, все было не так. «Несмотря на распространявшиеся на Западе слухи о либерале Андропове, пьющем виски с содовой и читающем по вечерам романы Флеминга, он не отличался общительностью, от спиртного уклонялся по причине застарелой болезни почек, а к западным привычкам и традициям относился с большой подозрительностью и недоверием»². Так пишут знавшие его лично. Да и вообще, «он никогда не был демократом»³.

А как же с образованием и знанием языков? Да та же история. Учился много, но высшего образования не получил, иностранными языками не владел. Правда, в последние три года работы в КГБ взялся учить английский язык. Занимался по воскресеньям два раза в месяц с профессором – начальником кафедры учебного заведения КГБ⁴.

А над Роем Медведевым, между тем, ожидаемо сгустились тучи. Его досье в 5-м управлении только пухло, и в первые месяцы наступившего 1983 года в русле ужесточения преследования диссидентов дошла и до него очередь. В отчете 9-го отдела 5-го управления за январь 1983 года сообщалось: «В прокуратуре СССР проведена предупредительно-профилактическая беседа с объектом ДОР “Педагогом”, в ходе которой было заявлено о противоправности проводимой им деятельности, и предупрежден, что в случае ее продолжения он будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 70 УК РСФСР»⁵.

Но это было только первым шагом, Медведева и ранее уже не раз строго предупреждали. В том же отчете строкой ниже: «Систематизированы и переданы в следственный отдел КГБ СССР материалы о фактах враждебной деятельности “Педаго-

---

¹ International Herald Tribune. 1983. 2 августа.

² Калугин О.Д. Указ. соч. С. 245–246.

³ Там же. С. 248.

⁴ Десять лет без выходных. С. 51.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 6/16. Д. 24. Л. 83.

*Рой Медведев на Съезде народных депутатов СССР
1989*

[Из открытых источников]

га” с целью рассмотрения вопроса о возможности привлечения его к уголовной ответственности»¹.

Через два месяца в отчете за март 1983 года говорится: «Подготовлена и направлена [слово «направлена» зачеркнуто. — *Н. П.*] записка в ЦК КПСС о враждебной деятельности объекта ДОР “Педагог” с предложением по ее пресечению»². Вроде бы все завертелось, только записку не послали. Вероятно, взялись согласовывать, уточнять меру наказания. Играть, так сказать, формулировками.

Наконец, в апрельском отчете о деле «Педагога» читаем: «Подготовлены мероприятия совместно со следственным отделом КГБ СССР, направленные на реализацию дела»³. И действительно, 8 апреля 1983 года в ЦК КПСС было направлено письмо № 740-Ч, подписанное председателем КГБ Чебриковым и Генеральным прокурором Рекунковым, с просьбой дать согласие на привлечение Р.А. Медведева к уголовной ответственности. Тут уже все серьезно: «Поступающие данные свидетельствуют о том,

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 6/16. Д. 24. Л. 83.

² Там же. Д. 25. Л. 24.

³ Там же. Л. 150.

TUESDAY, AUGUST 2, 1983

Andropov as Leader: A Dissident's View

By Roy Medvedev

MOSCOW — Yuri V. Andropov has now been in power for slightly more than 250 days. He has effectively consolidated his rule and has shown himself to be a leader rather different in style and method from Leonid I. Brezhnev, his predecessor.

Still, little is known about him, his habits and his intentions. He is the subject of considerable speculation and rumor — in the East as well as in the West. Just what kind of a leader is he?

From his first days in the Kremlin, Mr. Andropov has shown that he is a leader who likes working and knows how to work hard, who prefers to investigate important problems personally, rather than entrust them to a large staff of assistants. His personal staff is small: only three of his assistants are known: Andrei Akhmedov, Viktor Shaparov and Boris Vladimirov.

Mr. Brezhnev conducted himself differently. While he showed himself to be an experienced apparatchik, he never distinguished himself as a particularly industrious worker. His decisions were usually not a result of any hard thinking on his part; more often than not he decided as he was prompted, and not just in his last years when much was done not by Mr. Brezhnev himself, but "in his name."

It is said that Mr. Andropov gets to work earlier than Mr. Brezhnev did. Mr. Andropov treats his colleagues and other Central Committee workers far more strictly. He is a man of few words. He has already had to give many speeches, but his speeches and reports are shorter and richer in content than those of his predecessor.

The work of a Soviet leader and a Western leader are very different. A Soviet leader is not concerned with controversies with the opposition party or with approaching elections. On the other hand, a Western leader is not expected to give directives on questions of literature and painting; he is not concerned with the problems of Hollywood or university history programs.

A Soviet leader combines political, economic and ideological leadership. He has to speak out on practically all questions of state and social life. The Foreign Ministry, the Writers' Union, the KGB and the Academy of Arts all await his directives. He is not hurrying to speak out on all these problems.

Mr. Andropov refused to go see the leading director of the Taganka Theater, advising him to apply to other colleagues in the Central Committee. It is possible that the reason was, as rumor has it, that Mr. Andropov has special feelings for precisely this theater. However, he chatted for more than an hour in his office with the chairman of the Writers' Union, G.M. Markov, and on another occasion with the chief editor of *Literaturnaya Gazeta*, A. Chukovski. But no

particular original thoughts or indications were made clear at these meetings.

How does Mr. Andropov react to polemic and objections? We do not yet know. The publisher of the German magazine *Der Spiegel*, who has met Mr. Andropov, notes that he speaks freely, without notes, and that he allowed the whole conversation to be taped (though he asked that several of his replies not be published).

Demonstrating his respect for the Academy of Sciences, Mr. Andropov has several times telephoned the academy's president, Anatoli P. Aleksandrov, to hear his opinions. When Mr. Andropov needed to speak with Andrei Gromyko, the foreign minister, or officials at Gosplan, he went to the Foreign Ministry or to the Gosplan building, rather than summon those he wanted to see to the Kremlin.

If Mr. Brezhnev was going to the Kremlin, his car tore along the Kutuzovskii or Kalinin Prospekt at a speed of more than 100 mph, accompanied by a lengthy motorcade; other motorists were ordered to make way. Mr. Andropov is accompanied by one or two cars; his automobile travels in Moscow at a normal city traffic speed.

The new leader has clearly expressed his hostility toward the rituals that Mr. Brezhnev loved so much. Formal procedures have been cut short, and welcoming and farewell speeches have become fuller in content. We see Mr. Andropov more rarely on television or in the newspapers.

Under Mr. Andropov, the newspapers have begun publishing reports of Politburo meetings with information about the content of the meetings. Before, it was known that usually on Tuesdays the Central Committee's secretariat met, on Wednesdays it was the Presidium of the Soviet of Ministers, and on Thursdays the Politburo. But no information on these meetings was published.

Now newspaper readers can learn something about the issues their leaders are dealing with, whether questions of foreign policy, economy or consumer problems. Of course, many of the problems discussed at the Politburo are not mentioned in the published accounts.

Mr. Andropov indicated soon after coming to power that he wanted to give his leadership not only a more businesslike character, but also qualities such as firmness and intellectual rigor. These two elements were lacking in Mr. Brezhnev's leadership. In the past months, there have been many examples of firmness: in the campaign to strengthen work discipline, in the treatment of dissidents, in the strictness shown to party workers and those in the economic apparatus, and in the tightening up of the struggle

against corruption. Examples of intellectual rigor have so far been few.

Even before his accession, no one could reproach Mr. Andropov for using his power for personal gain. He will not accept expensive gifts from his subordinates, as Mr. Brezhnev often did. Visiting heads of state are not expected to offer him expensive luxuries.

Mr. Andropov quickly consolidated his power, and there seem to be no signs of internal struggle in the Politburo. There are signs that all the important decisions in the Politburo are now taken unanimously. Most Politburo members are older than Mr. Andropov, who is 68. These people are not hurrying to retire, but they are also not striving for higher position.

Of course, Mr. Andropov, in spite of his great power, has to consider the opinion and influence of other Politburo members. He is clever; but he is not young, and he has health problems.

He has always been a professional politician, and he has a defined program of economic and political reforms. But he knows that he has less time than his predecessors to realize his plans.

The writer is a leading Soviet historian and a confirmed Marxist, but has been criticized by Soviet authorities because of his pointed advocacy of democracy and human rights. He contributed this comment to the Los Angeles Times.

Статья Роя Медведева о Ю.В. Андропове
2 августа 1982
[International Herald Tribune]

что Медведев, будучи убежденным противником советского государственного и общественного строя, в последние годы активизировал свою враждебную деятельность, систематически изговаривает и публикует на Западе сочинения, которые постоянно исполняются во враждебных Советскому Союзу целях». Правда, была одна заковыка, дающая Медведеву индульгенцию, пусть и сомнительную. Оказалось, что он сотрудничает с «издательства-

ми некоторых западноевропейских компартий, занимающих “особые” позиции по ряду актуальных вопросов международного коммунистического и рабочего движения». То есть речь о компартиях Италии, Франции и Испании, проповедовавших «еврокоммунизм». Но дальше – больше: «Став по существу платным информатором западных спецслужб и пропагандистских органов, Медведев в ноябре – декабре 1982 года превратил свою квартиру в частный “пресс-центр”, где ежедневно принимал иностранных корреспондентов, с резко враждебных позиций комментировал происходящие в стране события, высказывал злобные клеветнические измышления о руководителях Советского государства, что немедленно становилось достоянием зарубежной прессы, радио и телевидения. Комитетом госбезопасности, органами Прокуратуры СССР Медведев неоднократно предупреждался о недопустимости противоправного поведения. В очередной раз это было сделано 18 января с. г. Однако Медведев демонстративно отклонил предъявленные ему претензии и в тот же день собрал у себя на квартире иностранных журналистов, ознакомив их с заявлением, содержащим резкие клеветнические выпады по отношению к советской действительности»¹.

И наконец, Чебриков и Рекунков вносят предложение: «...пресечь преступную деятельность Медведева путем привлечения его к уголовной ответственности, для чего имеются достаточные основания. Мерой пресечения будет избрана подписка о невыезде из г. Москвы». И далее: «Не исключено, что принятые меры вызовут выступления отдельных государственных и общественных деятелей Запада в защиту Медведева. В том случае, если кто-нибудь из представителей государственных органов зарубежных стран выскажет просьбу о разрешении Медведеву выехать на постоянное жительство за границу, удовлетворить эту просьбу и выдворить его за пределы Советского Союза. Если же этого не произойдет, Медведева можно было бы осудить к ссылке. С МИД СССР согласовано. Просим согласия»².

Что спасло Медведева? Остается только гадать. При председателе КГБ Андропове его, конечно, не баловали. Прессовали по полной программе, вызывали, официально предостерегали, но до ареста не доходило. И в апреле 1983 года после долгих согла-

---

¹ «Если не выслать, то сослать. С МИД СССР согласовано». Откровения КГБ времен заката и застоя // Известия. 1996. 7 июня.

² Там же.

сований решились действовать. Просили согласия у ЦК КПСС, читай – Андропова. Но согласия не получили.

Опять все обошлось. Возможно разгадка в скупых строчках в книге Медведева об Андропове: «Сам я встречался с Андроповым только один раз, и это была слишком мимолетная встреча, чтобы я мог составить о нем ясное представление. Для меня важен был, однако, повод к этой встрече. Андропов просил показать ему рукопись книги “К суду истории”, тогда еще далеко не законченной. Позднее, выразив через своего консультанта Г.Х. Шахназарова удовлетворение, Юрий Владимирович попросил разрешения оставить прочитанную рукопись в своем архиве»¹.

Так вот оно что. В середине 1960-х, еще до назначения в КГБ, Андропов, будучи секретарем ЦК КПСС, встречался с коммунистом Медведевым и знал о его умеренных антисталинских взглядах. И позднее возглавив КГБ, Андропов все же видел серьезное различие в оттенках враждебности того или иного лица по отношению к советской системе. Диссидентское движение представляло весь спектр политических взглядов от крайних антикоммунистических и клерикально-монархических до леворадикальных – троцкистских, маоистских и анархо-синдикалистских. На этом фоне Рой Медведев безусловно выглядел суровым критиком режима, но с либерально-социалистических позиций. Мишенью его критики была партийная верхушка, предавшая забвению преступления Сталина и сползавшая в сталинский тоталитаризм. И отчего бы Андропову не рассматривать его как заблудшего, но все же попутчика. В итоге так и вышло. В апреле 1989 года на излете горбачевской перестройки Медведева восстановили в партии и даже через год избрали членом ЦК КПСС². Но, разумеется, Андропов такого не мог предвидеть. Только если в страшном сне.

В 1983 году в благополучном исходе дела для Медведева явно ощущается рука Андропова. Наверняка сыграла свою роль и упомянутая выше статья Медведева в «Геральд трибьюн». Опубликованная 2 августа 1983 года, она не повлекла для автора каких-либо последствий. Возможно, в Кремле ее даже оценили как весьма полезную.

---

¹ Медведев Р.А. Андропов. С. 15.

² О восстановлении Медведева в КПСС см.: Московская правда. 1989. 29 апреля.

А попытка КГБ завести на Медведева уголовное дело и привлечь к ответственности закончилась не первым по счету официальным предостережением, что и отмечено в отчете 9-го отдела 5-го управления КГБ за февраль 1984 года: «На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года разрабатываемому нами “Педагогу” вынесено официальное предостережение»¹.

НА ВЕРШИНЕ, 1983 ГОД

В первый месяц наступившего года Андропов, верный партийным традициям, отправился на завод продемонстрировать неразрывную связь партии с пролетарским ядром. Когда-то после смерти Ленина партийную клятву Сталин произносил на заводе «Динамо». Андропов выбрал Московский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе и 31 января 1983 года посетил его.

Все это уже выглядело заскорузлой архаикой. Опубликованный диалог с как бы случайно подвернувшимся рабочим (а где у нас «любой»? Да вот) ничего кроме улыбки не вызывает. Вопрос о зарплатах повис в воздухе – «Нормальные!» Андропов допытывался: «А все-таки?» – и получил удовлетворивший его ответ: «Рублей 250 выходит». В газетах подчеркивалось, что встречу в конференц-зале завода Андропов провел во время «рабочего перерыва». Выступая, Андропов обещал оправдать доверие рабочих и особенно много говорил об укреплении трудовой дисциплины, призывал не терять ни одной рабочей минуты². Намекнул и о повышении цен, достаточно обтекаемо и туманно. Дескать, не годится нам такой путь, но «в ценах у нас есть известные перекосы, несоответствия, и мы вынуждены их устранять»³. Цены в начале года, конечно, повысили. Так ведь не в первый и не в последний раз.

А вот борьба за трудовую дисциплину по-андроповски надолго запомнилась гражданам страны. Об организованных в рабочее время облавах в кинотеатрах, банях и парикмахерских заговорила вся страна. Проверяли документы, нередко забирали

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 7/16. Д. 22. Л. 194.

² Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 406–415.

³ Там же. С. 409.

Ю.В. Андропов

1983

[Из открытых источников]

в милицию для уточнения данных¹. Выявляли прогульщиков и тунеядцев. И что это было и насколько массово? Власть, устроив несколько показательных облав в крупных городах, добилась главного. Об этом тут же пронесся пугающий слух. Цель была достигнута. Далее оставалось только подпитывать население страхом облав.

Через год Черненко, заступив после Андропова на пост генсека, по традиции посетил в апреле 1984 года завод «Серп и молот». И уж совсем удивил пришедший потом Горбачев. Возглавив партию, он скорректировал политический ритуал и вместо завода посетил в мае 1985 года высшее учебное заведение – Ленинградский государственный университет. Это был очевидный знак новой эпохи.

А при Андропове по-прежнему и все навязчивее звучали заклинания в верности Октябрю. Не был забыт и особо почитаемый лозунг о труде как деле чести. Прославление грядущей победы «коммунистического труда» особенно возросло после введения в 1967 году 5-дневной трудовой недели и объявления субботы вы-

---

¹ Шарапов В.В. Андропов: обновление необходимо и возможно // Команда Андропова. С. 165.

*К.У. Черненко, Н.А. Тихонов, Л.И. Брежнев на трибуне Мавзолея
В.И. Ленина*

1 мая 1982

[РИА Новости]

Д.Ф. Устинов, Ю.В. Андропов, Н.А. Тихонов

1 мая 1983

[РИА Новости]

*М.В. Зимянин, Г.В. Романов, Ю.В. Андропов, М.С. Горбачев,
И.В. Капитонов и Н.И. Рыжков на встрече с ветеранами труда
в ЦК КПСС*

15 августа 1983

[Из открытых источников]

ходным днем. Сакрализация ленинского наследия вылилась с 1969 года в ритуал ежегодных весенних субботников¹.

Андропов и тут был верен себе. Когда-то, еще в бытность председателем КГБ, он взялся буквально претворять в жизнь ленинские идеи. Чекистов – сотрудников центрального аппарата стали отправлять работать на овощные базы. Об этом свидетельствует курьезный случай. 16 октября 1971 года «во время проведения субботника на плодоовощной базе старшим оперуполномоченным 11 отдела майором Угаровым В.А. было утеряно удостоверение личности, которое принятыми на месте мерами обнаружить не удалось»². Приказом по второму главку КГБ Угарову объявили замечание. Можно представить изумленное лицо покупателя в каком-нибудь овощном отделе магазина, обнаружившего в сетке купленной картошки удостоверение майора КГБ. Вот это подарок! Да и в отменном качестве картофеля можно было не сомневаться. Продукт проверен «где надо».

И теперь, став во главе страны, Андропов жил и мыслил все теми же лозунгами. В августе 1983 года было организовано еще одно ритуальное действо – встреча верхушки партии с ветеранами. По правую и левую руку от Андропова сидели члены Полит-

¹ Гришин В.В. Указ. соч. С. 268.

² Приказ начальника 2-го Главного управления КГБ при СМ СССР № 78 от 22 октября 1971 г. (ЦА ФСБ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 27).

*Г.В. Романов
[Из открытых источников]*

бюро и секретари ЦК Романов и Горбачев. Не было Черненко, что все тут же заметили и заговорили о том, что он то ли болен, то ли в опале. Второе объяснение по популярности опережало первое.

Но Черненко просто находился в отпуске. А незадолго до этого, выдвигая Андропова на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, он совершенно в духе прежних лет пел дифирамбы: «...его деловые и человеческие качества, опыт и политическая мудрость снискали ему всеобщее уважение, доверие и симпатии партии и народа. В его лице советские коммунисты, все трудящиеся, наши зарубежные друзья видят выдающегося руководителя ленинского типа»¹.

И это осталось от прежних времен. Ну а как без славословий? Хотя их стало заметно меньше, чем при Брежневе. А еще все ждали, что Андропов разгонит «стариков» из Политбюро и выдвинет много новых молодых руководителей. На обкомовском уровне было заметно движение кадров. А вот на уровне Политбюро продолжался застой.

---

¹ Восьмая сессия Верховного Совета СССР (десятый созыв): Стенографический отчет. М., 1983. С. 13.

*К.У. Черненко, Н.А. Тихонов, Ю.В. Андропов и В.В. Гришин
на торжественном заседании, посвященном 165-летию со дня
смерти Карла Маркса, в Государственном академическом
Большом театре СССР
30 марта 1983
[РИА Новости]*

Пополнение Политбюро новыми членами не могло компенсировать постоянной убыли. Это был своего рода геронтологический кризис. Убыль за счет старения и смерти – это естественный процесс. С другой стороны, старые члены Политбюро не были готовы дать дорогу молодым. После XXV съезда КПСС в 1976 году были избраны 16 членов Политбюро, к концу 1978 года их оставалось лишь 13. Вместо четверых выбывших (Гречко, Подгорный, Кулаков и Мазуров) был избран лишь один – Черненко. На XXVI съезде КПСС были избраны 14 членов Политбюро. Дальше опять пошла убыль. В 1982 году выбыли трое, а ввели в Политбюро лишь одного Алиева. В этом отношении Андропов не переломил ситуацию, как будто был не в силах что-то изменить и смело двигать вверх своих людей. Да и были ли у него свои люди, те, на кого он мог смело положиться?

В декабре 1983 года в состав Политбюро были избраны Михаил Соломенцев и Виталий Воротников, в следующем году новых членов Политбюро не избирали, к началу 1985 года их осталось

всего 11 человек (после смерти Черненко – 10 человек). Пожалуй, меньше было лишь при Сталине.

После смерти члена Политбюро Арвида Пельше его должность председателя Комитета партийного контроля в июне 1983 года занял Соломенцев. Он согласился на это без особого энтузиазма, Андропов его уговорил. Нужны были свои люди в Политбюро. Соломенцев в телефонном разговоре с Андроповым ссылаясь на свой возраст, здоровье... но в ответ услышал: «Пойми и ты меня. Здоровье тоже не блещет, возраст почти такой же. На мои плечи взвалили еще бóльшую ношу. Один я не справлюсь, нужны надежные соратники. На пост председателя КПК рвутся три человека, но к ним полного доверия нет. Ты мне нужен в составе Политбюро и во главе КПК, я рассчитываю на твой опыт, на твою поддержку. Прошу понять это и поработать вместе со мной»¹.

В этом отношении весьма показателен пример Григория Романова. После отставки в сентябре 1982 года Кириленко требовалось избрать секретаря ЦК для курирования оборонных отраслей промышленности. Это мог быть новый человек, или эту сферу могли бы поручить кому-то из секретарей в дополнение к его обязанностям. Но вопрос завис до лета 1983 года. И это при том, что Андропов на заседании Политбюро в сентябре 1982 года, когда отправляли на пенсию Кириленко, особо упирал на то, что тот уже не справляется со своими обязанностями по курированию оборонной сферы, столь важной и значимой. Лукавство очевидно.

Тем не менее никого кроме Романова так и не подыскали на эту роль. То есть выдвинули из своего же круга, не расширяя состава. На июньском пленуме (1983) ЦК Романова избрали секретарем ЦК, поручив ему курировать отдел оборонной промышленности и отдел машиностроения ЦК². Андропов так и не решился удовлетворять кадровый голод за счет новых перспективных и знающих людей. Аппаратное «окукливание» продолжалось.

Интересно, почему именно Романов, человек, явно не пользовавшийся авторитетом? Андропов «прекрасно знал личные качества Романова, знал, что это ограниченный человек с во-

¹ Соломенцев М.С. Указ. соч. С. 495.

² Решение Политбюро ЦК КПСС П/Х от 7 июля 1983 г. о распределении обязанностей между секретарями ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69. Л. 55–57).

ИИЯ 55

Секретариат ЦК КПСС

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Решение ЦК КПС
от 07 июля 1983г.

В 0118/IX

Секретариату ЦК КПСС;
 ч.ч. Андропову, Давену, Горбачеву, Гриншу, Громишу,
 Кулаеву, Романову, Тихонову, Устинову, Черненко,
 Воробьеву, Воронцову, Давыдову, Долгих,
 Кузнецову, Погосяну, Рязанову, Силиванову,
 Шварцману, Эпштейну, Калитовскому, Русалову,
 Рыжову.

Выписка из протокола 118 заседания Политбюро ЦК КПСС
 от 7 июля 1983 года

О распределении обязанностей между секретарями ЦК КПСС

В соответствии с постановлением Политбюро ЦК КПСС
 от 2 декабря 1982 г. (В 007/IX) согласован с предложениями
 Секретариата ЦК КПСС по распределению обязанностей между
 секретарями ЦК КПСС (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К пункту IX прот. В

Распределение обязанностей между секретарями ЦК КПСС

1. АНДРОПОВ Юрий Владимирович

Вопросы:

организация работы Политбюро ЦК КПСС;
 оборона страны;
 основные вопросы внутренней и внешней политики
 КПСС и внешней торговли;
 подбор и расстановка основных руководителей

2. ЧЕРНЕНКО Константин Устинович

Вопросы:

организация работы Секретариата ЦК КПСС;
 идеологическая работа;
 отделы организации, административных органов
 Общ. отдел и Отдел связи.

3. ГОРБАЧЕВ Михаил Сергеевич

Отдел сельского хозяйства и пищевой промышленности;
 Отдел сельскохозяйственного машиностроения;
 Отдел химической промышленности.

4. КУЗНЕЦОВ Геннадий Васильевич

Отдел оборонной промышленности;
 Отдел машиностроения.

5. ДОЛГУХ Владимир Иванович

Отдел тяжелой промышленности и энергетики;
 Отдел строительства;
 Отдел транспорта и связи.

6. ПОГОСЯН Борис Николаевич

Международный отдел ЦК КПСС.

7. КАЛИТОВСКИЙ Иван Васильевич

Отдел организационно-партийной работы;
 Отдел легкой промышленности и товаров народного
 потребления.

8. ЗИНСОВ Михаил Васильевич

Отдел пропаганды;
 Отдел культуры;
 Отдел науки и учебных заведений.

9. РУСАКОВ Константин Викторович

Отдел по связям с компартиями и рабочими партиями
 социалистических стран.

10. РЫЖОВ Николай Иванович

Экономический отдел;
 Отдел торговли и бытового обслуживания.

Постановление
 Политбюро ЦК КПСС
 о распределении
 обязанностей между
 секретарями ЦК КПСС
 7 июля 1983
 [РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1.
 Д. 69. Л. 55-57]

ждистскими замашками, видел, что на заседании Политбюро от него редко можно было дожидаться дельной мысли или предложения»¹. И все же выдвинул его на столь важный участок. Оказывается, Андропов решил не обижать министра обороны Устинова и предложил человека хорошо ему знакомого, памятуя о печальном опыте секретаря ЦК Якова Рябова, не сработавшегося с Устиновым².

И так во всем. Полумеры, отложенные решения. А еще и аппаратный политес. Андропов отдавал долги. Помня об амбициях Громыко, 24 марта 1983 года назначил его первым заместителем председателя Совета министров СССР. Был ли удовлетворен Громыко, трудно сказать, но то, что он возвысился до уровня Молотова – факт!

Не забыл Андропов и о двух брежневских клеветках, хотя и тут ограничился полумерами. Весной 1983 года Медунова и Щелокова подвергли унижительной проработке на заседаниях Секретариата ЦК КПСС. И тот, и другой признавали ошибки, каялись, но все еще на что-то надеялись, даже пытались робко возражать.

О Щелокове на закрытом заседании Секретариата ЦК 29 марта 1983 года говорилось много и неллицеприятно. Открывший заседание Черненко все же смягчал вопрос, говоря о «проступках и серьезных ошибках в работе» Щелокова, не решаясь говорить о преступлениях³. Конечно, с точки зрения партийной этики – все ужасно: «присвоил без наличия на то соответствующего разрешения три подаренных ему машины “Мерседес”. Одну машину он записал на сына, вторую – на жену, третью – на дочь»⁴. За счет министерства начал строить дачу для сына на Соколиной горе, дачу в Калининграде построил для тестя, потом отдал своей жене. Создал специальное отделение Военторга, где он и его приближенные отоваривались дефицитными товарами, в том числе изъятыми таможеней как контрабандные. Использовал служебные квартиры для личных нужд. Лишь после начатого разбирательства вернул государству 116 тысяч рублей. И конечно, личная нескромность – к 70-летию Щелокова в

---

¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 331.

² Рябов Я.П. Мой XX век: Записки бывшего секретаря ЦК КПСС. М., 2000. С. 80–83, 128–129.

³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 31. Л. 115.

⁴ Там же. Л. 117.

1980 году подготовили документальный фильм о нем, обошедшийся в 50 тысяч рублей¹.

В вину Щелокову поставили и то, что он встал на защиту начальника Московской автоинспекции, обвиненного в получении взяток. Щелоков его даже не уволил. Но тут Щелоков возразил. Оказывается, когда рассматривали этот вопрос, в МВД позвонил начальник брежневской охраны Рябенко и сказал, что выговор объявлять не надо, а можно ограничиться предупреждением². Да, если копнуть, то многие факты вели прямо к семье Брежневых. Щелокова обвинили в том, что он «выгораживал преступников, работавших в Московском цирке»³. А тут уже до Галины Брежневой рукой подать. Но в эту сторону углубляться не стали.

О присвоении машин говорилось много, осведомленность проявил секретарь ЦК Борис Пономарев, кажется, весьма далекий от милицейских дел.

«Пономарев. Да об этом знает вся Москва. А сын Щелокова до сих пор ездит на подаренном отцом “Мерседесе”. Хочется знать также, что случилось с женой Щелокова.

Густов. Она покончила жизнь самоубийством.

Щелоков. Моя супруга страдала нервным заболеванием, связанным с возрастными явлениями. Она покончила с собой на даче, не оставив даже записки»⁴.

Неизвестно, как насчет машин, а о самоубийстве Светланы Щелоковой москвичи судачили много. Причем народная молва гласила: жена Щелокова, обиженная снятием мужа с должности, сначала стреляла в Андропова, тяжело ранив его в почку, а потом сама застрелилась⁵. Так в народе объясняли отсутствие Андропова на публике в феврале 1983 года и его последующую тяжелую болезнь почек. А что? Складно получалось. Ведь Брежнев, Андропов и Щелоков жили в одном подъезде дома по Кутузовскому проспекту, только на разных этажах⁶. Более правдоподобным объяснением отсутствия Андропова на публике может служить факт его зимнего отпуска. Решением Политбюро от

---

¹ Там же.

² Там же. Л. 116.

³ Там же. Л. 115.

⁴ Там же. Л. 118.

⁵ Байгушев А. Русский орден внутри КПСС: Помощник М.А. Суслова вспоминает. М., 2021. С. 165.

⁶ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 255.

29 января 1983 года Андропову был предоставлен зимний отпуск с 31 января. На время его отсутствия ведение заседаний Политбюро, рассмотрение и подготовку вопросов к заседаниям Политбюро и Секретариата ЦК возложили на Константина Черненко¹.

Высказались на заседании и другие секретари ЦК: Долгих о морали коммуниста и «прямом перерождении этого человека»; Зимянин: «Вы, т. Щелоков, не тот человек, за которого мы Вас принимали»; Русаков: «Дело не только в проступках Щелокова. Дело в том, как он относится к этим проступкам, как он их оценивает». Черненко подвел итог – вывести Щелокова из состава ЦК на ближайшем пленуме.

«Горбачев. Это как минимум. А надо было бы еще указать на беспринципность и отступление от норм нашей морали и неискренность.

Щелоков. Исключить меня из партии – это все равно, что расстрелять. Я прошу оставить меня в партии.

Черненко. Центральному комитету, членам ЦК надо объяснить, что с Щелоковым, что он совершил. Секретариат ЦК выяснил этот вопрос. О партийности мы сейчас не говорили, с этим вопросом мы спешить не будем.

Прошу высказаться по предлагаемому решению.

Секретари ЦК. Надо его поддержать.

Черненко. Тогда будем считать это решение принятым и внесем его на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС»².

Политбюро, конечно, согласилось. А как же иначе, ведь Андропов хорошо помнил, как люди Щелокова вставляли палки в колеса следствию по делу об убийстве милиционерами сотрудника КГБ на Ждановской. Тогда за следователями прокуратуры открыто следила служба наружного наблюдения МВД, сопровождали их машины, совершали провокации. Дошло до того, что Щелоков в разговоре с Циневым и приехавшим с ним заместителем начальника 2-го главка КГБ, между делом, бросил зловещую фразу: «Как бы мои архаровцы не убили следователя. Пусть будет поосторожней»³. Так чем руководил Щелоков – Министерством внутренних дел или бандой преступников, состоявшей из готовых на все «архаровцев»?

¹ Решение Политбюро ЦК КПСС П96/19 от 29 января 1983 г.

² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 31. Л. 119–120.

³ Калиниченко В.И. Указ. соч. С. 198.

Через неделю, 5 апреля, на таком же закрытом заседании Секретариата ЦК разбирали Медунова. Вел заседание Черненко. Медунов оправдывался, признавал наличие многочисленных преступлений в крае и упирал на то, что он сам уже 41 год в партии и «корыстных проступков не допускал, умышленно ничего не делал»¹. Заместитель председателя Комитета партийного контроля Густов дал подробную справку, с которой Медунов не согласился: «Я с такими резкими заявлениями т. Густова не могу согласиться. Ни одного жулика я не брал под защиту». Ему напомнили, как год назад он во всем винил работников прокуратуры, а сейчас на заседании Секретариата вроде должен был все понять, но «начал влиять, размениваться на мелочи»². Медунов взывал к милосердию.

«Медунов. Я все же прошу понять мое положение.

Черненко. Мы-то понимаем Ваше положение, а Вы-то почему не понимаете свое положение. Вам было оказано величайшее доверие. Вы были избраны первым секретарем крайкома, членом Центрального Комитета партии. И этим огромным доверием Вы не дорожили. Где-то грехопадение у Вас, Сергей Федорович, все же произошло.

Конечно, сам Медунов не взяточник. Когда мы его посылали работать в Краснодарский край, мы ему доверяли, верили в его честность. Но жизнь сама по себе ставит много вопросов. Где-то он оступился, оступился и не одумался. Потом, расхрабрившись, он пришел в Секретариат ЦК выступать против прокуратуры, защищать своих взяточников. Шестьсот взяток за три года в одной только организации. Ведь это страшнее любого невыполнения плана. И все это произошло благодаря попустительству бюро крайкома и в первую очередь Медунова. Все дело в сумме фактов, а не в отдельных правонарушениях... То, что Вы восстали против прокуратуры, не делает Вам чести».

И, перейдя на совсем уж доверительный тон Черненко подытожил: «Ты, Сергей Федорович, не уловил того момента, и в этом твоя огромная вина»³.

Сама по себе показательная экзекуция на заседании в ЦК была новым словом в партийной процедуре, но она не привела к развитию действия. О сути предъявленных Медунову и Щело-

---

¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 31. Л. 134.

² Там же. Л. 136.

³ Там же. Л. 136–137.

*Н.А. Щелоков с женой Светланой Владимировной
[Из открытых источников]*

кову обвинений не было никаких сообщений в печати, а в опубликованном в газетах сообщении о решении июньского (1983) пленума ЦК КПСС туманно говорилось о допущенных ими «ошибках в работе»¹. С этой мотивировкой их вывели из состава членов ЦК КПСС. Тайное голосование провели на первом же заседании пленума, еще до рассмотрения основных вопросов. Из числа присутствовавших 303 членов ЦК за исключение из ЦК Медунова и Щелокова проголосовали 302 человека при одном голосе против – это был сам Медунов. После оглашения Алиевым результатов голосования Андропов попросил исключенных покинуть зал заседаний. Медунов вышел, а Щелокова на пле-

---

¹ Правда. 1983. 16 июня.

Кружок - 11

April
SATURDAY
April
SAMSTAG
April
SAMEDI
April
SABADO

1. 80% T... H.A. 11...
2. Total... } H* to change.
Total... H.A. }

24

8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

April
MONDAY
April
MONTAG
April
LUNDI
April
LUNEDÌ

11

APRILE
Lunedì
11
1983

8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Листки из календаря-блокнота Ю.В. Андропова
Апрель 1983
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 54. Л. 23, 24]

нуме не было¹. Любопытная картина. Среди членов ЦК присутствовал пенсионер Кириленко, который наверняка с интересом наблюдал за этой сценой.

Похоже, Андропов полагал достаточным этим ограничиться и не открывать уголовных дел. По крайней мере, лишившись членства в ЦК, ни Медунов, ни Щелоков не были лишены депутатских полномочий, им позволили досидеть в креслах депутатов до новых выборов Верховного Совета СССР 4 марта 1984 года². Возможно, Андропов просто откладывал основной удар, накапливал материалы.

А в народе активно подхватили новость о том, как решительно Андропов борется с «брежневским кланом», изгоняя его представителей с высоких постов. В 1983 году ряд министров и первых секретарей обкомов потеряли свои посты. По стране было заменено 20 процентов первых секретарей обкомов и крайкомов и 22 процента членов Совета министров СССР³. Кажется, это было только начало. Всем уже грезился грядущий конец «днепропетровской мафии». Всколыхнулось партийное болото! А в народе, похоже, андроповское закручивание гаек многим даже понравилось.

Слухи и обсуждение крутых кадровых перемен только множились. Покровом тайны была окутана внезапная смерть первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Шарафа Рашидова. Он возглавлял республику еще с хрущевского времени. С началом расследования «хлопкового дела» его имя народная молва склоняла и так, и эдак. Конечно, шила в мешке не утаишь. Неожиданно 1 ноября 1983 года в «Правде» появился некролог, в котором сообщалось о скоропостижной смерти кандидата в члены Политбюро Рашидова. Все честь по чести. Траурная рамка, проникновенный посмертный панегирик и подписи всех членов Политбюро. Умер и похоронен с почетом. На следующий день

---

¹ РГАНИ. Ф. 2. Он. 4. Д. 45. Л. 269–269 об.

² По крайней мере, по состоянию на конец декабря 1983 г. не было довыборов депутатов по избирательным округам, где избирались Медунов и Щелоков. См.: Девятая сессия Верховного Совета СССР (десятый созыв): Стенографический отчет. М., 1983. С. 53.

³ Прибытков В. Указ. соч. С. 160. Эти же сведения приводит в своей книге Егор Лигачев со ссылкой на книгу финского политолога Й. Иивонена «Портреты нового советского руководства», добавляя, что «они близки к истине» (Лигачев Е.К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992. С. 22–23).

В.И. Долгих
[Из открытых источников]

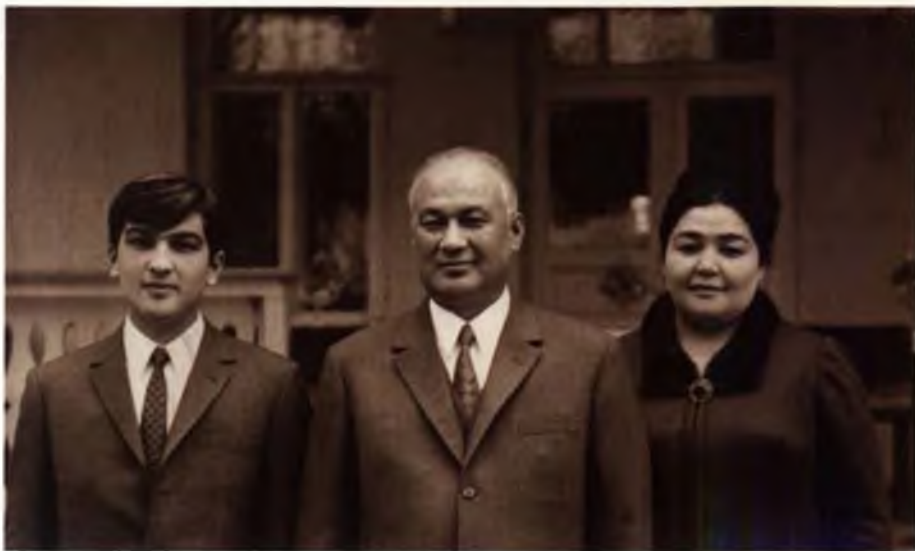
Ш.Р. Рашидов
[Из открытых источников]

проникновенный репортаж «Узбекистан прощается с Ш.Р. Рашидовым», даже Бабрак Кармаль из Афганистана пожаловал, а из Москвы на похороны отрядили кандидата в члены Политбюро Долгих¹. Умер в почете и похоронен с должными почестями. Ну вот и все, какие тут могут быть кривотолки. Могут! И вопросы возникают.

В ЦК о кончине Рашидова говорили просто: несмотря на большое сердце, отправился на автомобиле в поездку по районам, целый день ходил по хлопковым полям, переживал за уборку хлопка, в общем – перетрутился. На заседании Политбюро 24 ноября 1983 года Черненко заговорил о соблюдении режима работы и отдыха членов Политбюро, и как будто бы Андропова это тоже обеспокоило. Черненко внушал: «Мы должны беречь членов Политбюро, беречь руководство партии» и в качестве печального примера вспомнил о Рашидове, который «прошел в день своей смерти по хлопковым полям 12 километров», а Кунаев, по сло-

---

¹ Правда. 1983. 2 ноября.

*Ш.Р. Рашидов с семьей
[Из открытых источников]*

вам Черненко, тоже не бережет себя – «ежедневно ходит по полям 20 километров»¹.

Есть и другое объяснение. Об этом пишет Александров-Агентов: «Рашидова Андропов вызвал сам... И, видимо в ходе беседы изложил ему все скопившиеся к тому времени в КГБ и в ЦК материалы о фактах коррупции и иных преступных деяний в тогдашнем узбекском руководстве, в том числе со стороны самого Рашидова... Не знаю, чем завершил тогда Андропов этот свой разговор, но я сам видел, как Рашидов вышел из его кабинета бледный, как бумага. Вскоре после этого он покончил с собой в Ташкенте»².

Свидетельство Александрова-Агентова, человека информированного, заслуживает внимания, и наверняка об этом много судачили в коридорах ЦК. Поэтому версия о самоубийстве Рашидова утвердилась в исторической литературе³. С другой стороны, Егор Лигачев пишет: «Положа руку на сердце, могу сказать, что истина мне неизвестна... Официальная версия утверждала, что

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 65. Л. 1–3.

² Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 278–279.

³ Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 383.

у Рашидова сдало сердце»¹. В конце августа 1983 года по поручению Андропова Лигачев пригласил Рашидова и имел с ним трудный разговор. Лигачев демонстративно выложил на стол стопки писем граждан с жалобами на положение дел в республике и повел речь о решении направить в Узбекистан комиссию ЦК КПСС для разбирательства. «При встрече, – пишет Лигачев, – он произвел на меня впечатление человека, пышущего здоровьем». Однако ушел Рашидов от Лигачева «в большой тревоге». И позднее Лигачеву рассказывали, что незадолго до смерти Рашидов по-прежнему был чем-то крайне угнетен².

Буксующая советская экономика – давняя проблема. Была одна забытая инициатива, которую пытался реанимировать Андропов, да не вышло. В свое время много писали о долго подготавливаемом в начале 1970-х годов, но так и несостоявшемся пленуме ЦК по вопросу научно-технического прогресса. Историки даже сделали вывод о том, что начало «застоя» как раз можно датировать по этой провалившейся в 1972 году затее.

В июле 1967 года Брежнев накануне отъезда в отпуск собрал секретарей ЦК для обсуждения вопросов, требующих особого внимания. Обсуждался вопрос и о повестках будущих пленумов ЦК. В ходе встречи Михаил Соломенцев предложил обсудить состояние научно-технического прогресса³. Было дано поручение Кириленко и Соломенцеву подготовить материалы для обсуждения на Политбюро. В начале августа 1968 года проекты доклада и постановления были готовы и направлены Брежневу⁴. В речи на декабрьском (1968) пленуме ЦК Брежнев отметил, что США и главные капиталистические страны усиленно наращивали мощности в прогрессивных отраслях промышленности и подытожил: «...научно-технический прогресс стал сейчас одним из главнейших плацдармов исторической борьбы двух систем»⁵. Вывод напрашивался сам собой, и Брежнев его сформулировал: нам необходимо «ускорение научно-технического прогресса, надо провести специальный Пленум ЦК и обсудить наши задачи в области научно-технического прогресса»⁶.

---

¹ Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 179.

² Там же. С. 178–179.

³ Соломенцев М.С. Указ. соч. С. 336.

⁴ Там же. С. 339–340.

⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 10. Л. 15.

⁶ Там же.

Вопрос действительно назрел. Вот мнение ученого-экономиста Николая Федоренко, высказанное в 1975 году перед собранием сотрудников советской разведки: «Признаком здоровой экономики является ее преимущественный рост за счет научно-технического прогресса. Если $\frac{2}{3}$ всего прироста годового производства идут за этот счет, а $\frac{1}{3}$ за счет экстенсивного развития, тогда можно не беспокоиться за судьбу страны. У нас эти цифры стоят как раз в обратном порядке. Мы обогнали США по общим объемам произведенных капиталовложений, а общее производство едва достигает 60 % их уровня. У нас посевных площадей в 1,8 раза больше чем в США, но зерна не хватает постоянно в тревожно нарастающих объемах»¹.

Наконец-то вопрос стал приобретать реальные очертания. Решение о проведении пленума ЦК с повесткой «Очередные задачи Партии по ускорению научно-технического прогресса в стране в свете решений съезда КПСС» было принято Политбюро ЦК 29 июня 1971 года². Подготовка пленума была поручена Кириленко и Соломенцеву с привлечением академиков и министров. На ноябрьском (1971) пленуме ЦК Брежнев говорил об отставании СССР от США в два раза по темпам роста производительности труда и о необходимости ускорения научно-технического прогресса: «Мы думаем специально обсудить этот вопрос на одном из ближайших пленумов нашего ЦК»³. Говорил уверенно, как о решенном деле. Но в 1972 году пленум с такой повесткой не состоялся.

К вопросу вернулись в январе 1973 года, когда Кириленко вновь поручили подготовить предложения о сроке проведения пленума. И 15 марта 1973 года решением Политбюро даже наметили пленум на апрель 1973 года⁴. Но апрельский (1973) пленум посвятили международному положению, отодвинув пока прогресс в сторону. И все же Кириленко с Соломенцевым свою работу выполнили и 10 августа 1973 года представили в ЦК проект доклада о научно-техническом прогрессе объемом в сотню машинописных страниц⁵. Этот доклад готовила группа видных экономистов, в том числе и академик Федоренко, хорошо

---

¹ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 168–169.

² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 77. Д. 229. Л. 1.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 4. Д. 18. Л. 145 об.

⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 77. Д. 229. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 8–108.

понимавший экономические проблемы страны. Как вспоминал Георгий Арбатов, один из руководителей группы, готовившей доклад, по сути, это была «сжатая комплексная программа экономических реформ, по тому времени весьма прогрессивная, в чем-то даже революционная. Именно экономических реформ, так как мы быстро пришли к выводу, что ускорение научно-технического прогресса без радикальных перемен в экономике просто немыслимо»¹.

Но опять ничего не произошло. Доклад был передан в общий отдел ЦК Клавдию Боголюбову и застрял там надолго. В декабре 1978 года были последние попытки организовать пленум, но 8 февраля 1979 года вопрос утопили в более обширной тематике, решив провести пленум «О перспективных планах развития народного хозяйства СССР»². Но и это не состоялось, и подготовленный в 1973 году, но уже устаревший текст доклада, найденный в сейфе Брежнева после его смерти, отправился в архив с короткой припиской: «Архив VI сектора. К. Боголюбов. 13.12.82».

Как считает Арбатов, появился «новый момент, который позволил Брежневу, всему тогдашнему руководству отложить в долгий ящик реформу. Это – повышение цен на нефть в результате ближневосточной войны 1973 года и решение стран ОПЕК. На нас неожиданно свалилось большое и притом незаработанное богатство – ведь только-только пошла “большая” тюменская нефть. Но ничего не портит так, как незаработанные деньги»³.

Андропов помнил об этой эпопее и летом 1983 года вернулся к идее провести пленум не пленум, ну хотя бы заседание Политбюро ЦК. Об этом свидетельствует его помета 22 июля в календаре: «т. Долгих В.И. и Рыжков Н.И. (доклад документов к ПБ о научно-техн. программе и трудовой дисциплине)»⁴. И тут Андропов остался верен себе – ну какая научно-техническая программа без укрепления трудовой дисциплины? И это лишний раз свидетельствует о том, что он был не в состоянии взглянуть на ситуацию шире и осознать, что необходимы кардинальные меры по преодолению увеличивающегося разрыва в научно-техническом отставании от Запада, следует серьезно

---

¹ Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 172.

² Решение Политбюро ЦК КПСС П141/V от 8 февраля 1979 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 77. Д. 229. Л. 123).

³ Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 174.

⁴ Запись 22 июля 1983 г. (РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 54).

готовить научные силы, развивать вузовскую науку, реформировать экономический уклад и высвободить производственные отношения от мелочной опеки и плановости. Иначе нет условий для серьезного рывка вперед. Андроповское «укрепление трудовой дисциплины» – это просто косметическое приукрашивание дряхлеющего лица советской экономики. Неоднократно, о чем есть записи в календаре Андропова от 29 и 30 декабря 1982 года, 18 марта («готовы доложить о выполнении поручения»), 27 мая, 12 и 22 июля 1983 года, эта пара – Долгих и Рыжков посещали Андропова в его кабинете, но дальнейшего развития инициатива не получила¹.

И в идеологии Андропов оставался на позициях консервативной сусловщины. Главный идеолог Суслов умер более года назад, а его заржавевшие идеологические догмы вновь повторялись на июньском (1983) пленуме ЦК КПСС. Сама по себе идея созвать пленум по идеологии свидетельствовала о слабости власти. Чем громче звучали победные фанфары, прославлявшие «развитой социализм», тем больше нарастало разочарование и неверие людей в социалистические идеалы. Ведь все видели реальное положение дел, и для этого не нужно было читать газеты, а достаточно было зайти в магазин, постоять в змеившихся по залу очередях и услышать зычный голос из-за прилавка: «Колбасу не пробивайте, колбаса вся!».

Июньский пленум интересен тем, что продемонстрировал нарастающую немощь Андропова. Уже весной 1983 года наблюдатели отметили, что он как-то вдруг на глазах осунулся и постарел. Доклад делал Черненко. Много фраз об идеологии – и ничего нового. По сотому разу обыгрывалось одно и то же. Ну, может быть, на этот раз идеологию теснее привязали к укреплению дисциплины. В докладе Черненко был один маленький фрагмент «не для печати». Он назвал впечатляющие цифры: потери рабочего времени в промышленности и строительстве из-за прогулов и простоев превышают 30 миллионов человеко-дней².

Андропов выступил с речью на второй день пленума. Именно тогда прозвучала фраза, позднее подхваченная адептами Андропова: «Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономер-

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 53, 54.

² Там же. Ф. 2. Оп. 4. Д. 45. Л. 271.

ности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»¹.

Что он, собственно, хотел этим сказать? По большому счету – ничего. Слабое оправдание хозяйственных неудач и экономического отставания. Но до сих пор эту андроповскую фразу толкуют как важное откровение, как пример глубокомысленного анализа несовершенства советской системы. Или даже как новаторский подход и признак имевшегося у Андропова плана реформ и модернизации страны. Но если вдуматься, за этой фразой ничего серьезного нет и не было.

На пленуме Андропов показал себя во всей красе. Из-под плаща Генерального секретаря выглянули лампы бывшего председателя КГБ. Во время доклада Черненко, в конце второго раздела, когда прозвучала фраза о «разоблачении ухищрений вражеской пропаганды», он вдруг прервал докладчика:

«Андропов. Константин Устинович, извините, я хочу добавить: и уж тем более недопустимо, когда всякого рода слухи распространяют иной раз наши работники пропаганды, работники идеологического фронта. Сегодня они выступают по телевидению, по радио, завтра бегут в какое-нибудь посольство, там за ужином болтают невесть что. Надо этому решительно положить конец. Я сейчас не называю фамилий, но обещаю вам в свое время их назвать. С этим надо покончить раз и навсегда. Я уже не говорю, что это – нарушение партийной дисциплины. Это просто недопустимо»².

Черненко поддакнул: «Недопустимо для коммуниста», а в зале раздались одобрительные голоса «правильно!». Холодок пробежал по спинам присутствующих – «назовет имена». Давно такого на пленумах не было, когда генсек открыто угрожает и запугивает членов ЦК.

А реплика Андропова была не случайной. Он еще 25 февраля 1983 года направил членам Политбюро записку с предложением навести жесткий контроль и дисциплину среди партийцев при общении с иностранцами. Поводом стали высказывания китайского посла в беседе с работником Института Дальнего Востока на приеме в посольстве. Высказывания посла Андропов расце-

---

¹ Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 481.

² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 45. Л. 273 об.

нил как «явно провокационные» и направленные на то, чтобы «поколебать уверенность в стабильности в СССР». Первое, что писал Андропов – надо усилить контроль над лицами, посещающими китайское посольство. А далее весьма требовательно: «Не только китайцы, но и другие наши противники строят свои расчеты на попытках нанести ущерб единству нашего руководства и всей нашей партии. К сожалению, на разных уровнях у нас находятся еще люди, не занимающие четкой позиции по тем или иным острым вопросам, предпочитая выжидательную, нейтральную позицию. Думается, что такое явление ненормально, и мы вправе потребовать от всех коммунистов, и прежде всего руководящего актива, чтобы они занимали четкую позицию, когда речь идет о единстве партии. Кампании никакой открывать не надо, но руководствоваться этим в повседневной работе следует»¹.

В ходе прений на пленуме Андропов бросил еще несколько запомнившихся реплик. Во время выступления министра культуры Демичева, когда речь зашла о невысоком уровне отечественных вокально-инструментальных ансамблей и увлечении западной модой, Андропов перебил его:

«Андропов. Может, ты по памяти скажешь, сколько у нас платных всякого рода ансамблей?»

Демичев. Сейчас у нас в системе министерства платных эстрадных ансамблей около 700.

Андропов. Ансамблей?

Демичев. Да. Но эти ансамбли, как правило, Юрий Владимирович, приносят немалый доход. Мода на ансамбли пока высокая.

Андропов. Сомневаюсь.

Демичев. Мы принимаем решительные меры для улучшения советской эстрады. Проводятся конкурсы...»².

В опубликованной стенограмме пленума этот обмен репликами несколько сглажен и урезан³. Убрано партийное, по-свойски, обращение на «ты» и не упоминается «немалый доход», а также характерный для Андропова скепсис: «сомневаюсь».

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 24. Л. 15–15 об.

² Там же. Ф. 2. Оп. 4. Д. 45. Л. 280 об.

³ Пленум Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 г. Стенографический отчет. М., 1983. С. 69.

Тем не менее этот эпизод стал сигналом к массовой ликвидации филармонических эстрадных ансамблей путем их «переаттестации». Ансамбли громило не только Министерство культуры. В КГБ еще при Андропове в начале 1982 года в составе 5-го управления был создан 13-й отдел, боровшийся с молодежными течениями и неформальными группами. Больше всего беспокоили «панки». В отличие от немногочисленного движения «хиппи», включавшего чаще всего вполне благополучную молодежь из интеллигентных семей, «панки» – дети рабочих окраин. Без всякого идеализма. Они демонстрировали явное неверие молодежи в советские идеалы и игнорировали комсомол. Борьбу за молодые умы власть явно проигрывала.

В отчете работы 13-го отдела 5-го управления за 1982 год читаем:

«Анализ имеющихся материалов о группировках панков свидетельствует о том, что в настоящее время это “движение” характеризуется отсутствием ярко выраженных лидеров и устойчивых группирований на негативной основе, а большинство лиц, склонных считать себя “панками”, носит чисто подражательский момент (бритые виски, одежда, украшенная английскими булавками и увлечение “панк-музыкой”). Тем не менее отдельные из них заявляют о своем разочаровании советской действительностью, комсомолом, склонны к проявлению анархизма, грубому нарушению общественного порядка, наркомании, половой распущенности. Эта среда становится распространителем самых невероятных слухов, порочащих общественный и государственный строй, чем пользуются наши противники в своей радиопропаганде. География распространения подражателей “панков” пока невелика, однако имеет тенденцию к расширению»¹.

Причины антисоветского брожения в молодежной среде сотрудники КГБ объясняли весьма примитивно: «Основными причинами негативных процессов, происходящих в этой среде являются 1) целенаправленное воздействие буржуазной пропаганды на молодежь; 2) бездумное отношение к моде, которая не всегда политически нейтральна и может быть в ряде случаев оружием идеологической диверсии; 3) слабость идейно-патриотического воспитания в школах, ПТУ, семьях; 4) недостатки нашей контрпропаганды, которая иногда ведется без учета психологии дан-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 6/16. Д. 28. Л. 181.

ной категории молодежи; 5) проблемы и неумение организовать свой досуг; 6) неблагополучие в семьях»¹.

Конечно, признать отторжение молодежью социалистических ценностей и отрицание привлекательности советского образа жизни сотрудники КГБ просто не могли. Тем не менее тревогу били и писали докладные записки в ЦК. В отчете 13-го отдела за октябрь 1983 года указано, что подготовлена и направлена в ЦК КПСС записка «Об антиобщественных проявлениях со стороны т. н. подражателей “панкам”»².

Власть не могла открыто и честно признать, в чем же истинная причина, почему «дети уходят». Мотивация к тому или иному типу поведения и деятельности чаще всего бывает инстинктивной неосознанной, и причины или условия для нее создает сама общественная система – толкает на девиантное поведение и протест. Отсюда множество молодежных движений – и хиппи с их эскапизмом и уходом от социума, и панки с анархистским протестом; тут и отказ от «общественно полезного труда», уход в алкоголизм и т. п. И это все формы проявления неосознанного протеста. Проницательные люди, и даже из КГБ, все это, конечно, замечали. Но докладные наверх об этом не писали.

У сотрудников КГБ возникла проблема, с которой они уже не могли справиться. Появление в массовом порядке звукозаписывающей бытовой техники привело к взрывному росту самостоятельных рок-групп и широкому распространению свободного творчества. Их стало слишком много, сидящих в подполье и тиражирующих в домашних условиях кассеты с записями. Нелегко было бороться с книжным «самиздатом», но все-таки энтузиасты, перепечатающие тексты на пишущих машинках, – штучное явление. Производительность не столь высока: «“Эрика” берет четыре копии...» (Александр Галич). Но гораздо серьезнее оказался музыкальный «самиздат». Когда молодежь массово увлечена записыванием и перезаписыванием музыки – ну как тут справиться, что отнимать магнитофоны? А может запретить «двухкассетники»?

А еще хуже самодеятельные кухонные концерты – «квартирники». Или выступления в подмосковных клубах. Один из таких концертов описал 24 сентября 1983 года в дневнике писатель Виктор Славкин.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 6/16. Д. 28. Л. 181–182.

² Там же. Д. 27. Л. 331.

Концерт на станции Железнодорожная группы новой волны ДК («Девичий кал»). Дощатый деревенский клуб. Плакаты и призывы по стенам. На заднике – портрет. Менеджер: «Так, товарищи, окурки, если будете курить, в карман, бутылки с собой. Здесь они не принимаются». Солист пародирует представление о ВИА. «У вас в гостях Песня-83». Даже Макаревич уже пародируется как некий жлобский стандарт. Но больше всего достается советской лирической песне. «Эта песня о любви, о большой любви. Под названием “Я тебя не люблю”». «На твоих губах вчерашние щи, на твоём лице прыщи, но мне от тебя, от твоей любви не уйти никуда»; «Ты будешь бить ей личико...»; «Я читаю, что надо читать; я слушаю, что надо слышать... Когда надо, я глух, когда тебе надо, я слеп... Но если ты будешь тонуть, я не буду спасать – я буду топить, я буду топить, я буду топить...»; «О твои голые ноги»; «И если я не возьму, ты возьмешь, если я тебя не убью, ты убьешь меня...»; «Мне на вас наплевать, как и вам на меня... И если я вас не убью – вы убьете меня». Много песен о выпивке. Портвейн, вермут, одеколон. Про одного Василь Васильевича, которого «нежно-розовый вермут увел в ништяк» (кстати, словечко пятидесятих). «Почтим его память почетным звуком...» (звук пальцем по горлу в микрофон). «Я много пью и песню свою любимую пою...». Песня с некоторым публицистическим запалом (опять же пародийным): «Ты забудь на время свой высокий чин, сбегай лучше в магазин, ты увидишь хороших людей, которых ты не сможешь потом есть». Солист в паузе между куплетами показывает примитивную пантомиму: отсчитывает деньги, получает бутылку, наливает в рюмку-микрофон, выпивает. Вот, мол, я такой мудак и показываю мудацкую пантомиму. Объявляет: песня о современном молодом человеке, о советском молодом человеке: «Нет ничего впереди и в прошлом тоже тоска, выпей одеколон, сладкий, словно мускат...»; «Сегодня мне хорошо...». И два шедевра. Песня, состоящая из двух слов. «А писи-писи-писи-мизм» (раз пять), потом после проигрыша: «А опти-опти-опти-мизм (тоже до упора). И наконец «Москва колбасная». О том, как едут за продуктами в Москву¹.

Совершенно неподцензурное творчество. КГБ взялся за дело. Кого-то из рок-музыкантов посадили, кого-то вдруг призвали в армию. Арсенал средств воздействия был широк. Отчисляли из

---

¹ Славкин В.И. Разноцветные тетради: «Записи на обратной стороне жизни». М., 2017. С. 302–303.

15 /

ровель на этой основе среди них неоднократно проведены и запланированы кинофильмы.

Комитетом государственности во взаимодействии с правоохранительными органами осуществляется комплекс мероприятий по своевременному перекрытию каналов контрабандной торговли в СССР идеологически вредных кинофильмов, а также пресечению преступной деятельности лиц, причастных к незаконному равносению, распространению и демонстрации подпольной "продукции".

В январе-марте с.г. за демонстрацию и распространение порнографических и крайне-ужасных фильмов привлечены к уголовной ответственности: в г.Краснодаре - Сичкаринко Н.Г., Стабский Л.Н., Лято Б.Д., Радичин В.В., Камышин Ф.К., в г.Ленинграде - Кавенко В.М., в г.Продольске - Горюнов А.С. В результате принятых мер у обывателей и их близких сняты свыше 22 тысяч телевизора, 20 видеокамер, 5 видеомагнито, 397 видеокассет.

Комитет государственности продолжает работу по охрону враждебных связей противника.

Сообщается в порядке информации.

РАСЕКРЕЧЕНО Секретно

41

Г. Андропова

КОМИТЕТ
Государственной безопасности СССР

19.04.1982 г. № 782-А

Москва

О распространении в стране
идеологически вредных кино-
фильмов иностранного произ-
водства

Ц К К П С С

1111111111
20 APR 82 10:00
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБЛЕДОВАНИЯ

89.05

В архив
Дмитрий
26.11.82

В последнее время в ряде городов страны устанавливаются факты подпольной демонстрации идеологически вредных кинофильмов иностранного производства и порнографического характера. Преступниками являются в первую очередь лица на русской территории, их равносению и широкому распространению путем перепродажи или сдачи в "прокат" своим семьям для домашнего просмотра.

Эта идеологически вредная продукция находит сбыт среди лиц морально неустойчивых и политически незрелых. Демонстрируемые фильмы пропагандируют эгоизм, садизм, моральную распущенность, разлагающе действуют на советских людей.

Основным каналом доставки в Советский Союз таких кинофильмов, а также средств для их демонстрации и равносения является контрабандная ввоз из развитых капиталистических стран как иностранцами, так и советскими гражданами. Известно сведения о причастности в этой области диссидентских работников из некоторых зарубежных стран, а также Глобалина.

Полученные данные свидетельствуют о том, что противники активно и систематически используют эту форму идеологической диверсии против СССР, пытаются привлечь определенную часть советских людей некоторым образом вводя в заблуждение, инспири-

1994e
28 APR 1982

Докладная записка
Ю.В. Андропова
в ЦК КПСС о
распространении
в стране
иностраных
видеофильмов
19 апреля 1982
[РГАНИ. Ф. 5.
Оп. 88. Д. 1083.
Л. 44-45]

институтов, вызывали на беседы, пугали. Все было бесполезно. Легко давить одиночек, но справиться с лавиной невозможно. Битва властей с рок-музыкой и неформальными молодежными группами была безнадежно проиграна.

Точно так же власть не могла обуздать нарождающийся самостоятельный видеорынок. И здесь цензура была бессильна. У населения становилось все больше видеомагнитофонов, и распространение западных фильмов вышло из-под контроля. Конечно, боролись силами КГБ и милиции. Андропов, еще будучи председателем КГБ, направлял в ЦК КПСС письма. За распространение «идейно-ущербных» фильмов сажали и карали, но разве можно противостоять стихии.

Интеллигентские ожидания перемен в области кондовой советской идеологии не оправдались. Да, общий тон газетных публикаций заметно изменился: «Почти исчезла казенщина, и почти нет пошлого хвастовства», а еще «много критики, серьезный разговор о текущих проблемах... Критикой захватываются все более высокие эшелоны. Министерское звание уже не спасает»¹. Но то стилистика, а на деле – топтание на месте. В марте 1983 года Анатолий Черняев записывает в дневнике:

«Арбатов считает, что время упущено еще и потому, что – раз нет ощутимого продвижения вперед, начинается дискредитация, утрата надежды и авторитета. Пока Андропов был полтора месяца болен, повысились цены на многие вещи, в том числе на газ в три раза, на телефон раз в 10, за электричество, на металлические изделия, на кое-какую еду, на мебель еще в два раза, на бензин и т. д.»².

В то же время ощущалось явное «закручивание гаек». Идеологический диктат не ослабевал, а, наоборот, крепчал. Все настроения точно отражены 13 марта 1983 года в дневниковой записи Черняева:

«А пленум готовится не по кардинальным “народным” проблемам, а по идеологии. Это насторожило интеллигенцию. Говорят о запретах спектаклей, об ужесточении цензуры, о том, что в журналах зажали некоторые интересные рукописи (выжидают!). Словом, идеологической оттепели, которую привыкли ждать по-

---

¹ Черняев А.С. Указ. соч. С. 527, 528.

² Там же. С. 528.

сле каждой смены генсека, не произошло. Восторги первых дней после Брежнева испарились»¹.

В чем же была главная беда советской власти, лишившая ее симпатий населения. Она не могла дать народу «хлеба и зрелищ». Развлекательные зрелища под запретом по идеологическим причинам, а то, что можно, – пресно и неинтересно. Ну а как же хлеб? В буквальном смысле слова хлеб был. А вот, что класть на кусок хлеба, что повкуснее – стойкий дефицит. И главное – мясо. Власть десятилетиями не могла исправить ситуацию. На октябрьском (1968) пленуме ЦК примечательным был обмен репликами Брежнева и первого секретаря ЦК КП Украины Шелеста, когда тот заговорил о возникших трудностях в сельском хозяйстве Украины:

«Брежнев. Верно ли говорят, что на Украине свинины теперь нет?

Шелест. Украинцам без свинины жить нельзя. Свинина есть, но мало»².

Ну конечно, речь на пленуме шла не только об Украине. Нарастание трудностей в снабжении населения мясом наблюдалось по всей стране. В заключительном слове на пленуме Брежнев признал: «...начинаем остро ощущать потребности в мясе. Со свининой стало плохо»³. И это в конце 1960-х – относительно благополучных по снабжению продовольствием годам.

Затруднения с обеспечением населения продовольствием стали особенно заметны в самом начале 1980-х годов. И кому, как не председателю КГБ Андропову, было об этом знать. Он и знал, и писал докладные записки в ЦК КПСС, понимая – проблема становилась политически острой.

Но что могли сделать кремлевские руководители в рамках социалистической системы хозяйствования? Ну не мог обеспечить совхозно-колхозный уклад всю страну продовольствием. Выход был – покупать за границей. Конечно, это старались не афишировать. В 1981 году в торговую сеть было дано распоряжение – не выносить в торговые залы товар в импортной упаковке. Увесистые бруски масла подавались на поддоне распакованные, но кое-где ленились, и покупатели видели коробки с надписью страны-производителя – ФРГ. Новозеландская баранина и еще

---

¹ Черняев А.С. Указ. соч. С. 528.

² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 9. Л. 106 об.

³ Там же. Л. 136 об.

много чего поступало «по импорту» в Москву. Но увы – это Москва, ее подкармливали, а в провинции все обстояло много хуже. Жители близлежащих к Москве областных центров потянулись в Москву за покупками. Популярной стала загадка: длинная, зеленая и колбасой пахнет, что это? Ответ: электричка из Москвы в Тулу.

Даже брошенная на покупку продовольствия валюта не спасала положения. На ноябрьском (1981) пленуме ЦК Брежнев призывал «быстрее устранить перебои со снабжением», говорил о покупке импортного зерна и продовольствия и требовал поставить под строгий контроль весь процесс доставки – от разгрузки до потребителя¹. Брежнев все понимал. За десять с лишним лет до этого, на июньском (1969) пленуме ЦК, он говорит: «Если мы нарушим нормальное снабжение населения, мы можем подвергнуть сомнению нашу политику»².

Продовольственная программа, принятая в мае 1982 года, тут же вызвала множество шуток в народе. Ну да, на 65-м году советской власти ее руководители расписались в полном банкротстве по части накормить народ. Люди шутили, не заглядывая далеко в будущее: «Что такое свиная отбивная образца 1984 года? Ответ: картофельная котлета, отбитая у свиньи». На октябрьском (1984) пленуме ЦК КПСС Черненко во вступительной речи нагнетал страхи: «Нельзя забывать о напряженности международной обстановки, растущем давлением на нас со стороны США, всего капиталистического мира. И если сегодня они еще идут на продажу Советскому Союзу зерна, то в любой момент могут использовать этот фактор для нажима и политического шантажа. Мы должны обезопасить себя от подобного рода акций»³. А следом за ним докладчик – премьер-министр Тихонов сообщил собравшимся о засухе, случившейся в 1984 году, и о дополнительной закупке зерна и продовольствия за границей⁴. А что, нажим нажимом, но продовольствие-то Запад пока еще продает!

Конечно, пытались экономить, сбить цены и купить зерно подешевле. И тут в дело вступали люди из КГБ. Бывший высокопоставленный сотрудник 1-го главка Борис Соломатин вспоминал: «...у нас в те годы вечно была напряженка с зерном. Сколько бы

---

¹ Там же. Д. 41. Л. 158 об.

² Там же. Д. 11. Л. 32.

³ Там же. Д. 49. Л. 159 об.

⁴ Там же. Л. 161 об.

мы не вырастили, а все равно не хватало, каждый год закупали у иностранцев. И вот чтобы сбить мировые цены, в частности цены канадских и американских поставщиков зерна, мы устраивали разные спектакли. Накануне важных переговоров организовывали в нашей и в их печати статьи о блестящих видах на урожай. Интересно, кто-нибудь верил в эту бодягу? У американцев же спутники летали, они с их помощью могли определить реальную ситуацию. Вот такой ерундой занимался»¹.

СССР давно сел на «зерновую иглу». В 1965–1970 годах ввезли 15 миллионов тонн зерна, в следующей пятилетке – 69 миллионов тонн, в 1975–1980 годах – уже 119 миллионов тонн, наконец, в 1981–1985 годах – 170 миллионов тонн. Только в одном 1984 году было куплено за рубежом рекордное количество зерна – 54 миллиона тонн, а в плане закупок на следующий год значились 40 миллионов тонн².

Немалая часть золотого запаса шла на импорт продовольствия. В 1981 году было истрачено 286 тонн золота (при наличии в казне всего 452 тонн) на закупки за границей. Причем было закуплено 41,4 % зерна от объема его производства в СССР³. В 1982 году несколько поджались, истратили лишь 30 тонн золота для покупки импортного продовольствия⁴. На момент прихода Андропова к власти в 1982 году золотой запас составил 576 тонн⁵. Для сравнения: в том же году золотой запас США составил порядка 8 тысяч тонн, ФРГ – без малого 3 тысячи тонн, Франции и Швейцарии – по 2,5 тысяч тонн, Италии – чуть больше 2 тысяч тонн, в Нидерландах 1366 тонн. Андропову досталось трудное наследство, отягощенное множеством нерешенных проблем.

Как отмечает Николай Леонов, «В обмен на излишки урожая США брали у нас невозобновляемые ресурсы – золото и нефть, украденные у детей, внуков и правнуков». К этому можно добавить и «хищнический экспорт удобрений» из СССР⁶.

Андропов не мог этого не понимать. Ему направлялись аналитические материалы из 1-го главка КГБ: «В разведке суще-

¹ Снегирев В.Н. Генерал невидимого фронта. Он был одним из главных героев холодной войны. М., 2016. С. 53.

² Леонов Н.С. Указ. соч. С. 241–242, 295–296.

³ Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 332–333.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Там же.

⁶ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 242.

ствовало убеждение, что торговля невозобновляемыми ресурсами, особенно энергоносителями, является непозволительным мотовством, ставящим под угрозу экономическое будущее государства. Легкое, сиюминутное получение валюты за счет благополучия завтрашних поколений россиян лишь ослабляет поиски других, более надежных и стабильных путей оздоровления внешней торговли. Перед глазами стоял пример самих США, стремящихся сохранить каждую тонну своих природных ресурсов и предпочитающих наращивать импорт нефти из-за рубежа. К тому же вырученная валюта в СССР не шла на коренную реорганизацию промышленности, на развитие науки и техники, на подготовку рывка в развитии экономики, деньги-то преимущественно тратились на покупку устарелого оборудования, годами гнившего на открытых площадках, да на оплату ежегодного импорта зерна»¹.

Понимание Андроповым этих азбучных истин вовсе не означало наличия у него способности что-либо серьезно изменить. Да и желания кардинально менять всю советскую экономическую схему он так и не высказал. Или не рискнул, продолжая, как он выразился, и дальше изучать советское общество и раскрывать присущие социализму закономерности?

Все проблемы проистекали из порочности самого совхозно-колхозного уклада в сельском хозяйстве. В принципиальной разнице неизмеримо более высокой мотивации труда частника по сравнению с наемным работником. Именно в таком духе о продовольственных затруднениях и экономическом кризисе в СССР Рональд Рейган высказался в парламенте Великобритании 8 июня 1982 года: «Масштабы этого кризиса поразительны: страна, пятая часть населения которой занята в сельском хозяйстве, не способна себя прокормить. Не будь крохотного частного сектора, терпимого в советском сельском хозяйстве, эта страна оказалась бы на грани голода. Приусадебные участки составляют там всего лишь три процента обработанной земли, но дают около четверти всей советской сельскохозяйственной продукции и около трети всей мясной и овощной продукции»².

Ну а куда же шли основные средства бюджета? Секрета тут нет – на оборонные нужды. И это был серьезный удар по бюджету. Советский военно-промышленный комплекс требовал все

---

¹ Там же. С. 137–138.

² Рейган Р. Откровенно говоря: Избранные речи. М., 1990. С. 100.

больше и больше. На октябрьском (1980) пленуме ЦК Брежнев в своей речи, говоря о проблемах экономического развития, признал: «...значительные силы и средства приходится выделять на нужды обороны»¹. Этот фрагмент его речи помечен на полях «не для печати». Неудивительно. И ранее на пленумах ЦК нередко разговор заходил об оборонных делах и ядерных вооружениях. И Брежнев сдерживал не в меру болтливых коллег.

Так, на ноябрьском (1971) пленуме ЦК министр обороны Гречко поразил собравшихся откровением: «По американским данным, например, Советский Союз имеет в полтора раза больше межконтинентальных стратегических ракет, чем Соединенные Штаты. Но мы к этому можем добавить еще: что же касается общей мощности этих стратегических ракет, то мы превосходим США и их союзников, вместе взятых, почти в два раза (Аплондисменты)»².

Конечно, подобная милитаристская похвальба находилась в резком противоречии с миролюбивыми советскими декларациями. После окончания прений Брежнев предупредил присутствующих, что часть материалов пленума носит секретный характер и, сославшись на выступление Гречко и других ораторов, попросил членов ЦК «держат материалы пленума только для личного пользования».

На апрельском (1973) пленуме ЦК Гречко вновь заговорил о ракетах, на этот раз в связи с ядерным вооружением Китая: «На сегодня Китай имеет несколько десятков пусковых установок стратегических ракет с дальностью до 2 тысяч километров и около 200 ядерных боеприпасов. Количество этих средств с каждым годом возрастает. Но мы не сторонники того, чтобы преувеличивать угрозу со стороны Китая. Я не говорю, Леонид Ильич, сколько у нас...

Брежнев. Не надо.

Гречко. Товарищи, но мы не сторонники того, чтобы преувеличивать угрозу со стороны Китая. Его экономический и военный потенциал не идет ни в какое сравнение с могуществом Советского Союза и особенно, если имеется в виду ракетно-ядерное оружие.

Так и хочется сказать.

Брежнев. Пленум запретил.

---

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 38. Л. 138.

² Там же. Д. 18. Л. 165.

Гречко. Не буду, да собственно, я и не помню, сколько у нас...»¹.

Здесь важно то, что на наращивание ядерного потенциала СССР затрачивались огромные средства, отвлекаемые из народного хозяйства, и при этом совершенно игнорировался принцип разумной достаточности. Ну, спрашивается, для чего нужно было вдвое и даже больше превосходить США? Гречко был активным противником любого ограничения в вооружениях. Когда шли переговоры с США о заключении договора об ограничении систем противоракетной обороны (договор был подписан в 1972 году), Гречко выступал противником. Более того, он всерьез стал подозревать сотрудника МИД Георгия Корниенко, активно выступавшего за заключение договора, в том, что тот является «американским агентом». Только председателю КГБ Андропову удалось разубедить в этом Гречко².

СССР активно включился в гонку вооружений. Кремлевским руководителям казалось, чем больше ракетно-ядерный арсенал, тем лучше, тем безопасней. Это был своего рода комплекс – превосходство не ради превосходства, а как демонстрация несокрушимости.

Начатое в 1976 году размещение Советским Союзом в европейской части страны ракет средней дальности «СС-20» нарушило баланс сил в Европе и неизбежно повлекло за собой постановку вопроса о довооружении стран НАТО. Серьезным отличием этих новых советских ракет средней дальности от имевшихся в Европе американских высококомобильных ракет малой дальности «Першинг-1» была существенная разница в максимальном радиусе действия: 720 километров для «першингов» и 5000–5500 километров для «СС-20» (по советской классификации РСД-10 «Пионер») и ее усовершенствованных модификаций.

То есть в тот момент американские ракеты наземного базирования со своих позиций в Европе до территории СССР «не доставали», в то время как советские «накрывали» всю Европу и европейские столицы. И главная опасность – малое подлетное время у этого типа ракет – порядка 8–10 минут. В отличие от межконтинентальных баллистических ракет, каких-либо международных соглашений, ограничивающих производство и размещение ракет средней дальности, не существовало. Со стороны Кремля это был явный и провокативный вызов. Аналогичного

---

¹ Там же. Д. 21. Л. 113.

² Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 41.

*Самоходные ракетные установки РСД-10 (СС-20), установленные на оперативной ракетной базе в районе города Речица, будут ликвидированы в соответствии с Договором между СССР и США 1 июля 1988
[РИА Новости]*

класса вооружений у НАТО не было, альянс не мог ракетами наземного базирования «достать» Москву за считанные минуты. Во Франции ракет средней дальности наземного базирования было не больше двух десятков, и их радиус действия был несравним с «СС-20», в Великобритании были лишь ракеты морского базирования.

Летом 1979 года канцлер ФРГ Шмидт по пути из Бонна в Токио сделал остановку в Москве для обсуждения с Косыгиным проблемы ракет средней дальности. Беседа состоялась в аэропорту. Предложение канцлера было компромиссным и заключалось в том, что СССР «раскроет карту» и не будет размещать ракет «СС-20» (в пересчете на ядерные боеголовки) больше, чем ранее имелось ракет «СС-4» и «СС-5» аналогичного класса¹.

---

¹ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 43.

В этом случае можно будет снять напряженность и избежать решения НАТО о «довооружении». На заседании Политбюро Косыгин изложил предложения Шмидта. Корниенко выступил в поддержку, назвав это «реальным шансом найти приемлемый для нас компромисс». Но тут же резко высказался Устинов: «Ишь чего захотели, раскрой им наши планы, да еще скорректируй их! И кто даст гарантии, что они после этого откажутся от своих планов?»¹. Громыко на заседании отмолчался, но обеспокоился.

В декабре 1979 года Совет НАТО принял решение о необходимости размещения в Европе американских ракет средней дальности «Першинг-2». Ответ НАТО на советское преимущество был серьезным. Новые «першинги» имели дальность 1700 километров и подлетное время до цели 8–10 минут. Срок поставки и установки ракет был определен на перспективу – 1983 год. Кремль не был готов отказаться от своих планов дальнейшего наращивания арсенала ракет средней дальности, но вынужден был маневрировать. Советскому руководству казалось, что намеченная НАТО дата еще далеко и можно успеть заронить сомнения в головы европейских лидеров и побудить их отказаться от американских ракет. По доверительному каналу направляли усыпляющие сообщения канцлеру ФРГ. О советских ракетах средней дальности Громыко высказывался в присущей ему манере – признавать и тут же опровергать самого себя: «Передайте Шмидту, что мы не станем использовать против немцев превосходства, которым не обладаем»².

Президент США Рональд Рейган сделал Москве вполне четкое предложение – «нулевое решение». То есть если СССР уберет из европейской части страны ракеты «СС-20», то не будет нужды американцам размещать свои ракеты «Першинг-2» в Европе. В Кремле предложение отвергли. С точки зрения министра иностранных дел Громыко, это выглядело бы уступкой со стороны СССР. Советские ракеты убираем, а взамен получаем пустоту. Не зря Громыко получил на Западе прозвище «мистер нет». Ему, как и другим его коллегам по Политбюро, казалось, что американский отказ размещать ракеты – это отсутствие действия. А еще и обидно: американцам-то отказ от размещения ракет не будет стоить ни цента, а Кремлю на передислокацию придется

---

¹ Там же. С. 44.

² Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 239.

потратить средства. И тем не менее позиция советских лидеров была недальновидной и продиктованной упрямством.

Более того, в Кремле, похоже, уверовали в неизбежность размещения американских ракет и уповали только на антивоенные протесты западной общественности. Устинов полагал, что если у американского военно-промышленного комплекса «перед глазами замаячил шанс получить заказ на строительство нескольких сотен ракет», то «шанс этот упущен не будет»¹. Устинов опирался на свой жизненный опыт: «Наша оборонка, несомненно, отличается от американской. Но когда начинается дележ “бюджетного пирога”, они становятся очень похожи»². Прimitивный марксистско-ленинский взгляд на политику, выражающую лишь экономические интересы правящих классов, сыграл негативную роль. Кремлевским лидерам казалось, будто политической воли Рейгана недостаточно, чтобы обуздать аппетиты американского ВПК, и все его предложения, включая «нулевое решение», — лишь эффектные декларации. Время показало, что в Кремле сильно ошибались.

Брежнев, между тем, проявил интерес и говорил об американском предложении с Вилли Брандтом летом 1981 года: «...за рюмкой крепкого напитка, который врачи ему уже давно запретили, между нами опять зашел разговор о ракетах. Брежнев хотел знать, как я себе представляю в действительности “нулевое решение”. Где он может встретиться с американцами, чтобы обсудить этот вопрос? Считаю ли я, что с этим президентом вообще можно о чем-то договориться? За Рейгана замолвил словечко Борис Пономарев», он вспомнил, как во главе делегации Верховного Совета посетил Рейгана в Сакраменто, когда тот был еще губернатором Калифорнии, и его «открытость и скромность произвели на всех членов делегации хорошее впечатление»³.

За обедом 30 июня 1981 года Брежнев в застольной речи заявил, что СССР готов «приостановить дислокацию своих ракет средней дальности в европейской части страны в тот день, когда начнутся переговоры по существу вопроса»⁴. В ноябре 1981 года советско-американские переговоры по ракетам средней дальности начались в Женеве. Рейган 18 ноября официально сфор-

---

¹ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 236.

² Там же.

³ Брандт В. Указ. соч. С. 363.

⁴ Там же.

мулировал предложение о «нулевом варианте», которое легло в основу американской позиции на переговорах¹. Но переговоры шли довольно вяло. В Кремле определялись с аргументацией и нащупывали развязки. А пока суд да дело, неловко полемизировали: «Советские руководители не раз уже давали принципиальную оценку выдвигаемому Вашингтоном “нулевому варианту” как совершенно нереалистичному, который никак не назовешь серьезным предложением»².

В довершение ко всему, в начале марта 1982 года Брежнев сообщил Брандту, что он против «нулевого решения»³. Вместе с тем в сентябре 1982 года Громыко намекнул госсекретарю США Шульцу, что Брежнев заинтересован во встрече с президентом Рейганом. В Вашингтоне ответили принципиальным согласием и ждали какие-нибудь позитивные знаки со стороны Москвы. Но продолжения не последовало, контакты Громыко с Шульцем «заглохли»⁴. А спустя месяц Брежнев умер.

В 1982 году Кремль сделал ставку на активизацию антивоенного движения в западных странах: «В конце лета и осенью улицы американских и европейских городов все чаще и чаще заполнялись сторонниками ядерного замораживания. В это самое время, используя общественное настроение, советская сторона на переговорах в Женеве встала на дыбы против “нулевого варианта”, и, таким образом, американо-советские отношения фактически заморозились»⁵. Рейган вспоминал: «И все же мне было интересно, как долго будет продолжаться воинственное настроение русских лидеров и сколько они еще смогут тратить огромные суммы на вооружение, в то время как не могут даже накормить собственный народ»⁶.

Андропов, как и Громыко, оказался сторонником «жесткого курса». И в 1983 году пришлось принимать трудное решение, обусловленное всей предыдущей политикой СССР по наращиванию ядерного арсенала. Неуступчивость и нежелание трезво смотреть на вещи и заглянуть в будущее загнали Кремль в ту-

---

¹ Быть или не быть новому витку гонки вооружений // Правда. 1982. 10 февраля.

² Там же.

³ Брандт В. Указ. соч. С. 364.

⁴ Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 553.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

пик. Вся надежда теперь была на сочетании политики запугивания и одновременно на активизацию антивоенного движения на Западе.

В каком-то смысле Андропов оставался заложником советского военно-промышленного комплекса. Он не смог «подняться» над заскорузлой парадигмой Устинова и Громыко о необходимости «повышать боевую мощь советской державы». Повышать даже тогда, когда в этом не было прямой необходимости в качестве ответной меры. И ведь при этом прекрасно понимал, насколько велико и разрушительно для советской экономики бремя военных расходов. Иногда Андропов мечтал: «Но если бы удалось снизить уровень вооружений и военных расходов с обеих сторон, приступить к разоружению, к чему мы активно стремимся, то это было бы великим благом для всех стран и народов»¹.

На словах Андропов декларировал стремление к «коренному оздоровлению международных отношений»², а на деле не мог согласиться на американские предложения по сокращению ракетных вооружений. Инициатива Рейгана – «нулевое решение» казалась Андропову неуместным ультиматумом. Ему не хотелось верить в серьезность стремления США к восстановлению паритета. Он воспринимал это как политический шантаж.

Андропов маневрировал. В ноябре 1982 года в речи на пленуме ЦК заявил о готовности «заморозить» советские ядерные арсеналы³. Пацифистские движения по всему миру с конца 1970-х годов активно пропагандировали идею «замораживания ядерных арсеналов». Этот усыпляющий общественность вариант был весьма выгоден Кремлю, так как позволял сохранить явное превосходство по ракетам средней дальности в Европе. Публичные высказывания Андропова были весьма недобросовестны в своей аргументации. Например, 21 декабря 1982 года: «Мы предложили и другой вариант: чтобы СССР и страны НАТО сократили свои вооружения средней дальности более чем в три раза. На это США пока не идут. Со своей стороны они выдвинули предложение, словно в насмешку названное “нулевым” вариантом. Оно предусматривает ликвидацию всех советских ракет сред-

---

¹ Пленум ЦК КПСС, 14–15 июня 1983 г.: Стенографический отчет. М., 1983. С. 131.

² Там же.

³ Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 385.

ней дальности не только в европейской, но и в азиатской части СССР – при сохранении и даже наращивании ракетно-ядерного арсенала НАТО в Европе. Неужели кто-то всерьез думает, что Советский Союз с этим может согласиться? Вашингтон хотел бы сорвать соглашение, чтобы, ссылаясь на неудачу переговоров, так или иначе разместить свои ракеты на европейской земле»¹.

Что тут не так: во-первых, даже трехкратное сокращение советского арсенала ракет средней дальности оставляло преимущество СССР, во-вторых, «нулевое решение» не предусматривало «наращивание ракетно-ядерного арсенала НАТО» в части ракет средней дальности. Об уравнивании потенциалов речь могла идти только в компромиссном «промежуточном решении», когда предлагалось частичное сокращение советских ракет и довооружение НАТО до советского уровня. Андропов сознательно свалил все в одну кучу для публичной компрометации американской инициативы.

Перспектива размещения новых американских ракет пугала Кремль. На встрече 11 января 1983 года с видным деятелем Социал-демократической партии Германии Хансом Фогелем Андропов упирал на то, что ФРГ – «единственное европейское государство, которое соглашается принять американские ракеты “Першинг-2”, оружие первого удара, способное за несколько минут достичь объектов на большой глубине территории СССР»².

Вот это больше всего и пугало кремлевскую верхушку – «за несколько минут»! Как утверждалось в меморандуме ЦРУ, «приблизительно сколько времени требуется некоторым кремлевским лидерам, чтобы подняться со стула, не говоря уже о том, чтобы отправиться в свое убежище»³.

Андропов не оставлял надежды вбить клин в атлантическую солидарность, всячески разжигая страхи и сея рознь. В беседе с Фогелем он особо упирал на подчиненную роль ФРГ:

---

¹ Там же. С. 400.

² РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 37. Л. 19.

³ Меморандум Центрального разведывательного управления для директора и заместителя директора от заместителя председателя Национального совета по разведке Герберта Э. Мейера, «Тема: Почему мир так опасен?» 30 ноября 1983 г. // База данных CIA Records Search Tool (CREST). – URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB428/> (дата обращения: 18.11.2022).

«США утверждают, что намерены развернуть свои новые ракеты в Западной Европе ради “защиты” ФРГ и других стран НАТО. Я не знаю, как смотрят на это руководители и политические деятели ФРГ, но для нас совершенно ясно: на самом деле цель Вашингтона совсем иная – Пентагон хочет придвинуть стартовые позиции своих по существу стратегических ракет непосредственно к границам СССР. А под ответный удар они рассчитывают подставить вместо себя других. Словом, западные немцы оказались как бы сидящими в центре мишени для ответного удара, а спусковой крючок всей этой адской машины был бы не в руках немецких, а в американских руках»¹.

Аргументация довольно примитивная и мелкая, но Андропов продолжал нажимать: «У вас есть хороший выход: не впускайте американцев с их ракетами к себе в ФРГ»². И тут же пояснил: «Ракеты среднего радиуса действия (“Першинги-2”, которые намерены размещать американцы в Европе) летят до нашей территории что-то около 6 минут. Естественно, что если они будут размещены, то нам придется принять все необходимые ответные меры. Я, конечно, понимаю, что это не понравится вам, западным немцам. Но что делать? Выход один – не ставьте у себя американских ракет. И вам, и нам будет хорошо, а американцы пусть полагаются на свои МБР [межконтинентальные баллистические ракеты. – Н. П.], и будем мы с ними пугать друг друга через океан»³.

А как быть в таком случае с сохранявшейся монополией СССР в части наличия советских ракет, «достающих» европейские столицы за те же 6 минут? Андропов не желал поступиться этим преимуществом. А ведь в Европе довольно долго терпели этот вызов. Премьер-министр Бельгии в письме Андропову пояснял: «Западные страны реагировали умеренно и сдержано, когда Советский Союз предпринял инициативу одностороннего и неспровоцированного развертывания ракет “СС-20”, направленных против Европы. Эта избирательная и дестабилизирующая положение угроза была неприемлемой для них...»⁴.

О том же писала и Маргарет Тэтчер: «Как я объясняла Вам в своем письме от 27 сентября, мы не можем согласиться на

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 37. Л. 20.

² Там же. Л. 34.

³ Там же. Л. 35.

⁴ Там же. Д. 42. Л. 25.

то, чтобы вы сохраняли монополию на ракеты промежуточной дальности в Европе, одновременно настаивая на том, что американцы не должны размещать ракеты такого рода. Мы были вынуждены размещать американские крылатые ракеты в нашей стране вследствие массированного наращивания вами арсенала ракет "СС-20". Для нас было бы более предпочтительным не размещать их, но до сих пор оказалось невозможным достигнуть в Женеве необходимого соглашения по контролю над вооружениями»¹.

Рейган оставлял Кремлю шанс достичь договоренностей. В своей знаменитой речи 8 марта 1983 года на конференции Национальной ассоциации евангелистов (разумеется, в советской печати смысл этой речи извратили) Рейган внятно сформулировал предложение Запада: «50-процентное сокращение стратегических баллистических ракет и уничтожение целого класса ядерных ракет средней дальности наземного базирования»². Здесь же Рейган ответил политикам, полагавшим достаточным договориться лишь о «замораживании» роста ядерных арсеналов: «...это было бы сейчас очень опасным обманом, не чем иным, как иллюзией мира», более того, «замораживание на нынешнем уровне вооружений привело бы к лишению Советского Союза побудительных мотивов для серьезных переговоров в Женеве и фактически подорвало бы наши шансы добиться предложенного нами значительного сокращения вооружений. Вместо этого Советы путем замораживания достигли бы своих собственных целей»³.

Эта речь Рейгана знаменита тем, что он поставил нравственный и весьма чувствительный для Кремля вопрос – на чьей стороне добро? А сказал он буквально следующее:

«Давайте вознесем молитву за спасение всех тех, кто живет во мраке тоталитаризма, за то, чтобы они обрели радость познания Бога. Давайте признаем, что до тех пор, пока их вожди проповедуют верховную власть государства, провозглашают его всемогущество над личностью и предрекают его конечное господство над всем человечеством, они олицетворяют зло в современном мире»⁴. И продолжил в прямой связи с подходом к разоружению:

---

¹ Там же. Л. 42.

² Рейган Р. Откровенно говоря... С. 160.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 161.

«Хочу вас предостеречь, говоря о ядерном замораживании, не впадайте в соблазн гордыни, в соблазн поставить себя над всеми и в равной степени обвинять обе стороны, игнорируя факты истории и агрессивные устремления империи зла и упрощенно называя гонку вооружений величайшим недоразумением, тем самым отстраняясь от борьбы между правдой и неправдой, между добром и злом...

Я верю в нашу способность принять этот вызов. Я считаю, что коммунизм – это очередная скорбная и нелепая глава в человеческой истории, чьи последние страницы дописываются уже сейчас. Я верю в это потому, что источник нашей силы в поисках человеческой свободы не материальный, а духовный. И так как этот источник неисчерпаем, он поможет сначала напугать, а в конечном итоге и одержать победу над теми, кто хотел бы поработить своих соотечественников»¹.

Советская пропаганда зашла от негодования. А Андропов через месяц откликнулся на удивление вяло. На вопрос западногерманских журналистов об этом высказывании Рейгана меланхолично заметил: «Мы достаточные реалисты, чтобы не обращать внимания на риторику. Если бы Рейган, кроме своих обвинений, принял хоть одно наше конкретное предложение по вопросам сокращения вооружений или сам выдвинул хоть одно разумное, подходящее предложение, мы бы ему простили его, как бы это сказать помягче, – голословное заявление»². Андропов знал лишь один «неисчерпаемый источник» – ленинизм.

Еще в марте 1983 года после очередного раунда зашедших в тупик переговоров в Женеве, глава американской делегации сообщил Рейгану свой вывод: «Советы и пальцем не шевельнут, чтобы убрать ракеты “СС-20”, направленные на Европу, пока мы не разместим там наши ядерные крылатые ракеты средней дальности»³.

Андропов выбрал политику ультиматумов и запугивания. Политбюро ЦК 17 июня 1983 года утвердило директиву советским послам в ФРГ, Франции, Италии и Канаде с текстами посланий Андропова главам государств. В послании, в частности, был такой пассаж: «Мы за достижение соглашения, но если НАТО

---

¹ Рейган Р. Откровенно говоря... С. 152–163.

² Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 457.

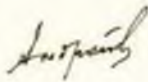
³ Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 566.

Уважаемый Андрей Андреевич!

Представляется целесообразным учесть в тексте посланий содержание документа парижской сессии совета НАТО.

Можно было бы использовать также информацию агентств о заявлении Шульца на сессии НАТО в Париже, в котором безуспешность женевских переговоров оправдывается ссылками на "трудности, которые СССР создает своими действиями в Афганистане и Польше". Это показывает, что американцы изыскивают любые предлоги, чтобы блокировать договоренность в Женеве.

Имело бы смысл решительнее отвести рассуждения о том, что-де СССР станет "более уступчивым" в Женеве после размещения американских ракет, прямо сказав, что это опасная иллюзия, которая может иметь тяжелые последствия.

Д. Андропов

• /• • июня 1983 года

*Записка Ю.В. Андропова А.А. Громыко о переговорах в Женеве
1 июня 1983
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 41. Л. 31]*

все же разместит новые американские ракеты, то нам придется пойти на ответные меры – индивидуально и вместе со своими союзниками. И не надо представлять дело таким образом, будто мы тем самым кому-то угрожаем. У нас просто не будет другого выхода»¹.

Для внутреннего употребления в ход шла самая оголтелая антиамериканская пропагандистская риторика. Громыко, выступая в июне 1983 года на сессии Верховного Совета СССР с докладом о международном положении, сделал особый упор на факт первого боевого применения ядерного оружия: «Но в памяти человечества не изгладится, кто первым применил его против людей. Никакой риторикой, даже самой обильной, не смыть

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 41. Л. 14.

пятна, которое легло на тех, кто совершил это преступление»¹. В свете существовавших в 1945 году в рамках антигитлеровской коалиции союзнических отношений СССР и США подобное заявление Громыко было и бесстыдным, и скандальным. И, по сути, это было фальсификацией истории. Ведь ни в 1945 году, ни позднее Советский Союз на международно-правовом уровне никогда официально не выступал с осуждением атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Но в обстановке острого противостояния 1983 года на этот пассаж, кажется, даже и не обратили внимания.

Гораздо интересней другое. Громыко в этой речи умудрился ни разу не произнести словосочетания «нулевой вариант», как будто этого американского предложения не существовало. Он лишь упрямо твердил о наличии паритета в ядерных вооружениях.

Советские руководители надеялись, что протесты западной общественности против «довооружения» натовской части Европы могут существенно помочь Кремлю. Громыко: «Волна антиядерного, антивоенного движения, поднявшаяся на Западе, — это своего рода народный референдум». И тут же: «Пытаются утверждать, будто это движение повинуется “руке Москвы”. Для нас, разумеется, лестно, что выступления за мир связывают с политикой Советского Союза. Но “рука Москвы” здесь ни при чем. Широкие круги общественности спонтанно выражают в своих антивоенных выступлениях стремление людей отстоять право на жизнь»².

Действительно ли «ни при чем»? В мае 1982 года при передаче дел в КГБ от Андропова к Федорчуку составлялись краткие отчеты-справки о работе ведущих подразделений. В отчете 1-го главка КГБ есть любопытный пассаж: «В последнее время много внимания уделяется осуществлению спецмероприятий, направленных на стимулирование антивоенного движения в Западной Европе, противодействия планам размещения новых американских ракет средней дальности и нейтронного оружия»³.

Стоит процитировать и фрагменты записки Андропова 30 июля 1983 года в ЦК. Андропов писал, что до начала развертывания американских ракет в ФРГ и других странах Европы осталось 3–4 месяца: «Его осуществление изменит стратегиче-

¹ Восьмая сессия Верховного Совета СССР... С. 23.

² Там же. С. 26.

³ ЦА ФСБ. Ф. 6-ос. Оп. 5. Д. 26. Л. 11.

скую обстановку в невыгодном для нас направлении, прибавит наглость Рейгану и его компании, увеличит военную опасность»¹. Андропов предложил «не теряя времени» задействовать все возможности – политические, оборонные и экономические, чтобы попытаться сорвать или максимально затруднить эти планы. В том числе «всемерно содействовать развороту антиракетного движения в парламентах, партиях и народных массах западных стран». Для этого, по мнению Андропова, нужен «единый, скоординированный календарный план» проведения мероприятий против американских ракет, необходимо предусмотреть в нем и новые инициативы и разъяснительную работу, а также некоторые мероприятия по линии Министерства обороны и КГБ, «словом, все, что мы сейчас можем привести в действие для достижения исключительно важной для нашей страны цели»².

В первых числах июля 1983 года в Москву с визитом прибыли Федеральный канцлер ФРГ Гельмут Коль и министр иностранных дел Геншер. Встреча Коля с Андроповым состоялась 5 июля:

«Коль заявил Андропову в Кремле, что он намерен уже в 1983 году добиться установления в ФРГ новых ракет НАТО, если на предстоящих в Женеве переговорах по разоружению не будет достигнуто соглашение. В отличие от своего предшественника он без обиняков заявил представителям советского руководства о своем стремлении видеть Германию объединенной. Хотя это и вызвало возмущение Андропова, как отмечали наблюдатели, он, тщательно взвесив свою позицию и проанализировав ту роль, которую этот канцлер сможет играть в международных делах, решил все же принять приглашение Коля посетить Германию. Для русских было большой неожиданностью убедиться в том, что новый канцлер оказывает на Кремль и Восточный Берлин более сильный нажим, чем его социал-демократический предшественник, что не ускользнуло от внимания США»³.

Конечно, советские газеты опустили те места в речи Коля, где речь шла о немецком единстве. Однако Андропов был впечатлен встречей. В тот же день вечером позвонил Кеворкову и заговорил о канцлере: «Мне он очень понравился: напористый, настоящий “немецкий бык”, из народа. Но – умен, знает, что такое власть, и умеет ею распорядиться. А это как раз то, на чем

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 24. Л. 23.

² Там же. Л. 24.

³ Мазер В. Гельмут Коль. М., 1993. С. 212–213.

И.И.С.С. на территории
В архив. И.И.С.С.
И.И.С.С. 8283

Юрий Владимирович,

Направляем следующие материалы в связи с визитом Г.Коля в СССР (4-8 июля с.г.):

- Материал для беседы в расширенном составе.
- Материал для беседы один на один.
- Отдельный фрагмент для возможного использования в одной из бесед.

А. Громыко *Д. Устинов*
А. ГРОМЫКО Д. УСТИНОВ

20 июня 1983 года

11.ИЮН 1983 18623

Юрий Владимирович,

Направляю материал ко второй беседе с Колем, которая состоится завтра, 5 июля, в 15.00.

А. Андропов
В. Бармицкий
С. Дин
П. Дз

4 июля 1983 года
в архиве И.И.С.С. 8283

Сопроводительные записки А.А. Громыко и Д.Ф. Устинова к материалам для беседы с Гельмутом Колем.

20 июня, 4 июля 1983

[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 37. Л. 118, 164]

большинство лидеров спотыкается»¹. Андропов вновь задумался об установлении доверительного канала с канцлером по примеру прошлых лет².

Тем не менее в вопросе о ракетах переговоры провалились. И ведь четыремя годами раньше Андропов, читая очередную речь Громыко, возражал: «дипломатия не может строиться на ультиматумах», а теперь в беседе с канцлером сам ставил ультиматум³. И звучал он угрожающе: «Если уж дойдет до размещения, мы позиции свои сдавать не будем, не оборону свою ослаблять, а примем своевременные и эффективные ответные меры,

¹ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 286.

² Там же.

³ Там же. С. 285.

ограждающие нашу безопасность. Придется отказаться от мотатория на дальнейшее размещение ядерных средств средней дальности в европейской части страны. Мы развернем здесь также определенное количество крылатых ракет большой дальности. Потребуется подкрепить обороноспособность и наших союзников, выдвинув на передовые рубежи государств Варшавского Договора более эффективные виды оперативно-тактических ракет повышенной дальности. Наши ответные меры будут иметь в виду и территорию самих США»¹.

Коль ответил Андропову: «Несколько замечаний по ракетам средней дальности. С 1977 года Советский Союз в два раза увеличил число своих боеголовок. Поэтому мы вынуждены это учитывать и считаем, в частности, правильным, что в своих предложениях от 3 мая 1983 года Вы сказали о необходимости учета боеголовок»². И продолжил: «Я сознаю интересы безопасности СССР, однако и Вы должны сознавать интересы безопасности ФРГ. Ведь у нас нет ракет средней дальности. Вы, вероятно, почувствовали, что мы достаточно информированы о положении дел в данной области»³.

А далее состоялся любопытный обмен репликами:

«Г. Коль. И, разумеется, мы спрашиваем себя, зачем Советскому Союзу понадобилось развертывать ракеты средней дальности.

Ю.В. Андропов. Это был наш ответ на французские и английские ракеты средней дальности, а также на американские средства передового базирования. В свое время у нас нечем было на них ответить.

Г. Коль. Франция и Англия никогда не позволят себе напасть на Советский Союз.

Ю.В. Андропов. Однако их ракеты нацелены на нас.

Г. Коль. А ваши ракеты нацелены на нас. Главное, однако, в том, чтобы договориться о сокращении этих ракет»⁴.

За визитом Гельмута Коля в Москву внимательно следили в Вашингтоне. Это было прощупывание Москвы на предмет определения позиций в вопросах возможности достижения соглашения по ракетам средней дальности. Международные наблюдате-

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 37. Л. 85–86.

² Там же. Л. 92.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 98.

'Just how cold is it, Helmut?'

Карикатура на визит Г. Коля в Москву

16 июля 1983

[International Herald Tribune]

ли поняли все правильно, что и отразилось в весьма остроумной карикатуре в газете.

Кремль вел опасную игру. Ее смысл как-то однажды выразил министр обороны Устинов. В ответ на совет дать понять западным лидерам, что в Кремле сидят вовсе не презревшие осторожность авантюристы, он заявил: «А вот в этом разубеждать западников ни в коем случае не следует. Пусть думают, что мы более сумасшедшие, чем они. Это, пожалуй, единственное преимущество, которое у нас осталось»¹.

Рейган не оставлял попыток найти понимание и договориться с Кремлем путем «тихой дипломатии». 11 июля 1983 года он направил собственноручно написанное послание Андропову, в котором призвал к «более активному уровню обменов, чем тот, который до сих пор мы смогли установить», и предложил более

¹ Кеворков В.Е. Тайный канал. С. 237.

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON

July 11, 1983

Dear Gen. Secretary Andropov

I appreciate very much your letter pledging an "unfettered commitment of the Soviet leadership and the people of the Soviet Union to the course of peace, the elimination of the nuclear threat and the development of relations based on mutual benefit and equality with all nations."

Let me assure you the government & the people of the United States are dedicated to "the course of peace" and "the elimination of the nuclear threat."

It goes without saying that we also seek relations with all nations based on "mutual benefit and equality." Our record since we were allied in W.W.II confirms that.

Mr. General Secretary could we not begin to approach these goals in the meetings now going on in Geneva? You and I share an enormous responsibility for the preservation of stability in the world. I believe we can fulfill that mandate but to do so will require a more active level of exchange than we have heretofore been able to establish. We have much to talk about with regard to the situation in Eastern Europe, South Asia, and particularly this hemisphere as well as in such areas as arms control, trade between our two countries and other ways in which we can expand east-west contacts.

Historically our predecessors have made better progress when communicating has been private and candid. If you wish to engage in such communication you will find me ready. I await your reply. Sincerely Ronald Reagan

Письмо Р. Рейгана В.Ю. Андропову
11 июля 1983
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 47. Л. 39]

Андрей Андреевич!

В связи с письмом Рейгана от 11 июля с.г. на мое имя мне представляется, что ему можно было бы дать ответ примерно по следующей схеме:

1. Поблагодарить за письмо и сказать, что мы тоже ценим такие контакты.
  2. Зафиксировать заверения Рейгана о том, что его правительство тоже "передано делу мира" и стоит за устранение ядерной угрозы, за развитие взаимовыгодных и равноправных отношений. Добавить, что теперь все будет зависеть от подтверждения этих принципов конкретными, практическими делами.
  3. Выразить согласие с тем, что на руководителях обеих стран лежит сейчас большая ответственность. Добавить, что обе стороны располагают также и большими возможностями, чтобы оказаться на уровне этой исторической ответственности.
  4. Мадрид показал, что договариваться на благо мира и сотрудничества между народами возможно. По-видимому, при наличии доброй воли, аналогичных результатов можно было бы достигнуть и в Вене. Препятствия там не так уж велики.
  5. Но главное сейчас - это, конечно, предотвращение новой гонки ядерных вооружений в Европе и связанного с этим серьезного увеличения угрозы ядерной войны. Если мы сумеем этого добиться, за это нам будут благодарны народы.
  6. Мы считаем, что соглашение в Женеве "на равных" все еще возможно. Стремясь достигнуть такого соглашения, мы пошли уже очень далеко. Ведь фактически Советский Союз сейчас соглашается (при достижении равенства по авиации) на сокращение почти двух третей имеющихся у него в зоне Европы ракет средней дальности без каких-либо ответных шагов Запада. Понимают ли это и ценят ли в должной степени в Вашингтоне? Мы не хотим в этой области иметь ничего, кроме противовеса средствам, имеющимся у англичан и французов.
- Натце 14 июля в беседе с Квинсином говорил о стремлении серьезно учесть соображения Советского Союза и поискать

2.

делом, что в Вашингтоне

Истанове вновь продемон-
стрировать честному соглашению.
Следует изложить пози-

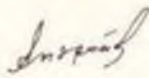
хоту обратиться к Вам
именно, приветствовалась
его нового предложения

ваться конструктивно.

мы мы согласны. Со своей

Прошу, Андрей Андреевич, обдумать все это и подготовить проект ответного письма Рейгану.

Записка
Ю.В. Андропова
А.А. Громыко
о подготовке
ответа Рейгану
22 июля 1983
[РГАНИ. Ф. 82.
Он. 1. Д. 47.
Л. 42-43]

Д. Андропов

22 июля 1983 года

*Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер
1980-е*

[Из открытых источников]

тесные контакты: «Опыт показывает, что наши предшественники добивались большего прогресса, когда контакты между нами были приватными и откровенными. Если бы Вы захотели вступить в такого рода контакты, я буду готов к этому. Я ожидаю Вашего ответа»¹.

Андропов ответил 1 августа и разочаровал Рейгана, увязав успех переговоров с отказом от размещения американских ракет: «Пока США не приступили к размещению своих ракет в Европе, соглашение еще возможно»². Отказался Андропов и обсуждать вопросы о советской активности в странах третьего мира – «советские подрывные действия», как пишет Рейган³.

Рейган вспоминал: «Письмо еще больше убедило меня в том, что мы должны и далее развивать наши планы по размещению ракет средней дальности НАТО в Европе, поскольку в

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 47. Л. 37–38.

² Там же. Л. 45.

³ Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 571.

случае отсутствия этой угрозы у Советов не будет никаких причин убирать свои крылатые ракеты средней дальности»¹. В ответном письме 24 августа 1983 года Рейган напомнил о том, что начало размещения ракет «СС-20» в 1977 году поставило под угрозу баланс сил в Европе и пояснил: «Безусловно обнадеживает Ваше понимание того, что потребность в “СС-20” намного меньше, чем их развернуто, но монополия на систему вооружений остается монополией независимо от большего или меньшего их количества, и мы не можем согласиться с подобным положением. Вы говорили об английских и французских системах, и я понимаю Ваши возражения. Но я в самом деле не считаю их уместными. Главное то, что упомянутые английские и французские системы не входят в оборону стран НАТО. Эти соображения могли бы предположительно рассматриваться как вторичные, если бы английские и французские ракеты представляли реальную угрозу Советскому Союзу. Однако можете ли вы рассматривать их как угрозу, принимая во внимание внушительный ядерный арсенал, которым вы обладаете (включая МБР, которые могут быть нацелены на Великобританию и Францию). Я просто не могу понять, почему Вы считаете необходимым иметь “особый баланс” по этим системам, в то время как ваши главные системы превосходят их по мощности во много-много раз»².

Андропов направил 9 августа в ЦК еще одну записку. В связи с разработкой комплексного плана мероприятий по предотвращению размещения нового американского ракетно-ядерного оружия в Европе, писал Андропов, надо присмотреться к ситуации на Дальнем Востоке и «поискать возможность там ослабить напряженность», в первую очередь с Китаем³. Отношения с Китаем, как, впрочем, и с США, замечает Андропов, у нас хуже, чем китайско-американские отношения, и это «стратегически нежелательное явление, оно используется против наших интересов»⁴. Андропов проинформировал ЦК, что он собирается «оздоровить обстановку» в намеченном на конец августа интервью в «Правде»⁵.

---

¹ Там же. С. 574.

² Там же. С. 576–577.

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 24. Л. 27.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 29.

Интервью в «Правде» было опубликовано 27 августа и отнюдь не оздоровило обстановку вокруг американских ракет. Андропов решительно отверг выдвинутые американцами на переговорах в Женеве предложения, настаивая на увязывание вопроса об американских ракетах средней дальности с имеющимися ядерными ракетами у Великобритании и Франции, а также и с американским тактическим ядерным арсеналом в ФРГ (бомбами и ракетами малой дальности). Но в то же время в заключительной части интервью Андропов горячо приветствовал улучшение советско-китайских отношений и ратовал за дальнейшее развитие торговли между странами. Указывая его важность, предложение Андропова по ракетам средней дальности в публикации было выделено полужирным шрифтом: «В случае достижения взаимоприемлемого соглашения, включая отказ США от развертывания в Европе новых ракет, Советский Союз при сокращении своих ракет средней дальности в европейской части страны до уровня, равного числу ракет у Англии и Франции, ликвидировал бы все сокращаемые ракеты. В этом случае ликвидировано было бы и значительное количество самых современных ракет, известных на Западе под названием СС-20»¹.

Удивительная вещь. Наверное, в Кремле полагали, что у читателей советских газет совершенно отшибло память. Ведь полутора годами раньше «Правда» опубликовала данные о числе ракет средней дальности в СССР и у стран НАТО. И там – «у них, на Западе» как будто ракеты есть, и их больше:

«Если перевести “план Рейгана” на язык цифр, то картина получается следующая. Сейчас, как известно, на стороне НАТО имеется 986 единиц ядерных средств средней дальности, нацеленных на объекты в Европе. У СССР число таких вооружений составляет 975 единиц»². А из заявления Андропова следовало: оказывается, у нас есть что «значительно» сокращать и уничтожать! А ведь в США тоже читали «Правду», запоминали, сравнивали. Ну понятно, советскому читателю газета скармливала пропагандистскую жвачку. Но что он, читатель, должен был подумать – Андропов предлагает сократить число советских ракет

---

¹ Правда. 1983. 27 августа.

² Быть или не быть новому витку гонки вооружений // Там же. 1982. 10 февраля.

до уровня Англии и Франции, а ведь писали, что их у нас и так меньше, чем у НАТО?

Не дожидаясь очередного письма от Рейгана, Андропов 27 августа отправил ему письмо, как казалось, с самыми далеко идущими предложениями. Как писал Андропов, повторяя опубликованное в газетах, это «еще один крупный шаг» на пути к договоренностям. Но увы, это были перепевы всего ранее уже прозвучавшего: «Нами заявлено о готовности ликвидировать в европейской части СССР те наши ракеты средней дальности, которые подлежали бы сокращению. В их число вошла бы и значительная часть ракет СС-20, а именно та их часть, которая была бы сверх суммарного количества ракет средней дальности у Англии и Франции»¹. Был бы снят волновавший американцев вопрос о перебазировании – теперь Андропов писал об уничтожении ракет. Но условием Андропов по-прежнему ставил отказ от размещения новых американских ракет².

Нежелание Андропова идти на серьезные переговоры отразилось в его короткой записи в дневнике: «Першинги – СС-20 – хватит торговаться»³. Упрямство, подвергнувшее мир серьезной угрозе, а советской экономике сулящее грядущий провал.

Как писал руководитель информационно-аналитической службы разведки КГБ Николай Леонов, отмечавший опасность наращивания советских военных расходов для экономики страны: «Когда в 1983 году уважаемый и умнейший за последнее время руководитель партии и государства Ю.В. Андропов принял решение уйти с переговоров в Женеве только потому, что там не учитывались атомные потенциалы Англии и Франции и американцы не соглашались с принципом, что военный потенциал СССР должен быть равен суммарному ядерному арсеналу США, Англии и Франции, то оставалось только схватиться за голову. Неужели мы намеревались всерьез вешать на себя хомут вооружений, равных вооружениям США, Англии и Франции вместе взятым?»⁴. Было ясно, что «тянуть из себя жилы», пытаясь быть на уровне этих стран, означало подвергнуть «очевидному смертельному риску» советскую экономику⁵.

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 47. Л. 47.

² Там же.

³ Волкогон Д.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 159.

⁴ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 330.

⁵ Там же. С. 329–330.

Военные расходы действительно были огромны и продолжали расти. В 1984 году они составили 61 миллиард рублей, или 8 процентов валового национального продукта, почти 11 процентов национального дохода и 16,5 процентов государственного бюджета. Это были наибольшие военные расходы за предшествующие 20 лет¹. По американским данным на начало 1980-х годов, «несмотря на застой в советской экономике, советские руководители тратят на военные цели от 12 до 14 процентов валового национального продукта», что в два-три раза выше, чем в США².

Тучи сгустились и на Ближнем Востоке. 27 августа Андропов направил в ЦК КПСС записку директора Института востоковедения Академии наук Примакова о ближневосточных событиях, снабдив ее припиской от себя: «Несмотря на содержащиеся в ней элементы субъективизма, считаю, что в целом она правильно отражает всю сложность и глубину противоречий ситуации на Ближнем Востоке». Но затем, поразмыслив, Андропов вычеркнул этот пассаж из экземпляра для рассылки. Но оставил свое главное соображение об опасности ситуации. Андропов писал: «Факты подтверждают мое высказанное на Политбюро 18 августа 1983 года опасение, что нас хотят втянуть в непосредственное участие в военном конфликте. Мы все согласились, что этого допустить нельзя. До этого наши меры на Ближнем Востоке спорадические, а информация отрывочная и носит подчас оттенок личной позиции товарищей, которые ее представляют». Андропов внес предложение образовать постоянную действующую комиссию Политбюро (по типу польской и афганской) по Ближнему Востоку для наблюдения за положением дел там и внесения своевременных предложений в Политбюро в составе Д.Ф. Устинова, А.А. Громыко, Г.А. Алиева, Б.Н. Пономарева, Г.М. Корниенко и Н.В. Огаркова³.

Ситуация обострилась 1 сентября 1983 года. Ночью близ Сахалина советским летчиком был сбит южнокорейский пассажирский самолет «Боинг», совершавший рейс из Нью-Йорка в Сеул. Погибли 269 пассажиров и членов экипажа. Среди пассажиров 60 американцев и член Конгресса США⁴. На очередном заседа-

¹ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 16.

² Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 555.

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 24. Л. 30–31.

⁴ Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 578.

2.

В состав комиссии можно было бы включить т.т. Устинова Д.Ф., Громико А.А., Алеева Г.А., Пономарева В.Н., Корниенко Г.М. и Сгарнова Н.В.

При комиссии можно было бы образовать рабочую группу из специалистов по Ближнему Востоку и других товарищей, имеющих отношение к этой проблеме. Но это уже должна определить сама комиссия.

Андропов

В. Андропов

И пленуму I прот. № 122

ЦК КПСС

Направляю записку директора Института востоковедения АН СССР тов. Примакова. *23 августа 1983 г. № 8549.*

Несмотря на содержащиеся в ней элементы субъективизма, считаю, что в целом она правильно отражает всю сложность и глубину противоречивой ситуации на Ближнем Востоке.

Привожу в записке факты подтверждающие высказанное мною на заседании Политбюро 18 августа с.г. опасения по поводу того, что нас тем или иным путем хотят втянуть в непосредственное участие в возможном военном конфликте. Тогда мы все согласились с тем, что нам этого допустить ни в коем случае нельзя. Сейчас я хочу добавить, что и наше политическое участие в делах урегулирования положения в этом регионе должно осуществляться, исходя из того, чтобы на нас в конце концов не "повесили" всю ответственность за возможные неблагоприятные для Сирии и других арабских стран последствия.

Несмотря на принимаемые нами меры, наши действия по решению ближневосточной проблемы носили подчас импульсивный, спорадический характер, наша информация по Ближнему Востоку - тоже отрывочна и нередко носит оттенок личной позиции товарищей, которые ее представляют.

Чтобы исправить такое положение и, по возможности, избежать неприятных для нас случайностей, мною предложено образовать постоянно действующую комиссию Политбюро по типу польской и афганской, которой поручить систематическое наблюдение за делами в районе Ближнего Востока в интересах своевременных предложений в Политбюро.

Записка Ю.В. Андропова в ЦК КПСС о создании комиссии Политбюро по Ближнему Востоку 27 августа 1983 [РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 24. Л. 30-31]

нии Политбюро 1 сентября ничего лучшего не придумали, как объявить, что это был «самолет-шпион». Андропов колебался, сообщать ли о том, что самолет был сбит. Устинов посоветовал не признаваться: «Все будет в порядке, никто никогда ничего не докажет»¹. И в советских газетах было опубликовано сообщение с совершенно невнятной концовкой, дескать, самолет «продолжил полет в сторону Японского моря»². Андропов поручил Политбюро экстренно собраться на следующий день 2 сентября, а сам отбыл в отпуск. Это было бегство от действительности и ответственности.

Действительно решение об отпуске было принято двумя неделями раньше. В протоколе Политбюро от 18 августа 1983 года зафиксировано предоставление осеннего отпуска Андропову с 1 сентября. На время его отсутствия ведение заседаний Политбюро, рассмотрение и подготовку вопросов к заседаниям Политбюро и Секретариата ЦК возложили на Константина Черненко³. Но ведь в силу таких чрезвычайных событий Андропов мог бы и повременить с отдыхом. Скорее всего, настояли врачи.

Возмущение в мире действиями СССР было столь велико, что в Кремле вынуждены были обсуждать ограничение зарубежных полетов советских гражданских самолетов. Заседание Политбюро провел Черненко. Теперь уже Устинов рассуждал о том, «как лучше сообщить о наших выстрелах»⁴. В последующие дни в советских сообщениях продолжали твердить, что южнокорейский «Боинг» продолжил полет и вышел из зоны видимости советских радаров. Ложь только усугубила ситуацию и выставила Советский Союз в совершенно дурном свете. Лишь 7 сентября в официальном сообщении было признание – самолет сбит⁵.

Как пишет Рейган: «Если летом 1983 года свободный мир нуждался в дополнительном свидетельстве противостояния с “империей зла”, то он получил его ночью 31 августа, когда русский военный самолет хладнокровно сбил корейский авиалайнер... Это антигуманное преступление не только охладило мои попытки “тихой дипломатии” с Кремлем, но практически затормозило все наши усилия по улучшению американско-советских

---

¹ Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 392.

² Правда. 1983. 2 сентября.

³ Решение Политбюро ЦК КПСС П120/IX от 18 августа 1983 г.

⁴ Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 394.

⁵ Заявление Советского правительства // Правда. 1983. 7 сентября.

*Карикатура на
Ю.В. Андропова в
газете «Геральд
Трибьюн»
13 сентября 1983
[International Herald
Tribune]*

отношений»¹. Американской стороной было установлено, что пилоты корейского авиалайнера на промежуточной остановке в Анкоридже неправильно ввели данные в бортовой компьютер, и самолет отклонился от маршрута, попав в советское воздушное пространство. Пилоты об этом даже не подозревали. Советские военные летчики видели и размеры преследуемого ими самолета, и габаритные огни, свидетельствующие, что это гражданский лайнер. И тем не менее его сбили².

Нежелание советской стороны признать все по горячим следам, ложь и увиливание только подлили масла в огонь. Рейган вспоминал: «Воскресным утром 4 сентября я созвал ведущих

¹ Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 578–579.

² Там же. С. 579–580.

конгрессменов в Овальном кабинете и дал им прослушать пленку с записью голоса одного из советских пилотов, который сообщал, что включил противовоздушную ракетную систему своего самолета, зафиксировал цель на радаре и выпустил ракету, после чего сообщил: “Цель уничтожена”¹.

Андропов больше никогда не показывался на публике. Лишь в газетах публиковались его многословные заявления и интервью. История с «Боингом» была столь неблагоприятна для имиджа СССР, была подорвана вера в любые миролюбивые заявления и инициативы советских лидеров. Ведь всем были очевидны кремлевская ложь и желание уйти от ответственности. В опубликованном в «Правде» 29 сентября заявлении Андропова была сделана попытка обвинить США в трагедии: «Примером крайнего авантюризма в политике является и изощренная провокация, организованная спецслужбами США с использованием южнокорейского самолета»². Вместе с «Боингом» в океан рухнула и была навсегда похоронена репутация Андропова.

Политическая истерия и судорожные демонстративные акции стали приметой той тревожной осени. По стране прокатились организованные властью «антивоенные» митинги советской общественности. Выглядело это весьма убого и уныло. В октябре 1983 года в один из субботних дней в Москве перекрыли движение по Каширскому шоссе. Со стороны метро «Каширская» по опустевшей проезжей части молчаливо двигалась темная людская масса. Лишь изредка шедший впереди распорядитель в мегафон подавал команду, и колонна недружно откликалась: «Не дадим взорвать мир!». Видны были трафаретно изготовленные лозунги. На лицах участников первых шеренг шествия мрачная сосредоточенность, а далее по рядам – унылая скука. Можно сказать, им повезло. Вместо осеннего субботника, назначенного властями на этот день, для них придумали другое занятие – продемонстрировать народное негодование и протест против размещения в Европе новых американских ракет. Поравнявшись с Дворцом культуры «Москворечье», змеившаяся колонна повернула направо в горловину меж зданиями, и в парке, гулко разливаясь по округе, загремел речами митинг. Написанные заранее дежурные выступления, постановочное негодование – «речи-встречи, то да сё – кроем НАТО».

---

¹ Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 580.

² Правда. 1983. 29 сентября.

В прессе и на телевидении все это подавалось как порыв самих трудящихся, обеспокоенных «агрессивными планами американской военщины». Но вот уж поистине – инициатива снизу должна быть хорошо организована сверху.

Организованный властью «народный протест» осенью 1983 года уже ничем не мог помочь и тем более произвести хотя бы на кого-то впечатление. Кремль провалил кампанию, и размещение американских ракет в Европе началось. Рейган дал ответ Андропову.

Лидер итальянских коммунистов Энрико Берлингуэр 13 октября 1983 года обратился к Андропову с предложением сделать шаг в направлении одностороннего сокращения советских ракет средней дальности, попытаться таким образом предотвратить появление в Европе «першингов». Но подобное не в правилах Андропова, и он ответил: «Где гарантия, что это удержит американцев от размещения ракет? Таких гарантий нет»¹. Позднее Горбачев рассказал о позиции советского лидера в то время: Андропов считал, что «Советский Союз не настолько наивен, чтобы предпринимать односторонние шаги»².

Берлингуэр вновь написал Андропову 27 октября с призывом сделать какой-то новый и конкретный жест и спасти переговоры в Женеве, «направить их в новое русло и способствовать их позитивному исходу». И вновь получил ответ о кознях американцев, которые ведут переговоры в «ультимативном духе» и преследуют цель «любой ценой разместить в Европе свои ракеты». Посетовал Андропов и на антивоенные выступления на Западе, которые «проводятся без указания конкретного виновника создавшегося положения», людям внушают, что давление нужно оказывать на СССР, «добиваться от него все новых односторонних уступок», тогда как надо «активнее выступать против истинных виновников гонки вооружений, то есть американской администрации»³.

В отчаянии, уже тяжело больной и не появляющийся на публике, Андропов пишет коллегам по Политбюро 15 ноября 1983 года, что, судя по всему, мы накануне размещения американских ракет средней дальности в Западной Европе, «которое существенно изменит мировую стратегическую (а значит и по-

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 44. Л. 77.

² Брандт В. Указ. соч. С. 410.

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 44. Л. 81–86.

литическую) обстановку к невыгоде Советского Союза»¹. Политбюро, писал Андропов, некоторое время назад утвердило план мероприятий (оборонных, политических и пропагандистских). А теперь настало время дать «быстрый и чувствительный ответ» на размещение ракет, дискредитирующий политику правительств, «слепо повинующихся Вашингтону». Андропов предлагал, во-первых, со странами, где размещаются американские ракеты, «политические контакты демонстративно зажать (сохраняя, однако, в основном выгодные нам экономические связи в т. ч. с ФРГ)», а где ракет не будет, наоборот, активизировать контакты². Во-вторых, политические и оборонные шаги строить так, чтобы не ослаблять и тем более не подрывать антиракетное движение в странах Запада. В-третьих, оценивать в этом свете будущее всего комплекса переговоров по ограничению ядерных вооружений в Европе, как в новых условиях вести себя, ввести новые элементы в позиции на переговорах. Андропов предложил поручить Громыко, Устинову, Черненко, Пономареву, Русакову и Чебрикову подготовить соответствующий план действий³.

В опубликованном в газетах заявлении Андропова 25 ноября 1983 года явно сквозила попытка спасти лицо и переложить ответственность за провал переговоров в Женеве на США. Содержалась и угрожающая фраза о принятом Кремлем решении о размещении советских ракет на территории ГДР и Чехословакии и обещание развернуть советские ядерные средства «в океанских районах и морях»⁴. Но это заявление уже никого и ни в чем не могло убедить, это был акт отчаяния и признание проигрыша.

Конечно, все ответы Андропова на вопросы корреспондентов и публиковавшиеся от его имени заявления в центральных газетах были плодом коллективного творчества. Для Андропова готовились проекты этих ответов и заявлений. Он лишь их редактировал, правил, после чего их выпускали в свет.

На сессии Верховного Совета СССР по докладу секретаря ЦК Бориса Пономарева от имени Комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей 29 декабря 1983 года

---

¹ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 24. Л. 46.

² Там же. Л. 48.

³ Там же.

⁴ Правда. 1983. 25 ноября.

А. Андропов
Проекты интервью
и заявлений
Ю.В. Андропова,
направленные ему и в
ЦК КПСС
1983
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1.
Д. 28. Л. 39, 51, 67]

РАСЕКРЕЧЕНО

Секретно. Эш. В. 1

ЦК КПСС

Представляем проект ответов Ю.В. Андропова на вопросы газеты "Правда" по проблемам ядерных вооружений в Европе и по советско-китайским отношениям.

Опубликовать это интервью предлагается, как и предусматривалось планом, 27 августа.

Проект постановления предлагается.

Просим рассмотреть.

РАСЕКРЕЧЕНО

Секретно. Эш. В. 1

ЦК КПСС

А. Андропов
Представляем проект ответов Ю.В. Андропова на вопросы западногерманского журнала "Шпигель".

Проект постановления предлагается.

Просим рассмотреть.

А. Андропов
А. АНДРОПОВ

15 апреля 1983 года
в 309 /ТС

Д. Устинов
Д. УСТИНОВ

У. И. СС
(Пряя Владимирович.)

А. Андропов
Представляем проект ответов на вопросы газеты "Правда" в связи с речью Рейгана.

А. Андропов *Д. Устинов* *Я. Замiatан*
А. АНДРОПОВ Д. УСТИНОВ Я. ЗАМЯТАН

25 января 1984 года

*Б.Н. Пономарев
[Из открытых источников]*

была принята специальная резолюция о международном положении и внешней политике СССР. Во всем винили Запад: «Человечество предупреждено о грозящей миру опасности, порождаемой безрассудной, воинственной политикой империализма. Эта политика проявляется прежде всего в стремлении США и их союзников по НАТО во что бы то ни стало сломать сложившееся военное равновесие, которое служит основой международной безопасности, в развертывании в Западной Европе новых американских ядерных ракет, что сделало невозможным продолжение переговоров в Женеве»¹.

Позднее Корниенко признал допущенные Кремлем ошибки в истории с ракетами средней дальности: отказ сесть за стол переговоров, «пока не будет отменено решение НАТО», затем «пока не будет приостановлено его осуществление», потом «хлопанье дверью» на переговорах. Корниенко пишет: «Это было неразумно даже по меркам традиционного мышления»². Да и Устинов в разговоре с ним признал – зря тогда не попытались договориться со Шмидтом, добавив: «Но что же ты хотел от меня, если тебя не поддержал твой собственный шеф?»³.

¹ Девятая сессия Верховного Совета СССР... С. 235.

² Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 45.

³ Там же.

Справедливо было замечено об истории появления «першингов» в Европе: «Близорукая политика советских стратегов фактически своими руками поднесла американский нож к собственному горлу»¹.

А переписка Рейгана с Андроповым продолжалась. Она носила все более декларативный характер. Рейган записал в дневнике: «Я считаю, что Советы настолько одержимы идеей укрепления обороны и маниакально опасаются нападения, что, сохраняя прежнюю твердость, тем не менее мы должны показать им, что никто из нас и в мыслях не держит ничего подобного. Откуда они взяли, что кто-то хочет напасть на них?»².

Ответ Рейгану был направлен в Вашингтон 28 января 1984 года. Это было последнее письмо Андропова. Его подпись на оригинале документа, ломанная и нетвердая, свидетельствовала о тяжелом состоянии генсека. Андропов сетовал, что в переговорах советская сторона делала максимум, но наткнулась «на глухую стену». Андропов упрекал американцев: «...не получается делать вид, будто ничего не произошло», но все же перечислил области – космос, подземные взрывы, в которых можно было бы вести переговоры, и выразил уверенность, что «есть материал и для диалога, и для того, чтобы шаг за шагом выправить наши отношения»³. Рейган расценил полученное письмо как резкое⁴.

И все-таки Рейган уверенно смотрел в будущее: «Америка снова обрела силу духа и военную мощь, и, как я выразился, возвращение русских к столу переговоров – вопрос только времени. Ситуация напоминала мне слышанную ранее историю о двух русских генералах. Один говорит другому: “Ты знаешь, мне больше нравилась гонка вооружений, когда в ней участвовали только мы”. Теперь мы участвовали в ней вместе, и русские знали это. Вот почему я ожидал, что они вернутся в Женеву»⁵.

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Слухи об ухудшении здоровья Андропова поползли в ЦК, а оттуда распространялись и шире уже в мае 1983 года. Говорили

¹ Волкогонов Д.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 163.

² Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 585.

³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 47. Л. 64–66.

⁴ Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 587–588.

⁵ Там же. С. 583.

о том, что у него «совсем не работают почки», что раз в неделю ему «обновляют кровь»¹. Работники ЦК обратили внимание на его подпись под документами – ломаную, кривую. Очевидный признак болезненного дрожания рук. И эти слухи были обоснованными. Как отмечает Чазов, в начале 1983 года «у Андропова полностью прекратились функции почек. В организме катастрофически стало нарастать содержание токсичных веществ». В Кунцевской больнице был специально оборудован отсек, в котором размещалась искусственная почка, палата для Андропова, помещения для охраны и врачей. Андропов стал приезжать туда два раза в неделю². Устинову, пришедшему к нему в Кунцевскую больницу в феврале 1983 года для решения неотложных вопросов, Андропов с горечью сказал: «Вот видишь, Дмитрий, теперь бы только работать, а тут больница»³.

На заседании Политбюро 24 марта 1983 года обсуждали режим работы членов Политбюро. Докладывал Черненко. Он указал на принятое еще при Брежневем решение о щадящем режиме – рабочий день с девяти до пяти часов, а тем, кому за 65 лет, предоставлять еще и один свободный день для работы с бумагами в домашних условиях. Ну и, понятно, увеличенный отпуск. Только, подчеркнул Черненко, этот распорядок не выполняется. Андропов поддержал: «При перенапряженном режиме мы можем потерять гораздо больше, чем приобрести... Надо установить день каждому члену Политбюро, чтобы он мог работать в домашних условиях. В выходные дни надо отдыхать»⁴. Старейший член Политбюро Арвид Пельше тут же откликнулся: «Главное, чтобы ты сам, Юрий Владимирович, точно этот режим соблюдал, берег себя и следил за собой»⁵.

И все же Андропов продолжал активно работать. Помощники советовали ему привлечь для исцеления экстрасенсов. Тогда была на них явная мода. Как пишет Чазов, «по просьбе Андропова КГБ собрал большой материал о возможностях функционировавших в тот период экстрасенсов, который еще больше укрепил того во мнении, что они ничем ему помочь не могут»⁶.

¹ Черняев А.С. Указ. соч. С. 536.

² Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 181.

³ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 33.

⁴ Волконогов Д.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 175.

⁵ Там же.

⁶ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 183.

Болезнь меняла не только образ жизни, распорядок дня, но и характер Андропова. Он стал «более сдержанным, более собранным и жестким»¹. После регулярных процедур по очищению крови он чувствовал слабость, стал плохо ходить. Исходя из этого, официальные встречи прибывающих гостей в аэропорту перенесли в Кремль.

Делалось все, чтобы скрыть истинное состояние Андропова. И даже тогда, когда стала ясна невозможность публичных выступлений, когда генсек с трудом держался на ногах, рождались удивительные технические проекты и задумывались конструкции для возвращения его в политическую публичную сферу. Андропов попросил «установить в новом здании ЦК трибуну не ниже стола президиума, как планировалось строителями, а рядом со столом, чтобы не спускаться»².

Но и этого было мало. Например, трибуна специальной конструкции, где Андропов мог бы выступать сидя. Через год эта идея уже обкатывалась для Черненко³. Вот, наверное, не пришло им в голову объединить эту «сидячую трибуну» с аппаратом для гемодиализа. Было бы блестяще!

В народе гуляло много злых шуток на этот счет. Например, почему Брежнев при его физической немощи много ездил с визитами за рубеж, а Андропов сидит безвылазно в Москве? Ответ прост: Брежнев был на батарееках, а этот работает только от сети. Сейчас даже трудно представить себе ту степень цинизма и бесчувствия, с какой народ отпускал шутки по адресу дряхлеющих кремлевских вождей.

В сентябре 1983 года Андропов отправился в отпуск. Отдыхал близ Ялты. Для Андропова на «первой даче» в Нижней Ореанде была оборудована палата с аппаратами искусственной почки. Отдых шел на пользу, Андропов стал «общительнее, иногда даже улыбался и шутил», чего за ним давно не замечали, улучшилась

---

¹ Там же.

² Медведев В.Т. Указ. соч. С. 163. Еще при Брежневе: «В новом помещении для пленумов ЦК КПСС в Кремле устанавливаются специальные перила для выхода руководителей на трибуну. Разрабатываются специальные трапы для подъема в самолет и на Мавзолей Ленина на Красной площади» (Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 134.).

³ Печенев В.А. Взлет и падение Горбачева: Глазами очевидца. М., 1996. С. 169.

*Ю.В. Андропов и Д.Ф. Устинов в Крыму
Сентябрь 1983
[Из открытых источников]*

и походка, поднялось настроение¹. Сопровождавший Андропова Чазов уехал в Москву.

Внезапно все рухнуло. Чазов вспоминал, как его срочно разыскали в ГДР, где он был с научной миссией, и заместитель председателя КГБ Владимир Крючков по телефону просил его срочно вылететь прямо в Крым. Чазов пишет, что «ощутил какую-то гнетущую тоску и беспредельную тревогу за будущее»².

Позднее руководитель отдела охраны КГБ в Крыму рассказал о роковой поездке Андропова в горы: «Андропов, пройдя немного пешком, присел на скамейку передохнуть. Неожиданно он сказал, что чувствует сильный озноб. Его состояние ухудшалось на глазах. Теплая одежда не помогала. Андропова срочно

---

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 186.

² Там же. С. 187.

отправили самолетом в Москву и поместили в больницу. Из нее он уже не вышел»¹.

Все случилось 30 сентября 1983 года. Андропов, желая разрядить больничную, как ему казалось, обстановку решил съездить в лес. Легко одетый он гулял несколько часов, а устав присел отдохнуть на каменную скамейку. Как потом рассказал Андропов, «он почувствовал озноб, почувствовал, как промерз, и попросил, чтобы ему дали теплую верхнюю одежду». На второй день у него развилась флегмона. Когда утром его осмотрел Чазов, он пришел к выводу о необходимости оперативного вмешательства. Срочно возвратились в Москву, где Андропову было проведено иссечение гангренозных участков пораженных мышц. Операция прошла успешно, но рана не заживала².

После операции Андропов продолжал еще работать в больнице, принимал помощников, проводил даже небольшие заседания. «Однако, – пишет Чазов, – состояние постепенно ухудшалось – нарастала слабость, он опять перестал ходить, рана так и не заживала. Нам все труднее и труднее было бороться с интоксикацией. Андропов начал понимать, что ему не выйти из этого состояния»³. Глядя в глаза Чазову, он однажды прямо спросил: «Наверное, я уже полный инвалид, и надо думать о том, чтобы оставить пост Генерального секретаря», и, увидев замешательство Чазова, добавил: «Да, впрочем, вы ведь ко мне хорошо относитесь и правды не скажете»⁴.

Побывавший у Андропова в больнице и три часа обсуждавший с ним проект постановления о борьбе с алкоголизмом Соломенцев пишет: «Юрий Владимирович сидел в коляске, но выглядел свежим и бодрым». Выслушав Соломенцева, Андропов высказал пожелание принять и постановления о борьбе с наркоманией, проституцией и воровством, полагая, что «все эти беды между собой тесно связаны»⁵. Когда Соломенцев вернулся от Андропова в ЦК и передал бумаги Черненко, тот первым делом поинтересовался, как выглядит Андропов. Соломенцев ответил: «...неплохо, и мне кажется, что здоровье Андропова идет на поправку»⁶.

---

¹ Грушко В.Ф. Указ. соч. С. 182–183.

² Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 188.

³ Там же. С. 189.

⁴ Там же.

⁵ Соломенцев М.С. Указ. соч. С. 500–502.

⁶ Там же. С. 502.

Е.К. Лигачев
[Из открытых источников]

Есть и другое свидетельство, относящееся к декабрю 1983 года. Егор Лигачев, побывавший в больнице, был поражен увиденным: «Палата выглядела очень скромно: кровать, рядом с ней несколько каких-то медицинских приборов, капельница на кронштейне. А у стены – маленький столик, за которым сидел какой-то человек.

В первый момент я не понял, что это Андропов. Я был потрясен его видом и даже подумал: может быть, это вовсе не Юрий Владимирович, а какой-то еще товарищ, который должен проводить меня к Андропову?

Но нет, это был Андропов, черты которого да неузнаваемости изменила болезнь. Негромким, но знакомым голосом – говорят, голос у взрослого человека не меняется на протяжении всей жизни, – он пригласил:

– Егор Кузьмич, проходи, садись.

Я присел на приготовленный для меня стул, но несколько минут просто не мог прийти в себя, пораженный тем, как резко изменилась внешность Андропова. Поистине, на его лицо уже легла печать близкой кончины...

Юрий Владимирович был одет не столько по-больничному, сколько по-домашнему – в нательную рубашку и полосатые пижамные брюки. Я вглядывался в его лицо и по-прежнему не уз-

навал того Андропова, которого привык видеть в работе. Внешне это был совсем другой человек, и у меня защемило сердце от жалости к нему. Я понимал: его силы на исходе»¹.

Даже от членов ЦК скрывали истинное положение дел. Открывая декабрьский (1983) пленум ЦК, Черненко обратился к присутствующим с бодрым сообщением: «Как вы видите, на заседании Пленума ЦК не присутствует Юрий Владимирович Андропов. Он приболел, сейчас уже дело идет на поправку, но врачи говорят, что потребуется еще некоторое время для того, чтобы выйти на работу»². Несмотря на болезнь, уверял собравшихся Черненко, Юрий Владимирович участвует в решении всех вопросов Секретариата и Политбюро ЦК, готовится выступить на Пленуме. Но вот, не случилось, его речь будет роздана в напечатанном виде, подытожил Черненко.

При оглашении предложений о кадровых перемещениях Черненко особо подчеркнул, что это Юрий Владимирович обратился в Политбюро с просьбой рассмотреть некоторые организационные вопросы, и Политбюро рассмотрело эти вопросы и одобрило. Воротников и Соломенцев были переведены их кандидатов в члены Политбюро, председатель КГБ Чебриков был избран кандидатом в члены Политбюро, Лигачев – секретарем ЦК КПСС.

А между тем, как пишет Горбачев, накануне пленума развернулась закулисная возня, «появился какой-то нехороший оттенок – чуть ли не дележа власти. Разговоры, которые шли по этому поводу в Политбюро, вызывали неприятный осадок – будто хоронили человека заживо»³. Горбачев поясняет: «В связи с болезнью генсека заседания Политбюро и Секретариата вел Черненко. Лишь изредка он поручал мне вести Секретариат. По-моему, Тихонов предпринял попытку взять на себя председательствование на Политбюро, но это не прошло. Прежде всего из-за Юрия Владимировича, который, хотя и находился в тяжелом состоянии, ясности ума не терял»⁴.

Распространение получила история, будто к тексту своей речи для декабрьского пленума Андропов сделал приписку с пожеланием на время его болезни возложить обязанности на Горбачева. А если точнее, как вспоминал Аркадий Вольский, Андропов вы-

¹ Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 25–26.

² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 46. Л. 197.

³ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 354.

⁴ Там же. С. 353.

Дорогой Юрий Владимирович!

Позвольте мне высказать идущие от самого сердца слова благодарности Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Политбюро ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Советскому правительству, лично Вам за высокую оценку моего труда - награждение орденом Ленина и за теплые поздравления в связи с шестидесятилетием со дня рождения.

Награду Родины я воспринимаю не только как оценку моих личных заслуг перед партией и народом, но и как высокую оценку деятельности органов Комитета государственной безопасности СССР.

Будучи в течение долгих лет Председателем Комитета госбезопасности, Вы, дорогой Юрий Владимирович, воспитали целое поколение коммунистов-чекистов, беспредельно преданных Родине, партии. Вы учили нас всегда и во всем четко следовать линии партии, видеть главное в своей работе, действовать творчески, смело и решительно.

Большое доверие, которое Центральный Комитет нашей ленинской партии и лично Вы, как Генеральный секретарь ЦК КПСС, оказываете органам госбезопасности, обязывает нас, чекистов, постоянно совершенствовать стиль своей работы, повышать свое профессиональное мастерство, бороться за чистоту чекистских рядов.

Мы хорошо понимаем, что сегодня, когда по вине США международная обстановка накалена до предела, главная задача органов госбезопасности - не пропустить подготовки противника к развязыванию ядерной войны, надежно обеспечивать безопасность нашей Родины и в нынешней крайне острой международной обстановке.

Заверяю Вас, дорогой Юрий Владимирович, что отдам все силы, чтобы обеспечить безусловное выполнение задач, поставленных партией перед Комитетом госбезопасности.

С глубоким уважением

В. Чебриков

" 29 " апреля 1983 года

35701(14)

*Благодарственное письмо В.М. Чебрикова Ю.В. Андропову в связи с награждением орденом Ленина
29 апреля 1983
[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 57. Л. 25]*

24

Ю. В. Андропову В. М.
 Ю. В. Андропову В. М. Чебрикову
 Команде Ю. В. Андропова В. М. Чебрикова
 и Кузнецова В. М.

4/10.83
 Министр 4/10
 В. Кузнецов 4/10

к №357 от

Резолюция Ю.В. Андропова на письме В.М. Чебрикова
 5 мая 1983
 [РГИАИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 57. Л. 24]

сказал пожелание в этом добавлении к докладу, чтобы ведение заседаний Секретариата ЦК было поручено Горбачеву¹. Важный знак возвышения, но еще не означавший прямого назначения преемника. Но на пленуме ничего подобного не прозвучало.

Об этом же пишет Горбачев. Он даже цитирует написанное Андроповым: «В связи с моей тяжелой болезнью, исходя из государственных интересов, в целях обеспечения бесперебойного руководства партией и страной я предлагаю поручить ведение Секретариата Михаилу Сергеевичу Горбачеву»². Позднее Горбачев сделал вывод: «Те, кто из текста выступления генсека убрал сделанные им добавления, понимали, что мы на пороге нового выбора руководителя партии»³.

¹ Команда Андропова. С. 180.

² Горбачев М.С. Указ. соч. С. 355.

³ Там же.

1-й КИСС
6-8 СЕКТОР
13.ФЕВ84 04791
Секретариат
107011 МВР 01 0002

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
товарищу АНДРОПОВУ Юрию Владимировичу

ДОРОГОЙ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

ПОЗВОЛЬТЕ ВЫСКАЗАТЬ СЛОВА ГЛУБОЧАЙШЕЙ ВЛАГОДАРНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОюза, ВЕРХОВНОМУ СОВЕТУ СССР И ЛИЧНО ВАМ ЗА ПРИСВОЕНИЕ МНЕ ВОИНСКОГО ЗВАНИЯ ГЕНЕРАЛА АРМИИ, ЗА ТАКУЮ ВЫСОКУЮ ОЦЕНКУ МОЕЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ.

ЗАДУМЫВАЯСЬ НАД ТЕМ ПУТЕМ, КОТОРЫЙ Я ПРОШЕЛ В ОРГАНАХ КГБ, ВСЕГДА ПОМНЕ О ТОМ, ДОРОГОЙ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ЧТО ВСЕ ЭТИ ГОДЫ МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ РАБОТАТЬ ПОД ВАШИМ НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ РУКОВОДСТВОМ, ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ УЧИТЬСЯ У ВАС С ПАРТИЙНОЙ ПОЗИЦИИ ОЦЕНИВАТЬ ОБСТАНОВКУ, ВИДЕТЬ ГЛАВНОЕ, ПОЗНАВАТЬ СУТЬ И ПРИЧИНЫ ПРОЦЕССОВ И ЯВЛЕНИЯ, УЧИТЫВАТЬ ПЕРСПЕКТИВУ И НА ЭТОЙ ОСНОВЕ ПРИНИМАТЬ ТЕ ИЛИ ДРУГИЕ РЕШЕНИЯ. РАБОТА С ВАМИ ПОМОГЛА МНЕ ОКРЕПНУТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИ, ВЫРАСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ, УГЛУБИТЬ ОРГАНИЗАТОРСКИЕ НАВЫКИ.

ХОТЕЛОСЬ МЫ ОСОБО ПОДЧЕРКНУТЬ, ЧТО ВЫ ВСЕГДА, ДОРОГОЙ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, БЫЛИ ДЛЯ МЕНЯ НЕ ТОЛЬКО РУКОВОДИТЕЛЕМ И СТАРЫМ ТОВАРИЩЕМ, НО И ОЧЕНЬ БЛИЗКИМ ЧЕЛОВЕКОМ. ВАШИ ПАРТИЙНОСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ МУДРОСТЬ, ДУШЕВНОСТЬ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СКРОМНОСТЬ И ГЛУБОЧАЙШЕЕ УВАЖЕНИЕ К ЛЮДЯМ ВСЕГДА БЫЛИ И ВСЕГДА

КОММУНИСТА, ВОСПРИИМАЕМ ЧЕКИСТОВ В ДУХЕ ВСТРЕПЕЛИВОЙ ВЕРНОСТИ ДЕЛУ ПАРТИИ, ЗАВЕТАМ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА, В ДУХЕ ЧЕТКОГО ВЫПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КПСС О НАДЕЖНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАШЕЙ РОДИНЫ И ДРУГИХ СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА, СТРЕМИЛСЯ ДЕЙСТВОВАТЬ ТАК, КАК НАС УЧИТЕ ВЫ, ДОРОГОЙ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ. ВАШИ УКАЗАНИЯ ДЛЯ МЕНЯ ЯВЛЯЮТСЯ ПУТЕВОДНОЙ ЗВЕЗДОЙ.

ЗАВЕРЮ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НАШЕЙ ПАРТИИ, ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР И ЛИЧНО ВАС, ДОРОГОЙ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ЧТО КАК КОММУНИСТИЧЕСКИЙ Я ВСЕГДА БУДУ ВЕРЕН ДЕЛУ ПАРТИИ, ГОТОВ ВЫПОЛНИТЬ ЕЕ ЛЮБОЕ ПОРУЧЕНИЕ И, ЕСЛИ ПОТРЕБУЕТСЯ, ОТДАТЬ ЖИЗНЬ ЗА НАШИ ИДЕАЛЫ.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

В. ЧЕБРИКОВ

Благодарственное
письмо

В.М. Чебрикова
Ю.В. Андропову
за присвоение ему
звания генерала
армии

4 ноября 1983
[РГАНИ. Ф. 82.
Оп. 1. Д. 57.
Л. 26-27]

4 ноября 1983 г.

Варваровская
Надпись из № 5 МВР Андрей
13484
13484 С. Александров

Николай Рыжков, в то время секретарь ЦК, никогда не слышал об этом и пишет о своих сомнениях: «Но если что-то и было, то подобные вопросы не выходили за пределы “ядра” Политбюро, уж не говоря о секретарях ЦК. Я сильно сомневаюсь, что он не рассчитал последствий такого шага при еще имевших силу Устинове, Тихонове, Черненко, Гришине, да и Громыко в то время вряд ли поддержал бы это предложение»¹. Действительно, подобное предложение могло бы всех только перессорить.

О том же пишет в мемуарах и член Политбюро Виктор Гришин: «...должен сказать, что ни одного свидетельства, что Ю.В. Андропов готовил в преемники Горбачева, мы, члены Политбюро, не имели»².

Вместе с тем Чазов, со слов Устинова, пишет, что Андропов видел своим преемником Горбачева. Устинов в беседе с Чазовым и Чебриковым высказался вполне четко: «Да и я считаю, что это правильный выбор. Нам нужен молодой, толковый руководитель, которого знает партия. А Горбачев пять лет как уже в Политбюро, его выдвигал Андропов, и он продолжит то, что начал Юрий Владимирович. Надо сделать все, чтобы этого добиться». Он добавлял, что мнение Андропова о Горбачеве известно не только ему³.

Но после смерти Андропова все пошло по накатанному партийному сценарию. Второй секретарь стал первым. Через день-два после смерти Андропова Устинов заехал в спецполиклинику на улице Грановского. Он выглядел «смущенным и несколько подавленным» и разговор начал так, будто знал, о чем его спросит Чазов:

«Знаешь, Евгений, – заявил он без всякого вступления, – Генеральным секретарем будет Черненко. Мы встретились четвером – я, Тихонов, Громыко и Черненко. Когда началось обсуждение сложившегося положения, я почувствовал, что на это место претендует Громыко, которого мог поддержать Тихонов. Ты сам понимаешь, что ставить его на это место нельзя. Знаешь его характер. Видя такую ситуацию, я предложил кандидатуру Черненко, и все со мной согласилось. Выхода не было»⁴.

---

¹ Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 41.

² Гришин В.В. Указ. соч. С. 70.

³ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 195, 197.

⁴ Там же. С. 197.

К декабрю 1983 года в сознании Андропова наступил перелом. Чазов пишет: «В своей длительной врачебной практике я замечал, что у тяжелых, умирающих больных на какой-то стадии происходит определенный перелом в психике и они бессознательно начинают верить в благополучный исход. Так было и с Андроповым. Исчезли его мысли об инвалидности, уходе с поста лидера страны, он пытался работать, вызывал помощников, давал указания. Но болезнь не обманешь»¹.

Накануне декабрьского пленума Андропов вдруг запаниковал. Возможно, причиной стали приносимые его помощниками слухи. Горбачев вспоминал: «В один из дней декабря, едва я переступил порог своего кабинета, вбежал Рыжков:

– Только что позвонил Юрий Владимирович. Он в ужасном состоянии. Спрашивает: “Так вы на Политбюро приняли решение о замене Генерального секретаря?”. Я ему: “Да Вы что, Юрий Владимирович, об этом и речи никакой не было!” – Но он не успокаивается.

Я немедленно созвонился с врачами и договорился о посещении Андропова на следующий день.

Когда я вошел в палату, он сидел в кресле и попытался как-то улыбнуться. Мы поздоровались, обнялись. Происшедшая с последней встречи перемена была разительной. Осунувшееся серовато-воскового цвета лицо. Глаза поблекли, он почти не поднимал веки, да и сидел, видимо, с большим трудом. Мне стоило огромных усилий не прятать глаза и хоть как-то скрыть свое потрясение. Это была моя последняя встреча с Юрием Владимировичем»².

О серьезности положения Андропова, о тяжести болезни и о том, что дни его сочтены, в полной мере были проинформированы Чазовым лишь Устинов и Горбачев. А кроме них, Чебриков³. Черненко, числившийся вторым человеком в партии, сам оказался на больничной койке после серьезного пищевого отравления в августе 1983 года (поел копченой рыбы, предложенной Федорчуком) и с трудом выкарабкался⁴. Но здоровье его было безнадежно загублено: «Он оставался тяжелобольным человеком и мог работать, только используя лекарственные средства и

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 193.

² Горбачев М.С. Указ. соч. С. 354–355.

³ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 193, 195.

⁴ Прибытков В. Указ. соч. С. 12–14, 157.

*Н.И. Рыжков
[Из открытых
источников]*

проводя ингаляцию кислородом. Хронический процесс в легких остановить было уже невозможно»¹.

Подготовленную речь Андропова на декабрьском (1983) пленуме ЦК КПСС зачитал Черненко. Этот пленум откладывали, но состояние Андропова не улучшалось, и он понял – выступить не придется. Текст речи Андропова лишней раз доказывает отсутствие каких-либо серьезных экономических инициатив в его политике. За год, прошедший с его избрания Генеральным секретарем, не было выработано ничего кардинального или существенного. Только общие слова: «В текущем году в стране начали осуществляться некоторые меры по совершенствованию нашего хозяйствования, повышению организованности, укреплению государственной, трудовой и плановой дисциплины»². И ничего конкретного, кроме призывов: «Теперь самое важное не потерять набранный темп, общий положительный настрой на дела, активнее развивать позитивные процессы»³. В каком-то смысле – это беспомощность. Или вот идея, родившаяся у Андро-

---

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 184–185, 195. См. также: Он же. Рок. С. 110.

² Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 522.

³ Там же. С. 523.

Ю.В. Андропов

1983

[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1.

Д. 109. Л. 18]

пова и его соратников по Политбюро: организовать в трудовых коллективах новую инициативу и «поставить перед партийными, профсоюзными организациями и трудовыми коллективами конкретную задачу – добиться сверхпланового повышения производительности труда, скажем, на 1 процент и снизить себестоимость продукции дополнительно на 0,5 процента. Это надо рассматривать как дополнительное задание партии к плану»¹. Интересно, а почему не на 2, 3 или 5 процентов? Чистое прожектерство!

Последний документ, адресованный членам Политбюро, Андропов подписал 19 января 1984 года. Это были его замечания к записке общего отдела ЦК КПСС о работе Политбюро и Секретариата ЦК. Андропов констатировал произошедшее «усиление коллективности в нашей работе». И ратовал за то, чтобы на заседания Политбюро выносилось «больше вопросов внутренней жизни». Более того, отметил важность более четкого разграничения полномочий между ЦК КПСС и Советом министров СССР².

---

¹ Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. С. 524.

² РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 24. Л. 57, 59.

В ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Представленные в Записке Общего отдела данные о работе Политбюро и Секретариата ЦК КПСС в 1983 году приводят к некоторым выводам, которыми хотелось бы поделиться с членами Политбюро и секретарями Центрального Комитета.

Прежде всего эти данные свидетельствуют об усилении коллективности и нашей работе. То, что число вопросов, рассмотренных и коллективно обсужденных на заседаниях Политбюро, выросло на одну треть, — это закономерный результат нашего взаимопонимания, единства в подходе к главным проблемам жизни общества.

Другая характерная черта состоит в расширении круга вопросов, которыми непосредственно занимались центральными органами партии. Более четко начали выделяться среди них, — наряду с вопросами хозяйственной и международной политики, — вопросы, касающиеся общих перспектив нашего движения вперед, организационной и идеологической работы партии, подбора и расстановки кадров.

Нельзя не отметить и некоторого (может быть, и не в такой степени, как хотелось бы) усиления контроля, проверки и организации исполнения принятых решений. Это важный момент в проводимой нами работе по преодолению разрыва между словом и делом.

Какие выводы из этого надо сделать, что следует закреплять и развивать, а что преодолевать и сдерживать?

Во-первых, всемерно оберегая коллективность в решении вопросов внутренней и внешней политики, нам нужно постоянно заботиться о том, чтобы на обсуждениях Политбюро выносились действительно важнейшие, узловые вопросы. В этом деле мы должны, строго придерживаясь принципа: лучше меньше, да лучше, стремиться и тому, чтобы освободиться от обсуждения мелких вопросов, от

Политбюро и Секретариата ЦК
ведомства, секретарей ЦК
. Важно это продолжить,
Политбюро на местах, в
Восточной, зоркий контроль
решается на контроль снизу —
еще раз хотелось бы подчер-
кнуть партийного контроля при
Комитета народного контроля
и ревизионной комиссии
иных организаций. Их возмож-
но для проверки исполнения

партийных директив, укрепления партийной и государственной дисциплины.

Думаю, что у каждого из членов Политбюро подается свои соображения в связи с итогами работы, проделанной нами в минувшем году.

Можно было бы поручить т. т. Чаринню К. У., Лигацелю Е. К. и Рыжкову Н. И. с ответственным соответствующих отделов в Управлении делами ЦК КПСС обобщить эти соображения и внести предложения о конкретных шагах по их реализации.

Можно было бы также разослать записку Общего отдела ЦК компартий, крайкомов и обкомов партии с тем, чтобы товарищи на местах столь же тщательно проанализировали свою работу и приняли необходимые меры.

Все это, несомненно, будет содействовать дальнейшему совершенствованию стиля и организации нашей работы, более успешному решению задач, стоящих перед партией и страной на современном этапе.

Е. Андропов

Записка
Ю. В. Андропова
в Политбюро
ЦК КПСС
19 января 1984
[РГАНИ. Ф. 82.
Оп. 1. Д. 24.
Л. 57-60]

19- января 1984 года

Похороны Ю.В. Андропова

14 февраля 1984

[РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 109. Л. 28]

Николай Рыжков был у Андропова в больничной палате 18 января 1984 года: «Вопреки моим ожиданиям, он не лежал, сидел у письменного стола в глубоком кресле, плотно укрытый пледом. Поразило, как быстро он поседел, стал совсем белым»¹. Они проговорили около часа. А по завершении беседы Андропов по-отечески тепло простился со своим молодым выдвиженцем:

«Вдруг он поманил пальцем:

– Наклонитесь.

Я наклонился. Он, не вставая, прижал мою голову к груди, неловко чмокнул в щеку, отпустил. Сказал:

– Идите-идите. Все»².

Так же в январе, незадолго до смерти Андропова, его навещил Черненко. Это был политический жест – чтобы «подчеркнуть

¹ Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 51.

² Там же. С. 52. Бывший заместитель начальника секретариата КГБ А.Г. Сидоренко пишет, что из числа коллег по Политбюро и Секретариату ЦК Рыжков был последним, кто посетил Андропова в больнице (Команда Андропова. С. 54).

*Похороны Ю.В. Андропова на Красной площади
14 февраля 1984
[РИА Новости]*

преемственность». Причем инициатива исходила от Чебрикова. Быстро сориентировавшись, он сделал «правильную» ставку. Чазов пишет: «Мне трудно забыть эту сцену. Чебриков, видимо, чтобы подчеркнуть свою лояльность, позвонил Черненко и то ли рекомендовал, то ли попросил навестить Андропова. Страшно было смотреть на бледного, с тяжелой отдышкой Черненко, стоявшего у изголовья большой специальной (с подогревом) кровати, на которой лежал без сознания страшно изменившийся за время болезни его политический противник»¹.

Через год умирающий Черненко займет в этом же самом «люксовом» отсеке больницы место Андропова. Те же шторы, светильники, мебель, телевизор².

Андропов медленно угасал: «...было больно смотреть на него, лежащего на специальном беспролежневом матрасе, малоподвижного, с потухшим взглядом и бледно-желтым цветом лица

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 202.

² Прибытков В. Указ. соч. С. 8.

*Прощание с Ю.А. Андроповым: дочь, жена и сын
14 февраля 1984
[Из открытых источников]*

больного, у которого не работают почки. Он все меньше и меньше реагировал на окружающее, часто бывал в забытьи¹. Какие картины всплывали в его угасающем сознании? Безмятежное детство и романтические встречи в юности или зрелые годы, когда он, полный сил, жил и с интересом работал. А о чем думалось, о каких упущенных возможностях, к чему мысленно возвращался – может быть, досадовал, что так быстро все закончилось?

Из больницы Андропов почти каждый день звонил жене Татьяне Филипповне, а в записных книжках писал ей стихи². Позвонил 20 января 1984 года Воротникову, чтобы поздравить с днем рождения своего выдвиженца: «Удивительно бодрый го-

¹ Чазов Е.И. Рок. С. 120.

² Волкогонов Д.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 186.

лос. Я спросил, как он себя чувствует. Ответил: “Настроение хорошее, но пока в больнице. Надеюсь на благополучный исход”¹.

Неизбежное приближалось: «В конце января 1984 года из-за нарастающей интоксикации у Андропова стали появляться периоды выпадения сознания. Стало ясно, что смерть может наступить в любой момент»². А печать продолжала создавать видимость активной работы Андропова. В «Правде» 25 января были опубликованы ответы Андропова на поставленные газетой вопросы о международном положении³. Понятно, что и вопросы, и ответы были подготовлены в аппарате ЦК КПСС.

Перед началом заседания Политбюро в 11 утра в четверг 9 февраля 1984 года председательствующий Черненко информировал собравшихся о резком ухудшении состояния здоровья Андропова: «Врачи делают все возможное. Но положение критическое»⁴. Заседание закончилось примерно к двум часам дня, а в 18:00 всех вновь вызвали в Кремль на срочное заседание – Андропов умер.

В опубликованном 11 февраля 1984 года заключении о болезни и причине смерти Андропова говорилось: «...страдал интерстициональным нефритом, нефросклерозом, вторичной гипертонией, сахарным диабетом, осложнявшимися хронической почечной недостаточностью. С февраля 1983 г. в связи с прекращением функции почек находился на лечении гемодиализом (“искусственная почка”). Проводившееся лечение обеспечивало удовлетворительное самочувствие и работоспособность. Однако в январе 1984 г. состояние ухудшилось в связи с нарастанием дистрофических изменений во внутренних органах и прогрессирующей гипотонией. 9 февраля 1984 г. в 16 часов 50 минут при нарастающих явлениях сердечно-сосудистой недостаточности и остановки дыхания наступила смерть. При патолого-анатомическом исследовании диагноз полностью подтвердился»⁵.

Говорят, последние часы жизни Андропова были сокращены, ибо финал был ясен, и просто отключили аппаратуру⁶. С этим утверждением решительно не согласен Чазов...

---

¹ Воротников В.И. Указ. соч. С. 43.

² Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 196.

³ Правда. 1984. 25 января.

⁴ Воротников В.И. Указ. соч. С. 43.

⁵ Правда. 1984. 11 февраля.

⁶ Жирнов Е. Указ. соч. С. 64.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публицисты часто именуют Андропова «самым загадочным генсеком», и у них есть на это основания. Взятый из ниоткуда, человек неясного происхождения, делавший карьеру где-то в недрах ЦК при Хрущеве, Андропов вышел на всесоюзный уровень лишь в начале 1960-х. Именно тогда его имя зазвучало в перечне секретарей ЦК, о которых дикторы радио при перечислении лиц высшего ареопага добавляли «а также товарищи Андропов...» и далее – секретари по алфавиту. Да, его фамилия шла первой. Но только после членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС. На нюансы партийной рассадки внимание обращали лишь зарубежные кремленологи да отечественные знатоки партийной жизни. Гадали, кто и куда дальше выдвинется, кого можно прочить в преемники «самому».

Впрочем, почему из ниоткуда? Пятнадцатилетний стаж на посту председателя КГБ вывел Андропова на вершину власти. Тут вроде все ясно. Но сама организация, так долго возглавляемая Андроповым, будоражила воображение. Ведь действительно КГБ люди боялись, но знали крайне мало о том, что там происходит внутри и как там все устроено. Органы КГБ представляли в образе грозной и тайной силы – всевидящие и длиннорукие.

Весьма показателен эпизод. В самом конце 1979 года был издан сборник статей и речей Андропова. В магазине «Политиздата», где пылились аналогичные сборники других членов Политбюро, вдруг возник ажиотаж вокруг появившейся книги Андропова, ее раскупали как горячие пирожки. В сущности – скучнейшее чтение. Парадные речи, выступления

перед избирателями, праздничные и юбилейные доклады. Все, как у всех остальных из Политбюро. Но флёр таинственности: автор – председатель КГБ! Публике казалось будто она, наконец, сможет приобщиться к тайнам всесильной и скрытой от посторонних глаз организации.

Происхождение и политическое становление других советских лидеров было в целом ясным и понятным. Сын сапожника и семинарист Сталин; пастух, а затем шахтер Хрущев¹; землемер и металлург Брежнев. И главное – все известно об их родителях – кто такие, где похоронены. Брежнев хоронил мать в 1969 году, и ему по-человечески сочувствовали. Но все не так с Андроповым. Его происхождение и ранние годы – уравнение со многими неизвестными.

Андропов так и не завершил высшее образование. Он обучался на историческом отделении Карело-Финского государственного университета и в 1951 году в связи с переводом на работу в Москву оставил 4-й курс. Вместе с тем Гейдар Алиев без тени сомнения говорил в одном из интервью: «Андропов – личность огромного масштаба, он был один из самых образованных и интеллигентных людей в Политбюро...»².

В апологетической литературе биографы представляют Андропова как гениального самоучку. Вот, например, такой пассаж одного из таких биографов-апологетов: «Многие, писавшие об Андропове, извели немало времени, чернил и бумаги на вопрос о том, какие **свидетельства об образовании**³ имелись у него. На наш же взгляд, гораздо важнее то обстоятельство, что, по мнению многих, как отечественных, так и зарубежных свидетелей, он был хорошо образованным, широко эрудированным, культурным и деликатным человеком и руководителем. То есть обладал теми качествами, которые приобретаются человеком только в процессе самообразования и самовоспитания»⁴. Более того, вопреки истине и здравому смыслу тот же биограф пишет: «И что особенно отличает сироту из “неинтеллигентной”, рабо-

---

¹ Конечно, в народе шутили, дескать, шахту, где начинал свой трудовой путь Никита Хрущев, «до сих пор ищут».

² Караулов А.В. Вокруг Кремля // Книга политических диалогов. М., 1990. С. 259.

³ Выделено в документе.

⁴ Хлобустов О. Феномен Андропова: 30 лет из жизни Генерального секретаря ЦК КПСС. М., 2014. С. 15.

чей среды, всего в жизни добывающегося исключительно собственными стараниями, самообразованием, самовоспитанием, собственным трудом»¹. Ну ладно, можно считать – много добился сам. Но с чего он вдруг сирота? И с какой стати неинтеллигентная среда? Мама с гимназическим образованием, воспитывавшая его до 17 лет, – вполне интеллигентная дама.

Есть и другой пласт литературы, где высказываются совершенно фантастические обвинения в адрес Андропова, да еще и в тесной привязке к самым одиозным историческим персонажам. Вот, например, совершенно вздорное обвинение в сознательных действиях, направленных во вред советской власти: «Впоследствии аналогичный заговор с целью захвата власти и – возможно – реставрации капитализма проводил председатель КГБ Ю.В. Андропов. Но заговор Андропова проявился явно, а заговор Ежова был разгромлен, и тогда реставрация капитализма номенклатуре не удалась»². Чаще всего Андропову ставят в вину выдвижение Горбачева, будущего «похоронщика» социализма и СССР, как об этом пишут³. Но винить Андропова в протезировании Горбачеву так же нелепо, как обвинять Сталина в том, что он выдвинул на высокий пост и продвигал вверх Хрущева. Ни тот, ни другой вовсе не могли знать о том, какую политическую линию их выдвиженцы начнут проводить в будущем.

Может быть, и не стоит писать подробно, а тем более анализировать весь этот исторический вздор?! Но уж очень много и с разных сторон говорится об Андропове как о злом гении и инициаторе «развала страны». И тут главный аргумент – его происхождение. Даже выстраивается система типологических признаков «ненашести» Андропова: «Известно, что человека еврейского круга от мелкого торгаша до Ю.В. Андропова легко определить по тому, что он пытается непрерывно блистать остроумиями Великого Комбинатора из “Золотого телянка” и “Двенадцати стульев” Ильфа и Петрова»⁴. Более того, рисуется схема, будто именно существовавшая внутри КПСС «иудейская партия» поставила

---

¹ Хлобустов О. Указ. соч. С. 15.

² Колпакиди А.И. Николай Ежов. «Батыр» – Палач. Реконструкция феномена // Ежов Н.И. От фракционности к открытой контрреволюции: Нарком НКВД свидетельствует. М., 2021. С. 325.

³ Эрлихман В. Неизвестный генсек // Историк. 2022. № 11. С. 12.

⁴ Байгушев А. Указ. соч. С. 103.

«Андропова-Файнштейна» на пост в КГБ¹. Только совершенно неясно, почему он Файнштейн? Смутные слухи о девичьей фамилии матери Андропова давно будоражили сознание советской общественности, но никто и ничего не знал наверняка. Отсюда и полет фантазии многих авторов.

Андропов знал, кожей чувствовал эту возню вокруг его происхождения. Все понимал и еще глубже уходил в оборону. Он с ранних лет разорвал все свои родственные связи, так тяготившие его. Покинув места детства, он никогда не навещал могилы отца и матери. Могила его деда Карла Флекенштейна на Введенском кладбище в Москве не сохранилась, навсегда утрачена. Вероятнее всего, его вдова Евдокия не успела поставить каменный памятник на кладбище до 1917 года, а потом уже не смогла. Да и ее могила неизвестно где. На Введенском в картотеках и списках захоронений фамилии Флекенштейнов отсутствуют². В 1937 году Евдокия Флекенштейн была еще жива, ей было под восемьдесят. Вряд ли она пережила войну. Ничего не известно о том, приезжал ли ее хоронить Андропов, да и получал ли известие о ее смерти. И вообще, кто бы ему мог сообщить о кончине одинокой старухи? Он перерезал все нити, связывающие его с прошлым. Вот только прошлое шло по пятам... Да, молвой и слухами.

По уверению некоторых авторов, дающих весьма романтическую картину душевных переживаний Андропова и его отречения от родителей, он глушил в себе память о них, хотел забыть: «...в какой-то, помнится, анкете написал, что сирота. Что было не так уж далеко от действительности, потому что потерял родителей так рано... к сожалению, так рано. Отца почти не помнит. Мать, которая вышла за другого, помнит лучше. Но что-то мешает и ее помнить... может, эта странная обида за отца?.. Которого так быстро позабыла мать и вышла за другого...»³.

Может быть, эта травма, перенесенная в детстве, отозвавшаяся обидой и комплексами, действительно столь сильно оттолкнула и отдалила Андропова и от отчима, и от матери. Возможно... С другой стороны, уж больно последовательно и даже профессионально он запутывал в автобиографиях вопрос своего проис-

---

¹ Там же. С. 67.

² Автор благодарит Павла Паркина за проведенные поиски и предоставленные сведения.

³ Тешкин Ю.А. Указ. соч. С. 413.

хождения. Чувствуется продуманность и холодный расчет. Да, наверное и даже скорее всего, в основе обида, но далее, взрослея, он все отчетливей понимал, какими гирями на ногах могут оказаться все эти Флекенштейны и куда заведет такое социальное происхождение. Уж что-что, а советские реалии он осознал рано и правила выживания в социалистическом обществе усвоил хорошо.

А вообще интересно, какой практический смысл имеют по-иски «еврейства» Андропова? Во многих публикациях и исследованиях позднесоветской эпохи проглядывает нехитрая схема противостояния различных группировок в высшем эшелоне власти, причем группировок, сформированных на национальной основе. А было ли такое на уровне Политбюро ЦК? Пишут, что было. Даже название придумано – «русская партия».

Между тем записывать того или иного члена Политбюро в «русскую партию» или противостоящую ей «космополитическую группу» марксистов-интернационалистов, как это иногда делается, занятие бесперспективное, антиисторическое, да и ничего по большому счету не объясняющее. Члены Политбюро – типичные «серединные люди», одинаково чужающиеся и идей «Союза русского народа», и идей конвергенции и «социализма с человеческим лицом». Достаточно посмотреть на ход возникшей в середине 1960-х яростной политико-литературной полемики между журналами «Новый мир» и, с другой стороны, «Наш современник», «Огонек» и др. И та, и другая сторона использовали в полемике обильные цитаты из классиков марксизма-ленинизма, взывали к идеям Ленина, идеалам социализма. И обе стороны в этом богатом идеологическом наследии находили подкрепление своим идеям и притязаниям. Не стеснясь, об этом пишут участники былых газетно-журнальных баталий. Например, один из приверженцев «русской партии» вспоминал: «Мы и цитатки знали, как подобрать, и в праведных целях “дожать”»¹. В том и богатство ленинского наследия², что можно почерпнуть из него аргументы и цитаты для оправдания чего угодно.

---

¹ Байгушев А. Указ. соч. С. 94.

² Розенталь обосновал норму, согласно которой словосочетание «Ленинские работы» писалось с заглавной буквы. Да, именно так, если квартира Лены – то это ленина квартира, но при этом Ленинские работы.

Конечно, противоборствующие стороны нельзя оценивать как группирование на безыдейной основе. Идеи и у тех, и у других, конечно, были. Но, маскируя все коммунистической риторикой, они за формой напрочь потеряли содержание. Не имея возможности сказать все напрямую, обе стороны били друг друга цитатами из Ленина. В одном случае – об интернационализме, в другом – о защите социалистического отечества. Сейчас все сведено до простейших форм – патриоты-почвенники против «руссофобов», или государственники («этатисты») против либералов и демократов. Теперь нет никаких иносказаний, нет нужды ссылаться на ленинское наследие.

Но историки на то и историки, они ловят нюансы, ищут намеки на проявление политических симпатий отдельных членов Политбюро, скрытый смысл в их высказываниях и трактовках событий. Вот, например, Полянского и Шелепина считают представителями «русской партии» или покровителями русских националистов¹, а Андропова, наоборот, числят человеком, склонным к идеям космополитов-разрушителей, борцом против «русской идеи», чуравшимся русского духа. И в помощь им неясности в происхождении Андропова и в оценке людей из его окружения – Бовин, Арбатов, Бурлацкий (ведь и вправду «либераль» и будущие «демократы» эпохи перестройки). А они, кстати, и в годы застоя без дела не сидели. Тоже выискивали идейных противников. Иной раз выдвигают и вовсе ничем не подкрепленные версии. Будто Андропов до начала 1980-х годов создавал новую идеологию, соединяя «коммунистическую доктрину с русской державностью, которая заполнит вакуум в фундаменте отечества»².

До назначения председателем КГБ Андропову было непросто в аппарате ЦК. Он не чувствовал своей самостоятельности. Над ним возвышались секретари ЦК Суслов и Кириленко, заправлявшие текущими делами. Суслова Андропов ненавидел и боялся. Хорошо помнил, сколько крови ему испортили он и Кириленко. Петр Шелест вспоминал о Суслове: «...он ведь недалекий, черствый и мстительный человек»³.

---

¹ Митрохин Н. Указ. соч. С. 98, 119.

² Минутко И.А. Юрий Андропов: Реальность и миф. М., 2004. С. 171, 176.

³ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 498.

Сослуживцы отмечали присущие Андропову таланты, заметно выделявшие его в череде предыдущих председателей КГБ: «Вообще Андропова отличали от его предшественников внутренняя собранность, несомненный организаторский талант, игра мысли, разносторонние знания во всем, что касается международной политики»¹.

Андропов за годы своей карьеры выработал свод правил, ставших его политическим и служебным кодексом. Он твердо усвоил, что «в политике друзей не бывает, есть попутчики», да и то, «как правило, на определенном отрезке времени»². В отношении к людям, в том числе и к тем, кого хорошо знал, Андропов сохранял осторожность. Как-то даже изрек: «Древние говорили: знать долго, не значит знать хорошо»³. Андропов «не страдал доверчивостью, считал недоверчивость нормой, отклонение от которой для политического деятеля рассматривал как аномалию, сродни уродству»⁴. Сказывался и дипломатический опыт. В одной из бесед как-то заметил: «...как бывший посол могу вам сказать, что в дипломатии искренность всегда считалась если не пороком, то по крайней мере недостатком»⁵. Или такой афоризм: «любопытство и болтливость – близкие родственники»⁶. Кстати, Андропов любил повторять свои наставления и инструкции подчиненным по несколько раз, полагая, что надо «вбивать гвоздь по шляпку»⁷.

Андропов усвоил как жизненное кредо и любил повторять завет волжского боцмана времен своей матросской практики: «Жизнь, Юра, – это мокрая палуба. И чтобы на ней не поскользнуться, передвигайся не спеша. И обязательно каждый раз выбирай место, куда поставить ногу!»⁸. Осмотрительность в поступках и при принятии решений обозначалась им в часто употребляемом выражении «не сезон», когда надо было повременить с решением⁹. Да, осторожность и благоразумие – вот

---

¹ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 245.

² Кеворков В. Виктор Луи: человек с легендой. С. 339.

³ Он же. Тайный канал. С. 27.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Он же. Виктор Луи: человек с легендой. С. 332–333.

⁶ Он же. Тайный канал. С. 42.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Команда Андропова. С. 55.

стратегия политического выживания. Подчиненные иной раз слышали от Андропова: «Если не можешь свалить врага – не царапайся...». При этом Андропов говорил, будто это любимая поговорка Сталина¹.

О своих коллегах по работе мог высказаться иронично, но не без подтекста. За иронией порой скрывался некий навсегда усвоенный Андроповым идеологический стандарт. Как вспоминал его помощник: «Как-то задумавшись, Юрий Владимирович вдруг сказал: “Знаете, есть коммунисты, которых нельзя считать большевиками. Вот возьмите, например, Арбатова – коммунист-то он, конечно, коммунист, а вот назвать его большевиком язык не поворачивается”»².

С другой стороны, в основном бывшие сослуживцы пишут об Андропове сугубо в положительном контексте как о предтече перестройки и воспевают им намеченный, но неосуществленный курс экономических реформ и модернизации советского общества. Его выставляют чуть ли не как несостоявшегося спасителя страны. Дескать, его ранняя смерть тому помешала. Но, увы, практические шаги Андропова в качестве лидера страны не дают к этому никакого основания. А его замыслы, мечты – их тоже нет, и нет их следа в письменном наследии Андропова. Он всегда оставался чиновником в застегнутом на все пуговицы сюртуке. Но даже и в апологетической литературе авторы пишут о «серьезных просчетах» Андропова, указывая на выбор им «своих политических преемников» – М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева и, как ни странно, в этом же ряду В.А. Крючкова³.

Мог ли стать Андропов действительно реформатором, проживи он дольше? Вряд ли. «Он пользовался репутацией честного человека, не боящегося говорить или слушать правду, хотя ко многим его предложениям прислушивались не слишком внимательно. Андропов не был сталинистом, но как политик и человек он никогда не мог избавиться от многих черт и понятий, характерных для этой крутой эпохи. Он требовал порядка, но был неспособен на слишком резкие повороты. Андропов был искренним приверженцем марксизма и ленинизма и никогда не ставил ни перед партией, ни перед самим собой задачи глубоко-

---

¹ Синицин И.Е. Указ. соч. С. 125.

² Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 279.

³ Команда Андропова. С. 8.

го переосмысления привитых ему с юности учений о социализме и капитализме»¹.

И тем более не стоило ждать от Андропова каких-либо политических послаблений. Наоборот, стоило ожидать прямо противоположного. «Приобретенный Андроповым в Венгрии жизненный опыт не только не побудил в нем интереса к глубинным, системным реформам социализма, напротив, лишь укрепил его в сознании и без того глубоко укорененный антилибералистский и антиреформаторский настрой»².

Экономические преобразования при Андропове так и не начались, да они, пожалуй, даже и не были внятно намечены. И пустословие очередных зажигательных призывов в андроповское время. Не помогали стране громкие лозунги типа «Не потерять набранного темпа, сохранить настрой на дела!». Без системных преобразований у страны не было шансов. Но еще хуже – упрямство и нежелание вести серьезный диалог с Западом. История размещения в Европе американских ракет средней дальности «Першинг-2» тому наглядный пример. Не вняв разумным предложениям западных лидеров, Андропов взвинтил ставки, что привело к очередному витку гонки вооружений, разорительному для страны и поставившему мир на грань войны. У него не хватило политического опыта, и он не смог разглядеть за антикоммунистической риторикой Рейгана его серьезных стремлений к ракетно-ядерному разоружению. Позднее советские лидеры согласились на «нулевой вариант», но чего это стоило стране. Как пишет историк Волкогонов: «...задумывался ли Андропов над тем, что вся затея СССР с ракетами средней дальности была бессмысленной и чрезвычайно дорогостоящей. На советскую политику добиться преимущества в Европе последовал чрезвычайно энергичный ответ американцев, вызвавший, в свою очередь, немедленный “ответ” Москвы. Спираль гонки вооружений резко взметнулась вверх. Экономика страны, надрываясь, все больше милитаризировалась. Придет время, и все эти ракеты вывезут и уничтожат, но никто и никогда в руководстве не скажет, во сколько миллиардов рублей обошлась советскому народу их очередная бездумная “историческая акция”. Конечно, она будет расценена как “победа советской внешней политики”»³.

¹ Медведев Р.А. Андропов. С. 15–16.

² Стыкалин А.С. Указ. соч. С. 76–77.

³ Волкогонов Д.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 190.

Хорошо знавшие Андропова современники пишут о нем с большим пиететом, но и они отмечают его твердый подход в защите советских порядков и идеологии: «Это был интеллигентный, широко образованный человек, прекрасно разбирающийся в литературе, искусстве. Ничто человеческое ему не было чуждо: ни поэзия, ни любовь. Его память и аналитический склад ума покоряли. Он был расчетлив, хитер, иногда по своим действиям напоминал Макиавелли. Но при этом в личном плане был честен и бескорыстен. Вряд ли мог быть более достойный защитник существующего строя и идеологии»¹.

Его, конечно же, сравнивали с другими руководителями страны. И невольно отмечали разницу: «Все знавшие Андропова отмечали у него манеры немного старомодного интеллигента. Он всегда смотрел в глаза и не отводил взгляд, как Черненко. Никогда не кричал, как Хрущев, не “матерился”, как Горбачев, не любил много говорить о себе, как Брежнев»².

В то же время его недруги давали самые уничижительные характеристики Андропову. Например, Семичастный: «Как я думаю, это был человек, осознавший всю серьезность положения в государстве, однако в высшей степени беспринципный и бесхарактерный. Ему не хватало смелости подготовить хотя бы один критический документ о состоянии страны, в котором был бы осужден брежневский курс»³. Ему вторит и Карен Брутенц: «Юрий Владимирович, на мой взгляд, в какой-то степени и драматическая фигура. Прекрасно осведомленный о положении дел в стране, видящий, как все глубже проникают бактерии разложения, как некогда “бетонные” опоры постепенно превращаются в труху, он, бессильный что-то предпринять, в течение семи-восьми лет оставался в основном пассивным наблюдателем. А когда наконец положение изменилось, Ю.В. был уже слишком источен болезнью»⁴.

В практической деятельности во главе органов КГБ Андропов выглядел отнюдь не либералом. О нем пишут как о человеке, стоявшем на позиции «жестокое сдерживания общественной активности евреев вообще и их эмиграции из страны в частности»⁵.

---

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. С. 175.

² Волкогионов Д.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 131.

³ Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 458.

⁴ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 51.

⁵ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С. 699.

Даже коллега по Политбюро Кунаев ставит Андропову в упрек его репрессивную политику: «Но самые крупные ошибки он совершил на посту председателя КГБ. По необъективной информации были подвергнуты преследованиям и гонениям многие известные представители нашей интеллигенции, видные деятели культуры и искусства»¹.

Конечно, в партийном аппарате, куда Андропов вернулся в 1982 году, с его именем связывали определенные надежды: «Он разумный и компетентный человек, доступный "новому", склонный к размышлению...»². Возможно, на фоне остальных стареющих членов Политбюро Андропов смотрелся вполне презентабельно. Только он не оправдал ожиданий разумной части партийного аппарата. Да никто и не понимал, что у него на уме. Как выразился Гейдар Алиев: «У Андропова было много планов, которые он не раскрывал, эти планы остались неизвестными»³. Вместе с тем даже если и были какие-то нереализованные планы, они не выходили за рамки господствовавшей идеологии: «По своему душевному складу, профессии, убежденности Андропов, тем не менее, не мог предложить ничего спасительного ни обществу, ни партии, такого, что выходило бы за ортодоксальные рамки ленинской доктрины»⁴.

Об этом же пишет и Егор Лигачев. К концу 1983 года, как он утверждает, «политический курс Андропова уже определился: речь шла о совершенствовании социализма и преемственности в политике на основе всего лучшего, что было добыто трудом народа»⁵. Да, социалистическим идеалам Андропов был верен и заставлял верить в систему советских ценностей своих подчиненных. Что изменилось и изменилось ли что-то с приходом Андропова на вершину власти? Об этом рассуждает Леонид Шebarшин: «Обстояло ли дело по-другому при Андропове? Обаяние его личности в моем кругу оперативных работников разведки среднего и рядового эшелона было велико. Он был дальновиден, практичен и остроумен, говорил просто и по делу. Не пришло бы в голову в разговоре с ним прибегнуть к лозунгам, к привычной риторике. Случись такое, думаю, разговор был бы последним.

---

¹ Кунаев Д.А. Указ. соч. С. 215.

² Черняев А.С. Указ. соч. С. 489.

³ Андрианов В., Мираламов Г. Указ. соч. С. 116.

⁴ Волкогонов Д.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 136.

⁵ Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 23.

Но и Андропов лгал и вольно или невольно заставлял нас верить в ложь и лгать самим. (Кстати, как-то Андропов походя заметил: «Откуда ты знаешь, что такое власть?»)¹.

А еще Андропов писал стихи, и в его окружении они пользовались популярностью. Многим его сотрудникам нравилось видеть в строгой фигуре руководителя КГБ еще и тонкого лирика. Если во главе такой организации стоит человек, не лишенный поэтического дара, может быть, все не так страшно. Но не все то стихи, что записано в рифму. Андропов писал рифмованные банальности: «Живут и исчезают человеки». Как сказал более известный поэт, «мелкая философия на глубоких местах»². Конечно, если бы книгу стихов Андропова издали при его жизни, ее раскупили бы влет и только за счет имени автора. И наверняка выдвинули бы на какую-нибудь литературную премию. Но Андропов, памятуя о брежневских мемуарах, имел достаточно благоразумия, а может быть, и скромности, чтобы понять – моветон.

Но, оказывается, Андропов писал не только лирические стихи, но и политические. И «некоторые из них публиковались под псевдонимами, например от имени моряка, обращавшегося к Мао Цзэдуну во время обострения конфликта с Китаем»³.

В быту Андропов отличался скромностью. Не любил излишеств. Материальный достаток как будто тяготил его. Подарки и часть собственных денег (зарплату депутата Верховного Совета и деньги за генеральское звание) отдавал в опекаемый им детский дом⁴. Не так давно был опубликован список подарков, переданных Андроповым в подшефный детский дом, школу-интернат для детей чекистов, «Чекистский кабинет» КГБ, производственно-бытовой отдел ХОЗУ и другие подразделения КГБ⁵.

Квартира Андропова из четырех комнат на Кутузовском проспекте была большой и просторной, но ее внешний вид – опрятный и организованный – оставляет впечатление казенщины, отсутствия уюта, она выглядит как нежилое помещение. Он жил на всем готовом – от еды до одежды, и не хотел ничего лишнего.

---

¹ Шебаршин Л.В. Указ. соч. С. 298.

² Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1958. С. 17, 367.

³ Грушко В.Ф. Указ. соч. С. 182.

⁴ Смирнов К. Указ. соч. С. 39; Десять лет без выходных. С. 50.

⁵ Прозоров Б.Л. Рассекреченный Андропов: взгляд извне и изнутри. М., 2004. С. 247–251.

*Квартира Ю.В. Андропова
[Из открытых источников]*

*Квартира Ю.В. Андропова
[Из открытых источников]*

Дачу в Барвихе занимал по тем временам довольно скромную – деревянную, в несколько комнат: спальня, столовая, кухня, один туалет, ванная и две комнаты для семей сына и дочери¹. А временами проявлял даже какую-то ортодоксальную принципиальность, например, резко обрушился на заседании Политбюро на тех, кто «обрастает дачами». Это производит впечатление какого-то нарочитого, показного неприятия частнособственнических инстинктов. Но вряд ли Андропов понимал, что это неистребимо в человеческой природе и что он борется с ветряными мельницами.

Но не все так просто в андроповской аскезе. Посетивший в начале 1990-х годов квартиру внучки Андропова журналист, был поражен: «Вот квартира Тани возле Белорусского вокзала, чудесный пес породы бобтейл и не менее симпатичный молодой человек – кандидат в мужья. И что важнее всего – море портретов легендарного деда. Они повсюду: на бесчисленных вазах, на больших и малых полотнах художников. Говорят, что в КГБ создан специальный закрытый музей, где собраны все подарки бывшему шефу. В доме Тани понимаешь: не все!»². Внучка предложила картины и вазы к продаже. Продать удалось одну вещь, зато какую! Портрет Андропова размером с почтовую открытку: «Несмотря на всю миниатюрность, он обладал определенной ценностью – был выгравирован на серебряной пластине в обрамлении платины, золота и слоновой кости. Еще более ценной для коллекционеров являлась надпись: “Дорогому Юрию Владимировичу Андропову в день шестидесятилетия от благодарного азербайджанского народа. Г. Алиев”»³. Этот ювелирный портрет купил за несколько тысяч долларов видный русский бизнесмен. Как пишет журналист, «он сможет продать этот портрет дороже. Тому же Алиеву»⁴.

Да, такие подарки в детский дом не отдашь. Их надо и от своего «комитетского» окружения скрывать.

Как отмечают современники, в отличие от газетных фотографий, где Андропов чаще всего выглядел насупившимся и мрачным, «лицо его было приветливым, а неожиданно голубые глаза за толстыми линзами очков – умными, с хитринкой. И только

---

¹ Команда Андропова. С. 52.

² Чехонин Б.И. Указ. соч. С. 259.

³ Там же. С. 259–260.

⁴ Там же. С. 260.

Преображение портрета: от председателя КГБ к Генеральному секретарю ЦК

1981, 1983

[Из открытых источников]

уголки рта время от времени опрокидывались вниз, предупреждая о возможном коварстве»¹. Когда он улыбался, а на публике он это редко себе позволял, обнажались «два плоских передних зуба, разведенных друг от друга на небольшое расстояние»².

И правда, все публикуемые официальные фотопортреты Андропова оставляли впечатление мрачной сосредоточенности изображенного на них лица. Как будто где-то в углу стояла невидимая печать грозного ведомства – КГБ. Все так и оставалось, пока он не стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Вот тут-то ретушеры превзошли сами себя. Портрет просветлили, облагородили, чуть-чуть изменили пропорции и при том же исходном материале сумели запечатлеть в представленном публике новом облике какую-никакую человечность. Блестящая работа, а ведь тогда не было никаких фотошопов!

Конечно, в жизни Андропов выглядел не столь презентабельно. Скорее вполне типично для партийного деятеля его уровня. Высокий, плотной комплекции, с вечной гримасой озабоченно-

¹ Кеворков В. Виктор Луи: человек с легендой. С. 201.

² Там же.

сти на лице, на групповых фотографиях членов Политбюро он часто сутулится, стоял с чуть наклоненным вниз лицом, как будто смотрит в пол. Так его обычно и описывают люди, присутствовавшие на различных заседаниях: «...крупный, с семитскими чертами лица, слегка сутулый и, не поднимая головы, слушал доклад...»¹. И еще: «Лицо его редко озаряла улыбка, эмоции проявлялись лишь в компании своих, где можно было расслабиться и даже матюгнуться»². И еще один штрих: «Георгий Шахназаров подметил любопытную деталь – Андропов словно стеснялся своего роста, величины, старался не выпячивать грудь, как это делают уверенные в себе люди. Чуть горбился не столько от природной застенчивости, сколько оттого, что в партийных кругах было принято демонстрировать скромность, это становилось второй натурой»³.

Коллеги по Политбюро отмечают, что у Андропова «были недостатки в характере, проявлялись они и в работе. Он не был лишен высокомерия, некоторого зазнайства, излишней самоуверенности и даже надменности... Он был довольно консервативен в оценке явлений жизни и своем поведении»⁴. И далее: «В политике ортодоксален, на практике прямолинеен, негибок, в какой-то мере бюрократичен. Консерватизм Юрия Владимировича проявлялся и в личной жизни, поведении. Его отличали замкнутость, неразговорчивость, настороженное, недоверчивое отношение к людям, закрытость личной жизни, отсутствие желания общаться с товарищами по работе (только два-три раза я видел его за товарищеским столом по случаю Нового года или дня рождения кого-то из членов Политбюро, да и то это было только тогда, когда присутствовал Л.И. Брежнев). Одевался Ю.В. Андропов однообразно. Длинное черное пальто зимой и осенью, темный костюм, неизменная темно-серая фетровая шляпа, даже летом в теплую погоду»⁵.

Его внешность стала быстро и катастрофически меняться в последние годы жизни. Он рано потерял пышную шевелюру, столь яркую и заметную на фотографиях его молодости. И если в конце 1960-х и начале 1970-х годов работоспособность Андроп-

---

¹ Калугин О.Д. Указ. соч. С. 244.

² Там же. С. 246.

³ Млечин Л. Юрий Андропов... С. 98.

⁴ Гришин В.В. Указ. соч. С. 59.

⁵ Там же. С. 61–62.

пова была на пике, то к началу 1980-х он заметно сдал. Как вспоминал Грушко: «Заболевание почек и сахарный диабет усугублялись невероятными перегрузками в работе. Обращало на себя внимание то, что он двигался все с большим трудом, вставая из-за рабочего стола только для приветствия гостей и подчиненных. Когда-то крепкие мускулы начали сдавать. Все реже он наезжал к нам в Ясенево, что также тяготило его»¹.

Побывавший у Андропова на приеме в конце октября 1982 года Валентин Фалин был поражен его видом. Они не виделись всего-то три-четыре месяца:

«Очень он изменился. Андропов прочитал по глазам мой невысказанный вопрос и заметил:

– Врачи рекомендовали пройти курс похудения. С пуд сбросил. Как будто на пользу.

Лицо белое, спорит в цвете с седыми волосами. Непривычно тонкая шея, окаймленная ставшим вдруг необъятным воротничком сорочки. Голова кажется еще более крупной. Глаза тоже другие. Они не улыбаются, если даже Андропов шутит. Мысль из них не ушла, но добавилось озабоченностей и печали»².

Память о коротком периоде пребывания Андропова у власти это не только ироничные и злые анекдоты. Это и народный фольклор, прибаутки и городские легенды. Как уже отмечалось, консерватизм Андропова в одежде был типичен для партийной верхушки, воспитанной в сталинское время. Заметным внешним признаком старых привычек были галоши. И тут Андропов был отмечен, попав острословам на язык: «Еще более забавная история случилась с галошами Юрия Андропова. Однажды он, прежде чем сесть в машину, в забывчивости снял галоши и оставил их на обочине. К ним тут же был приставлен часовой, который целый день охранял галоши вождя КПСС!»³.

Конечно, это в чистом виде городская легенда. Доведенное до абсурда чинопочитание и сакрализация власти⁴. Часовой возле оставленных на тротуаре галош вполне перекликается с давним эпизодом 1859 года, описанным Бисмарком в мемуарах. Однаж-

---

¹ Грушко В.Ф. Указ. соч. С. 182.

² Фалин В.М. Указ. соч. С. 368–369.

³ Трубиновская Н. Изящная обувь – галоши. – URL: <https://tainy20veka.livejournal.com/16957.html> (дата обращения: 18.11.2022).

⁴ Автор благодарит Ольгу Лавинскую за то, что обратила внимание автора на эту историю.

*Этикетка водки, прозванной в народе «Андроповка»
[Из открытых источников]*

ды во время прогулки по Летнему саду российский император обратил внимание на стоящего посреди лужайки часового. На вопрос, почему он там стоит, солдат ответил, что «так приказано», и больше ничего не смог сказать. Император поручил выяснить на гауптвахте, зачем выставляется часовой на лужайке. Увы, и там ничего не смогли пояснить, кроме того, что «в этот караул зимой и летом отряжают часового, а по чьему первоначальному приказу – установить нельзя». Об этом заговорили при дворе, и нашелся старик-лакей, рассказавший, как когда-то он гулял со своим отцом по Летнему саду, и слышавший от отца: «А часовой все стоит и караулит цветок. Императрица Екатерина увидела как-то на этом месте гораздо раньше, чем обычно, первый подснежник и приказала следить, чтобы его не сорвали». Приказ был исполнен, и так с тех пор из года в год выставлялся часовой. Бисмарк пишет: «Подобные факты вызывают у нас порицание и насмешку, но в них находят свое выражение примитивная мощь, устойчивость и постоянство, на которых зиждется сила того, что составляет сущность России в противовес остальной Европе»¹.

А вот и еще одна, на этот раз вполне достоверная и житейски значимая молва времен Андропова. Подорожание спиртных на-

¹ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. С. 165.

питков в сентябре 1981 года было памятно всем. Цена водки, раньше стоившей 4 рубля 12 копеек, поднялась до 5,30, а та, что стоила раньше 3,62, вообще исчезла. Но государственный стандарт на нее оставался в силе. И вдруг уже при генсеке Андропове в продажу поступила водка за 4,70, по тому самому стандарту. Народ возликовал. Фактически все выглядело так, как будто водка подешевела! Хоть это и был подорожавший вариант водки за 3,62. Тогда в народном фольклоре прочно закрепилось название этой водки «Андроповка» и даже расшифровка самого слова «водка»: «Вот она доброта коммуниста Андропова». Были и другие схожие варианты расшифровки.

Память об эпохе, так уж повелось, хронологически рифмуется с правителями.

Большое и значимое видится издалека. Когда-то в начале 1970-х годов стала популярной шутка о том, что будет написано о Брежневе в энциклопедии XXI века? А будет сказано просто и незатейливо: «Брежнев – мелкий политический деятель эпохи Сахарова и Солженицына»¹. Сегодня вновь возникает вопрос, а может быть, так оно и есть? За кем историческая правота? За Брежневым, Андроповым и последователями их взглядов? Или за теми, кто не боялся противостоять казенному единомыслию и тем самым бросал вызов советской системе? И это не только Сахаров и Солженицын, чьи имена широко известны. Это многие смелые и мыслящие люди, взявшиеся на рубеже эпох создавать новую демократическую страну. Страну, где человек был бы свободен от государственного произвола и насилия.

---

¹ Автор услышал этот анекдот в 1975 году. Много позже «благонамеренные» граждане переделали его в верноподданническом ключе, заменив Сахарова и Солженицына на Пугачеву.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Иван Павлович (1927–2014), с 1973 г. зам. нач. 5-го упр. КГБ, с февраля 1982 г. первый зам. нач. 5-го упр. КГБ СССР, в 1983–1989 гг. нач. 5-го упр. КГБ СССР, генерал-лейтенант (30.10.1984) – 296, 297, 379, 380, 401, 552, 555
- Агаянц Иван Иванович (1911–1968), в 1959–1966 гг. нач. отд. «Д» 1-го Гл. упр. КГБ, с 1966 г. нач. отд. «А» 1-го Гл. упр. КГБ, с 1967 г. зам. нач. 1-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор (16.12.1965) – 352
- Агеев Гений Евгеньевич (1929–1994), с января 1973 г. нач. Упр. кадров КГБ при СМ СССР, в 1974–1981 гг. секретарь парткома КГБ, генерал-полковник (18.12.1986) – 436, 438, 439, 443
- Аденауэр Конрад (1876–1967), в 1949–1963 гг. канцлер ФРГ – 352
- Аджубей Алексей Иванович (1924–1993), главный редактор газеты «Комсомольская правда», в 1959–1964 гг. главный редактор газеты «Известия», зять Н.С. Хрущева – 354
- Александров Анатолий Петрович (1903–1994), в 1975–1986 гг. президент АН СССР – 423
- Александров-Агентов Андрей Михайлович (1918–1993), в октябре 1964 – феврале 1986 г. помощник Первого/Генерального секретаря ЦК КПСС – 225, 232, 279, 384, 624, 656
- Алексеев Александр Иванович (1913–2001), в 1968 г. сотр. 1-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, полковник – 337, 347
- Алигер Маргарита Иосифовна (1915–1992), поэтесса – 249
- Алидин Виктор Иванович (1911–2002), в 1971–1986 гг. нач. УКГБ по г. Москве и Московской обл., генерал-полковник (16.01.1979) – 274, 275, 434, 439, 443, 455, 509, 511, 602
- Алиев Гейдар Алиевич (1923–2003), в 1967–1969 гг. пред. КГБ при СМ АзССР, с 1969 г. первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, в 1976–1982 гг. кандидат в члены Политбюро, а в 1982–1987 гг. член Политбюро ЦК КПСС – 424, 613–616, 645, 652, 696, 725, 734, 738
- Алия Рамиз (1925–2011), с 1960 г. секретарь ЦК Албанской партии труда (АПТ) по идеологии, в 1985–1991 гг. первый секретарь ЦК АПТ – 213, 217
- Амин Асадулла (1951–1980), племянник Х. Амина, руководитель службы контрразведки. В начале декабря 1979 г. пострадал в ходе неудачного покушения на Амина в Кабуле и доставлен на лечение в Москву, арестован 28 декабря 1979 г. и содержался в Лефортовском СИЗО КГБ, выдан в Афганистан, где казнен 9 июня 1980 г. – 499, 500
- Амин Хафизулла (1929–1979), в 1978–1979 гг. министр иностранных дел Афганистана, в июле – декабре 1979 г. министр обороны НДРА, 16 сентября – 27 декабря 1979 г. Генеральный секретарь ЦК НДПА – 483–488, 490, 491, 493, 496, 498, 499, 501–505, 507
- Амосов М.И., в июне 1935 – августе 1937 г. помощник начальника политотдела Верхневолжского пароходства по комсомольской работе, Горький. Снят с работы «за притупление политической бдительности» – 83
- Андреианов Александр Александрович (1861–1918), в 1908–1915 гг. Московский градоначальник, поддал отставку 30 мая 1915 г. в связи с «немецким погромом» в Москве – 43

- Андропов Владимир Константинович (1885–1919), отец Ю.В. Андропова – 17, 18, 20–23, 61–63, 67, 84, 727
- Андропов Владимир Юрьевич (1940–1975), сын Андропова от первого брака – 97, 469, 470
- Андропов Игорь Юрьевич (1941–2006), сын Ю.В. Андропова, дипломат, в 1984–1986 гг. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Греции – 11, 130, 137, 162, 193, 199, 465–467, 722
- Андропов Константин Игоревич (род. 1979), внук Ю.В. Андропова – 466
- Андропов Юрий Владимирович (1914–1984)
– «Ленинградское дело» – 153–165, 255, 256, 306
– адреса – 18, 96, 98, 121, 469
– внешность – 119, 137, 138, 240, 241, 287, 738–741
– выступления в печати – 110, 131
– семья и родственники – 10, 11, 17–68, 75, 77, 78, 84, 85, 90, 95–97, 99, 103, 120–123, 126–130, 135, 137, 147, 162, 192, 193, 199, 439, 465–467, 469, 470, 582, 722, 727, 738
– состояние здоровья – 79, 80, 137, 137, 194, 231, 262–264, 362, 506, 509–512, 601, 603, 608, 612, 646, 649, 660, 667, 705–723
– характер и привычки – 84, 85, 138, 226, 240–243, 287, 367, 433, 452, 454–456, 465, 612, 613, 619, 625, 634, 635, 724–742
- Андропова (Лебедева) Татьяна Филипповна (1917–1991), жена Ю.В. Андропова – 11, 121–124, 126–130, 135, 137, 147, 162, 192, 193, 199, 439, 465, 469, 470, 567, 722
- Андропова (Флекенштейн) Евгения Карловна (1890–1931), мать Ю.В. Андропова – 10, 17–27, 48, 52–68, 84, 85, 582, 727
- Андропова Ирина Юрьевна (род. 1946), дочь Ю.В. Андропова, в замужестве Филиппова – 11, 130, 162, 465, 467, 722
- Андропова Татьяна Игоревна (1970–2010), внучка Ю.В. Андропова – 466, 738
- Андропова-Квардакова Татьяна Владимировна, жена сына Ю.В. Андропова Игоря – 466, 722
- Антонов Сергей Николаевич (1922–1989), с 1967 г. и. о. нач., затем нач. 9-го упр. КГБ при СМ СССР, с 1974 г. нач. 15-го Гл. упр. КГБ и одновременно зам. пред КГБ при СМ СССР, генерал-майор (09.12.1964); генерал-лейтенант (20.12.1968) – 437, 439
- Арбатов Георгий Аркадьевич (1923–2010), с 1967 г. директор Ин-та США и Канады, академик АН СССР – 223, 394, 465, 567, 568, 579, 659, 667, 729, 731
- Аросева Ольга Александровна (1925–2013), актриса театра и кино – 365
- Артамонов Николай Федорович (1926–1975), офицер ВМФ СССР, в 1959 г. бежал в Швецию, затем переехал в США, где жил под фамилией Шадрин. Сотрудничал с ФБР и КГБ. Погиб при похищении сотрудниками КГБ в Австрии – 427, 428
- Архипов Иван Васильевич (1907–1998), в 1980–1986 гг. первый заместитель председателя СМ СССР – 528, 529
- Бабиченко Денис Леонидович (род. 1968), историк – 61
- Бабушкин Александр Николаевич (1934–2017), в 1975–1983 гг. зам. нач. службы № 1 ПГУ КГБ СССР, в сентябре 1983 – апреле 1984 г. начальник там же, с апреля 1984 г. начальник секретариата КГБ СССР, генерал-майор (17.12.1984) – 520
- Баграмян Иван Христофорович (1897–1982), маршал Советского Союза – 599
- Багров Леонид Васильевич (1931–2021), в 1978–1990 гг. министр речного флота РСФСР – 81
- Бандера Степан Андреевич (1908–1959), лидер украинского национального движения, в 1959 г. убит в Мюнхене Богданом Сташинским – 281
- Банников Сергей Григорьевич (1921–1989), с июля 1963 г. зам. пред. КГБ при СМ СССР, генерал-майор (18.02.1958), генерал-лейтенант (09.12.1964) – 272
- Бар Эгон (1922–2015), в 1972–1978 гг. федеральный министр ФРГ – 355, 358, 392, 502
- Бараненков Федор Ильич (1903–1961), с мая 1950 г. зав. отделом кадров дипломатических и внешнеторговых органов ЦК ВКП(б) – 176
- Баранов Александр Владимирович (1928–1998), с 1967 г. зам. нач. 1-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, с

- 1974 г. зам. нач. 9-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, в 1982–1989 гг. нач. 9-го отд. 5-го упр. КГБ СССР, полковник – 321, 425
- Баррон Джон (Barron John) (1930–2005)**, американский публицист, окончил факультет журналистики университета Миссури – 366
- Барцель Райнер (1924–2006)**, в 1971–1973 гг. председатель Христианско-демократического союза ФРГ – 358
- Баскаков Иван**, приемный отец М.И. Баскакова – 129
- Баскаков Михаил Иванович (1905–1968)**, в 1938–1943 гг. нарком внутренних дел Карельской АССР / Карело-Финской ССР – 127–129
- Баскакова Ефимия**, приемная мать М.И. Баскакова – 129
- Бельский Лев Николаевич (Левин Абрам Михайлович) (1889–1941)**, с ноября 1936 г. зам. наркома внутр. дел СССР, с апреля 1938 г. первый зам. наркома путей сообщения СССР, затем нач. строительства ж. д. Карталы – Акмолинск. Арестован 30 июня 1939 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 5 июля 1941 г. Расстрелян 16 октября 1941 г. Не реабилитирован – 31
- Берия Лаврентий Павлович (1899–1953)**, в 1938–1945 гг. нарком внутр. дел СССР, с 1946 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1953 г. министр внутр. дел и первый зам. председателя СМ СССР, Маршал Советского Союза (09.07.1945). Арестован 26 июня 1953 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР к расстрелу 23 декабря 1953 г. Расстрелян 23 декабря 1953 г. Не реабилитирован – 156, 157, 159, 175, 178, 179, 242, 452
- Бесчастнов Алексей Дмитриевич (1913–1998)**, в 1974–1981 гг. нач. 7-го упр. КГБ СССР, генерал-лейтенант (17.12.1969) – 435
- Бикенин Наиль Бариевич (1931–2007)**, зав. сектором отдела пропаганды ЦК КПСС – 590
- Биляк Васил (1917–2014)**, в 1963–1968 гг. второй секретарь ЦК Компартии Словакии, с апреля 1968 г. член Политбюро ЦК Компартии Чехословакии – 335, 336
- Бисмарк Отто, фон (1815–1898)**, канцлер Германской империи – 741, 742
- Благовидов Андрей Павлович (род. 1945)**, сотр. 1-го отд. 5-го упр. КГБ, в 1973–1974 гг. сотр. группы 1-а 1-го отд. 5-го упр. КГБ, с 1974 г. оперуполн. 9-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, майор – 379, 380
- Блатов Анатолий Иванович (1914–1988)**, в апреле 1972 – ноябре 1982 г. помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, затем руководитель группы консультантов при Секретариате ЦК КПСС – 624
- Бобков Филипп Денисович (1925–2019)**, в 1969–1983 гг. нач. 5-го упр. КГБ, с 1982 зам. пред., а в 1985–1991 гг. первый зам. пред. КГБ СССР, генерал армии (30.10.1987) – 277, 286, 287, 294–296, 327, 369, 391, 394, 395, 408, 419, 420, 425, 426, 435, 455, 456, 511, 536, 542, 549, 552, 554
- Бовин Александр Евгеньевич (1930–2004)**, в 1963–1972 гг. консультант, руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, с 1972 г. политический обозреватель газеты «Известия» – 568, 579, 729
- Богданов Александр Николаевич**, землевладелец в селе Богородском Ростокинской волости Московского уезда – 40
- Богданов Леонид Павлович (1927–2008)**, в августе 1978 – апреле 1980 г. руководитель представительства КГБ в ДРА, генерал-майор (14.02.1980) – 506–508, 510
- Богданова Василиса Макаровна**, владелица участка на Малом Спасском переулке Москвы – 29, 30, 40
- Боголюбов Клавдий Михайлович (1909–1996)**, с 1968 г. первый зам. зав. Общим отделом ЦК КПСС, в декабре 1982 – мае 1985 г. зав. Общим отделом ЦК КПСС – 559, 560, 608, 623, 659
- Боннэр Елена Георгиевна (1923–2011)**, жена А.Д. Сахарова – 399, 400, 404, 418, 419, 423–425, 427
- Борзов Геннадий Федорович (1922–1999)**, в 1968 г. сотр. 1-го Гл. упр.

- КГБ при СМ СССР, генерал-майор (25.04.1975) – 337
- Бояров Виталий Константинович (1928–2016), в 1971–1973 гг. нач. упр. «К» 1-го Гл. упр. КГБ, с марта 1973 г. зам. нач. 2-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант (11.12.1981) – 428
- Брандт Вилли (1913–1992), в 1969–1974 гг. канцлер ФРГ – 355–361, 391, 392, 676, 677
- Брежнев Леонид Ильич (1906–1982), с октября 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС, с 1966 г. генеральный секретарь ЦК КПСС, в 1977–1982 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР – 5, 8, 14, 142, 163, 175, 210, 225, 232–234, 236–240, 242–246, 249–255, 257–262, 264–266, 268–272, 274, 282, 287–289, 298, 302–304, 306, 315, 316, 329, 331–334, 336, 340, 342–344, 346, 348–350, 355–359, 361, 362, 365, 367, 370, 372, 382, 384–386, 389–392, 398, 403, 408, 412, 413, 416–418, 420–422, 427, 428, 431–434, 443–446, 449–465, 471–474, 476–478, 484–491, 493, 496–498, 500, 503, 510–513, 516–520, 524–530, 532–535, 537, 541–550, 554–563, 565–567, 569–571, 575, 576, 578–585, 588, 591–594, 596, 598, 600–617, 621, 624, 628, 633, 635, 642, 644, 649, 65–659, 668, 669, 672, 676, 677, 706, 707, 725, 733, 735, 740, 743
- Брежнев Юрий Леонидович (1933–2013), сын Л.И. Брежнева, в 1979–1986 гг. заместитель министра внешней торговли СССР – 558
- Брежнева (Денисова) Виктория Петровна (1907–1995), жена Л.И. Брежнева – 606, 607, 610
- Брежнева Галина Леонидовна (1929–1998), дочь Л.И. Брежнева – 555–558, 649
- Брусникин Александр Михайлович (1910–1938), в июне – октябре 1937 г. первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ, затем зам. зав. общим отделом Ярославского облисполкома. Арестован 8 января 1938 г. Приговорен выездной сессией ВКВС СССР 3 октября 1938 г. к расстрелу и расстрелян в тот же день. Реабилитирован 18 августа 1956 г. – 91–94, 98
- Брутенц Карен Нерсесович (1924–2017), с 1976 г. зам. зав., с 1988 г. первый зам. зав. международным отделом ЦК КПСС – 578, 733
- Бурлацкий Федор Михайлович (1927–2014), в 1960–1965 гг. сотр. аппарата ЦК КПСС, затем политический обозреватель, журналист – 226, 239–242, 257, 258, 568, 729.
- Бурыца Борис Иванович (1946–1987), певец, тенор, артист театра «Ромэн», затем ГАБТ, арестован в январе 1982 г., приговорен к 7 годам заключения (по другим данным к 5 годам). Освобожден в сентябре 1986 г. Умер 7 июля 1987 г., похоронен в Краснодаре – 556
- Буш Джордж (1924–2018), в 1981–1989 гг. вице-президент США, в 1989–1993 гг. президент США – 627
- Валенса Лех (род. 1943), с 1980 г. лидер независимого профсоюза «Солидарность», в 1990–1995 гг. президент Польши – 514, 515, 529, 629
- Васильев Владимир Ильич, в 1947–1950 гг. второй секретарь Петрозаводского горкома ВКП(б) – 156
- Васильев Юрий Альбертович (род. 1958), российский историк, доктор ист. наук, профессор Московского гуманитарного университета (до 1990 г. – Высшая комсомольская школа), ранее на комсомольской работе, в 1983 г. зав. отд. пропаганды Карельского обкома ВЛКСМ – 164
- Вахрамеев Иван Иванович (1916–1941), с октября 1940 г. секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР по кадрам. В 1941 г. назначен комиссаром партизанского отряда «Вперед», погиб в бою в октябре 1941 г. – 127
- Виротайнен Вольдемар Матвеевич (1901–1983), в 1947–1950 гг. пред. Совета министров Карело-Финской ССР, в 1950–1954 гг. находился в заключении – 155, 156
- Вишневская Галина Павловна (1926–2012), оперная певица (сопрано). Народная артистка СССР – 377
- Владимиров Борис Григорьевич (1934–2011), с июня 1979 г. помощник секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, с мая 1982 г. помощник секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова, в ноябре 1982 –

- феврале 1984 г. помощник Генерального секретаря ЦК КПСС – 624
- Волков Александр Алексеевич (род. 1926), помощник первого заместителя председателя КГБ СССР С. К. Цвигуна – 550, 552
- Волков Андрей Викторович (род. 1961), внук Андропова – 97, 469
- Волков Петр Викторович, внук Андропова – 469
- Волкова (Андропова) Евгения Юрьевна (1936–2018), дочь Андропова от первого брака – 96, 99, 469
- Волкогонов Дмитрий Антонович (1928–1995), доктор философских и доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, в 1991–1993 гг. руководитель Комиссии Верховного Совета Российской Федерации по приему-передаче архивов КПСС и КГБ на государственное хранение. Генерал-полковник – 732
- Волькенштейн Федор Федорович (1908–1985), ученый, доктор физико-математических наук, сотр. Института физической химии АН СССР. Сын Натальи Крандиевской и пасынок Алексея Толстого – 268
- Вольский Аркадий Иванович (1932–2006), с марта 1981 г. первый зам. зав. отделом машиностроения ЦК КПСС, в июне 1983 – марте 1985 г. помощник Генерального секретаря ЦК КПСС – 624, 625, 711
- Вольф Маркус (1923–2006), в 1952–1986 гг. руководитель внешней разведки ГДР, генерал-полковник. В 1993 г. в ФРГ судом приговорен к 6 годам заключения, в 1995 г. приговор отменен и в 1997 г. судом в Дюссельдорфе приговорен к 3 годам условно – 359, 360
- Воробьев, член бюро Ярославского обкома ВЛКСМ – 100
- Воронов В. А., в 1983 г. зам. нач. 5-го отд. УКГБ по Горьковской обл. – 426
- Воронов Геннадий Иванович (1910–1994), в 1961–1973 гг. член Президиума/Политбюро ЦК КПСС, в 1962–1971 гг. пред. СМ РСФСР – 576, 577
- Воротников Виталий Иванович (1926–2012), в 1983–1990 гг. член Политбюро ЦК КПСС, в 1983–1988 гг. пред. СМ РСФСР – 584–586, 609, 645, 711, 722.
- Ворошилов Климент Ефремович (1891–1969), в 1926–1960 гг. член Политбюро/Президиума ЦК ВКП(б)/КПСС, в 1953–1960 гг. пред. Президиума Верховного Совета СССР – 236, 256
- Второв Николай Александрович (1866–1918), предприниматель и банкир, один из владельцев ситценабивной мануфактуры в Москве – 42
- Галансков Юрий Тимофеевич (1939–1972), поэт, приговорен в 1968 г. к 7 годам заключения по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация), умер в заключении. Реабилитирован – 303, 332
- Галич (Гинзбург) Александр Аркадьевич (1918–1977), писатель-драматург, бард – исполнитель собственных песен, с 1974 г. в эмиграции – 400, 664
- Гароди Роже (1913–2012), французский писатель и политический деятель, в 1956–1970 гг. член Политбюро Французской компартии – 224
- Гаррис Сарра Борисовна, владелица чулочного магазина на Большой Лубянке – 38
- Гевара (Че Гевара) Эрнесто (1928–1967), сподвижник Фиделя Кастро, президент Национального банка Кубы, затем министр промышленности, в конце 1966 г. возглавил повстанческий отряд в Боливии, в октябре 1967 г. был ранен в бою, захвачен правительственными войсками и убит – 246, 247
- Геншер Ганс-Дитрих (1927–2016), в 1974–1992 гг. министр иностранных дел ФРГ – 685
- Герё Эрнё (1898–1980), в июле – октябре 1956 г. первый секретарь ЦК ВПГ – 186–188, 190, 192, 194, 198, 199
- Герек Эдвард (1913–2001), в 1970–1980 гг. первый секретарь ЦК ПОРП – 515
- Гийом Гюнтер (1927–1995), сотр. министерства госбезопасности ГДР, с 1956 г. на разведывательной работе в ФРГ, вступил в СДПГ и сделал карьеру, в 1972 г. назначен личным референтом канцлера ФРГ. Разоблачен и арестован в мае 1974 г. Приговорен в 1975 г. к 13 годам заключения, в 1981 г. вернулся в ГДР в результате обмена – 358–361

- Гинзбург Александр Ильич (1936–2002), участник правозащитного движения, в 1974–1977 гг. распорядитель Фонда помощи политическим заключенным в СССР, арестован 3 февраля 1977 г. и приговорен в 1978 г. по статье 70 УК РСФСР, в 1979 г. с несколькими политическими заключенными выдворен из СССР в обмен на двух осужденных в США за шпионаж сотрудников КГБ – 303, 332, 417
- Гитлер (Hitler) Адольф (1889–1945), с 30 января 1933 – Рейхсканцлер Германии, с декабря 1941 г. Главнокомандующий германской сухопутной армией – 115–119, 132, 146, 160
- Глемп Юзеф (1929–2013), Архиепископ Варшавы и примас Польши – 529
- Голиков Виктор Андреевич (1914–1997), в октябре 1964 – ноябре 1982 г. помощник первого/генерального секретаря ЦК КПСС, затем консультант при Секретариате ЦК КПСС – 581, 624
- Голуб Владимир Яковлевич (1922–1991), сотр. 2-го отдела 1-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, в 1962 г. командирован в Хельсинки как инструктор Комитета молодежных организаций СССР – 286
- Горбачев Михаил Сергеевич (1931–2022), с 1978 г. секретарь ЦК КПСС, с 1979 г. кандидат, а с 1980 г. член Политбюро ЦК КПСС; в 1985–1991 гг. Генеральный секретарь ЦК КПСС, с 1988 г. пред. ПВС СССР, в 1990–1991 гг. Президент СССР – 196, 328, 464, 544, 545, 562, 565–567, 575, 576, 579, 584, 592, 598, 608, 612, 613, 617, 622, 641, 643, 644, 650, 701, 711, 713, 715, 716, 726, 731, 733
- Гордиенко Анатолий Алексеевич (1932–2010), журналист, писатель – 124
- Горлов Александр Моисеевич (1931–2016), советский ученый, с 1975 г. в эмиграции в США, преподавал в американских университетах, издал мемуары – 380
- Гребенник Кузьма Евдокимович (1900–1974), с октября 1956 г. нач. 1-го упр. штаба Гл. упр. пограничных и внутренних войск МВД СССР, в ноябре 1956 г. военный комендант Будапешта, генерал-лейтенант (15.07.1957) – 204
- Гречко Андрей Антонович (1903–1976), в 1967–1976 гг. министр обороны СССР, с апреля 1973 г. член Политбюро ЦК КПСС – 334, 450, 461, 593, 645, 672, 673
- Грибачев Николай Матвеевич (1910–1992), писатель – 249
- Григоренко Григорий Федорович (1918–2007), в 1970–1983 гг. нач. 2-го Гл. упр. КГБ, с 1978 г. зам. пред. КГБ СССР, генерал-полковник (16.12.1982) – 407, 433–435, 439, 443, 481, 482, 554
- Григулис Арвид Петрович (1906–1989), писатель, поэт, драматург, в 1976 г. удостоен почетного звания Народный писатель ЛатвССР – 249
- Гришин Виктор Васильевич (1914–1992), с 1961 г. кандидат в члены Президиума Политбюро, а в 1971–1986 гг. член Политбюро ЦК КПСС – 246, 258, 280, 384, 424, 453, 493, 496, 498, 560, 563, 576, 577, 592, 602, 645, 715
- Громов Григорий Петрович (1903–1973), в 1938–1947 гг. секретарь ЦК ВЛКСМ, в июне – декабре 1950 г. зав. отд. партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), в феврале – июне 1950 и в декабре 1950 – октябре 1952 г. зав. административным отд. ЦК ВКП(б) – 106
- Громов Евгений Иванович (1909–1981), с 1948 г. зам. зав. отд. партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) – 174
- Громыко Андрей Андреевич (1909–1989), с 1957 г. министр иностранных дел СССР, в 1973–1988 гг. член Политбюро ЦК КПСС – 8, 269, 270, 334, 335, 339, 342, 350, 355, 420, 424, 450, 479, 480, 483–485, 494, 496, 498, 503, 506, 512, 513, 518, 522, 527, 533, 542, 560, 565, 592, 608, 624, 648, 675, 677, 678, 683, 684, 686, 690, 696, 702, 715
- Грушко Виктор Федорович (1930–2001), в 1983–1989 гг. первый зам. нач. 1-го Гл. упр. КГБ СССР, затем нач. 2-го Гл. упр. и зам. пред. КГБ СССР, генерал-полковник (13.04.1991) – 449, 741
- Гулябзой Саид Мохаммед (род. 1951), в 1980–1988 гг. министр внутренних дел Афганистана.

- с 1988 посол Афганистана в СССР – 587
- Гусак Густав (1913–1991), с 1969 г. первый секретарь, а с 1971 г. Генеральный секретарь ЦК Компартии Чехословакии – 13, 245, 525
- Гусев Владимир Иванович (1936–1996), сотр. 1-го отд. 5-го упр. КГБ, в 1973–1974 гг. сотр. группы 1-а 1-го отд. 5-го упр., с 1974 г. сотр. 9-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, майор – 380
- Густов Иван Степанович (1911–1996), в 1974–1989 гг. первый заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, затем на пенсии. Покончил жизнь самоубийством – 649, 651
- Гуськов Анатолий Михайлович (1914–2005), с сентября 1956 г. зам. нач., а с 1959 г. нач. 3-го гл. упр., с 1960 – 3-го упр. КГБ при СМ СССР, с 1963 г. нач. ОО КГБ Московского ВО, генерал-майор (14.01.1956). В октябре 1970 г. уволен из КГБ «по возрасту» – 202
- Гюбнер Альберт Осипович (1818?–1890), купец 1-й гильдии, учредитель и директор Товарищества ситцевой мануфактуры А. Гюбнера – 42
- Гюллинг Эдвард Отто Вильгельм (1881–1938), первый руководитель Карельской трудовой коммуны, в 1923–1935 гг. пред. СНК Карельской АССР. Арестован 17 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 14 июня 1938 г. к расстрелу и расстрелян в тот же день. Реабилитирован 16 июля 1955 г. – 160
- Даниэль Юлий Маркович (1925–1988), писатель, приговорен в 1966 г. по политическому обвинению к 5 годам заключения, в 1970 г. освобожден, реабилитирован в 1991 г. – 332, 398
- Делюсин Лев Петрович (1923–2013), в 1960–1965 гг. референт, затем консультант отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, в дальнейшем на научной работе, специалист по Китаю – 258
- Демичев Петр Нилович (1918–2010), в 1961–1974 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1964–1988 гг. кандидат в члены Президиума/Политбюро ЦК КПСС – 163, 232, 239, 260, 269, 270, 333–335, 369, 370, 376, 382, 385, 408, 461, 662
- Дервиз Вера Николаевна фон (1831–1903), основательница женской гимназии в Москве, получившей имя ее рано умершей дочери Варвары – 58
- Джонсон Линдон (1908–1973), в 1963–1969 гг. президент США – 269
- Джунковский Владимир Федорович (1865–1938), в 1913–1915 гг. товарищ министра внутренних дел и командующий Особым корпусом жандармов. После 1917 г. арестовывался органами ВЧК. 3 декабря 1937 г. арестован и приговорен 21 февраля 1938 г. тройкой УНКВД по Московской области к расстрелу. Расстрелян 26 февраля 1938 г., захоронен на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1989 г. – 44
- Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), с 1917 г. председатель ВЧК – 554
- Дмитриев Игорь Федорович (1909–1998), в 1981–1985 гг. зав. отделом оборонной промышленности ЦК КПСС – 578
- Добровольский Алексей Александрович (1938–2013), публицист, участник самиздатовских сборников, в 1958 г. приговорен к 3 годам заключения за одобрение действий венгерских повстанцев, в дальнейшем неоднократно арестовывался, помещен в психиатрическую больницу, в 1968 г. приговорен к 2 годам лишения свободы – 332
- Добровский (Хамершлаг) Любош (1932–2020), в 1959–1968 гг. работал журналистом Чехословацкого радио, в дальнейшем участник чехословацкого диссидентского движения, руководил офисом президента Чехии Вацлава Гавела, в 1996–2000 гг. посол Чехии в России – 339
- Долгих Владимир Иванович (1924–2020), с 1972 г. Секретарь ЦК КПСС, с 1982 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС – 512, 561, 650, 655, 659, 660

- Дроздов Юрий Иванович** (1925–2017), в 1979–1991 гг. нач. упр. «С» и зам. нач. 1-го Гл. упр. КГБ СССР, генерал-майор (23.05.1974) – 501, 503, 504
- Дубчек Александр** (1921–1992), в январе 1968 – апреле 1969 г. первый секретарь ЦК Компартии Чехословакии – 331, 333–335, 346, 348, 349
- Душин Николай Алексеевич** (1921–2001), с 1974 г. нач. 3-го упр. КГБ при СМ СССР, в 1982–1987 гг. нач. 3-го Гл. упр. КГБ СССР, в генерал-полковник (13.12.1985) – 435, 439
- Евтушенко Евгений Александрович** (1932–2017), поэт – 249, 368
- Егорычев Николай Григорьевич** (1930–2005), в 1962–1967 гг. первый секретарь МГК КПСС – 281, 282, 456
- Екатерина II** (1729–1796), Российская императрица – 742
- Енгальчев Иван**, отец Нины Енгальчевой, умер в 1939 г. – 95
- Енгальчева Нина Ивановна** (1915–1994), первая жена Ю.В. Андропова, в 1938–1954 гг. работала в УНКВД – УМВД по Ярославской обл., ст. лейтенант. Уволена по сокращению штатов 24 ноября 1954 г. – 10, 95–98, 467, 468, 470
- Епишев Алексей Алексеевич** (1908–1985), в 1962–1985 гг. нач. Гл. политуправления Советской армии и Военно-морского флота, генерал армии (1962) – 334, 335
- Ермаш Филипп Тимофеевич** (1923–2002), в 1972–1986 гг. пред. Госкомитета СССР по кинематографии – 578
- Жданов Андрей Александрович** (1896–1948), в 1934–1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б), с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б) – 99, 115, 150–152, 309
- Жданьков Александр Иванович** (род. 1947), в 1977–1989 гг. сотр. 9-го отд. 5-го упр. КГБ СССР, капитан (упом. 11.1980), подполковник (упом. 12.1990) – 425
- Живков Тодор** (1911–1998), в 1954–1981 гг. первый, а с 1981 г. Генеральный секретарь ЦК Болгарской компартии, в ноябре 1989 г. освобожден от должности и отправлен на пенсию, был исключен из партии и привлечался к уголовной ответственности – 236, 522, 525, 629, 633.
- Жуков Юрий (Георгий) Александрович** (1908–1991), политический обозреватель газеты «Правда» – 422
- Журжалина Анастасия Васильевна** (1887–1979), няня Ю.В. Андропова – 23–25, 63, 65–67, 97, 98, 121
- Загвоздин Александр Васильевич** (1924–2018), в 1970–1991 гг. зам. нач. Следственного отд. КГБ СССР, генерал-майор юстиции (08.05.1974) – 505
- Загладин Вадим Валентинович** (1927–2006), с 1975 г. первый зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС – 422
- Замятин Леонид Митрофанович** (1922–2019), в 1978–1986 гг. зав. отделом международной информации ЦК КПСС – 450, 451, 517, 578
- Запороженко Олег Дмитриевич**, в 1970–1975 гг. сотр. 1-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, подполковник (упом. 27.10.1977) – 377, 379, 383
- Зарев Геннадий Геннадиевич** (1941–2019), сотр. 1-го отд. 5-го упр. КГБ, капитан, майор (1975) – 376, 380
- Захаров Николай Степанович** (1909–2002), в 1954–1958 гг. нач. 1-го отдела и зам. нач. 9-го упр. КГБ при СМ СССР, с февраля 1958 г. нач. 9-го упр. КГБ при СМ СССР, в 1961–1963 гг. зам. председателя, а в июле 1963 – апреле 1970 г. первый зам. председателя КГБ при СМ СССР, генерал-полковник (09.12.1964) – 272, 273, 343, 344, 431–433
- Зелинская Зоя Николаевна** (род. 1929), актриса театра и кино – 365
- Зимянин Михаил Васильевич** (1914–1995), в 1976–1987 гг. секретарь ЦК КПСС – 175, 329, 424, 453, 561, 578, 643, 650
- Зыков Николай Павлович**, присяжный поверенный – 37
- Иванов Альберт Иванович** (1929–1982), зав. сектором органов МВД отдела административных органов ЦК КПСС, покончил жизнь самоубийством – 587, 588
- Иванов Борис Семенович** (1916–2001), в 1971–1979 гг. первый зам. нач. 1-го Гл. упр. КГБ, затем старший

- консультант председателя КГБ СССР, генерал-лейтенант (15.12.1972) – 504, 505, 507–509
- Иванов Евгений Федорович** (1934–2021), в 1967–1978 гг. сотр. 1-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, в 1986–1989 гг. зав. сектором органов госбезопасности Отдела административных органов ЦК КПСС, в 1989 г. нач. 5-го упр. и член Коллегии КГБ СССР, в 1989–1991 гг. нач. упр. «З» КГБ СССР, генерал-лейтенант (13.12.1990) – 379, 380
- Игнатьев Семен Денисович** (1904–1983), в 1951–1953 гг. министр госбезопасности СССР – 167, 168, 170
- Ильин Виктор Иванович** (род. 1947), младший лейтенант геодезического отряда Ленинградского ВО. Совершил неудачное покушение на Брежнева 22 января 1969 г. на территории Кремля. Арестован. Приговорен в феврале 1970 г. к принудительному лечению в психиатрической больнице специального типа. Освобожден в 1990 г. – 444
- Ильичев Леонид Федорович** (1906–1990), в 1961–1965 гг. секретарь ЦК КПСС – 163, 239
- Иманбаев Булат Базарбаевич** (1939–2018), в 1974 г. сотр. группы 1-а 1-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, с 1974 г. сотр. 9-го отд., а с 1982 г. зам. нач. 9-го отд. 5-го упр. КГБ СССР, полковник – 425
- Индра Алоиз** (1921–1990), министр транспорта, затем секретарь ЦК Компартии Чехословакии – 336
- Ищенко Георгий Авксентьевич** (1910–1988), в 1954–1957 гг. старший советник КГБ при органах МВД Венгрии, полковник – 187
- Каганович Лазарь Моисеевич** (1893–1991), в 1928–1939 гг. секретарь ЦК, в 1930–1957 гг. член Политбюро/Президиума ЦК ВКП(б)/КПСС – 178, 221
- Кадар Янош** (1912–1989), с 30 октября 1956 г. государственный министр в правительстве Имре Надя, с 4 ноября 1956 г. возглавил Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство, в 1957–1988 гг. Генеральный секретарь ЦК Венгерской социа-
- листической рабочей партии – 184, 185, 192, 194, 196, 200–203, 206, 210, 211, 220, 237, 238, 246, 372, 512, 525, 611, 628, 632
- Кадашев Александр Федорович** (1917–1990), в августе 1967 – декабре 1968 г. начальник 5-го упр. КГБ при СМ СССР, полковник (04.08.1967), с 1968 г. зав. отд. партстроительства ИМЛ при ЦК КПСС, с 1987 г. персональный пенсионер союзного значения – 292, 294
- Калабухова, владелица табачного магазина в доме 26 на Большой Лубянке** – 38
- Калгин Евгений Иванович** (1939–2008), в 1966–1970 гг. шофер персональной машины, шофер основной машины гаража особого назначения 3-го отдела 9-го управления КГБ при СМ СССР, в 1970–1979 гг. референт секретариата, офицер, ст. офицер приемной председателя КГБ СССР, с 1979 г. помощник председателя КГБ СССР, в 1982 г. референт секретаря ЦК КПСС (Андропова) – 435
- Калик Михаил Наумович** (1927–2017), кинорежиссер, с 1971 г. в эмиграции – 249
- Калиниченко Владимир Иванович** (1947–2022), с 1980 г. следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР – 551, 552, 588, 589
- Каня Станислав** (1927–2020), в 1980–1981 гг. первый секретарь ЦК ПОРП – 14, 515–526, 530, 541
- Капитонов Иван Васильевич** (1915–2002), в 1965–1986 гг. секретарь ЦК КПСС – 243, 260, 262, 389, 553, 561, 584, 643
- Каница Петр Леонидович** (1894–1984), физик, академик АН СССР – 398
- Капустина Антонина Алексеевна** (1911–?), в 1932 г. окончила Институт советского строительства, затем работала секретарем комитета комсомола московского завода «Красный Богатырь»; с 21 мая 1938 по 1 апреля 1939 г. инструктор по пропаганде ЦК ВЛКСМ, ушла с должности по собственному желанию – 20, 22, 102, 103, 106
- Карлов Владимир Алексеевич** (1914–1994), с мая 1976 г. зав. сельскохозяйственным отделом

- ЦК КПСС, с 1986 г. персональный пенсионер союзного значения – 561
- Карлсен Георгий Георгиевич, российский гражданин шведского происхождения, член правления фабрики Цинделя в Москве, убит толпой погромщиков вечером 27 мая 1915 г. – 43
- Кармаль Бабрак (1929–1996), в 1979–1986 гг. генеральный секретарь ЦК НДПА – 491, 498, 499, 501, 505, 655
- Кастро Фидель (1926–2016), с 1959 г. премьер-министр Кубы, с 1961 г. первый секретарь ЦК Компартии Кубы – 247, 248, 347, 591, 611
- Катушев Константин Федорович (1927–2010), в 1968–1977 гг. секретарь ЦК КПСС – 290, 333–335, 382, 561, 562
- Кеворков Вячеслав Ервандович (1923–2017), с 1954 г. в органах КГБ, в 1969–1973 гг. зам. нач., а с 1973 г. нач. 7-го отдела 2-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор (02.11.1972). В 1982–1991 гг. зам. генерального директора ТАСС, затем зав. бюро ИТАР-ТАСС в Германии. Умер в Бонне – 353–356, 358, 362–365, 392, 426, 427, 443, 444, 446, 685
- Кириленко Анатолий Андреевич, сын А.П. Кириленко – 600
- Кириленко Андрей Павлович (1906–1990), в 1962–1982 гг. член Президиума/Политбюро ЦК КПСС, с 1966 г. секретарь ЦК КПСС – 8, 260, 262, 272–274, 277, 279, 280, 342, 370, 371, 385, 403, 445, 446, 450, 451, 459, 460, 463, 484, 494, 496, 498, 512, 516, 517, 522, 529, 536, 542, 559–563, 578, 589–596, 598–601, 617, 646, 654, 657, 658, 729
- Кирпиченко Вадим Алексеевич (1922–2005), с августа 1979 г. первый зам. нач. 1-го Гл. упр. КГБ СССР, генерал-лейтенант (16.12.1980) – 498, 499, 512
- Кирсанов Сергей Кирсанович (Хрисанфович), в 1913–1917 гг. владелец дома 26 на Большой Лубянке – 32
- Киселев Евгений Дмитриевич (1908–1963), в 1949–1954 гг. чрезвычайный и полномочный посол СССР в Венгрии – 178
- Киссинджер Генри (род. 1923), в 1973–1977 гг. государственный секретарь США – 364
- Ковалев Сергей Митрофанович (1913–1990), в 1965–1971 гг. член редколлегии газеты «Правда» по отделу пропаганды – 341, 342
- Коваленко Анатолий Григорьевич (1925–1994), с мая 1968 г. нач. 7-го отд. 2-го Гл. упр. КГБ, в августе 1981 – феврале 1982 г. нач. 16-го отд. и одновременно зам. нач. 2-го Гл. упр. КГБ, генерал-майор (02.11.1972) – 355
- Ковач Иштван (1917–2011), в ноябре 1956 г. нач. Генштаба министерства обороны Венгрии. В июне 1958 г. на закрытом процессе приговорен к 6 годам заключения. В 1960 г. освобожден, в 1990 г. реабилитирован – 203
- Кожеников Вадим Михайлович (1909–1984), писатель – 250
- Козлов Фрол Романович (1908–1965), в 1957–1964 гг. член Президиума ЦК КПСС, с 1960 г. секретарь ЦК КПСС – 218
- Козлов Эвальд Григорьевич (род. 1938), в 1979 г. сотр. управления «С» ПГУ КГБ – 501, 503
- Коломин Сергей Михайлович (1926–?), в 1973 г. зам. пред. Моссовета – 320, 321
- Коль Гельмут (1930–2017), в 1982–1998 гг. канцлер ФРГ – 358, 685–688
- Кольдер Драгомир (1925–1972), с 1962 г. член Политбюро ЦК Компартии Чехословакии – 336
- Кондрашев Григорий Федорович (1900–1940), командир 18-й стр. див. РККА, в ходе советско-финской войны попал в окружение, был ранен. Арестован 15 марта 1940 г. Обвинен в «преступном бездействии в войне с белофинами». Приговорен ВКВС СССР 12 августа 1940 г. к расстрелу, расстрелян 29 августа 1940 г. Реабилитирован 30 декабря 1968 г. – 126
- Корниенко Георгий Маркович (1925–2006), в 1977–1986 гг. первый заместитель министра иностранных дел СССР – 461, 673, 675, 696, 704
- Коровяков Сергей Александрович (1927–1982), зам. нач. погранвойск КГБ, генерал-майор инженер, погиб в автомобильной катастрофе в августе 1982 г. – 457, 458
- Коровякова Нина Александровна, в 1973–1975 гг. личная медсестра Л.И. Брежнева – 457–459, 461–463, 604
- Королев Михаил Федорович (1912–?), в 1948–1950 гг. зав. отделом

- партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КП(б) Карело-Финской ССР – 164, 165
- Косарев Александр Васильевич** (1903–1939), первый секретарь ЦК ВЛКСМ. Арестован 28 ноября 1938 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 22 февраля 1939 г. Расстрелян 23 февраля 1939 г. Реабилитирован 24 августа 1954 г. – 90, 99, 120
- Костров Евгений Федорович** (1927–2007), в декабре 1981 – июле 1983 г. зам. нач. 2-го Гл. упр. КГБ СССР, генерал-майор (30.04.1982). Освобожден от должности «в связи с увольнением из органов КГБ за допущенные недостатки в работе и личном поведении». Исключен из КПСС парткомом КГБ 3 августа 1983 г. за злоупотребление служебным положением в личных целях – 481
- Костромин Лев Петрович** (1933–2008), в 1978–1982 гг. зам. нач. 8-го отд. 1-го Гл. упр. КГБ СССР, с 1982 г. первый зам. руководителя Представительства КГБ в Афганистане, генерал-майор (22.02.1983) – 493, 498, 499–502
- Косыгин Алексей Николаевич** (1904–1980), с 1940 г. зам. пред. СНК/СМ СССР, в 1948–1952 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б) – 213, 240, 253, 257, 262, 264, 266, 269–272, 333, 344, 346, 371, 385, 386, 388, 389, 412, 413, 450, 459, 460, 463, 472, 483, 485
- Кравченко Валентин Александрович** (1906–1956), с 1939 г. нач. Особого технического бюро НКВД, с 1941 г. нач. 4-го спецотдела НКВД – МВД СССР, генерал-майор – 32
- Красин Виктор Александрович** (1929–2017), участник правозащитного движения, в 1973 г. приговорен к 3 годам заключения и 3 годам ссылки, в сентябре 1973 г. Верховный суд РСФСР снизил срок лишения свободы до отбытого, оставив ссылку. Отбывал ссылку в Калинин. В 1975 г. эмигрировал в США – 306, 307
- Крачун Николай Иванович** (1906–1963), в марте 1938 – апреле 1939 г. ответственный организатор Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), затем на партийной работе в Карело-Финской ССР – 150, 157
- Кривошеев Алексей Павлович** (1925–1976), с июля 1967 г. нач. 2-го отдела ОТУ КГБ, в ноябре 1967 – октябре 1970 г. нач. 12-го отдела КГБ при СМ СССР, подполковник – 434
- Кривошеев Владлен Михайлович** (род. 1930), в 1965–1968 гг. корреспондент газеты «Известия» в Чехословакии – 338
- Кристи Ирина Григорьевна** (род. 1937), математик, участница диссидентского движения, с 1985 г. в эмиграции – 423
- Круглов Сергей Никифорович** (1907–1977), в 1945–1956 гг. нарком/министр внутренних дел СССР (с перерывом в марте – июне 1953 г.) – 31
- Крючков Владимир Александрович** (1924–2007), в 1974–1988 гг. нач. 1-го Гл. управления КГБ, с 1978 зам. пред. КГБ СССР, в 1988–1991 гг. пред. КГБ СССР, с 1989 г. член Политбюро ЦК КПСС, генерал армии (27.01.1988) – 182, 193–196, 211, 289, 290, 309, 419, 428, 432, 434, 435, 482, 491, 493, 499, 507, 518, 542, 543, 547, 549, 554, 624, 708, 731
- Кудряшов Александр Федорович** (1915–1971), в декабре 1962 – апреле 1965 г. помощник секретаря ЦК Андропова, с апреля 1965 г. зам. зав. отдела ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, в мае 1968 – марте 1971 г. помощник секретаря ЦК К.Ф. Катушева – 290
- Кузнецов Алексей Александрович** (1905–1950), в 1938–1945 гг. второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). Арестован 13 августа 1949 г. по «Ленинградскому делу». Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 30 сентября 1950 г. и на следующий день расстрелян. Реабилитирован 30 апреля 1954 г. – 150–152, 157, 163
- Кузнецов Василий Васильевич** (1901–1990), в 1955–1977 гг. первый заместитель министра иностранных дел СССР, в 1977–1986 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР – 214, 215, 222, 344, 498
- Кулаков Федор Давыдович** (1918–1978), в 1965–1978 гг. секретарь ЦК

- КПСС, с 1971 г. член Политбюро ЦК КПСС – 243, 260, 262, 446, 464, 561, 562, 567, 645
- Куликов Виктор Георгиевич (1921–2013), в 1977–1989 гг. Главнокомандующий Объединенными Вооруженными силами государств – участников Варшавского договора, маршал Советского Союза (14.01.1977) – 518, 532, 533, 630
- Кунаев Динмухамед Ахмедович (1912–1993), в 1960–1962 и 1964–1986 гг. первый секретарь ЦК КП Казахстана, в 1971–1987 гг. член Политбюро ЦК КПСС – 244, 315, 472, 496, 498, 560, 592, 608, 609, 655, 734
- Куприянов Геннадий Николаевич (1905–1979), с июня 1938 г. первый секретарь Карельского обкома ВКП(б), а в апреле 1940 – январе 1950 г. первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. Арестован 17 марта 1950 г. связи с «Ленинградским делом». Приговорен ВК ВС СССР 17 января 1952 г. по ст. 58-1 «а», 58-7, 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР к 25 годам ИТЛ и к 5 годам поражения в правах с конфискацией имущества. Освобожден из лагеря 23 февраля 1956 г. Реабилитирован в 1957 г. Автор нескольких книг мемуаров – 120, 127–129, 135, 136, 143, 144, 147–150, 152–158, 162, 163, 165, 255, 256
- Куусинен Айно Андреевна (1886–1970), жена Отто Куусинена, коммунистка. По линии Коминтерна и разведупра РККА была на нелегальной работе в США и Японии. Арестована 1 января 1938 г. Приговорена ОСО НКВД в апреле 1939 г. к 8 годам лагерей. Освобождена в 1946 г. с запретом проживания в крупных городах. Вторично арестована в 1949 г., приговорена ОСО МГБ к 15 годам заключения. Освобождена и реабилитирована в 1955 г. – 159, 160, 162
- Куусинен Отто Вильгельмович (1881–1964), в 1957–1964 гг. секретарь ЦК КПСС и член Президиума ЦК КПСС – 114, 140, 158–162, 210, 221, 223, 224
- Лазовик Геронтий Павлович (род. 1932), в 1962 г. командирован в Хельсинки как ответственный организатор отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ по союзным республикам, позднее в 1974–1977 гг. работал резидентом КГБ в Канбере, полковник – 286
- Лалин Сергей Георгиевич (1912–1990), в 1970–1985 гг. пред. Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию – 578
- Лаптев Павел Павлович (1928–2011), в августе 1971 – феврале 1979 г. нач. секретариата КГБ, с февраля 1979 г. помощник члена Политбюро ЦК КПСС Ю.В. Андропова, с мая 1982 г. помощник секретаря ЦК КПСС, в ноябре 1982 – октябре 1984 г. помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, генерал-майор (17.12.1973) – 434, 507, 568, 624
- Ларионов Алексей Николаевич (1907–1960), в 1946–1948 гг. зав. отделом кадров партийных органов Управления кадров ЦК ВКП(б), с ноября 1948 г. первый секретарь Рязанского обкома ВКП(б)/КПСС, покончил жизнь самоубийством – 22, 134, 135, 177
- Лате Хайнц, немецкий журналист в Москве, покончил жизнь самоубийством – 354
- Лашкова Вера Иосифовна (род. 1944), участница правозащитного движения, приговорена в 1968 г. к году тюрьмы, в 1983 г. выслана из Москвы. Реабилитирована – 332
- Лебедев Владимир Васильевич (1891–1967), художник – 138
- Лебедев Филипп Акимович, отец второй жены Ю.В. Андропова – 122
- Лебедева Анна Ивановна, мать второй жены Ю.В. Андропова – 122
- Леднев Валерий Владимирович (1922–1987), журналист газеты «Советская культура» – 353–355, 364, 365
- Ленин Николай (Ульянов Владимир Ильич) (1870–1924), лидер большевистского крыла в РСДРП, с 1917 г. председатель Совета народных комиссаров Российской республики (РСФСР), с 1923 г. председатель Совета народных комиссаров СССР – 13, 15, 108, 224, 280, 388, 483, 484, 566, 640, 642, 728, 729

- Ленч (Попов) Леонид Сергеевич (1905–1991), писатель-сатирик, драматург – 250
- Либерман Вэлв – 62
- Лигачев Егор Кузьмич (1920–2021), с 1983 г. секретарь ЦК КПСС, в 1985–1990 гг. член Политбюро ЦК КПСС – 617, 656, 657, 710, 711, 734,
- Линь Бяо (1907–1971), министр обороны и вице-премьер госсовета КНР, маршал, погиб в авиакатастрофе – 505
- Липатов Виль Владимирович (1927–1979), писатель – 322
- Лонго Луиджи (1900–1980), с августа 1964 г. генеральный секретарь Итальянской компартии – 248
- Луи Виктор (Виталий) Евгеньевич (1928–1992), журналист, арестован в 1946 г. Приговорен ОСО МГБ к 25 годам заключения по обвинению в шпионаже. Реабилитирован 17 августа 1956 г., работал в Москве корреспондентом британских газет. Умер в Лондоне – 283–287, 363, 364, 394, 426, 427
- Лукиянов Анатолий Иванович (1930–2019), в 1985–1987 гг. зав. Общим отд. ЦК КПСС, в 1987–1988 гг. секретарь ЦК КПСС и зав. Отделом административных органов ЦК КПСС, с 1988 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС – 313
- Лысенко Трофим Денисович (1898–1976), академик ВАСХНИЛ, в 1940–1965 гг. директор Ин-та генетики АН СССР, автор псевдонаучных теорий, организатор гонений на ученых-генетиков – 397
- Любимов Юрий Петрович (1917–2014), театральные режиссер – 332
- Мазуров Кирилл Трофимович (1914–1989), в 1965–1978 гг. член Президиума/Политбюро ЦК КПСС – 261, 269, 272, 280, 645
- Майоров Александр Михайлович (1920–2008), в 1966–1968 гг. командующий 38-й армией, затем командующий Центральной группой войск – 329
- Макаревич Андрей Вадимович (род. 1953), рок-музыкант, основатель и лидер группы «Машина времени» – 665
- Маккиавелли Николо (1469–1527), философ, политический деятель – 733
- Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988), в 1936–1939 гг. зав. отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), в 1939–1946 и 1948–1953 гг. секретарь ЦК, в 1946–1957 гг. член Политбюро/Президиума ЦК ВКП(б)/КПСС. В марте 1953 – феврале 1955 г. председатель СМ СССР – 146, 147, 152, 156, 157, 167, 168, 178, 179, 181, 221, 225
- Малетер Пал (1917–1958), полковник Венгерской народной армии, в октябре 1956 г. перешел на сторону восставших, назначен министром обороны в правительстве Имре Надя с присвоением звания генерал-майора. В июне 1958 г. по делу Имре Надя приговорен к смертной казни и казнен. Реабилитирован в 1989 г. – 203
- Малыгин Ардальон Николаевич (1913–1999), в 1967–1979 гг. зам. пред. КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант (23.05.1974) – 274, 275, 287, 289, 320, 321, 438, 439
- Мальцев Виктор Федорович (1917–2003), в 1977–1986 гг. первый заместитель министра иностранных дел СССР – 479
- Малыаров Михаил Петрович (1909–1984), в марте 1955 – феврале 1957 г. нач. Следственного упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор юстиции. В 1964–1976 гг. первый зам. Генерального прокурора СССР – 391, 413
- Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951), с 1939 г. Верховный главнокомандующий армией Финляндии, в 1944–1946 гг. президент Финляндии – 133, 146, 160, 332
- Мансбах Фелиция Францевна, основательница частной женской гимназии на Басманной в Москве – 54–56, 58
- Мао Цзэдун (1893–1976), в 1943–1976 гг. председатель ЦК Коммунистической партии Китая – 221, 224, 226, 246, 505, 572, 580, 735
- Маркс Карл (1818–1883), философ, экономист. В соавторстве с Фридрихом Энгельсом подготовил политическую доктрину «Манифест коммунистической партии» – 224, 645
- Мартынов Николай Мартынович, московский домовладелец – 29

- Масарик Ян (1886–1948), в 1940–1948 гг. министр иностранных дел Чехословакии. По официальной версии выбросился из окна 10 марта 1948 г. Согласно ряду свидетельств, был выброшен из окна сотрудниками УКР МГБ СССР Центральной группы войск – 333, 334
- Матросов Видим Александрович (1917–1999), в 1972–1989 гг. нач. Гл. упр. погранвойск и с 1984 г. зам. пред. КГБ СССР, генерал армии (13.12.1978) – 439
- Маурер Ион Георге (1902–2000), в 1961–1974 гг. премьер-министр Румынии – 332
- Машеров Петр Миронович (1918–1980), в 1965–1980 гг. первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, с 1966 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, погиб в автомобильной катастрофе – 331, 332, 461
- Маштаков Василий Дмитриевич (1907–1941), зав. отделом школ Ярославского обкома ВКП(б) – 105
- Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930), поэт – 51, 735
- Медведев Владимир Тимофеевич (род. 1937), с 1962 г. в органах КГБ, зам. нач. 1-го отд. 9-го упр. КГБ, служил в охране Л.И. Брежнева, генерал-майор (16.08.1989) – 582, 606
- Медведев Рой Александрович (род. 1925), историк – 5, 157, 398, 401, 555, 634–640
- Медунов Сергей Федорович (1915–1999), в 1973–1982 гг. первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, с 1982 г. зам. министра плодоовощного хозяйства СССР, в июне 1983 г. выведен из состава ЦК КПСС «за допущенные ошибки в работе» – 62, 567, 583–586, 595, 648, 651, 652, 654
- Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953), в 1943–1946 гг. нарком/министр госбезопасности СССР. Арестован 18 сентября 1953 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР по «делу Берии» к расстрелу 23 декабря 1953 г. Расстрелян 23 декабря 1953 г. Не реабилитирован – 351, 352
- Месяцев Николай Николаевич (1920–2011), в 1963 – октябре 1964 г. зам. зав. отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, в 1964–1970 гг. пред. Госкомитета СМ СССР по радиовещанию и телевидению – 226, 228, 229, 258, 259, 263, 281
- Микоян Анастас Иванович (1895–1978), в 1935–1966 гг. член Политбюро – Президиума ЦК ВКП(б)/КПСС – 178, 186, 190, 193, 196, 199, 213, 231, 269, 445
- Мильке Эрих (1907–2000), в 1957–1989 гг. министр госбезопасности ГДР, в декабре 1989 г. арестован по обвинению в совершении антиконституционных действий – 361
- Митрохин Василий Никитич (1922–2004), архивист 15-го отдела 1-го гл. упр. КГБ СССР до выхода на пенсию в 1984 г., майор. В 1992 г. эмигрировал в Великобританию – 418
- Михайлов Николай Александрович (1906–1982), в 1938–1952 гг. первый секретарь ЦК ВЛКСМ, с октября 1952 г. секретарь ЦК и член Президиума ЦК КПСС, с марта 1953 г. первый секретарь Московского обкома КПСС, в 1955–1960 гг. министр культуры СССР – 111, 140, 146–148
- Михельсон Владимир Карлович, владелец магазина готового дамского платья на Большой Лубянке – 38
- Мишакова Ольга Петровна (1906–1980), в 1938–1946 гг. секретарь ЦК ВЛКСМ – 120
- Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986), в 1930–1941 гг. председатель СНК СССР, в 1939–1949 и 1953–1956 гг. министр иностранных дел СССР, в 1926–1957 гг. член Политбюро/Президиума ЦК ВКП(б)/КПСС – 99, 112–119, 132, 177, 178, 182, 184, 200, 221, 309, 648
- Морозов Давид Абрамович (1843–1893), основатель Морозовской богадельни в Москве – 51
- Мортин Федор Константинович (1918–1990), в 1971–1974 гг. нач. 1-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант (17.12.1969), 439, 443
- Мусин Рашид Мусинович (1927–1982), в 1979–1982 гг. первый секретарь Татарского обкома КПСС – 599

- Мюнних Ференц (1886–1967), с 27 октября 1956 г. министр внутренних дел в правительстве Имре Надя, с 4 ноября 1956 г. зам. пред. Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства, министр обороны и охраны общественного порядка – 200
- Надь Имре (1896–1958), в 1953–1955 гг. и с 24 октября 1956 г. премьер-министр Венгрии. казнен в июне 1958 г., реабилитирован в 1989 г. – 178, 179, 181, 185–188, 190, 192, 194–196, 198, 200, 202, 203, 210
- Налбандян Дмитрий Аркадьевич (1906–1993), художник – 591–593, 595
- Никандров Николай Иванович (род. 1937), в 1980 г. нач. 1-го отделения 1-го отд. 5-го упр. КГБ СССР – 322
- Никашкин Виктор Семенович (1918–1980), с 1970 г. зам. нач. 5-го упр. КГБ, в 1973–1974 гг. первый зам. нач. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор (14.12.1970) – 295, 296
- Николаев Семен Николаевич, в 1913–1917 гг. владелец дома 26 на Большой Лубянке – 32
- Николай II (Романов Николай Александрович) (1868–1918), в 1884–1917 гг. император Всероссийский – 37, 44
- Ничков Владислав Власович (род. 1947), зять С.К. Цвигуна, в 1979–1988 гг. первый секретарь Посольства СССР во Франции, атташе по науке и технике – 543
- Ничкова Виолетта Владиславовна (род. 1974), внучка С.К. Цвигуна, тележурналист, сценарист – 548, 552
- Новиков Игнатий Трофимович (1906–1993), в 1962–1983 гг. зам. пред. СМ СССР, с июля 1983 г. персональный пенсионер союзного значения – 625, 626
- Новомеский Ладислав (1904–1976), писатель, в 1963–1970 гг. директор Института литературы Словацкой академии наук – 245
- Новотный Антонин (1904–1975), в 1953–1968 гг. первый секретарь ЦК Компартии Чехословакии – 262, 328, 329, 348
- Нордман Эдуард Болеславович (1922–2006), в 1968–1974 гг. нач. УКГБ по Ставропольскому краю, затем пред. КГБ при СМ Узбекской ССР, генерал-майор (17.12.1969) – 544, 545
- О’Риордан Майкл (1917–2006), в 1970–1984 гг. генеральный секретарь компартии Ирландии – 428, 429
- Обидина Клавдия Никоновна (ум. 1911), московская купчиха, владелица домов, занималась благотворительностью – 29, 50
- Огарков Николай Васильевич (1917–1994), в 1977–1984 гг. нач. Генерального штаба Вооруженных сил СССР, маршал Советского Союза (14.01.1977) – 494
- Орлов Юрий Федорович (1924–2020), физик, член-кор. АН АрмССР, участник правозащитного движения в СССР, в 1977 г. приговорен по ст. 70 УК РСФСР, выдворен из СССР в октябре 1986 г. в обмен на арестованного в США сотрудника КГБ – 416, 417
- Оруэлл Джорж (1903–1950), писатель, журналист, автор антиутопии «1984» – 592
- Остроухов Владимир Филиппович, московский священник – 31
- Павлов Борис Ильич (1906–1938), в апреле 1936 – июне 1937 г. первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ, затем секретарь Ярославского горкома ВКП(б). Арестован 29 сентября 1937 г. Приговорен выездной сессией ВКВС СССР 3 октября 1938 г. к расстрелу и расстрелян в тот же день. Реабилитирован 2 июня 1956 г. – 81, 82, 91, 93, 98
- Павлов Виталий Григорьевич (1914–2005), в 1973–1984 гг. руководитель представительства КГБ при МВД Польши, генерал-лейтенант (30.10.81) – 514
- Павлов Георгий Сергеевич (1910–1991), в 1965–1983 гг. управляющий делами ЦК КПСС. Покончил жизнь самоубийством 6 октября 1991 г. – 440
- Павлов Сергей Павлович (1929–1993), в 1959–1968 гг. первый секретарь ЦК ВЛКСМ – 285, 286, 332
- Панкратов Лев Иванович (1920–2005), в 1963–1971 гг. зам. пред. КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант (14.12.1970) – 272, 434

- Панов Виталий Андреевич (1904–1988), зав. финансовым и хозяйственным сектором Ярославского обкома ВЛКСМ – 105
- Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), писатель – 382
- Патоличев Николай Семенович (1908–1989), в 1939–1946 гг. первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) – 104, 111, 175
- Пельше Арвид Янович (1899–1983), в 1966–1983 гг. пред. КПК и член Политбюро ЦК КПСС – 220, 272, 280, 335, 424, 494, 496, 498, 542, 592, 646, 706
- Перепелицын Александр Иванович (1913–1967), в 1959–1967 гг. зам. пред. КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант (09.12.1964) – 272
- Пирожков Владимир Петрович (1924–2009), в 1971–1991 гг. зам. пред. КГБ СССР, генерал-полковник (20.04.1984) – 264, 434, 436, 438, 439, 443
- Повалий Михаил Иванович (1913–1986), в 1962–1969 гг. нач. Гл. оперативного упр. Генерального штаба Вооруженных сил СССР, генерал-полковник (22.02.1963) – 334
- Подгорный Николай Викторович (1903–1983), в 1960–1977 гг. член Президиума/Политбюро ЦК КПСС, одновременно в 1963–1965 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1965–1977 гг. пред. Президиума Верховного Совета СССР – 226, 262, 269–271, 273, 278, 333, 335, 346, 372, 385, 386, 388, 389, 412, 416, 441, 459, 461–463, 593, 645
- Поляков Василий Иванович (1913–2003), в ноябре 1962 – ноябре 1964 г. секретарь ЦК КПСС – 239
- Поляков Лазарь Соломонович (1842–1914), банкир и предприниматель – 32
- Полянский Дмитрий Степанович (1917–2001), в 1960–1976 гг. член Президиума/Политбюро ЦК КПСС – 232, 461, 576, 577, 729
- Пономарев Борис Николаевич (1905–1995), в 1961–1986 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1972–1986 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС – 208, 225, 236, 239, 260, 262, 270, 334, 382, 394, 485, 494, 498, 561, 563, 578, 579, 634, 649, 676, 696, 702, 704
- Пономарев В.В., в 1986 г. сотр. 14-го отд. 5-го упр. КГБ СССР – 427
- Попков Потап Емельянович (1907–?), в сентябре – октябре 1937 г. секретарь Рыбинского горкома ВЛКСМ, в октябре 1937 – декабре 1938 г. первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ, затем начальник контрольного отдела завода № 26 в Рыбинске, в ноябре 1941 г. эвакуирован вместе с заводом в Уфу, работал начальником ОТК завода, заместителем секретаря парткома, председателем месткома. В 1949–1956 гг. пред. Черниковского горисполкома, в 1956–1960 гг. пред. Уфимского горисполкома. Умер после 1990 года – 93, 99–102, 108
- Попова, комсомолка, учащаяся техникума, 94
- Примаков Евгений Максимович (1929–2015), в 1977–1985 гг. директор Института востоковедения АН СССР – 696
- Приставкин Анатолий Игнатьевич (1931–2008), писатель – 321
- Пудова, работник Ярославского обкома ВЛКСМ – 93
- Ракоши Матиас (1892–1971), в 1948–1956 гг. первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся, уезжал в эмиграции в СССР – 177, 178, 181, 184–186, 190, 194, 211
- Расценов Евгений Михайлович (1929–1996), в 1981–1991 гг. нач. 7-го упр. КГБ СССР, генерал-лейтенант (26.04.1985) – 571
- Рахманин Олег Борисович (1924–2010), в 1968–1987 гг. первый зам. зав. Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран – 580, 581, 583
- Рахманинов Юрий Николаевич (род. 1924), главный советник Управления оценок и планирования МИД СССР – 466
- Рейган Рональд (1911–2004), в 1981–1989 гг. президент США – 515, 531, 619, 628, 671, 675–678, 681, 682, 685, 688–695, 698, 699, 701, 705, 732
- Решетовская Наталья Алексеевна (1919–2003), первая жена А.И. Солженицына – 377–380
- Ржезак Томаш (1835–1992), чешский журналист – 299
- Рит Мария Павловна, журналистка – 138

- Ролов Виктор Сергеевич (1913–2004), драматург – 249
- Романов Григорий Васильевич (1923–2008), в 1970–1983 гг. первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, с 1973 г. кандидат, а в 1976–1985 гг. член Политбюро ЦК КПСС, в июне 1983 – июле 1985 г. секретарь ЦК КПСС – 496, 498, 592, 643, 644, 646
- Романов Павел Константинович (1913–1992), в 1957–1963 и 1966–1986 гг. нач. Гл. упр. по охране государственных тайн в печати при СМ СССР – 216
- Ростропович Мстислав Леопольдович (1927–2007), виолончелист, пианист, дирижер. Народный артист СССР – 377
- Рудаков Александр Петрович (1910–1966), в ноябре 1962 – июле 1966 г. секретарь ЦК КПСС – 239, 243, 260
- Руденко Николай Данилович (1920–2004), украинский писатель, арестован в феврале 1977 г. за правозащитную деятельность, в том же году приговорен к 7 годам заключения, реабилитирован в 1991 г. – 417
- Руденко Роман Андреевич (1907–1981), с 1953 г. генеральный прокурор СССР – 13, 377, 384, 386, 389–391, 416, 420
- Русаков Константин Викторович (1909–1993), в 1972–1977 гг. помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, в 1977–1986 гг. секретарь ЦК КПСС – 264, 333–335, 517, 524, 526, 528, 529, 531, 532, 562, 578, 650, 702
- Рыжков Николай Иванович (род. 1929), в 1982–1985 гг. секретарь ЦК КПСС, с 1985 г. пред. СМ СССР – 616, 617, 619, 631, 643, 659, 660, 715–717, 720
- Рюти Ристо (1889–1956), в 1940–1944 гг. президент Финляндии – 132, 133
- Рябенко Александр Яковлевич (1916–1993), нач. охраны Л.И. Брежнева, генерал-майор (03.11.1975) – 582, 649
- Рябов Яков Петрович (1928–2018), в 1976–1979 гг. секретарь ЦК КПСС – 562, 648
- Савинкин Николай Иванович (1913–1993), в 1968–1987 гг. зав. отделом административных органов ЦК КПСС – 413
- Сагателян Михаил Рачьянович (1927–1988), в 1968–1974 гг. международный обозреватель газеты «Известия», с 1974 г. заместитель председателя правления Агентства печати «Новости» – 335, 336
- Салахов Таир Теймур оглы (1928–2021), художник – 615
- Самознаев Александр Васильевич (?–1940), пом. нач. политотдела 18-й див. по комсомолу, политрук. Погиб в бою при выходе из окружения 28 февраля 1940 г. – 122–126
- Самознаева (Лебедева) Татьяна Филипповна, см. Андропова (Лебедева) Т.Ф.
- Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989), академик АН СССР – 316, 364, 367, 384, 390, 395–401, 403–427, 480, 743
- Севернад Александр Николаевич, в 1915 г. исполняющий обязанности начальника московской полиции и заместителя градоначальника Москвы по наружной службе – 45
- Секретев Дмитрий Михайлович (1911–1998), помощник члена Политбюро ЦК КПСС А.П. Кириленко – 559
- Семенihin Евгений Григорьевич (род. 1939), сотр. 1-го отд. 5-го упр. КГБ, с 1974 г. в действующем резерве КГБ в ВААП, полковник, автор мемуаров «Да, я там работал» под псевдонимом Евг. Григ. – 380
- Семичастный Владимир Ефимович (1924–2001), в 1961–1967 гг. председатель КГБ при СМ СССР. Генерал-полковник (09.12.1964) – 218, 232, 239, 240, 249, 255, 256, 265–268, 270–278, 280–282, 286, 291, 330, 545, 733
- Серегин Сергей Матвеевич (1914–1975), с 1967 г. зам. нач. 5-го упр. КГБ, в 1971–1973 гг. первый зам. нач. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор (09.12.1964), 295, 296
- Сидон Михаил, отец Евдокии Флекенштейн, 27, 33
- Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966), директор Института истории АН СССР – 197–199
- Симонов Константин Михайлович (1915–1979), писатель, поэт – 253
- Синицин Игорь Елисеевич (1932–2009), в мае 1973 – январе 1979 г. помощник члена Политбюро ЦК КПСС Ю.В. Андропова, затем

- политический обозреватель АПН – 161, 232, 475, 481, 482, 510, 627
- Синявский Андрей Донатович (1925–1997), писатель, приговорен в 1966 г. по политическому обвинению к 7 годам заключения, в 1971 г. освобожден досрочно, с 1973 г. в эмиграции во Франции, реабилитирован в 1991 г. – 332
- Скворцов, в 1936 г. зав. отделом учащейся молодежи Ярославского обкома ВЛКСМ – 81
- Славкин Виктор Иосифович (1935–2014), писатель, драматург – 664
- Смирнова Анна Васильевна (1907–1938), второй секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ. Арестована 9 сентября 1937 г. Приговорена выездной сессией ВКВС СССР 3 октября 1938 г. к расстрелу и расстреляна в тот же день. Реабилитирована 2 июня 1956 г. – 91, 98
- Собаченков Владимир Александрович (род. 1938), в 1975–1982 гг. зам. нач. отд. 9-го упр. КГБ СССР – в охране Л.И. Брежнева, полковник – 606, 607
- Соколов Иван Захарович (1928–1982), в 1976–1982 гг. второй секретарь ЦК КП Украины – 599
- Соколова Мария Васильевна, зав. сектором Общего отдела ЦК КПСС – 306, 559
- Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), писатель – 253–255, 320, 363, 367–371, 373, 375–378, 381–395, 398, 400, 401, 410, 413, 416, 418, 743
- Соломатин Борис Александрович (1924–2005), в 1968–1971 гг. зам. нач. 1-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-майор (14.12.1970) – 669
- Соломенцев Михаил Сергеевич (1913–2008), в 1983–1988 гг. член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС – 233, 243, 244, 385, 389, 498, 645, 646, 657, 658, 709, 711
- Солсбери Гаррисон (1908–1993), американский журналист – 411
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953), с 1922 г. генеральный секретарь ЦК РКП(б)–ВКП(б), с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б)/КПСС, одновременно в 1941–1953 гг. пред. СНК/СМ СССР – 99, 100, 108, 110, 113–115, 117, 120, 125, 126, 138, 144, 150–152, 157–164, 166, 173, 175, 177, 178, 184, 187, 189, 190, 213, 225, 227, 242, 245, 247, 250–254, 257, 266, 268, 283, 284, 301, 306–309, 321, 328, 329, 333, 338, 351, 368–372, 375, 392, 394, 398, 445, 449, 466, 508, 584, 639, 640, 646, 725, 726, 731
- Степанов В.И., сотрудник КГБ при СМ ЛатвССР – 477
- Сторожев Юрий Васильевич (1928–1997), в 1974–1983 гг. нач. 9-го упр. КГБ СССР, генерал-лейтенант (28.10.1976) – 437
- Струнин Владимир Сергеевич (1930–2016), в 1965–1967 гг. старший оперуполномоченный 7-го отдела 2-го Гл. упр. КГБ, с 1967 г. зам. нач. отделения 1-го отд. 5-го упр. КГБ, в 1970–1974 гг. нач. 2-го отделения 1-го отдела 5-го упр. КГБ при СМ СССР, с 1984 г. зам. нач. 5-го упр. КГБ СССР, генерал-майор (13.12.1985) – 320, 369, 377, 383
- Ступак Иван Михайлович (1916–2002), в 1965–1971 гг. нач. УКГБ по Тернопольской обл., полковник – 278
- Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), в 1946–1950 гг. нач. Службы «ДР» МГБ СССР, с октября 1950 г. нач. Бюро № 1 МГБ СССР, в марте – мае 1953 г. нач. 9-го отдела и зам. нач. 2-го Гл. упр. МВД СССР, в мае – июне 1953 г. нач. 9-го отдела МВД СССР, генерал-лейтенант (09.07.1945). Арестован 21 августа 1953 г., приговорен ВКВС СССР 12 августа 1958 г. к 15 годам лишения свободы, освобожден в 1968 г. Реабилитирован решением ГВП РФ 10 февраля 1992 г. в нарушение ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. – 286
- Суржанинов Владимир Васильевич (1923–?), в 1968 г. сотр. 1-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, полковник – 337
- Суров Анатолий Алексеевич (1910–1987), в мае 1937 – мае 1939 г. заведующий производственным отделом газеты «Стахановец транспорта» в Ярославле, в мае 1939 – июне 1940 г. ответственный редактор газеты Ярославского обкома комсомола – 226–229

- Суслов Михаил Андреевич (1902–1982), с 1947 г. секретарь ЦК, в 1955–1982 гг. член Президиума/ Политбюро ЦК КПСС – 8, 173, 177, 185, 190, 196, 208–210, 215, 219, 232, 236, 252, 256, 257, 260–262, 269, 270, 280, 288, 333–335, 368, 370, 375–377, 382, 385, 288, 403, 408, 409, 412–414, 420, 422, 443–466, 449, 453, 459, 460, 462, 463, 493, 496, 498, 514, 516, 517, 522, 524, 529–531, 533, 534, 542, 555, 556, 558–560, 562–566, 569, 575, 576, 578, 580, 589, 592, 596, 601, 609, 617, 624, 660, 729
- Тараки Нур Мухаммед (1917–1979), в 1978–1979 гг. пред. Революционного совета и премьер-министр Афганистана. Отстранен от власти 14 сентября 1979 г. и по приказу Х. Амина убит 8 октября 1979 г. – 483–488, 490, 491, 493, 499, 505
- Твардовский Александр Трифонович (1910–1971), поэт, в 1950–1954 и 1958–1970 гг. гл. редактор журнала «Новый мир» – 252–254, 258, 368, 374–376, 383
- Теуш Вениамин Львович (1898–1973), физик, профессор математики в Рязани – 369
- Тешкин Юрий Александрович (1937–2011), писатель, автор художественно-документального романа «Андропов и другие» – 26
- Тито Иосип (1892–1980), генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии – 187, 213, 220
- Титов Виталий Николаевич (1907–1980), в 1962–1965 гг. секретарь ЦК КПСС – 239
- Титова Евгения Савельевна, московская купчиха, в 1912–1913 гг. владелица дома 26 на Большой Лубянке – 32
- Тихонов Николай Александрович (1905–1997), в 1979–1985 гг. член Политбюро ЦК КПСС, в 1980–1985 гг. председатель Совета министров СССР – 466, 494, 496, 498, 529, 542, 550, 578, 592, 601, 608, 611, 625, 633, 642, 645, 669, 711, 715
- Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), с 1918 г. нарком по военным и морским делам, в 1919–1926 гг. член Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б). В 1929 г. выслан из СССР. Убит в Мексике агентами НКВД по приказу Сталина – 90, 91, 639
- Тяжельников Евгений Михайлович (1928–2020), в 1968–1977 гг. первый секретарь ЦК ВЛКСМ, в 1977–1982 гг. зав. отделом пропаганды ЦК КПСС, затем посол СССР в Румынии – 104
- У Тан (1909–1974), в 1962–1971 гг. генеральный секретарь ООН – 342
- Угаров Виктор Александрович, в 1971 г. ст. оперуполномоченный 11-го отдела 2-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, майор – 643
- Умнов Вадим Константинович (род. 1926), в 1968 г. сотр. 1-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, полковник – 337
- Устинов Дмитрий Федорович (1908–1984), в 1965–1976 гг. секретарь ЦК КПСС, с 1976 г. член Политбюро ЦК КПСС и министр обороны СССР, маршал Советского Союза (1976) – 8, 14, 236, 243, 253, 260, 269, 281, 334, 370, 394, 416, 420, 424, 433, 457, 465, 483, 485, 494, 496, 498, 502, 503, 508, 510, 512, 513, 516–518, 520, 522, 527, 529, 533, 559, 561, 562, 565, 592, 608, 611, 642, 648, 675, 676, 678, 686, 688, 696, 698, 702, 704, 706, 708, 715–716
- Устинов Игорь Иванович (1929–1990), в 1977–1982 гг. начальник управления «Н» 2-го Гл. упр. КГБ СССР, с декабря 1982 г. зам. нач. 6-го упр. КГБ СССР, генерал-майор (08.12.1977) – 587, 588
- Ушаков (Ушимирский) Зинovieй Маркович (1895–1940), в 1938 г. пом. нач. 2-го упр. НКВД СССР. Арестован 4 сентября 1938 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 21 января 1940 г. Расстрелян 26 января 1940 г. Не реабилитирован – 31
- Фалин Валентин Михайлович (1926–2018), с 1978 г. зам. зав. отдела международной информации ЦК КПСС – 578, 741
- Федоренко Николай Прокофьевич (1917–2006), академик, директор Центрального экономико-математического института АН СССР – 658
- Федоров Виктор Александрович, отчим Ю.В. Андропова – 18–20, 26, 63–66, 68, 70, 75, 77, 78, 727
- Федорова Валентина Викторовна, дочь В.А. Федорова и Е.К. Федоровой

- (Андроповой), сестра Юрия Андропова – 25–27, 64, 77
- Федорчук Евгений Витальевич, сын В.В. Федорчука – 623
- Федорчук Виталий Васильевич (1918–2008), в мае – декабре 1982 г. пред. КГБ СССР, с декабря 1982 г. министр внутренних дел СССР, генерал-полковник (14.12.1970), генерал армии (17.12.1982) – 347, 423, 424, 569–571, 573, 575, 602, 621–623, 684, 716
- Федяшин Георгий Арсеньевич (1925–2020), в 1968 г. сотр. 1-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, полковник – 337, 347
- Филби Ким (1912–1988), сотр. британской разведки, с 1933 г. работал на советскую разведку, с 1963 г. на жительство в СССР – 430, 431
- Флекенштейн Витос Романович, в 1897–1898 гг. московский предприниматель – 29, 50
- Флекенштейн Вольдемар (Владимир Александрович), возможно, родственник Карла Флекенштейна – 28, 50, 51
- Флекенштейн (Флеккенштейн) Евгения Карловна, см. Андропова (Флекенштейн) Е.К.
- Флекенштейн (Сидон) Евдокия Михайловна (Егоровна) (1860–1939?), жена Карла Флекенштейна, бабушка Юрия Андропова – 22–38, 40–42, 45, 47, 49–54, 60, 63, 66, 90, 103, 727
- Флекенштейн (Меньшова) Екатерина Петровна, жена Вольдемара Флекенштейна – 28, 50, 51
- Флекенштейн (Флеккенштейн) Карл Францевич (Александрович) (1857–1915), владелец часового и ювелирного магазина, дед Юрия Андропова – 10, 22–25, 27–38, 40–42, 45, 47, 49, 52, 54, 60, 62, 67, 727
- Флекенштейн Мария Абрамовна, в 1910 г. акушерка в Москве – 29, 50
- Флекенштейн Мария Карловна, возможно, тетя Юрия Андропова – 29, 50
- Флекенштейн Мария Федоровна, жительница Москвы – 29, 51
- Флекенштейн Франц (1802–?), уроженец Баварии, отец Карла Францевича Флекенштейна – 28
- Флеминг Ян (1908–1964), британский журналист, писатель, автор романов о Джеймсе Бонде – 635
- Фогель Ханс-Йохен (1926–2020), в 1981–1983 гг. глава фракции СДПГ в земельном парламенте Берлина – 679
- Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–1974), в 1956–1960 гг. секретарь ЦК, в 1957–1961 гг. член Президиума ЦК КПСС, с 1960 г. министр культуры СССР – 332
- Хегедюш Андраш (1922–1999), в апреле 1955 – октябре 1956 г. пред. Совета министров Венгрии – 102, 195, 199
- Хиёупек Богуслав (1925–2004), в 1967–1969 гг. зам. министра культуры и образования Чехословакии, член ЦК Компартии Чехословакии – 335, 336
- Ходакова Мария Иосифовна, вышла замуж за Владимира Андропова 7 марта 1964 г. – 470
- Ходжа Энвер (1908–1985), в 1941–1948 гг. руководитель Албанской коммунистической партии; в 1948–1985 гг. первый секретарь ЦК Албанской партии труда – 193, 197, 211, 213–217
- Хонеккер Эрих (1912–1994), с 1971 г. первый секретарь ЦК СЕПГ, с 1989 г. на пенсии, привлекался к уголовной ответственности по делу о нарушении прав человека в ГДР, умер в эмиграции в Чили – 358–360, 525–528, 629, 630, 632
- Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1953–1964 гг. первый секретарь ЦК КПСС. одновременно с 1958 г. председатель СМ СССР – 173–178, 184, 186, 193, 194, 198–200, 203, 206, 210, 211, 213–220, 224–226, 231–234, 236–240, 242–254, 256, 257, 269, 276–277, 302, 328–330, 354, 363, 368, 385, 397, 398, 403, 431, 449, 450, 456, 466, 470, 476, 506, 572, 574, 625, 654, 724–726, 733
- Цвигун (Ермольева) Роза Михайловна (1924–2013), жена С.К. Цвигуна, прозаик, с 1981 г. член Союза писателей – 550, 551
- Цвигун Виолетта Семеновна (1945–2012), дочь С.К. Цвигуна, кандидат медицинских наук (1976), последнее время работала

- в поликлинике № 220 г. Москвы – 543
- Цвигун Михаил Семенович** (1944–2016), дипломат, сын С.К. Цвигуна – 551
- Цвигун Семен Кузьмич** (1917–1982), с 1967 г. первый зам. пред. КГБ при СМ СССР, генерал армии (13.12.1978). Покончил жизнь самоубийством 19 января 1982 г. – 274, 288, 295, 344, 431–433, 438, 439, 442, 443, 455, 542–556, 558, 566, 570, 575
- Цеденбал Юмжагийн** (1916–1991), в 1958–1984 гг. первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии – 236, 248, 258, 259, 611
- Циндель Эмиль Иванович** (1811–1874), предприниматель, основатель Товарищества ситценабивной мануфактуры Э. Цинделя – 43
- Цинев Георгий Карпович** (1907–1996), с 1970 г. зам. пред. КГБ при СМ СССР, в 1982–1985 гг. первый зам. пред. КГБ СССР, генерал армии (13.12.1978) – 274, 288, 295, 303, 304, 343, 344, 347, 433, 438, 439, 443, 455, 544, 554, 570, 571, 650
- Цуканов Георгий Эммануилович** (1919–2001), в октябре 1964 – ноябре 1982 г. помощник первого/генерального секретаря ЦК КПСС, затем консультант при Секретариате ЦК КПСС – 382, 462, 624
- Чазов Евгений Иванович** (1929–2021), в 1967–1986 гг. нач. 4-го гл. управления при Министерстве здравоохранения СССР, с 1982 г. член ЦК КПСС – 263, 302, 399, 400, 457–460, 462, 463, 465, 502, 510, 511, 549–551, 563, 565, 566, 582, 593, 601–608, 612, 621, 706, 708, 709, 715–717, 721, 723
- Чаковский Александр Борисович** (1913–1994), в 1962–1988 гг. гл. редактор «Литературной газеты» – 411, 412
- Чаушеску Николае** (1918–1989), с 1965 г. генеральный секретарь ЦК Румынской компартии, в ходе восстания в Румынии казнен вместе с женой 25 декабря 1989 г. – 264, 332, 627–631
- Чебриков Виктор Михайлович** (1923–1999), с 1968 г. зам. пред КГБ при СМ СССР, курировал работу 5-го упр. КГБ, с 1982 г. первый зам. пред. КГБ СССР, с декабря 1982 г. пред. КГБ СССР, генерал армии (04.11.1983). С 1983 г. кандидат в члены, а с 1985 г. член Политбюро ЦК КПСС, с 1988 г. секретарь ЦК КПСС – 288, 295, 328, 380, 387, 391, 433, 438, 439, 443, 455, 552, 554, 566, 569, 570, 621, 636, 638, 702, 711–716, 721
- Челноков Михаил Васильевич** (1863–1935), в 1914–1917 гг. Московский городской голова. Умер в эмиграции в Сербии – 47
- Червоненко Степан Васильевич** (1915–2003), в 1965–1973 гг. посол в Чехословакии – 331, 344, 347
- Черненко Константин Устинович** (1911–1985), с 1965 г. зав. Общим отд. ЦК КПСС, с 1976 г. секретарь ЦК КПСС, с 1977 г. кандидат, а с 1978 г. член Политбюро ЦК КПСС, с 1984 г. генеральный секретарь ЦК КПСС и пред. ПВС СССР – 8, 266, 303, 422, 424, 427, 435, 453, 460, 471, 494, 496–498, 503, 520, 522, 548, 550, 553, 554, 559, 561–563, 565–567, 569, 575, 584, 589, 592, 593, 596, 598, 601, 605, 607, 608, 611, 612, 616, 617, 619, 623, 641, 642, 644–646, 648, 650, 651, 655, 656, 660, 661, 669, 698, 702, 706, 707, 709, 711, 715–721, 723, 733
- Чернов Павел**, шофер С.К. Цвигуна – 551
- Черняев Анатолий Сергеевич** (1921–2017), в 1970–1986 гг. зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС, с 1986 г. помощник Генерального секретаря ЦК КПСС – 563, 569, 581, 667
- Чжоу-Эньлай** (1898–1976), в 1949–1976 гг. глава правительства КНР – 582
- Чуковский Корней Иванович** (1882–1969), писатель – 228, 375
- Чумаков Николай Александрович** (1917–2004), в 1967–1970 гг. нач. 9-го отд. 2-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, полковник – 407
- Чурбанов Юрий Михайлович** (1936–2013), с ноября 1977 г. заместитель, а в феврале 1980 – ноябре 1984 г. первый заместитель министра внутренних дел СССР, генерал-полковник. Арестован в январе 1987 г., приговорен к 15 годам заключения, лишен воинского звания. Освобожден из заключения в 1993 г. – 555–558, 588, 589

- Чурсина Людмила Алексеевна (род. 1941), актриса, народная артистка СССР – 467
- Чухрай Григорий Наумович (1921–2001), кинорежиссер – 368
- Шабан-Дельмас Жак (1915–2000), в 1978–1981 гг. председатель Национального собрания Франции – 422
- Шадрин Василий Павлович (1934–1988), с 1972 г. нач. 1-го отделения 4-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, с декабря 1974 г. нач. 9-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, с марта 1982 г. зам. нач. 5-го упр. КГБ СССР, генерал-майор (17.12.1984). Скоропостижно скончался 29 апреля 1988 г. – 401, 402, 419, 422, 425, 426
- Шадрин Николас, см. Артамонов Николай Федорович
- Шарапов Виктор Васильевич (1931–2019), с мая 1971 г. консультант группы консультантов при председателе КГБ, с 1979 г. старший консультант там же, с мая 1982 г. помощник секретаря ЦК КПСС, в ноябре 1982 – феврале 1988 г. помощник генерального секретаря ЦК КПСС, генерал-майор (17.04.1980) – 568, 581, 583, 624, 641
- Шауро Василий Филимонович (1912–2007), в 1965–1986 гг. зав. отделом культуры ЦК КПСС – 578
- Шведов Борис Сергеевич (1924–1998), с 1967 г. зам. нач. отделения 1-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, в 1974 г. сотр. группы 1-а 1-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, с мая 1974 г. нач. 9-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, полковник – 401
- Швестка Олдржих (1922–1983), с 1958 г. гл. редактор газеты «Руде право» – 345
- Шебаршин Леонид Владимирович (1935–2012), в 1989–1991 гг. нач. 1-го Гл. упр. КГБ СССР, генерал-лейтенант (16.08.1989) – 505, 508, 734, 735
- Шеберин Елизавета, мать Евдокии Флекенштейн – 27
- Шевченко Аркадий Николаевич (1930–1998), в 1973–1978 гг. зам. генерального секретаря ООН, в апреле 1978 г. принял решение не возвращаться в СССР – 479, 480
- Шевчук Альберт Кузьмич (1935–2012), в 1974 г. сотр. группы 1-а 1-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, с 1974 г. сотр. 9-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, в 1980 г. зам. нач. 1-го отделения, затем нач. 1-го отделения 9-го отд. 5-го упр. КГБ СССР, полковник – 422, 425
- Шеленин Александр Николаевич (1918–1994), в 1958–1961 гг. председатель КГБ при СМ СССР, с 1961 г. секретарь ЦК, в 1964–1975 гг. член Президиума/ Политбюро ЦК КПСС – 213, 216, 218, 232, 239, 250–252, 255, 257–260, 275–281, 335, 352, 372, 389, 413, 427, 451, 459, 545, 729
- Шелест Петр Ефимович (1908–1996), в 1963–1971 гг. первый секретарь ЦК КПУ, в 1964–1973 гг. член Президиума/Политбюро ЦК КПСС – 232, 269, 277, 278, 332, 372, 384, 461, 462, 570, 576, 577, 668, 729
- Шенилов Дмитрий Трофимович (1905–1995), в 1956–1957 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС – 163, 184, 231
- Шеппинг Мария Александровна фон (1859–1935), урожденная княжна Голицына, владелица дома 17 на Пречистенке в Москве, где в 1917 г. располагался магазин Е.М. Флекенштейн – 49
- Шеху Мехмет (1913–1981), в 1954–1981 гг. премьер-министр Албании – 213
- Шикин Иосиф Васильевич (1906–1973), в ноябре 1960 – январе 1963 г. посол в Албании – 213, 216
- Широнин Вячеслав Сергеевич (1939–2001), в 1974 г. сотр. группы 1-а 1-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, с 1974 г. старший оперуполн. 9-го отд. 5-го упр. КГБ при СМ СССР, с 1982 г. старший референт председателя КГБ СССР, с 1984 г. зам. нач. упр. «А» 2-го Гл. упр. КГБ СССР, с 1988 г. зам. нач. 2-го Гл. упр. КГБ СССР, генерал-майор (08.12.1988) – 401, 402, 422
- Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954), в 1927–1934 гг. член коллегии наркомата РКИ СССР, с 1934 г. член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), с 1939 г. зам. председателя Комиссии партийного контроля, с 1952 г. председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС – 157

- Шмелев Евстафий Иванович (1888–1940), член ВКП(б) с 1924 г., с февраля 1934 г. электромонтер, а с 1936 г. секретарь парткома судоверфи им. Володарского в Рыбинске – 20, 104, 105
- Шмидт Гельмут (1918–2015), в 1974–1982 гг. канцлер ФРГ – 359, 361, 362, 674, 675, 704
- Штраус Франц Йозеф (1915–1988), в 1961–1988 гг. председатель Христианско-социального союза в Баварии – 358
- Штроугал Любомир (1924–2023), в 1961–1965 гг. министр внутренних дел Чехословакии, с 1965 г. секретарь ЦК Компартии Чехословакии – 245
- Шукейри Ахмед (1908–1980), в 1964–1967 гг. председатель Организации освобождения Палестины – 428
- Шульц Джордж (1920–2021), в 1982–1989 гг. государственный секретарь США – 627, 677
- Щелоков Игорь Николаевич (1946–2022), сын Н.А. Щелокова, окончил МГИМО, был на дипломатической работе, позднее избран освобожденным секретарем комитета комсомола МГИМО, после чего в аппарате ЦК ВЛКСМ – ответственный организатор, зам. зав., зав. отделом ЦК ВЛКСМ по связям с братскими союзами молодежи, кандидат в члены бюро ЦК ВЛКСМ, на пленуме 8 июля 1983 г. освобожден от должности кандидата в члены бюро ЦК ВЛКСМ – 648, 649
- Щелоков Николай Анисимович (1910–1984), с 1966 г. министр охраны общественного порядка СССР, в 1968–1982 гг. министр внутренних дел СССР, генерал армии (10.09.1976), лишен звания (06.11.1984). Покончил жизнь самоубийством – 13, 227, 382, 451–453, 540, 557, 558, 585, 587–589, 605, 621, 648–650, 652, 654
- Щелокова Светлана Владимировна (1927–1983), жена Н.А. Щелокова, 19 февраля 1983 г. покончила с собой – 648, 649, 652
- Щербак Федор Алексеевич (1918–1998), в 1970–1982 гг. первый зам. нач. 2-го Гл. упр. КГБ, с 1982 г. нач. 6-го упр. КГБ СССР, генерал-лейтенант (15.12.1972) – 414, 480
- Щербицкий Владимир Васильевич (1918–1990), в 1971–1989 гг. член Политбюро ЦК КПСС, в 1972–1989 гг. первый секретарь ЦК КПУ – 496, 498, 592, 602, 603, 609, 622
- Энгельс Фридрих (1820–1895), философ, публицист, один из руководителей I Интернационала. В соавторстве с Карлом Марксом подготовил политическую доктрину «Манифест коммунистической партии» – 224
- Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999), филолог, историк литературы – 138
- Юсунов Феликс Феликсович (граф Сумароков-Эльстон) (1856–1928), князь. В 1915 г. главный начальник Московского военного округа и главноначальствующий над городом Москвой – 43, 45, 47
- Якир Петр Ионович (1923–1982), историк, участник правозащитного движения, в 1973 г. приговорен к 3 годам заключения и 3 годам ссылки, в сентябре 1973 г. Верховный суд РСФСР снизил срок лишения свободы до отбытого, оставив ссылку. Находился в ссылке в Рязани и в 1974 г. получил разрешение вернуться в Москву – 306–308, 384–386, 401, 410
- Яковлев Александр Николаевич (1923–2005), с 1986 г. секретарь ЦК КПСС, в 1987–1990 гг. член Политбюро ЦК КПСС – 343, 344, 347, 731
- Яковлев Николай Николаевич (1927–1996), советский историк, публицист – 394, 395, 425, 511
- Ярузельский Войцех (1923–2014), в 1968–1983 гг. министр национальной обороны ПНР, с 1981 г. первый секретарь ЦК ПОРП и премьер-министр ПНР, с 1990 г. в отставке, привлекался к уголовной ответственности по делу о введении военного положения – 14, 518–524, 526–535, 611

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Биографическая хроника	10
<i>Глава первая</i>	16
А было ли детство?	16
Сага о Флекенштейнах	27
«Как провожают пароходы...»	72
Комсомольский секретарь	82
«Долго будет Карелия сниться...»	112
Позывной – «Могикан»	131
«Карельский вопрос»	143
Крепкий партиец	146
На краю бездны	158
<i>Глава вторая</i>	166
Инспектор ЦК	166
1953 год	173
Дипломат	177
Венгрия, 1956 год	184
Секретарь ЦК	219
<i>Глава третья</i>	266
Председатель КГБ	266
«Пятка»	290
Чехословакия, 1968 год	328
Тайный канал	349
«Паук» и «Аскет»	367
На острие	427
Юбилар	431
Мечты о партии	443
Признаки грядущего обвала	470
Афганистан и польский кризис	482
<i>Глава четвертая</i>	536
Судьбоносный 1982 год	541
Наследие Суслова	559

На Старой площади	575
Уход Кириленко.	589
Смерть Брежнева	601
Генеральный секретарь	612
На вершине, 1983 год	640
Болезнь и смерть	705
Заключение.....	724
Указатель имен.....	744

Научно-популярное издание

Страницы советской и российской истории

Петров Никита Васильевич

Время Андропова

Ведущий редактор *Е.Д. Щепалова*
Верстка *Т.Т. Богданова*
Корректор *Т.Я. Кокорева*
Подбор иллюстраций *А.С. Кочетова*

Подписано в печать 13.06.2023
Формат 70×100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 48
Тираж 1000 экз. Заказ 5291.

Издательство «Политическая энциклопедия»
127254, Москва, Огородный проезд, д. 14
Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79
Тел.: 8 (499) 685-15-75

СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

Эта книга о Юрии Владимировиче Андропове — самом известном председателе КГБ. Пятнадцать лет он руководил грозным ведомством на Лубянке и лишь пятнадцать месяцев стоял во главе страны. Оставленный им в истории след до сих пор вызывает жаркие споры. Андропов — самый загадочный руководитель СССР. Воображение будоражит все — от не раскрытой тайны его происхождения до так и не обозначенных внятно его замыслов на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Зачем пришел и чего хотел — это главный вопрос. В книге сделана попытка раскрыть тайну рождения, детства и отрочества Юрия Владимировича и описать его короткое и драматичное пребывание на вершине власти. Не обойден вниманием и период его работы в госбезопасности. В основе книги — многочисленные, ранее неизвестные документы, включая и материалы архива КГБ.

